АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И.ГУЛИА

Г. Д. ГУМБА

НАХИ: ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ (I ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э.)

Абгосиздат
Сухум 2016

УДК 394
ББК 63.521 (= 603.1) – 3
Г 94

Утверждена к печати Ученым советом Абхазского института
гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор, академик АНА
Т. А. Ачугба

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор, академик АН ЧР
Я. З. Ахмадов,
кандидат исторических наук
И. И. Цвинария

Гумба, Г. Д.
Г 94 Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.).
/ Г. Д Гумба; науч. ред. Т. А. Ачугба; рец. Я. З. Ахмадов, И.И. Цвинария; АНА, АбИГИ им. Д. И. Гулиа. Абгосиздат. Сухум, 2016. – 544 с.
Г/Р 978–5-122–07-03016

Монография посвящена комплексному исследованию вопросов древней истории нахов – чеченцев, ингушей и цова-тушин (бацбийцев) – на основе сопоставительного анализа сведений письменных (греко-латинских, древнеармянских, древнегрузинских и др.) источников, с привлечением археологических материалов, данных топонимики, лингвистики, антропологии и фольклора, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Комплексным подходом к решению поставленных задач обусловлено применение в работе сравнительно-исторического и историко-картографического методов исследования. Автором ставилась также задача составления первичного свода имеющегося материала, который в определенной степени мог бы оказать помощь в дальнейшем исследовании затронутых проблем и вопросами этногенеза нахов. Проблемы этнокультурной истории ингушей и чеченцев в I тысячелетии до н.э. рассматриваются в книге во взаимосвязи с историей других кавказских народов и древних цивилизаций.

Книга рассчитана на специалистов, студентов и широкий круг читателей.

© Гумба, Г. Д., 2016
© Академия наук Абхазии,
Абхазский институт гуманитарных
исследований им. Д. И. Гулиа, 2016
© Абгосиздат, 2016

ABKHAZIAN ACADEMY OF SCIENCES
ABKHAZIAN INSTITUTE FOR RESEARCH IN THE HUMANITIES
NAMED AFTER D.I. GULIA

G.D. GUMBA

NAKHI: QUESTIONS OF ETHNOCULTURAL HISTORY (I MILLENNIUM B.C.)

Sukhum 2016

Approved for publication by the Scientific Council of the Abkhaz Institute of Humanitarian Researches after D.I.Gulia of the Abkhaz Academy of Sciences

Scientific Editor:
Doctor of Historical Sciences, professor, academician of the Abkhaz Academy of Sciences
T.A.Achugba

Reviewers:
Doctor of Historical Sciences, professor, academician of the Chechen Academy of Sciences
I.Z.Akhmadov,
PHD in Historical Sciences
I.I.Tsvinaria

Gumba G.D.
The Nakh people: issues related to ethno cultural history (I millennium BC). – Sukhum, 2016. – 544 p.

The monograph is devoted to the complex research of questions and issues of ancient history of the Nakh people – The Chechens, the Ingush people and the Tsova-Tushinsas (the Batsbi) on the basis of the comparative analysis of the written records and sources of information (Greek Latin, ancient Armenian, ancient Georgian, etc) with the involvement of archaeological materials, toponimy and antropology data,linguistics and folklore, the considerable part of which is scientifically explored for the first time. The integrated approach is determined by comparative historical and historical cartographic methods of the research. The author also aims at making primary processing of the existing material, which could to a certain extent further contribute to the exploration of the issues raised with regards to ethnogenesis of the Nakhs. Issues of ethno cultural history of the Ingush and Chechens in the I millennium BC are considered in the research in relation with the history of other Caucasian peoples and ancient civilizations.

The book is designed for professionals and students, as well as for a wide range of readers.

АҨСНЫ АҬҬААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
Д. И. ГӘЛИА ИХЬЗ ЗХУ АҨСУАҬҬААРАТӘ ИНСТИТУТ

Г. Д. ГУМБА

НАХАА: АЕТНО-КУЛЬТУРАТӘ ҪОУРЫХ АЗҬААРҚӘА (І АЗҚЬЫШЫҚӘСА Ҳ.Ҟ.)

Аҟәа 2016

Аҟьыцхьразы ишьақәырҭәҭәоуп Аҧснытәи АР иатәу
Д. И. Гәлиа ихьз зху Аҧсуаҭцааратә институт
Аҧарауаа рхеилак аҟны

Аҭцаарадырратә редактор
Аҧснытәи АА академик, аҭоурыхтә
ҭцаарадыррақәа рдоктор,
апрофессор **Ачыгәба Т. А.**

Арецензентцәа:
ЧРАА академик, аҭоурыхтә
аҭцаарадыррақәа рдоктор,
апрофессор **Ахмадов И. З.,**
аҭоурыхтә ҭцаарадыррақәа ркандидат
Аҧнариа И. И.

Гәымба Г. Д.
Нахаа: Аетно-культуратә ҭоурых азцаарақәа (I азқьышықәса ҳ. k.). – Аҟәа, 2016. – 544 д.

Амонографиа азкуп анахцәа – ачеченцәа, аингушцәа, ацова-тушинцәа (абацбиццәа) ижәытәзоу рҭоурых комплексла аҭцаара аҩыратә хыцхырҭақәа (абырзен-латынтә, ажәытәтәи аермантә, ақырҭуатә иара уб. егь.) еиҿырцшны анализ аҟацара ашьаҭала, археологиатә материалқәа, атопонимикатә, алингвистикатә, антропологиатә, афольклортә дыррақәа рхархәарала; урҭ ргъырак рацхьаза акәны аҭцаарадырра иалагалоуп. Иқәгылоу азцаарақәа рҭак аҟацара комплексла рызнеира ҭацгәыс иамоу аусумҭаҿы аҭоурых-еиҿырцшратә, акартографиа-аҭоурыхтә ҭцаарадырратә методқәа ахархәара ахьрыҭоу ауп. Автор, иара убас, иҿацхьа иҳасабтәны иқәиргылеит анахцәа ретногенез азцаарақәеи, ишьтихыз апроблемақәақәеи цхьаҟа ицегьы рыҭцаараҿы акырза ихәартахарц зылшоз аматериалқәа зегьы реизакра. Ашәкәаҿы аингушцәеи ачеченцәеи I азқьышықәса ҳ. k. ретно-культуратә ҭоурых апроблемақәа рыҭцаара мҩацгоуп егьырҭ кавказтәи ажәларқәеи, ижәытәзатәиу ацивилизациақәеи рҭоурыхмҩа иадҳәаланы.

Ашәкәы рхы иадырхәарц рылшоит аҭоурыхҭцаамҩцәа, астудентцәа, иара убас егьырҭ апхьаҩцәагьы.

Введение

Древняя история и культура нахов, или вайнахов, – чеченцев, ингушей и цова-тушин (бацбийцев), представляет собой важнейшую созидательную часть истории народов Кавказа, а также часть всемирной истории и всемирной культурной общности и является одной из самых перспективных и увлекательных тем современного кавказоведения [1]. Разработка вопросов древней истории нахов, с одной стороны, имеет исключительное значение как самостоятельная тема, отвечающая актуальным задачам исследования древней истории собственно нахских народов, а с другой стороны, является необходимым этапом изучения длительного и сложного процесса формирования других народов Кавказа, населяющих сегодня этот не столь обширный, но разнообразный в природном и этнокультурном отношении регион.

Нахский язык – один из древнейших языков мира. Вместе с абхазским, адыгским и дагестанскими языками он образует единую кавказскую (или т.н. северокавказскую) языковую семью. Абхазов, адыгов, нахов и дагестанцев объединяют общее происхождение, генеалогическое родство языков, близость материальной и духовной культуры. Современный уровень научных знаний не оставляет сомнений относительно исконности и автохтонности на Кавказе народов кавказской языковой семьи. Антропология, археология, этнография и лингвистика предоставляют ученым все новые и новые материалы, указывающие на глубинные связи носителей кавказских языков с местной культурно-исторической традицией, уходящей корнями в эпоху бронзы и даже камня.

Древняя история нахов неразрывными и неопровержимыми узами связана также с древними цивилизациями Передней Азии и Восточной Европы. Не будет преувеличением сказать, что нахи были не только свидетелями, но и активными соучастниками становления и развития многих древних цивилизаций, поэтому сегодня они представляют собой важнейшее звено для изучения возникновения и путей развития этих цивилизаций.

Однако, при всей своей очевидной актуальности и несмотря на значительно возросший в последнее время интерес к древней истории нахов, подлинно научная история этого крупнейшего этнического массива Кавказа все еще не получила должного освещения. Недостаточность и фрагментарность знаний о прошлом чеченцев и ингушей, ощутимая практически в любом историческом периоде, более всего наглядна, когда речь заходит о древних этапах развития этих народов. Одна из причин – малочисленность соответствующих источников и трудность их интерпретации. К тому же следует заметить, что даже имеющиеся источники до

[1] Настоящая работа является продолжением исследований, начатых автором в 80-х гг. прошлого столетия, прерванных в связи с военными конфликтами на Кавказе после распада СССР.

сих пор не проанализированы и не осмыслены в достаточной мере с точки зрения истории нахских народов[2].

В данной монографии не ставится задача полного освещения чрезвычайно интересных и важных вопросов этнокультурной истории древних вайнахов. Она посвящена выявлению и введению в научный оборот (на основе детального и сводного анализа сведений письменных источников) племенных названий, которые следует связывать с нахским этническим миром, определению территории расселения нахских племен в древности, а также рассмотрению, насколько это позволяет современная источниковедческая база, вопросов этнокультурной и политической истории нахов в I тыс. до н.э.

Поскольку настоящий труд не является курсом истории нахов, а представляет собой, прежде всего, исследование вопросов этнической и культурной истории, поэтому в нем не всегда удается обеспечить равномерность изложения исторического процесса и строгое соблюдение хронологии. По причине неизученности древней истории чеченцев и ингушей некоторым вопросам, требовавшим специального разбора и рассмотрения, было уделено больше места и внимания, и это привело к отступлению от основной линии изложения и выходу за рамки I тыс. до н.э., что отразилось в структуре книги.

Освещение вопросов ранних этапов истории нахских народов было бы, конечно, неполным без учета переднеазиатских связей нахов и привлечения хурритоурартских материалов. Попытка выявления происхождения отдельных нахских племенных групп привела автора к необходимости рассмотрения нахско-переднеазиатских или, точнее, нахско-хуррито-урартских этнокультурных связей и их конкретизации на фоне общей этноязыковой ситуации Кавказа и Передней Азии. При этом, разумеется, следует оговориться: несмотря на все более отчетливо выявляющееся близкое этноязыковое родство нахов и хуррито-урартов, вряд ли было бы правомерно рассматривать нахские народы как едва ли не прямых потомков хуррито-урартов и проводить прямую связь между ними и населением Урартского царства, как это иногда представляется в литературе.

В эпоху Урартской державы, да и во времена более ранних хурритских государств, существовавших в Передней Азии во II тыс. до н.э., нахские племена Кавказа, не-

[2] Другой и, возможно, более веской причиной следует считать существовавший в советский период негласный запрет на изучение древней истории чеченцев и ингушей. Трудно не согласиться с С.-Х. Нунуевым, который считает, что вопросы происхождения и ранних этапов истории вайнахов были на особом, тщательном контроле спецслужб тоталитарной системы (Нунуев С.-Х. Нахи, пророки, судьба. М., 1996. С. 238). В 1985 г., находясь в научной командировке в г. Грозном, автор настоящей работы сам непосредственно столкнулся с этой проблемой. Некоторые «ученые» Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР настоятельно пытались убедить его отказаться от темы диссертационной работы («Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу»), доказывая якобы научную бесперспективность, неактуальность и политическую нецелесообразность данной темы, что, кстати, еще больше усилило его интерес к древностям нахов.

сомненно, уже обладали языковой и этнической индивидуальностью. Данный факт, безусловно, вовсе не исключает непосредственных, близких и многосторонних контактов нахских племен с хуррито-урартскими племенами, взаимопроникновения и взаимовлияния этих племен, что подтверждается все новыми и новыми материалами.

В монографии предпринята попытка комплексного исследования вопросов древней истории чеченцев, ингушей и цова-тушин (бацбийцев) на основе сопоставительного анализа сведений письменных (греко-латинских, древнеармянских, древнегрузинских и др.) источников, с привлечением археологических материалов, данных топонимики, лингвистики, антропологии и фольклора. Комплексным подходом к решению поставленных задач обусловлено применение в работе сравнительно-исторического и историко-картографического методов исследования. Автором ставилась также задача составления первичного свода имеющегося материала, который, конечно, отнюдь не претендует на исчерпывающую полноту, но все же в некоторой степени мог бы оказать помощь в дальнейшем исследовании затронутых проблем и вопросами этногенеза нахов.

Характер данного исследования таков, что разбор и критический анализ сведений первоисточников и содержащихся в научной литературе точек зрения оказывается возможным лишь в ходе изложения основной части работы. Здесь же следует отметить, что при изучении древней истории нахов исследователю приходится сталкиваться с труднопреодолимой проблемой – отсутствием у нахов собственных письменных источников. При этом имеющиеся иноязычные письменные источники исключительно скудны и односторонни, а порой и весьма тенденциозны, что значительно усложняет реконструкцию древней истории нахов и дает широкий простор для гипотетических построений. Разумеется, и в настоящей работе присутствуют гипотезы и догадки, хотя автор стремился строить свои предположения строго на основании объективных данных.

При исследовании ранних этапов истории любого народа и вопросов его этногенеза невозможно ограничиться рамками современных политико-административных границ проживания этого народа. Изменения этнических территорий тех или иных этнических групп (расширение и сужение области проживания, переселение в новые места) происходили на протяжении всей истории человечества. Истории известны многочисленные перемещения населения, явившиеся следствием различных причин, из-за которых менялся этнический и культурный облик стран и регионов. Под их воздействием во многом сформировался тот мир, в котором мы сегодня живем, и будет формироваться также будущий его облик. Поэтому древняя история нахов, разумеется, не может быть ограничена политико-административными границами современных Чеченской и Ингушской республик, поскольку это означало бы отрицание истории как науки.

Нуждается в пояснении и географическая терминология, используемая в данном исследовании, что связано с определением понятий *Северный Кавказ, Предкавказье, Центральный Кавказ* и их соотношения между собой. В научной литературе территория Северного Кавказа делится на две основные зоны – Большой Кавказ и Предкавказье. Граница между ними проходит по северным отрогам Главного Кавказского хребта. Естественной северной границей Предкавказья служит Кумо-Ма-

нычская впадина. Основная территория Предкавказья представлена равнинными зонами (*предкавказская степь*)[3], но в то же время термин *Предкавказье* в научной литературе применяется и по отношению к предгорным районам Северного Кавказа.

В настоящей работе понятие *Северный Кавказ* будет использоваться для обозначения районов гор, предгорий и равнин (*предкавказская степь*) к северу от Главного Кавказского хребта. Несмотря на то, что при такой трактовке понятий *Северный Кавказ и Предкавказье* обозначаемые этими понятиями территории имеют некоторые районы наложения, именно эта терминология позволяет описать культурно-исторические процессы, проходившие в регионе в рассматриваемую эпоху, поскольку горные, предгорные и равнинные зоны Северного Кавказа, отягощенные степным влиянием, в этнокультурном отношении составляли тогда единое целое.

Понятие *Центральный Кавказ* используется для обозначения территории, простирающейся на севере до Кумо-Манычской впадины. Западными пределами региона являются срединное течение Кубани и ее западные притоки – р. Уруп, Большой и Малый Зеленчук. Восточная граница установлена по линии Андийский хребет – р. Аксай – нижнее течение р. Терек. Южные границы Центрального Кавказа охватывают южные склоны Главного Кавказского хребта от верховьев Ингура до верховья Алазани (более точные пределы Центрального Кавказа к югу от Главного Кавказа см. ниже)

Требует уточнения и значение термина *нах*, поскольку в последнее время в литературе при его употреблении происходит определенная путаница. Так, термин *нах* некоторые используют для обозначения лишь древнеингушских, а другие – лишь древнечеченских племен, что совершенно не оправдано и не может быть принято. Слово *нах*, означающее на нахских языках *люди, племя, народ*, является общим для ингушей и чеченцев. Его появление относится к древнейшему периоду, а процесс выделения из общенахской общности и формирования двух нахских народов – чеченского и ингушского, начался в позднесредневековый период[4]. Поэтому термин *нах* в книге употребляется для обозначения общих предков ингушей и чеченцев. Соответственно, когда речь идет о древней истории нахов, или вайнахов, естественно, имеется ввиду общая история древнечеченских и древнеингушских племен.

Предлагаемая работа не претендует на полноту охвата проблем древней истории нахов. Автор отдает себе полный отчет в том, что на многие обстоятельства ранних этапов развития нахских народов можно взглянуть иначе, чем это сделал он. Автор осознает дискуссионность и гипотетичность отдельных положений книги, которые в ходе дальнейшего накопления материалов могут быть уточнены. Тем не менее автор будет считать свою работу выполненной, если она внесет хотя бы малую лепту в изучение древней истории нахов и станет песчинкой в фундаменте становления объективного научного наховедения.

В заключении хочется принести глубокую благодарность Беслану Саварбековичу Шадыжеву за помощь в подготовке настоящей книги к публикации.

[3] Гвоздецкий Н.А. Физическая география Кавказа. Ч. 1–2. М., 1958. С. 117–119.

[4] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в.. М., 2001. С. 247–248.

Глава I

НАХИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА (I ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н. Э.)

1. Нахские племена по «Ашхарацуйцу»

«Ашхарацуйц», условно именуемый в научной литературе «Армянская география VII в.» (далее «Ашхарацуйц»), представляет собой исключительной важности исторический источник, содержащий уникальные данные по исторической географии древних Армении, Грузии, Кавказской Албании, Колхиды, Абхазии и Северного Кавказа[1]. В «Ашхарацуйце» обнаруживается поразительно точное знание древней этнической и политической карты Кавказа, благодаря чему данный документ приковывает внимание множества исследователей, и без ссылок на него не обходится ни одно серьезное научное изыскание, касающееся ранних этапов истории народов Кавказа. Автор этого замечательного труда, по всей видимости, лично побывал в сопредельных с Арменией северных странах – Колхиде, Грузии и Албании, и там из достоверных источников собрал информацию об этногеографии всего Кавказа[2]. Однако, несмотря на достаточно обширную литературу, посвященную источниковедческому анализу «Ашхарацуйца», в настоящее время остается еще немало вопросов, на которые по-прежнему нет ответа.

Так, до конца еще не разрешены сомнения, связанные с авторством и датировкой «Ашхарацуйца». Тем не менее сегодня можно с определенной долей уверенности сказать, что данный документ содержит описания Армении и Кавказа, относящиеся к различным временным отрезкам. Последние разделены учеными (С.Т. Еремян, А.А. Абраамян, Б.А. Арутюнян) на три пласта: первый (основывается главным образом на географических и картографических работах античных авторов) – вторая половина I тысячелетия до н. э.; второй – конец IV–V в. н. э.; третий – рубеж VI–VII вв. н. э. (период, современный Анании Ширакаци, который исследуемое нами сочинение отредактировал и дополнил

[1] До наших дней дошло около 60 рукописей «Ашхарацуйца», текст сохранился в двух вариантах – кратком и пространном. В работе проведен сравнительный анализ всех известных в настоящее время рукописей «Ашхарацуйца», хранящихся в Институте древних рукописей Матенадаран им. Месропа Маштоца (г. Ереван), в книгохранилищах Мхитаристов, расположенных на острове Св. Лазаря (Венеция), и в Вене. Использованы также имеющиеся издания «Ашхарацуйца», перечень которых содержится в списке литературы.

[2] Абраамян А.Г. Научные труды армянского ученого VII в. Анания Ширакаци Ереван, 1944, на арм. яз. С. 158.

новыми данными)[3]. В «Ашхарацуйц» вошли сведения, почерпнутые из работ античных авторов (Марин Тирский, Птолемей, Пап Александрийский и др.), а также взятые из полностью утраченных персидских трудов по географии[4]. Помимо информации, содержащейся также в других, разноязычных, письменных источниках, в «Ашхарацуйце», без всякого сомнения, представлены результаты личного опыта армянского географа – описание этнономенклатуры Кавказа. Все эти разнообразные данные, отражающие различные исторические периоды, смешаны и сведены в единое целое переписчиками последующих эпох.

Следует также учитывать, что до нас дошли лишь копии «Ашхарацуйца», а не сам оригинал, и они в свою очередь были подвергнуты значительным искажениям и сокращениям. Источниковедческий анализ показывает, что переписчики по своему усмотрению вставляли в текст новые фрагменты, а отрывки, казавшиеся им сложными, сокращали; многие древние этнонимы и географические названия видоизменялись в попытке привести их в соответствие с новым звучанием, а также сделать более доступными для понимания современников. Наложение текстовых пластов, отражающих разные исторические эпохи, является одной из причин, затрудняющих интерпретацию данных «Ашхарацуйца». Особенно это касается интересующего нас раздела – «Азиатская Сарматия».

Изложенные в этом разделе «Ашхарацуйца» сведения о племенах и народах Кавказа стали объектом всестороннего изучения многих кавказоведов. Благодаря исследованиям К.П. Патканова, Й. Маркварта, И.А. Джавахишвили, С.Т. Еремяна, Б.А. Арутюняна, Р.Х. Хьюссена, А.В. Гадло, Ю.С. Гаглоева, В.А. Кузнецова, К. Цукермана, Шагиняна А.К. и др. была выявлена высокая научная ценность и уникальность содержащегося в древнеармянском источнике материала по исторической географии Кавказа, были определены и уточнены места расселения многих племен и народов Кавказа[5]. Однако, к сожалению, вопросы локализации

[3] Несмотря на то, что подавляющее большинство дошедших до нас рукописей имеют заголовок «Ашхарцуйц Мовсеса Хоренаци», многие исследователи относили источник к VII в. н.э., а авторство приписывали Ананию Ширакаци, однако Б.А. Арутюнян убедительно доказал принадлежность данного труда к V в. и авторство Мовсеса Хоренаци (Арутюнян Б.А. «Ашхарацуйц» и проблема четырех Армений. Ереван, 1997. Часть I. На арм. яз. С. 20–35; Его же: Система административно-территориального деления царства Великой Армении по «Ашхарацуйцу» Ереван, 2001. На арм. яз. С 5–42; Его же: Атлас истории Армении. Ч. 1. Ереван, 2004. С 42–43 и карта: Армения по «Ашхарацуйцу» (на арм. яз.)

[4] Markwart J. A Catalog of the provincial Capitals of Eranschahr // Analecta orientalia. Roma, 1931. 76; Еремян С.Т. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии VII в.» // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Москва (3–10 авг. 1964). М., 1970. Т. 8. С. 400.

[5] Патканов К.П. Мойсей Хоренский. Армянская география VII в. по Р.Х. Спб., 1877. С. 5–12; Marquart J. Eransahr nach der Geographie des Ps Moses Horenaci. Berlin, 1901. 169–172; Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей поры. ВДИ, 1939. № 4; Еремян С.Т. Расселение горских народов Кавказа…; Его же. Армения по «Ашхарацуйцу» Ереван, 1963, на арм. яз.; Его же: Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца» (на арм. яз). Ереван,

и этнической принадлежности большинства племен и народов, упоминаемых в разделе «Азиатская (Кавказская) Сарматия», до сих пор почти не разработаны и все еще остаются предметом оживленных дискуссий.

При этом, к сожалению, приходится констатировать тот факт, что в научной литературе часто наблюдается произвольное толкование тех или иных данных «Ашхарацуйца», порой не имеющее ничего общего с информацией, содержащейся в самом источнике[6]. Возможно, это вызвано тем, что ученые, не владеющие армянским языком, пользуются отдельными списками «Ашхарацуйца», опубликованными на русском, французском и немецком языках, в которых присутствуют серьезные расхождения с источником: во многих списках изменен порядок изложения тех или иных абзацев, а в некоторых абзацы и вовсе смешаны[7]. Кроме того, исследователи часто используют содержащиеся в «Ашхарацуйце» сведения о племенах и народах Азиатской Сарматии выборочно, вне общего контекста данного раздела, который, как мы увидим ниже, насыщен сложной и многоплановой информацией, отражающей этническую и политическую карту Северного Кавказа различных эпох. Все это, естественно, не могло не привести исследователей к противоречивым выводам.

Поэтому материал, содержащийся в «Ашхарацуйце», впрочем, как и в любом другом древнем документе, безусловно, требует детального сопоставительного анализа, причем сравнение должно быть проведено как между сохранившимися списками «Ашхарацуйца», так и между «Ашхарацуйцем» и другими источниками. Это необходимо для уточнения правильности передачи в тексте документа тех или иных этнонимов, а также для определения хронологических рамок их бытования. В большей степени это относится к разделу «Азиатская Сарматия», в котором многие древние названия кавказских племен и народов впервые были зафиксированы письменно, благодаря чему сохранились до наших дней.

1973, ИФЖ. № 3. С. 261–274; Его же. Великая Армения по «Ашхарацуйцу» (Ереван, 1980, карта, на арм. яз.; Hewsen R.H. The Geography of Ananias of Sirak (Asxaracoiz). The Long and the Short Recensions. Introduction, Translation and Commentary by Robert H.Hewsen. Wiesbaden, 1992; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа (IV–X вв). Л.,1979; Гаглоев Ю.С. Сведения «Армянской географии» VII в. об аланах. Известия СОНИИ. Т. 25. Орджоникидзе,1966; Кузнецов В.А. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) // Древности Северного Кавказа. М, 1999; Цукерман К. Аланы и асы в раннем средневековье // КСИА, 2005. Вып. 218; Шагинян А. К. Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа. СПб. 2014.

[6] Намеренно не останавливаюсь на детальном критическом анализе существующих в научной литературе точек зрения на проблему локализации и этнического происхождения перечисленных в разделе «Азиатская Сарматия» племен (возврат к нему будет по мере необходимости в соответствующих местах данной работы). К тому же такой анализ проделан в работе В.А. Кузнецова (Аланы и асы на Кавказе. С. 174–176, там же см. сводку литературы); см. также: Гумба Г.Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу» // Вестник Академии наук Абхазии. Сухум, 2007. № 2.

[7] Абраамян А.Г. Научные труды Анания Ширакаци. С. 49–50; Анания Ширакаци. Избранные труды. Перевод, предисловие и комментарии А.Г. Абраамян, Г.Б. Петросян. Ереван, 1979. С. 20.

Конечно, судить о языке племени (народа) и о принадлежности этого народа к тому или иному этносу только на основании информации, содержащейся в этнониме, который сохранился лишь в «Ашхарацуйце», весьма сложно и рискованно. К тому же проблема идентификации древних этнонимов, приведенных в армянском источнике, дополнительно осложняется существующей до сих пор путаницей в этнических наименованиях кавказских народов, из-за которой один и тот же народ может называться даже его ближайшими соседями совершенно по-разному (на это в своем время обращал внимание еще Н.Я. Марр). Тем не менее информация, заложенная в этнониме, может оказаться достаточно существенной, если достоверно известно, что данный этноним является самоназванием или иноназванием, и если достаточно хорошо выявлены обстоятельства его возникновения. Однако, как справедливо замечают специалисты, древние этнонимы имеют сложное происхождение, поэтому понять характер того или иного названия, фигурирующего в тексте источника, из самого источника чаще всего невозможно. Речь идет, прежде всего, о различии между самоназваниями и иноназваниями: только первые определенно указывают на самостоятельные народы, обладающие самосознанием и противопоставляющие себя иным народам; вторые же могут обозначать как подлинные этносы, так и общности, конструируемые по какому-либо признаку (или признакам) сознанием инокультурных наблюдателей и, возможно, лишь ими воспринимаемые как этнические[8]. В то же время, если этноним фиксируется на территории, где мы видим компактную, повторяющуюся ономастику, образованную сходственными характерными чертами, если он имеет надежное объяснение в той или иной языковой среде (суффиксы, окончания и т.д.) и получает подтверждение данными других смежных наук, то, безусловно, появляется больше шансов с большей или меньшей определенностью говорить об этнической принадлежности его носителей.

Так, исследователями убедительно доказано бесспорное нахское происхождение этнонима *нахчаматеанк* (Նախճամատեանք), упомянутого древнеармянским географом в перечне племен, обитавших в Азиатской Сарматии[9]. По единодушному мнению ученых, этноним *нахчаматеанк* состоит

[8] Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // «Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности». М., 1981. С. 91; Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986. С. 28–29; Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. С. 45–46.

[9] См.: Патканов К.П. Моисей Хоренский... С. 15; Дирр А.М. Современные названия кавказских племен. // СМОМПК, вып. 40, Тифлис, 1909. С. 67; Марр Н.Я. Кавказские племенные названия и их местные параллели. Труды комиссии по изучению племенного состава населения России. Петроград, 1922. С. 44; Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы Грузии… С. 35; Еремян С.Т. Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца»… С. 265; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 139; Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и развития горских кавказских народов. М., 1963. С. 25–27; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 169; Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и разме-

из двух компонентов – *нахча* и *мат*, с прибавлением свойственного древнеармянскому языку окончания множественного числа *еанк*. Нахча представляет собой самоназвание нахского народа чеченцев *нахчуо//нохчуо*, причем в «Ашхарацуйце» отражена его первоначальная форма – *нахча (нахчуо)*[10]. Что же касается компонента *мат,* то из-за того, что это слово в нахских языках имеет широкое распространение и употребляется в различных значениях (*язык, земля, страна, место, племя, народ*), в литературе существуют некоторые разногласия по поводу его значения в приведенном выше термине. К.П. Патканов, Я.С. Вагапов и др. переводят слово *мат* как *земля*, *страна* (*страна нахчоев* или *место (поселения) нахчоев)*[11]. Согласно К.М. Туманову, И.Д. Джавахишвили, Ю.Д. Дешериеву и др., слово *мат* происходит от общенахского исконного слова *язык* (чеч., инг. *мотт (муотт)*, бацб. *мотт*), и термин *нахчаматеанк* (здесь и далее *к* – показатель множественного числа в армянском языке) означает *те, которые говорят на чеченском языке*[12].

По мнению В.Б. Виноградова и К.З. Чокаева, термин *нахчаматеанк* употребляется в «Ашхарацуйце» для обозначения не всего чеченского народа, а лишь отдельного нахского общества – *нохчи (нахчи)*, территория которого в средневековый период находилась в юго-восточной части Чеченской республики, называемой нахами *Нахчой-мохк (Страна нахчоев)*, или *Ичкерия*. Лишь впоследствии, как полагают исследователи, название данного общества стало самоназванием всех чеченских племен. Поэтому термин *нахчаматеанк* переводят как *те, которые говорят на языке нахчоев*[13].

Так или иначе, термин *нахчаматеанк*, встречающийся в тексте «Ашхарацуйца», несомненно, является нахским этнонимом, и на этом его этимологический анализ можно было бы считать исчерпанным, если бы не одно важное обстоятельство. Дело в том, что изложенные выше научные выводы сделаны на основе лишь двух рукописей «Ашхарацуйца», опубликованных профессором Петербургского университета К.П. Паткановым,[14] и в них интересующий нас термин передан в

щении нахских племен. Известия ЧИНИИ. Грозный, 1966. Т. 7. Вып. 1. С. 71–73; Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы. Аланы в раннесредневековой истории Чечено-Ингушетии. Баку, 2002. С. 35–40 и др.

[10] Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы... С. 37.

[11] Патканов К.П. Моисей Хоренский... С. 19; Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы. Грозный, 1990. С. 41.

[12] Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика… С. 25.

[13] Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства… С. 72.

[14] В 1877 г. К.П. Патканов издал текст краткой редакции «Ашхарацуйца» на русском языке (Мойсей Хоренский. Армянская география VII в. по Р.Х. Спб.). Пространная редакция, известная на сегодняшний день только в единственном экземпляре, впервые была опубликована мхитаристом Арсеном Сукрияном (Сукри) в 1881 г. в Венеции. Часть текста из этого издания К.П. Патканов перевел на русский язык и опубликовал в «Журнале министерства народного просвещения» за 1883 г. (Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП. Ч. 226). Русскоязычные исследователи, не владеющие армянским языком, до сегодняшнего дня пользуются в основном этими изданиями «Ашхарацуйца».

форме *нахчаматеанк*. Вместе с тем, сравнительный анализ всех дошедших до нас рукописей «Ашхарацуйца», хранящихся в Матенадаране (г. Ереван) и в книгохранилищах мхитаристов в Венеции и Вене, выявляет, что во многих из них, в том числе и в тех, которые относятся к древнейшей группе списков оригинала, рассматриваемый этноним передан в форме «*нахаматеан*», т.е. без компонента *ча//чи*. Именно форма *нахаматеанк* древнейших рукописей была включена и в основной текст критического издания «Ашхарацуйца» на современном армянском языке[15].

Данный факт ставит перед необходимостью нового осмысления информации, содержащейся в древнеармянском источнике. Как известно, для всех нахских народов (чеченцев, ингушей, бацбийцев) слово *нах* является самоназванием, означающим *люди, племя, народ,* причем имеются в виду представители только своего этноса[16]. Общепризнанно, что исторически самоназвания типа люди, человек, народ относятся к наиболее раннему слою этнонимов и весьма распространены в мировой этнонимии. Что же касается слова «нах», то «это древнейший общенахский термин, …представлявший собой фиксацию совокупности, общности, собирательности нахских племен», и от этой этнонимной основы, покрывавшей некогда все нахские племена, с помощью компонента ча// чи производно и самоназвание *нахчуо* одного из нахских народов – чеченцев[17].

Следовательно, в «Ашхарацуйце» нашло отражение первоначальное, древнейшее общее самоназвание чеченцев, ингушей и бацбийцев – *нах* (*люди, народ*), и термин *нахаматеанк* следует переводить не как *страна нахчоев* (или *те, которые говорят на чеченском языке*), а как *страна нахов* (или те, *которые говорят на нахском языке*). Судя по тому, что процесс выделения из общенахской этноязыковой общности и формирования двух нахских народов – ингушского и чеченского, начался, по мнению специалистов, в позднесредневековый период[18], применение этнонима *нахчуо* в качестве самоназвания чеченского народа следует отнести к тому же времени. Однако это вовсе не говорит о том, что для обозначения отдельной нахской народности (или племенной группы) термин *нахча* не применялся в более ранние эпохи: об этом неопровержимо свидетельствует ряд сохранившихся до наших дней в Передней Азии и на Кавказе древних топонимов с основой *нахча*, которые были зафиксированы еще в ассирийских и урартских надписях, а также в армянских и грузинских источниках раннего средневековья[19].

---

[15] Анания Ширакаци. Избранные труды... С. 286.

[16] Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства… С. 73.

[17] Там же; Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы... С. 36.

[18] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен... С. 247–248.

[19] Например, древняя область Нахчаван с одноименным городом на юго-западном берегу оз. Урмия (соврем. Иран); древний город Нахчаван в Кагызманском округе Карсской области (соврем. Турция); область Нахчаван на левобережье р. Аракс (бывш. Нахичеванская автономная республика Азерб. ССР); средневековый город Нахчаван у излучины р. Алазань (соврем. Грузия) (См.: С.Т. Еремян. Армения и сопредельные страны в 591–653 гг. Ереван, 1986. Карта). Компонент ван (урартское бан, буни) в слове Нахчаван обознача-

Именно поэтому трудно согласиться с В.Б. Виноградовым и К.З. Чокаевым, по мнению которых, в этнониме *нахча//нохчи* компонент *ча//чи* является тюркским словообразовательным суффиксом[20], так как этот суффикс фиксируется на территории расселения нахских и родственных им хуррито-урартских племен за много веков до появления в этих местах тюркских племен. По мнению Р. Арсанукаева, *ча//чи//чуо* – это общевайнахское слово, означающее *внутренность*, *внутреннее помещение*, отсюда этноним *нахчуо* возник как имя нарицательное и имел значение *люди, народ одной определенной внутренней территории страны*[21].

Более близким к истине представляется мнение Н.Я. Марра, который в компоненте *ча//чи* видел древнейшее яфетическое (кавказское) слово, означавшее *человек*[22]. Слово *ча//чи* в значении человек сохранено и в современном андийском (аваро-андийском) языке. В этом случае *нахча//нахчуо* следует понимать как *нахский человек*, или нахские люди.

По всей вероятности, две формы – первоначальная *нах-(аматеанк)* и более поздняя производная от нее *нахча-(матеанк)*, существовали параллельно еще с древних времен, во всяком случае, в «Ашхарацуйце» отражены обе эти формы – и *нахаматеанк*, и *нахчаматеанк*. При этом термин *нах* употреблялся, видимо, в качестве самоназвания нахов в целом, а *нахча* – для обозначения части этого целого, т.е. термины *нах (нахаматеан)* и *нахчи (нахчуо, нахчаматеан)* относятся друг к другу как общее к частному.

Попытаемся теперь определить, в названии какой территории и в каком значении употребляется термин *нахаматеанк* в «Ашхарацуйце», а также обозначить хронологические рамки его упоминания. Прежде всего, остановимся на анализе содержащихся в документе данных о местах расселения нахаматеан. Эти сведения в научной литературе трактуются по-разному, и в этом нет ничего удивительного, так как автор «Ашхарацуйца» размещает нахаматеан возле устья реки Танаис (Дон).

«…Իսկ առ մտիւքն Թանայիս գետոյ՛ բնակին Նախամատեանք:»

«...У устья же реки Танаис живут нахаматеаны»[23].

И это притом, что осведомленность армянского географа о том, как выглядела древняя этническая карта Кавказа, не вызывает сомнений, поскольку он дает достоверную информацию о локализации и этнической принадлежности даже небольших племен[24]. Факт размещения автором «Ашхарацуйца» нахаматеан

ет место, селение, город. По мнению В.Ф. Минорского, ван указывает на присутствие в названиях имени народа (Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 34).

[20] Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства… С. 73.

[21] Арсанукаев Р.С. Вайнахи и аланы... С. 37.

[22] Марр Н.Я. Кавказские племенные названия… С. 19–20.

[23] Ашхарацуйц Мовсеса Хоренаци. Венеция, 1881. С. 26 (далее Ашхарацуйц). В связи с тем, что существуют разночтения, в работе будет приводиться текст источника и на языке оригинала.

[24] См.: Патканов К.П. Моисей Хоренский… С. 20; Еремян С.Т. Расселение горских

возле устья Дона ставит исследователей в тупик, так как проживание нахских племен в этих местах никогда не было засвидетельствовано какими-либо другими источниками. Вместе с тем, признавая бесспорность принадлежности упомянутых в «Ашхарацуйце» *нахаматеанк* (или *нахчаматеанк*) нахскому этническому миру, многие специалисты-исследователи пытаются найти данному факту объяснение.

Авторы «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР», например, считают, что локализация нахаматеан (нахчаматеан) у устья Дона является следствием вольной трактовки армянским географом сведений Птолемея об яксаматах. «Птолемей знал близ устья Танаиса сарматский народ яксаматов, – утверждают они, – греческое написание которого напомнило армянскому автору название хорошо известного ему горского народа нахчаматеан»[25]. Н.Г. Волкова справедливо ставит под сомнение возможность трансформации яксамат в нахчаматеан, но вместе с тем допускает вероятность заимствования автором «Ашхарацуйца» термина *нахчаматеан* из грузинских источников. В связи с этим она не исключает «возможность более поздних, чем VII в., отдельных вставок в «Географии», поскольку в грузинских источниках термин *нахча* упоминается впервые не ранее XIV в.[26]

Однако трудно согласиться и с такой интерпретацией текста «Ашхарацуйца». Прежде всего, как уже было отмечено выше, в «Армянской географии» оригинальной является форма *нахаматеанк*, а не *нахчаматеанк*. Конечно, можно бы было предположить, что преобразование первичной формы нахаматеанк в *нахчаматеанк* в поздних списках действительно произошло под влиянием грузинских источников, но этому препятствует факт абсолютного отсутствия в грузинской письменной литературе формы нахчаматеан (или нахаматеан): в древнегрузинских текстах упоминается народ нахч-та (ნახჩჳა), который однозначно размещается в центральных районах Кавказа[27]. Остается невыясненной причина появления в «Ашхарацуйце» второй основы термина *нахаматеанк* (или *нахчаматеанк*) – *мат*, отсутствующей в грузинских документах. Кроме того, если интересующий нас этноним был добавлен в «Ашхарацуйц» позднее, естественно было бы обнаружить его в перечне народов Кавказа, самостоятельно изложенном армянским географом. Между тем, как отмечает академик С.Т. Еремян, «отрывок…, где названы нахчаматеаны, является почти дословным переводом текста греческого географа-картографа Птолемея»[28].

народов…; Его же: Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца»… С. 260–273; Гаглоев Ю.С. Сведения «Армянской географии»…; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия…; Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства…; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа…; Кузнецов В.А. Аланы и асы на Кавказе… и др.

[25] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. С. 31.

[26] Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия… С. 313–314.

[27] «...Сакдарна, хундзта, нахчта, тошетиса, некресиса» (Гос. музей Грузии, Ф. (А) №1469, Л. 10-В-11) 119).

[28] Еремян С.Т. Расселение горских народов… С. 404.

Приведем полностью соотвествующий отрывок из «Ашхарацуйца»:

«...Ի հիւսիսոյ առ Անծանոթ Երկրաւ բնակեն Թագաւորական Սարմատք եւ Ձիակերք. իսկ առ մտիւքն Տանայիս գետոյ՝ բնակին Նախամատեանք եւ ազգ մի այլ որ են Կղարջք: Եւ ապա Սիւռակացիք, ապա Միդոտրոդեսէն գաւառն. եւ ապա յարեւելից կուսէ Շանթային լերանցն բնակեալ են Ամազունք. Որք են կանայիք պատերազմողք, մինչեւ ցգետն որ կոչի Իռա:[29]»

«...На севере, около неизвестной страны проживают Царские Сарматы и Сарматы конееды. У устья же реки Танаис живут Нахаматеаны и другое племя, которые суть Кларджы, и Сираки, и [жители] области Мидотродесен. Затем, восточнее Керавнийских гор, живут Амазонки, то есть воинствующие женщины, вплоть до реки, называемой Ира».

«Ашхарацуйц» – единственный источник, в котором встречается столь ранее упоминание нахаматеан (как и нахчаматеан), и в связи с отсутствием других прямых данных мы вынуждены исследовать вопрос локализации нахаматеан косвенным путем, то есть двигаясь от известного к неизвестному. Для этого мы должны определить места расселения племен, указанных в процитированном отрывке, а затем нанести их на карту.

Все этнонимы, содержащиеся в рассматриваемом отрывке, за исключением терминов *нахаматеанк* и *кларджк*, представлены не только в «Ашхарацуйце», но и у Птолемея[30]. Как известно, Птолемей, работал во второй половине II в. н. э. и опирался в своих трудах на произведения Марина Тирского, своего предшественника, поэтому наряду с новыми, более точными сведениями, полученными в результате походов римских войск в Северное Причерноморье, в ряде случаев он использовал информацию из старых источников, восходящую в основных чертах к середине I тысячелетия до н. э. Это и привело к появлению на карте, нарисованной Птолемеем, названий племен, к его времени уже исчезнувших[31].

Как пишет Л.А. Ельницкий, у Птолемея «в числе имен, заимствованных из древней традиции и из других авторов неизвестных, следует назвать и сармат»[32]. С именем *сармат* Птолемей, а вслед за ним и армянский автор связывают такие традиционные эпитеты, характеризовавшие древних скифов, как *царские* и *конееды*. Очевидно, что сведения о сарматах, которые дает Птолемей, относятся ко второй половине I тысячелетия до н. э., когда этот народ населял обширные степные и равнинные районы юго-восточной части Европы.

[29] Ашхарацуйц. С. 26.

[30] Pt. V, VIII. 16–25.

[31] Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961 С. 199; Его же: Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 204; Ковалевский С.А. Карта Птолемея в свете исторической географии Прикаспия. Известия Всесоюзного географического общества, 1953. Т. 85. Вып. 1.С. 66; Еремян С.Т. Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца»… С. 271.

[32] Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах... С. 199.

Сираки – это крупное племенное объединение, существовавшее на Северо-Западном Кавказе во второй половине I тысячелетия до н. э. Уйдя с Нижнего Дона под натиском аорсов, сираки продвинулись на юг и расположились в районах между нижним и средним течением Кубани и Восточным Приазовьем. Здесь во второй половине I тысячелетия до н. э. при тесном взаимодействии древнеадыгских (меотских) и сиракских племен было создано крупное объединение с центром в степях правобережья реки Кубань, игравшее значительную роль в политической жизни региона. Владения сирако-меотского союза племен, известного в античных источниках как Сирак, охватывали территорию от Азовского побережья на западе до течения реки Кумы на востоке, где с востока и северо-востока соприкасались с пределами расселения аорсов[33].

Рядом с нахаматеанами, возле устья реки Танаис (Дон) армянским географом размещены кларджы (Կղարջք). Но, несмотря на такую локализацию данного племени, как это убедительно показал С.Т. Еремян, *кларджк* является другим наименованием *псессиев* Птолемея, которые размещаются в долине срединного течения реки Кубань (Псыж)[34].

[33] Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе. СА, 1965. № 1. С. 35–37; Его же: Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 125–130; Алексеева Е.П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск, 1976. С. 56–60; Анфимов Н.В. К вопросу о восточной границе меотских племен и центре сиракского союза в Прикубанье // IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979; Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи евроазиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 42.

[34] Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу»... С. 404.

Название *кларджк*, используемое армянским географом для обозначения адыгского племени псессиев античных авторов, нельзя не сопоставить с хорошо известной одноименной областью Кларджа (Кларджети), а также с большой этнической группой кларджа античных, армянских и грузинских источников, упоминаемых еще в урартских надписях в форме Катарзена (катарзы). Территория Кларджети охватывала часть долины реки Чорох в районе Артвина и земли, прилегавшие к ней к северо-востоку, до верховья реки Куры. Предлагаемое сопоставление становится достаточно уместным, если вспомнить, что в древних источниках р. Чорох называлась Акамсис (Акам-псис). Это имя также находит свою параллель в адыгском названии р. Кубань – Псыжъ. В компоненте пс (Акам-пс-исс, Пс-ыжъ) специалисты языковеды видят абхазо-адыгское словр вода (Псыжъ; пс − вода, «ыжъ» − старая, т.е. получаем «*старая*» *вода*). Не исключено, что компонент акам(кам) в названии Акампсисс − это армянское акан (исток, коньон), то есть *Акамсисс* это *Исток Псисса-Пасиса*?

Сравните также название области *Егерия* (*Егерк*), непосредственно примыкавшей к области Кларджа в долине Акампсисса (Чорох), с наименованием адыгской племенной группы *Егерукой*, проживавшей в бассейне Кубани (Псыжь, Псисс). В связи с этим становится весьма ценным сообщение «Ашхарацуйца» о том, что река Чорох именно на егерском языке называлась Акампсис (Ашхарацуйц, с. 23). Во всяком случае, учитывая бесспорное существование абхазо-адыгских этнических и топонимических названий на большом пространстве древнего Юго-восточного Причерноморья, давно уже признанное в научной литературе, вышеуказанные совпадения могут быть весьма интересными как предмет специального исследования.

Во многих списках краткой редакции «Ашхарацуйца» вместо кларджк используется название *воджлакерк* (Ոջլակերք) – вшееды, являющееся прямым переводом на армянский язык термина *фтейрофаг* из текста Птолемея. В связи с этим нельзя исключать, что в оригинале «Армянской географии» было применено слово *воджлакерк*, однако в данном случае это не столь существенно. Нам важно подчеркнуть, что, во-первых, данные племена, будь то фтейрофаги (воджлакерк) или кларджы, были надежно локализованы на Северо-Западном Кавказе, в верховьях Кубани, а во-вторых, оба термина были хорошо известны авторам, работавшим во второй половине I тысячелетия до н. э. О названии *кларджк* уже говорилось выше. Что же касается термина *фтейрофаг* (*воджлакерк*), то первое его упоминание принадлежит Геродоту, вслед за которым о нем сообщает Страбон, а затем Плиний и Птолемей. Последним, кто слышал об этом слове, был Псевдо-Арриан. В соответствии с данным перечисленных авторов исследователи размещают фтейрофагов в горах Северо-Западного Кавказа. Что же касается более точного месторасположения фтейрофагов, то наиболее аргументированным и правомерным следует считать мнение Г.Ф. Турчанинова, который локализует это племя в междуречье Кубани и Теберды, а также на южных склонах Главного Кавказа, в северо-восточной части Абхазии, в верховьях реки Кодор[35]. Таким образом, бытование терминов кларджк и воджлакер (фтейрофаги) в середине и второй половине I тысячелетия до н. э. не вызывает никаких сомнений.

Далее, по утверждению Птолемея, находится область Мидотредесен, под которой, несомненно, следует понимать юго-восточную часть Азовского (Меотийского) побережья – Таманский полуостров и прилегающие к нему земли на востоке, к югу от реки Кубани до Черноморского побережья. Данная территория, населенная меотийскими (древнеадыгскими) племенами, в те или иные периоды входила в Боспорское царство, а после того как правитель Боспора Перисад V передал власть понтийскому царю Митридату VI (110–63 гг. до н. э.), на некоторое время оказалась в составе Понтийского царства Митридатов. В связи с этим Птолемей данную территорию называет частью царства Митридатов (*область Митридата*). Между тем, безусловно, является анахронизмом то, что Птолемей во II в. н. э. называет вышеуказанную территорию *областью Митридата*, то есть частью Понтийского царства, которая задолго до того была разбита римлянами.

Для определения хронологических рамок описанного Птолемеем расселения племен, следует обратить внимание на то, что античный ученый упоминает племя псессиев (кларджк «Ашхарацуйца») отдельно от *области Митридата*, то есть владений Боспорского царства (понтийских Митридатов). Разумеется, источник, из которого черпал информацию Птолемей, а вслед за ним и автор «Ашхарацуйца», воспроизводит политическую обстановку времени, когда псессии (кларджы) не входили в состав Боспорского царства. Как известно, понтийский царь Митридат VI прочно подчинил себе меотские племена, в том числе и псессиев, ранее находившихся в номинальной зависимости от Боспора. После смерти

[35] Турчанинов Г.Ф. Phteirophagoi писателей классической древности // «Иберийско-кавказское языковедение». Тбилиси, 1946. Т. 1. С. 401.

Митридата VI, по данным Страбона, псессии вместе с другими древнеадыгскими племенами принимали активное участие в династической борьбе за боспорский престол на стороне Асандра, Динамия и Аспаруга. И позже, в период нового расцвета Боспора, когда, по словам того же Страбона, боспорские цари порой «владели и землями до Танаиса»[36], псессии остались зависимыми от Боспора, о чем свидетельствует надпись на статуе царя Аспурга (8 – 38 г. н. э.), гласящая, что он (Аспург) «царствует над всем Боспором и Феодосией, синдами, меотами, тарпитами, торетами, псессами и танаитами»[37]. Отсюда следует, что политическая ситуация, описанная Птолемеем, не могла иметь место в период I–II вв. н. э.

Согласно данным, которыми мы располагаем, меотские племена были присоединены к Боспору в первой половине IV в. до н. э., при Левконе I (389 – 349 гг. до н. э.), и с этого времени псессии включены в титулатуру Левкона I и его преемников («архонт Боспора, Феодосия и царь синдов, торетов, дандариев и псессов»). Однако с начала III в. до н. э. в титулатуре боспорских царей псессии уже не упоминаются, и, по-видимому, это связано с их отпадением от Боспора, которое могло произойти в период междоусобной войны в Боспоре, после смерти Перисада I (309 г. до н. э.). В титулатуре боспорских царей псессии вновь появляются уже при Митридате VI Евпаторе. Следовательно, Птолемеем, вернее, его источником, а вслед за ним и автором «Ашхарацуйца» была воссоздана ситуация, имевшая место в III–II вв. до н. э. (во всяком случае, не ранее начала III в. до н. э. и не позднее конца II в. до н. э.). А в том, что автор «Ашхарацуйца», описывая политическую ситуацию III в. до н.э., часть территории Боспорского царства называет *областью Митридата*, нет ничего удивительного, ведь хорошо известно, что по позднеантичной традиции с Митридатом VI Великим связывались события, происходившие как до его правления, так и после.

Затем древнеармянский географ переносит читателя к Керавнийским горам, северо-восточнее которых, в области до реки Ра (Волга) проживали амазонки. Керавнийскими горами античные авторы называли различные горные хребты, находящиеся как в Европе, так и в Азии, поэтому каждое их упоминание требует уточнения, какой именно горный хребет имеется в виду под тем или иным названием у конкретного автора. В исследовательской литературе убедительно доказано, что Птолемей Керавнийскими горами называет Андийский хребет[38], а поскольку рассматриваемый нами текст «Ашхарацуйца» имеет в основе труд Птолемея, становится ясным, что и Керавнийские горы «Армянской географии» соответствуют Андийскому хребту. Это подтверждается также и тем, что в приведенном выше отрывке не упомянут Дагестан, что характерно для представления о географии раннеантичных авторов, которые «исключали существование современного Дагестана»[39]. Это связано с тем, что, по мнению

[36] Str., XI, I, 11.

[37] Бетрозов Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998. С. 145–146.

[38] Акопян А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987. С. 34–35; См. также: Гумба Г.Д. Кавказская Албания по «Ашхарацуйцу» Вардана вардапета (XIII в.). Вестник общественных наук. Ереван, 1986. № 9.

[39] Еремян С.Т. Расселение горских народов… С. 401.

античных географов, река Терек протекала у подножья Главного Кавказского хребта, а потому территория, расположенная между рекой Терек и Главным Кавказским хребтом, выпадала из их поля зрения.

К северо-востоку от Андийского хребта (Керавнийские горы Птолемея) до реки Волги (Ра) проживали амазонки. Локализация амазонок на северо-востоке Кавказа восходит к античной традиции, согласно которой данное племя занимало территорию севернее Кавказской Албании, на северо-востоке Керавнийских гор. В научной литературе мифический характер амазонок считается бесспорным, поскольку сказания о них были распространены во всем мире – от Японии до Америки. Вместе с тем, признавая мифичность этого народа, нельзя упускать из виду тот факт, что под названием «амазонки» скрывались реально существовавшие древние племена, находившиеся на определенном уровне исторического развития. В легендах об амазонках, по всей вероятности, нашли отражение сохранившиеся у некоторых племен пережитки матриархата, которые «воспринимались наблюдателями через призму мифологических представлений»[40].

Что касается мифов об амазонках Северо-Восточного Кавказа, то можно считать правомерными мнения И.М. Дьяконова, А.П. Смирнова, В.А. Кузнецова и др., связывающих эти мифы с бытом и общественным строем савромато-сарматских племен второй половины I тысячелетия до н. э., в данном случае аорсов[41]. Территория расселения аорсов охватывала «всю современную Астраханскую область и простиралась … до Маныча и Кума»[42], на западе аорсы соседствовали с сираками, а на юге – с племенами Северо-Восточного Кавказа вайнахами и дагестанцами[43].

Таким образом, в приведенном выше фрагменте «Ашхарацуйца», в котором упомянуты нахаматеаны, описана вся Азиатская Сарматия (от реки Дон и Азовского побережья на западе до реки Волги и Каспийского побережья на востоке) и отражена этнополитическая карта Северного Кавказа второй половины I тысячелетия до н. э. Перечисленные в данном отрывке племена – кларджы, фтейрофаги, сираки, область Митридатеан, амазонки, были перемещены на север, к устью Дона, и распределены между Доном и Волгой, но на самом деле они имели надежную локализацию в районах Северного Кавказа. Если перенести на карту данные, содержащиеся в отрывке, то на месте Центрального Кавказа оказывается белое пятно, а из названных народов нелокализованными остаются нахаматеаны. Следовательно, нахаматеаны, вопреки тому, что автор «Ашхарацуйца» поселил их возле устья Дона, должны были размещаться в центральных районах Кавказа – между землями, занятыми кларджами-псессиями (или фтейрофагами), и

[40] Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах... С. 43.

[41] Дьяконов И.М. История Мидии. М., 1956. С. 446; Смирнов А.П. К вопросу о матриархате у савроматов // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 188; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1980. С. 63–64.

[42] Виноградов В.Б. Сиракский союз племен… С. 42.

[43] Там же. С. 35; Кузнецов В.А. Очерки истории алан... С. 63; Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 146.

Керавнийским хребтом, то есть, на территории от Приэльбрусья на западе до Андийского хребта на востоке.

Итак, изображенная в процитированном выше отрывке «Ашхарацуйца» этническая карта Северного Кавказа второй половины I тысячелетия до н. э. передвинута на север и охватывает территорию между Доном и Волгой. Объяснение этому следует искать, скорее всего, в источниках, которыми пользовался автор «Армянской географии». Как известно, такое искажение реальной географической карты Кавказа было характерно для раннеантичных авторов: схематизм и условность составляемых ими карт приводили к тому, что область локализации тех или иных географических и этнических названий иногда сильно менялась, и эти изменения переходили из одного источника в другой[44]. Не избежал подобных ошибок и Птолемей, особенно при определении кардинальных расстояний, необходимых для нанесения на градусную сетку пунктов, расположенных на извилистой береговой линии (например, Азовского моря). Следствием таких просчетов и стали искажения, появившиеся на карте Азиатской Сарматии, построенной на базе сведений, взятых у Птолемея. Так, согласно этнической карте Северного Кавказа по Птолемею, Кавказ имеет большую протяженность с юга на север, чем с запад на восток. Большинство племен, размещенных Птолемеем между реками Дон (Танаис) и Волга (Ра), по данным других источников, локализуются именно на Кавказе, и среди них – фтейрофаги, страна Митридата, свардены, хениды (хенавк «Ашхарацуйца»), матеры, темеоты, псессии (кларджк), астуркианы (аспургианы) и др[45].

Помимо перечисленных выше ошибок в географических ориентирах труд Птолемея содержит хронологические напластования, что могло еще больше усилить искажение карты Северного Кавказа. Сочинение античного географа, в особенности глава «Азиатская Сарматия»», изобилует этнической номенклатурой, взятой из различных источников и отражающей разные исторические периоды. В нем отражены этнические названия, представляющие картину расселения племен более древней эпохи, в том числе и те, которые во времена Птолемея уже не существовали или были заменены другими именами. Как давно уже отмечено в научной литературе, более ранние названия при переписывании зачастую объединялись и затем накладывались на более позднюю этническую номенклатуру. В итоге на карту наносились все известные на тот момент названия, и каждому из них «выделялась» та или иная местность, что в конце концов привело к «расширению» территории и искажению географических реалий. При этом, как правило, при перечислении племен первыми называются этнонимы, относящиеся к более ранним периодам, и именно они перемещаются к пунктам, с которых начинается описание тех или иных выделенных областей. Описание Птолемеем Азиатской Сарматии начинается с берегов Танаиса, и туда же, естественно, смещается этнонимика I тысячелетия до н. э. А поскольку исследуемый нами отрывок из «Ашхарацуйца» находится в почти полной

[44] Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей... С. 71–72.

[45] См.: Pt. V, 8, 17–25.

зависимости от соответствующего текста Птолемея, становится понятной и причина перемещения нарисованной в «Ашхарацуйце» этнической карты Северного Кавказа I тысячелетия до н. э. на север, к Дону.

В том же разделе, после процитированного выше отрывка армянский географ вновь дает описание Азиатской Сарматии, двигаясь в том же направлении – с запада на восток, от левобережья Танаиса (Дона) и восточного побережья Азовского моря до правобережья Ра (Волги) и западного Прикаспия, включая весь Дагестан. При этом он довольно обстоятельно перечисляет племена Северного Кавказа, которые в этот раз получают убедительную локализацию, так что на карте не остается никаких белых пятен. Однако здесь мы видим уже совершенно иную этнонимику, в которой нет ни одного этнического названия, упомянутого в вышеприведенном фрагменте текста. Так, на восточном побережье Азовского моря, начиная от устья Дона, в том месте, где ранее были размещены сарматы (*царские и конееды*) и сираки, появляются булгары, а на Западном Кавказе вместо псессиев (кларджев) и *области Митридатеан* называются гашк (касоги) и зихи; в центральных районах Кавказа вместо нахаматеан указан ряд племен − аланы аш-дигор, дигоры, сваны, овсы, дуалы, хоны, аргвелы, дурдзуки, туши и др.; в районах Северо-Восточного Кавказа на месте амазонок размещены гунны, хазары и дагестанские племена[46]. Перед нами открывается современная армянскому географу этническая карта Северного Кавказа середины I тысячелетия н. э., в которой для этнонимики I тысячелетия до н. э., естественно, не остается места.

Таким образом, в «Ашхарацуйце» в описании Северного Кавказа мы видим наложение двух слоев, отражающих разные исторические эпохи: первый воспроизводит этнополитическую ситуацию второй половины I тысячелетия до н. э., второй – карту расселения племен Северного Кавказа середины I тысячелетия н. э., с учетом изменений, произошедших в регионе в результате перемещения в эти земли ираноязычных и тюркоязычных племен.

Нахаматеаны названы в первом слое источника вместе с такими крупными племенными объединениями и политическими образованиями второй половины I тысячелетия до н. э., как сарматы, сираки, аорсы (амазонки), Боспорское царство (*область Митридатеан*). Нахаматеаны занимают всю территорию центральной части Кавказа – от Приэльбрусья и верховья реки Кубань на западе до подножья Андийского (Керавнийского) хребта на востоке. Несомненно, термин нахаматеанк в данном случае употребляется не только в этническом, но и в политическом собирательном значении, и обозначает все племена Центрального Кавказа второй половины I тысячелетия до н. э.

Об этом свидетельствует и сама форма написания термина нахаматеанк в «Ашхарацуйце». Если во втором слое текста племенные названия Азиатской Сарматии передаются с прибавлением к – суффикса множественного числа древнеармянского языка (например, *кудетк − кудеты, кустк − кусты, дурдзукк − дурдзуки* и т.д.), то в первом слое, отражающем картину расселения племен во второй половине I тысячелетия до н. э., при передаче названий крупных

[46] Ашхарацуйц. С. 26–27.

племенных объединении того времени армянский географ использует суффикс еан (например, *сиракеанк – сирак-еан-к, нахаматеанк – нахамат-еан-к, митридатеан – митридат-еан* и др.). Это объясняется тем, что в древнеармянском языке суффикс еан имел значение совокупности, собирательности, общности (например, *нахарареан, бердеан* и др.). Следовательно, применение автором «Армянской географии» компонента еан при написании термина *нахамат-еан-к* указывает на совокупность и общность племен Центрального Кавказа, объединенных данным названием.

Таким образом, согласно данным «Ашхарацуйца», во второй половине I тысячелетия до н. э. нахские племена проживали на территории от Приэльбрусья и верховья Кубани на западе до Андийского хребта на востоке, а на севере область их обитания граничила с сарматскими племенными объединениями сираков и аорсов. По «Ашхарацуйцу», южные пределы расселения нахаматеан совпадают с границей Азиатской Сарматии с Колхидой и Иберией, поэтому для определения области проживания нахских племен в этих местах необходимо установить южные границы Азиатской Сарматии. В современной историко-географической литературе довольно большое внимание уделяется данному вопросу, причем особый интерес вызывает та часть границы Азиатской Сарматии, которая проходила вдоль территории Колхиды, Иберии (Картли) и Албании, но, несмотря на это, ее расположение до сих пор не определено с необходимой точностью и остается причиной научных дискуссий.

Прежде чем перейти к установлению южных границ Азиатской Сарматии, следует уточнить, что мы подразумеваем под понятием *Азиатская Сарматия*. Это необходимо сделать, поскольку в современной литературе разные авторы дают термину *Сарматия* различные смысловые нагрузки, что вносит еще большую путаницу в картину, нарисованную древними авторами. Прежде всего, упускается из виду двойное значение термина *Сарматия* – географическое и этническое. На обширной территории, известной античным ученым под географическими терминами *Европейская Сарматия* и *Азиатская Сарматия*, во второй половине I тысячелетия до н. э. проживали многочисленные этносы, имевшие разное происхождение. В тот же период здесь проживали и сарматы, этнически относимые большинством исследователей к ираноязычным племенам. Соответственно, в каждом конкретном случае применения древними авторами вышеуказанного термина необходимо определять его смысловое значение.

Так, например, включение А.С. Скрипкиным в состав Азиатской Сарматии территорий Нижнего и Среднего Подонья и Поволжья, Западного Казахстана и Южного Приуралья, но отнюдь не Северного Кавказа[47] вызвало справедливую, на первый взгляд, критику в научной литературе, а авторитетный кавказовед В.А. Кузнецов охарактеризовал данный факт как «очевидное недоразумение»[48]

[47] Скрипкин С.А. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 4. Карты 1–3.

[48] Кузнецов В.А. Аланы и асы на Кавказе… С. 174–175.

(что было поддержано многими специалистами, в том числе и автором этих строк). Однако ошибка А.С. Скрипкина заключается лишь в том, что исследователь не уточнил, какое смысловое значение он вкладывает в термин *Сарматия*. Если допустить, что в данном случае термин *Сарматия* употреблен А.С. Скрипкиным в этническом смысле (а судя по тому, что при определении территории расселения сарматов ученый опирается на археологические памятники, принадлежность которых к сарматам не вызывает серьезных сомнений у археологов, это действительно так), то исключение из Азиатской Сарматии Северного Кавказа как территории обитания собственно сарматов вполне справедливо. Поскольку если в понятие *Азиатская Сарматия* вкладывать только этнический смысл, то, безусловно, ареал, который оно охватывает, окажется достаточно узким – во всяком случае, территория Северного Кавказа точно не будет в него входить. На этой территории развивались иные самобытные археологические культуры – прикубанская, кобанская и каякентско-хорочоевская, и в этом отношении исключение А.С. Скрипкиным Северного Кавказа из зоны расселения сарматов совершенно правомерно. Однако если речь идет об употреблении термина *Сарматия* в географическом смысле, то в этом случае данный термин в древних источниках обозначает обширные территории Евразии, разделявшейся античными авторами на Европейскую и Азиатскую Сарматию, в которую включался также и Северный Кавказ.

Смешение географического и этнического смыслов термина Сарматия (или *Азиатская Сарматия*) приводит и к той крайности, когда в этот термин вкладывается только лишь этнический смысл. Так, например, иногда предпринимаются попытки отнести все население территории, охватываемой географическим термином *Азиатская Сарматия*, в том числе и Северный Кавказ, к собственно сарматским племенам, под которыми подразумевают ираноязычные[49] или тюркоязычные[50] племена, что на самом деле является не чем иным, как очевидным недоразумением.

В современной литературе иногда встречается также ничем не подкрепленное, а потому ничем не оправданное утверждение, будто Северный Кавказ назывался Сарматией в силу численного преобладания и политического господства там сарматов (З.И. Ванеев). Хорошо известно, что на территории, именовавшейся *Сарматией* (*Европейской* и *Азиатской*) не было единого политического пространства, а вместо него существовал ряд крупных государственных образований (достаточно вспомнить Боспорское царство, владения которого лежали в Европейской и Азиатской частях Сарматии). Что касается собственно Азиатской Сарматии, то, по данным многочисленных античных источников,

[49] Гаглойти Ю.С. Проблемы этнической истории южных осетин. Цхинвал, 1995; Его же: Сведения грузинских письменных источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007; Туаллагов А.А. Сарматы и аланы в IV в. до н.э. – I в.н.э. Владикавказ, 2001; Его же: Скифы Северного Кавказа по данным письменных источников // Иранский мир и Юг России: прошлое и современные перспективы. Ростов-на-Дону, 2004.

[50] Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986; Лайпанов К.Т., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.

здесь проживало достаточно большое количество народов, относящихся по своему происхождению и языку к совершенно разным этносам. Эти народы были объединены в несколько крупных политических образований (сираки, аорсы, царские сарматы и др.), которые находились во враждебных отношениях и вели между собой жестокие войны за сферы влияния и господства. Среди этих объединений собственно сами сарматы (царские и конееды) занимали довольно скромную область в низовьях реки Танаис, а потому говорить о каком-либо политическом господстве сарматов на территории, известной как *Азиатская Сарматия* или *Сарматия*, конечно, не приходится. Безусловно, Птолемей и армянский географ, как и другие древние авторы, термин *сармат* употребляют также и в этническом смысле – когда речь идет о собственно сарматах, живших в низовьях Танаиса (*царские* и *конееды*). Но в том случае, когда дело касается всей территории Азиатской Сарматии, термин Сарматия имеет исключительно географическое значение и не несет в себе никакого иного (этнического или политического) смысла.

У античных авторов под термином *Азиатская Сарматия* в его географическом смысле подразумевается не только Северный Кавказ, но и, как мы увидим ниже, часть Южного Кавказа. Южную границу Азиатской Сарматии, пролегавшую, по мнению древних авторов, по северным пределам Колхиды и Иберии (Картли), в современной историко-географической литературе принято проводить по Главному Кавказскому хребту. Представляется, что это вызвано, прежде всего, трактовкой античных письменных свидетельств с позиции современных знаний о историко-географических реалиях Кавказа, в то время как в представлении древних авторов, в том числе и Птолемея, эти реалии могли быть совершенно иными. Так, племена, проживавшие южнее Главного Кавказского хребта − сваны, двалы, санары (цанары), туск (туши), были включены и Птолемеем, и автором «Армянской географии» в пределы именно Азиатской Сарматии.

В специальной литературе давно отмечено, что в античный период «двалы занимали обширную территорию Главного Кавказа − от ущелья Терека (Дарьял) на запад до Сванетии»[51]. Санары (цанары) и туски (туши) также, как известно, занимали территорию южнее Главного Кавказского хребта − от Дарьяльского ущелья и реки Арагви на западе до Дагестана на востоке. Полосу земель, расположенных между Главным Кавказским хребтом и северными границами Колхиды и Картли, в том числе и Сванетию, на западе до северной пограничной линии Албании на востоке, Птолемей включает в пределы Азиатской Сарматии. Следовательно, данные, приведенные Птолемеем, на дают нам основания прочерчивать границу Азиатской Сарматии по Главному Кавказскому хребту. Детальный сопоставительный анализ сведений, изложенных Птолемеем и автором «Ашхарацуйца», позволяет довольно точно определить южную пограничную линию между Азиатской Сарматией, Колхидой и Картли.

[51] Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I–V вв. н.э. Тбилиси, 1961. С. 66, 134.

а) Граница Азиатской Сарматии с Колхидой

По данным Птолемея, «с юга Азиатская Сарматия ограничивается частью Эвксинского Понта, простирающейся отсюда (Таманский полуостров – Г.Г.) до реки Корак, и пограничной чертой Колхиды, Иберии и Албании, идущей отсюда до Гирканского, или Каспийского, моря»[52]. Реку Корак большинство ученых справедливо отождествляют с современной рекой Кодор[53]. А поскольку в основе греческого слова Коракс (Корак) лежит второе абхазское название Кодора – *Куараш* (*белокаменный берег*[54]), думается, вопрос тождества Коракса и Кодора можно считать в основном доказанным.

Тем не менее исследователи, выхватывая из общего контекста слова Птолемея о том, что «Сарматия простирается до реки Корак, и пограничной чертой Колхиды», рассматривают их как указание древнегреческого географа на реку Корак как границу Колхиды. Поэтому, видимо, учитывая, что Птолемей в пределы Колхиды включает и город Диоскурию, некоторые исследователи (Б.А. Куфтин, Н.Ю. Ломоури, М. Инадзе и др.) отождествляют Корак с рекой Бзыбь. Однако, представляется, что такое мнение основано на не совсем верной интерпретации сведений Птолемея. В связи с тем, что интересующий нас текст часто цитируется в литературе выборочно, что ведет к определенному искажению целостности картины, изображенной греческим географом, приведем этот текст полностью. Итак, Птолемей пишет: «С юга Азиатская Сарматия ограничивается частью Эвксинского Понта, простирающейся отсюда до реки Корак, *и пограничной чертой Колхиды, Иберии и Албании, идущей отсюда до Гирканского, или Каспийского, моря*; описание этой стороны такое: 8. За Корокондамой в Понте опять: Германосса, Синдская гавань, деревня Синда, (далее идет перечисление пунктов, расположенных вдоль Черноморского побережья, до реки Корак – Г.Г.) ... *устье реки Корак, затем предел у боковой границы Колхиды. Следующий за ним [предел] идет по границе Иберии; здесь находятся Сарматские ворота, затем предел вдоль Албании до Гирканского моря»*[55] (выделено мной. – Г.Г.)

Как видим, из процитированного сообщения вовсе не следует, что река Корак являлась пограничной чертой Колхиды – в противном случае пришлось бы признать, что эта река была границей Азиатской Сарматии не только с Колхидой, но также с Иберией и Албанией. В данном случае фраза Птолемея «пограничная

---

[52] Pt. V, VIII, 7.

[53] Ельницкий Л.А. Из исторической географии древней Колхиды. ВДИ, 1938. № 2. С. 315–316; Его же: Знания древних о северных странах... С. 89; Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум, 1976. С. 181; Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка (исследования и тексты). Тбилиси, 1964. С. 105; Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998. С. 45.

[54] Маан О.В. К вопросу о племени кораксов. Тезисы докладов XLV итоговой научной сессии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии. Сухум, 2001. С. 31–32.

[55] Pt. V, VIII, 7, 8, 11.

черта Колхиды» не относится к реке Корак, и речь идет не о границе Колхиды по этой реке, а о пограничной линии Азиатской Сарматии, простиравшейся с запада на восток – от северо-западного бокового предела Колхиды, вдоль северной пограничной черты Колхиды, Иберии и Албании, вплоть до Каспийского моря.

Помимо общего контекста об этом ясно свидетельствуют координаты устья реки Корак (70° 30›–47°) и предела боковой границы Колхиды (75°–47°[56]), то есть того места, откуда начиналась граница Сарматии, пролегавшая с запада на восток вдоль северного рубежа Колхиды. Следовательно, граница Сарматии доходила до устья реки Корак (Кодор), затем сворачивала на северо-восток, шла до предела северо-западной боковой границы Колхиды и от этой точки двигалась на восток, вдоль северных пределов Колхиды, Иберии и Албании, достигая в конце Каспийского моря.

У Птолемея мы также можем найти четкие ориентиры для определения границы Азиатской Сарматии, проходившей вдоль границы Колхиды, но этот факт почему-то выпадает из поля зрения исследователей. Так, координаты границы Азиатской Сарматии у северного бокового рубежа Колхиды (75°–47°), указанные Птолемеем, соответствуют координатам той точки Кораксийского (Кодорского) хребта (75°–47°), «которой оканчиваются горы, идущие вдоль Колхиды и Иберии и называемые Кавказскими»[57]. Координаты западной точки предела этих же Кавказских гор соответствуют 75°–47°[58]. Конечно, учитывая известные ошибки в системе координат Птолемея, весьма рискованно делать какие-либо выводы[59], опираясь на его расчеты, но в данном случае это несущественно. Нам лишь важно подчеркнуть, что, по представлению Птолемея, координаты границы Азиатской Сарматии, расположенной у предела северо-западного бокового рубежа Колхиды, и координаты западных отрогов Кавказских гор – в том месте, где они заканчиваются, соединяясь с Кораксийским (Кодорским) хребтом, совпадают. От этой точки на восток пролегала пограничная линия между Азиатской Сарматией и Колхидой, а севернее этой черты, уже в пределах Азиатской Сарматии, Птолемей разместил сванов и двалов.

Если взглянуть на географическую карту Кавказа, станет очевидным, что Кавказскими горами, по которым проводилась южная граница Азиатской Сарматии с Колхидой, Птолемей называет горную цепь, состоящую из Эгрисского и Рачинского хребтов и проходящую параллельно Главному Кавказскому хребту, от реки Ингура у подножия горы Ходжалы Кодорского хребта до северных отрогов Лихского хребта. В этом случае казавшиеся противоречивыми сведения Птолемея становятся ясными и логичными. Южная граница Азиатской Сарматии в Западном Закавказье, таким образом, пролегала с запада на восток

[56] Pt. V, VIII, 8.

[57] О неправомерности перевода данного отрывка («…и гора Корак, которой оканчиваются горы, идущие через Колхиду и Иверию…») см.: Акопян А.А. Албания-Алуанк… С. 25.

[58] Pt. V, VIII, 14.

[59] По долготе ориентиры Птолемея отличаются от современных примерно на 20–25 градусов (больше), а по широте на 10–15 градусов (больше).

по Черноморскому побережью до устья реки Корак (Кодор), где сворачивала на север-восток и шла по реке Корак (Кодор), видимо, до местности Наа, затем – по вершинам Кодорского хребта до западного отрога Эгрисского хребта, а далее – на восток, по вершинам горной цепи Эгрисского и Рачинского хребтов, до северного отрога Лихского хребта.

То, что граница Азиатской Сарматии на севере Колхиды проходила именно по указанной горной цепи, подтверждается также и данными «Ашхарацуйца». Согласно «Армянской географии», южная граница Азиатской Сарматии пролегала по Черноморскому побережью, до впадения в Черное море «реки Коракса, то есть Вороны, по Кавказским горам, по границам Иберии и Албании до Каспийского моря»[60]. Эти слова являются простым повторением информации, восходящей в конечном счете к Птолемею, однако сведения, заключенные в оригинальных частях древнеармянского источника, не только подтверждают, но и уточняют расположение границы Азиатской Сарматии с Колхидой.

Так, племена, проживавшие южнее Главного Кавказского хребта – сваны, рачаны, такуйры, кутеты, двалы, цехойки, в «Ашхарацуйце» включены в пределы Азиатской Сарматии[61]. Места их расселения известны довольно хорошо (см. ниже), и при картографировании отчетливо выявляется, что племена эти занимали полосу территории, расположенную между Главным Кавказским хребтом и горной цепью Эгрисского и Рачинского хребтов.

Кроме того, при описании пределов собственно Колхиды, сведения о которой «основаны, по всей видимости, на личном опыте» армянского географа[62], сообщается:

«ԺԹ. Աշխարհ Ասիոյ Կողքիս է, որ է Եգր. յրից կալով Պոնտոս ծովուն առ երի Սարմատիոյ, ի մտից Դռակոն գետոյ մինչեւ ցԿաւկաս լեառն եւ ցնորին բազուկ, որ բաժանէ ընդ նա եւ ընդ Վիրս. եւ անտի սահմանի մասամբ ինչ Մեծ Հայոց մինչեւ ցԿապպադովկեան Պոնտոս[63]:»

«Девятнадцатая страна Азии – Колхида, то есть Егр, которая расположена на востоке от Понтийского моря, возле Сарматии. С запада граница [Колхиды – Г.Г.] проходит по реке Дракон до Кавказских гор, к той ветви хребта, которая отделяет Колхиду от Грузии. Здесь Колхида частично граничит также с Великой Арменией до Каппадокийского Понта».

Река Дракон, по которой автор «Ашхарацуйца» проводит западную границу Колхиды, справедливо сравнивается с рекой Докон, встречающейся у Агафия

[60] Ашхарацуйц. С. 25.

[61] Ашхарацуйц. С. 26; Еремян С.Т. Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца»… С. 263–264.

[62] Цулая Г.В. Описание Колхиды и сведения об абхазах в армянской «Географии» VII в. // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980. С. 76.

[63] Ашхарацуйц. С. 37.

при описании военных действий византийцев в Лазике[64]. Докон Агафия еще Б.А. Куфтиным вполне убедительно идентифицирован с рекой Техури, притоком Риона[65], следовательно, реку Дракон (Докон) «Ашхарацуйца», по которой проходила граница Абхазии и с Колхидой (Эгриси древнегрузинских источников), следует отождествлять с рекой Техури.

Река Техури берет свое начало у южных отрогов Эгрисского хребта и впадает в реку Риони южнее соврем. Абаши. Таким образом, становится ясным, что армянский географ проводит пограничную линию между Колхидой и Абхазией по нижнему течению реки Риони, до места впадения в нее реки Техури (Дракон), далее ведет эту линию на север, по течению Техури, до ее истока у южного отрога Эгрисского хребта («по реке Дракон до Кавказских гор»). Отсюда граница Колхиды пролегает на восток, «к той ветви хребта, которая отделяет Колхиду от Грузии», то есть к северному отрогу Лихского хребта. Следовательно, армянский географ, как и Птолемей, прочерчивает границу Азиатской Сарматии с Колхидой по горной цепи Эгрисского и Рачинского хребтов, до Лихского (Сурамского) хребта.

Такой подход прослеживается и в грузинских источниках, согласно которым, территория севернее Эгрисского и Рачинского хребтов располагалась вне пределов Эгриси (Колхиды). Эта территория находилась также вне пределов зависимости и влияния Рима, Византии и Персии. Рим, а затем и Византия строят мощные оборонительные сооружения (Клисура) для защиты своих внешних границ в Западном Закавказье не по Главному Кавказскому хребту, а именно по линии горной цепи Рачинского и Эгрисского хребтов[66]. В связи с этим исследователи с удивлением отмечают, что земли, лежащие между Главным Кавказским, Эгрисским и Рачинским хребтами выглядят как бы выпавшими

---

[64] Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». Сухум, 2001. С. 93–94; Там же см. обстоятельный критический анализ, в котором аргументированно обоснована научная несостоятельность существующих мнений, касающихся отождествления реки Дракон «Ашхарацуйца» с реками Кодор (Коракс), Ингур, Галидзга, Келасур, а также полную сводку литературы по данному вопросу.

[65] Куфтин Б.А. Три этапа истории культурного и этнического формирования дофеодальной Абхазии // Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. I. С. 112–113, 115; См. также: Воронов Ю.Н. Колхида… С. 154.

«Фазис и Докон, стекая с Кавказских гор по различным руслам и вначале очень далеко отстоя друг от друга, здесь вследствие изменения местности постепенно сближаются друг с другом, отделяясь небольшим пространством, так что римляне, прорыв новое русло и преградив реку Фазис плотиной, направили ее течение в Докон. Таким образом, обе эти реки в восточной части Острова соединяются и окружают местность. Отсюда они делятся, производя разные повороты и изгибы, и охватывают большое пространство. Пройдя дальше на запад, сближаются и почти сливаются, так что все, ими охваченное, образует остров» (Агафий, II, 21). «Упоминаемый Агафием остров как раз и находится вблизи слияния Техури с Рионом и носит грузинское название Инсулети – от латинского *insula* (*остров*). Здесь находится и селение Исула (Инсула)» (Куфтин Б.А. Три этапа истории… С. 113.).

[66] См.: Воронов Ю.Н. Колхида… С. 155–156.

из общего контекста истории Колхиды (Эгриси), и пытаются найти различные объяснения этому, по их мнению, странному и непонятному явлению[67]. На самом деле здесь все предельно ясно. Дело в том, что область севернее Эгрисского и Рачинского хребтов не входила в историческую Колхиду как в древности, так и в раннем средневековье. Еще Геродот в V в. до н.э. отграничивал эти земли от Колхиды. Так, рассказывая о народах Западного Закавказья он пишет: «… колхи и их соседи до Главного Кавказа…[68]». Соседями колхов до Главного Кавказского хребта античный историк называет население, проживавшее на территории, расположенной к северу от Эгрисского и Рачинского хребтов до Главного Кавказа. Правда, античный историк не дает этому населению название, видя в нем лишь народ, отличный от колхов. Однако имя, под которым были известны северные соседи колхов в середине и второй половине I тысячелетия до н. э., сохранилось в «Ашхарацуйце», и это *нахаматы*. Как было отмечено выше, в этнополитической карте второй половины I тысячелетия до н. э. нахаматеаны занимают территорию Центрального Кавказа, а на юге пределы их расселения совпадают с границей Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли. Следовательно, южная граница расселения нахских племен (нахаматеан) в Западном Закавказье проходила по Эгрисскому и Рачинскому хребтам.

Такую же картину этнического и политического размежевания населения по линии Эгрисского и Рачинского хребтов армянский географ рисует и для раннего средневековья, но в этом случае область к северу от Колхиды (Эгерии) он называет не Нахаматией (Нахаматеан), а Аланией. Так, например, он сообщает, что река Дракон, служившая границей между Абхазией (Апсны) и Лазикой (Эгер), вытекает из Алании. И если в приведенном выше фрагменте река Дракон отождествляется с рекой Техури и отражает границу между Абхазией и Лазикой в V в., то реку Дракон, берущую начало в Алании, следует отождествлять с рекой Цхенис-цкали, впадающей в Риони восточнее Техури и берущей свое начало в предгорьях Главного Кавказского хребта. В данном случае в «Ашхарацуйце» отображена этнополитическая ситуация VII в., когда восточные границы Абхазского царства были расширены от реки Техури до реки Цхенис-цкали, а границы Западно-Аланского объединения охватывали на юге территорию до Эгрисского хребта[69]. Поэтому, согласно

[67] Брагвадзе З., Капанадзе Н. Верхняя Имерети в политическом пространстве Грузии раннего средневековья (на фоне письменных источников и археологических данных). Тбилиси, 2010. С. 56.

[68] Геродот, III, 97.

[69] Во второй половине VI в. византийцы передали Западно-Аланскому объединению крепость Бухлоон (соврем. Пахулан) на берегу Ингура к юго-западу от Эгрисского хребта. Согласно Агафию Миринейскому, это было сделано «чтобы послы более отдаленных народов, собираясь там, получали субсидии и чтобы больше не было необходимости привозящему деньги огибать предгорья Кавказских гор и самому идти к ним» (Агафий, III, 15). С этого времени на территорию, лежавшей между Эгрисским и Главным Кавказским хребтами, вплоть до VIII в. распространялась влияние Аланского объединения, в связи с чем, в источниках, в частности, в «Ашхарацуйце», она именуется Аланией.

«Ашахарцуйцу», река Дракон (в данном случае Цхенис-цкали) берет начало в Алании[70].

Если граница Колхиды по Эгрисскому и Рачинскому хребтам, согласно данным Птолемея и армянского географа, совпадает с рубежами Азиатской Сарматии, то этого нельзя сказать относительно западной, вернее, северо-западной границы Колхиды. Так, Птолемей проводит пограничную черту Азиатской Сарматии по реке Кодор (Корак), но при описании Колхиды называет в ее составе Диоскурию, располагавшуюся северо-западнее Кодора. В то же время в другом месте он прочерчивает северо-западную границу Колхиды по реке Кодор (Корак[71]). По «Ашхарацуйцу», северо-западная граница Колхиды (Егр) в V в. пролегала по реке Техури, а в VII в. – уже по реке Цхенис-цкали, то есть, в обоих случаях, проходила юго-восточнее реки Корак (Кодор) и также не совпадала с границей Азиатской Сарматии. Здесь, разумеется, нет ничего противоречивого, ибо границы Азиатской Сарматии нельзя путать с политическими границами тех или иных стран, так как они не всегда совпадают[72].

В отличие от границ Азиатской Сарматии, политические границы Колхиды в разные эпохи, естественно, менялись. И в вышеприведенных отрывках из греческого и армянского источников переданы этнополитические реалии Колхиды различных исторических периодов. Подробный анализ данных о границах Колхиды, обозначенных Птолемеем и армянским географом, выходит за рамки нашей темы. Тем не менее нужно отметить, что в описании Колхиды у Птолемея отчетливо прослеживаются два хронологических напластования[73]: первое – этнополитическая ситуация IV–III вв. до н. э., когда Диоскурия входила в состав Колхиды, и второе – этнополитическая ситуация начала новой эры, сложившаяся на территории исторической Колхиды в период завоевания Рима и появлении здесь новых этнических элементов, в частности лазов.

В «Ашхарацуйце», как уже было отмечено, в одном случае указана граница Лазики с Абхазией V в., проходившая по реке Техури и нижнему течению Риони,

---

[70] Такая этнополитическая ситуация существовала вплоть до VIII в. В VIII в. абхазский царь Леон II завоевывает всю территорию Западного Закавказья и прочно включает ее в состав абхазского царства. Территория, лежавшая между горной цепью Эгрисского и Рачинского хребтов и Главным Кавказом, была разделена на две отдельные административные единицы в составе Абхазии (Рача-Лечхумское и Сванское).

[71] Pt. V, IX, 1.

[72] Видимо, ошибочное отождествление границ Азиатской Сарматии с политическими рубежами Колхиды вводит в заблуждение тех исследователей (Н. Ломоури, М. Инадзе и др.), которые вопреки всем фактам переносят р. Корак Птолемея на северо-запад от Диоскурии и сопоставляют ее с рекой Бзыбь. При этом, что кажется весьма странным, те же авторы совершенно игнорируют сведения «Ашхарацуйца» по данному вопросу.

[73] Об этом говорит также и упоминание Птолемеем города Диоскурии, к его времени уже давно не существовавшего. Древняя Диоскурия (современный Сухум) в Римскую эпоху называется уже Севастополис. В некоторых древних рукописях Географии Птолемея рядом с Диоскурией упомянут и Севастополис.

а в другом – новая граница, сложившаяся к VII в. и пролегавшая по реке Цхенис-цкали[74].

Таким образом, в Западном Закавказье южная граница Азиатской Сарматии проходила по Черноморскому побережью до устья реки Кодор (Корак), откуда сворачивала на северо-восток и шла по реке Кодор до местности Наа, затем – по вершинам Кодорского хребта до западного отрога Эгрисского хребта, далее – на восток, по горной цепи Эгрисского и Рачинского хребтов, до северного отрога Лихского хребта.

б) Граница Азиатской Сарматии с Картли (Иберией)

От северного отрога Лихского хребта на восток южная линия Азиатской Сарматии проходит вдоль северной границы Картли, пересекая Сарматские ворота (см. выше). И здесь для определения пределов Азиатской Сарматии исключительное значение приобретает локализация Сарматских ворот Птолемея на границе с Картли. В научной литературе Сарматские ворота Птолемея обычно отождествляются с Дарьяльскими воротами (Н.Ю. Ломоури, Д.Л. Мусхелишвили и др.) или с проходом Панаури, находившимся недалеко от истоков Арагви (Г.Г. Мкртумян), что, как увидим ниже, противоречит данным Птолемея.

Дело в том, что в связи с Центральным Кавказом Птолемей упоминает Сарматские ворота дважды, каждый раз локализуя их в разных местах. В этом нетрудно убедиться, если сравнить координаты ворот в обоих случаях: Сарматские ворота, находящиеся на границе Азиатской Сарматии, у северного предела Картли, имеют координаты 77° – 47°, а Сарматские ворота, расположенные уже не на границе, а во внутренних районах Азиатской Сарматии, имеют координаты 81° – 48° 30›[75]. Ясно, что Птолемей говорит о двух разных Сарматских воротах, расположенных в первом случае на южном, а во втором – на северном конце главной перевалочной дороги Центрального Кавказа Дарьяльского ущелья, соединяющего Северный и Южный Кавказ[76]. Северные Сарматские ворота, находившиеся во внутренних районах Сарматии, соответствуют Дарьяльским воротам (Аланские ворота, Крестовый перевал), располагавшимся у Главного Кавказского хребта. А под Сарматскими воротами на южном конце перевалочной дороги подразумеваются ворота на границе Картли и Азиатской Сарматии. На севере и северо-востоке от этих ворот, за пределами Иберии (Картли) Птолемей размещает санаров и тушин.

Местоположение Сарматских ворот на границе с Картли можно довольно точно определить по тексту «Ашхарацуйца». Как и Птолемей, армянский географ говорит о двух воротах, расположенных на северном и южном концах перевалочной дороги Центрального Кавказа:

[74] Подробно см.: Гумба Г.Д. К вопросу идентификации реки Эгрис-цкали Джуаншера Джуаншериани // Абхазоведение. Вып. III. Сухум, 2003.

[75] Pt. V, VIII, 11, 14.

[76] См. также: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1904–1906. Т. 2. Вып. 1–2. С. 298. Примеч. 13.

«Եւ `ի Նույն լերինն՝ յետ Արդոզեան ազգին բնակեն… Ծանարքայ՝ յորում Ալանաց դուռն. Եւ միւս դուռն որ ասի Ծեքեն, համանուն ազգի[77]».

«И в тех же [Кавказских] горах за народом Ардозеан проживают… Цанары, у которых Аланские ворота, и другие ворота, называемые Цекен, соименного племени».

Аланские (Дарьяльские) ворота «Ашхарацуйца» соответствуют северным Сарматским воротам Птолемея, находившимся у Главного Кавказского хребта, а Цекенские (или Цилканские) ворота – южным Сарматским воротам Птолемея. Цилканские ворота (южные Сарматские ворота Птолемея) надежно локализуются в пределах территории проживания соименного племени цилкан (цикан), в районе слияния рек Арагви и Пшавская Арагви, рядом с местностью Жинвали (Жинвани). Если судить по сохранившемуся до наших дней в Мцхетском районе современной Грузии топониму Целкани, в те или иные периоды территория расселения цилкан (цикан) простиралась, видимо, южнее области Жинвали. Помимо местности Цилкани в этом районе древнегрузинским авторам были известны *Цилканские горы* и *Цилканская дорога*[78].

Согласно «Ашхарацуйцу», именно через ворота Цилкан проходила пограничная линия, отделявшая Азиатскую Сарматию от Картли. Земли к северу от Цилканских ворот, на которых проживали цхаваты, гудамакары, хевсуры, пшавы (похи, пховы) и др., включены армянским географом в Азиатскую Сарматию, а области Мцхета и Базалети, примыкавшие к Цилканским воротам с юга, – в Картли[79].

Слова армянского географа о расположении обоих ворот – и Дарьяльских (Аланских), и Цилканских – в пределах Цанарии объясняются тем, что в соответствующем отрывке «Ашхарацуйца» отражено политико-административное деление Восточного Закавказья, сложившееся в период господства здесь Сасанидского Ирана. В этот период территория Цанарии наряду с Картлийским царством и персами была выделена в отдельную политико-административную единицу в составе кустака Кап-Кох (Кавказский край) Сасанидской империи. Территория княжества, а затем царства Цанарии с юга начиналась у населенного пункта Жинвали (Цилканские ворота), а на юго-востоке – у северо-западных границ Албании, и оканчивалась на севере областью, лежащей севернее Дарьяльских ворот, у современной станции Ларс Северной Осетии (см. также ниже[80]). В состав княжества Цанарии входили пшавы, хевсуры, гудамакары, цхаваты, чарталы, цилканы, цова-тушины[81].

---

[77] Ашхарацуйц. С. 26. В рукописях «Ашхарацуйца» данное название передается в различных формах: *цикен, цекан, цикан, кцекен, цилкан, целкан, цикал, целклан*.

[78] Летопись Картли. Тбилиси, 1982. С. 74.

[79] Ашхарацуйц. С. 27; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси. 1959, С. 124–125; Еремян С.Т. Великая Армения по «Ашхарацуйцу» (карта); Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван, 1983. С. 30–33.

[80] Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети… С. 52.

[81] Гумба Г.Д. Цанары по «Ашхарацуйцу». Тезисы докладов XXI научной сессии Ин-

Правомерность предлагаемой локализации южных Сарматских ворот Птолемея и Цилканских ворот «Ашхарацуйца» убедительно подтверждается и тем, что у Птолемея координаты южных Сарматских ворот совпадают с северной границей Иберии: «…следующий за ним [предел] идет по границе Иберии; здесь находятся: Сарматские Ворота 77°–47°, затем предел вдоль Албании до Гирканского моря»[82]. Таким образом, Сарматские ворота Птолемея и Цилканские (Циканские) ворота «Ашхарацуйца», по которым проходила пограничная линия между Азиатской Сарматией и Иберией, соответствуют горному проходу у Жинвали.

Об укрепленных воротах возле Жинвали, на северной границе Картли сообщают многие древние авторы (античные, арабские, ранневизантийские, древнеармянские, древнегрузинские). Плиний, к примеру, называет эти ворота Кавказскими, предупреждая, что не стоит путать их с Каспийскими: «*…в этом месте, как раз напротив иберского города Гермаста*, воротами разделены части света. От Кавказских ворот в Гурдинских горах живут валлы и суавы, племена не знакомые с культурой, однако умеющие добывать золото в рудниках. От них до самого Понта живет множество гениохийских и потом ахейских племен» (выделено мной. – Г. Г.[83]) Как видим, информация Плиния не только перекликается со сведениями Птолемея, но и существенно дополняет их в интересующем нас вопросе.

По Плинию (который, кстати, при описании Центрального Кавказа опирался, по его же словам, «на присланные оттуда ситуационные карты[84]»), Кавказские ворота находились «как раз напротив иберийского города Герместа», т.е. Армази, древней столицы Иберии, располагавшейся у слияния рек Арагви и Куры. На севере от этих ворот, в Гурдинских горах, по словам Плиния, проживали валлы и суавы. Валлы (талы) Плиния отождествляются с двалами, которые, как было отмечено выше, занимали южные склоны Главного Кавказа от Дарьяльского прохода до Сванетии. Суавы убедительно идентифицируются со сванами, проживавшими западнее двалов[85].

ститута истории АН Армянской ССР. Ереван, 1987, на арм. яз. С. 35–40. После падения Сасанидского Ирана цанары возглавили борьбу народов центральной части Южного Кавказа против Арабского халифата, завершившуюся образованием сильного цанарского царства, известного в арабских источниках как Санария, в армянских как Цанарк, в грузинских – Кахети.

[82] Pt. V, 8, 11.

[83] Plin. VI, 30.

[84] «Здесь нужно исправить ошибку многих, даже тех, которые в последнее время принимали участие в походе Корбулона в Армению: они называют Каспийскими те ворота в Иверии, которые, как мы сказали, называются Кавказскими; это название стоит и на присланных оттуда ситуационных картах» (Plin. VI. 40).

[85] Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия… С. 44–45. Здесь же отметим выявленный В.Н. Гамрекели весьма примечательный факт, а именно: сообщаемое Плинием название гор, находившихся севернее Кавказских ворот – Гурдинские, находит реальное подтверждение в топонимике как южной, так и северной стороны центральной части Главного Кавказа. На территории от Приэльбрусья до Дагестана, по обеим сторонам Главного

Следовательно, Кавказские ворота Плиния нельзя отождествлять с Дарьяльскими воротами Главного Кавказского хребта. Несомненно, здесь речь идет о южных укрепленных воротах главной перевалочной дороги Центрального Кавказа в местности Жинвали. Об этой укрепленной линии, расположенной у слияния рек Арагви и Пшавская Арагви, скорее всего, ведет речь также и Страбон, описывая дорогу из Северного Кавказа в Иберию: «Со стороны северных кочевников ведет трудный трехдневный подъем, *а за ним узкая речная долина вдоль реки Арага, требующая четырех дней пути для одного; конец пути охраняет неприступная стена»* (выделено мной. – Г.Г.[86]) Очевидно, что неприступной стеной в конце дороги, спускавшейся с Дарьяльского перевала на юг, вдоль реки Арагви (Арага), Страбон называет укрепленные ворота (Цилканские ворота) возле Жинвали.

Строительство укрепленной стены возле Жинвали древнегрузинская историческая традиция относит к началу II в. до н. э., когда здесь, у северных пределов Картли, были воздвигнуты укрепленные ворота (*врата каменные*) под названием Дарубал (დარუბალი), и связывается это с деятельностью царя Картли Мирвана (конец III – начало II в. до н. э.[87]) В литературе *ворота Дарубал* Леонти Мровели иногда неверно отождествляются с Дарьяльскими воротами, но, как справедливо отмечает в связи с этим Г.В. Цулая, «автор грузинской хроники хорошо осведомлен в географических названиях, прилегающих к Грузии районов, и потому он не … мог исказить название Дарьяльских ворот, которое ему хорошо известно[88]». Кроме того, Леонти Мровели ясно указывает на то, что ворота Дарубал были построены для сдерживания натиска дурдзуков. Для этой цели укрепления лишь Дарьяльских ворот было, разумеется, совершенно недостаточно, ибо в таком случае остались бы неприкрытыми дороги, шедшие с северо-восточного Кавказа и выходившие через Жинвали к Мцхета. И лишь укрепленные ворота у слияния Пшавской Арагви и Белой Арагви могли надежно закрыть все доступы со стороны как Центрального, так и Восточного Кавказа не только к Картли, но и к Албании и Армении. Именно поэтому в древнегрузинских источниках данный проход известен также как Дурдзукские ворота[89].

Кавказского хребта известен ряд горных вершин, имеющих в названии корень *горд/гурд/курт/корт*. Элемент *горд/гурд/курт/корт* имеет очевидную вайнахскую этимологию и значит на чеченском и ингушском языках *вершина* (*горы*). По мнению Я.С. Вагапова, имя Гурдин-Гордиен означает *страна вершин*, или *горный край*, что следует признать вполне приемлемым (Вагапов Я.С. Проблема происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики. // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. С. 55–56).

[86] Str. XI, III, 5.

[87] Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. (Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана). Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1979. С. 31 (далее Мровели Леонти).

[88] Мровели Леонти. С. 66–67. Прим. 108.

[89] Картлис цховреба (История Грузии). Грузинский текст, установленный по всем основным рукописям С.Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955. С. 74 (далее Картлис цховреба).

Свидетельством существования в древности возле местности Жинвали крепостных ворот, являвшихся границей между Картли и Дурдзукетией, служат сохранившиеся в этом месте полуразрушенные крепостные сооружения, а факт постоянного размещения здесь военных сторожевых отрядов подтверждается археологическими раскопками[90]. Сведения об этом можно найти также и у Вахушти: «Жинвали же находится между слиянием Черной и Белой Арагвы; он крепость устроенная и крепкая; был город и теперь покинут[91]».

В раннесредневековый период укрепленные ворота у Жинвали представляли собой часть цепи сторожевых крепостей (башен) или каменной стены, простиравшейся вдоль границы Цанарии с Картли и Албанией. В арабских источниках эта стена известна как *Дурдзукская каменная стена*, или *Дурдзукские ворота*[92]. Армянские авторы раннего средневековья называют эту стену не только Циканскими (Цилканскими) воротами, но и *И Вирои пахак* (*Ի Վիրոի պահակ*), то есть *Иберийское укрепление*[93], откуда произошло название *Юройпаах*, встречающееся в ранневизантийских источниках[94].

Значимость этих ворот была столь высока, что начиная со II в. до н. э., т.е. со времени строительства, их укреплением помимо Картлийского царства были озабочены также Армения, Иран, Рим, Арабский халифат. По свидетельствам разных источников, Рим и Иран часто занимались восстановлением и обновлением этих ворот[95]. Столь пристальное внимание к воротам, располагавшимся у слияния Арагви с Пшавской Арагви, со стороны крупнейших держав Передней Азии, безусловно, было не случайным. С военно-стратегической точки зрения, проход у Жинвали, называвшийся *Цилканскими воротами*, *Сарматскими воротами*, *Дарубалом, Дурдзукскими воротами, Иберийским укреплением*, имел ключевое

[90] Николайшвили В.В., Чихладзе В.В. Жинвальский могильник (по материалам 1974 г.) // Жинвальская экспедиция (материалы второй научной сессии). Тбилиси, 1980.

[91] Вахушти. География Грузии. ЗКОРГО. Тифлис, 1904. Кн. 24. Вып. 5. С.110.

[92] Нельзя считать приемлемым ни чем не обоснованное мнение о том, что Дзурдзукские ворота находились в Ассиновском ущелье Ингушетии, через которое проходил один из путей, соединявших северокавказскую плоскость с Грузией (Анчабадзе Г.З. Вайнахи. Тбилиси, 2001. С. 44). Помимо всего прочего, нет каких-либо данных о вхождении в пределы Грузии в античный и раннесредневековый период не только территории Ассиновского ущелья на Северном Кавказе, но и земель, расположенных к северу от Цилканских ворот возле местности Жинвали.

[93] Агатангелос. История Армении. Тифлис, 1909, на древнеарм. яз. С. 45 (далее Агатангелос); Мовсес Хоренаци. История Армении. Тифлис, 1913, на древнеарм. яз. С. 53 (далее Мовсес Хоренаци).

[94] Приск Панийский. Готская история. СПб., 1861. С. 62.

[95] Так, например, во времена римского императора Веспасиана (69–79 гг.), крепостные стены к северу от Мцхеты (Цилканские, или Сарматские ворота) были укреплены римлянами, о чем свидетельствует найденная здесь греческая надпись, датируемая 75 г. н. э. (см.: Амиранишвили А.И. Греческие надписи музея Грузии. «Bull. du Musee de Georgie». IV. 1928. С. 195). Исследователи полагают, что в то время здесь находился римский гарнизон, защищавший подступы к границам Римской империи (SChur W. Die Orientpo1itik des Kaisers Nero («Klio», Beih. 15), Leipzig, 1923. С. 34–35.).

значение, ибо в этом месте пересекались дороги, шедшие не только с Северного Кавказа по Дарьяльскому ущелью, но и с горных перевалов Северо-Восточного Кавказа через Аргунский и Ассинский проходы, через Шатили или Ардоти, вдоль Пшавской Арагви. Отсюда одна дорога имела выход непосредственно к столице Картли Мцхета, расположенной в 50 км от Живали, а другая через Тианети выходила в долину Алазани и далее вела в Албанию и Армению.

Безусловно, этот проход имел важнейшее значение не только для сдерживания военных вторжений с севера, но и, конечно, для защиты населения, проживавшего севернее ворот, от губительных нашествий на горцев с юга. Так, например, древние каменные укрепления в этом месте были разрушены в VII в. арабским полководцем Мурваном при его вторжении в Цанарию. И, видимо, совсем не случайно название укрепленных ворот (Циканские или Цилканские ворота) на нахских языках буквально означает *кровоточащее* (*место*) (*цьий эка-н*).

Таким образом, Сарматские ворота Птолемея (Цилканские ворота «Ашхарацуйца»), через которые проходила граница между Азиатской Сарматией и Картли (Иберия), следует отождествлять с горным проходом у слияния рек Арагви и Пшавская Арагви, рядом с местностью Живали. От этих ворот на юго-восток граница Сарматии простиралась по северным пределам Албании. К сожалению, Птолемей, как и армянский географ лишь указывает на то, что граница Азиатской Сарматии пролегает по северным рубежам Албании, не давая при этом каких-либо дополнительных уточнений, что затрудняет точное проведение пограничной линии далее, до Каспийского моря. Определять южный рубеж Азиатской Сарматии от Живали до Каспийского моря лишь по северной границе Албании было бы опрометчиво, ибо границы Албании являлись весьма неустоичивыми и часто менялись. Так, например, в I в. до н. э. и в I в. н. э. античные авторы (Страбон, Плиний Старший и др.) проводят северо-западную границу Албании по реке Алазань, до впадения ее в Куру (см. ниже). Однако в данном случае нас интересует северная граница Албании, по которой Птолемей проводит южную границу Азиатской Сарматии. В отличие от Страбона и Плиния, Птолемей отображает ситуацию, характерную для II в. н. э, и северо-западную границу Албании отодвигает на запад, доводя ее до линии Живали – Тианети, а города, расположенные между реками Арагви и Алазани, включает в состав Албании[96]. Следовательно, согласно Птолемею, от Живали на юго-восток граница Азиатской Сарматии шла по линии Тианети – Ахмета – Квел-Даба – гора Гутон Главного Кавказского хребта[97].

Здесь следует отметить тот примечательный факт, что территорию Азиатской Сарматии, лежавшую к северу от Албании (то есть, от вышеуказанной линии), Птолемей называет Санарией[98]. Как отмечено выше, по «Ашхарацуйцу», Цанария занимала территорию от Живали на юге, где она граничила с Картли, до областей,

[96] Pt. V, 11, 3; См.: Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу»… С. 35; Алиев К. Кавказская Албания. Баку, 1974. С.107; Арутюнян Б.А. Административное деление закавказских владений Сасанидского Ирана согласно труду Елишэ // Кавказ и Византия. Ереван, 1979. Вып. 1. С. 25; Акопян А.А. Албания-Алуанк… С. 29–30; Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку, 1990. с.56.

[97] См. также: Акопян А.А. Албания-Алуанк… С. 30.

[98] Pt. V, VIII, 18.

лежавших к северу от Дарьяльского перевала, на севере. Таким образом, сведения греческого и армянского географов о Санарии (Цанарии) именно как о политическом образовании, охватывавшем территорию, расположенную к северу от Картли и Албании, полностью совпадают. Следовательно, данные Птолемея отодвигают образование Цанарского княжества к более раннему времени, чем считалось до сих пор в научной литературе. Во всяком случае, сейчас с достаточной уверенностью можно говорить о существовании политического образования Цанария (Санария) уже в первой половине II в. н. э., когда писал свой труд Птолемей).

Прочерчивание границы Картли с Азиатской Сарматией по вышеназванной линии (северные отроги Лихского хребта – Жинвали – Квел-Даба – г. Гутон), на первый взгляд, противоречит сообщению того же «Ашхарацуйца», в котором говорится, что граница Картли простирается до Главного Кавказского хребта. Действительно, в «Ашхарацуйце» ясно указано, что северные границы Картли доходят до Аланских (Дарьяльских) ворот и Главного Кавказского хребта[99]. В то же время, как было отмечено выше, племена, проживавшие к югу от Главного Кавказского хребта до Жинвали, исключены армянским географом из пределов Картли, но упомянуты в составе Азиатской Сарматии. Эти сведения, отмеченные исследователями (Д.Л. Мусхелишвили, Н.Ю. Ломоури и др.) как странные и противоречивые, на самом деле легко объяснимы. Дело в том, что в сообщении «Ашхарацуйца» о том, что северная граница Картли проходит по Главному Кавказскому хребту, речь идет не о собственно исторической Картли (или Картлийском царстве), а о марзпанстве Картли (Варджан), входившем в состав кустака *Капкох* (*Кавказский край*) Сасанидской Персии.

В 387 г. по договору с Византией Сасанидская Персия закрепила за собой Восточное Закавказье и Восточную Армению. В своих закавказских владениях Персия произвела новое административное деление, заметно перекроившее существовавшие тогда границы. Был создан ряд политико-административных единиц – марзпанства Армн (Армения), Атрпатакан, Варджан (Картли), Ран (Албания), Баласакан и другие, которые в свою очередь образовали кустак Капкох (кустак Кавказ) Сасанидской Персии. Именно эти административные изменения отражены в «Ашхарацуйце», о чем ясно говорится в следующем отрывке:

«Կուստակ ի Կապկոհ, որ է կողմն Կաւկասու լերանւ, յորում են աշխարհք երեքտասան. Ատրպատական. Արմն՝ (որ է) Հայք. Վարջան՝ որ է Վիրք. Ռան՝ որ է Աղուանք. Բալասական. Սիսական. Առէ. Գեղան. Շանջան. Դլմունք. Դմբաւանդ. Տապարրստան. Ռւան. Ամոլ, որ պատմել առաջի կայ մեզ[100]:»

«Кустак-и-Капкох, то есть край Кавказских гор, имеет 13 областей: Атрпатакан, Армн, то есть Армения, Варджан, то есть Иберия, Ран, то есть Албания, Баласакан, Сисакан, Арэ, Гелан, Шанчан, Длмунк, Дмбаванд, Тапарастан, Рван, Амол, *о которых мы расскажем ниже*» (выделено мной. – Г.Г.)

[99] Ашхарацуйц. С. 28.

[100] Ашхарацуйц. С. 30.

Как видно из отрывка, армянский географ в начале определяет предмет своего описания – кустак Капкох (Кавказский край) Сасанидской Персии, дает общий обзор его политико-административных границ, а затем подробно описывает каждую из названных областей (марзпанств), приводя при этом персидское название Армении – Армн, Иберии (Картли) – Варджан и Албании – Ран. Приступая к описанию марзпанство Варджан (или Картлийского марзпанства), автор «Ашхарацуйца» устанавливает его политико-административные границы. В марзпанство Варджан, находившееся под непосредственным управлением персидского марзпана, входили собственно Варджан (Картлийское царство), Гугарк и Цанария, к которой принадлежали пшавы, хевсуры, тушины, чарталы и другие кавказские горцы, проживавшие к северу от Жинвали[101]. Пограничная линия марзпанства Варджан (Картли) проходила «по восточной стороне Егр, по Аджаро-Имеретинскому хребту, по реке Квирила, включая область Шорапани, по Кавказским горам, Аланским воротам, по западной и южной границе Лбинка (последняя пролегала по реке Алван (Алазань) и по западной границе Албании). На юге Грузинское марзпанство граничило с марзпанством Армн», и граница эта проходила по южным окраинам бдешхства (области) Гугарка[102]. Таким образом, в сообщении «Ашхарацуйца», где говорится о том, что Картли простирается до Кавказских гор, имеются в виду именно границы Картлийского марзпанства, действительно достигавшие Главного Кавказа.

Что же касается собственно Картлийского царства, являвшегося частью Картлийского марзпанства, то армянский географ дает столь подробное его описание, что вряд ли можно усомниться в его хорошей осведомленности в данном вопросе. Всеобъемлющий анализ был проведен акад. С.Т. Еремяном[103], касались этого вопроса раннее и мы[104], так что подробно останавливаться на этом не будем и ограничимся лишь описанием интересующих нас северных и северо-восточных границ Картли. Итак, на западе граница Картлийского царства совпадала с границей одноименного марзпанства и доходила на севере до местности Цона недалеко от истока Квирилы, далее она шла на восток, до северного отрога Ломийского хребта, оттуда – на юг, по Ломийскому хребту и по северной окраине Картлийской области Базалети, до реки Арагви (южнее Жинвали), затем двигалась по течению Арагви до впадения ее в Куру[105]. На севере и северо-востоке Картлийское царство граничило с другой политико-административной единицей Картлийского марзпанства Сасанидской империи – Цанарским царством. Эти две политические единицы – Картли и Цанария – входили в состав Картлийского марзпанства и находились в непосредственном вертикальном подчинении Картлийскому марзпану[106].

---

[101] Еремян С.Т. Феодальное образование Картли в период марзбанства (532–627 гг.). Автореферат диссерт. на соискание уч. ст. к. ист. н. Л., 1935. С. 2; Его же: Армения по «Ашхарацуйцу» С. 121–122; Арутюнян Б.А. Административное деление… С. 29.

[102] Арутюнян Б.А. Административное деление… С. 29.

[103] Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу»... С. 30–36. Там же карта.

[104] Гумба Г.Д. Цанары по «Ашхарацуйцу»... С. 15–16.

[105] См. также: Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети… С. 26.

[106] После того как в 387 г. историческая область Великой Армении Гугарк была при-

Естественно, границы Картлийского марзпанства нельзя путать, а тем более отождествлять с границами собственно исторической Картли, или Картлийского царства. Однако, к сожалению, в исторической литературе территорию созданного Сасанидами Картлийского марзпанства (Варджан) обычно идентифицируют именно с Картлийским царством (Д.Л. Мусхелишвили, Н.Ю. Ломоури, М. Инадзе и др.), что, как мы видели выше, не соответствует действительности.

Возможно, наблюдаемое в современной исторической литературе ошибочное отождествление Картлийского царства с Картлийским марзпанством связано с тем, что и Сасанидское марзпанство, и собственно Картлийское (Иберийское) царство официально именовались термином *Варджан*. В отличие от Армении, в которой царство было упразднено персами, Картлийское царство формально существовало до 532 г., хотя и находилось в подчинении у марзпана, официально именовавшегося марзпаном, или питиашхом (бдешх) Варджан. С укреплением персидской административно-территориальной единицы − марзпанства Варджан, произошла трансформация смысла, вкладывавшегося в понятие *Варджан*. Под *страной Варджан* стали понимать не собственно Иберию (Картли, или Картлийское царство), а марзпанство Варджан, куда входили Гугарк и Цанария, что, разумеется, нашло отражение в раннесредневековых источниках. Это, видимо, и вводит в заблуждение современных исследователей. Между тем, совершенно очевидно, что при изучении тех или иных вопросов, касающихся исторической географии Картли периода марзпанства, нельзя путать территорию Картлийского марзпанства с территорией собственно Картлийского царства. Обязательно нужно учитывать, что термин *Варджан* (Картли, Иберия) в марзпанский период употреблялся в источниках в двух смыслах и обозначал как созданное Сасанидами Картлийское марзпанство, так и собственно Картлийское царство[107].

Таким образом, по «Ашхарацуйцу», этнические и политические границы Картлийского царства доходили до Жинвали, где, у слияния рек Арагви и

соединена к созданному Картлийскому марзпанству, функции марзпана в первое время были возложены персами на бдешха (правителя) Гугарка, который стал именоваться также и бдешхом или питиашхом Картли (Варджан). В военно-административном отношении Картлийское царство и Цанарское княжество были непосредственно подчинены бдешху (питиашху) Картли. Резиденция марзпанства Картли находилась юго-восточнее Тбилиси, в местности Бостан-Калаки (*востан-город*). После упразднения Картлийского царства в 523 г. вместо бдешха Гугарка роль наместника Картлийского марзпанства Сасаниды была передана уже непосредственно персидскому марзпану, который присылался из Персии. Резиденция марзпанства была перенесена из Бостан-Калаки в Тбилиси, а в Мцхета вместо упраздненной царской династии теперь сидели правители Картли, которые носили титул «мамасахлиси» (Еремян С.Т. Феодальное образование Картли… С. 4; Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети… С. 53–54.).

[107] Аналогичным было и положение Албанского царства, которое также было не ликвидировано, а включено в состав Албанского марзпанства (Ран). К Албанскому марзпанству были присоединены области Великой Армении на правобережье реки Куры, царство Лбинк и Прикаспийская область южнее Дербента (Чора). В связи с этим в современной литературе территорию Албанского марзпанства часто также ошибочно отождествляют с территорией собственно Албанского царства.

Пшавской Арагви, находились Сарматские, или Цилканские ворота. Именно здесь, как было показано выше, проходили южные границы Азиатской Сарматии, отделявшие ее от Картли.

Безусловно, обозначенные выше северные границы Картли и Колхиды не всегда совпадали с южной линией Азиатской Сарматии, так как само собой разумеется, что политические границы Картли и Колхиды не были постоянными и в те или иные исторические периоды менялись. По имеющимся в нашем распоряжении материалам, установление северной границы Картли древнегрузинская историческая традиция относит к началу II в. до н. э. Связывается это, как уже было сказано, с Картлийским царем Мирваном, который построил укрепленные ворота Дарубал на границе с Дурдзукети. По-видимому, к тому времени северная этнополитическая граница Картли доходила до этих ворот, называемых *Дарубал*, *Цилканские ворота, Сарматские ворота,* известных также как *Укрепление Иберийской страны*. Но немного позже – видимо, начиная с середины II в. до н. э., политическая граница Картлийского царства простирается уже до Главного Кавказа, о чем свидетельствует известное сообщение Страбона: «Равнину (Иберии) населяют те из иберов, которые более занимаются земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и по-мидийски, а горную (часть) занимает воинственное большинство, в образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми они находятся и в соседстве, и в родстве, впрочем, они занимаются и земледелием, и в случае какой-нибудь тревоги набирают много десятков тысяч (воинов), как из своей среды, так из тех (народов[108])».

Использование древнегреческим географом термина *Иберия* в собирательном политическом значении для обозначения этнически различных жителей равнины и горцев, несомненно, говорит о том, что начиная с середины II в. до н. э. Картлийскому царству удалось, видимо, распространить свое политическое влияние на горское население на территории вплоть до Главного Кавказского хребта. Однако факт применения термина *Санария* (*Цанария*) автором II в. н. э. Птолемеем для обозначения территории между Албанией, Иберией и Дарьяльскими воротами, говорит о том, что уже в то время Санария (Цанария) была политически самостоятельной и границы ее с Картли на юге проходили по укрепленным воротам (Цилканские, Сарматские, Дурдзукские) у Жинвали.

Таким образом, южная граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли (Грузия), по данным Птолемея и автора «Армянской географии», проходила по вершинам Эгрисского и Рачинского хребтов, по северным отрогам Лихского хребта, и далее по линии Жинвали (Сарматские ворота) – Квел-Даба – г. Гутон Главного Кавказа. Следовательно, именно по указанной пограничной линии Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли, согласно данным «Ашхарацуйца», пролегал и южный рубеж области проживания нахаматеан.

Итак, по «Ашхарацуйцу», территория расселения нахаматеан во второй половине I тысячелетия до н. э. охватывает обе стороны центральной части

[108] Str. XI, III, 3.

Большого Кавказа: к северу от Главного Кавказа – от верховья Кубани на западе до Андийского хребта на востоке; в южной части Главного Кавказа – от верховья Ингури на западе до верховьев Алазани на востоке. Южные пределы расселения нахаматеан проходили по вершинам Эгрисского и Рачинского хребтов, по северному отрогу Лихского хребта, далее на восток, по линии Арциv – Жинвали – Квел-Даба – г. Гутон на Главном Кавказском хребте. Не поддаются пока более или менее точному определению северные рубежи нахаматеан, но мы можем полагать, что они доходили до степных районов Предкавказья, где соприкасались с землями кочевых племен сираков и аорсов.

Подводя итог изложенному выше, приходим к следующим основным заключениям:

1. Отрывок «Ашхарацуйца», в котором упомянуты нахаматеаны, отражает этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе второй половины I тысячелетия до н. э.

2. К этому периоду нахские племена проживали на территории всей южной и северной части Центрального Кавказа – от верховья рек Ингури и Кубани на западе до верховья Алазани и Андийского хребта на востоке.

3. Этноним нахаматеанк употребляется в «Ашхарацуйце» не только в этническом, но и в политическом собирательном значении, и под этим названием имеются в виду племена, проживавшие в северной и южной частях Центрального Кавказа во второй половине I тысячелетия до н. э.

2. Кавкасиани Леонти Мровели

Важные сведения о нахских племенах содержатся в сочинении древнегрузинского историка XI в. Леонти Мровели «Жизнь картлийских царей и первоначальных отцов и предков», с которого начинаются все известные списки раннего цикла грузинского летописного свода «Картлис цховреба»[109]. Отношение

[109] В работе использованы издания «Картлис цховреба» на грузинском (Картлис цховреба (История Грузии). Грузинский текст, установленный по всем основным рукописям С.Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955; «Мокцевай Картлисай» // Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Кн. I. Тбилиси, 1963 г. – далее «Мокцевай Картлисай») и русском (Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1979; Обращение Грузии. Перевод с древнегрузинского Е.С. Такайшвили. Редакционная обработка, исследование и комментарии М.С. Чхартишвили. Тбилиси, 1989 г. – далее Обращение Грузии) языках, а также древнеармянским текстом, переведенным с древнегрузинского во второй половине XII в. (Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник // Картлис цховреба. Грузинский оригинал и древнеармянский перевод с исследованием и вокабулярием издал И.В. Абуладзе. Тбилиси, 1953 – далее Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник). Древнейший список армянского текста «Картлис цховреба» датируется 1279–1311 гг. (рукопись хранится в Матенадаране им. Маштоца, № 1902), он древнее сохранившихся грузинских текстов и более близок к оригиналу (см.: Какабадзе С.Н. Некоторые вопросы хронологии древ-

к информации, представленной Леонти Мровели, в научной литературе неоднозначно и варьируется от абсолютного отрицания ее ценности до полного ее приятия. Однако благодаря источниковедческим исследованиям, проведенным Г.К. Каухчишвили, К.С. Кекелидзе, Г.А. Меликишвили, М.К. Андроникашвили, З.В. Анчабадзе, В.Б. Ковалевской; З.Ш. Дидебулидзе, В.Б. Виноградовым, Г.В. Цулая и др., убедительно доказана научная ценность приведенных в труде Леонти Мровели фактов, касающихся древней истории грузинского народа и ряда других народов Кавказа[110].

Безусловно, «Жизнь картлийских царей» представляет собой типичный историко-литературный памятник раннего средневековья и имеет все характерные признаки времени: в нем наряду с письменными материалами приводятся устные предания и мифологические легенды, часто встречаются анахронизмы, случайные высказывания и т.д.[111] Именно поэтому данные, содержащиеся как в сочинении Леонти Мровели, так и в других раннесредневековых источниках, могут быть использованы лишь в том случае, если имеются альтернативные данные, контролирующие и подтверждающие их. В этой связи следует подчеркнуть интересный факт, отмеченный многими исследователями: чем больше углубляются и расширяются наши знания о древней истории народов Кавказа (особенно Центрального и Восточного), тем более высокой становится значимость и достоверность данных, приведенных Леонти Мровели. Благодаря источниковедческому анализу очевидно следующее: грузинский автор имел доступ к не дошедшим до нас древнейшим письменным историческим источникам и народным преданиям, и это позволило ему создать целостную картину древней истории Кавказа[112]. Это очень важно, поскольку, как справедливо замечает В.Б. Ковалевская, теперь «может быть отброшен упрек Мровели в легендарности его сведений относительно древней истории народов Картли (и Кавказа), и мы должны отнестись к нему со всем заслуженным им доверием и вниманием[113]».

Согласно исторической концепции Леонти Мровели, народы Кавказа происходят от одного общего предка – Таргамоса, потомка Ноя. Из потомства Таргамоса, в свою очередь, особо выделяются восемь его сыновей – Гаос (hAoc), Картлос, Бардос, Мовакан, Эрос, Лекос, Кавкасос и Эгрос: каждому из них отцом была выделена земля, и каждый стал родоначальником одной из кавказских народностей.

ней Картли по грузинским источникам // Палестинский сборник. 1965. Вып.13/76. С. 75).

[110] Критический анализ существующих в научной литературе точек зрения по данному вопросу, а также сводку литературы см.: Цулая Г.В. Историческая концепция грузинского историка XI в. Леонтия Мровели. (Этнокультурный аспект). История СССР. 1982. № 4.

[111] Цулая Г.В. Грузинское летописное предание о «нашествии хазар» и его параллели в фольклоре народов Кавказа // Кавказ и Византия. Ереван, 1978. Вып. 5. С 23; Дидебулидзе З.Ш. Хроника Леонти Мровели как источник для изучения некоторых вопросов этногенеза северокавказских народов // Источниковедческие разыскания. Тбилиси, 1984. С. 88.

[112] Андроникашвили М.К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966, на груз. яз. С. 543; Мровели Леонти. С. 7 и далее; Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М., 2005. С. 51.

[113] Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы… С. 51.

К подробному анализу исторической концепции, отраженной в замечательном памятнике древнегрузинской исторической литературы, мы вернемся ниже. В данном случае интерес представляет составленная историком древняя этническая карта Северного Кавказа, относящаяся к периоду до вторжение кочевых племен *хазар*, к периоду, в течение которого автохтонные народы Кавказа таргамосианы, по выражению Леонти Мровели, «пребывали во взаимном мире и любви[114]». Ученые кавказоведы не раз отмечали, что описание этого периода, сделанное Леонти Мровели, следует древней исторической традиции и отражает реальную этническую и политическую карту древнего Кавказа[115].

В кавказоведческой науке общепризнано и то, что у Леонти Мровели все эпонимы обозначают не мифические, а реальные, исторически существовавшие этносы, *и* среди них эпоним *Кавкасос*, а также этнонимы *кавкасиани* и *дурдзукни* обозначают нахские племена. При этом *кавкасиани* является более широким понятием, обозначающим целое, а *дурдзукни* обозначает наиболее значительную часть этого целого[116].

Отличаются от общепризнанного и стоят особняком мнения Ю.С. Гаглойти (Гаглоева) и А.А. Туаллагова. В своих работах они пытаются отрицать, что в древнегрузинских источниках термин *кавкасиани* (*Кавкасос*) употребляется в значении нахские племена[117]. Следует отметить, что указаные исследователи выдвигают одновременно три взаимоисключающих положения, согласно которым термин *кавкасиани* в древнегрузинских источниках употребляется: 1) лишь в

---

[114] Мровели Леонти. С. 25.

[115] См. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. С. 34; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа. Труды ЧИНИИ. Грозный, 1963. Т. VI. С. 137; Дидебулидзе З.Ш. Хроника Леонти Мровели… С.88–89; Цулая Г.В. Историческая концепция грузинского историка… С. 175.

[116] См. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. С. 294–295; Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия… С. 23–28; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике. КЭС. Тбилиси, 1968. Т. 2. С. 21–30; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. С. 28–41; Шавхелишвили И.А. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. С. 45–47; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа. С. 130–132, 136–137; Тогошвили Г.Д. Леонтий Мровели и происхождение осетинского народа. // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 245; Мровели Леонти // Комментарии Г.В. Цулая. Комм. 8, 57; Ковалевская В.Б. Скифия, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели. Известия АН Груз.ССР., № 3. Тбилиси. С. 35–40; Ее же: Кавказ и аланы... С. 15–16; Дидебулидзе З.Ш. Хроника Леонти Мровели… С. 89–91; Анчабадзе Г.З. Вайнахи. С. 34 и др.

[117] Ввиду отсутствия научных аргументов в пользу данного мнения, а также имея в виду тот факт, что это мнение не принято в кавказоведческой науке и уже было обоснованно подвергнуто критике, не будем подробно останавливаться на его анализе. Можно было бы и не акцентировать на нем внимание, если бы оно не тиражировалось в многочисленных работах, выходящих под грифом научных институтов, что вводит в заблуждение неискушенного читателя. К тому же, к сожалению, в этих работах, вопреки научной этике, не указывается и фактически игнорируется существующее в научной литературе консолидированное и аргументированное мнение ученых по этому вопросу.

географическом смысле и обозначает жителей Центрального Кавказа, независимо от их этнической принадлежности; 2) для обозначения преимущественно скифов, сарматов и алан – по мнению авторов, предков современных осетин; 3) для названия ираноязычных племен, осевших на территории Центрального Кавказа, от реки Терек до западных отрогов Главного Кавказского хребта, после вторжения туда хазар (скифов) и якобы полного вытеснения ими автохтонных племен кавкасианов[118]. Каждая из этих гипотез сама по себе вызывает серьезные сомнения, но парадокс состоит еще и в том, что все три исключают друг друга, ибо принятие одной ведет к отрицанию остальных.

Так, А.А. Туаллагов пишет: «Имя Кавкасоса Леонтия Мровели связано с названием Кавказа и не несет в себе сколь-нибудь явной этнической нагрузки[119]». Как ни странно, в доказательство тому, что в грузинских источниках термин *Кавкасос* (*кавкасиани*) носит сугубо географический характер и используется для обозначения только Центрального Кавказа, приводятся сведения, взятые из античных источников, главным образом из текстов Страбона. Ссылаясь на известное сообщение Страбона о представителях многочисленных народов (от 70 до 300), ведущих торговлю в Диоскуриаде («большинство из них – сарматы, но все они кавказцы»), Ю.С. Гаглойти утверждает, что Страбон «различает этнический термин сармат и географический кавказцы, называя последним жителей данного региона независимо от их этнической (языковой) принадлежности. Такой характер носит термин кавкасианы у Леонтия Мровели и других средневековых грузинских авторов[120]».

Однако, складывается впечатление, что перед нами попытка неверно представленными данными, взятыми из сочинения Страбона, подменить данные, представленные в труде Леонти Мровели. Прежде всего, следует заметить, что тверждение о том, будто в своем сообщении Страбон использует термин *сармат* для этнического обозначения ираноязычных племен, является, по сути, стремлением выдать желаемое за действительное. Если не выхватывать цитату из контекста, а привести текст источника полностью, то становится совершено очевидным, что Страбон употребляет термины *сармат* и *кавказцы* в собирательном географическом смысле. Так, Страбон пишет: «…в этот город (Диоскуриада – Г.Г.) собираются 70 народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большинство из них – сарматы, но все они кавказцы[121]». Из данного сообщения вовсе не следует, что Страбон говорит о каком-то сарматском народе (из чего можно бы было сделать вывод об употреблении термина сармат в этническом смысле). Напротив,

[118] См. Гаглойти Ю.С. Сведения Страбона о горцах эллинистической Иберии // Известия ЮОНИИ им. З.Н. Ванеева. Вып. XXXV. 1998; Его же. Сведения грузинских письменных источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007; Туаллагов А.А. Скифы Северного Кавказа…

[119] Туаллагов А.А. Скифы Северного Кавказа… С. 23.

[120] Там же. С. 117.

[121] Str. XI, II, 16.

греческий географ достаточно ясно указывает на существование 70 (или 300) народов, говорящих на разных языках и имеющих различные этнические имена, и большинство из них он называет собирательным именем *сармат*. Это подтверждается и тем, что в своем сочинении Страбон неоднократно обстоятельно перечисляет народы, населяющие Южный и Северный Кавказ, и среди них нет народа, называемого *сармат* (см. ниже[122]).

В рассматриваемом фрагменте собирательным термином *сармат* Страбон называет, скорее, племена и народы, проживавшие в той части Кавказа, которая, по представлению античных авторов, входила в пределы Азиатской (Кавказской) Сарматии. Как отмечено выше, Азиатская (Кавказская) Сарматия, пролегая на юге по линии Черноморское побережье – река Кодор – Эгрисский и Рачинский хребты − Жинвали – Квел-Даба – гора Гутон – Каспийское море и включала в себя большую часть Кавказа. На территории, называемой Сарматией (или Азиатской Сарматией), проживало большинство племен и народов Кавказа. Именно поэтому, рассказывая о народах, приходивших в Диоскуриду со всего Кавказа, Страбон уточняет, что большинство из них сарматы (то есть жители Азиатской Сарматии), но все они кавказцы (то есть, все они являются народами Кавказа). Такая трактовка сообщения Страбона согласуется и с тем, что в его работе южные пределы Сарматии ограничиваются той же линией, что позднее мы видим и у Птолемея[123]. И именно по южной границе Азиатской Сарматии Страбон делит население Иберии на равнинных и горцев, пытаясь объяснить различие этих групп тем, что равнинные больше сходны с армянами и мидийцами, а горцы – со скифами и сарматами[124].

В то же время в другом месте своего труда Страбон проводит южные границы Первой части Азии (*Азиатская Сарматия* Птолемея) по реке Кура, т.е. Иберию и Албанию включает уже в пределы Сарматии: «Те, кто переходит в географическом описании от Европы к Азии, при разделении на две части встречаются сначала с северными областями. … С южной стороны эти области (Первая часть Азии, *Азиатская Сарматия* Птолемея – Г.Г.) ограничены пространством от устья Кира

[122] Еще на заре научного кавказоведения одни из его основоположников И.А. Джавахишвили и Н.Я. Марр высказали мнение о кавказском происхождении сармат. В своих работах известные ученые отмечали, что название *сармат* употреблялся в древних источниках для обозначения преимущественно исконно кавказских племен: «…имя саурмат, сармат, сюрмат могло быть собирательным именем только адыгейско-чеченских и лезгинских племен…» (Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы Грузии… С. 42). Эта идея не нашла широкой поддержки в советской историографии, однако до сих привлекает внимание ученых, а в последнее время получила дальнейшее развитие в работах Р. Арсанукаева. Кстати, одним из основных аргументов в пользу версии о применении античными авторами термина *сармат* для обозначения лишь автохтонного адыго-нахско-дагестанского этнического массива, по мнению Р. Арсанукаева, являются именно сообщения Страбона о сарматах (Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы... С. 44 и далее).

[123] См.: Скрипкин А.С. Об определении территории ранней Сарматии // Пятая кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009. С 356.

[124] Str. XI, III, 3.

до Колхиды на расстоянии около 3000 стадий от моря до моря через Албанию и Иберию, так что они имеют вид перешейка[125]». Таким образом, Страбон, говоря о южных границах Первой части Азии (Азиатской Сарматии), следует двум античным традициям, по одной из которых, граница Первой части Азии на юге проходила по реке Кура и включала в себя Иберию и Албанию, а согласно другой, шла по линии северных границ Колхиды, Иберии и Албании (см. выше).

Термином *Кавказ* Страбон называет всю одноименную географическую область, включая и ту ее часть, которая, как считали античные авторы, входила в пределы Азиатской Сарматии, а также Колхиду, Иберию и Албанию. На юге же границу Кавказа Страбон проводит по реке Кура, отделявшей в то время Армению от Албании и Иберии, поэтому албанцев и иберийцев, как и колхов географ относит к кавказцам («албанские и иберийские племена … можно, пожалуй, также назвать кавказскими племенами[126]»).

Многие античные авторы применяют имя *Кавказ* для обозначения не только собственно Кавказа, но также и горных хребтов, расположенных на территории Индии. Полемизируя с ними, Страбон пишет, что «наиболее высокими частями настоящего Кавказа являются самые южные его части – у Албании, Иберии, страны колхов и гениохов[127]». Эти цитаты приводятся, чтобы вновь подчеркнуть: имя *Кавказ* используется Страбоном как географический термин для обозначения всей горной цепи Кавказа, тянущейся от Черноморского побережья гениохов до Каспийского моря, и все высказывания о том, что данным термином он обозначает лишь центральную часть Кавказа, безосновательны.

Таким образом, у Страбона, как и у других античных географов, понятия *Кавказ* и *Сарматия* являются взаимодополняющими и употребляются в географическом собирательном значении. Однако автоматически переносить географическое значение термина Кавказ Страбона и прочих античных авторов на древнегрузинские источники, несомненно, ошибочно и методологически неверно. Нет сомнения в том, что и древнегрузинские авторы используют имя *Кавказ* как географический термин, обозначая им всю Кавказскую горную цепь – от Каспийского моря до Черного, однако было бы ошибочным смешивать географический термин *Кавказ* античных географов с этническим термином *кавкасиани* (*Кавкасос*) Леонти Мровели, внося тем самым путаницу в терминологию древних авторов.

Этноним *кавкасиани*, возможно, является, как это полагает В. М. Гамрекели, производным от географического термина *Кавказ*, которым обозначалась центральная часть Большого Кавказа, между Эльбрусом и рекой Аргун[128], или, может быть, географический термин *Кавказ* происходит от этнического *кавкас*(*иани*). Сегодня мы не можем на этот вопрос ответить. Но с уверенностью можно утверждать, что Леонти Мровели четко различает географический термин

[125] Str. XI, I, 5.
[126] Str. XI, II, 18.
[127] Str. XI, V, 6.
[128] Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия…С. 22.

Кавказ и этнический – *Кавкас* (*кавкасиани*). При этом географическим термином *Кавказ* он называет Кавказ в целом, а не только его центральную часть. Так, он сообщает, что «в первый же свой поход хазарский царь перевалил горы Кавказа и полонил народы». Далее уточняется, что хазары, «перевалив через горы Кавказа», вторглись на Южный Кавказ – сначала через Дербентский проход («прошли Морские ворота, которые ныне именуются Дарубанди»), а затем и через «ворота Арагвские, которые суть Дариала[129]». Ясно, что в данном случае имя *Кавказ* Леонти Мровели использует как географический термин и обозначает им не только центральную часть Кавказа (владения Кавкаса), но и всю Кавказскую горную цепь до Каспийского моря («ворота Дарубанди»), включая весь Дагестан, т.е. владения Лекана.

Там же, где речь идет о выделении хазарским царем своим родственникам земель на Кавказе, сообщается: «Был у него (хазарский царь – Г.Г.) сын по имени Уобос. …Дал ему часть страны Кавкаса к западу от реки Ломеки, до западных пределов гор. И поселился Уобос. Потомками его являются овсы. Это и есть Овсети, что была частью [удела] Кавкаса …Тогда же отдал хазарский царь своему двоюродному брату удел Лекана от моря Дарубандского на востоке до реки Ломеки» (выделено мной. – Г.Г.[130]) Совершенно очевидно, что в приведенном отрывке термины Кавкас и Лекан (Лекос) Леонти Мровели употребляет в качестве этнонимов и обозначает ими коренные кавказские народы – нахов и дагестанцев, а территорию их проживания называет Кавказом. Как видно, Леонти Мровели использует два термина – *Кавкас* (*кавкасиани*) и *Кавказ*: первый является этническим и используется для обозначения автохтонных нахских племен Центрального Кавказа, а второй – географический (Кавказ), обозначает Кавказ в целом. Не учитывать этого значит исказить суть информации, представленной древнегрузинским историком.

То, что Леонти Мровели употребляет термин *Кавкас* (*кавкасиани*) в этническом значении, признает, кстати, и Ю.С. Гаглойти, но, как он считает, для обозначения скифов, сарматов, алан, являющихся, по его мнению, предками современных осетин: «…согласно Мровели, после вторжения скифов (= хазар) в Закавказье Уобосу была дана в удел «часть Кавказа, от р. Ломеки (Терека) на востоке до западных отрогов гор», где он поселился со своими соплеменниками, потомками «которых являются овсы». Другими словами, с момента поселения здесь осетин термин кавкасианы как обозначение жителей горной зоны Центрального Кавказа … относится к той части осетинского этноса, которая обосновалась в указанном регионе[131]».

Таким образом, согласно Ю.С. Гаглойти, до появления скифов на Кавказе термин *кавкасиани* в древнегрузинских источниках применялся в географическом смысле, а после – в этническом, для обозначения скифов, сарматов, алан. Перед нами не совсем верная интерпретация информации, представленной в

[129] Мровели Леонти. С. 25.

[130] Там же.

[131] Гаглойти Ю.С. Сведения грузинских письменных источников… С. 118.

источнике[132]. Кроме того, приведенное выше утверждение разрушает фундамент теории генетической преемственности скифов, сарматов, аланов и осетин, построенной не без помощи именно данных Леонти Мровели, причем одним из авторов данной теории является и сам Ю.С. Гаглойти.

Так, по концепции Леонти Мровели, Уобос (эпоним племени овсов) является потомком Хазара, и его генеалогия происходит от пришлых кочевых племен, к которым, как было отмечено выше, Ю.С. Гаглойти относит скифов, сарматов и алан. С появлением Уобоса (овсов) и связывается начало истории ираноязычных племен на Кавказе. Кавкасос – один из сыновей Таргамоса, и его генеалогия выводится из автохтонных кавказских племен. Кавкасиани жили на Кавказе до прихода хазар (скифов) и вместе с кавказскими братьями – торгомосианами, вели войну против пришельцев (хазар) и Уобоса (овсы), захвативших часть их территории. Если же допустить, что кавкасиани Леонти Мровели – это овсы (осетины), как это предполагает Ю.С. Гаглойти, то мы придем к отрицанию какой-либо связи осетин со скифами, сарматами и аланами, скрывающимися в тексте источника под именами *хазар* и *Уобоса*.

Возникает также вопрос, кого в таком случае называет Леонти Мровели хазарами и овсами (Уобосом), однако Ю.С. Гаглойти решает с легкостью и его. По мнению Ю.С. Гаглойти, Леонти Мровели термины *кавкасиани, хазары, овсы* (*Уобос*) использует для обозначения ираноязычных скифов, сарматов, алан и осетин. При этом его не смущает, что, по утверждению Леонти Мровели, автохтоны кавкасиани на протяжении длительного времени находились в противостоянии и вели войны с пришлыми хазарами и их потомками, захватившими часть их земель.

Конечно, приписывать такой, мягко говоря, странный взгляд одному из выдающихся мыслителей и историков раннего средневековья, каковым является Леонти Мровели, было бы не только абсолютно неправомерно, но и несправедливо, ведь это не только противоречит всей концепции и характеру труда грузинского историка, но и практически обесценивает его научную ценность и значимость. И здесь совершенно неуместна ссылка на то, что многие племена и народы Кавказа были известны под различными именами. Действительно, мы хорошо знаем, что один и тот же народ, и не только на Кавказе, мог иметь столько названий, сколько соседствовало с ним народов, но в данном случае речь идет о совершенно конкретном древнегрузинском наименовании автохтонных нахских племен – *кавкасиани*.

В научной литературе высказано также точка зрения о возможном изначальном многоэтничном содержании термина *кавкасиани* Леонти Мровели. Для

[132] Достаточно отметить, что в вышеприведенной цитате Ю.С. Гаглойти фрагмент текста Леонти Мровели представлен в искаженном виде: «…Уобосу была дана в удел «часть Кавказа, от р. Ломеки (Терека) на востоке до западных отрогов гор» (см. выше). Получается, что удел Уобоса в грузинском источнике представлен частью собственно Кавказа, в его географическом понимании. В действительности же, как это уже давно отмечено Г.В. Цулая, имеем нечто совершенно другое. Леонти Мровели пишет, что «удел Уобоса» (Овсети) – это часть владений Кавкаса, одного из отпрысков Таргамоса» (Мровели Леонти // Комментарии Г.В. Цулая. С. 63. Комм. 99).

обоснования этого мнения А.А. Туаллагов ссылается на Г.В. Цулая, который, анализируя основу генеалогического древа народов Кавказа, сконструированного автором грузинской хроники, пишет, что «в древнеписьменных источниках перечисление этнонимов по группам свидетельствовало либо о политической общности их носителей, либо об их генетическом родстве. В древнегрузинском оригинале этот принцип соблюден: сначала выступают политические мотивы (армяне и картлийцы), а затем – генетические … В древнеармянской версии КЦ («Картлис цховреба» – Г.Г.) нарушена «парность» перечисленных этнонимов[133]». Из этого А.А. Туаллагов делает неожиданный вывод о том, что «кавкасиане объединяются в пару с мегрелами, признаваемыми всеми исследователями особой группой картвельских племен. Следовательно, под именем кавкасиан могли скрываться не только древненахские племена[134]».

Но вряд ли правомерно подводить труд Леонти Мровели под общие стандарты и автоматически переносить на него принципы перечисления этнонимов по группам, характерные для других древних авторов, как это предлагает Г.В. Цулая. Для того чтобы показать генетическое родство и политическое единство перечисляемых народов, Леонти Мровели не нужно было заимствовать и использовать существовавшие в его время схемы и шаблоны. Древнегрузинский историк не объединяет и не группирует кавказские народы по каким-либо признакам, тем более по парам, а говорит прямо и ясно об общем происхождении и политическом единстве всех перечисляемых народов: у них один отец Таргамос, и все они являются родными братьями и подчиняются своему старшему брату царю hAосу (Гаосу). Напомним текст Леонти Мровели: «Прежде всего, упомянем, что у армян и картлийцев и ранов и моваканов и эров и леков и мегрелов и кавкасианов – у всех [этих народов] был единый отец по имени Таргамос[135]». В армянском переводе это звучит так: «Прежде всего, упомянем, что у армян и картлийцев и ранов и мовканов и эров и леков и кавкасианов и егеров был один отец по имени Таргамос[136]». Как видно, в армянском переводе, как и в оригинале, этнонимы не сгруппированы по парам, а потому их парность никак не может быть нарушена. Нельзя же, в самом деле, считать нарушением парности то, что *мегрелы* и *кавкасиани* оригинала в армянском переводе поменялись местами и стали *кавкасианами* и *мегрелами* (*егерами*). Ведь в обоих вариантах сама пара осталась неизменной, а перестановка слов могла произойти вследствие механической ошибки переписчика или переводчика.

Упоминание вслед за кавкасианами (нахами) мегрелов (егров), относящихся к картвельской языковой группе, как раз более всего свидетельствует в пользу того, что Леонти Мровели все перечисленные народы считал родными братьями, не выделял никого из них и не объединял в пары, ведь иначе терялся бы весь смысл его труда. Впрочем, даже если гипотетически допустить деление перечисленных

[133] Мровели Леонти // Комментарии Г.В. Цулая. С. 40. Комм.1.

[134] Туаллагов А.А. Скифы Северного Кавказа… С. 23.

[135] Мровели Леонти. С. 25.

[136] Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник... С. 5.

народов по парам, то и в этом случае упоминание мегрелов и кавкасиан в паре само по себе никоим образом не может указывать на многоэтничное содержание термина *кавкасиан*.

Одним из доводов, приводимых в пользу применения термина *кавкасиани* для обозначении пришлых кочевых племен, является, как уже было отмечено выше, утверждение, будто после нашествия хазар (скифов) коренные жители Центрального Кавказа кавкасиани были изгнаны к востоку от Терека, а занявшие их земли ираноязычные племена стали называться кавкасианами. Как пишет А.А. Туаллагов, «у Леонти Мровели Дурдзук, являясь потомком Кавкасоса, владевшего землями к западу от Терека, уйдя в горы, занимает территорию к востоку от реки, т.к. Дурдзукетия, основанная им, всегда помещалась именно там. Вахушти еще более конкретен, указывая на поселение Дзурдзукоса к востоку от Терека до границ Лекана. Таким образом, древненахский этнический элемент, несмотря на свою предполагаемую первоначальную локализацию, оказывается отделен от массива кавкасиан[137]».

Однако у Леонти Мровели нет даже косвенного намека на уход потомка Кавкасоса Дурдзука со своими людьми на восток, за реку Терек. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на текст документа: «Был у него (хазарский царь – Г.Г.) сын по имени Уобос… Дал ему часть страны Кавказа, к западу от реки Ломеки до западных пределов гор. И поселился Уобос. Потомками его являются овсы. Это и есть Овсети, что была частью [удела] Кавказа. Дурдзук же, что был самым знаменитым среди сынов Кавказа, ушел и расположился в горной теснине, которой и дал имя свое – Дурдзукети[138]». В данном сообщении при всем желании нельзя найти хоть какое-то указание на факт переселения Дурдзука на восток от Терека. Более того, возможность такого переселения противоречит данным первоисточника, ибо если даже и отождествлять Ломеки с рекой Терек, то земли к востоку от Ломеки, согласно Леонти Мровели, были отданы двоюродному брату хазарского царя: «…тогда же отдал хазарский царь своему двоюродному брату удел Лекана от моря Дарубандского на востоке до реки Ломеки[139]». В источнике вообще не говорится о каких-либо перемещениях населения на восток, а речь идет о том, что Дурдзук, самый знаменитый среди сынов Кавказа, «ушел и расположился в горной теснине, которой и дал имя свое – Дурдзукети», то есть речь идет об отходе части нахского населения (кавкасиани) из равнинной зоны Предкавказья на юг, к горным ущельям Центрального Кавказа. При этом, по данным Леонти Мровели, в предгорные и горные зоны ушел только один из сынов Кавказа – Дурдзук, а о перемещении его братьев не сообщается ничего, и это свидетельствует о том, что они со своими людьми, т.е. большая часть кавкасиани, по-прежнему оставались в области своего проживания – равнинной зоне Центрального Кавказа. Поэтому говорить о каком бы то ни было отрыве

[137] Туаллагов А.А. Скифы Северного Кавказа… С. 24; См. также: Гаглойти Ю.С. Сведения грузинских письменных источников... С. 117–118.

[138] Мровели Леонти. С. 28.

[139] Там же.

нахского этноса от массива кавкасиан (т.е., по сути, нахов от самих же нахов!) не приходится, ибо это не имеет никакого отношения к историческим реалиям.

Также совершенно неправомерно и весьма упрощенно было бы трактовать сведения Леонти Мровели о нашествии *хазар* (скифов), уходе части кавкасиан во главе с Дурдзуком к горным теснинам и расположении в равнинной зоне Уобоса (овсов) буквально, как единовременный акт, произошедший в середине I тысячелетия до н. э., как это иногда представляется в научной литературе[140]. Сведения о событиях, происходивших на протяжении более чем тысячелетия – с VII в. до н. э., когда на Северном Кавказе появились скифы, и до раннего средневековья включительно, Леонти Мровели – в свойственной ему манере – передает в сжатом виде[141]. Рассказ Леонти Мровели о появлении на Северном Кавказе сына царя хазар (скифов) Уобоса – этнарха осетин-овсов, и об уходе Дурдзука, т.е. части кавкасиан, на юг, в «горные теснины» Центрального Кавказа, отражает события, имевшие место в середине I тысячелетия н. э., в период великого переселения народов, когда под натиском тюркоязычных гуннов пришли в движение народы, населявшие Азию и Европу (в частности, некоторые ираноязычные племена степей начали отходить к предгорьям Кавказа, а ряд нахских племен – кавкасиани, из Предкавказских равнин в предгорные и горные зоны).

Сообщения же Леонти Мровели о том, что самые знаменитые сыновья Кавкаса и Лекана – Дурдзук и Хозоних, отойдя в горные теснины, основали там, соответственно, Дурдзукетию и Хозонихетию, просто фиксирует итог сложных этнических и политических процессов, происходивших на протяжении многих столетий, и отражает этнополитическую ситуацию, сложившуюся в районах Центрального и Восточного Кавказа в раннем средневековье. Поэтому попытки обнаружить в труде Леонти Мровели какие-либо указания – хотя бы косвенные, на то, что после вторжения скифов в VII в. до н. э. нахское население (кавкасиани) Центрального Кавказа якобы частично было истреблено, оставшиеся в живых были высланы на восток, за Терек, а на землях кавкасиани поселились кочевые ираноязычные племена[142], абсолютно беспочвенны и вряд ли имеют какие-либо научные перспективы. При этом ссылки на автора XVIII в. Вахушти (см. выше) и попытки спроецировать нарисованную им этнополитическую карту Кавказа периода позднего средневековья на I тысячелетие до н. э., период нашествия *хазар* (скифов), и делать на этой основе какие-либо выводы, представляются совершенно некорректными[143].

---

[140] Гаглойти Ю.С. Сведения грузинских письменных источников… С. 228; Туаллагов А.А. Скифы Северного Кавказа… С. 24–25.

[141] См.: Дидебулидзе З.Ш. Хроника Леонти Мровели… С. 89–90.

[142] Туаллагов А.А. Скифы Северного Кавказа… С. 24–25.

[143] Следует, однако, отметить, что между указанными авторами существуют некоторые разночтения данных Леонти Мровели. Так, согласно Ю.С. Гаглойти, вторжение скифов (хазар) привело к уничтожению части коренного населения Центрального Кавказа и выселению оставшейся части на восток. С этого времени (середина I тысячелетия до н. э.) вплоть до позднего средневековья северо-западные и центральные районы Кавказа, южные отроги Центрального Кавказа, а также большая часть Абхазии вместе с ее древ-

Нет сомнения в том, что термин *кавкасиани* Леонти Мровели употребляет в этническом смысле и обозначает им нахские племена, проживавшие в районах Центрального Кавказа как до вторжения сюда кочевых племен *хазар* (скифов, сарматов и др.), так и в последующие периоды. Однако сказанное вовсе не означает, что этноним *кавкасиани* в древнегрузинских источниках не использовался также и в политическом собирательном значении. В периоды, когда под эгидой кавкасиани (нахов), среди которых были не только нахские, но и другие иноязычные племена, в том числе и ираноязычные, образовывались политические союзы, термин *кавкасиани* употреблялся, несомненно, уже не только в этническом, но и в политическом собирательном значении. В этом случае название *кавкасиани* применялось для обозначения не только собственно нахских племен, но и всего населения данного политического объединения. Однако это совершенно не означает, что этноним *кавкасиани* и эпоним нахов – *Кавкасос* древнегрузинских источников, следует отождествлять с географическим термином *Кавказ* тех же древнегрузинских, и тем более античных источников.

Впрочем, не исключено, что греко-латинские авторы тоже употребляли термин *кавказцы* в этническом значении, на что в свое время обратил внимание еще Л.А. Ельницкий[144]. В одном из фрагментов латинской версии греческой повести Псевдо-Коллисфена об Александре Македонском дается список народов, восставших против египетского фараона Нектанеба II (около 360–341 гг. до н.э.): «…индийцы, арабы и финикийцы, парфяне и ассирийцы, а также скифы,

---

ней столицей Анакуап (Новый Афон) являлись этнической территорией племен скифо-сарматского происхождения, поздних алан-осетин (Гаглойти Ю.С. Проблемы этнической истории южных осетин... С 26, 30–38). А согласно А.А. Туаллагову, не только Северо-Западный и Центральный Кавказ, но и Дагестан, т.е. весь Северный Кавказ – от Анапы, расположенной у Черного моря, на западе до берегов Каспийского моря на востоке, с древнейших времен до позднего средневековья являлся зоной обитания ираноязычных племен, предков осетин. Что касается кавкасиани и лекани Леонти Мровели, то по А.А. Туаллагову, они вовсе не торгомосианы и должны быть причислены к ираноязычным племенам (Туаллагов А.А. Скифы Северного Кавказа… С. 23–30).

С другой стороны, согласно мнению грузинского филолога П. Ингороква и его последователей, на всей территории Южного Кавказа, от Анапы до Каспийского моря, непрерывно, во все времена проживали одни грузинские племена, а другие народы пришли с Северного Кавказа («спустились с гор»?!) лишь в позднем средневековье. Таким образом, получается, что весь Северный Кавказа – от Анапы до Каспийского моря, сплошь занимали ираноязычные племена − скифы, сарматы, аланы и осетины, а весь Южный Кавказ – грузинские племена. Что же касается собственно коренных кавказских народов – абхазов, адыгов (черкесов), нахов, дагестанцев, не говоря уже о тюркоязычных кавказских народах – кумыках, карачаевцев, балкарах, то им вообще отказано в праве на существование на древнем Кавказе, поскольку эти народы, оказывается, пришли на Кавказ лишь в позднем средневековье (правда, не уточняется откуда именно они пришли и как за столь короткий промежуток времени сумели занять весь Кавказ). Разумеется, подобные рассуждения не выдерживают никакой критики, не имеют отношения к науке и выходят за рамки научной этики.

[144] Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей… С. 56–57.

аланы, оксидраки, серы и кавконы, иберы, агриофаги, эвномиты и все варварские народы Востока[145]». И вполне может оказаться справедливым предложенное Л.А. Ельницким сопоставление народа кавконы, упомянутого в процитированном отрывке, с кавкасианами древнегрузинских источников[146]. Кавконы названы рядом со скифами, аланами, иберами, что исключает какое-либо отождествление с ними, и не исключено, что термин *кавконы* (*Caucones*) восходит к грузинскому *кавкасиани*, применявшемуся для обозначения нахов, и в античную этнономенклатуру попал в эпоху эллинизма именно через грузинскую среду.

Вернемся к сообщению Леонти Мровели о распределении Таргамосом земель между его восемью сыновьями. Каждому из сыновей Таргамос выделил удел земли, в том числе «…дал Лекану [земли] от моря Дарубандского (Каспийского – Г.Г.) до реки Ломеки, к северу – до Великой реки Хазарети (Волга – Г.Г.), Кавкасу – от реки Ломеки до рубежей Кавказа на западе[147]». В научной литературе не раз отмечалось, что очерченные в хронике Леонти Мровели границы земель дагестанских (Лекан) и нахских (Кавкас) племен «основаны на каких-то более древних представлениях», уходящих еще в доскифское время, и эти «свидетельства «Картлис цховреба» о населении Северного Кавказа, при всей их неясности и мифической окраске, уже несут в себе явный элемент реальности[148]».

На западе граница проживания кавкасиани доходила «до рубежей Кавказа». В данном сообщении Леонти Мровели, как справедливо заметил Г.А. Меликишвили, речь, безусловно, идет о западных областях Центрального Кавказа, т.е. о районе Приэльбрусья[149]. Это подтверждается и припиской средневекового комментатора, который «гору Кавказ» называет Эльбрусом. Так, разъясняя слова Леонти Мровели о том, что северной границей территории Таргамоса является «гора Кавказ», он пишет, что под словами «гора Кавказ» следует понимать Эльбрус («Кавказ − это Албуз[150]»). Это примечание уточняет, что в словосочетании «до рубежей Кавказа» под Кавказом подразумевается горная цепь, тянущаяся не до Черного моря, как это иногда ошибочно понимают некоторые современные исследователи, а лишь до горы Эльбрус. Далее, к западу от горы Эльбрус, на территории до Азовского и Черного морей проживали древнеадыгские племена.

Восточная граница, отделявшая кавкасиан (нахов) от лекан (дагестанцев), проходила по реке Ломеки (на нахских языках – *горная река*), обычно отождест-

---

[145] Алемань Агусти. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 196.

[146] Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей… С. 56–57.

[147] Мровели Леонти. С. 22.

[148] Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа... С. 136–137; См. также: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 53; Дидебулидзе З.Ш. Хроника Леонти Мровели… С. 90; Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы… С. 53.

[149] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 97.

[150] Картлис цховреба. Т. I. С. 4; см.: Ачугба Т.А. К интерпретации одного сообщения Леонти Мровели о расселении эгрисцев // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. III абхазская международная археологическая конференция. Сухум. 2013. С. 299.

вляемой с рекой Терек. По мнению В.Б. Виноградова, граница между леканами и кавкасианами, проведенная Леонти Мровели по реке Ломеки (Терек), почти совпадает с линией разграничения между «кобанской и каякентско-хорочоевской археологическими культурами по территории Чечни, т.е. в непосредственной близости от р. Терек[151]».

Вместе с тем, поскольку мы не располагаем какими-либо материалами, хотя бы косвенными, которые могли бы свидетельствовать о проживании дагестанских племен (лекан) на правобережье верховья Терека – как в древности, так в более поздние эпохи, нет полной уверенности в том, что реку *Ломеки* Леонти Мровели следует отождествлять с рекой Терек. Под именем Ломеки (*Горная река*) могла быть известна любая горная река, отделявшая нахов от дагестанцев. По мнению Р. Арсанукаева, название *Ломеки* у Леонти Мровели «относится не к Тереку, а к Аргуну, истоки которого находятся на относительно небольшом расстоянии от истоков Терека[152]», что, кажется, выглядит более предпочтительно, тем более что граница между кобанской и каякентско-хорочоевской археологическими культурами проходила как раз несколько восточнее реки Аргун.

Во всяком случае, если и идентифицировать Ломеки с Тереком, то следует, видимо, полагать, что у Леонти Мровели речь идет о границе между нахскими и дагестанскими племенами (кавкасианами и леканами), проходившей не в верховьях, а в срединном течении Терека, от места впадения в него Сунжи и разворота на север. Если принять во внимание предложение В.Б. Виноградова о проведении границы между кавкасианами и леканами по линии, разграничивающей кобанскую и каякентско-хорочоевскую археологические культуры, то такое предположение подтверждается тем, что северо-восточные границы распространения кобанской культуры отодвигаются «в полупустынные ныне степные районы междуречья Кумы и Терека[153]».

К сожалению, Леонти Мровели дает сведения лишь о западных и восточных границах расселения кавкасиани. Вместе с тем, основываясь на его данных о северной границе Картли, можно попытаться установить линию раздела территории Кавказа и Картлоса. Одному из сынов Таргамоса Картлосу были определены такие границы: «…с севера рубежи Гадо, Малая Гора, что отходит ветвью от Кавказа и примыкает к окончанию Гадо, которую ныне именуют Лихи[154]». Гадо, или Лихи, – это Суромский хребет, делящий Южный Кавказ на восточную и западную части и окаймляющий Картли с запада и северо-запада. Поэтому говорить о Лихском хребте как о северной границе Картли, как это иногда случается в литературе, было бы не совсем верно. У Леонти Мровели речь

[151] Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа... С. 137.

[152] Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы... С. 44.

[153] Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа... С. 135.

Вместе с тем, учитывая определенное влияние на Хронику Леонти Мровели греческой литературы, отмеченное исследователями, нельзя, видимо, исключать также и влияние античной традиции, согласно которой, река Терек протекала параллельно Кавказскому хребту и впадала в Каспийское море (см. выше).

[154] Картлис цховреба. С. 10; Мровели Леонти. С. 30.

идет о двух горах – Гадо и Малой горе, «что отходит от Кавказа и примыкает к окончанию Гадо» (Лихи). По Малой горе и окончанию Гадо и проходят северные рубежи Картлоса.

Какая гора имеется в виду под Малой в сообщении Мровели, уточняет «Мокцевай Картлисай», где северные границы Картли проводятся по горе Цроль: «И держал при себе царь Александр сына царя Ариан-Картли Азо, и дал ему в резиденцию Мцхета, назначив границами Эрети, Эгрисцкали, Армению и Црольскую гору, и ушел[155]». Црольская гора «Мокцевай Картлисай» – то же, что и Малая гора Леонти Мровели. Это, по всей видимости, горный хребет, пролегающий от северо-восточного отрога Лихского (Суромского) хребта, т.е. «окончания Гадо», на юго-восток, параллельно Главному Кавказскому хребту, и служащий водоразделом между реками Большая Лиахви и Проне. Местность под названием Цроль по сей день существует в Джавском районе современной Южной Осетии. Все вышесказанное подтверждается и тем, что в армянской версии «Картлис цховреба» граница удела Картлоса проведена от Кларджети до реки Лех (Леаухи, Лиахви) на севере[156], т.е. до подножья Црольской (или Малой) горы.

Далее, рассказывая о событиях начала II в. до н. э., Леонти Мровели сообщает, что на границе Дурдзукети и Картли были построены врата Дарубал, которые, как отмечено выше, соответствуют Сарматским (Цилканским) воротам у Жинвали. Следовательно, можно предположить, что, по древнегрузинской традиции, граница между уделами земель Картлоса и Кавкаса шла от северных отрогов Лихского (Гадо) хребта по Црольской горе до ворот Дарубал (Сарматские ворота античных авторов, Дурдзукские – арабских, Цилканские − «Ашхарацуйца»), расположенных около Жинвали (Жинвани). Как видно, пограничная линия между землями Картлоса и Кавкаса практически полностью совпадает с южными рубежами нахаматеан «Ашхарацуйца», проходившими, как указано выше, по границе Азиатской Сарматии с Картли. Факт пролегания границы между картвелами (грузинами) и кавкасианами (нахами) по вышеуказанной линии фиксируется в древнегрузинских письменных источниках, по крайней мере, начиная со II в. до н. э.

Грузинская историческая традиция донесла свидетельства о проживании древних нахских племен также и на севере Колхиды, на территории между Главным Кавказом и горной цепью Эгрисского и Рачинского хребтов. Как пишет Леонти Мровели, Картлийский царь Саурмаг (вторая половина III в. до н. э.) «привел с собой всех – половину рода кавкасианов. Некоторых из них сделал родовитыми, остальных посадил в Мтиулети, от Дидоети до Эгриси, которая есть Суанети[157]». Конечно, данное сообщение нельзя воспринимать в

[155] «Мокцевай Картлисай». С. 82; Обращение Грузии. С. 22.

[156] Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник. С. 7.

[157] Древнеармянскую версию данного отрывка Г.В. Цулая переводит как «…привел половину размножившихся ковказских племен и поселил [их] в Мтиулети, которая есть Сванети…», что существенно искажает смысл текста. Получается, что речь идет о каких-то кавказских племенах неопределенной этнической принадлежности. В действительности

буквальном смысле, утверждая, что царь Саурмаг мог осуществить в то время столь грандиозное переселение нахских племен – так, чтобы те за короткий период времени заняли территорию от Дидоети (Дагестан) до Сванети (верховья Ингура). Как отмечает в связи с этим Г.А. Меликишвили, «ясно, что здесь имеется попытка объяснить, откуда появились кавкасиани …на южных склонах Кавказа[158]».

Таким образом, на нарисованной в древнегрузинском источнике этнической карте древнего Кавказа нахские племена – кавкасиани, занимают северные и южные части всего Центрального Кавказа. При этом границы страны нахов – кавкасиани грузинского историка и нахаматеан армянского географа, полностью совпадают: на западе – Приэльбрусье и верховье Ингури, на юге – Эгриссский и Рачинский хребты, северные отроги Лихского хребта, Цилканские (Дурдзукские, Сарматские) ворота у Жинвали. К сожалению, ни армянский, ни грузинский источники не дают никакой информации о северных рубежах древней страны нахов. Можно лишь предположить, что на севере территория расселения нахов доходила до степных районов, где нахи граничили с кочевыми племенами.

3. Малхи

Если предложенная армянским географом и Леонти Мровели локализация нахских племен (нахаматеан, кавкасиани) в I тысячелетии до н. э. верна, то, естественно, эти племена должны были граничить с древними абхазами и адыгами (черкесами), а также иметь с ними тесные и длительные этнические контакты. В таком случае нахские этнонимы не могли остаться неизвестными для соседних кавказских народов. Однако, к сожалению, отсутствие у этих народов в древности письменности (во всяком случае, до нас не дошло никаких письменных памятников) не дает возможности узнать, под каким именем нахи были известны древним абхазам и адыгам. Вместе с тем, название крупного этнического массива на Кавказе I тысячелетия до н. э., каковыми представляются нахи того времени, могло быть зафиксировано в дошедшем до наших дней богатом фольклоре абхазов и черкесов.

В связи с этим привлекает внимание этноним *малх*, сохранившийся в абхазском и адыгском фольклоре. В ряде сказаний абхазского нартского эпоса, относимых к древнейшим слоям, абхазские нарты при международных контактах часто сталкиваются с этнической группой (племенным объединением), выступающей под названием *малхуз* (варианты – *мархуз, матхуз*), где формант уз является этническим показателем (т.е. речь идет о малхийцах, или мархийцах, или

же в армянском тексте имеем другое: «…привел половину размножившегося рода Ковкасоса и поселил в Мтиулет, которая суть Соанет» («...Եւ ած զբազմացեալ Կովկասոսի ազգն հասարակն եւ բնակեցոյց ի Մթիուլէթ՝ որ է Սոանեթ») (Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник. С. 38). В источнике довольно ясно говорится о конкретном роде (этносе), эпоним которого *Кавкасос*, т.е. о нахском этносе.

[158] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 295.

матхийцах[159]). Если судить по сказаниям, древние абхазы и малхузы (матхузы, мархузы) на протяжении длительного времени находились в тесном контакте друг с другом. Взаимоотношения малхов и абхазских нартов были многогранными: эти народы вместе совершали успешные военные походы против великанов, отражали нападения полчищ неких рыжих, светловолосых людей, иногда они враждовали между собой – в частности, на почве похищения невест, и т.д.[160]

В адыгском фольклоре среди имен, которые обозначали народы, но впоследствии стали обозначать героев (например, *Алиг* – греки, *Татащ* – татары и др.), также присутствует имя *Малх*[161]. Для обозначения какого этноса употреблялось название *малх* у древних адыгов и абхазов, можно установить достаточно определенно из сохранившегося в современном адыгском языке этнонима *мыщхыщ*, которым адыги до недавнего времени называли вайнахов[162]. Нетрудно заметить, что в названии *мыщх* (или *мыщхыщ*, где конечная шипящая аффриката «(ы)щ» не исконна, а является характерным для адыгского языка приращением к терминам), имеем измененную форму *малх* (*малх* > *мыщх*) с закономерными переходами восточно-кавказских «а» и «л», соответственно, в «ы» и «щ» западно-кавказских языков (а > ы, л > щ). Например: *день* – вайнахское (чечено-ингушское) *малх*, западно-кавказское (абхазо-адыгское) *мыщ*, *мыш*; *белый* – вайнахское *лха*, абхазо-адыгское *шкуа*, *щкуа; нога, след* – вайнахское *лар*, абхазо-адыгское *щап* и т.д.[163]

Следовательно, можно предположить, что, возможно, в прошлые эпохи абхазам и адыгам нахи были известны под именем *малх* (*малхуз*), именем, которое сохранено в древних пластах абхазских и адыгских нартских сказаний. Если в фольклоре (абхазском и адыгском) название малх было «законсервировано», как это обычно бывает, то в живом языке, в соответствии с законами его развития, этноним *малх* в адыгском варианте со временем трансформировался в *мыщх*.

Этноним малх в нахской этнонимии находит реальное подтверждение в лице родоплеменной группы (тейп) малхийцев (малх-ий), населявших высокогорную историческую область Чеченской республики Малхиста, расположенную на левом берегу Аргуна, между руслами рек Мешихи и БІастахи. Нахские малхи также названы среди народов Центрального Кавказа в грузинском письменном источнике XIII в..[164]

---

[159] Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора. Сухум, 1977. С. 20; Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976. С. 90–105; Его же: Абхазский фольклор. Сухум, 2003, на абхаз. яз. С. 77.

[160] Инал-ипа Ш.Д. Указ. соч. С. 20–56; Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос... С. 80–115

[161] Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 92.

[162] Горепекин Ф.И. Труды. Составитель М.С.-Г. Албогачиева-Гадаборшева. СПб – Магас, 2006. С. 14; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа... С. 75; Коков Д.И. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983. С. 298.

[163] См.: Абдоков А.И. К вопросу о генетическом родстве абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик. 1976. С. 110–120; Абдоков А.И. О звуковых и словарных соответствиях северокавказских языков. Нальчик. 1983. С. 145–146.

[164] Гос. музей Грузии. Ф. (А). №1469, л. 10-В-II (XIII в.).

История и культура малхов, как и происхождение их этнического имени, давно уже представляет большой интерес у ученых. Археологические раскопки в Малхисте обнаружили яркие материальные памятники, «свидетельствующие о силе, многочисленности и достаточно высокой культуре этого нахского племени, уходящей в глубь древности[165]». В ущельях рек Мешихи и БІастахи сохранились обломки множества древних сооружений, боевых и жилых башен, некрополей. Поражает своим великолепием древний культовый центр Малхисты ЦІойн-пхьеде. Это некрополь, город мертвых, состоящий из полусотни каменных склепов[166]. Судя по дошедшим до наших дней преданиям, в далекие времена Малхиста была военно-политическим центром, и именно здесь, у подножия самых высоких гор, в ущелье, где быстрое течение Аргуна образует широкую дельту, один раз в год собиралось тогда общевайнахское войско[167].

В настоящее время этноним *малх* (*малхий*) имеет локально-территориальный характер, и его носители до сих пор проживают в области Малхиста. Однако, как можно будет увидеть ниже, термин *малх-ий* в древности имел более широкое содержание. Лингвистами (А.Н. Генко, Ю.Д. Дешериев, В.И. Абаев, К.З. Чокаев, И.Ю. Алироев и др.) установлено, что этноним *малхи* происходит от нахского слова, обозначающего солнце (чеченское и ингушское – малх, бацбийское – матх, аккинское – марх[168]). Название *малх-ий* (*малх*) состоит из двух компонентов: *ма* значит солнце; *лх//тх* «представляет собой название древнейшего верховного бога нахов[169]». Следовательно, *Малх* означает *Бог солнца* и состоит из слов *ма – солнце*, и *тха – бог*.

Как хорошо известно, в древности практически у всех народов мира на определенной стадии их исторического развития большим почитанием пользовался культ солнца и огня. К сожалению, пантеон нахских языческих богов пока еще недостаточно изучен и не систематизирован, что не позволяет нам сразу же ответить на вопрос, являлся ли бог солнца Малх (Матх, Марх) общенахским или, скажем, только локально-племенным. Тем не менее, в настоящее время можно с уверенностью утверждать, что имеющийся археологический и этнографический материал дает яркое свидетельство о повсеместном распространении и большой популярности культа солнца в древности – как у нахов, так и у других кавказских народов. Все данные, которыми мы сегодня располагаем, свидетельствуют, что

---

[165] Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства… С. 78.

[166] Марковин В.И. В стране вайнахов. М., 1969. С. 49.

[167] Еще совсем недавно Малхиста была густонаселенной, здесь насчитывалось до четырнадцати селений: Доза, Банах, Комалх, Коратах, ЖІарие, БІениста, Сахана, Икалчу, Тертие, Меши – их развалины можно обнаружить в ущельях Аргуна и Мешихи. Однако после выселения жителей в 1944 г. большинство боевых и жилых башен были взорваны, а некрополи разграблены.

[168] В аккинском звучании этого слова *марх* произошло обычное взаимозамещение сонорных звуков «р» на «л». В застывшей форме слово *марх* сохранилось и в ингушском языке, например, в словосочетании *марх кхаба* (*кормить солнце*) – ингушском названии поста.

[169] Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978. С. 222.

корни этого культа уходят в глубокую древность, к периоду еще пракавказской этноязыковой общности.

Слово *тхьэ* в значении бог среди кавказских языков существует и в адыгском. Как считают М.А. Кумахов и З.Ю. Кумахова, «многочисленные попытки объяснить происхождение тхьэ бог на собственно адыгской почве неубедительны ... Нельзя признать обоснованным отождествление тхьэ с греческим *theos* (бог[170])». Учитывая «изолированное, локальное положение названия *тхьэ* (*бог*) в адыгских языках, т.е. отсутствие лексических параллелей в родственных языках (абхазском, убыхском), ... отсутствие его как названия верховного бога в адыгских эпических традициях», они допускают возможность проникновения данного слова в адыгскую мифологию из других языков[171].

Однако присутствие слова *тхъа* в значении *бог* как в нахской, так и в адыгской мифологии позволяет говорить о его общекавказских корнях. Ничего, разумеется, не утверждая, отметим, что кавказоведами на основе сравнительно-сопоставительного анализа пантеона божеств кавказских народов установлено, что единый верховный бог существовал у представителей кавказской этноязыковой общности еще в VIII – V тысячелетии до н. э.[172] Весь имеющийся материал свидетельствует о том, что в этой общности роль первотворца, т.е. верховного бога, принадлежала именно божеству солнца[173]. Таким образом, не исключено, что слово *тхъа* (*бог*) восходит к пракавказскому языку и являлось в древности именем общего для кавказской этноязыковой общности верховного бога солнца. В пользу такого предположения говорит и тот факт, что для обозначения понятия солнце в адыгском языке используется слово *тыгъэ, тыхъе* (< *тхъа*). По мнению ряда ученых, и общее самоназвание черкесов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов) – *адыгэ*, происходит от имени божества солнца *тхъа* (> *тыхъе* > *тыгъэ* > *а-дыгэ*[174]).

Среди космогонических божеств Кавказа культ солнца с древнейших времен занимал особое место, о чем помимо прочего свидетельствует и археологический материал. Это ясно видно во всех культурах Северного Кавказа, сменявших друг друга вплоть до позднего средневековья, начиная уже с майкопской археологической культуры[175]. Безусловно, на всех этапах происходили сложные этнические, религиозные, политические, демографические и другие процессы, в

---

[170] Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Нартский эпос: язык и культура. М., 1998. С. 49.

[171] Там же. С. 49–50.

[172] См.: Сефербеков Р.И. Верховные боги народов Северного Кавказа (Сравнительно-сопоставительный анализ общего и особенного) // Научная мысль Кавказа, № 1. Ростов-на-Дону, 2006. С. 75.

[173] Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификации). Махачкала, 2009. 356 и далее.

[174] Рогава Г.В. Этимология адыгейского слова Тхьа – бог // ИКЯ, 1948. Ч. 2. Бетрозова М.А. Религиозные верования адыгов // Материалы II международного конгресса кавказоведов. Тбилиси, 2010. С. 369.

[175] См.: Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА, 1960. № 83; Бетрозов Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса… С. 140; Бетрозова М.А. Указ. соч. С. 369.

результате которых менялось значение тех или иных культов, исчезали старые, а на их основе создавались новые главные божества, именовавшиеся уже иначе и отражавшие качественно иное состояние общества. Одной из главных причин, вызвавших данные процессы, являлось, несомненно, дробление единой кавказской этноязыковой общности и выделение групп, из которых в свою очередь формировались новые, хотя и родственные, этнические, а со временем и языковые общности. Как правило, эти процессы сопровождалось образованием новых религиозных культов, имевших в основе старые, но получавших при этом новые имена, приобретавших в связи с изменившимися условиями новые функции и отражавших новую идеологию формирующегося общества. Надо полагать, что и появление нахского имени *Малх* (*Матх, Марх*) – *Бог солнца* (*ма + тх//лх*), следует относить именно к периоду выделения из кавказской языковой семьи (точнее, из нахско-дагестанской группы кавказской этноязыковой общности) и дальнейшего формирования нахской этноязыковой общности, имеющей уже своего верховного бога. К такому выводу склоняют свидетельства, содержащиеся в археологическом и этнографическом материале, и это позволяет говорить о культе солнца как о главном в пантеоне древних вайнахов.

Наиболее яркие свидетельства существования культа солнца у племен Центрального Кавказа проявляются в археологических материалах кобанской культуры. То, что практически на всей территории распространения кобанской культуры обнаруживаются многочисленные предметы, относящиеся к культу солнца, отражено в научной литературе, поэтому не будем вновь об этом говорить[176]. В качестве примера отметим лишь Сержень-Юртовское поселение, где открыто древнее святилище, расположенное на отдельном холме. Среди предметов ритуального характера здесь также обнаружены жертвенники, глиняные антропоморфные и зооморфные статуэтки, глиняные модели колес, пинтадеры с магическими изображениями креста, свастики и спирали[177]. Все эти предметы служат неоспоримым свидетельством присутствия культа солнца и неба, а антропоморфные и зооморфные фигурки говорят о культе плодородия, также связанном с дневным светилом.

Стоит отметить также и древние каменные здания, сохранившиеся до сих пор в горных районах почти всего Центрального Кавказа[178]. Эти небольшие домики,

---

[176] См.: Круглов А.П. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК. М., 1947. Вып. 4. С. 83–85; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 360–361; Виноградов В.Б. Назревшие задачи изучения религиозных верований на Центральном Кавказе // X Крупновские чтения (тезисы докладов). М., 1980.

[177] Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001; Ее же. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2002. Вып. 3.

[178] Высказываемое иногда в научной литературе мнение о том, что археологические свидетельства существования культа солнца на Северном Кавказе следует либо относить к ираноязычным племенам, либо видеть в них результат влияния этих племен на кавказ-

сложенные из обтесанного камня, обычно стоят на высоких скалах. Обряды моления, совершавшиеся в этих местах еще в XIX в. и зафиксированные многими этнографами, не оставляют никаких сомнений в том, что первоначально эти храмы были посвящены божеству солнца и огня. Обширные древние некрополи, каждый из которых имеет более полусотни наземных склепов, известных у чеченцев и ингушей как *малх-каш*, т.е. *солнечные могилы*, найдены как на территории Чечни (Малхиста, Майста), Ингушетии (храм Мага-ерды на горе Маготе, святилища Матть-лам, Мятта) и Северной Осетии (Даргавс, где находится город мертвых, называемый *Маат, Матхох*[179]). «Солнечным» является и название соседнего с Малхистой области Майста (Мааста, Маашта) и проживающего там родоплеменной группы (тейп) – майстинцев. По некоторым преданиям, Майста является прародиной едва ли не всех вайнахов[180].

Общенахский характер культа солнца находит свое отражение и в повсеместном изображении солярных знаков (литое из бронзы солнечное колесо-штандарт, свастика, круг с вписанным в него крестом, металлические зеркала с изображением солнечного диска с лучами, изображение солнечного диска с тотемным фетишем-рогом на древнем ингушском головном уборе курхарс, миниатюрные символы солнца, амулеты, спекторали, каменные кольца, или кромлехи, вокруг могил, всевозможные подвески в виде кругов и колец и т.д.) на различных предметах древней материальной культуры чеченцев, ингушей и бацбийцев, что отмечено многими исследователями[181].

На территории Центрального Кавказа найдены также многочисленные изображения тотемного волка на топорах, пряжках, свидетельствующие, по мнению ученых (И.И. Мещанинов, Е.И. Крупнов), о развитости культа волка у древних племен Центрального Кавказа. Как известно, в религиозных верованиях древних людей волк являлся помощником солнечного верховного божества и подчинялся ему.

Языческий культ солнца, особенно отчетливо проявившийся в археологических находках, находит отражение и в этнографическом материале, подтверждая, что солнечное божество было главным в пантеоне древних вайнахов. Так, во время

ские народы, не выдерживает критики и не может быть принято хотя бы по той причине, что, как отмечено выше, культ солнца в его развитом виде существовал у кавказских племен с глубокой древности, т.е. еще задолго до выделения иранской группы из индоевропейской языковой семьи и появления ираноязычных племен на Северном Кавказе.

[179] Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 182.

[180] Берже А.П. Чечня и чеченцы. Кавказский календарь на 1860 год. Тифлис., 1859. С. 66–93; Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей… С. 181.

[181] Круглов А.П. Археологические работы на Северном Кавказе... С. 83–85; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 360–361; Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1978. С. 85, иллюстрации №№ 166, 167, 168 и 184; Базоркин М.М. Происхождение ингушского народа. Нальчик, 2002. С. 253; Леча Ильясов. Культура чеченского народа. М., 2009. С. 55.

всех празднеств, в том числе и в честь других языческих богов, все молельни были обращены на восток, и люди с благоговением наблюдали, как вдали появляется божественное солнце. Когда солнце восходило, все возносили ему хвалу и молитву: «Божье солнце, принеси нам благодать свою». Еще совсем недавно клятва солнцем у вайнахов-мусульман приравнивалась к клятве Кораном, и при ее произнесении люди указывали рукой на солнце. Весьма часто в вайнахских народных сказках и преданиях герои-богатыри идут в бой с заклинанием *Маьлх соьгахьа бу* (*Солнце на моей стороне*[182]). Интерес представляет и образ девушки *Малх Азни* (*Мялх-Азни, Малхан Азни*), в имени которой, переводимом как *Голос солнца несущая*, звучат, по всей вероятности, отголоски восхваления солнечного божества[183].

Наиболее яркие свидетельства почитания культа солнца обнаружены в древнем храме Мага-ерды на горе Маготе, близ селения Салги, а также в святилищах Матть-лам и Мятта на Столовой горе. По преданиям, записанными в конце XIX в. Ф.И. Горепекиным, строительство храма Маги-ерды, а также башен Маготе и Магиджел возводится к легендарной личности Маго, явившемуся из Шами (Шеми[184]). У Маго (по другим вариантам – Магал) жили ручная змея, которая говорила человеческим голосом и была с хозяином в большой дружбе, и маленькая ручная птичка (хьазилг), а в особом сундуке были спрятаны небесные звезды. По словам ингушского старца Эльджеркиева Эльбузура, коренного жителя села Салги, «место, где жил святой человек Маго и где похоронен он, до сего времени у нас считается святым», и еще совсем недавно жители села Салги ходили туда молиться и приносили жертвы[185]. Вот как описывает молитву в Маги-ерды Ф.И. Горепекин: «…место это находится на высокой горе Маготе, что против селения Салги Хамхинского общества. Здесь, среди чудного соснового леса, на вершине высокого утеса, стоит небольшой домик, сложенный из обтесанного камня… Он стоит на самом краю обрыва, с другой стороны обнесен каменной оградою, в которой чередуются небольшие ниши. Домик этот называется *Эльгыц*, по преданию, построен самим Маго, где он и молился. Два раза в год, летом и зимою, к этому капищу жители села Салги собираются для молитвы. Посторонние допускаются лишь с согласия стариков. Когда приходит время молиться в Мага-те, в селении все ожидают дня, когда случится *малх-цары-болльи-хха*, т.е. когда солнцу время из дому выходить. Старики говорят, что солнце имеет два дома – один летний, другой зимний. Когда летом бывает самый

[182] Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства… С. 81; Далгат У.В. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1978. С. 59; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 361–362; Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965. С. 90.

[183] По наблюдениям этнографа Я.В. Чеснова, в старину у чеченцев девушка, имевшая статус *Малх-Азни* (*Голос солнца несущая*), участвовала в боях. «Она была одета в белое и восседала на белом коне. Ее платье и головной убор считались знаменем. Первая она пускала стрелу во врага. И не дай бог врагам приблизиться к ней. Когда же она обнажала голову, это был знак прекращения битвы.» (Чеснов Я.В. Трудно быть чеченцем. URL: http://nana-95.livejournal. com /3287.html).

[184] Горепекин Ф.И. Труды... С. 173–175.

[185] Там же. С. 175.

большой день, в *Магль-бут*, т.е. в пакостный месяц (соответствующий июню), называемый *Эттинь-гий-хха*, т.е. *время приносить летнюю жертву*, …солнце… уходит в свой зимний дом и возвращается опять через шесть месяцев – в день наибольшего солнцестояния. Старики зорко смотрят, когда придет Эттинъ-гий хха, а узнают это они так: когда солнце даст свою тень от косяка дверей высокой башни и эта тень ляжет на заметку другой противоположной башни, то с этого момента время дня уменьшается, и, следовательно, настало время молиться…[186]».

Все это достаточно красноречиво указывает на то, что космогонический культ солнца и огня, органически связанный с культом плодородия, был главным в древневайнахском языческом пантеоне. Довольно веским аргументом в пользу общенахского характера божества солнца Малха являются этногенетические предания чеченцев и ингушей.

По одному из вариантов этногенетических преданий чеченцев, записанному А.П. Берже, легендарным родоначальником всех чеченцев был *Молкх*[187]. И.А. Дахкильгов уточняет, что имя *Молкх* восходит к *Малх*[188]. А по преданию ингушей, легендарным родоначальником всех ингушей является *Мага*[189]. В данном случае к понятию ма (солнце) прибавляется, видимо, имя легендарного предка ингушей *Га*, в образе которого также прослеживаются яркие черты солярного культа. Так, по сказаниям, Га приходится сыном солнцу (Ма), носит медную обувь и в критические минуты всегда взывает о помощи к отцу-солнцу[190]. Как отмечено выше, древний храм, носящий имя *Мага – Мага-ерды*, был также посвящен солнечному божеству. Все это ясно свидетельствует о том, что имя легендарного родоначальника ингушей также происходит от имени бога солнца[191].

Таким образом, по этногенетическим преданиям, имя мифического прародителя чеченцев и ингушей восходит к понятию *Малх* (*Мага, Матх, Марх*) – Бог солнца. Отсюда со всей очевидностью следует, что культ солнца и огня носил общенахский характер и бог солнца Малх являлся общенахским верховным богом. Как известно, в древности переход имени верховного божества в этноним был закономерным явлением. «Названия очень многих племен таят в себе имена богов-покровителей. Можно без особого преувеличения сказать, что имя племени – это имя бога[192]». Следовательно, сохранившийся в древних

---

[186] Там же. С. 175.

[187] Берже А.П. Чечня и чеченцы... С. 75–76; См. также: Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей… С. 181.

[188] Дахкильгов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978. С. 15–16.

[189] Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья). ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8. С. 19. Автор в своей работе пользовался полными текстами записей Ч. Ахриева, любезно предоставленными А.Х.Танкиевым.

[190] Кобычев В.П. Историческая интерпретация этногенетических преданий ингушей. // Вопросы этнокультурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985. С. 32.

[191] Возможно, *га* является измененной формой *тх//лх*. Сравните: чеченское – *малх*, ингушское – *мага*, бацбийское – *матх*, аккинский диалект – *марх*.

[192] Снисаренко А. Третий пояс мудрости. Л., 1989. С. 186.

пластах нартских сказаний абхазов и адыгов этноним *малх* свидетельствует о том, что соседним народам нахи были известны под именем своего верховного бога *Малх*. Примечательно, что все варианты названия (*малх-уз, марх-уз, мат-хуз*), сохранившиеся в абхазском древнем эпосе, находят свои надежные параллели и объяснения в нахских языках. Видимо, диалектные варианты (матх, марх, малх) сосуществовали в нахских языках с древнейшего периода. Об этом свидетельствуют древние топонимы, образованные от имен *Малх* и *Матх* (или *мат*, с закономерным выпадением «х» в сложных словах) и связанные с языческими храмами и святилищами[193]. Как хорошо известно, в топонимии сохранились многие древнейшие теонимы, именами богов были названы многочисленные объекты – города, крепости, поселения, святилища и т.д., во множестве стран мира.

Со временем, с изменением исторической обстановки, а также этнической и политической ситуации, вероятно, произошла и смена верховного бога нахов. Имя *Малх*, применявшееся для обозначении общенахского верховного бога, в процессе дальнейшего развития и расселения нахских племен, видимо, утратило свое первоначальное значение и превратилось в имя легендарного прародителя нахских народов – чеченцев и ингушей (*Малх, Мага*). О подобном явлении постепенного смыслового и фонетического расхождения первоначально общих для родственных племен божеств, писал еще Д. Фрезер: «Могло случиться так, что одни и те же божества, когда-то почитавшиеся общими предками до расселения племен, в процессе дальнейшего развития так переродились…, что неузнаваемой стала их первоначальная тождественность[194]».

Таким образом, появляются веские основания считать, что в нартском эпосе кавказских народов – абхазов и адыгов, нахи упоминаются под именем их верховного бога – *Малх*. Здесь стоит вспомнить современное осетинское название ингушей – *махьал* (*макьал*), *махьалон* (*макьалон*), связь которого с нахским словом *малх//матх* (*магал*) кажется вполне очевидной. Существует мнение, что осетинское название ингушей – *махьал* (*макьал*), происходит от наименования реки *Махьалдон*, которое, в свою очередь, связывается с именем птицы *макхыл* (*коршун, стрепет*[195]). Однако это мнение подвергнулось убедительной критике в научной литературе как неоправданное[196]. Кроме того, коршун на осетинском языке зовется *циусур*, а *махкыл* – его ингушское название. Сомнение в правильности этимологии *Махьалдон* как *Коршун-река* отпало бы, если бы и ингуши называли эту реку *Махьал*, но она у них известна под именем *Армхи*.

Осетинское *махьал* (*маккьал*) В.П. Кобычев справедливо отождествляет с именем родоначальника ингушей *Мага*, часто выступающего в преданиях также под именем *Магал*, который после прибытия из западной части Центрального Кавказа

[193] См.: Алироев И.Ю. Астрономическая терминология в вайнахских языках. АЭС. Грозный, 1976. Т. 4. С. 210–224; Чокаев К.З. Суффиксальные образования топонимических названий в вайнахских языках. Труды ЧИНИИ. Грозный, 1964. Т. 9. С. 52.

[194] Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1983. С. 191.

[195] Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей. Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. Т. 5. С. 709.

[196] См.: Кобычев В.П. Историческая интерпретация… С. 30.

обосновался в Джейрахском ущелье, в селении Магал (Магалт[197]). В данном случае важны приведенные ученым убедительные доказательства тождества *Мага* (*Магал*) с *Макьал* (*Махьал*), а также ярко проявляющийся в сказаниях солнечный характер данного образа: все это в конечном итоге приводит нас к имени общенахского верховного бога *Малх* (*Бог солнца*). Поэтому, осетинское название ингушей *махьалон* более правомерно возводить к имени *Малх*, вследствие метатезы принявшему в осетинском языке форму *махьал-он* (*малхи → махли → махал → махьалон*), как это часто бывает с этнонимами в другой языковой среде (например, *абазги//абхазы//абзахи, леги//гелы, лакз//лазк* и др.). Замечателен в этой связи тот факт, что форма *махли* встречается также и у чеченцев. Так, М.Х. Ошаев пишет, что в горной Чечне его «информатор-чеченец считал себя потомком *Махло*, а о том, что осетины называют ингушей *махьалон*, он не знал[198]».

Как известно, чеченцы и ингуши – близкородственные народы. Несмотря на определенные различия, современные чеченцы и ингуши при общении наряду с *нохчо* (*чеченец*) и *галгай* (*ингуш*) часто используют в качестве самоназвания этноним *вайнах* (*вай-нах, вейнах – наш народ, ты нашего народа*), то есть Мы – в отличие от Они, в котором отражается общее этническое самосознание этих народов и их единство. Очевидно, что имя верховного божества нахов *Малх* (*махьал*), употреблявшееся у ираноязычных осетин в собирательном значении, как общее наименование древних вайнахов, впоследствии перешло в название одного из вайнахских народов, живших по соседству с осетинами, − ингушей, а позднее и в название реки, на берегу которой проживали махьалоны-ингуши. Примечательно, что в осетинском фольклоре, как и в адыгском, имя *Малх* (*Мальхсаг*) сохранилось в основном, неизмененном виде, в то время как в живом языке трансформировалось в *Махьал* (*Махьал-он*).

О том, что термин *малх//махл//махъал* в прошлом являлся общенахским этнонимом, свидетельствует еще один факт. Согласно «Ашхарацуйцу», на южном склоне Кавказского хребта, в верховьях Арагви в раннем средневековье проживало племя гудамакары, и в этом месте до настоящего времени сохранился топоним Гудамакар. Еще А.Н. Генко сопоставил термин *гудамакар* с осетинскими названиями ингушей (*махьал*) и тушин (*гудан*). По его мнению, термин *гудамакар* состоит из двух слов – *гудан* и *макар*, первое из которых – *гудан*, имя, которым осетины зовут тушин, а второе (*макар*) представляет собой измененное *махьал*; в итоге получаем *гуданские махьалы*[199].

Гудамакары «Ашхарацуйца» локализуются к востоку от Гудамакарийского хребта по ущелью реки Гудамакарская (Черная) Арагви. Следовательно, осетинское общее наименование северокавказских вайнахов *махьал* должно было распространяться и на южных вайнахов. Появление понятия *гуданские* объясняется тем, что в верховьях реки Пшавская Арагви, в Хевсуретии находится

[197] Там же. С. 29.

[198] Ошаев М.Х. Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой-Ахт (Горная Чечня). АЭС. Грозный, 1966. Вып. 1. Т. 6. С. 158.

[199] Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей... С. 709–710.

древнее языческое святилище Гудан, которое в прошлом было главным святилищем этих мест[200]. Как известно, в древности люди часто называли себя по имени своего главного святилища, например, хевсуры до недавнего времени говорили о себе: «Я раб святилища Гуданского[201]». Нет сомнений также в том, что и в более раннюю эпоху жители этого региона нахи (малхи) называли себя *гуданскими*, что для осетин должно было звучать как *гуданские малхи* (*Гуданмахьал − Гудамахьар – Гудамакар*). С течением времени значение термина *гудамакар* сузилось и стало использоваться для обозначения только жителей ущелья Гудамакарской Арагви.

Представляется возможным объяснить и причину того, почему осетины перенесли название *гудан* на тушин. Известно, что часть жителей расположенного в Тушетии Панкийского ущелья (верховье Кахетинской Алазани) являются переселенцами с южного и северного склонов центральной части Главного Кавказа (например, фьаппицы Цьаро). Перемещение населения с указанных мест, в том числе и в обратном направлении, происходило с давних времен[202]. Следовательно, люди Гуданского святилища, переселившись в Тушетию, продолжали поклоняться своему главному святилищу, а значит, оставались гуданскими, но только теперь они были уже тушетскими гуданами.

Здесь же следует отметить тот примечательный факт, что гудамакары, хевсуры, тушины и пшавы называли свою землю Самзео, «предполагая, что она является царством солнца, страной солнечников[203]». В слове *самзео*, где *мзе* означает *солнце*, компонент *са* В.В. Бардавелидзе рассматривает как грузинский префикс принадлежности. Однако не исключено, что в данном случае элемент са – это вайнахское слово, означающее *земля, страна,* слово, которое в вайнахских языках обычно и образует топонимы, «сочетаясь, главным образом, с названием местностей и божеств[204]». Такое объяснение, кажется, более соответствует значению слово *самзе – страна* (*земля*) *солнечников*, или *страна* (*поклонников*) *солнца*. Обращает на себя внимание и тот факт, что понятие *Самзео – страна* (*поклонников*) *солнца*, сохранилось только у горцев *(*пшавов, хевсур, гудамакар, тушин и др.), принадлежность которых в древности и в средневековье к вайнахскому этническому миру давно уже не вызывает сомнений в научной литературе, в то время как среди населения остальной части современной Восточной Грузии это понятие не встречается[205].

---

[200] Там же.

[201] Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957. С. 81.

[202] Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике... С. 16–22; Меликишвили Г.А. К характеристике социально-экономического строя раннеклассовых обществ грузинских горцев. ВДИ. 1984. № 1. С. 27–50; Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей… С. 35–36.

[203] Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования… С. 107.

[204] Чокаев К.З. Из топонимии Чечено-Ингушетии. // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 150.

[205] См.: Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования… С. 42–45.

Таким образом, в абхазских, адыгских и осетинских нартских сказаниях сохранен древний общенахский этноним *малхи*, являющийся производным от имени общенахского верховного бога – *Малх*. В качестве этнонима название малх сохранилось и поныне в имени ингушей *махъалон* и нахского тейпа *малхий*.

На первый взгляд, может показаться, что предлагаемая интерпретация языческого пантеона и этногенетических преданий чеченцев и ингушей входит в противоречие с тем, что верховным богом в языческом пантеоне чеченцев и ингушей является Диела (Дъяла, Дала). Однако на самом деле здесь нет никаких противоречий. Как известно, у многих древних народов на протяжении их истории менялись верховные божества. Происходило это по самым разным причинам, чаще всего – политического характера. В результате объединения племен, которое могло происходить как путем межплеменных войн за главенство, так и мирно, перед лицом внешнего врага, божество племени, возглавившего такой союз, становилось верховным богом. Так, по мнению И.Ю. Алироева, в древневайнахском пантеоне верховными богами в разные периоды были Дъяла, Тхьа, Цу (ЦIу[206]).

Из-за отсутствия соответствующих источников информации трудно с точностью указать, в какие именно периоды древней истории нахов божества *Малх* (*Матх*) и *Дъяла* являлись верховными богами. По мнению Р.И. Сефербекова, Дъяла был верховным богом единой «северокавказской этнической общности эпохи древности[207]». Однако бог Дъяла присутствует в пантеоне божеств нахских и дагестанских народов, в то время как у абхазов и адыгов он не известен. Можно, конечно, предположить, что у последних с течением времени имя божества Дяла могло быть утеряно. Но более веротным представляется, что Дъяла был верховным божеством в период нахско-дагестанской этноязыковой общности. Появление Малх (Матх, Марх) в качестве верховного бога нахов относится, вероятно, к периоду распада нахско-дагестанской общности на нахскую и дагестанскую, произошедшему в конце III – начале II тысячелетия до н. э. Формирование нахской этнической общности неизбежно требовало замены старого верховного бога на нового, который соответствовал бы сложившимся новым историческим условиям. Таким божеством, явившимся верховным богом нахов во II и I тысячелетии до н.э. следует, скорее всего, считать Малх (Матх) (*Ма + Тхъа//Лхъа*) – *Бог солнца*. Сказанное, безусловно, не исключает существования божества по имени Диела (Дъяла) параллельно с верховным богом Малхом и почитания его в качестве локально-племенного. Позднее – вероятно, в раннесредневековый период, на смену Малху в качестве верховного бога, по-видимому, выдвигается Диела (Дъяла).

К сожалению, нет прямых доказательств, подтверждающих вышеизложенную гипотезу, но я не стал бы выносить ее, если бы не было для этого определенных оснований. Прежде всего, на факт функционирования божества Малх в качестве общенахского верховного бога на ранних этапах истории указывает то, что имя *Малх* (*Матх, Марх*) сохранилось в архаичных пластах нарского эпоса кавказских

[206] Алироев И.Ю. Нахские языки и культура... С. 289, 293.
[207] Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств… С. 78.

народов – абхазов и адыгов. Разумеется, в сказаниях отражен тот период, когда Малх (Бог солнца) являлся верховным божеством древних вайнахов. Однако нартский эпос, конечно, не является документом, и использование содержащейся в нем информации в качестве исторического источника для определения периода времени, в который название *малхи* использовалось для обозначении нахов, весьма сложно и рискованно. И все же, учитывая плодотворные попытки многих ученых (В.Ф. Миллер, Г. Дюмезиль, В.И. Абаев, Ш.Д. Инал-ипа, В.Г. Ардзинба, В.Б. Виноградов, Л.С. Клейн, Г.В. Цулая, В.А. Кузнецов, Д.С. Раевский, Ф.Х. Гутнов, Е.Е. Кузьмина, А.А. Туаллагов, Ю.А. Дзиццойти и др.) выявить фольклорно-исторические параллели в кавказском нартском эпосе и в истории его создателей, а также постоянно растущий интерес историков и археологов к нартскому эпосу кавказских народов как источнику исторической информации, рискнем высказать свое предположение.

Как отмечают специалисты, наиболее ранние пласты кавказского нартского эпоса формировались, по-видимому, в эпоху неолита, во времена расцвета классического матриархата, и гораздо ярче, чем в других национальных сказаниях, это проявляется в абхазском эпосе[208]. Сравнительно-исторический

[208] Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М., 1963. С. 176; Инал-ипа Ш.Д. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов (Опыт сравнительного изучения нартского эпоса) // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969. С. 30–68; Салакая Ш.Х. Отражение пережитков матриархата в нартском эпосе абхазов // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Тезисы докладов. Тбилиси, 1971. С.121–122; Его же. Абхазский нартский эпос. С. 102–112; Джапуа З.Д. Абхазские эпические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле (Систематика и интерпретация текстов. Тексты и переводы). Сухум, 2003. С. 8–10; Его же: Абхазские и осетинские нартские сказания о Сасрыкуа//Сослане//Созырыко. (Опыт сравнительного указателя) // Материалы Международной научной конференции «Кавказоведение: опыт исследований». 13–14 октября 2005 г. Владикавказ. 2006. С. 246–261.

Проблема происхождения, то есть в какой этнической и языковой среде было сформировано основное ядро нартского эпоса, пока еще остается дискуссионной. Существуют различные концепции национальных версий нартского эпоса – субстрато-кавказского (Е.И Крупнов), абхазского (Ш.Д. Инал-Ипа, З.В. Анчабадзе), осетинского (Ж. Дюмезиль, В.И. Абаев, Ю.С. Гаглойти), абхазо-адыгского (Ш.Х. Салакая, А.А. Аншба), адыгского (А.М. Гадагатль). Однако в последнее время стало очевидным, что основная причина сомнений среди исследователей – недостаточная изученность всех национальных вариантов нартского эпоса. Если на заре становления нартоведения исследователи, оперируя в основном осетинскими нартскими сказаниями, приходили к заключению о том, что первоначально ядро нартского эпоса сформировалось в среде ираноязычных племен степей, то затем, в процессе сбора, публикации и изучения абхазских и адыгских нартских сказаний, ученые сделали вывод о том, что «..нартский эпос не мог возникнуть за пределами Кавказа и быть привнесенным сюда иранозычными осетинами.» (Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., 1964. С. 258). Так, В.И. Абаев до приезда в Абхазию утверждал, что осетинский вариант нартского эпоса – самый объемный и полный на всем Кавказе. Когда же он изучил сказания об абхазских нартах, то пришел к выводу, что «…они более архаичны (древнее) и последовательны в повествовании, нежели осетинские, где сказания как бы представляют разрозненные сюжеты».

В абхазском нартском эпосе главой большой семьи нартов, состоящей из ста братьев и их сестры Гунды, является мать, незамужняя Сатаней-Гуашьа с неограниченной властью. Во многих случаях Сатаней выступает в качестве богиньи: она способна останавливать движение солнце, изменять погоду, видеть все что происходит на земле (ср. с хаттской богиньей солнца Астана (Astana, Istanu). В отдельных поздних сказаниях эпоса упоминается муж Сатаней-Гуаши, однако ни в каких событиях он не участвует, и его роль отца полностью нивелирована. Все нарты принадлежат к одному роду и происходят от одной матери, т.е. в архаичном пласте абхазской нартиады прослеживаются классические черты матриархата. В абхазских сказаниях роль Сатаней как главы нартов проявляется необычайно ярко, вследствие чего в науке утвердилось мнение, что «ни в каком другом древнем эпосе нет женского образа такого значения, как нартская Сатаней, – ни в ирландских сагах, ни в финской «Калевале», ни в скандинавской «Эдде». (С.А. Андреев-Кривич). В осетинской же нартиаде существует несколько версий происхождения нартов – от отца-родоначальника Уастырджи (покровителя мужчин, воинов и путников), от Бога Войны, от трех братьев, и все они отражают более позднюю эпоху, поэтому, разумеется, не могут приниматься за основу эпоса.

Более того, новейшими исследованиями выявлены параллели между нартским эпосом и хурритской «Песнью об Улликумми», а также хаттским мифом о борьбе Бога грозы со Змеем. Ученые отмечают, что это «указывает на общие истоки и может быть объяснено генетическим родством хуррито-урартского и хаттского с восточнокавказскими и западнокавказскими языками» (Ардзинба В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. М. 1985. С. 159, 161; Джапуа З.Д. Абхазские эпические сказания… С. 100–102). На сходные черты между главным героем нартского эпоса Сасрыкуа и Улликумми впервые обратил внимание Е.М. Мелетинский. Он отмечал, что «в сказаниях о рождении Сосруко, Митры, Улликумми можно допустить общую основу» (Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса... С. 176). В этой связи следует отметить существующее в научной литературе мнение о связи имени матери нартов Сатаней с хурритским *asti – жена, женщина, баскским atso – старуха*. Согласно Ю.В. Зыцарю, полное имя Сатаней следует понимать «по нахский как Asti-nei «мать» или «женщина» – прародительница nei-ев, т.е. нахов, причем тогда вариант того же эпонима Sata-na можно было истолковывать как Sata-nah или asti-nah, т.е. как «мать нахов» с большой звуковой близостью уже к этническому термину «нах» (Зыцарь Ю.В. Кавказско-ближневосточные связи баскского OLA «хижина», ALABA «дочь» // Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси. 1980. № 1. С. 170–171).

В то же время, в нартском эпосе, безусловно, можно выявить существенный пласт, отражающий быт и культуру степных племен. Поэтому наиболее вероятной сегодня представляется версия З.В. Анчабадзе, согласно которой «нартский эпос … имеет два основных этнических первоисточника: а) абхазо-адыго-кобанский (под *кобанским* этносом подразумеваются родственные абхазо-адыгам аборигенные племена Центрального Предкавказья, создавшие кобанскую культуру эпохи поздней бронзы и впоследствии ассимилированные пришлыми ираноязычными элементами) и б) скифо-сармато-аланский» (Анчабадзе З.В. К вопросу о времени и условиях возникновения нартского эпоса. Выступление на Всесоюзной научной конференции нартоведов в Сухуме в ноябре 1963 г. Избранные труды. Сухум, 2011. Т. II. С. 267).

Несомненно, дальнейший сбор материала и его научное исследование даст дополнительные сведения о формировании первоначального ядра нартского эпоса. Особенно ценными в этом отношении могут стать еще, к сожалению, не до конца собранные и мало изученные нартские (или нарт-орстхойские) сказания нахских народов.

анализ нартских сказаний кавказских народов показывает, что в них наиболее полно отражена именно эпоха патриархально-общинных отношений, их распада и расцвета военной демократии, т.е. тот период, который в культурном отношении соответствует завершению бронзового в. и началу в. железного, т.е. первая половина I тысячелетия до н. э.[209]

В научной литературе давно получил признание также и тот факт, что в определенных циклах нартского эпоса адыгов, абхазов, осетин, вайнахов (нарт-орстхойский эпос) «независимо друг от друга отражены великие события, имевшие место на Кавказе с середины I тысячелетия до н. э.[210]». Исследователи все чаще склоняются к тому, что в древних пластах абхазской, адыгской и вайнахской нартиады отражена борьба коренных народов Кавказа с нашествием скифо-сарматских племен и что отголоски этих событий могли получить отражение также в античных источниках (Аполлоний Родосский[211]). В абхазских и адыгских нартских сказаниях постоянно действующие враги этих народов этнически неопределенны, но обычно «голубоглазые и светлоголовые люди» связываются со скифскими и сарматскими племенами[212]. В абхазском нартском эпосе и в сказаниях об Абрыскиле, абхазском Прометее, враждебные племена выступают под названием *а-уапшь//уапс*, что значит *рыжые* (*светлые*) *люди*[213]. В войнах против уапсов//уапшьов – *рыжеволосых* (*светлоголовых*) *людей*, абхазские нарты часто выступают в союзе с малхузами (матхузами, мархузами). Абхазские нарты и малхузы общими усилиями отражают нападение рыжеволосых людей (уапсов//уапщов), а также успешно совершают совместные военные походы против них.

В связи с этим напомним, что у абхазов до настоящего времени сохранился этноним *уапс* (*уапшь*) – так абхазы называют осетин. Факт употребления абхазами этнонима *уапс* (*рыжеволосые люди*) для обозначения именно осетин, потомков по языку ираноязычных племен, мы вправе рассматривать как безусловное свидетельство того, что в абхазских нартских сказаниях речь идет о совместной борьбе абхазских нартов и малхов (нахов) именно против кочевых ираноязычных племен во времена их нашествий на Кавказ. Видимо, в абхазских и адыгских

---

[209] Крупнов Е.И. Древняя история Кавказа... С. 373; Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии... С. 114; Его же: К вопросу о времени и условиях возникновения нартского эпоса. С. 266.

[210] Цулая Г.В. Грузинское летописное предание о «нашествие хазар»… С. 34 .

[211] Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора... С. 114; Гаглойти Ю.С. К изучению терминологии нартского эпоса // Известия ЮОНИИ. Цхинвали, 1965. Вып. XIV. С. 107–109; Далгат У.В. Героический эпос чеченцев и ингушей... С. 110, 199; Цулая Г.В. Грузинское летописное предание о «нашествие хазар»… С. 22–36

[212] Гаглойти Ю.С. К изучению терминологии нартского эпоса... С. 109; Цулая Г.В. Грузинское летописное предание… С 31.

«Все скифское племя – рыжее, вследствие холодного климата, так как солнце не действуете достаточною силою, и белый цвет как бы выжигается от холода и переходит в рыжий» (Гиппократ).

[213] Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора... С. 45.

нартских сказаниях действительно отражена совместная борьба автохтонных народов Кавказа – в данном случае, абхазов, адыгов и нахов (малхов), против нашествий азиатских кочевых племен, часто случавшихся как в I тысячелетии до н. э., так и в последующие эпохи.

Не исключено, что отголоски описанных выше событий могли быть отражены и в античных источниках. В этой связи нельзя не вспомнить сообщения Аполлония Родосского (III век до н. э.), уже упоминавшиеся в исследовательской литературе (М.П. Абрамова, В.Б. Виноградов, А.А. Туаллагов и др). Аполлоний Родосский, повествуя о легендарном путешествии аргонавтов, вкладывает в уста Язона слова, в которых тот обещает царю колхов Аэту в обмен на Золотое руно помощь в борьбе с враждебными савроматами. Источником данного сообщения мог быть Эфор, использовавший перипл IV в. до н. э. В таком случае не исключено, что Эфором было зафиксировано крупное нашествие сарматов на центральные районы Кавказа, имевшее место в конце IV в. до н. э., в отражении которого, видимо, приняли участие народы не только Северного, но и Южного Кавказа. Даже те скудные сведения, которыми располагаем (совместная борьба кавказских народов – таргомосиан, против пришлых кочевых племен – хазар, и абхазских нартов и малхузов – нахов, против *рыжеволосых людей*; попытка использования колхидским царем Аэтом аргонавтов против сарматов и т.д.), в совокупности позволяют говорить о существовании в I тысячелетии до н. э. политических и военных союзов кавказских народов, создававшихся перед лицом внешней угрозы.

Весьма примечательно и то обстоятельство, что сведения о совместной с малхами борьбе абхазов и адыгов против ираноязычных (*рыжеволосых*) племен, содержащиеся в древних абхазских и адыгских эпических сказаниях, могут иметь подлинную историческую основу – подтверждается параллельным преданием, сохранившимся в нартском эпосе осетин, потомков пришлых ираноязычных племен. Так, в абхазском и адыгском варианте нартского эпоса главный герой Сосрыкуа гибнет от руки своих сородичей, которые в абхазской версии бросают в него с горы каменную глыбу, а в адыгской − колесо. В осетинской версии нартского эпоса двойник Сосрыкуа Сослан также гибнет от колеса[214]. Как известно, колесо – самый распространенный символ солнца, но в данном случае интерес представляет то, что колесо посылает враг осетинских нартов могущественный небожитель Мальсаг.

По определению А.Н. Генко и В.И. Абаева, Мальсаг (варианты – Бальсаг, Марсаг, Марсуг) – нахское слово, означающее *Человек-солнце* (*Малх – саг*)[215], а точнее – *Человек* (*люди*) *бога солнца*. В осетинских сказаниях именно небожитель (бог) Мальсаг (Человек бога солнца) изображен давним недругом, противостоящим осетинским нартам при их продвижении на Кавказ. Мальсаг, представленный в осетинском эпосе как сила, враждебная осетинским нартам,

[214] Алборов В.А. Легендарное колесо нартских сказаний. ИСОНИИ. Т. 27. Орджоникидзе, 1968.

[215] Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей... С. 727; Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958. С. 234.

– мифический персонаж, но, как справедливо отмечают В.И. Виноградов и К.З. Чокаев, за ним стоят реальные исторические силы в лице нахских малхов, в кровопролитной и жестокой борьбе защищавших свои территории от экспансии ираноязычных племен в период их первоначального нашествия на Центральные районы Кавказа[216]. Следовательно, согласно сохранившимся сказаниям осетин, потомков по языку ираноязычных племен, в период натиска этих племен на центральные районы Кавказа им противостояли малхи.

Все это дает веские основания для утверждения, что в I тысячелетии до н. э. нахские племена были известны своим соседям (древним абхазам, адыгам и ираноязычным племенам) под именем общенахского верховного бога – Малх. Именно к этому периоду следует относить и существование в развитой форме общенахского верховного бога Малх. В таком случае следует признать, что в I тысячелетии до н. э. древневайнахские племена находились в непосредственном этническом контакте с древнеабхазскими и древнеадыгскими племенами. Разумеется, в I тысячелетии до н. э. нахские племена могли одновременно граничить с абхазами, адыгами и ираноязычными племенами лишь в том случае, если они к тому периоду проживали на территории всей центральной части Кавказа, включая южную и северную части Главного Кавказского хребта. В связи с этим обращают на себя внимание топонимические образования с основой *малх*, распространенные по Центральному Кавказу, которые, как кажется, следует связывать с нахским *малх*. Помимо уже отмеченных областей Малхиста и Майста, это местность Малхар на левом берегу Терека в Северной Осетии[217], а также крепость Малкара на поляне Хорбадын Къулакъ в Верхней Балкарии. По-видимому, с этнонимом *малх* связан также и гидроним, соответствующий реке Малка в Кабардино-Балкарии. Как отмечает Д. Коков, название Малка не поддается истолкованию ни на адыгской почве, ни на тюркской (карачаевской и балкарской[218]). Гидронимы в своей массе более устойчивы во времени, и многие из них связаны с этнонимами, поскольку рассказывают об этническом составе древнего населения, обитавшего на берегах рек, о племенных территориях и тотемах. Установлено, что одним и тем же именем могли называть племя, закрепленную за ним территорию и реку, протекавшую по этой территории. Например, древние пермяне употребляли слово кам для обозначения реки и проживавшего возле нее племени, а русское название Чудского озера произошло от обитавшего на его берегах народа чудь и т.д.[219] Аналогичным случаем, скорее всего, является и гидроним *Малка*, протекавшая по территории расселения малхов, и поэтому получивший у древних ады-

[216] Виноградов В.И., Чокаев К.З. Древние свидетельства… С. 80–81.

[217] Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Ч. 2. С. 427.

[218] Коков Д.И. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик,1974. С. 145–146.

О неправомерности сопоставления гидронима Малка с этнонимом Балкар и с тюркским словом балыкь (рыба) см.: Коков Д.И. К постановке вопроса о черкесской топонимии на Черноморском и Азовском побережьях. Уч. записки Кабардино-Балкарского университета. Нальчик, 1960. Т. 7. С. 47–48; Коков Д.И. Адыгская (черкесская) топонимия... С. 145–146.

[219] Агеева В.А. Происхождение имен рек и озер. М., 1985. С. 68, 73.

гов такое название. В пользу данного предположения говорит и тот факт, что на протяжении более трехсот лет – с III по I вв. до н. э. – река Малка служила линией раздела между археологическими группами, и в этот период по ней проходила западная граница позднекобанской археологической культуры[220].

На берегу реки Малка, недалеко от ее слияния с рекой Терек находится также селение под названием *Малка*. По преданиям, записанным Ш.В. Ногмовым, на этом месте в древности был город Малка-на, а сегодня в Балкарии существует селение Мухол, которое сваны называют Малхар[221]. Название *Балкар* также возводится к *Малкар* и нынешние тюркоязычные балкары (малкары) унаследовали свое наименование от ранее существовавшего названия страны[222]. В пользу этого свидетельствует и то, что сами балкарцы используют термин *малкар* (*малкар-эбзе*) для обозначения абазин[223]. Сваны по сей день называют территорию западной части Центрального Кавказа Малхар, в то время как для самих балкарцев используют слово *савир*. По-видимому, название *малх-ар* (*малк-ар*) сохранилось от древнейшего населения данной территории – малхов (малх-узов)[224].

На территории исторической Двалетии (соврем. Южная Осетия) до насто-

[220] Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М., 1993. С. 21.

[221] Ногмов Ш.В. История адыгейского народа… С. 73.

[222] См.: Абаев М. К. Балкария: исторический очерк // Журнал «Мусульманин». Париж. 1911, № 14–17. С. 586; Миллер В. и Ковалевский М. Статья в журнале «Вестник Европы», № 4 за 1884 г., С. 510–511.

[223] Любопытно, что в настоящее время в Карачаево-Черкесии проживает абазинский род Малхузовы (Малх-уз). По сохранившемуся в этом роду этногенетическому преданию, их предки происходят от чеченцев (Записано автором со слов А. Малхузова, г. Черкесск, 1998 г.). Ср. также с осетинской фамилией Малхаров (Малхартае).

[224] Представляет интерес предание балкарцев, записанное М.К. Абаевым, о том, что первыми поселился на территории Балкарии (Дигории) род Малхар, затем с севера пришел Мисак, и лишь после него предок балкарцев Басиат. (Абаев М.К. Балкария… С. 580–586). Интересно, что в предании отражены три этапа заселения данной территории: в начале Малхар, затем Мисак и позднее Басиат. Каким бы невероятным это ни казалось, на первый взгляд, думается, здесь можно усмотреть этапы заселения данной территории различными племенами: Малхар – первоначальные насельники нахские малхи (малхузы), Мисак – ираноязычные племена, Басиат – тюркские племена. При этом нельзя, конечно, представлять эти процессы таким образом, что с приходом новых людей старое население, якобы, уходило из этих мест или и вовсе исчезало. На самом деле на Кавказе пришлые и коренные жители почти всегда проживали по соседству, по ущельям. В связи с этим чрезвычайно интересным кажутся свидетельства кабардинских феодалов, записанные в 1743 г., об особом, не похожем на тюркский, адыгский и осетинский, языке малкарцев, проживавших в верховьях Черека: «Малкар лежит на вершинах реки Черека, … а оной народ … имеют малых своих владельцев, а язык у них особливый, они же употребляют и татарский язык…» (Кокиев Г.А. Склеповые сооружения Горной Осетии. Владикавказ, 1938). Безусловно, я далек от мысли данное свидетельство трактовать как доказательство проживания в позднем средневековье в этих местах представителей древних малхов (малхузов). Однако довольно сложно с уверенностью утверждать и обратное. Ясность в этот вопрос можно будет внести лишь после специального исследования.

ящего времени сохранены ряд древних святилищ, в названий которых отчетливо выделяется имя общенахского божества Малх, трансформированное в осетинском языке в Макхал (Макал, Махал). К ним относятся, например, святилища Макхал(габыры), расположенные рядом с селениями Къобет, Масыгуат, Къоз, Котанто, Нанита и др.

Как видно, почерпнутая из древних эпических сказаний абхазов, адыгов и осетин информация о местах проживания нахских малхов (малхузов, махалов) предположительно в I тысячелетии до н. э. практически полностью совпадает с данными о территориях расселения нахских племен того же периода, содержащимися в древнеармянском (*нахаматеаны*) и древнегрузинском (*кавкасиани*) источниках. Такое удивительное совпадение (как во времени, так и в пространстве) сведений разных источников о расселении нахских племен в районах Центрального Кавказа в I тысячелетии до н. э. вынуждает изучать эти сведения с пристальным вниманием и относиться к ним с доверием.

4. Махли античных источников

Античные авторы оставили нам довольно много этнонимов, связанных с народами Кавказа. Однако греко-римские авторы имели весьма смутные представления об этногеографии Кавказа. Как признает Страбон, «неизвестность господствует и относительно прочих северных стран, лежащих далее, ибо мы не знаем ни Вастарнов, ни Савроматов и вообще никого из живущих выше Понта[225]». Поэтому, учитывая, что в античной литературе тот или иной этноним мог быть изменен до неузнаваемости или же переосмыслен на основе греческой этимологии, нельзя, конечно, ожидать от авторов греко-римского мира точности при фиксации этнических наименований кавказских племен и осведомленности в вопросах местонахождения носителей этих наименований. Античные свидетельства о Северном Кавказе основаны по большей части не на непосредственном знакомстве самих авторов с фактами и описываемыми объектами, а большей частью на устных свидетельствах третьих, часто совершенно некомпетентных, лиц, которые в своих рассказах могли сильно исказить те или иные названия народов и стран. Как отмечал, например, Г.Ф. Турчанинов: «На понтийском побережье Кавказа греки столкнулись с обилием народов, с обилием их названий и самоназваний. Источник информации, вследствие многоязычия, был сложен. Грек оказывался в кругу действия самых различных форм словотворчества: звуковых подмен, калькирования, контаминации, мифологических и бытовых этимологий. Широко развитая омонимия корнеслова местных кавказских языков (напр. абхазского, черкесского) еще более усложняла положение, так как воспринималась через переводчиков[226]». И тем не менее большинство

[225] Str. II, 1.

[226] Турчанинов Г. Ф. Phteirophagoi писателей классической древности… С. 403.

сохраненных античным авторами кавказских этнонимов имеют параллели в названиях современных народов Кавказа и надежную этимологию. Однако, большая часть из них труднообъяснима, а некоторые вовсе не известны в современной кавказской этнической номенклатуре. Будучи введенными в научный оборот, эти этнонимы вызывают оживленные дискуссии. Одним из таких этнонимов, с трудом поддающихся конкретной локализации и этнической идентификации, является загадочный этноним *махли*, упоминаемый при описании Кавказа античными авторами Лукианом Самосатским и Клавдием Элианом. По Лукиану, по своей значимости на Кавказе и близлежащих регионах, махли приравнены к скифам, сарматам, колхам и Боспорскому царству. В его сообщении о махлиях не содержится дополнительных сведений о махлиях (территория проживания, этническая принадлежность и т.д.), и уже сам этот факт подчеркивает общеизвестность и значимость данного народа, а также отражает существовавшую традицию достаточно четкого этнического отграничения махлиев от других народов. По словам Лукиана, о махлиях и их территории (так же, как и о скифах, боспорцах, колхах, савроматах) хорошо знали как современники писателя, так и представители предыдуших поколений.

Знаменитый сатирик Лукиан Самосатский родился в 120 г. н.э. в городе Самосаты, на берегу Евфрата. Под его именем сохранилось 82 сочинения. Скифские темы Лукиана написаны в форме диалога и имеют морализаторское значение[227]. Что же касается интересующего нас сочинения «Токсарис, или Дружба», то, по мнению М.И. Ростовцева, при его создании Лукиан «имел под рукой некоторый исторический и этнографический материал, взятый из источников эллинистического времени, но весь материал переработал в духе новеллы, не стремясь к исторической точности, а только желая произвести общее впечатление соответствия своего рассказа тому, что публика вообще знала или могла знать о скифах и их соседях... Здесь все приблизительно правильно, но именно только приблизительно, не история, а историческая новелла[228]».

Однако в последнее время все более отчетливо проявляется историческая ценность и достоверность «Токсариса» Лукиана. Исследователи отмечают, что сочинение наполнено столь богатыми бытовыми подробностями, собственными именами, конкретными, реальными этническими наименованиями, что становится ясно: автор в своей работе использовал произведения боспорских историков времен Спартокидов, а также местные предания скифо-сарматских и синдо-меотских племен[229]. Как пишет В.Ф. Гайдукевич, «этот поздний писатель II в. новой эры имел в своем распоряжении какие-то исторические источники

[227] Богаевский Б. Лукиан из Самосаты // Лукиан. Собрание сочинений. М., 1935. Т. 1. С. 49.

[228] Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературы и археологических. Л., 1925. С. 108.

[229] Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. Л., 1949. С. 72; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора. М., 1956. С. 9; Гаглойти Ю.С. К изучению терминологии нартского эпоса. Известия ЮОНИИ, вып. XIV. Цхинвали, 1965. С. 82; Граков В.Н. Скифы. М., 1971. С. 299; Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы... С. 87 и др.

IV в. до новой эры[230]». После же находки папирусного фрагмента неизвестного ранее «Романа о Каллигоне» стало очевидно, что и автор данного сочинения, и Лукиан пользовались сходными источниками. Как отмечают исследователи, «в этих источниках – сказаниях эллинизированных крымских скифов, в поэтической форме отразились драматические перипетии конца IV–III вв. до н. э.[231]».

Но сообщения этих письменных источников, а также устных преданий Лукиан преобразовал в духе исторической новеллы что, конечно, затрудняет работу исследователей над текстом, хотя и не делает ее безнадежной, поскольку «перед нами обобщенно-эпическое преломление подлинных событий». Однако в задачу данной работы не входит определение историчности событий, описываемых Лукианом в «Токсарисе», – этот пласт, по-видимому, навсегда останется в сфере гипотез. Для нас важно подчеркнуть факт присутствия в сочинении Лукиана наряду со скифами, сарматами, колхами и др. народами махлов.

В «Токсарисе» Лукиана сообщается: «В Боспоре есть обычай, чтобы женихи за обедом сватались за девушек и объявляли, кто такие и почему просят быть принятыми в брачное свойство. Так и на этом обеде случилось много женихов, царей и царевичей: был Тиграпат, властитель лазов, Адирмах, правитель земли махлиев, и многие другие. Каждый из женихов должен объявить, что он приехал свататься, и потом обедать…, по окончании же обеда он должен потребовать чашу, сделать возлияние на стол и свататься за девушку, осыпая себя при этом похвалами, насколько каждый может похвастать или благородством происхождения, или богатством, или могуществом. …Адирмах, получивший предпочтение перед прочими соискателями, на другое утро должен был отвезти свою невесту в страну Меотию к махлиям[232]».

Среди гостей Боспорского царя был скиф по имени Арсаком. Его отправили к Боспорскому царю Левканору для сбора дани, которую боспорцы платили скифам. Арсаком влюбился в царскую дочь Мазею, но был отвергнут ею и к тому же высмеян. Оскорбленный Арсаком по возвращении в Скифию рассказал своим друзьям Макенту и Лоханту о нанесенной ему обиде. Друзья, решив отомстить, отправляются одновременно: Лохант – на Боспор за головой Левканора, а Макент – к махлиям за махлийской царевной Мазеей. Арсаком же собирает войско для предстоящей войны.

Лохант достигает Боспора и убивает боспорского царя Левканора. Макент, прибыв к махлийскому царю Адирмаху и представившись посланником боспорцев сообщает ему о смерти боспорского царя и обращается к нему как к царскому зяту якобы с призывом от боспорцев занят престол, и как можно скорее отправиться в Боспор и не допустить, чтобы власть перешла к незаконнорожденному брату Левканора Эвбиоту. Ничего не подозревавший Адирмах спешит в Боспор, поручив Макенту доставить туда и Мазею. Воспользовавшись этим обстоятельством,

---

[230] Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство... С. 72.

[231] Алексеев С.В., Инков А.А. Скифы: исчезнувшие владыки степей. М., 2010. С. 77.

[232] Лукиан. Токсарис, или Дружба. С. 44, 45; См.: Латышев В.В. Известия древних писателей… Вып. 1. Т. 1. С. 525–527.

Макент по пути похищает Мазею. Адирмах, услышав о похищении Мазеи, не доходя до Боспора возвращается в свою страну Махлию, собирает большое войско и вторгается в Скифию[233].

Попытаемся определить, насколько это вообще возможно, хронологические рамки рассказа Лукиана, а также территорию махлиев на основании содержащихся в рассказе данных, т.е. на основании того, что, по выражению М.И. Ростовцева, «боспорская публика вообще знала или могла знать о своих соседях».

В научной литературе уже отмечено, что под именем Левканор у Лукиана подразумевается боспорский царь Левкон[234]. На боспорском престоле были известны два правителя с именем Левкон – Левкон I (389/88–349/48 гг. до н. э.) и эпиграфически засвидетельствованный Левкон II, правивший в третьей четверти III в. до н. э. Время правления Левкона I и его преемника Перисада стало периодом наивысшего экономического и политического подъема Боспорского царства[235]. Но, несмотря на свою экономическую и политическую мощь, Боспорское государство и в этот период регулярно платило дань скифам, что продолжалось до конца II в. до н. э. На этой почве между боспорцами и скифами как в IV в. до н. э., так и в последующие времена часто происходили военные столкновения. Об одном из них, имевшем место во времена правления преемника Левкона I Перисада, сообщает Демосфен[236]. Однако известно, что Левкона I никто не убивал, что затрудняет сопоставление Левканора Лукиана с Левконом I.

О Левконе II и о времени его правления известно очень мало. Единственное, что мы знаем, это то, что в конце третьей четверти III в. до н. э., в период царствования Левкона II, усилился натиск скифов на Боспорское царство и, соответственно, участились военные столкновения с ними[237]. В одной из таких стычек, возможно, и был убит Левкон II, что как бы оправдывает идентификацию Левканора Лукиана с Левконом II. Однако такому выводу противоречит сочинение Лукиана, в котором отображено комбинация элементов исторических событий, совершившихся в разные времена, соединенная в единое историческое целое и переработанная в духе новеллы. Поэтому имя Левканор у Лукиана правильнее будет понимать как общее династическое имя боспорских царей, а не имя конкретного царя Левкона. Как известно, популярность Левкона I как выдающегося правителя Боспора была столь значительна, что последующие представители той же династии часто назывались Левконидами[238].

О компилятивном характере «Токсариса» Лукиана свидетельствует и упоминание в сборнике наряду с боспорцами, савроматами, скифами аланов и

[233] Лукиан. Токсарис, или Дружба. С. 51.

[234] Ростовцев М.И. Скифия и Боспор... С. 107; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство... С. 497.

[235] Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 66.

[236] Латышев В.В. Известия древних писателей... Вып. 2. Т. 1. С. 630.

[237] Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1985. С. 90, 130.

[238] Латышев В.В. Известия древних писателей… Вып. 2. Т. 1. С. 608, 615.

лазов. Как отмечает М.И Ростовцев, «литература позднереспубликанского и раннеимператорского Рима вобрала в себя и ионийских географов, и эллинистических ученых и популяризаторов: все это она соединила – по большой части механически, и связала, опять-таки механически, с тем, что было наблюдено самими римлянами или записано и зафиксировано… Что касается Рассказов Лукиана, то сочетание скифов, сарматов, меотов и боспорцев до известной степени соответствует реальным условиям эпохи эллинизма, но савроматы – наследие прошлого, аланы взяты из современной автору действительности[239]». Таким образом, выяснить точное время описываемых Лукианом событий весьма сложно, с определенной уверенностью можно утверждать лишь то, что временные рамки компилятивного рассказа Лукиана охватывают период второй половины I тысячелетия до н. э.

В комментариях к текстам античных авторов в издании В.В. Латышева Л.А. Ельницкий, отождествляя махлиев Лукиана с махелонами Арриана, отмечает, что махли должны быть локализованы «на севере Колхиды[240]». Р.Ж. Бетрозов же размещает махлиев на западном побережье Азовского моря[241]. Однако трудно судить, на чем основана такая локализация, ибо автор не дает никаких обоснований, да и вряд ли их можно найти, так как это противоречило бы сведениям, приведенным Лукианом.

По мнению А.Т. Габуева, территорию махлиев Лукиана непросто отыскать, так как кроме Лукиана на восточном побережье Азовского моря – в Меотии, племя махлиев никто не знает[242]. Действительно, среди меотийских племен, которые известны довольно хорошо благодаря данным древних периплов и титулатур боспорских царей, отсутствует большое племенное объединение махлиев, и это притом, что пределы Боспорского царства доходили иногда до «границ земли Кавказской и Танаиса».

И все же, несмотря на видимую сложность, детальный анализ текста Лукиана позволяет все-таки более или менее конкретизировать территорию проживания махлиев. Отправным пунктом здесь служит то, что Адирмах увез свою невесту в Меотию, к махлиям. Месторасположение Меотии (Меотида) античным авторам было известно довольно хорошо – это восточное побережье Азовского (Меотийского) моря. В то же время нельзя упускать из виду то обстоятельство, что именем *Меотия* древние авторы часто обозначали не только восточное побережья Азовского моря, но и территорию всего Азовско-Каспийского бассейна, и даже Аральского озера[243]. Следовательно термин

[239] Ростовцев М.И. Скифия и Боспор... С. 62.

[240] Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. // ВДИ, 1948. № 1. С. 310. Комм. 4, 5.

[241] Бетрозов Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса... С. 45. Карта.

[242] Габуев Т.А. Ранняя история алан. Владикавказ, 1999. С. 18.

[243] Куклина И.Н. Этнография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 135–136. Так, например, Геродот пишет, что «четыре большие реки текут через землю меотов и впадают в озеро, называемое Меотидою; имена их следующие: Лик, Оар, Танаис и Сиргис» (Геродот, IV, 123). Лик локализуется где-то в степях Приазовья, Танаис – это Дон, а

Меотия употреблялся в двух смыслах – в узко-собирательном, когда имелись в виду собственно меотийские (древнеадыгские) племена восточного и северо-восточного побережья Азовского моря, и в широком, собирательном, когда имелась в виду вся территория Северного Кавказа. Поэтому локализация тех или иных племен и народностей, размещенных античными авторами в Меотии, требует тщательного исследования. И в выражении Лукиана «махлии в стране Меотии», имеем лишь общую ориентацию проживания махлиев – на востоке от Азовского побережья.

Судя по сообщению Лукиана, территория савроматов и аланов (сираки?) располагалась между Боспором и страной махлиев. Опираясь на эти данные, а также на описанный Лукианом маршрут скифа Макента из Махлии в Скифию, думается, станет возможным определить территорию проживания махлиев.

Как сообщает Лукиан, Макент, по поручению введенного в заблуждение махлийского царя Адирмаха, сопровождавший Мазею из Махлии в Боспор, по пути похищает ее: «Макент днем вез ее на колеснице, но с наступлением ночи посадил на коня … и продолжал путь уже не вдоль Меотиды, но повернул внутрь страны, оставив Митрейские горы справа … и на третий день прискакал из страны махлиев в Скифию[244]».

Митрейские горы Лукиана отождествляются с Гиппийскими горами – так называлась современная Ставропольская возвышенность[245]. Однако если допустить, что Макент шел к Боспору вдоль восточного побережья Азовского моря («вдоль Меотиды»), то есть с севера, повернув и оставив Митрейские горы (Ставропольскую возвышенность) справа от себя, он должен был идти на восток, к берегам Каспийского моря, в совершенно противоположную от Скифии сторону. В таком случае текст Лукиана становится совершенно бессмысленным. На это обратил внимание Т.А. Габуев, который резонно заметил, что если локализовать махлиев на севере Колхиды, сопоставив их либо с махелонами Флавия Арриана, либо с манралами и поселением Мехлесс Птолемея, то «неясно, как можно попасть в Скифию, если один день скакать … вдоль Меотиды, а затем, повернув «внутрь страны, оставив Митрейские горы справа, … на третий день прискакать из страны махлиев в Скифию[246]».

Но эта кажущаяся бессмыслица вызвана неправильным переводом текста Лукиана с древнегреческого языка на русский. Дело в том, что перевод данного отрывка сопряжен с определенными трудностями. Как известно, в древнегреческом языке предлог παρα την употребляется в значении как *вдоль*, так и *к* (*по направлению к*). Сложность перевода текстов с этим предлогом связана с тем, что в обоих случаях предлог сочетается с винительным падежом. Отсюда нередки случаи ошибочного перевода древнегреческого текста с предлогом παρα

Оар и Сиргис отождествляются с Волгой и Уралом (см.: Античная география. М. 1953. С. 23.).

[244] Лукиан. Токсарис, или Дружба, 52.

[245] См.: Латышев В.В. Известия древних писателей… // ВДИ, 1948. № 1. С. 313, комм. 77.

[246] Габуев Т.А. Ранняя история алан... С. 18.

την на русский язык[247]. Поэтому при переводе древнегреческого текста значение указанного предлога необходимо понимать исходя из контекста.

В издании древнегреческих авторов на русском языке под редакцией В.В. Латышева в рассматриваемом отрывке Лукиана предлог παρα την переведен П.П. Прозоровым в значении *вдоль* (*«вдоль Меотиды»*), и при этом, как было показано выше, текст стал бессмысленным. Совершенно ясно, что в данном случае перед нами неправильный перевод. В указанном отрывке предлог παρα την несомненно, следует понимать в значении *к* (*по направлению к*) как единственно возможном, что и было сделано в академическом издании произведений Лукиана Самосатского. В переводе Д.Н. Сергеевского текст выглядит так: «…Макент днем вез Мазею на колеснице, но с наступлением ночи посадил на коня … и поехал далее не к Меотиде, а свернул в глубь страны...[248]» (выделено мной. – Г.Г.)

В таком переводе сведения Лукиана становятся совершенно ясными и логичными. В Скифию из Меотии вели две сухопутные дороги: одна – через территорию собственно Боспора, другая – в обход Азовского моря с севера, через Танаис (Дон). Как следует из текста Лукиана, первый день Макент шел по направлению к Азовскому морю, к Боспору, но с наступлением ночи стал двигаться уже не к Азовскому морю («далее не к Меотиде»), а свернул в глубь страны (μεσοϒειαν – буквально *междуморье*). В таком случае Ставропольская возвышенность (Митрейские горы) действительно остается правее от маршрута Макента, как об этом и сообщает Лукиан. Чтобы продолжить путь к устью Дона, свернув с дороги, ведшей к Боспору (в сторону Крымского полуострова), и оставив при этом Ставропольскую возвышенность справа от себя, Макент, безусловно, должен был двигаться с востока, по пути, идущему с верхнего течения реки Кубань, между Ставропольской возвышенностью и Главным Кавказским хребтом, а затем на северо-запад, в глубь материка, или *междуморья* (между Азовским и Черным морями), к Дону, а оттуда в Скифию. Исходя из вышеизложеного, следует заключить, что махли Лукиана проживали юго-восточнее Ставропольской возвышенности, в центральных районах Кавказа, т.е. на севере Колхиды, как об этом пишет Л.А. Ельницкий.

О махлиях на Северном Кавказе упоминает и другой античный автор – Клавдий Элиан. «Некто по имени Дионисий, по занятию купец, – свидетельствует Элиан, – часто совершавший из-за корыстолюбия многие отдаленные плавания и *поднявшийся далеко от Меотиды, купил там колхидскую девушку, которую похитили махлии, одно из тамошних варварских племен*[249]» (выделено мной. – Г.Г.) По Элианау, купец Дионисий прибывает в страну махлиев, поднявшись

[247] Сравните, например, различные переводы предлога παρα την в одном и том же отрывке «Анабасиса» Ксенофонта, в результате которых совершенно изменяется направление движения эллинского отряда, шедшего из Персии в Трапезунт (Ксенофонт. Анабасис. Перевод М.И. Максимовой. М.-Л., 1951. С. 96; Худадов В.М. Отступление 10 тыс. греков от Евфрата до Трапезунта через Закавказье. Исторические записки. М., 1937. Т. 1. С. 108–109).

[248] Лукиан. Собрание сочинений. М., 1935. Т.1–2. С. 319.

[249] Клавдий Элиан. Отрывки. Фр. 135.

далеко от Азовского побережья, что косвенно указывает на направление его пути к верховьям Кубани, Ставропольской возвышенности, т.е. в районы Центрального Кавказа.

Факт проникновения боспорских греков в центральные районы Северного Кавказа уже с V в. до н. э. сегодня ни у кого не вызывает сомнений – об этом свидетельствуют как археологические находки, так и сохранившиеся на них греческие надписи[250]. Судя по найденным предметам античного импорта, Центральный Кавказ был включен в орбиту античной торговли уже с середины I тысячелетия до н. э.; к настоящему времени боспорские монеты найдены в Кабардино-Балкарии (Нижний Чегем) и Ингушетии (с. Галашки[251]). В VI–I вв. до н. э. древние греки организовывали фактории (торговые пункты, поселения) не только в Прикубанье, но и в районах Центрального Предкавказья[252]. Одним из таких крупных торговых поселений было, например, *Грушевское городище* на Ставропольской возвышенности. Представляется вполне вероятным, что Дионисий поднялся «далеко от Меотиды» в одну из таких факторий, расположенную в западной части Центрального Кавказа, где и купил колхидскую девушку. Подтверждением проживания махлиев Элиана именно в районах Центрального Кавказа служит и то обстоятельство, что махли похитили именно колхидскую девушку, что возможно было совершить лишь будучи соседями колхов[253].

Таким образом, данные древнегреческих авторов Лукиана и Элиана о локализации во второй половине I тысячелетия до н. э. махлиев в районах Центрального Кавказа дают определенные основания предположить, что этноним «*махли*» античных источников является, искаженной формой названия малхи и перед нами один из многих примеров изменения термина в другой языковой среде вследствие метатезы *малхи//махли*. Вероятно, нахский этноним *малхи* попал в античную литературу через абхазскую, адыгскую или ираноязычную (сарматскую) среду уже в измененной форме – *махли*.

Сказанное подкрепляется и предполагаемой нахской этимологией упоминаемого Лукианом имени махлийского (малхийского) царя – *Адирмах*. В научной литературе уже сложилось обоснованное мнение, что большинство имен, упоминаемых Лукианом в «Токсарисе» (например, таких как Эвбиот, Левканор, Арсаком, Мазея, Мастира и др.), не вымышлены[254].

---

[250] Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 208.

[251] Виноградов Ю.Г. Задачи изучения античных нумизматических материалов в древностях Северного Кавказа // Античная цивилизация и варварский мир (тезисы докладов V археологического семинара). Новочеркасск, 1996. С. 27.

[252] Малышев А.А. Особенности распространения античного импорта в Прикубанье (по данным античной керамики VI–I вв. до н. э. // Античная цивилизация и варварский мир (тезисы докладов V археологического семинара). Новочеркасск, 1996. С. 10–11.

[253] Ср. данное сообщение Клавдия Элиана с упомянутыми выше абхазскими сказаниями о войнах между абхазскими нартами и малхами на почве похищения невест.

[254] Виноградов В.Б. Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон

В нахских языках имя Адирмах распадается на следующие компоненты[255]:

Ӑ-ДИР-МА-Х:

Ӑ – *сила*, *мощь*, *величие* (ср. вайнахское собственное имя Ата//Анта – величественный, селение и реку Андар – буквально величавая, сильная[256];

дир//дар – *обладающий*, *сущий*, *являющий* (ср. собственное имя Адаркье, (Ӑ-ДАР-КЬЕ), где кье – *сын*, то есть буквально – *сын, обладающий силой* (*величием*[257]);

ма – *солнце*;

х – нахский «суффикс лица, образующий слова со значением принадлежности к местности, к профессиональной или иной общности людей[258]» (например, Несарх, Мартанх и др.[259]).

Следовательно, имя *Адирмах* в нахских языках буквально означает о*бладатель мощи* солнца, т.е. правитель страны малхов (нахов) олицетворялся с верховным богом солнца – Малхом[260]. Как известно, подобное отождествление царя с образом верховного бога характерно почти для всех древних государств Востока. Например, имя царя Навуходоносора (правильная форма – Набу-кудурриусур) означает «бог Набу, охрани мои границы»; хеттский царь Мурсили II идентифицирует себя с солнцем («я, солнце, великий царь страны Хаты»); из титулатур царей малоазиатских мушков в X в. до н. э. также явствует, что они отождествляются с божеством солнца и др.

Думается, что все вышеизложенное дает достаточно оснований для следующего заключения: в I тысячелетии до н. э. абхазам, адыгам и ираноязычным племенам

в этнокультурной истории центральной части Северного Кавказа // Этнокультурные проблемы бронзового в. Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985. С. 83; Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1967. С. 49; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 118.

[255] Автор выражает признательность ингушскому поэту и языковеду А.Т. Хашагульгову за помощь.

[256] См. также: Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков... С. 85.

Ю.Д. Дешериев сопоставляет нахское нахское «‘А» с именем урартского божества Ӑ, которому поклонялись в области Ӑза. Область Ӑза занимала значительную часть обширной Араратской равнины, от области Аргиштихинили на левом берегу Аракса на юго-западе вплоть до районов Тейшебаини и Эребуни-Аринберда на северо-востоке (Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту. Ереван, 1985. С. 7, 13).

[257] Сопоставительный анализ нахского «дар» с индоевропейским «дар» см.: Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы. Грозный, 1990. С. 111–117.

[258] Вагапов Я.С. Проблема происхождения нахского этноса... С. 440.

[259] В родственном нахским урартском языке специалисты выделяют хи/е, как притяжательный суффикс в именах, отчествах, племенных и географических названиях, как суффикс принадлежности в урартских племенных названиях (Мещанинов И.И. Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка. Л., 1978. С. 127).

[260] При этом, конечно, следует оговорить, что нет уверенности в полной правомерности предлагаемой этимологии имени Адирмах, однако такое совпадение кажется не случайным.

нахи были известны под названием *малхи* (*малх-уз, матх-уз, марх-уз*), или *махли* – по имени верховного бога нахов Малх (*Бог солнца*). Через абхазские (или адыгские, или ираноязычные) племена это имя было известно и античным авторам в форме *махли* (< *малхи*). Здесь следует обратить внимание на два важных момента. Во-первых, по тем данным, которые мы имеем и на основании которых можем делать выводы, территория, занимаемая малхами//махлами, фактически совпадает с местами локализации нахаматеан армянского географа и кавкасиани Леонти Мровели. Во-вторых, существование общенахского верховного бога Малх в его развитой форме относится к середине и второй половине I тысячелетия до н. э.

Таким образом, по данным письменных источников (античных, армянских и грузинских) в I тысячелетии до н. э. нахские племена проживали на всей территории Центрального Кавказа, включая южную и северную части Главного Каказского хребта – от верховья рек Кубань и Ингури на западе до подножья Андийского Хребта и верховья реки Алазани на востоке. На юге граница расселения нахов совпадала с границей Азиатской Сарматии, проходившей с запада на восток по Эгрисскому и Рачинскому хребтам, по северной окраине Лихского хребта, а далее – на юго-восток, по линии Жинвали – Тианети – Квел-Даба. Довольно сложно определить северные пределы, но, видимо, они доходили до степных районов Предкавказья. Безусловно, отмеченные границы проживания нахских племен не были фиксированными и зависели от изменчивой военно-политической обстановки, к тому же речь, разумеется, идет только об основных географических ориентирах, в целом принятых в современной науке.

В I тысячелетии до н. э. вайнахи были известны соседям под различными именами. Древние абхазы, адыги и ираноязычне племена называли этот народ *малхи//махли* – по имени его верховного бога, а в античной литературе это наименование трансформировалось в *махли*; в «Ашхарацуйце» нахи упоминаются под их самоназванием *нахаматеанк*, в древнегрузинском источнике – *кавкасиани* и *дурдзук*. Ситуация, когда один народ известен под несколькими этническими именами, данными ему соседями, является довольно характерной, и примеров тому множество, особенно среди кавказских народов[261]. Это объясняется, как разнородностью источников, их использующих, так и языковой и этнической мозаичностью населения древнего Кавказа.

Почти полное совпадение сообщений разных, независимых друг от друга, источников о проживании древних вайнахов в I тысячелетии до н. э. на всей территории южной и северной частей Центрального Кавказа, как будто, оставляет мало места для сомнений. И все же абсолютная уверенность в нашей правоте могла бы показаться преждевременной, не будь у нас под рукой других веских доказательств, подтверждающих все сказанное выше, каковыми являются топонимика, язык, антропология, археология и фольклор, и речь о которых пойдет в следующей главе.

[261] См.: Марр Н.Я. Кавказские племенные названия и их местные параллели...

Глава II

АРХЕОЛОГИЯ, ЯЗЫК, ТОПОНИМИКА, АНТРОПОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР О РАССЕЛЕНИИ НАХСКИХ ПЛЕМЕН НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

1. Археология

На территории Центрального Кавказа, где, по данным различных, независимых друг от друга источников, рассмотренных в предыдущей главе, в I тысячелетии до н. э. жили нахские племена, в тот период бытовала знаменитая кобанская археологическая культура. Свое название – *кобанская* – эта культура получила по месту первых находок, сделанных в 1869 г. в селении Кобан, в Тагаурском ущелье Центрального Кавказа (Северная Осетия). На основании исследования более 500 памятников, обнаруженных за последние сто лет более чем в 150 местах северного и южного склонов Главного Кавказского хребта, кобанская культура признана учеными «одной из самых ярких археологических культур Старого Света эпохи поздней бронзы и раннего железа[1]».

Кобанская культура генетически связана с более ранними культурами Кавказа и вызрела из предшествовавшей ей в этих местах северокавказской культуры, корни которой, в свою очередь, уходят в майкопскую и куро-аракскую культуры[2]. Во всех вариантах кобанской культуры отчетливо прослеживается преемственная связь с культурой бронзового периода, а последней – с культурами более ранней эпохи. Поэтапное и всестороннее изучение обширного археологического материала с использованием всего накопленного опыта датировки древних культур Переднего Востока, Средиземноморья и Восточной Европы позволило археологам выделить хронологические рамки кобанской культуры: ранний период – XIV–XIII вв. до н. э.[3]; классический период – XII–VIII вв. до н. э.; поздний – с VII

[1] Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 114-115.

[2] Крупнов Е. И. О происхождении и датировке кобанской культуры // СА. 1957. № 1. С. 67-79; Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М., 1977. С. 78.

[3] В.И. Козенкова выделила переходный протокобанский период (Кобань I и Кобань II), который датируется началом XIV в. до н.э. – первой половиной XII в. до н.э.). См.: Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С. 110–112.

По мнению А.Ю. Скакова, протокобанский период охватывает временной отрезок со второй четверти II тыс. до н. э. по XIII век до н. э. См.: Скаков А.Ю. Протокобанская эпо-

в. до н. э. по III в. н. э. Последний, в свою очередь, был разделен на два периода – позднекобанский первый период (VII–IV вв. до н. э.) и позднекобанский второй период (III в. до н. э. – III в. н. э.). Согласно Е.П. Алексеевой позднекобанский период делится на две хронологические группы – первая из них датируется VII–III вв. до н. э., вторая – охватывает период с II в. до н. э. по III в н. э.[4]

М.П. Абрамова на материалах памятников Северной Осетии и Кабардино-Балкарии провела отдельный анализ второго этапа позднекобанского периода и пришла в целом к таким же выводам, подчеркнув, однако, что данный этап, по ее мнению, начинается не со II, а с III в. до н. э.[5]

В связи с ростом числа выявления новых археологических материалов среди археологов до сих пор продолжаются споры касательно уточнения приведенных выше временных границ и распределения внутри этих границ тех или иных групп памятников. В настоящее время имеется не менее десятка хронологических схем кобанской культуры. Вместе с тем ни у кого не вызывает сомнения, что данная археологическая культура, охватив период позднего бронзового в., получила полный расцвет в пору раннего железного в., продлившись в общей сложности более 1500 лет. Впрочем, следует отметить, что существование кобанской культуры после IV в. до н. э. оговаривается не всегда, из-за чего порой может создаться ложное впечатление, будто поздние кобанские материалы оторваны от общего комплекса культуры, на что неоднократно обращали внимание многие археологи. Материалы вещественных памятников говорят о существовании очевидной преемственно-генетической связи между кобанской археологической культурой и культурами последующих эпох. Кобанская культура пережила в., и ее элементы органически вплелись в современную культуру народов Центрального Кавказа.

В научных кругах по сей день не прекращаются дискуссии также по проблеме определения ареала кобанской культуры в целом и ее локальных вариантов внутри общего контура. Тем не менее безусловным и бесспорным итогом более чем столетнего изучения данной культуры стало то, что сейчас ее ареал устанавливается по всему Центральному Кавказу, включая обе стороны Большого Кавказского хребта и высокое плато современной Ставропольской возвышенности. К северу от Главного Кавказа памятники кобанского типа зафиксированы на территории от междуречья Большого Зеленчука и Урупа на западе до левобережья реки Аксай на востоке; к югу от Главного Кавказа ареал кобанской культуры охватывал современные территории Сванетии, Лечхуми, Рачи, Южнуй Осетии, верховья Арагви и Алазани[6].

ха на Кавказе // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа 28–31 мая 2001 г. Сухум, 2004. С. 56.

[4] Алексеева Е.П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. УЗЛГУ, № 85, серия ист. наук, 1949, вып. 13. С. 191–257.

[5] Абрамова М.П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и новых веков н. э. // Археологические исследования на Юго-востоке Европы. М., 1974. С. 175.

[6] Техов Б.В. О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и первой половине I тыс. до н.э. // МАДИСО, 1969. Т. 2; Его же: Центральный

Археологические памятники южного и северного склонов Главного Кавказского хребта демонстрируют столь значительное сходство, что нельзя объяснить иначе как существованием единой этнокультурной общности, которая «в немалой степени… базировалась на едином культурно-хозяйственном типе, обусловленном природно-географическими условиями: все наиболее мощные культурные центры – Кобан и Дигория на Северном Кавказе, Тли и Рача-Лечхумо-Сванетский культурный массив на южных склонах Центрального Кавказа находятся в рамках одной высокогорной ландшафтной зоны[7]».

Разумеется, довольно сложно говорить о более или менее четких границах кобанской культуры, ибо границы эти не были застывшими – менялись в разные периоды в зависимости от различных обстоятельств. К тому же еще в недалеком прошлом, вплоть до 50-х гг. XX в., обозначение рубежей распространения кобанской культуры осложнялось тем, что в одну культуру объединялись памятники Центрального Кавказа и Колхиды позднебронзового в. и раннего периода железного в..

После того как в 30-х гг. XX в. на южных склонах Главного Кавказа: Южной Осетии, Рачии, Лечхуми, Сванетии, т.е. на территории, расположенной между Главным Кавказским хребтом и горной цепи Эгрисского и Рачинского хребтов, были найдены материалы, относящиеся к кобанской культуре, М.М. Иващенко выдвинул гипотезу о тождественности колхидской и кобанской культур и об этнической однородности их носителей[8]. В дальнейшем, после обнаружения в ущельях верховья рек Ингури, Цхенисцкали, Риони, Квирилы, Джоджоры, Большой Лиахви, Алазани и других местах южного склона Главного Кавказа новых материалов кобанской культуры, гипотезу М.М. Иващенко начали разделять Б.А. Куфтин, Г.Ф. Гобеджашвили, А.Н. Каландадзе, Ю.Н. Воронов. Для обозначения объединенной культуры стали употреблять термин *колхидо-кобанская культура*, или *колхидо-кобанская металлургическая провинция*.

Сторонники объединения кобанской и колхидской культур определяли т.н. *колхидо-кобанскую культуру* как культуру в основном грузинского этноса (ме-

---

Кавказ в XVI – X вв. до н.э…; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971; Козенкова В.И. Предметы из Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тыс. до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 149-157; Ее же: Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1977; Ее же: Некоторые археологические критерии в этнографических исследованиях (на материалах кобанской культуры Кавказа) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981; Ее же: Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. 1989; Дударев С.Л. О причинах миграции кобанских племен в предгорно-плоскостные районы в начале I тысячелетия до н.э. // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

[7] Туаева З.Д. Кавказский хребет и проблемы Кобанской культуры // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Майкоп, 1992; См. также: Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э… С. 189.

[8] Иващенко М.М. Материалы к изучению культуры колхов. МИГК. Тбилиси, 1941. Вып. 2. С. 1–59.

грело-чанского или сванского, в зависимости от предпочтения исследователя). Данная гипотеза основывалось на другой гипотезе, согласно которой, носителями колхидской культуры являлись грузинские племена; иными словами, если считать колхидскую культуру грузинской, то грузинской должна быть и колхидо-кобанская культура. Следствием такого подхода стало то, что территория Северного Кавказа была включена в ареал расселения древнегрузинских племен[9]. Однако дальнейшие исследования выявили четкие различия между археологическими памятниками Центрального Кавказа и Колхиды. В настоящее время памятники Центрального Кавказа и Колхиды эпохи позднего бронзового и раннего железного в. выделены в две отдельные культуры – кобанскую и колхидскую[10].

Кроме того, следует отметить, что в результате последних археологических исследований, проведенных с использованием новой информации и применением новых методов научного анализа, ученые были вынуждены поставить под сомнение гипотезу о грузинской этнической принадлежности носителей колхидской культуры во II – первой половине I тыс. до н. э. Дело в том, что картина, устанавливаемая на основании археологических данных, вступает в явное противоречие с данными языка. На протяжении III, II и первой половины I тыс. до н. э. на территории исторической Колхиды четко прослеживается преемственная связь материальных культур разных эпох, что не дает никаких оснований говорить о какой-либо смене населения этих земель в указанный период. Некоторые изменения в археологическом материале, указывающие на проникновение в юго-восточные районы Колхиды новых этнических групп, наблюдается лишь со второй половины I тыс. до н. э., точнее, с рубежа IV–III в. до н. э. Разделение же пракартвельского языка на картвельский и мегрело-чанский произошло в VIII–VII вв. до н. э.,т.е. во II тыс. до н. э. мегрело-чанские (западногрузинские) племена еще не выделились из пракартвельской языковой общности, а значит, никак не могли населять Колхиду.

В связи с этим некоторые археологи предложили население Колхиды периода II – начала I тыс. до н. э. считать сванским, поскольку сванский язык отделился от пракартвельского еще в начале II тыс. до н. э. Однако и эта гипотеза также не получила подтверждения. Дело в том, что она опирается главным образом на факт якобы присутствия на этой территории некоторых топонимов, относимых к грузинским. Однако грузинский облик этих топонимов весьма сомнителен и не находит подтверждения. Так, например, в «Летописи Картли» сообщается о некоем городе Цхум в Абхазии, существовавшем на месте современного г. Сухум[11]. Поскольку *цхими* (*цхуми*) на сванском языке означает *бук* (согласно другого мнения – *граб*), ряд грузинских ученых считают, что название Сухум является производным от этого слова. Отсюда они делают неожиданный вывод о том, что основным населением Колхиды во II тыс. до н. э. и в первой

[9] См.: История Грузии. Тбилиси, 1946. С. 46–47.

[10] См.: В.И. Марковин, Р.М. Мунчаев. Северный Кавказ. М., 2003. С. 159.

[11] Летопись Картли. С. 44.

половине I тыс. до н. э. (до VII в. до н. э.) были картвелоязычные сваны, которых в VII в. до н. э. сменило другое картвелоязычное племя – мегрело-чаны[12]. Кстати, как это ни странно, в доказательство тому, что в VII в. до н. э. мегрело-чанские племена пришли на смену сванскому населению Колхиды, отдельные исследователи приводят именно название *Цхуми* грузинского источника XI в., но этимологизируемое уже при помощи мегрело-чанского языка (как они объясняют, в мегрельском языке слово *цхимури//тхуму* используется для обозначения породы деревьев).

Возможно, упомянутое в средневековом грузинском источнике слово *цхум// цхим* и обозначает на сванском *бук* или *граб*, а на мегрельском – породу деревьев, но это не имеет отношение к населению Колхиды II – I тыс. до н. э., а также к топониму Сухум, что давно доказано в научной литературе[13]. Кроме того, данные языка также исключают проживание сванов на территории Колхиды в указанное время. Дело в том, что в сванском языке выявляются лексические заимствования непосредственно из хеттского и армянского языков, при этом минуя картвельский и мегрело-чанский[14]. Арменизмы в сванском «могут учитываться лишь как пережитки из эпохи нахождения сванов в пределах исторической Армении, в непосредственном общении с армянами», заметил Н.Я. Марр[15]. Он также обратил внимание на то, что когда армянские термины родства всплывают в сванском, «становится ясным, что эмиграция сванов из Малой Азии началась не только после появления ариоевропейцев в этих местах, но и после сотни-другой лет тесной совместной с ним жизни[16]». Следовательно, в конце II тыс. до н. э. сваны еще жили на северо-

[12] В некоторых грузинских академических изданиях к древним сванским топонимам было также отнесено и название одного из районов г. Сухум – Лечкопи. Однако авторы не удосужились уточнить, что это название возникло при советской власти, в 30-х гг. XX столетия, когда в этом районе существовал лечебный кооператив (*Лечкоп* – производное от *Лечебный кооператив*). Другое курьезное явление, имеющее место в историографии, – утверждение связи происхождения греческого названия города Питиунт (Пицунда) и грузинского наименования породы деревьев – *сосна*. Однако в таком случае следовало бы признать, что в античный период грузины проживали почти по всему побережью Средиземного и Черного морей, ибо во времена античности название Питиунт было широко распространено в Средиземноморском и Черноморском бассейне. Так, например, один только Страбон сообщает о нескольких городах с подобными названиями, расположенных в Парийской области и Троаде: Питиус, Питея и т.д.

[13] См.: Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов... С. 333. Ряд ученых название города Сухум связывают с турецким *су* (*вода*) и *хум* (*песок*). Происхождение названия *Цхими//Цхуми* в научной литературе связывается с абхазским названием средневекового поселения *Цхым*(*ын*), *Цхыб*(*ын*), располагавшегося в 20-25 км. к юго-востоку от нынешнего Сухума. Кстати, следует отметить, что в древнеармянском переводе «Картлис цховреба» нет упоминания о городе Цхум. Абхазское название Сухума – *Агуа* (*АкIыуа*), впервые топоним встречается в надписи на стеле II в. до н. э., найденной при раскопках в окрестностях г. Сухума.

[14] Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. Л., 1938. С. 165.

[15] Марр Н.Я. К дате эмиграции мосохов из Армении в Сванию. Петроград, 1916. С. 169.

[16] Там же.

востоке Малой Азии, и, таким образом, гипотеза о том, что носителями колхидской культуры, возможно, являются сванские племена, не имеет оснований.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что выдвинутая в советское время гипотеза о проживании картвельских (грузинских) племен в Колхиде во второй половине II – первой половине I тыс. до н. э. вызывает весьма скептическое отношение со стороны все большего числа ученых специалистов. В связи с появлением в последнее время новых материалов (топонимика, язык, антропология, древнегреческие письменные источники и др.), говорящих об абхазском облике колхидской археологической культуры, в исследовательской литературе было высказано предположение об абхазском характере кобанской, (*колхидско-кобанской*) культуры[17]. Однако каких-либо следов пребывания абхазских племен в центральных и восточных районах Северного Кавказа ни в рассматриваемый период, ни раньше, ни позже, не обнаруживается.

Нет пока никаких серьезных оснований и для того, чтобы поддерживать гипотезу о возможной адыгской принадлежности кобанской культуры. Впрочем, если все же принять во внимание такое предположение, неизбежно возникает вопрос о том, к какому этносу следует отнести носителей прикубанской археологической культуры. При этом, конечно, необходимо учитывать, что между племенами, являвшимися носителями кобанской, колхидской и прикубанской археологических культур, не было четко очерченных границ. Несомненно, между этими культурами происходил постоянный взаимообмен, а также случались проникновения в ту или иную сторону отдельных племенных объединений. Поэтому проживание некоторых групп племен – носителей колхидской и прикубанской культур, на периферии ареала кобанской культуры кажется вполне вероятным, как, впрочем, и существование кобанских племен на перифириях прикубанской и колхидской культур.

Одной из основных причин, вызвавших попытки объединить кобанскую и колхидскую археологические культуры и возникновение гипотезы о колхидско-кобанском единстве, является, на мой взгляд, то обстоятельство, что северные границы Колхиды, по сложившейся традиции, ошибочно проводятся по Главному Кавказскому хребту. Поэтому памятники кобанской культуры, находящиеся на южных склонах Главного Кавказа – в Сванетии, Рача-Лечхуми и Двалетии (соврем. Южная Осетия), рассматриваются как «очаги колхидской культуры[18]», и, следовательно, единство культур северного и южного склонов Главного Кавказа воспринимается как общность двух культур – колхидской и кобанской. Однако, как было показано выше, северная граница Колхиды пролегала не по Главному Кавказскому хребту, а по Эгрисскому и Рачинскому хребтам, и по ней проходила и этническая граница, разделявшая носителей кобанской и колхидской культур. Поэтому археологические памятники поздней бронзы и раннего железа Сванетии, Рача-Лечхуми и Двалетии не могут рассматриваться как части колхидской культуры[19].

---

[17] Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.

[18] Воронов Ю.Н. Научные труды. Сухум, 2006. Т. I. С. 70.

[19] В последнее время высказано мнение о нахском облике колхидской культуры (см.:

К настоящему времени в научной литературе обе отмеченные точки зрения сосуществуют. Но согласно мнению большинства археологов наиболее научно аргументированным можно считать точку зрения, согласно которой «кобанская и колхидская культуры – это отдельные, самостоятельные культуры, развивавшиеся в тесных взаимосвязях между собой[20]».

Колхидская, кобанская и прикубанская археологические культуры – бесспорно, представляли собой три этнокультурные общности. В то же время, бесспорно также то, что территории колхидской, кобанской и прикубанской археологических культур представляли собой одну историко-культурную область. Носители этих культур имели общее происхождение, являлись близкими и генетически родственными племенами, относящиеся к единой, исконнокавказской языковой семье. Венгерский археолог Ласло Ференци, например, отмечает, что «родство, которое можно наблюдать в памятниках этих территорий, соответствует и древней языковой общности местных племен. Племена, жившие в районах рек Терек и Риони примерно до середины I тысячелетия до н. э., сохранили свою принадлежность к одной языковой семье[21]». Кроме того, в силу общности исторических судеб, социально-экономического развития и тесного взаимовлияния и взаимопроникновения у населения этих территорий во многом складываются сходные особенности материальной и духовной культур.

Тем не менее иногда археологи объясняют обнаружение внутри ареала кобанской культуры предметов, принадлежащих другим культурам, физическим присутствия здесь в прошлом носителей этих культур, однако при этом они считают, что распространение кобанских памятников на территориях бытования соседних культур является лишь результатом торговых и иных связей. Совершенно очевидно, что столь односторонний подход выглядит абсолютно неоправданным. Кобанская культура развивалась в тесном культурно-экономическом контакте с соседними, существовавшими одновременно с ней колхидской, прикубанской и каякентско-хорочоевской культурами. Наличие в кобанских памятниках тех или иных форм, характерных для других археологических культур, является следствием диалектического взаимодействия собственно кобанских и внедрения творчески переработанных инокультурных импульсов. Это характерно для всех археологических культур, и кобанская культура, конечно же, в этом отношении не исключение.

Что касается ареала кобанской культуры в восточной части Южного Кавказа, то обнаруженный здесь археологический материал конца II – I тыс. до н. э., особенно из Иоро-Алазанского бассейна, Самтавро, Триалети, Месхети и Джавахе-

Кодзоев Н.Д. К вопросу об этнической принадлежности населения древней Колхиды // Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2012. Вып. 9. С. 112–118), однако данная гипотеза имеет очень слабую научную доказательную базу.

[20] См.: Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Указ. соч. С. 159; Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум. 2014. С. 132–133.

[21] Ференци Л. Вопросы хронологии некоторых кавказских спорадических находок коллекции Зичи // Aziparmuveszeti Museum evkonyvei. III–IV, 1959, Budapest, 1960. С. 312; см. также: Крупнов Е. И. О происхождении и датировке кобанской культуры… С. 60.

ти, настолько сходен с кобанским[22], что, по мнению ряда археологов, пора ставить вопрос о принадлежности найденных памятников именно к кобанской культуре[23]. Это сходство столь очевидно, что не считаться с ним невозможно. Так, например, в могильнике Цихиана близ селения Абано (Восточная Грузия) планиграфия могил и погребальный обряд поразительно напоминают близкородственные участки могил на погребальном поле близ Сержень-юрта, где вокруг центральной могилы мужчины-воина расположены плотной группой могилы других членов семьи[24]. Встречаются аналогии и среди вещей (топоры кобанского типа, обломок пинцета, железная гривна); очень выразительна, например, коллекция лепной посуды, прямые соответствия которой можно найти в могильниках Исти-Су, Нестеровского, Лугового[25]. Как отмечают археологи, «все материальные признаки могильника Цихиана … обнаруживают несомненную близость с памятниками оседлой кобанской культуры Северного Кавказа середины I тыс. до н. э.[26]». Ю.Н. Воронов вообще рассматривает памятники Самтавро и Триалети первой половины I тыс. до н. э. как самтавротриалетский локальный вариант *колхидско-кобанской культуры*[27]. Хотя исследователь и использует термин *колхидско-кобанская культура*, доказательной базой его тезиса служат как раз материалы из Тли, Сачхери, Рачи, бассейна Терека, Хулхулау и т.д., т.е. классические кобанские памятники, имеющие поразительное сходство с материалами из Самтавро и Триалети[28].

Проблема взаимоотношений кобанской культуры с триалетской и самтаврской культурами еще недостаточно исследована, а потому, конечно, говорить по этой теме что-либо определенное пока нельзя. Вместе с тем сам факт столь поразительного сходства между перечисленными культурами наталкивает на мысль, что, возможно, их носителями были родственные племена, принадлежавшие к единой этноязыковой группе. Во всяком случае, как увидим ниже, накопленный к сегодняшнему дню материал делает вполне правомерным существование такой гипотезы.

В настоящее время стало возможным наметить западную, южную и восточную границы кобанской культуры, в то же время определить северные пределы ее распространения гораздо сложнее – можно лишь предположить, что на севере

---

[22] Джапаридзе О.М. Бронзовые топоры Западной Грузии. (К вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры). СА, 1953. Т. XVIII. С. 295; Пицхалаури К.Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV–VII вв. до н.э.). Автореферат диссертации на соискание учен. ст. док. ист. н. Тбилиси, 1972. С. 10; Нуцубидзе А.А. Археологические раскопки в сел. Абано // Вопросы археологии Грузии. Тбилиси, 1978. Вып. I. С. 65-73.

[23] См.: Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы… С. 134–135.

[24] Нуцубидзе А.А. Археологические раскопки… С. 65–73.

[25] Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы… С. 135.

[26] Там же.

[27] Воронов Ю.Н. Западно-кавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа («колхидско-кобанская культура») // VIII Крупновские чтения. Нальчик, 1978. С. 13–14.

[28] Там же.

кобанская культура охватывала Ставропольскую возвышенность и «степные районы междуречья Кумы и Терека[29]».

Таким образом, на основе имеющихся сегодня материалов можно с достаточной уверенностью утверждать, что ареал кобанской культуры охватывал северную и южную части Центрального Кавказа, а именно: к северу от Главного Кавказа – от верховьев Кубани и Ставропольской возвышенности на западе до правобережья Аксая и подножья Андийского хребта на востоке; к югу от Главного Кавказа – от верховьев Ингура на западе до верховьев Алазани на востоке. Южные пределы распространения кобанской культуры в Западном Закавказье проходили по Эгрисскому и Рачинскому хребтам. Южная граница кобанской культуры в Восточном Закавказье, как уже было отмечено, не столь однозначна, и для ее уточнения необходимы дополнительные исследования. Вместе с тем, археологический материал, которым в настоящее время располагает наука, не противоречит предположению о том, что верховья Арагви, Иори и Алазани входили в ареал кобанской культуры.

При этом следует иметь в виду, что, как отмечалось выше, границы кобанской культуры не были устоявшимися и периодически менялись. Как справедливо заметила В.И. Козенкова, более чем тысячелетняя история автохтонного развития данной культуры – от формирования и расцвета до наиболее поздней трансформации – говорит о том, что контур ареала был пульсирующим, т. е. то расширялся, то сжимался под воздействием сочетания различных факторов[30].

Что касается сущности кобанской культуры, то Е.И. Крупнову удалось фундаментально обосновать вывод об единой этнической общности носителей данной культуры[31]. Широта ареала рассматриваемой культуры при общем сходстве ее основных элементов (погребальный обряд, керамика, украшения, некоторые типы оружия) обусловила наличие локальных, местных особенностей, которые, в свою очередь, послужили основой для выделения трех ее разновидностей – западной, центральной и восточной[32]. В настоящее время большинство ученых рассматривают их как варианты культуры родственных племенных образований, отражающие диалектные различия внутри единой этнокультурной общности, или, говоря словами В.Б. Виноградова, «этнической общности, пребывающей на стадии закономерного дробления и расхождения дочерних этнографических групп[33]». Как отмечает В.И. Козенкова, «пестрота археологических материалов – слагаемых кобанской культуры, подтверждает наличие этнографических различий даже в ее пределах, хотя единство в основных формах материального выражения, скорее всего, свидетельствует в пользу ее одноэтничности[34]».

---

[29] Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа... С. 135.

[30] Козенкова В.И. Об уточненных границах кобанской культуры // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIII Крупновские чтения. М., 2004. С. 34–45.

[31] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 340.

[32] Там же. С. 250; Б.В Техов выделяет два основных варианта кобанской культуры: северокавказский и южнокавказский (Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI – X вв. до н. э… С. 96).

[33] Виноградов В.Б. Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время... С. 78.

[34] Козенкова В.И. Некоторые археологические критерии… С. 54.

В то же время в специальной литературе порой высказываются мнения, отрицающие единую этнокультурную сущность кобанской культуры. Выдвигается гипотеза, согласно которой, в рамках этой культуры якобы синхронно существовали несколько различных, не связанных между собой этноязыковых общностей, соответствующих трем указанным выше локальным вариантам. Поэтому, как считают сторонники данной гипотезы, «предпочтительно использовать терминологию, не несущую этнической окраски» (например, такую как *историко-культурная общность*), которая подчеркивала бы полиэтничность кобанской культуры[35]. При этом они, признавая отсутствие достаточных аргументов для утверждения тезиса о полиэтничности кобанской культуры, для обоснования своих предположений ссылаются на то, что в науке до сих пор отсутствуют общепризнанные методологически обоснованные дефиниции, связанные, например, с понятиями *этнос*, *культура* и т.д.[36]

Действительно, на протяжении многих десятилетий в научных кругах ведутся дискуссии по поводу соответствия археологической культуры и этноса. Одна часть ученых последовательно придерживается мнения, что археологическая культура в общем виде соответствует этносу, другая часть считает, что соотносить археологическую культуру с этносом неправомерно[37]. Отсутствие общепризнанных, методологически обоснованных дефиниций относительно этноса и культуры еще не значит, что нужно отказаться от попыток реконструировать прошлое и рассматривать археологическую культуру вне этноса, или дробить археологические культуры Кавказа по ущельям, речкам, отдельным поселениям и в каждом из них выискивать отличную от соседних поселений этническую группу, как это пытаются представить в последнее время некоторые ученые. Хотя, при этом, почему-то не учитывается, что, во-первых, тот же аргумент – отсутствие общих научных критериев понятий *этнос, культура* и т.д., с таким же успехом можно использовать и для подтверждения того, что носители кобанской культуры представляли единую этническую общность, во-вторых, не понятно, почему исключение должно быть сделано именно для кобанской культуры, в то время как во всех остальных синхронных культурах признается наличие этнического лица[38].

---

[35] Мошинский А.П. Кобанская культурно-историческая область и Горная Дигория // XXIII Крупновские чтения. М., 2004. С. 77.

[36] Там же.

[37] Не будем приводить здесь аргументы ни одной, ни другой стороны – они хорошо известны, напомним лишь справедливое замечание известного российского ученого И.С. Каменецкого: «…Большинство археологов думают, что культура соответствует этносу. И уж во всяком случае все исходят из этого допущения в своей практической работе, даже те, кто выступал и выступает против такого отождествления» (Каменецкий И.С. Археологическая культура: ее определение и интерпретация. СА, 1970. № 2. С. 35).

[38] Представляется, что перед нами не совсем удачная попытка спроецировать современную этноязыковую и этнополитическую ситуацию Центрального Кавказа на древнюю эпоху. Возможно, в основе такого стремления представить современные этнические и административные границы народов центральной части Северного Кавказа неизменными

Нет никаких оснований рассматривать кобанскую культуру вне определенного этноса, как сумму различных, не связанных между собой этносов, тем более что археологический материал бесспорно свидетельствует о существовании у кобанских племен самобытной и в основных своих чертах однородной материальной и духовной культуры, а, следовательно, и собственного социального организма, то есть единого этноса. Разумеется, при этом, следует учитывать, что кобанская культура занимала значительный ареал, а потому население, проживавшее внутри этого ареала, не могло быть полностью однородным. Условия горной местности вызвали разделение населения – носителей культуры, на ряд этнографических групп в рамках единой этноязыковой общности, о чем свидетельствуют названные выше локальные варианты рассматриваемой культуры. При этом необходимо подчеркнуть, что культура вообще и кобанская в частности представляется в виде целостной, развивающейся и открытой системы, изменение и обновление которой происходит путем сохранения традиций, что придает ее формам устойчивость и при этом вносит инновации, делающие ее более гибкой.

Кобанская культура не была замкнутой, изолированной от внешнего мира – напротив, весь археологический материал, которым мы сегодня располагаем, свидетельствует об оживленных связях кобанцев как с близлежащими, так и с дальними странами. К тому же само географическое расположение территорий, на которых развивалась кобанская культура, не позволило бы кобанцам, даже при всем их желании, отгородиться от внешнего мира. Поэтому, как справедливо отмечает В.И. Козенкова, кобанская культура «на разных этапах своего развития впитывала новые соки, принесенные культурными волнами к подножью Большого Кавказа. И при этом на всех этапах сохраняла самобытность и узнаваемость среди других культур[39]».

на протяжении более трех тысячелетий, лежат благие намерения, но, к сожалению, такой подход не имеет никакого отношения к исторической науке.

[39] Козенкова В.И. Кобанская культура в XX веке: вехи в столетнем исследовании. http://www.iriston.com.

Думаю, что нет необходимости комментировать появляющиеся в последнее время публикации, в которых предпринимаются ничем не аргументированные попытки отнести носителей кобанской культуры к индоевропейским племенам. Например, Б.В. Техов в своих ранних фундаментальных исследованиях по вопросу происхождения кобанской культуры писал, что «нет никакого сомнения, что эта культура является автохтонно-кавказской и что ее создали аборигены-кавказцы… творцы и носители этой замечательной культуры входили в общекавказскую языковую семью и, видимо, говорили на одном из ее наречий» (Техов Б.В. О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии…; Его же. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э.). Однако в последнее время он, неожиданно резко поменяв свое мнение, стал относить носителей кобанской культуры к арийским племенам (Техов Б.В. К этнической принадлежности создателей кобанской культуры Центрального Кавказа. // От скифов до осетин. Материалы по осетиноведению. М. 1994. Вып.1. С. 4-20). Хотя при этом, как отмечает В.И. Марковин (Марковин В.И. Северный Кавказ: историко-археологическое изучение и современность. РА, 1997. № 3. С. 5), В.Б. Техов не приводит каких-либо новых материалов, на которые можно бы было опереться для столь кардинального изменения своих взглядов. «Все это, безусловно, лежит

Археологи рассматривают кобанскую культуру на всех этапах ее развития «как культуру автохтонного прочно оседлого населения горных ущелий, долин и предгорий центрального Кавказа… Автохтонность кобанской культуры выступает не как механическое повторение застывших форм и явлений, а как диалектический процесс смешения и контактов, поглощения и органического включения родственных и чужеродных элементов при сохранении комплекса компонентов, подтверждающих наличие древнего не только хозяйственно-культурного, но и этнического ядра[40]».

Что касается проблемы конкретной этноязыковой принадлежности носителей данной культуры, то, говоря словами В.И. Кузнецова, «сейчас мы можем утверждать лишь то, что древние кобанцы органически связаны с кавказским этнокультурным миром и являются местными кавказскими аборигенами», однако остается открытым вопрос о том, «принадлежали ли они, скажем, к кругу протовайнахских племен или представляли самостоятельную языковую и этническую общность[41]». Тем не менее большинство археологов склонны решать этот вопрос в пользу именно нахских племен. По Е.И. Крупнову, после последовательного и неоднократного внедрения ираноязычных элементов в местную кавказскую этноязыковую среду кобанской культуры стали формироваться «основы будущих народностей срединной части Северного Кавказа – чечено-ингушей и осетин[42]». Согласно В.И. Абаеву, «осетинский язык – это иранский язык, формировавшийся на кавказском субстрате», и этот субстрат является общим для чечено-ингушского и осетинского языков и «родственным чечено-ингушскому языку[43]».

В.И. Марковин считает, что «современные осетины в древности также были вайнахами, а затем долгое соседство с аланами и их влияние лишили их родного языка, и они стали называться осетинами, а другая часть вайнахов – ингуши и чеченцы – сохранили свой язык[44]». В.А. Кузнецов также приходит к выводу о проживании древневайнахских племен (арг) на территории Центрального Кавказа до проникновения в эти места ираноязычных племен[45]. В.Б. Виноградов, указывая на существование в пределах кобанской культуры «вполне зримой этнической общности», полагает, что единым языком этой общности, представленным «во

в сфере не науки, а политики», как это справедливо замечает А.Ю. Скаков (Скаков А.Ю. К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье // «Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках». СПб., 2010. С. 53).

[40] Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 265; см. также: Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России… С. 115.

[41] Кузнецов В.А. К вопросу о позднекобанской культуре Северного Кавказа. СА, 1959. 2. С. 200.

[42] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 395.

[43] Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 78; Его же: Осетино-вайнахские лексические параллели. Известия ЧИНИИ. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 2. С. 107.

[44] Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги... С. 61.

[45] Кузнецов В.А. Очерки истории алан... С. 148-149.

множестве более или менее близких диалектов, был протовайнахский[46]». Помимо этого, он делает весьма важное замечание о том, что «постоянное акцентирование процесса дробления кобанской этнической общности на дочерние «этнографические группы» не снимает вопроса о наличии у кобанцев (всех или крупных их частей) общего самосознания, а также и собирательного названия[47]». Указывая на то, что «аборигенное население, создавшее кобанскую культуру, приобретает все права этнической общности», В.Б. Виноградов выдвинул гипотезу о наличии у кобанцев в VII – IV вв. до н. э. «*общего наименования, которое в определенных условиях отражало самосознание кобанской этнической общности*» (выделено мной. – Г.Г.[48]). В настоящее время, похоже, можно говорить о том, что гипотеза, выработанная известным кавказоведом на основе изучения археологического материала, находит реальное подтверждение в письменных источниках. Так, в армянском источнике отражено общее самоназвание нахов – *нах* (*нахаматеан*), в грузинских и античных источниках приведены общие, собирательные названия древних вайнахов – *кавкасианы, махли* (*малхи*), под которыми они были известны своим соседям. Как было отмечено в предыдущей главе, все упоминания нахских этнонимов, встречающиеся в этих источниках, относятся к I тыс. до н. э., а территория проживания нахских племен в это время практически полностью совпадает с ареалом распространения кобанской культуры.

Таким образом, версия археологов о возможном нахском облике кобанской культуры подтверждается данными письменных источников. Впрочем, следует отметить, что сама постановка вопроса о связи нахского этноса с кобанской археологической культурой не только правомерна, но давно уже подготовлена развитием всей кавказоведческой науки. При изучении проблем этноязыковой принадлежности кобанской культуры используются самые разные данные (топонимика, язык, антропология и др.), и эти данные – как в отдельности, так и в совокупности – на протяжении многих десятилетий неизбежно приводят исследователей к нахскому этносу. Свидетельства об этом хорошо известны широкому кругу читателей, и потому не будем останавливаться на них, а ограничимся лишь кратким напоминанием в связи с необходимостью интерпретации этих фактов в свете вышеизложенного.

2. Язык

В относительно недавнем прошлом большинство языковедов были убеждены в глубинном генетическом родстве абхазо-адыгских, нахско-дагестанских и картвельских языков и объединяли их в единую иберийско-кавказскую семью. Однако результаты новейших лингвистических исследований свидетельствуют о необо-

[46] Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа... С. 308–309.

[47] Виноградов В.Б. Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время... С. 310.

[48] Там же.

снованности гипотезы о генетическом родстве указанных языков. Предположения эти базировались лишь на типологических и ареальных совпадениях, что не нашло подтверждения в реконструированной в наши дни праязыковой лексике. Сегодня наука располагает достоверными сведениями о том, что картвельские языки представляют собой особую языковую семью, а пракартвельский язык генетически связан с протоафразийским и протоиндоевропейским языками[49].

Абхазо-адыгские и нахско-дагестанские языки образуют отдельную, т.н. *северокавказскую* языковую семью. Их общий протокавказский уровень реконструируется с высокой степенью достоверности[50]. Северокавказская языковая семья распадается на две группы (или подсемьи) – западную, или абхазо-адыгскую, и восточную, или нахско-дагестанскую[51]. Помимо живых абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков к северокавказской семье относятся в качестве особых ветвей древние языки Южного Кавказа – хаттский (абхазо-адыгская подсемья), хуррито-урартские и этрусский (нахско-дагестанская подсемья[52]). Как отмеча-

[49] Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965; Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. I.

[50] Абдоков А.И. К вопросу о генетическом родстве абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик, 1976; Его же: Введение в сравнительно-историческую морфологию абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик, 1981; Nikolayev S. L. Starostin S. A. A north caucasian etymological dictionary. Moscow, 1994; Старостин С. А. Проблема генетического родства и классификация кавказских языков с точки зрения базисной лексики // Алародии: этногенетические исследования. Махачкала, 1995.

О родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков высказался еще в 20-х гг. прошлого столетия Н.С. Трубецкой: «Les consonnes laterales des langues Caucasiques Septentrionales» («Bulletin de la Societe de Linguistique». Т. 23. № 27, Paris, 1922, 184-204; «Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der Nordkaukasischen Sprachen». // I.Caucasica, fasc. 3. Leipzig, 1926). Он же отметил, что родство абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков с картвельскими (грузинскими) языками «неочевидно и научно не доказано» (N. Troubetzkoy. Les langues caucasiques septeentrionales. In: «Les Langues du monde». Ed. par A. Meilet et M. Cohen. Paris: «Champion»).

[51] С выходом фундаментальной работы С.Л. Николаева и С.А. Старостина «Северокавказский этимологический словарь» дискуссия о родстве северокавказских языков считается фактически завершенной. Ученым удалось научно доказать генетическое родство кавказских языков: по их мнению, западнокавказские (абхазо-адыгские) и восточнокавказские (нахско-дагестанские) языки образуют две ветви единой северокавказской семьи (см.: Алексеев М.Е., Тестелец Я.Г. «Северокавказский этимологический словарь» и перспективы кавказской компаративистики // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1996).

[52] Старостин С.А., Николаев С.Л. Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984. Ч. 3; Иванов В.В. Об отношении хаттского языка к северо-западно-кавказским // «Древняя Анатолия». М. 1985. С. 26-59; Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // «Древний Восток: этнокультурные связи». Вып. LXXX. М., 1988; Дьяконов И. М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки //

ют исследователи, «первоначально северокавказские языки занимали не только Северный Кавказ, но весь Кавказ без исключения и многие прилегающие области[53]». Поэтому С.А. Арутюнов вместо названия *северокавказские* вводит в научный оборот термин *кавказские*, или *исконнокавказские* (языки[54]), с чем, безусловно, следует согласиться[55].

Сравнительно-исторический анализ исконнокавказских языков дает неоспоримые доказательства формирования нахской этноязыковой общности на территории распространения кобанской культуры. Еще Н.Я. Марр пришел к выводу о том, что в древности абхазы, адыги, вайнахи и дагестанцы занимали территорию всего Кавказского региона – от Черного и Азовского морей до Каспийского, и лишь позднее в их родственную среду вклинились грузинские, иранские и тюркские племена[56]. Мнение Н.Я. Марра, получившее подтверждение в результате новейших исследований, сегодня разделяет большинство специалистов-языковедов. Что же касается нахских народов (чеченцев, ингушей и бацбийцев), их язык занимает промежуточное положение между дагестанскими и абхазо-адыгскими языками и они проживали на землях, расположенных между дагестанскими и абхазо-адыгскими племенами, т.е. в районах Центрального Кавказа. Соседство между нахскими и абхазо-адыгскими языками было довольно длительным, что не могло не отразиться на уровне языковых соответствий между ними. Как отмечают языковеды, степень лексической близости между абхазо-адыгскими и нахскими языками обусловлена не только общностью их происхождения, но и длительным сосуществованием. Позже, в результате постепенного занятия ираноязычными и грузиноязычными племенами промежуточных зон между абхазо-адыгскими и нахскими племенами и вызванного этим прекращения непосредственного этнического соседства, процесс дивергенции между языками последних углубился[57].

«Древний Восток: этнокультурные связи» / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Г. Ардзинбы. М., 1988. С. 164–207; Орел В.Э., Старостин С.А. О принадлежности этрусского языка к восточнокавказской языковой семье // «Кавказ и цивилизации Древнего Востока» / Под ред. И. М. Дьяконова. Орджоникидзе, 1989. С. 105-106.

[53]Арутюнов С.А. Языки народов Кавказа // Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство (в соавт. с М.Г. Абдушелишвили, Б.А. Калоевым). М., 1994. С. 94.

[54] Там же.

[55] В настоящей работе автор будет пользоваться этими терминами: *исконнокавказские* и *кавказские* (языки).

[56] «Лингвистически сейчас уже устанавливается, что названные народы и племена (абхазы, адыги, вайнахи и дагестанцы – Г.Г.) занимали непрерывно всю горную полосу от Черного моря до Каспийского, распространяясь на юг и север от хребта. Не только карачайцы-турки и осетины или ираны-арийцы, но и грузины-яфетиды в этой полосе новые сравнительно с горцами обитатели. Позднейшие победители иранцы, карачайцы, грузины занимали именно главные проходы хребта и прилегающие к ним районы, и тем сделали брешь в непрерывной ближайшей цепи родственных племен, разобщили абхазо-черкесскую группу от чеченских и лезгинских народов и племен» (Марр Н.Я. О языке и истории абхазов… С. 148).

[57] Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков… С. 56; Абдоков А.И. К вопросу о генетическом родстве… С. 137–138.

Непосредственными потомками ираноязычных племен по языку на Кавказе являются осетины. Однако специалисты-языковеды обращают внимание на то, что «осетинский язык, имея бесспорную иранскую основу, в то же время носит глубокие следы влияния кавказских языков в фонетике, лексике, морфологии, синтаксисе, которые не могут рассматриваться как внешние заимствования, а представляют органический вклад из кавказского субстрата, т.е. из тех языков, которые были на данной территории до появления здесь североиранских племен[58]». Как отмечает В.И. Абаев: «…в осетинском мы имеем дело не только с кавказскими влияниями, но с кавказским субстратом. Что это значит? Это значит, что в формировании осетинской этноязыковой культуры кавказский элемент участвовал не только как фактор внешний, чужеродный, но также как фактор внутренний, органический, как подпочвенный слой, на который сверху наложился слой иранский[59]». Кроме того, В.И. Абаев особо подчеркивает: «Что касается позднейших культурных влияний и взаимодействий осетин с соседними кавказскими народами – грузинами, кабардинцами и другими, то их мы, конечно, не должны смешивать с проблемой субстрата. Проблема субстрата есть проблема становления языка и народа[60]».

Относительно вопроса о том, какой именно из кавказских языков сыграл роль субстрата в осетинском языке, В.И. Абаев отмечает, что «в осетинском имеются отложения, идущие из местных субстратных яфетических языков, родственных, по-видимому, чечено-ингушскому[61]», при этом он дает четкие научные критерии, по которым можно отличить языковой субстрат от заимствований, произошедших в процессе культурных взаимовлияний и взаимодействий. Отвечая скептикам, которые считают, что чеченские и ингушские элементы, имеющиеся в осетинском языке, следует все же называть не субстратом, а заимствованием, известный языковед пишет, что такой «скептицизм лишен основания и порождается недостаточной осведомленностью в существе дела… Помимо языковых, явление субстрата характеризуется другими последствиями: антропологическими, этнографическими, всем обликом материальной и духовной культуры. Стало быть, о субстрате можно говорить только тогда, когда налицо весь комплекс его проявлений: антропологических, этнографических, языковых. Для осетинского это проверено и полностью подтверждается[62]».

---

[58] Абаев В.И. Этногенез осетин по данным языка // «Происхождение осетинского народа». Владикавказ, 1967. С. 19–20.

[59] Абаев В.А. Осетинский язык и фольклор... С. 80; В другом месте В.И. Абаев пишет: «…Кавказский элемент вошел в осетинский не просто как внешнее влияние – подобно тюркскому, арабскому и др., а как самостоятельный структурный фактор, как своего рода вторая его природа. ...Он составляет неотъемлемую часть основного словарного фонда осетинского языка и входит в него так же органически, как индоевропейский слой» (Абаев В.И. Armeno-ossetica. Типологические встречи // Конференция по вопросам взаимоотношения и развития языков Закавказья. Ереван, 1977. С. 47).

[60] Абаев В.А. Осетинский язык и фольклор... С. 80.

[61] Там же. С. 75.

[62] Абаев В.А. Armeno-ossetica... С. 51. Несомненно, взаимоотношения между нахскими и кочевыми ираноязычными племенами нельзя рассматривать как односторонний про-

Огромный пласт кавказской субстратной лексики, содержащийся в осетинском языке, довольно ясно показывает, что появление ираноязычных племен на Кавказе не привело к вытеснению коренных жителей, как это иногда пытаются представить. Лексика осетинского языка, в которой названия, отражающие исконно горский уклад жизни, горную флору и фауну и имеющие субстратный характер, восходит в основном к нахским языкам. Этот факт, вне всякого сомнения свидетельствует во-первых, о том, что в районах Центрального Кавказа пришедшие ираноязычные племена встретили именно нахские племена; во-вторых, пришлое и автохтонное население долгое время проживали совместно, вследствие чего имел место длительный период двуязычия, в течение которого часть нахского населения, переходя на иранский язык, продолжала одновременно пользоваться старым языком и, говоря на новом языке, использовала нормы произношения родного языка, перенося из него в иранский (осетинский) множество слов.

Как известно, «наличие языкового субстрата предполагает наличие субстрата этнического[63]». Именно присутствие всех проявлений субстрата (антропологических, этнографических и языковых) в комплексе, а также поразительное сходство материальной и духовной культуры ираноязычных осетин с культурой нахских народов – чеченцев и ингушей, дало основание для заключения о том, что «современные осетины в древности также были вайнахами, а затем долгое соседство с аланами и их влияние лишили их родного языка, и они стали называться осетинами, а другая часть вайнахов – ингуши и чеченцы – сохранили свой язык[64]». То есть, перед нами хорошо известный из истории пример, когда население определенной территории, оставаясь биологическими потомками ее более ранних обитателей, усваивает язык немногочисленных пришельцев и превращается в народ иной языковой принадлежности. Причины перехода части нахского населения на иранский язык могли быть различными, но основная причина кроется скорее в легкости и доступности иранского языка по сравнению с богатыми горловыми звуками нахского языка[65].

Что же касается тюркских языков Центрального Кавказа (карачаевский, балкарский), то, как отмечают лингвисты, в них «не удается выделить какие-либо следы кавказского корня». «Следует полагать, – пишет А.И. Абдоков, – что тюрки непосредственно не наслоились на кавказские племена, еще говорившие на автохтонных языках, а встретили их уже ассимилированными ираноязычными племенами[66]».

цесс, приводивший к ассимиляции нахские племена в ираноязычной среде. Процесс взаимодействия и взаимовлияния нахских и ираноязычных племен носил длительный и сложный характер. В те или иные периоды имело место, безусловно, и растворение иранских племен в нахской этнической среде.

[63] Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время. М., 1993. С. 201.

[64] Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги... С. 61.

[65] Такова была, например, ситуация при расселении ираноязычных племен также и по территории Иранского нагорья или индоариев – по северным областям Индостана: современные иранцы и индоарийские племена антропологически относятся к доиранскому и доарийскому населению этих регионов, но их языки восходят к языкам, в конце II – начале I тыс. до н.э. проникшим сюда с севера.

[66] Абдоков А.И. К вопросу о генетическом родстве… С. 136.

Факт проживания нахских племен в древности и в средневековый период к югу от Главного Кавказского хребта, на всей территории горной части современной Грузии в научной литературе не оспаривается. Как пишет Т.А. Очиаури, «то, что на этой территории действительно нахское население было представлено раньше, отчетливо выявляется… не только по языку, но и по преданиям, и по культурным институтам, и по памятникам материальной культуры, и по топонимике[67]». Таким образом, можно с уверенностью говорить, что область распространения нахских языков на Центральном Кавказе в древности почти полностью совпадает с ареалом кобанской археологической культуры.

Следует отметить и другое весьма интересное обстоятельство: на территории исторической Колхиды, расположенной к югу от Эгрисского и Рачинского хребтов, в мегрело-чанском языке обнаруживается очевидный абхазский языковый субстрат, свидетельствующий о том, что в этих местах грузинским племенам (мегрело-чанам) предшествовали абхазские племена[68], а в картвельском языке – нахский языковый субстрат, указывающий на то, что на территории Картли до грузинских (картвельских) племен проживали нахские племена[69].

3. Топонимика

В результате ряда научных исследований установлено, что по всей территории Центрального Кавказа – от Приэльбрусья до Андийского хребта, обнаруживается

[67] Очиаури Т.А. Опыт изучения этнической истории горцев Восточной Грузии по мифологическим сказаниям. Автореферат диссертации на соискание учен. ст. докт. ист. н. Тбилиси, 1969. С. 15; См. также: Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Тбилиси, 1948. Т. I. С. 75 (на груз. яз.); Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. Известия Академии наук, № 6. СПб., 1916. С. 35, 42-44; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 95; Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия…; Шавхелишвили И.А. Из истории взаимоотношений…; Его же: Из истории горцев Восточной Грузии. Тбилиси, 1983; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике... С. 12–40; Утургаидзе Ф.Г. Некоторые особенности горских диалектов грузинского языка. Тбилиси, 1966. (на груз. яз.); Топчишвили Р.А. Культурно-исторические вопросы миграции горского населения Восточной Грузии (на примере Пшави и Хевсурети). Диссертация на соискание учен. ст. канд. ист. н. (на правах рукописи). Тбилиси, 1979. и др.

[68] Чикобава А.С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками // Известия ИЯИМК. Тбилиси, 1942. Т. XII. С. 149–168; Его же: Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942. С. 149–168; Ломтатидзе К.В. О некоторых вопросах происхождения и локализации абхазов // «Манатоби», №12. – Тбилиси, 1956. С. 725; Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов... С. 45–50; Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии... С. 60–70; Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка... С. 46–48 и др.

[69] Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов… С. 42–44; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузи... С. 95; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике... С. 12–40; Утургаидзе Ф. Г. Некоторые особенности горских диалектов… С. 80-103; Топчишвили Р.А. Культурно-исторические вопросы миграции… С. 56.

множество топонимических названий, тождественных географической номенклатуре современных Чечни и Ингушетии. Еще на заре кавказоведения замечательный исследователь народов Кавказа Ф.И. Горепекин писал, что «многие топографические названия, божества и религиозные верования, имена и мн. др. на осетинской территории необъяснимы у осетин или объясняются искаженным понятием, разъясняются ингушским языком[70]». К сожалению, в полном объеме топонимия Центрального Кавказа еще не собрана и не проработана, однако значительная ее часть приведена в работах ученых-кавказоведов (И.А. Харадзе, И.А. Робакидзе, В.А. Кузнецов, В.Н. Гамрекели, К.З. Чокаев, В.П. Кобычев, А.Дз. Цагаева, Ф. Утургаидзе, И.А. Шавхелишвили, А.С. Сулейманов, И.Ю. Алироев, Я.С. Вагапов и др.). Этот топонимический материал хорошо отражен в научной литературе. Согласно заключениям специалистов, многие топонимы, встречающиеся в южной и северной частях Центрального Кавказа, могут быть объяснены лишь на основе нахских языков, а элементы, их образующие, не встречаются ни в одном другом языке. Данный факт, безусловно, исключает случайные совпадения и определенно указывает на то, что народы, в среде которых возникли эти названия, принадлежали к нахскому этническому миру.

Из нахской топонимии Центрального Кавказа приведем лишь группу географических названий с повторяющимся окончанием *шк*(*ск*), *шq*(*sq*), встречающихся на территории нагорной полосы Кабардино-Балкарии, Осетии, Ингушетии и Чечни, поскольку далее в работе аналогичные топонимы будут встречаться. Впервые на множество необъяснимых топонимов с формантом *шк//ск* (Дзарашки, Тайнашки, Рцевашки, Гелиска, Тамиска, Мужрашки, Бодушку и др.), зафиксированных в горных районах Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, обратил внимание В.И. Абаев[71]. Позднее А.Дз. Цагаевой удалось выявить дополнительно еще 30 топонимов с окончанием шк//ск, большая часть которых соответствует географическим объектам горной Дигории, Алагирского и Куртатинского ущелья, левобережья р. Терек[72].

В.И. Абаев предположил, что в этих топонимах формант *шк(ск)* может быть показателем множественности: «…Так как наиболее обычным суффиксом в топонимических названиях бывает показатель множественности, то приведенные термины позволяют высказывать гипотезу, что в «доисторическом» процессе формирования центрально-кавказских этнических культур участвовала общественность, говорившая на языке, имевшем показатель множественности (или иной формант) ск*(*шк*)*[73]».

Действительно, шк*(*ск*)* – это широко известный в вайнахской топонимии суффикс, представляющий собой сложный топоформант, состоящий из: «ш(с) – форманта множественного числа, и *ка*(*и*)//*qа*(*и*) – суффикса топонимообразования (исторически формант напр. падежа[74])». На территории Чечни и Ингушетии то-

[70] Горепекин Ф.И. Труды... С. 105.

[71] Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор... С. 289–290.

[72] Цагаева А.Дз.Топонимия Северной Осетии. Ч.1. Орджоникидзе, 1971. С. 66–67.

[73] Абаев В.И. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев // «Язык и мышление». – Л., 1933. Т. 1. С. 88.

[74] Чокаев К.З. Суффиксальные образования… С. 49–63.

понимы с суффиксом *шк//ск* распространены довольно широко, но наиболее часто – в нагорной полосе: ВIовна-ш-ка – *место башен* (от в*I*ов – башня,); Биера-ш-ка – *соленые источники* (от биерх*I* – *соленый источник*); СемаIа-ш-ка – *к месту оленьих стоянок* (русск. Самашки); Ирзие-ш-ка, или Ерцие-ш-ка (от ирз*(*ерц*)* – *лесная поляна*); Кха-ш-ка – *пашни* (от кха – *пахотное поле*) и др[75]. Сведения топонимов с формантом-индикатором *шк(ск)* к нахскому языку не просто научно оправдана, но и весьма ценна, поскольку, как заметил К.З. Чокаев, «она проводится по двум согласным звукам, каждый из которых представляет собой отдельный грамматический показатель: ш(с) – формант множественного числа, к(***q)*** + какой-нибудь гласный – словообразовательный суффикс (исторически – падежный формант[76])». Все вышеизложенное позволило ученому высказать научно обоснованное предположение, что древние топонимы с суффиксом *шк(ск)*, выявленные на территории Центрального Кавказа – от Приэльбрусья на западе до Андийского хребта на востоке, принадлежали этнической общности, родственной по языку предкам современных чеченцев и ингушей, которые явились субстратной основы в процессе образования осетин, балкар и карачаевцев[77].

А.Дз. Цагаева, подтвердив вслед за В.И. Абаевым и К.З. Чокаевым древность топонимического форманта *ск//шк*, все же высказала сомнение в его идентичности с нахским сложным формантом *ск//шк*[78]. По ее убеждению, подобные названия «восходят к несохранившейся аланской лексике со словообразовательным формантом SK[79]». Однако А.Дз. Цагаева, к сожалению, не приводит никаких аргументов для обоснования своей точки зрения, а лишь ссылается на то, что во втором издании труда В.И. Абаева (1949 г.), посвященного данной проблеме, в отличие от первого издания (1933 г.), не указано, что формант *ск//шк* является показателем множественного числа, и упрекает К.З. Чокаева за то, что он, якобы, не учел этого в своей работе[80]. Действительно, в упомянутом издании можно прочитать: «Приведенные термины позволяют высказывать гипотезу, что в «доисторическом» процессе формирования центральнокавказских этнических культур участвовала общественность, говорившая на языке, имевшем формант – ск[81]», но при этом В.И Абаев не опровергает свое мнение о том, что формант *ск//шк* служил показателем множественности. Но, если даже допустить обратное, то это будет всего лишь гипотеза ученого, хоть и весьма авторитетного. Однако А.Дз. Цагаева на основе процитированного текста делает своеобразный вывод о том, что В.И. Абаев относит формант – *ск* не «к языку какой-то определенной народности», а к

[75] Там же. С. 58–59; Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. Ч. 1; 1978. Ч. 2; Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы.

[76] Чокаев К.З. Суффиксальные образования… С. 62.

[77] Там же. С. 62–63.

[78] Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии, ч. 1. С. 68.

[79] Там же. С. 40.

[80] Там же.

[81] Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958. С. 290.

«общественности, говорившей на языке, имевшем формант – ск[82]». «Почему не могло быть, – пишет она, – что той общественностью, в языке которой был формант – ск, и были скифо-сармато-аланские племена?[83]» Безусловно, такое предположение возможно, ибо многие топонимы, не находящие объяснения в современном осетинском языке, действительно могут иметь корни в несохранившейся иранской лексике. «Однако, – как отмечает сама А.Дз. Цагаева, – было бы ошибочно утверждать, что все необъяснимые на данном этапе развития науки топонимы Осетии восходят к несохранившейся аланской лексике. Немалое количество географических названий может иметь еще большую древность и восходить к языку аборигенов Центрального Кавказа, т.е. к кавказскому субстрату осетинского языка[84]».

Для доказательства принадлежности тех или иных древних топонимов Центрального Кавказа к иранскому языку, или языку коренных кавказцев, помимо общих логических рассуждении нужны, несомненно, научно обоснованные аргументы, подкрепленные данными смежных научных дисциплин. В рассматриваемом случае правомерность мнения о том, что топонимический формант *ск//шк* относится именно к нахскому этническому миру, подтверждается не только тем, что отмеченные элементы топонимообразования свойственны исключительно нахским языкам и не встречаются в других языках, но и тем, что на указанной территории существуют топонимы иного типа, также находящие объяснение лишь в нахских языках.

Упреки же А. Дз. Цагаевой в адрес К.З. Чокаева представляется не вполне обоснованными. К.З. Чокаев в своих выводах не опирается на утверждения В.И. Абаева, а лишь, следуя научной этике, приводит мнение, высказанное крупнейшим лингвистом относительно множественности форманта *ск//шк*. «Но если даже оставить без внимания гипотезу В.И. Абаева, – пишет ученый, – то и в этом случае мы имеем достаточно оснований лингвистического характера, чтобы связать приведенные топонимы территории Дигории и Балкарии с соответствующими топонимами современной территории Чечено-Ингушетии … поскольку для обоснования этого положения мы располагаем факторами разного порядка – фонетического, словообразовательного и грамматического, которые в совокупности в значительной мере исключают случайность в наших сравнениях[85]». Такой взгляд подтверждается еще и существованием на территории Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии и Чечни топонимов-двойников с формантом *ск//шк*, большинство из которых объясняются с помощью нахских языков (Лескен в Дигории – Лешка в Чечне, Тамиск в Дигории – ТIемишка в Чечне, ТIайнашка в Балкарии – ТIайнашка в Чечне, Шишки в Балкарии – ЧIишки в Чечне, Бодушка в Безенги – Бодушку в Ингушетии и т.д.[86]).

---

[82] Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии, ч. 1. С. 68–69.

[83] Там же.

[84] Там же. С. 40.

[85] Чокаев К.З. Суффиксальные образования… С. 61, 63.

[86] Там же. С. 60.

Широко представлена нахская топонимия и к югу от Главного Кавказа, на что обратили внимание еще К.М. Туманов, П.К. Услар, И.А. Джавахишвили, Г.А. Меликишвили и др. Часть этой топонимики будет приведена ниже, в соответствующих разделах настоящего исследования, а здесь отметим лишь тот известный факт, что на территории Картли и Кахети выявлено множество топонимов, объясняемых лишь на основе нахских языков. Ученые к ним относят, например, группу топонимов, в состав которых входят нахские суффиксы *– ла, – го, – со, – тана* (*-la*, *– go*, *– co*, *– tana*[87]).

Таким образом, на территории всего Центрального Кавказа, включая южный и северный склоны Главного Кавказского хребта, где сегодня распространены адыгский, осетинский, картвельские и тюркские языки, обнаруживается не отдельные географические названия, а целая система нахских топонимов. Это, безусловно, является весьма серьезным свидетельством длительного и повсеместного присутствия на территории Центрального Кавказа нахского этноса. Несмотря на сложность датировки топонимики все же можно установить определенные хронологические рубежи, за пределами которых возникновение нахской топонимии в западной части Центрального Кавказа маловероятно. Такими рубежами являются I тыс. до н. э. и первая половина I тыс. н. э. Появление нахских топонимов в этих местах в более позднее время, видимо, следует исключить ввиду начавшегося процесса иранизации. Во всяком случае, нет каких-либо свидетельств проживания нахов в западной части Центрального Кавказа во II тыс. н.э. Таким образом, как уже давно отмечено в научной литературе: формирование на территории Центрального Кавказа нахской топонимической общности восходит «ко времени существования на Северном Кавказе и в части Закавказья кобанской культуры», которая территориально охватывала «тот самый ареал, где мы находим идентичную топонимию[88]».

Все это явное подтверждение тому, что носителями кобанской археологической культуры являлись нахские племена. Иначе нельзя объяснить столь почти полное совпадение области распространения нахской топонимики с ареалом кобанской культуры, а также хронологическое соответствие периода формирования данной топонимики со временем существования кобанской культуры.

4. Антропология

Современные народы являются преемниками культуры, языка и антропологического типа своих предков. Но если историческая ситуация нередко складывается так, что народ меняет свой язык, то антропологическая преемственность остается неизменной, и народ наследует в доминирующей форме характерные

[87] Шанидзе А.Г. Основы грамматики грузинского языка. Тбилиси, 1967. С. 138; Утургаидзе Ф. Г. Некоторые особенности горских диалектов… С. 84–103; Шавхелишвили И.А. Из истории горцев Восточной Грузии. С. 67 и далее.Макалатия П.Н. Топонимика Пшави Арагвского ущелья. Диссерт. на соиск. учен. ст. канд. ист. н. Тб., 1971 (на правах рукописи).

[88] Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей… С. 173.

признаки той древней этнической группы, которая составляла большинство в период формирования нового этноса.

Антропологическое изучение народов Кавказа насчитывает более 100 лет. За это время в фундаментальных работах В.В. Бунака, Г.Ф. Дебеца, М.Г. Абдушелишвили, А.Г. Гаджиева, В.П. Алексеева, М.М. Герасимова, К.Х. Беслекоевой и др. были достаточно основательно исследованы этапы формирования антропологических типов на Кавказе, их генетические взаимоотношения и преемственность. Результаты этих исследований сегодня широко используются при разработке вопросов этногенеза кавказских народов. Вместе с тем, объем палеоантропологического материала, особенно по Северному Кавказу, пока недостаточен, а степень его изученности все еще неудовлетворительна, вследствие чего возникают дискуссии среди специалистов[89]. Но, такое положение не вызывает удивления, поскольку процесс этногенеза народов Кавказа – явление чрезвычайно сложное. На протяжении тысячелетий на Кавказ периодически проникали различные группы племен Передней Азии, а также племена степных кочевников – ираноязычные, тюркоязычные, финно-угорские и другие, которые внедряясь в исконнокавказскую этническую среду, биологически смешиваясь с местным населением, сыграли немаловажную роль в процессе формирования ныне проживающих здесь народов. В те или иные периоды времени соотношение местных и пришлых элементов менялось, что также не могло не отразиться на характере этногенеза и на некоторых физических особенностях тех или иных народов. Поэтому, казалось бы, вполне естественно, что разные по языковой принадлежности народы, населяющие ныне Центральный Кавказ, должны были бы относиться к различным антропологическим типам

Однако вопреки всем ожиданиям результаты антропологических исследований показывают, что народы, населяющие северный и южный склоны Большого Кавказского хребта относятся к одному антропологическому типу. Нахи (чеченцы, ингуши и бацбийцы), ираноязычные осетины, тюркоязычные карачаевцы и балкарцы, грузиноязычные горные этнографические группы современной Грузии (сваны Метийского и Метехского районов, хевсуры, мохевцы, пшавы, тушины, мтиульцы и гудамакары), а также аварцы – андийцы и дидойцы Дагестана, обнаруживают специфическое сходство в антропологических признаках, что свидетельствует об общности их происхождения и об их принадлежности к единому, особому, антропологическому типу, названному учеными *кавкасионским*[90]. Гене-

[89] Герасимова М.М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // Этнографическое обозрение. М., 1994. №3; Тихонов А. Г. Средневековое население Северной Осетии (по материалам могильника Верхняя Кобан) // Этнографическое обозрение. М., 1994. № 3.

[90] Абдушелишвили М. Г. Материалы к краниологии Кавказа // Тр. Ин-та экспериментальной морфологии АН Груз. ССР. Тбилиси, 1957. Т. 5; Дебец Г.Ф. Антропологические типы. «Народы Кавказа» (серия «Народы мира»). М., 1960. Т. 1; Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении. – В сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 14. М.-Л., 1953; Гаджиев А.Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965; Алексеев В.П. Происхождение

тическое толкование антропологических взаимоотношений между перечисленными группами населения привело исследователей к мнению «о едином, общем, широко распространенном субстрате становления и формирования означенных групп … таковым является кавкасионский антропологический тип, который является автохтонным на территории Кавказа[91]» и представляет собой «самый кавказский из всех кавказских типов[92]».

Кавкасионскому типу более 3 тыс. лет, а значит, он восходит ко времени бытования на территории Центрального Кавказа кобанской культуры[93]. Более того, территория расселения носителей кавкасионского типа (за исключением аварцев анди-дидойцев) почти полностью совпадает с ареалом кобанской культуры. В.П. Алексеев считает, что именно в этих пределах выделяется «центральнокавказская этногенетическая область, объединяющая разные по языковой принадлежности, но общие по происхождению народы, представляющие собой потомков древнейшего населения Центрального Кавказа. Из народов, говорящих не на кавказских языках, в нее входят осетины, балкарцы и карачаевцы, физические предки которых говорили, очевидно, на кавказских языках и перешли на иранскую и тюркскую речь сравнительно поздно[94]». Таким образом, ингуши, чеченцы, ираноязычные осетины, тюркоязычные балкарцы и карачаевцы, грузиноязычные этнографические группы современной горной Грузии имеют общий антропологический субстрат, восходящий к населению кобанской культуры.

Здесь возникает вопрос о том, к какому конкретно кавказскому этносу относилось это население, именуемое в научной литературе *кавказский субстрат*, или *кавказский компонент*, иначе говоря – какова была этническая принадлежность первоначальных носителей кавкасионского антропологического типа в классический период кобанской культуры. Для ответа на этот вопрос нужно обратить внимание на следующие факторы, которые, на мой взгляд, имеют важное значение: во-первых, в соответствии с имеющимися палеоматериалами, иранские, грузинские и тюркские племена в период античности и раннего средневековья были носителями совершенно иного антропологического типа, нежели кавказское население южной и северной частей Центрального Кавказа того же времени

народов Кавказа (Краниологическое исследование). М., 1974; Герасимова М.М. Палеоантропология Северной Осетии…

[91] Абдушелишвили М.Г. Генезис горно-кавказских групп в свете данных антропологии // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 249.

[92] Дебец Г.Ф. Антропологические типы... С. 75.

[93] Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. С. 179. В специальной литературе существуют две версии происхождения данного типа – миграционная, высказанная Г.Ф. Дебецом, и автохтонная версия М.Г. Абдушелишвили и В.П. Алексеева. Автохтонная версия аргументируется изоляцией населения в условиях высокогорья, но отмечается при этом и роль иммигрантов. По мнению В.П. Алексеева, кавкасионский тип сформировался в III тысячелетии до н. э. на основе смешения автохтонного населения Северного Кавказа с пришедшими сюда хуррито-урартами (Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. С. 179).

[94] Там же. С. 207.

(так же, как современные осетины, балкарцы, карачаевцы и горные этнографические группы нынешней Грузии – прямые их потомки по языку[95]); во-вторых, «чечено-ингушские серии данного типа являются более кавкасионскими чем остальные[96]»; в-третьих, выявлена бесспорная морфологическая преемственная связь кавкасионского типа с палеоантропологическим материалом, обнаруженным на территории Малого Кавказа и южнее, населенной в древности генетически родственными нахским народам хуррито-урартскими племенами[97] (имеются в виду серии из поселения и могильников Шенгавит, Севан, Лчашен, Артик, Цамакаберд, Норадуз, относящиеся к энеолитическому времени, к эпохе бронзы и перехода от бронзы к железу[98]). Ссылаясь на результаты исследования Г.Б. Джаукяна[99], согласно которым, племена, оставившее после себя вышеназванные поселения и могильники, говорили на одном из восточнокавказских (нахско-дагестанских) языков, В.П. Алексеев замечает, что такая преемственность выглядит оправданной и с географической, и с лингвистической точек зрения[100]. Морфологическая преемственная связь между древним населением Южного Кавказа и нахскими племенами подтверждается не только лингвистическими наработками, но и данными других, смежных наук.

Имеющийся материал делает более предпочтительным считать первоначальными носителями кавкасионского антропологического типа нахские и родственные им племена. Именно нахская этнокультурная общность, очевидно, стала той субстратной физической основой, на которой позже сформировались перечисленные выше народы Центрального Кавказа. Образование данного типа завершилось задолго до появления на Кавказе индоевропейских (иранских), тюркских и других этнических групп, которые, по-видимому, не оказали существенного влияния на антропологический тип нахского населения, растворившись в устойчиво сформировавшейся кавкасионской расе. При этом часть нахов восприняли язык пришлого населения, чем и объясняется принадлежность к единому антропологическому типу различных по языку народов Центрального Кавказа.

---

[95] Там же. С. 113.

[96] Абдушелишвили М.Г. Генезис горно-кавказских групп… С. 249; См. также: Джавахишвили Э.Н. Материалы к изучению времени становления и формирования кавкасионского типа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 240–244; Шарашидзе Л.П. Об антропологическом взаимоотношении осетинского и чечено-ингушского народов // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 247–250.

[97] Алексеев В.П. О структуре и древности кавкасионского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 100–101.

[98] Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. С. 87; Алексеев В.П. О структуре и древности кавкасионского типа… С. 102.

[99] Джаукян Г.Б. Взаимоотношение индоевропейских, урартских и кавказских языков. Ереван, 1967. С. 216; Его же: Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967. С. 323–325.

[100] Алексеев В.П. Указ. соч. С. 101.

Итак, границы области расселения носителей кавкасионского типа на Центральном Кавказе практически полностью совпадают с пределами распространения кобанской культуры. В свою очередь, предполагаемое начало формирования кавкасионского типа в горах Кавказа – середина II тыс. до н. э. – соответствует периоду зарождения кобанской культуры. Эти совпадения столь поразительны, что вряд ли нуждаются в дополнительных пояснениях. Таким образом, палеоантропологический материал в полной мере согласуется с приведенными выше данными топонимики, языка, письменных источников и также свидетельствует о том, что в I тыс. до н. э. нахские племена проживали в южной и северной частях Центрального Кавказа, т.е. в пределах распространения кобанской культуры.

5. Фольклор

В современной науке данные фольклора весьма плодотворно используются в качестве дополнительного источника информации при восстановлении отдельных этапов истории различных народов. Специалисты признают, что историческое ядро содержащихся в фольклоре данных можно выделить достаточно убедительно – благодаря устойчивости предания или эпического сюжета, прошедшего через столетия и даже тысячелетия. Вместе с тем, нельзя упускать из виду тот факт, что этногенетические предания не могут оставаться неизменными на протяжении веков. Люди не только хранят в преданиях память о своем происхождении, но и вносят в них коррективы в зависимости от того, каким они хотели бы видеть это происхождение. В основном такое желание определяется уровнем общественного развития населения, сложившимися культурно-бытовыми отношениями с другими народами, существующими политическими и идеологическими доктринами и т. д.[101]

Учитывая определенный скептицизм некоторых исследователей, хотелось бы еще раз напомнить неоднократно озвученное в научной литературе мнение, согласно которому, изучение древней истории народов Кавказа не является чисто археологической дисциплиной. Консерватизм традиционной культуры горцев Кавказа позволяет (разумеется, при корректном подходе) довольно широко использовать материалы фольклора и этнографии для изучения вопросов этнополитической истории, социального строя, быта и идеологии того или иного кавказского народа. Что касается этногенетических преданий вайнахских народов, то в них, как отмечают многие историки, историческая ситуация отражается со значительной степенью достоверности[102]. Еще в начале прошлого в. один из первых исследователей истории и культуры вайнахских народов Ф.И. Горепекин, труды

[101] См.: Липец Р.С., Серов С.Я. Предисловие к кн. «Этническая история и фольклор». М., 1977. С. 3–8.

[102] См.: Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей…; Далгат У.В. Героический эпос чеченцев и ингушей…; Дахкильгов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей…

которого, к сожалению, до сих пор не оценены по достоинству, писал: «В преданиях историко-топографического характера видно, что среди ингушей имеются роды, генеалогия которых хранит в памяти до 600, 800, 1200, 1800 лет[103]».

Нахские этногенетические предания сохранились как в устном виде, так и в письменном (на арабском языке). На русском языке некоторые версии были опубликованы в середине XIX в.. Во многих вариантах нахских этногенетических преданиях говорится (с незначительными расхождениями) о том, что предки чеченцев, ингушей и бацбийцев когда-то в глубокой древности переселились на Кавказ с юга, при этом исходными местами в разных случаях называются Мыср, Шама (Сирия), Нахчеван, Аравия.

Согласно широко известным ингушским историческим преданиям, прародитель ингушей Магал (по другим вариантам Мага) вышел из Шама (по другим вариантам – Мыср), некоторое время пожил на берегу Черного моря, затем переселился в Татартуп, откуда перешел в Джейрах и обосновался и долины реки Армхи. Легенда гласит: «Было это очень давно, когда из Шеми (вариант – Мыср) вышел человек святой жизни по имени Маго (Магал). По пути Маго со своим большим потомством первоначально поселился на берегу моря, у проживавшего там народа халик. Здесь один из его ближайших родственников или он сам имел неприятное дело с женщиной, поэтому Маго был принужден оставить ту страну и поселиться около Татартупа. Там жить ему не понравилось, и он перешел дальше. Маго был святой человек, почему и искал спокойного места, где мог бы быть в единении с Богом. Из Татартупа Маго направился вверх по течению речки Арамхи, остановился в Могучкале и потом дошел до места, где ныне селение Салги. Здесь он остановился на постоянное жительство, а на горе, что против Салги, имел убежище для молитвы. Место это теперь называется *Магате*[104]».

Аналогичное предание сохранилось у чеченцев. Легендарный родоначальник чеченцев Нахчо (по другим вариантам – Малх//Молкх) прибыл с юга, из Передней Азии, и поселился сначала в Кабарде, в местности, называемой Татартуп, а затем, прожив там продолжительное время, перешел на другую сторону реки Терек – в Сунжу[105]. По другой версии, прибывшие с юга, из Нахчавана, предки нахчов обосновались сначала на берегах реки Бахсан, прожили там некоторое время и затем переселились на восток. В записи предания говорится: «…Из Нахчувана (варианты – Муср, Шам, Аравия) трое братьев перекочевали в Кагызман, где жили родственники их отца, в том числе дядя. Прожили они в Кагызмане десять лет. Там умер их младший брат. Оставшиеся в живых два брата отправились затем в Арцрум, где прожили шесть лет. Там умер второй брат. Оставшийся старший брат побывал после этого у халибов, которые жили на побережье моря. Здесь он прожил некоторое время со своим семейством, состоявшим из жены, трех сыновей, четырех дочерей

[103] Горепекин Ф.И. Труды... С. 20–21.

[104] Ахриев Ч. Ингуши… С. 30–33; См. также: Предание о Маге. Архив Чечено-Ингушского ин-та истории, социологии и филологии. Ингушский фольклор. Ед. Хр. 278. Л. 1-18; Горепекин Ф.И. Труды... С. 173.

[105] Ахриев Ч. Ингуши… С. 85–90.

и племянника. Племянник женился на дочери «неверных» и остался у халибов, а сам (старший брат) с семейством перекочевал на место, где протекал Бахсан. Оттуда его потомки расселились в сторону нынешней Чечни[106]».

Анализируя эти сказания, исследователи справедливо отмечают, что «детальное повествование, с обозначением попутных географических названий, заставляет верить в аутентичность этих преданий[107]». Действительно: чеченские и ингушские предания были зафиксированы письменно в середине XIX в., и если бы они не имели под собой исторической основы и были выдуманы, вряд ли в них могли бы быть упомянуты названия реально существовавших в древности местностей, о которых стало известно лишь в конце XIX – начале XX вв., как это очень верно заметил А. Гольдштейн[108].

К более подробному анализу нахских преданий вернемся ниже, здесь же отметим, что в сказаниях обоих близкородственных народов – как ингушей, так и чеченцев, в качестве первоначальных мест поселения после прибытия с юга указываются западные районы Центрального Кавказа, а именно долина реки Баксан в Кабардино-Балкарии и местность Татартуп на левом берегу Терека, в Северной Осетии. Татартуп упоминается в нахском (нарт-остхойском) и осетинском вариантах нартского эпоса, а также в грузинской версии нартиады («Давай поклянемся по-нашему, в дальней крепости Татартупи»). Согласно вайнахским сказаниям, нарты и орстхойцы погибли у Татар-Тупа[109]. На месте Татартупа когда-то существовало «древнее христианское святилище, … разрушенное потом татарами, название которого было забыто[110]». По всей вероятности, христианская церковь здесь была основана на месте древнего языческого святилища, что может подтверждаться тем, что в прошлом это место почиталось и мусульманами кабардинцами[111].

Татартуп был расположен вблизи *Эльхотовской дороги*, с древнейших времен имевшей важное военно-стратегическое значение. Здесь, на перекрестке трех дорог, находилась крепость, защищавшая подступы к Дарьяльскому перевалу, о чем свидетельствуют боевые сторожевые башни, сохранявшиеся здесь вплоть до недавнего времени. Об этом говорит и само название Эльхоти, которое переводится с нахских языков как *Стража окраины* (*удаленного места*) – *Эл-хьа-ти*. Эльхотовская дорога была известна в прошлом еще и как *Теснина Аргов*, или *Ущелье аргов*, а арги относятся к одному из вайнахских племен, населявших ранее территорию от Нальчика до Грозного[112].

Согласно преданиям, после прибытия с юга нахские племена сначала поселились в западных районах Центрального Кавказа, а затем перебрались в его вос-

---

[106] Умалат Лаудаев. Чеченское племя. ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI. С. 149. Один из вариантов этого предания (Летопись племени Нахчу) опубликован в 1895 г. Н. Семеновым: Туземцы Северо-Восточного Кавказа. С-Пб., 1895.

[107] Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. Грозный, 1978. С. 39.

[108] Там же. С. 45.

[109] Дзиццойти Ю.А. Нарти и их соседи. Владикавказ, 1992. С. 87-88.

[110] Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии... Ч. 2. С. 508.

[111] Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа... С. 73.

[112] Кузнецов В.А. Очерки истории алан... С. 148–149.

точные районы. Безусловно, процесс продвижения нахов с запада Центрального Кавказа на восток происходил на протяжении длительного времени, к тому же в этот процесс было вовлечено не все население. В связи с этим приобретают особое значение предания, сохранившиеся у ныне населяющих данную территорию осетин – потомков по языку пришлых ираноязычных племен. Ведь если картина, воссоздаваемая на основе этногенетических преданий нахских народов верна, то вполне вероятно, что отголоски отраженных в ней событий могут проявиться и в осетинских сказаниях. И действительно, в сохранившемся до наших дней богатом фольклоре осетинского народа мы находим предания, подтверждающие предания чеченцев и ингушей. Согласно этим рассказам, предки осетин застали территорию Центрального Кавказа густо заселенной автохтонными племенами, и жилища пришельцев в то время «соседили с поселениями других, более ранних, иноплеменных родовых групп[113]». В преданиях сохранились также и названия этих народов. Помимо вышеупомянутого *малхи* (*махли*), которым ираноязычные племена называли нахские племена Центрального Кавказа в I тысячелетии до н. э., кавказоведы к вайнахскому этносу относят также народ *арги*, проживавший, судя по данным топонимики, практически по всей территории Центрального Кавказа – от Нальчика до Грозного[114].

В нагорной части нынешней Северной и Южной Осетии, как сообщают осетинские предания, до водворения туда осетин жил *народ царциаты*, или *царцаты* (единственное число – царца). Царциаты были воинами-богатырями, занимались земледелием, скотоводством и металлургией[115]. Согласно сказаниям, древние памятники материальной культуры на территории Осетии (развалины древних поселений с фундаментами и стенами домов из тесаных камней и плотно утрамбованными правильными улицами, склепы, крепости, башни и т.д.) являются наследием, оставшимся от царциатов, населявшие эти места до осетин и затем внезапно исчезнувших. Древние кладбища, называемые в народе *царциатские могилы*, сохранились почти во всех горных селениях Северной и Южной Осетии (Дагом, Цей, Цамат, Нузал, Ерцо, Цона и др.[116])

Отмечая, что слово царциаты не поддается этимологическому объяснению, Б.А. Калоев допускает, «что таким именем в народных преданиях называется какое-то аланское племя, погибшее в период монгольского нашествия[117]». Доказательством того, что, «территория Трусовского ущелья была заселена аланами-осетинами задолго до монгольского нашествия», Б.А. Калоев приводит наличие

---

[113] Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989. С. 25.

[114] Кузнецов В.А. Очерки истории алан... С. 148-149.

[115] Чурсин Г.Ф. Осетины (этнографический очерк) // Труды Закавказской научной ассоциации. Серия 1. Вып. 1. Юго-Осетия, Тифлис, 1925. С. 75.

[116] Пчелина Е.Г. Краткий историко-археологический очерк Ирон-Хусар (Южной Осетии) // Труды Закавказской научной ассоциации. Серия 1. Вып. 1. Юго-Осетия, Тифлис, 1925. С. 234-250; Кокиев Г.А. Склеповые сооружения Горной Осетии... С. 46; Калоев Б.А. Осетины. М., 1967. С. 80, 98.

[117] Калоев Б.А. Осетины... С. 80.

в этих местах кладбища царциатов[118], из чего можно сделать вывод о том, что он отождествляет царциатов, алан и осетин.

Однако с этим трудно согласиться. Осетины никоим образом не считают себя потомками царциатов, и тем более алан (имя *алан* осетинам вообще не было известно), и не связывают себя с этими народами какими-либо этническими узами. Напротив, в осетинских преданиях царциаты выступают как чужой, этнически не родственный им народ, проживавший здесь до их прихода и неожиданно, странным образом исчезнувший. Если же согласиться с тем, что населявшие Центральный Кавказ в период средневековья горцы царциаты – это аланы, как это предлагает Б.А. Калоев, то в таком случае современных осетин нельзя будет отождествлять ни с аланами и ни с царциатами, т.к. в осетинских преданиях царциаты представлены как явно чуждый осетинам народ.

Вне всяких сомнений царциатами в осетинских сказаниях обозначаются горцы – автохтоны Кавказа, обитавшие в этих местах еще со времен кобанской культуры. Об этом убедительно свидетельствует, например, то, что в осетинских сказаниях царциаты неизменно выступают и как искусные металлурги, умевшие даже вставлять медные пластины в переломленные черепа воинов[119].

Еще в начале XX в. Е.Г. Пчелина, по праву относимая к плеяде выдающихся ученых, заложивших своими исследованиями фундамент научного кавказоведения[120], на основе полевых исследований и всестороннего анализа собранных этнографических и фольклорных данных отождествила царциатов с вайнахами и сопоставила имя *царциаты* (*царца*) с именами *цанар, цан, цов.* «Название (цанар) цан цов, – писала Е.Г. Пчелина, – обозначает тушин, говорящих на своем древнем чеченском языке, и можно сказать, что предки тушин занимали те места, где теперь живут ироны-хусары. Иначе говоря, арианизированные яфетиты вытеснили чисто яфетическое племя чеченской ветви[121]».

Подтверждением версии Е.Г. Пчелиной служит тот факт, что многие названия местностей, в которых находятся *царциатские кладбища* (Цей, Цамат, Цейс, Цона, Ерцо и др.), стоят в одном ряду с именами святилищ, посвященных нахскому божеству Ца (Циу, Циов). Обращает на себя внимание факт, что имя нахского божества *Ца//Циу//Цов* составляет основу множества топонимов, соответствующих местам, в которых в древности были расположены нахские святилища, причем не только на территории нынешней Чечни и Ингушетии (ЦIунакорта, Цой Пхьада, Цей, ГурметцIу и др.), но и далеко за их пределами. Имя верховного божества осетинского языческого пантеона Хуцау (*бог богов* – единый творец земли, мать земли, небожитель, невидимое божество) В.И. Абаев уверенно связывает с кавказским субстратом[122]. Имя осетинского божества Хуцау является производным

[118] Там же. С. 112.

[119] Чурсин Г.Ф. Осетины (этнографический очерк)... С. 75.

[120] См.: Калоев Б.А. Е.Г. Пчелина – ученый-кавказовед // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 98.

[121] Пчелина Е.Г. Краткий историко-археологический очерк Ирон-Хусар… С. 237.

[122] Абаев В.И. Дохристианская религия алан // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1960. С. 208.

от имени нахского божества *Ца//Цу//Цов*, означающего *бог огня* (*очага*)[123]. К нахскому божеству Ц*І*у восходит также и имя осетинского бога урожая, небесного грома и молнии Уацилла, где компонент цилла сближается с названием одного из священных дней у вайнахов, имеющего непосредственное отношение к божеству *цІу* и сохранившегося в древней нахской семидице: «Ц*І*улла (ц*І*у + алла < огонь) – название дня на четвертый день вперед[124]». Поэтому представляется вполне допустимым видеть в основе этнонима *царциати* имя нахского божества ца (*цIу*).

Впрочем, возможно, стоит согласиться с уже высказанным в научных кругах мнением, что имя *царциаты* осетинских преданий является осетинской передачей термина *дурдзуки* (*дзардза*) исходя из фонетических и грамматических норм осетинского языка («ц» вместо нахского «дз», получаем *дзардза – царца-тие*). Это тем более вероятно, что, по данным Леонти Мровели, один из сыновей Кавказа, знаменитый Дурдзук, отошедший под натиском *хазар* из равнинных зон на юг, в горные теснины Центрального Кавказа, назвал эту территорию своим именем. По сведениям древнегрузинских источников, горные зоны Центрального Кавказа называлась Дурдзукией, а их население, соответственно, дурдзуками, и отсюда, возможно, как раз и произошло осетинское слово *царциаты*. Но, так или иначе, из всех существующих ныне точек зрения наиболее убедительной выглядит та, которая говорит о нахской этнической принадлежности царциатов.

Помимо сказаний о царциатах, весьма интересны также те осетинские предания, в которых повествуется о нартах – богатырях, проживавших в нагорной части Северной и Южной Осетии до появления осетин. Осетинские сказания о нартах как об автохтонах Кавказа, которые жили здесь до прихода осетин, заслуживают серьезного внимания. Они были записаны в 20-е гг. прошлого столетия одним из первых собирателей этнографического и фольклорного материала Кавказа Г.Ф. Чурсиным[125]. Проанализировав осетинские сказания о нартах и царциатах, Г.Ф. Чурсин пришел к выводу, что царциаты и нарты, возможно, являлись теми народами (или одним народом), которые проживали в центральных районах Кавказа до прихода сюда ираноязычных племен: «…Имея в виду, что, с одной стороны, по народным сказаниям, осетинам предшествовали нарты, с другой – на занимаемой осетинами территории раньше жили царциаты, что и те и другие погибли чудесным образом, можно допустить, что царциата и нарты, если не один и тот же народ, то два народа, жившие одновременно на территории нынешней Осетии[126]».

Как известно, определить хронологические рамки событий, отраженных в этногенетических преданиях, довольно сложно, однако осетинскими учеными была

---

[123] Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990. С. 147.

ЦІа (ŝa) – *огонь*, вероятно, восходит к пракавказскому языку, производным от него являются названия божеств: абхазского – *анцъа* (*ан-цъа*), нахского и дагестанского – ц*а//цIу* и т. д.

[124] Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов... С. 147; Сефербеков Р.И. Верховные боги народов Северного Кавказа… С. 74.

[125] Чурсин Г.Ф. Осетины (этнографический очерк)... С. 75.

[126] Там же. С. 75. Для подтверждения или опровержения данной точки зрения необходимо дальнейшее углубленное специальное исследование.

проделана огромная работа по систематизации и изучению нартских сказаний, благодаря чему удалось прояснить многие вопросы, имеющие важное значение для развития рассматриваемой темы. Так, согласно исследованиям Б.А. Калоева первые сказания о царциатах должны быть отнесены к периоду, когда аланы, спасаясь от монголов, бежали в горы Центрального Кавказа, где были приняты царциатами[127]. Известный исследователь убежден, что современные жители многих селений горной Осетии «являются потомками переселенцев, появившихся здесь после монгольского нашествия[128]».

Можно говорить, что в осетинских преданиях отражены реальные события эпохи нашествия монголов, когда под натиском завоевателей ираноязычные племена вынуждены были оставить степи и переселиться в горные районы, где и осели, смешиваясь с коренным населением. Две этнически различные группы населения – аборигены (царциаты) и переселенцы (ираноязычные племена), довольно долго жили вместе, и это время стало периодом двуязычия, в течение которого аборигены постепенно утратили свой язык и этническое самосознание, т.е. постепенно все население перешло к одному языку, иначе говоря, произошла полная ассимиляция царциатов. Свидетельство тому – сказания осетин о внезапном и необъяснимом исчезновении коренных жителей гор – царциатов. Согласно этим рассказам, царциаты исчезли в результате какого-то чуда, волшебства, которое почему-то обошло пришлое население[129]. Это весьма символично. Подобные предания характерны для многих народов, образовавшихся путем смешения автохтонного и пришлого населения. Процесс слияния и сопровождающие его события впоследствии, как правило, превращаются в легенды, сказания о якобы внезапной гибели того или иного народа, вызванной какими-то волшебством, страшной болезнью и т.д. Это и есть ассимиляция, которая, как показывает мировая практика, происходит совершенно незаметно, и в итоге, по прошествии столетий, исчезновение ассимилированного народа кажется неожиданным и загадочным, что весьма отчетливо проявляется в осетинских сказаниях о царциатах.

Еще одно свидетельство такой ассимиляции – генеалогические предания осетин. Как отмечают исследователи, «идея синтеза пришлых осетин … с местными автохтонными племенами содержится в родословии всех феодалов Осетии[130]». При этом обращает на себя внимание тот факт, что, согласно генеалогическим преданиям осетин, считающихся потомками ираноязычных кочевых племен, многие осетинские родоплеменные группы (фамилии) ведут свое происхождение не из степей Евразии, как следовало бы ожидать, а из районов Южного Кавказа. Так, легендарные Дигор, Тага и Курта – родоначальники дигорского, тагаурского и куртатинского родоплеменных обществ осетин, являются выходцами с Южного Кавказа, а по некоторым преданиям – из Армении. В сказании о происхождении тагаурцев говорится, что бежавший из Армении Тагаур прибыл в «нынешний Аллагир и в

[127] Калоев Б.А. Осетины… С. 98.

[128] Там же. С. 100.

[129] Чурсин Г.Ф. Указ. соч. С. 75.

[130] Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин… С. 24–25.

местечке Ксурта построил себе дом; остатки этого дома и поныне сохранились … в Куртах и теперь еще стоят два железных косяка от дверей дома Тагаурова[131]». По другому преданию, Тагаур «бежал из Армении в Абхазию, откуда перешел в Осетию – Уалагир; отсюда он вскоре переселился в ущелье Куртатинское, где основал селение Уаласих, развалины которого можно видеть и ныне[132]».

Б.А. Калоев, предания о происхождении осетинских родов из Армении (и вообще из других стран) считает беспочвенными и вымышленными. По его мнению эти предания создавались для возвеличивания феодалов и идеологического обоснования «законности» их господства над народом (крестьянами[133]). Действительно, в некоторых странах, где феодальные отношения были развиты, а крестьяне были полностью зависимыми и закабаленными, существовали предания, согласно которым, происхождение знатных феодальных фамилий связано с соседними, более многочисленными народам и т.д. Однако вряд ли правомерно механически переносить это обстоятельство на средневековую действительность Кавказа и ограничивать подобным объяснением толкование осетинских генеалогических преданий. У кавказских горцев, в том числе и у осетин, феодальные отношения не существовали в их традиционном, развитом, виде. Классовое расслоение здесь не было столь глубоким, чтобы можно было искать идеологическое обоснование господства той или иной знатной фамилий над другими. Подобные предания сохранились не только у осетин, но и у других соседних с ними горских народов Кавказа, у которых феодальная знать была слаба или вовсе отсутствовала.

Скорее всего, эти осетинские предания иного происхождения. Они перекликаются с аналогичными нахскими преданиями о переселении из Нахчивана, Мысра и т.д. (см. выше). Почти во всех версиях сказаний – как нахских, так и осетинских, отмечается сходство основных сюжетов: выход с юга (Армения, Нахчаван, Шам и т.д.), проживание на берегу Черного моря (в Абхазии, или у халибов), последующее перемещение на Северный Кавказ и окончательное закрепление сначала в западных, а затем в восточных районах Центрального Кавказа. Перед нами не случайные, отрывочные сведения, а прочная долговременная традиция передачи этногенетической информации практически аналогичного содержания, одновременно сложившаяся у разных, на первый взгляд, по происхождению народов. Все это наталкивает на мысль, что первоначальными носителями этой информации были племенные группы, переселившиеся в древности на Кавказ с юга, каковыми, скорее всего, являются нахские или близкородственные им племена. В связи с этим обращает на себя внимание то обстоятельство, что родоначальник тагаурцев Тага жил в Даргавсе, где, недалеко от селения Кобан, находится также и город мертвых Матхох (Маат). Связь топони-

---

[131] ССКГ, вып. III. Тифлис, 1870. С.35.

[132] «Терские ведомости». 1889. № 62 // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 4. Цхинвали, 1989. С. 323–324.

[133] Б.А. Калоев. Осетины… С. 92, 99–104; См. также: Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин… С. 57.

ма *Матхох* (*Маат*) с нахским словом *матх* (*малх*) – *бог солнца*, представляется вполне очевидной. Что же касается эпонима *Тага*, то он находит свою параллель в топонимике Южного Кавказа урартского периода: в Мосхийских горах (Аджария) известна местность Тага, а к юго-востоку от озера Урмия, в области Дурдукка, по данным ассирийских надписей, существовал когда-то город *Кобан*. Как увидим ниже, название *дигор* также находит свою прямую параллель в этнотопонимии Урарту[134].

После прихода в эти места ираноязычных племен, и в средневековый период, когда формировался осетинский народ, часть нахского населения Центрального Кавказа вошла в состав образовавшейся осетинской этнической общности, привнеся в нее и свои этногенетические предания. Впоследствии представители коренного нахского населения в сформировавшемся осетинском народе стали основателями знатных родов[135]. Сказанное подтверждается и тем, что некоторые осетинские фамилии имеют ингушские и чеченские аналоги и объясняются лишь с помощью нахских языков, а многие осетинские фамилии имеют прозрачную нахскую этимологию[136].

В пользу того, что ираноязычные племена в горных районах Центрального Кавказа встретили в качестве автохтонных племен именно вайнахов, свидетельствует также факт проживания последних в этих местах вплоть до позднего средневековья. Сведения об этом сохранились в ряде осетинских преданий, записанных в конце XIX – начале XX вв., на что обратили внимание многие ученые. В частности, Л.П. Семенов отметил, что «существует осетинское предание о том, что ингуши некогда жили в Куртатинском и Даргавском ущельях», что соответствует также ингушским преданиям, согласно которым «Санибское ущелье (в Осетии)… считается родиной ингушских нартов и самих ингушей[137]». Об этом же писал и В.Х. Тменов: «Предания о пребывании ингушей в Тагаурии (В Санибском ущелье) и последующем вытеснении их отсюда засвидетельствовал в 1926 г. Г.А. Кокиев, которому местные жители даже показывали ряд склепов башенного

---

[134] См. также: Гумба Г.Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу»... С. 56–58.

[135] Здесь можно привести пример цейского общества и древнейшего селения Цей со своими древними башнями, склепами, «кладбищами царциатов» в Алагирском ущелье. Основателем Цей, по преданиям, является род Царазоновых (см.: Калоев Б.А. Осетины. С. 103). В основе топонима *Цей* и производной, по-видимому, от него фамилии Царазон, находится *ца//цIу* – название нахского божества огня, очага. К числу древних поселений Аллагира относится и селение Цамат, в котором проживают потомки Сидамона, одного из сыновей Ос-Багатара. «Из селения Цамата вышло много фамилий, обосновавшихся в разных местах горной Осетии и называвших себя сидамоновцами. …Выходцы из селения Цамат считаются основателями многих крупных родовых групп осетин» (Калоев Б.А. Осетины... С. 99). Название *Цамат* следует сопоставить, наверное, с нахскими *ца//цIу* и *мат* (*матх, малх*).

[136] См.: Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов... С. 77; Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей … С. 170–173.

[137] Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный, 1963. С. 48.

типа, расположенных по левую сторону дороги между Верхней и Нижней Саниба, называемых ими *ингушскими*[138].

Резюмируя сказанное выше, можно утверждать, что как вайнахский, так и осетинский фольклорный материал убедительно говорит о том, что в древности нахские племена занимали земли в центральных районах Кавказа, и эти данные фольклористики полностью согласуются с данными смежных наук.

Таким образом, перед нами удивительно точное совпадение данных разнообразных, независимых, взаимодополняющих и контролирующих друг друга научных дисциплин, которые доказывают факт проживания нахских племен в I тыс. до н. э. по всей территории Центрального Кавказа. Все вышеприведенные свидетельства – топонимика, язык, антропология, письменные источники, фольклор – как в отдельности, так и в совокупности достаточно ясно указывают на то, что создателями и носителями прославленной кобанской археологической культуры являются древние вайнахи. Такая убежденность зиждется не только на приведенных выше научных данных, согласно которым контуры ареала кобанской культуры полностью совпадают с этническими границами нахов, но также и на этнических критериях, таких как самосознание, мировоззрение и др. Если исходить из современных представлений об этносе как о сопоставительной категории, т.е. об общности, по определенным признакам отграничиваемой от прочих[139], то можно с уверенностью сказать, что уже ко второй половине II – началу I тыс. до н. э. сложился и стабилизировался комплекс признаков, по которым нахи отличались от других этноязыковых общностей региона, что полностью сформировалась нахская этническая общность, со своим единым мировоззрением, и, конечно, же общим верховным богом Малх (Матх, Марх, Мага), осознававшая себя как нечто отличное от окружающих этнических групп и выражавшая это самосознание через самоназвание нахаматеан. Как единую, целостную этническую общность воспринимали нахов и окружающие народы, которые называли их – кавкасиани и малхи (махли). Несомненно, применение этнонимов *нахаматеан, кавкасиани, малхи//махли* в столь широком смысле, безусловно, основано на понимании единства нахской этнокультурной общности в пространстве и ее преемственности во времени.

Мысль о существовании в рамках кобанской культуры единой этнической общности не нова и уже обсуждалась в научной литературе. Археологи пришли к выводу о необходимости постановки вопроса о возникновении на Центральном Кавказе еще в предкобанский период «особой общности населения, представляющей новое образование по сравнению с предшествующим массивом племен эпохи средней бронзы конца III – середины II тыс. д н. э.[140]». Надо полагать, что процесс формирования нахской этнической общности завершился к середине II тыс. до н.э. созданием стабильного и однородного в своих главных чертах классического комплекса культуры, известной в настоящее время как кобанская.

---

[138] Тменов В.Х. Несколько страниц из этнической истории осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989. С.124.

[139] Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 8.

[140] См.: Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе… С. 108, 131.

Все вышесказанное согласуется и с данными языка. Распад нахско-дагестанской языковой группы на нахскую и дагестанскую начался, видимо, еще во второй половине III тыс. до н. э. (первые племена). Археологические данные, в свою очередь, свидетельствуют о том, что с конца III – начала II тыс. до н. э. нахские племена, вероятно, начали расселяться по всему Центральному Кавказу, осваивая южный и северный склоны Главного Кавказского хребта. Выявляется также близость протокобанской культуры с культурами, бытовавшими в то же самое время в Дагестане и на Южном Кавказе (соврем. Восточная Грузия), что свидетельствует о значительной роли восточнокавказских и южнокавказских культур в формировании кобанской культуры. Параллели, связанные с культурами степного мира, гораздо менее показательны[141]. Как отмечают исследователи, «именно закавказский импульс финала средней бронзы был решающим в формировании протокобанского пласта памятников и собственно кобанской культуры[142]».

Несомненно, нахские племена находились в постоянном взаимодействии с соседними, родственными им, племенами – дагестанскими, адыгскими, абхазскими и др. Поэтому на окраинах зоны кобанской культуры, население в этническом отношении, скорее всего, было пестрым. Кроме того, формирование нахской этнокультурной общности происходило под воздействием импульсов окружающих этносов, особенно этнических и культурных из Передней Азии, а также, в определенной степени, кочевых племен степей.

Практически одновременно с зарождением и развитием кобанской культуры шел процесс становления других кавказских культур – каякентско-хорочоевской, прикубанской и колхидской, в недрах которых, по-видимому, также происходило формирование новых этнокультурных общностей. Учитывая, что процесс распада нахско-дагестанской и абхазо-адыгской языковых групп на нахскую, дагестанскую, абхазскую и адыгскую датируется приблизительно концом III – началом II тысячелетия до н. э., перечисленные археологические культуры, которые начали складываться в первой половине – середине II тыс. до н. э., можно вполне уверенно соотнести с формировавшимися в тот же период автохтонными кавказскими этнокультурными общностями – древнеадыгской (прикубанская культура), древнеабхазской (колхидская культура), древневайнахской (кобанская культура) и древнедагестанской (каякентско-хорочоевская культура). Таким образом, перед нами полное соответствие между археологическими культурами древности и известными кавказскими (или исконнокавказскими) автохтонными этнокультурными общностями, и нам открывается вполне ясная этнополитическая карта Кавказа второй половины II тыс. до н.э. – первой половины I тыс. до н.э., которая соответствует всем имеющимся в нашем распоряжении материалам – будь то данные языка, топонимики, археологии, антропологии, письменных источников и фольклора.

---

[141] См.: Скаков А.Ю. Протокобанская эпоха на Кавказе... С. 193; Санжаров С.Н. О некоторых вопросах культурного развития и хронологии в позднеекатакомбное время // РА. 1993. № 1. С. 27–29.

[142] Скаков А.Ю. Протокобанская эпоха на Кавказе... С. 194.

Глава III

КАВКАЗСКИЕ ХОНЫ И ЦАНАРЫ

1. Кавказские хоны

Согласно грузинской исторической хронике «Мокцевай Картлисай» («Обращение Грузии[1]»), первоначально на территории Картли проживали бунтурки и прибывшие с юга племена хонов, и лишь затем, после похода Александра Македонского (конец IV – начало III в. до н. э.), сюда переселились грузинские (картвельские) племена[2]. Среди племен Центрального Кавказа хонов упоминают также и древнеармянские авторы.

[1] «Обращения Грузии» («Мокцевай Картлисай») специалисты относят к V в., а в VII и IX вв. сочинение было подвергнуто редактированию. В научной литературе высказано мнение, что одним из источников, использованных при написании данной хроники, возможно, был письменный памятник начала III в. до н. э. (см.: Обращение Грузии. С. 14–19; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. С. 23–28).

[2] «Когда царь Александр обратил в бегство потомков Лота и оттеснил их в полуночную страну, тогда [он] впервые увидел свирепые племена бунтурков, живших по течению Куры в четырех городах с их предместьями. [Это были]: город Саркине, [город] Каспи, [город] Урбниси и [город] Одзрахе и крепости их: большая крепость Саркине, правительские крепости Каспи, Урбниси, Одзрахе. Удивился Александр и разузнал, что были они потомками иевусеев. Ели все живое и не было у них могил – мертвых пожирали. Будучи [тогда] не в силах бороться с ними, царь удалился.

В то время пришли выселенные халдейцами воинственные племена хоннов. Они испросили у владыки бунтурков место, под [условием платить] дань, и поселились в Занави. И владели они им [местом], за которое платили подать, поэтому называется он Херки.

Спустя некоторое время прибыл Александр, царь всей земли, разрушил эти три города и крепости и поразил хоннов оружием. А с городом Саркине воевал одиннадцать месяцев; расположился с западной стороны, насадил виноградник, провел оросительный канал из Ксани и у истока канала поставил людей смотреть [за каналом]; от «стаги» канала это место называется Настагиси. Потом взял Александр Саркине: сами [бунтурки, хонны] оставили и удалились.

И держал при себе царь Александр сына царя Арриан-Картли Азо, и дал ему в резиденцию Мцхета, и назначил ему границами Эрети, Эгрисцкали, Сомхитию и Црольскую гору, и ушел.

А этот Азо отправился в Арриан-Картли, к отцу своему, привел [оттуда] восемь домов и десять домов сородичей [своих] и поселился в древней Мцхета, имея при себе богами идолов – Гаци и Гаим. И этот Азо, сын царя Ариан-Картли, был первым царем в Мцхета, и умер он.

И после него царем стал Парнабаз. Он воздвиг большой идол на выступе [горы] и дал ему имя Армаз, и обвел [идол] стеной со стороны реки, и называется [это место] Армаз» (Обращение Грузии. С. 23).

Однако сведениям древнегрузинских и древнеармянских источников о бунтурках и хонах как о древнейшем населении Картли в исследовательской литературе до сих пор не уделено должного внимания. Традиционно хонов Леонти Мровели и древнеармянских историков современные исследователи отождествляют с тюркоязычными гуннами (хуннами[3]). Известно, что тюркоязычные гунны вторглись в степи Восточной Европы в 70-е гг. IV в. н. э., и примерно тогда же они появились и на Северном Кавказе[4]. С того времени упоминания о северокавказских гуннах появляются в трудах многих восточных и западных историографов, в связи с чем информацию о проживании хонов в Картли в I тыс. до н. э., содержащуюся в древнегрузинских и древнеармянских источниках, некоторые ученые считают анахронизмом, а факт проникновения в эти источники термина *хон* отражением периода господства тюркоязычных гуннов на Северо-восточном Кавказе в V–VI вв. н. э.[5] Более того, сведения «Обращения Грузии» о хонах (и бунтурках), предшественниках грузинским племенам в Картли, некоторые ученые вообще считают «сказочным и неправдоподобным[6]». Однако, как справедливо отмечает исследователь и издатель «Обращения Грузии» М.С. Чхартишвили, «нет никаких оснований приписывать автору «Обращения Грузии» такую грубую ошибку. На современном этапе исследования вопрос об идентификации данного этнонима (хон. – Г.Г.), видимо, во избежание ошибок, лучше оставить открытым[7]».

Вместе с тем, реальность существования хонов на древнем Кавказе до прихода сюда тюркоязычных хуннов (гуннов) не ставили под сомнение такие видные кавказоведы, как И.А. Орбели, Г.А. Меликишвили, С.Т. Еремян, К.В. Тревер, Е. Моор, Н.Г. Волкова[8]. Г.А. Меликишвили, в частности, допускал, что сведения древнегрузинской исторической литературы о бунтурках и хонах, как о древнейшем населении Картли, могут соответствовать действительности и являются отзвуком каких-то древних преданий. Этническое происхождение хонов и бунтурков он связывал

---

[3] К вопросу о бунтурках мы возвратимся в соответствующем месте ниже.

[4] Гунны считаются выходцами из Азии, из районов, расположенных к северу и северо-западу от Китая. Это было азиатское кочевое племя, о чем говорят образ жизни и облик его представителей, известные из описаний современников. Во внешности гуннов явно просматриваются черты монголоидной примеси: малорослые, сухопарые, безбородые, «с дырами вместо глаз» (Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 1997. С. 84–85). На Кавказ гунны пришли в 60–70 гг. IV в., а уже в конце того же в. они прорвались через Дербент на Южный Кавказ и, сметая все на своем пути, дошли до Сирии.

[5] Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 52; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа... С. 31 и др.

[6] Гвасалия Д.Г. Историческая география Восточной Грузии. Тбилиси, 1991. С. 155.

[7] Обращение Грузии. С. 60. Комм. 8.

[8] Орбели И.А. Город близнецов Διοζκουρας и племя возничих Ήνιοχι. Избранные труды. Ереван, 1963. С. 510; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 37; Еремян С.Т. Опыт восстановления… С. 269; Тревер К.Н. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. Л., 1959. С. 192–193; Moor E. Zur Herkunft der Hunnn mit besnderer Berucksichtigung jhres Namenmaferials – «Beitrage zur Namenforschung». Heidelberg, 1963, 93; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа... С. 128–130.

с северокавказскими племенами и писал о них как о «воинственном населении северного происхождения[9]». Н.Г. Волкова, например, кавказских хонов напрямую относила к протонахским племенам[10]. Вышеназванные ученые высказали свои суждения без серьезного обоснования и подробного источниковедческого анализа, однако детальный анализ данных, содержащихся в первоисточниках, показывает, что мнения известных специалистов-кавказоведов не только не лишены основания, но, как увидим ниже, получают реальное подтверждение.

В «Ашхарацуйце», например, хоны упомянуты дважды – среди племен, бесспорно кавказского происхождения, проживавших в центральных районах Кавказа, так и среди племен, обосновавшихся на северо-западном берегу Каспийского моря, в Дагестане (Хонское царство): «В тех же [Кавказских] горах живут Ардозы, а по эту сторону от них – Дачаны, Цихоимы, Дуалы, Цыхои, Пурки, *Хоны*, Цанары, у которых находится Аланские ворота, как и другие ворота, называемые Цикен, по имени проживающего там племени Цикен, затем туши… Маскуты проживают в долине Варданеан вплоть до Каспийского моря, куда доходят отроги Кавказского хребта, где находится стена Дербента… К северу от него (Дербентские ворота – Г.Г.) у самого моря [находится] *царство Хонов* от самого моря к западу от него по Кавказским горам; там же *Хонам* принадлежит город Варачан, а также Чундар и Смындыр» (выделено мной. – Г.Г.[11])

Здесь следует обратить внимание на одну очень важную деталь: если название Гуннского царства в Прикаспии во всех рукописях «Ашхарацуйца» передается в форме хо́н (*hon,* հոն), то для обозначения хонов Центрального Кавказа в древнейших рукописях, в том числе и в лучше всего сохранившемся списке (№ 582), используется форма хон (хоn, խոն[12]). Данный факт не позволяет считать сообщения «Ашхарацуйца» о хонах Центрального Кавказа и Прикаспия ни результатом

---

[9] Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 37.

[10] Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа... С. 128, 130. Вместе с тем, К.В. Тревер и Н.Г.Волкова, предполагая, что с тюркоязычными гуннами албанцы и армяне вплотную столкнулись лишь в VI в., к кавказским племенам относят и гуннов, упоминаемых в древнеармянских источниках в Северо-западном Прикаспии, севернее Дербенда (в частности, страна хонов Елише). Однако с этим трудно согласиться, поскольку археологические памятники и письменные источники (Приск Панийский, Аммиан Марцеллин) указывают на присутствие тюркоязычных гуннов в этих местах уже с конца IV в. н. э. Некоторые исследователи к тюркским гуннам относят также упоминаемых Дионисием Периегетом в Северо-западном Прикаспии во II в. н. э. туннов//уннов, что, конечно, не исключено, но пока не подтверждено какими-либо материалами, а потому трудно доказуемо.

[11] Ашхарацуйц. С. 27. «...Եւ ‘ի նոյն լերինն՝ յետ Արդոզեան ազգին բնակեն Դաջանք, Դուալք, Ծղխոյք, Փուրքա, Խոնք, Ծանարքայ, յորում Ալանաց դուռն. Եւ միւս դուռն որ ասի Ծեքեն, համանուն ազգի. Եւ ապա Թուժք... Մասքութան ազգն բնակեալ են, ‘ի Վարդանայ դաշտին, մինչեւ ցԿասպից ծովն, յոր բազուկն Կաւկասայ հպի, յորմէ ածեալ է զպարիսպն Դարբանդայ... Իսկ ի հիւսիսոյ նորա Թագաւորութիւն Հոնաց հուպ ի ծով. Եւ ‘ի մտից նորա առ Կաւկասով Վարաչան քաղաք նոցին Հոնաց եւ Չունդարս եւ Սմընդրս։»

[12] Матенадаран. Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца. Рук. №№ 582, 784, 1717, 1883, 1898.

наслоения разновременных сведений об одном и том же племени, ни случайными повторениями и свидетельствует о том, что армянскому географу были известны на Кавказе два этнически различных племени, которые он называет разными именами – хон (ϧnն), проживавшие на Центральном Кавказе, и *hon* (hon, հnն) – Гуннское царство), населявших северо-западное побережье Каспийского моря.

В Северо-Западном Прикаспии в VI–VII в. н. э. тюркоязычными гуннами-савирами было образовано на местной, дагестанской, этнокультурной основе гуннское царство Сувар. В арабских источниках это царство упоминается под названием *Джидан*, а в армянских – в данном случае в «Ашхарацуйце» – как *hонское царство*.

Что же касается хонов Центрального Кавказа, то, по «Ашхарацуйцу», они занимали территорию с обеих сторон от Главного Кавказского хребта, к востоку от мест проживания дуалов. Историчность кавказских хонов подтверждается тем, что имя этого народа сохранилось до наших дней в топонимах и гидронимах на южной и северной стороне Главного Кавказа, к востоку от Дарьяла (местность Хоной на берегу реки Армхой, притока Терека; местность Хоне в верховьях реки Арагви; гора Хон и местность Хонис-чали в Хевсуретии; также тушины называют именем Хон верховье реки Чанты-Аргун[13]). Факт проживания в этих местах хонов засвидетельствован и грузинским письменным источником XIII в.: хоны (хунаги) названы при перечислении народов вайнахского происхождения («кисты, хунаги, тушины[14]»). В слове *хунаги – хун-(а)ги*, компонент ги является вайнахским послелогом. Несомненно, и в армянском, и в грузинском источнике речь идет об одном и том же народе – хонах. Примечательно, что в грузинском документе хоны названы между кистинами и тушинами, что совпадает с локализацией хонов по «Ашхарацуйцу».

Кавказских хонов армянского и грузинского источников следует связывать, скорее всего, с многочисленной ингушской родоплеменной группой хоной (хоной), проживавшей еще до недавнего времени в верховьях реки Армхи, где и сохранился топоним Хоной. В пользу правомерности связи хонов древних рукописей именно с ингушскими хонами (хоной) свидетельствует также и то обстоятельство, что, согласно преданиям, главное святилище ингушей (до принятия ислама) находилось на горе Хона в Хевсуретии, а сами хевсуры в прошлом славились среди ингушей как знатоки обычного права[15]. У вайнахов такое чаще всего происходит в случаях, «когда территория, на которой живут почитаемые «праведы», осознается самим населением в качестве своей древнейшей прародины, так сказать «земли предков[16]».

---

[13] Klaproth J. Beschreibung des ostliechen Kaukasus zwischen den Flussen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. «Bibliothek der neusten und wichtigsten Reise beschreibungen». Bd 50, Weimar, 1814; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 65; Гумба Г.Д. Цанары по «Ашхарацуйцу»... С. 37–40.

[14] Государственный музей Грузии. Л. 10-В-II XIII в.

[15] Семенов Л.П. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа. МИА, 1951. № 23. С. 123; Кобычев В.П. Историческая интерпретация… С. 178–179.

[16] Кобычев В.П. Историческая интерпретация… С. 179.

Таким образом, сведения письменных источников о хонах в центральных районах Кавказа подтверждаются сохранившейся в этих местах топонимией, а также фактом существования нахской родоплеменной группы хоной, которую не следует путать с пришлыми тюркоязычными гуннами Западного Прикаспия.

Помимо «Ашхарацуйца», на различия между кавказскими хонами и тюркоязычными гуннами (hуннами) указывают и другие армянские источники, что еще в 1911 г. отметил И.А. Орбели[17]. Исключительный интерес в этой связи представляют сведения древнеармянского автора Агатангелоса. В греческой версии «Истории Армении» Агатангелоса говорится, что в начале IV в. Григорий Просветитель и царь Армении Трдат III (287–330) распространили христианство в Восточном Закавказье «до границ Масаха-хунов, до Каспийских ворот и той части, где сторона алан» (ἕως ὁίων Μασαχού τών Οὔννων[18]). В сохранившихся армянских текстах Агатангелоса границы распространения христианства очерчиваются «от города саталийцев до края Халтик, до Кларджка, до самых пределов маскутов, до Аланских ворот, до пределов Каспия, города Пайтакарана в царстве Армянском[19]». В критическом издании Агатангелоса 1909 г. читаем: «…До самых пределов маскутов, до врат Аланских, до врат Каспийских…[20]».

Как видно, и в армянской, и в греческой версии «Истории Армении» налицо разночтение и путаница. Во всех известных рукописях, за исключением двух греческих, в которых написано «до границ Масаха-хунов», присутствует фраза «до ворот Аланских[21]», а в рукописях второй, древнейшей, группы списков документа, в том числе и в вышеотмеченных двух греческих, указано: «до ворот Каспийских» (Дербентский проход[22]). Отсюда, с уверенностью можно сделать вывод, что в оригинале «Истории» Агатангелоса в интересующем нас фрагменте присутствовали обе фразы – и «до ворот Аланских», и «до ворот Каспийских[23]».

Относительно масахов и хунов (масаха-хуну) греческой версии «Истории Армении», то нельзя согласиться с тем, что они соответствуют маскутам армянской версии, как это предлагает А.В. Гадло[24], поскольку греческая версия одновременно упоминает как маскутов, так и масаха-хунов, не смешивая их (τών Μασαχού

[17] Орбели И.А. Город близнецов… С. 510.

[18] Agathange Historie de regne de Tiridate et de la predication de saint Gregoire JJ lluminateur, Langlois - FHG, Paris, 1870, 180 (далее Agathange Historie, 1870); См. также: La version grecgue ancienne du livre armenien d'Agathange edition critigue, par Guay Lafontaine, Institut Orientaliste, Louvain-la-neue, 1973.

[19] Агатангелос. С. 842.

[20] Агатангелос. С. 95.

[21] Agathange Historie, 1870. 180. См. подстрочники: греческий текст – ch. XIII, § 153; армянский текст – ch. III, CXX, § 153).

[22] Там же см. подстрочники.

[23] Подробный сопоставительный анализ сообщений армянских источников о пределах распространения христианства Григорием Просветителем см.: Акопян А.А. Албания-Алуанк… С. 54–55, 124–125.

[24] Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа… С. 32–33.

τών Οϋνων; τών Μασσαγέται[25]). К тому же если предположить, что в термине ма-*саха-хуну* отражены маскуты и тюркские хунны (гуннское царство), как это иногда представляется в литературе, то данные Агатангелоса вообще теряют смысл, потому что, как известно, царство гуннов было расположено севернее Каспийских (Дербентских) ворот, а Маскутк − на юге от этих ворот, и Каспийские ворота являлись границей между ними. В таком случае становится непонятно, как далеко было распространено христианство − до границ маскутов или до Каспийских ворот. Если же взять за основу те группы списков «Истории Армении», в которых говорится, что христианство было распространено «до пределов каспов, города Пайтакарана», то и тогда возникает вопросов гораздо больше, чем ответов. Страна каспов располагалась на берегу Каспийского моря, возле устья реки Куры, и здесь же, на берегу моря, недалеко от устья Куры локализуется город Пайтакаран, а значит, у Агатангелоса не было необходимости указывать в качестве пределов распространения христианства два ориентира, находившиеся на одной географической линии, – страну каспов и город Пайтакаран.

Кроме того, следует иметь в виду, что в первой половине IV в. Маскутское царство включало в себя всю историческую Албанию, занимавшую левобережье реки Куры. Потому армянские раннесредневековые авторы при описании событий данного периода термин *маскутк* (*Маскутское царство*) используют также и для обозначения Албании[26]. Так, например, Фавст Бузанд пишет, что Албания находится «в пределах маскутских», а в рассказе о нападении маскутского царя Санесана на Армению (335 г.) сообщает, что «он перешел свою границу, большую реку Куру, и наводнил армянскую страну[27]». Термин *маскут* (*Маскутский край*) для обозначения исторической Албании употребляет также и Агатангелос, например, правителя (бдешха) граничащей с Албанией восточной провинции Армении именует бдешхом земли, «пограничной с Маскутским краем[28]». Таким образом, слова о том, что христианство было распространено «до границ маскутов», могли быть восприняты как «до границ Албании», что не соответствовало действительности. Об этом, разумеется, не мог не знать Агатангелос, так как именно он сообщил о принятии Албанией христианства в 315 г. и назвал имя первого албанского епископа Фомы. Создается впечатление, что это сообщение сделано человеком, плохо представлявшим себе этнополитическую ситуацию Восточного Закавказья того времени. Однако у нас нет никаких оснований упрекать в неосведомленности Агатангелоса, равно как и большинство других армянских авторов периода раннего средневековья.

Ясность в вопрос о том, какой народ скрывается под именем масаха-хонов, до земель которых распространилось в IV в. христианство, можно внести сопоставив сведения Агатангелоса с данными «Мокцевай Картлисай». Информация древнегрузинского источника относительно распространения христианства в

[25] Agathange Historie, 1870. 109, 180.

[26] См.: Арутюнян Б.А. Административное деление… С. 108.

[27] Фавст Бузанд. История Армении. Тифлис, 1912. III, 5, 7 (на древнеарм. яз.) – далее Фавст Бузанд.

[28] Agathange Historie, 1870. 140; См. также: Агатангелос. II. С. 873.

Восточном Закавказье не просто совпадает с данными греческой версией Агатангелоса, но и дополняет ее. Согласно «Мокцевай Картлисай», горцев, проживавших на территории современной Восточной Грузии, обращала в христианство св. Нино, которая прибыла в Армению во времена царствования Трдата III вместе с Рипсиме и Гаяне, а затем перебралась оттуда в Картлию. Из Мцхета «отправились св. Нино и епископ Иоанн, и вместе с ними царь отправил одного эристава. Они пришли и остановились в Цобене, позвали мтиульцев – звероподобных людей: чарталийцев, пховельцев, гудамакарцев и проповедали им о честном кресте Христовом, ведущем к вечной жизни, но те не захотели принять крещение. Тогда эристав царский пустил в ход немного оружия и силою сокрушил идолы их. Оттуда они пришли и остановились в Жалете, проповедовали эрцо-тионетцам, которые вняли им и приняли крещение. *Между тем, пховельцы оставили свою страну и перебрались в Тушетию. Большая часть других мтиульцев тоже не обратились в христианство. Так как они не захотели креститься, царь увеличил им подать. Поэтому и они впали в заблуждение и ушли*» (выделено мной. – Г.Г.[29]).

Следовательно, в IV в. христианство распространилось до верховьев Алазани и Иори, где, в предгорьях Главного Кавказского хребта, лежали земли Тушетии и где находили убежище люди, не желавшие принимать крещение. Здесь будет уместно вспомнить, что дагестанцы (аваро-андийцы) тушин (цова-тушины, бацбийцы) именуют *мосох* (*масах, мосок*). Масахов (mazakai) локализовали в этих местах Плиний[30] и Помпоний Мела (см. ниже), а непосредственными соседями масахов (цова-тушин) на северо-западе, как отмечено выше, являлись хоны. Отсюда следует, что христианство было распространено до границ мосохов (тушин-бацбийцев) и хонов, то есть масаха-хонов, проживавших бок о бок у подножья Главного Кавказского хребта. Веским подтверждением правильности такой интерпретации сообщения Агатангелоса является то, что в пяти рукописях «Истории Армении» второй, древнейшей, группы вместо «до границ Масаха-Хун» написано «*до гор Масаха-Хун*» (выделено мной. – Г.Г.[31]).

Более того, в некоторых списках армянской редакции Агатангелоса древнейшей группы вместо фразы «до самых пределов маскутов» читаем: «до самых пределов мосохов[32]». В этой связи представляется важным то, что известный специалист по древнеармянской литературе Н. Адонц, анализируя данный текст,

---

[29] Картлис цховреба. С. 47.

По другой версии, «Нино отправилась, взяв с собою прибывшего из Греции священника Якова и одного эристава, и остановилась в Цобени. И призвала горцев: чартальцев, пховцев и цилканцев, и проповедала веру Христа, и те не пожелали [принять ее]. И эристав пустил немного в ход оружие, и [они] со страху выдали на сокрушение свои идолы. И перешла в Эрцо, и остановилась в Жалети, в местечке Эдеми, и просветила эрцо-тианетцев*; а* кварельцы*, услыхав об этом, сбежали в* Тошети*,* которых нашли лишь впоследствии: царь Трдат вернул их и крестил» (выделено мной. – Г.Г.) (Обращение Грузии. С. 27).

[30] Plin.VI, 15.

[31] Agathange Historie, 1870. 180. См. подстрочники.

[32] Матенадаран, рук. № № 3635; 4095.

считает, что присутствие здесь термина *маскут* неправомерно и в действительности должно быть *мосох*[33].

После прочтения арабской версии Агатангелоса сомнения в верности предложенной выше интерпретации текста развеиваются окончательно. В этом варианте в сообщениях о пределах распространения христианства не упоминаются ни маскуты, ни масаха-хоны – вместо них называются дурдзуки («страна Д-р-д-з-к-т[34]»). Здесь важно отметить, что арабская версия «Истории Армении», относимая к IX в., является переводом с греческой версии, которая, в свою очередь, восходит к не сохранившемуся армянскому оригиналу сочинения Агатангелоса, датируемому первой половиной V в..[35] Взамен *масаха-хун* в греческой рукописи переводчик вводит грузинское название вайнахов – *дурдзук* (*дурдзукет*), что свидетельствует о том, что он хорошо ориентировался в сложной кавказской этнономенклатуре. И действительно, переводчиком был грузин, о чем говорит грузинское исчисление на полях рукописи, а также сама форма передачи термина *дурдзук – Дурдзукет*[36].

По сообщению «Картлис цховреба», переселившиеся к тушинам жители Эрцо-Тианети впоследствии возвратились. Основная их часть приняла христианство, и к ним были направлены миссионеры. Об этом есть сообщение в арабской версии «Истории Армении» Агатангелоса, согласно которому, Святой Григорий посылает миссионера в страну Дурдзукет. В данном случае грузинский переписчик вместо *масаха-хоны* греческой версии Агатангелоса вводит грузинское название этого народа – *дурдзуки*. Отсюда следуют два очень важных вывода: во-первых, в оригинальном тексте Агатангелоса присутствовало именно название *масаха-хон*, и во-вторых, масаха-хоны – это дурдзуки, т.е. нахи.

---

[33] Адонц Н.А. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971. С. 327.

[34] Марр Н.Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (арабская версия). СПб., 1905. С. 55.

[35] Тер-Гевондян А.Н. Новонайденный полный текст арабской версии Агафангела. ИФЖ, № 2. Ереван, 1973. С. 234. В последнее время высказано мнение, что «История» Агатангелоса первоначально была изложена именно на греческом языке еще в начале IV в. Давидом Римским, секретарем-хронологом армянского происхождения, приглашенным царем Великой Армении Тиридатом III из Рима. «Агафангел» (по-греч. Благовещатель) – это священный титул Григория Просветителя, данный ему Давидом Римским в своей книге на греческом языке «Екклесиастес». Под заглавием «История Агафангела» Давид Римский подразумевал «Историю об Агатангелосе»», т. е. «Историю о Благовещателе Григории». Армянская версия «Истории Агатангелоса» была изложена Католикосом Сааком Партевом в 410-х гг. на основании книги Давида Римского. Однако, в конце V в. армянскими историками «История Агатангелоса» была истолкована как «История, написанная Агатангелосом» и этот священный титул Григория из заглавия очутился в древнем предисловии, в качестве имени секретаря-хронолога Тиридата III. Отсюда появился и миф, будто не Давид Римский, а Некий Агатангелос был приглашен из Рима в армянский двор Аршакидов (см.:Альберт Мушегян. «История Агафангела»: обстоятельства создания, время написания и вопрос о личности автора // ИФЖ. Ереван, 2012, № 1. С. 220–222 (на арм. яз.).

[36] Марр Н.Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов… С. 165.

Таким образом, есть все основания для отождествления масаха-хунов Агатангелоса с нахскими масахами (бацбийцами) и хонами, до земель которых распространялось христианство в IV в. Следовательно, в вышеприведенном фрагменте текста следует читать: «до ворот Алан, до гор Масаха-Хуну и до ворот Каспийских». При таком прочтении текст Агатангелоса становится ясным и логичным, т.к. в нем приводится граница Армении в широком культурном значении, т.е. ареал армянской церкви раннехристианской традиции. Эти границы включали в себя всю восточную часть Южного Кавказа, в пределах которой было распространено христианство.

Благодаря данным многочисленных источников (армянских, грузинских, греко-латинских), хорошо известно, что восточное (сиро-палестинское) христианство распространилось в Восточном Закавказье через Армению, посредством армянских миссионеров. Картлийская (грузинская) и албанская церкви иерархически были подчинены армянской церкви и представляли собой ее составные части[37]. В процессе обработки и слияния локальных легенд и преданий уже в конце V в. сформировалась официальная концепция трех церквей – армянской, картлийской и албанской, по которой св. Григорий становится единственным христианским просветителем всего Восточного Закавказья[38]. Именно эта концепция, известная как «Житие Григория», представлена в греческой и арабской версиях «Истории Армении» Агатангелоса. Согласно ей, деятельность св. Григория охватывала всю территорию Восточного Закавказья, в связи с чем раннесредневековая литературная традиция называет Арменией все Восточное Закавказье, отражая таким образом церковно-культурное единство проживавших здесь народов. Именно эти границы христианской Армении (или Армянской церкви), простиравшиеся на северо-западе до Лихского хребта, а на севере – до Аланских (Дарьяльских) ворот, гор Масаха-хонов (подножье Главного Кавказа) и Каспийских (Дербентских) ворот, приведены в греческой версии труда Агатангелоса[39].

Причину такого разночтения сохранившихся версий «Истории Армении» и отсутствия в армянском варианте информации о распространении христианства в Восточном Закавказье (*до земель масаха-хонов*) следует искать, скорее

---

[37] Кекелидзе К. Этюды истории древнегрузинской литературы (на груз. яз.) Тбилиси, 1945. Т. 1. С. 30; Еремян С.Т. Общность судеб и культурно-политическое содружество народов Закавказья в IX–XI вв. // «Кавказ и Византия». Ереван, 1979. Вып. 1. С. 68.

[38] См.: Мурадян П.М. Кавказский культурный мир и культ Григория Просветителя // «Кавказ и Византия». Ереван, 1982. Вып. 6. С. 11; Марр Н.Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов… С. 149.

[39] Кроме того, согласно административному делению Персии, а затем Арабского халифата, все Восточное Закавказье называлось Арменией (Арминия). Так, Захария Ритор Грузию и Албанию называет находящимися в Армении («Гурзан в стране Армения», «Арран в стране Армения»). Персидский автор Табари (Ат-Табари) также указывает, что при персидском царе Хосрове I Армения включала в себя все Восточное Закавказье, а Сул-Чора (Каспийские ворота) являлись границей Армении – саgр (см.: Новосельцев А.П. К вопросу об отражении истории Армении в сасанидских памятниках // «Кавказ и Византия». Ереван, 1982. Вып. 6. С. 26).

всего, в произошедшем в начале VII в. расколе между армянской и картлийской церквями. К этому времени в Картли сложились определенные политические и историко-культурные условия, ставшие причиной начала процесса национализации церковной жизни, который в 609–620 гг. привел к отделению картлийской (иверской) церкви от армянской. С этого времени картлийская церковь окончательно примкнула к византийской имперской диофизитской церкви и вышла из подчинения армянскому католикосату. После отпадения картлийской церкви от армянской картвельские церковные деятели вступили «в ожесточенную полемику с армянами, которая дошла до того, что грузины начали отрицать какие либо церковно-иерархические отношения с армянами в прошлом и в противовес господствующему мнению даже выдвинули своего собственного, независимого от Григория Просветителя, миссионера в лице св. Нино[40]».

Изменения, произошедшие в церковных отношениях между Арменией и Картли, разумеется, не могли не найти отражения в последующих редакциях сочинения Агатангелоса. Оригинал «Истории Армении» был создан в первой половине V в., и тогда интерес для автора наряду с армянской представляла также картлийская и албанская церковь, что видно при прочтении греческой и арабской версий «Истории[41]». Об этом свидетельствует также Мовсес Хоренаци, который сообщает, что у Агатангелоса описана история обращения в христианство народов «от Кларджка вдоль Аланских и Каспийских ворот[42]», т.е. «до гор Масаха-хонов». Однако из дальнейших редакций армянской версии Агатангелоса, сделанных уже после выхода картлийской церкви из подчинения армянской в VII в., информация об обращении грузин в христианство была изъята, поэтому в текстах, сохранившихся до наших дней, она отсутствует. В итоге в армянской версии «Истории» Агатангелоса осталась только история возникновения армянской церкви как обособленной национальной церкви[43], дополненная лишь общим замечанием о том, что христианство «разлилось по всей Армении от края до края[44]». Очерчивая северные пределы распространения христианства в Восточном Закавказье, редакторы-переписчики первоначальное «до гор Масаха-хон» заменили на «до маскутов», тем самым превратив сообщение в бессмыслицу[45]. Однако в греческой и арабской версиях «Истории» точные данные о северных границах распространения христианства – «до гор Масаха-хонов», сохранились. Это произошло благодаря тому, что труд Агатангелоса был переведен с армянского языка на греческий в VI в., еще до отпадения картлийской (грузинской) церкви от армянской

[40] Кекелидзе К. Этюды истории древнегрузинской литературы... С. 41.

[41] Agathange Historie, 1870. 181; Н.Я. Марр. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов… С. 35.

[42] Мовсес Хоренаци. II. С. 86.

[43] Абегян М.Х. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 103.

[44] Адонц Н.А. Армения в эпоху Юстиниана... С. 327.

[45] Редакционные изменения были внесены не только в первоначальный текст «Истории Армении» Агатангелоса, но и в сочинения других раннесредневековых армянских историков, в том числе и Мовсеса Хоренаци: в соответствующих местах было вставлено *до маскутов*.

и до внесения соответствующих изменений в оригинальный армянский текст Агатангелоса[46], и именно греческая версия Агатангелоса была в IX в. переведена на арабский язык.

Видимо, у Агатангелоса название *масаха-хон* отражает политическое объединение масахов (цова-тушин) и хонов. Это подтверждают и данные «Ашхарацуйца», согласно которым, термин *хоны* покрывает северную и южную части Главного Кавказа – от верховья Терека до Дагестана (хундзов). Вероятнее всего, в III–IV вв. под контролем хонов (масаха-хонов) находились Аланские (Дарьяльские) ворота, и в этой связи важное значение приобретает сообщение «Географии» Вардана Великого Аревелци, в соответствии с которым, Аланские (Дарьяльские) ворота называются *Хонскими*: «…[граница] Армении начинается от Хонских ворот, которые есть Аланские железные ворота, которые построил Александр Македонский[47]». Эти сведения особенно ценны тем, что труд Вардана Аревелци в средние в. и позже использовался как учебник географии. Для того чтобы изучение описываемых территорий (местностей, областей, стран, населенных пунктов и т.д.) было наиболее полным, в сочинении перечисляются различные их названия, под которыми они были известны у разных народов, а также их более древние аналоги. Этим объясняется и то, что в тексте упомянуты два других названия Дарьяльских ворот – *Хонские* и *Аланские*. Согласно «Географии» Вардана Аревелци, границы Армении простираются до Хонских (Аланских) ворот, из чего можно сделать вывод о том, что ее автор пользовался источниками, отражавшими положение дел в регионе в период поздней античности и раннего средневековья, когда Арменией называлось все Восточное Закавказье. Этот период совпадал со временем политического возвышения нахских хонов (масаха-хонов), которые контролировали Дарьяльские ворота, вследствие чего ворота стали называться и Хонскими, и именно поэтому Вардан Аревелци в своем сочинении приводит оба названия ворот: *Аланские* и *Хонские*.

В армянских источниках *Хонскими воротами* (*пахак хонк*) называется также линия оборонительных сооружений, которая шла от Циканских (Цилканских) ворот, расположенных около Жинвали, на северной границе Картли (Иберия), на юго-восток, вдоль северо-западной границы Албании. Эти ворота известны еще как *Врата кавкасианов* и *Дурдзукские ворота* (см. выше). По данным арабского историка Ибн ал-Факиха, *Врата Дурдзукские* (*Врата кавкасианов* Леонти Мровели) состояли из 12 ворот с каменными укреплениями[48]. По линии

[46] Уже в V в. имелись две редакции «Истории» Агатангелоса на армянском языке. Одна из них известна в филологии под названием «Житие Григория», оригинал же, которой датируется началом V в., еще не найден. Армянский оригинал Жития содержал больше фактов, чем дошедший до нас армянский текст Агатангелоса. Дошедшая до нас версия была официально принята церковью, вследствие чего армянский оригинал Жития со временем был забыт (см.: Тер-Гевондян А.Н. Новонайденный полный текст арабской версии Агафангела... С. 237). В VI в. был сделан перевод Жития Агатангелоса на греческий язык, и уже греческий вариант Жития был переведен на арабский язык (IX–X вв.).

[47] Ашхарацуйц Вардана Вардапета (на древнеарм. яз.). Париж, 1960. С. 44.

[48] Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX–X вв. по Р.Х. о Кавказе, Армении и

этих ворот проходила южная граница хонского объединения, а потому проход Цор (Цур) на границе с Албанией назывался *Хунсвери* (*перевал хонов*). Именно с этими укрепленными воротами отождествляются врата хонов (*пахак хонов*) древних авторов[49].

Отсюда становится понятным и сообщение армянского историка Лазаря Парпеци (V в.), в котором приведен рассказ армянского спарапета Васака Мамиконяна об установлении дружеских отношений с вождями хонов: «Когда я был марзпаном Иверии и Албанские (Аланские – Г.Г.) ворота были в моих руках, многие хонские вожди стали моими друзьями посредством договоров и клятв[50]». Будучи марзпаном Иверии (Грузии), Васак Мамиконян, безусловно, мог контролировать Аланские ворота, и речь здесь, несомненно, идет именно о них. Ряд исследователей ставят под сомнение достоверность сведений Лазаря Парпеци о проживании хонов вблизи Аланских ворот, поскольку все упоминания о хонах (хунах) на Кавказе традиционно связываются с тюркоязычными хуннами (гуннами), осевшими на побережье Каспия, в Дагестане. Но в данном сообщении речь идет не о тюркоязычных хуннах (гуннах), а именно о нахских хунах (хонах), действительно проживавших вблизи Аланских ворот, с вождями которых и установил дружеские отношения Васак Мамиконян. Об этом историческом факте свидетельствует также и другой армянский автор V в. Елише, который пишет, что Васак Мамиконян «установил дружеские отношения с hЕранскими[51] хонами с помощью Баласаканского царя[52]».

Согласно Н. Адонцу, «heran не что иное, как форма Aran, Албания[53]». Однако, возможно, в данном случае речь идет об исторической области Эрети (hЕрети), расположенной между Кавказской Албанией и Цанарией (или Кахетией). Так или иначе, уточнение «hеранские хоны» понадобилось Елише для того, чтобы было понятно, что имеются в виду кавказские хоны, а не тюркоязычные гунны Западного Прикаспия, о которых ему также было хорошо известно. Совершенно очевидно, что в процитированных сообщениях армянских историков речь идет о нахских хонах. Косвенно подтверждается это тем, что Васак Мамиконян устанавливал дружеские связи с хонами через посредничество именно царя баласакан, одного из этнически родственных им горских народов Кавказа[54].

Главенствующая роль хонов в III–IV вв. признается и современными исследователями. Так, академик С.Т. Еремян отмечал, что термином *хон* в армянских

Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказ. Тифлис, 1908. С. 15.

[49] Севда Сулейманова. Транскаспийская дорога и история связей между Центральной Азией и Кавказом // Научные исследования Института Востоковедения им. З.М. Буниятова НАН Азербайджана. Баку, 2008. С. 320–325.

[50] Лазарь Парпеци. История Армении и Послание к Вагану Мамиконяну. Тифлис, 1904. С. 57.

[51] Варианты: hЕр, hЕрин.

[52] Елише. VII, 57.

[53] Адонц Н.А. Армения в эпоху Юстиниана... С. 423.

[54] Елише. VII, 57.

источниках обозначались горские кавказские народы, часто совершавшие нашествия на Армению[55]. Таким образом, если в I–II вв. н. э. племена, вторгавшиеся в Армению с севера через центральнокавказские перевалы, армянские авторы называют *аланами*, то в III–IV вв. н. э. их именуют *хонами.* По-видимому, в III–IV вв. н. э. произошло политическое возвышение хонов среди других племенных групп и народов Центрального Кавказа, и, возможно, именно в этот период им удалось распространить свое политическое влияние на этнически однородное с ними население соседних областей. По данным источников, хоны играли значительную роль в политических событиях того времени, вследствие чего термин *хон* помимо этнического значения приобрел более широкое политическое. При этом в собирательном смысле термин *хон* выступил синонимом другого собирательного термина – алан, хотя и не вытеснил его полностью. Такая ситуация нашла в сообщениях древнеармянских авторов о событиях III–IV вв., где вторгавшиеся в Армению горские племена называются то хонами, то аланами. В этих военно-политических событиях, согласно сведениям древнеармянских источников, хоны совместно с другими кавказскими народами принимали активное участие.

В III–IV вв. между двумя могущественными державами – Римской Империей и Сасанидской Персией, шли непрекращающиеся ожесточенные войны за господство над всем Южным Кавказом. В военные столкновения между Римом и Персией, происходившие с переменным успехом, разумеется, были вовлечены и народы Кавказа, которые в зависимости от складывавшейся военно-политической ситуации и исходя из своих собственных политических интересов, принимали ту или иную сторону. Основные военные действия между двумя империями разворачивались на территории Армении.

В результате междоусобной войны за престол, которая продолжалась около двух десятилетий, в апреле 226 г., победив в решающем сражении Артабана V, последнего представителя Аршакидской династии, на персидский престол вступает Арташир I Сасанид (226–241). С этого времени ведет отсчет Сасанидский период истории Персии. Стремясь вытеснить Рим из Азии, восстановить былую славу и границы Ахеменидской империи, Сасаниды начинают вести агрессивную внешнюю политику. Но осуществлению великодержавных замыслов Арташира I мешало серьезное препятствие в лице Армении, где правили представители армянской ветви Аршакидской династии, к которым примкнула парфянская знать и сыновья казненного Артабана V.

Армянский царь Трдат II Аршакид (216–256), опираясь как на свои войска, так и на силы народов Восточного Кавказа, не только отразил натиск Арташира I, но и, как сообщают Агатангелос, Мовсес Хоренаци и Дион Кассий, совершил ряд успешных вторжений в северные области Персии. По данным Агатангелоса, в 227 (228) г. «царь Армении Хосров[56] начал собирать армию и производить на-

[55] Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу»... С. 111.

[56] Армянский царь Трдат II (216–256), сын Хосрова I (198–216), в армянских источниках известен также под именем Хосров (*Хосров Великий*).

бор солдат. Собрав войска албанов и картлийцев и открыв Аланские и Чорские ворота, вывел войска хонов и напал на персидскую страну[57]».

Информирует об этом событии и Леонти Мровели: «Царем Армении стал Косаро. Косаро сей, царь армян, начал войну с персидским царем Касре. Пособлял ему Аспагур (царь Картли. – Г.Г.), отверз врата кавкасианов и вывел овсов, леков и хазар, и пришли они к царю Армении Косаро воевать против персов…[58]». Комментируя данное сообщение Леонти Мровели, исследователи отмечают, что из-за несовпадения периодов правления указанных царей (персидский – Касре-Шапур, армянский – Косаро-Хосров, картлийский – Аспагур) точная датировка данного события не представляется возможным[59]. К тому же Т.А. Габуев ошибочно полагает, что Леонти Мровели ведет речь о событиях первой половины IV в.[60] Несоответствия в сообщении Леонти Мровели вызваны тем, что грузинский историк в свойственной ему манере смешивает события разных времен, объединяет их. В данном случае таковыми являются вторжение в Персию в 227 (228) г. армянского царя Трдата II, которого Леонти Мровели, следуя Агатангелосу, называет Хосровым (Косаро), и завоевание Сасанидским царем Шапуром I (241–272) Армении, Кавказской Албании и Картли в 50-х гг. III в., когда царем Картли был Аспагур.

На самом же деле картлийцы, албанцы и горцы Восточного Кавказа принимали участие в войне против Персии на стороне Армении при царе Трдате II. Об этом походе на Персию 227 (228) г., оказавшемся успешным для объединенных сил Армении и народов Восточного Кавказа, и сообщают Агатангелос и Леонти Мровели. Вне всяких сомнений, грузинский автор использовал данные Агатангелоса, но при этом внес в них определенные дополнения. Так, если Агатангелос называет кавказских горцев общим именем хоны[61], то Леонти Мровели упоминает поименно овсов, леков и хазар. Это объясняется тем, что термин хон у Агатангелоса употреблен в собирательном смысле и был использован для обозначения горского населения, проживавшего как в южной (к северу от Картли и Албании), так и в северной части Главного Кавказского хребта. Очевидно, термин *хон* в своем собирательном значении охватывал нахское население не только к югу от Главного Кавказского хребта (пшавы, масаха-хоны, тушины, гудамакары и др.), но и центральных районов Предкавказья, а также некоторые дагестано-албанские племена Восточного Кавказа.

Судя по всему, помимо нахского населения термин *хон* включал в себя и ираноязычные племена Предкавказья, которые к тому времени уже, вероятно, рассели-

[57] Агатангелос. С. 16–17.

[58] Мровели Леонти. С. 37.

[59] См.: Мровели Леонти // Комментарии Г.В. Цулая. С. 75. Комм. 130; Габуев Т.А. Ранняя история алан... С. 48–49.

[60] Габуев Т.А. Указ. соч. С. 49.

[61] Анализируя данное сообщение Агатангелоса, Т.А. Габуев (см.: Ранняя история алан... С. 48) справедливо замечает, что «нахождение гуннов за Аланскими воротами, т.е. в Центральном Предкавказье в начале IV в. маловероятно». Однако мнение ученого о том, что «под гуннами, скорее всего, подразумевались аланы», вряд ли приемлемо, т.к. в пользу этого мнения нет никаких аргументов.

лись на подступах к Дарьяльскому ущелью. По-видимому, эти племена в составе хонских войск, принимали участие в походе на Персию, о чем и сообщает Леонти Мровели[62], уточняя, что войска горцев прошли не через Дарьяльские ворота, а через «врата кавкасианов». Все это указывает на то, что к моменту описанных грузинским историком событий существовало достаточно сильное самостоятельное государственное образование нахов во главе с хонами. Данное политическое объединение, как и занимаемая им территория, в письменных источниках получило название *Хон* (или *Масаха-хон*). Подтверждение всему этому находим и в последующих событиях, происходивших в регионе.

Через 20 лет после описанных выше событий Арташира I сменил на персидском троне его сын Шапур I (241–272). Одержав в 250–260 гг. победу в двух войнах с Римом, Шапур I установил свое господство над Арменией и всей восточной частью Южного Кавказа. В современной исторической литературе к странам Южного Кавказа, оказавшимися под контролем Персии обычно относят Армению, Картли и Кавказскую Албанию. При этом, почему-то вне поля зрения исследователей остается свидетельство о завоевании Шапуром I еще одной страны в восточной части Южного Кавказа. В трехъязычной надписи Кааба-и-Зардушт в Накш-и-Рустаме (SKZ), высеченной примерно в 262 г. на трех языках (пехлевийском, парфянском, греческом) в память о выдающихся победах Сасанидского царя Шапура I, в месте, где перечисляются покоренные Шапуром I страны, по-гречески можно прочесть: «…Я господин Ираншахра и владею следующими шахрами: Парс, Парфия, Хузистан, Месена, Асурестан, Адиабена, Аравия, Атурпатакан, Армения, *Иберия, Махелония, Албания* (выделено мной. – Г.Г.), Баласакан вплоть до гор Кап и Албанских ворот…[63]». В парфянском варианте надписи в качестве эквивалента греческой Махелонии приводится *Сикн* (*Syk(?)n*).

По поводу локализации страны Махелонии (Сик-н), упомянутой в надписи Кааба-и-Зардушт, были высказаны различные мнения. Одни ученые отождествляют Махелонию с армянской областью Сюник, другие – с царством гениохов и махелонов Арриана на восточном побережье Черного моря. Из-за слабой научной аргументации ни одна из этих версий не получила признания в исторической литературе. Лишь С.Т. Еремяну в статье, посвященной вопросу локализации Махелонии надписи Кааба-и-Зардушт, удалось доказать реальности существования наряду с «царством Махелонией и Гениохией» на Черноморском побережье и другой государственной единицы – Махелония, располагавшейся между Картли и Албанией[64].

---

[62] Вместе с тем, ввиду параллельного бытования терминов *овсы* и *хазары* использование Леонти Мровели термина *овсы* для обозначения лишь ираноязычных племен становится не столь однозначным. В вышеприведенном сообщении Леонти Мровели обозначает ираноязычные племена Предкавказья, скорее всего, термином *хазары*. Что же касается смыслового содержания термина *овсы*, то этот вопрос, видимо, пока следует оставить открытым.

[63] См.: Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969. С. 57. Кап – это Кавказские горы, а под Албанскими воротами в данном случае подразумевается Дербентский проход.

[64] Еремян С.Т. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт. ВДИ. М., 1967. №4. С. 47–79.

Локализация Махелонии между Картли и Албанией – от устья Алазани на юге до северокавказских долин, прилегавших с севера к Дарьяльскому ущелью на севере, полностью совпадает с территорией, на которой существовало политическое объединение кавказских горцев под главенством хонов. Поэтому надо полагать, что Махелония надписи Кааба-и-Зардушт, Хон армянских источников и Масаха-Хон Агатангелоса являются различными наименованиями одного и того же нахского государственно-территориального образования, тем более что в научной литературе Махелония надписи Кааба-и-Зардушт отождествляется с «осетинским названием Ингушетии, локализуемой по обе стороны Главного Кавказского хребта...[65]». Нет никаких сомнений также и в том, что в имени *Махелония* всплывает древний нахский этноним *махъалон* (*малхи-махли-махал-махалон*).

Как уже выше отмечено, в трехъязычной надписи Кааба-и-Зардушт *Махелония* греческого текста соответствует Сикн (*Sykn*) парфянского текста. Название *S'ykn (Сикн)* С. Сулейманова соотносит с согдийским словом *s'ykn*, которое переводится как *военный лагерь > замок*, что аналогично значению названий *Хундзах* (от персидского *гунд – войско*), *Эрети* (от шумерского *эри* – воин) и др.[66] Учитывая важное военно-стратегическое значение Махелонии: здесь пролегала линия укрепленных сооружений, упоминаемой в источниках различными названиями (*Врата кавкасиан*, *Дурдзукские ворота*, *Цилканские ворота*, *Врата хонов* (*Пахак хонк*), *ворота Дарубал* и т.д.), обозначение ее как военный лагерь, замок (*S'ykn*) вполне оправдано. Хотя, не исключено, что Сикн парфянской версии надписи следует читать как *Саник* (*Санар, Цанар*) – в пользу этого может говорить и то, что во II в. н. э. Птолемей назвал данную территорию Санарией. Позднее, начиная с V в., *Санар* (*Цанар*) вытесняет остальные названия и становится доминирующим при обозначении указанной территории.

В III–IV вв. ключевую роль в этом регионе, по-видимому, играли хоны, а возглавлявшееся ими политическое объединение принимало активное участие в событиях, происходивших на Южном Кавказе. В 298 г., потерпев поражение от римских войск, Персия на основании заключенного в том же году Мцбинского (Нисибисского) договора признала покровительство Римской империи в отношении Армении и восточной части Южного Кавказа и отказалась от каких-либо активных военно-политических действий. Согласно этому договору, армянский царь Трдат III Великий в 298 г. фактически воцарился над всей объединенной Великой Арменией, распространив свою власть и на Атрпатакан. Одновременно Трдат III приступил к выполнению функций контроля и охраны Кавказских проходов – Дарьяльского и Дербентского, традиционно возлагавшихся Римом на армянских царей. Все это неизбежно привело к усилению военно-политического и культурного влияния Армении на царства и княжества региона. Царствование Трдата III ознаменовано не только принятием Арменией христианства в качестве государственной религии, но и распространением христианства на Восточное За-

[65] История Дагестана. Махачкала, 1996. С. 126.

[66] Севда Сулейманова. Транскаспийская дорога… С. 325.

кавказье и созданием здесь структурированной церковной иерархии во главе с армянским католикосом (см. выше).

Однако период доминирования Римской империи на Южном Кавказе продолжался недолго. Персидский царь Шапур II (309–379) предпринимает активные шаги с целью восстановления былого могущества Сасанидской империи и привлечения на свою сторону горских народов Кавказа. После смерти армянского царя Трдата III в 330 г. хоны вместе с другими горскими народами Центрального и Восточного Кавказа в союзе с Сасанидами приняли участие в их борьбе с Римской империей (с 330 г. – Византией) и ее союзником Арменией.

В 335 г. отряды горцев Кавказа, объединившись под началом маскутского царя Санесана, по наущению Сасанидского царя Шапура II совершают нападение на Армению: «В то время маскутский царь Санесан, … собрал все войска, – хонов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глуаров, гугаров, шичбов и чилбов, и баласичев и егерсуанов и … все множество войск, которым он повелевал. [Он] перешел свою границу, большую реку Куру, пришел и наводнил армянскую страну[67]».

Данному сообщению армянского историка Фавста (Фавстоса) Бузанда в научной литературе уделено достаточно много внимания, однако выводы, сформулированные некоторыми исследователями на основе извлеченных из этого текста фактов, зиждутся, к сожалению, на источниковедческих и текстологических ошибках. Так, со ссылкой на русскоязычные издания «История Армении» Фавста Бузанда, где в сообщении о битве под Валаршапатом среди многонациональных войск Санесана названы аланы (армянские войска «набросились, били, громили войска аланов и мазкутов, и гуннов, и других племен[68]»), Ю.С. Гаглойти приходит к следующим выводам: «…Во-первых, армянский историк отождествляет алан и маскутов (массагетов). Во-вторых, аланы-маскуты, возглавлявшие это вторжение и стоявшие, очевидно, во главе большого племенного объединения, этнически четко отделяются от других кавказских племен, принимавших участие в этом вторжении …У Фавстоса Бузанда племенное название алан не служит собирательным термином, а означает этнически определенное племя[69]».

Однако участие алан в войсках маскутского царя Санесана ничем не подтверждается, и для специалистов-арменоведов нет сомнения, что в данном тексте Фавста Бузанда речь идет о кавказских албанцах. В большинстве рукописей «Истории Армении», хранящихся в Матенадаране (Ереван) и в Библиотеках мхитаристов в Венеции и Вене, в процитированном выше отрывке вместо слова аланы использовано слово албаны: «[армянские войска] набросились, били, гро-

[67] Фавст Бузанд. III, 7 (Յայնմ ժամանակի թագաւորն Մազքթաց Սանէսան … զումարեաց ժողովեաց զամենային զօրս Հոնաց և Փոխաց, Թաւասպարաց, Հեճմատակաց, Իժմախաց, Գաթաց, և Գղուարաց, Գուգարաց, Շչբաց, և Ճղրաց և Բաղասճաց և Եգերսուանացն և … որում միանգամ ինքն իշխէր զօրացն բազմաց: Եկն անց ըստ իւր սահմանն ընդ գետն մեծ ընդ Կուր, և եկն տարածեցաւ ելից զերկիրն Հայոց աշխարհին).

[68] Там же.

[69] Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин... С. 152–154.

мили войска албанов и мазкутов и гуннов[70]». Для арменоведов очевидно, что в данном тексте речь идет о кавказских албанцах, о чем свидетельствует и Мовсес Каланкатваци, называя, вторгшиеся в Армению войска маскутского царя албанскими. Подтверждает это и источниковедческий анализ текста Фавста Бузанда. Известный арменовед Б.А. Арутюнян пишет в связи с этим: «Фавстос с определенностью отождествляет Албанию со страной мазкутов, значит, мазкутские Аршакиды только в силу традиции называются также албанскими, потому что вся территория Албании составляет часть мазкутского царства Аршакидов. Санесан является фактически царем Албании, а воюющие против армян в его войске аланы – в действительности албанцами. Это часто встречающаяся в источниках того периода путаница[71]».

Впрочем, даже если гипотетически допустить, что аланы все же участвовали в нашествии на Армению, то и тогда трудно согласиться с выводами Ю.С. Гаглойти. Во всяком случае, к данным источника они не имеют никакого отношения, что уже было отмечено в исследовательской литературе[72]. Действительно, совершенно непонятно, из чего исходит Ю.С. Гаглойти, утверждая, что Фавст Бузанд отождествляет аланов и маскутов[73], поскольку армянский историк не дает для этого никаких оснований – напротив, он называет эти два народа по отдельности, тем самым показывая, что он их считает разными народами. Не выдерживает критики и утверждение Ю.С. Гаглойти о том, что «у Фавстоса Бузанда племенное название алан не служит собирательным термином, а означает этнически определенное племя», потому что, во-первых, в оригинале источника отсутствует термин алан, а во-вторых, в другом месте своей работы ученый полностью опровергает свое же мнение, отмечая, что у Фавста Бузанда «имя гуннов (арм. хон-к) является … собирательным названием различных по своей этнической принадлежности северокавказских племен, входящих в аланский племенной союз[74]». Правда, приходится только гадать, как хоны Фавста Бузанда оказались в аланском племенном союзе, но если согласиться с таким взглядом, то придется признать, что термин алан был применен автором «Истории Армении» в собирательном значении и

[70] Матенадаран. Рук. №№ 1867, 3071, 1482, 3079, 4584; Библиотека Венских Мхитаристов. Вена, Рук. № 904.

[71] Арутюнян Б.А. Когда отсутствует научная добросовестность // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинции Армении. Ереван, 1991. Т. I. С. 379.

[72] См.: Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986. С. 35–36.

[73] Надо полагать, наверное, что Ю.С. Гаглойти априори исходит из ираноязычности прикаспийских маскутов и северокавказских алан. Однако даже в таком случае вряд ли стоит придумывать новое племя по имени алано-маскуты, более того – приписывать эту выдумку Фавсту Бузанду, тем более что северокавказские аланы имеют к маскутам Прикаспия такое же отношение, как, например, ираноязычные таджики и персы.

[74] Аланика. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах. Составление и комментарии Ю.С. Гаглойти // «Дарьял». Владикавказ. № 1–4, 1999; № 1–3, 2000. С. 90. Комм. 6.

включал в себя, по словам самого же Ю.С. Гаглойти, этнически различные северокавказские племена.

В научной литературе можно встретить еще одно подобное недоразумение. Нередко в качестве доказательства присутствия алан в войсках маскутского царя Санесана приводится имя маскутского воина *Анариска*, будто бы сохранившееся у Мовсеса Каланкатваци и якобы означающее на иранском языке *не знающий боли*[75]. В арменоведческой литературе давно уже выявлено, что это ошибочный перевод фразы Агатангелоса *Anari hska* (*Анари ска*), которая на древнеармянском означает безобразный (*исполин*) *великан* и только в переводе К. Патканяна представлена как имя. Во всех рукописях и печатных изданиях оригинала «Истории Албании» Мовсеса Каланкатваци эта фраза читается как *otn anari ska* (*вомн анари ска – некий исполин безобразный*[76]) и соответствует фразе из «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци *Anari otn ska – некий* (*чудовищный*) *безобразный исполин*[77].

Тем не менее, нельзя, разумеется, полностью исключать присутствие в составе войск Санесана ираноязычных племен Центрального Предкавказья. Данные племена могли входить в объединение хонов, но это пока лишь ничем не подтвержденное предположение[78].

В 336 г. в сражении при Ошакане, недалеко от второй столицы Армении Валаршапата, армянские войска разбили армию маскутского царя Санесана. В «Истории» Мовсеса Хоренаци это событие описано коротко – как нашествие на Армению объединившихся «северных жителей Кавказа», без перечисления участвовавших в этом вторжении народов и без упоминания имени возглавлявшего поход царя[79]. В свою очередь, Мовсес Каланкатваци, автор «Истории Албании», сообщая об этом нашествии, называет маскутского царя албанским и именует его Санатруком.

Основываясь на несовпадениях в приведенных выше сообщениях о нашествии маскутского царя на Армению в 335 г., некоторые исследователи, следуя сложив-

[75] Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин... С. 154; Габуев Т.А. Ранняя история алан... С. 51.

[76] Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк (на древнеарм. яз). Ереван, 1983. С. 186. Комм. 59 (далее Мовсес Каланкатуаци).

[77] Мовсес Хоренаци. III, 9. Возможно, древнеармянское слово *h*скай (*hskai*) – *исполин*, *великан*, происходит от иранского *сак* (*саки*). В армянском языке, как, впрочем, и в любом другом языке, есть много слов, заимствованных из других языков – хуррито-урартских, иранских, семитских и др. Однако вряд ли оправдано через сотни, а то и тысячи лет в носителях этих слов в среде армянского этноса видеть представителей того этноса, с языка которого они когда-то были заимствованы.

[78] Из-за отсутствия предмета обсуждения (в оригинале источника не упоминаются аланы, и речь идет об албанцах) можно было бы не уделять столько внимания этому вопросу, если на основе сообщения Фавста Бузанда о якобы участии ираноязычных алан в войсках Санесана в исследовательской литературе не делались бы выводы, не имеющие никакого отношения ни к самому источнику, ни к реальной исторической действительности. К сожалению, эти ошибочные положения переходят из одной работы в другую и все чаще появляются в новых исследованиях.

[79] Мовсес Хоренаци. III, 9.

шейся традиции, склонны считать все упоминания армянских источников о хонах до 395 г. анахронизмами, таким образом, ставя под сомнение участие в военных действиях как хонов, так и других народов, перечисленных Фавстом Бузандом. По мнению А.В. Гадло, в рассказе Фавста Бузанда речь идет о каком-то другом крупном вторжении тюркоязычных гуннов в Армению, имевшем место после первого вторжения кочевников Прикаспия 395–396 гг. и не нашедшем отражения в других источниках[80].

Однако в основе данного предположения лежит ошибочное отождествление маскутского царя Санесана Фавста Бузанда с Аршакидом Санатруком Мовсеса Хоренаци и Мовсеса Каланткатваци. Дело в том, что Аршакид Санатрук не имеет никакого отношения к маскутскому царю Санесану, вторгнувшемуся в Армению. Санатрук Аршакид – это армянский князь, наместник армянского царя в области Пайтакаран. Подстрекаемый персидским царем, он провозгласил себя царем Армении и выступил против правившего царя. Как сообщает Мовсес Хоренаци, Санатрук с целью распространения своей власти «подстрекал по тайному велению персидского царя Шапуха» маскутского царя Санесана Аршакида напасть на Армению[81]. Сам же Санатрук находился в это время в Персии, у приютившего его Шапура II, и не участвовал в нашествии на Армению.

Хонов, принимавших участие в нападении на Армению в составе войск Санесана, нельзя сопоставлять с гуннами, представлявшими гуннское царство в Дагестане, как это предлагает В.И. Кузнецов[82]. Дело в том, что у Фавста Бузанда речь идет о событиях, имевших место в 30-х гг. IV в., т.е. гораздо раньше, чем на Кавказе появились тюркоязычные гунны (конец IV в.), и задолго до возникновения гуннского царства в Дагестане (VI–VII вв.). Кроме того, следует обратить внимание на одно важное обстоятельство: в этом вторжении хоны играли не главную роль, а наряду с другими кавказскими племенами являлись лишь составной частью войска албанского царя Санесана, что совершенно не вяжется с характером тюркоязычных гуннов, которые, установив свое политическое господство в северо-западной части Прикаспия, должны бы были стать в этой войне основной действующей силой. Если бы тюркоязычные гунны приняли участие в нападении на Армению, то это, безусловно, явилось бы столь значительным событием, что не смогло бы остаться вне поля зрения армянских историков, которые не преминули бы указать на роль в нем тюркоязычных гуннов. Напротив, как справедливо отмечает К.В. Тревер, армянские историки, начиная с Фавста Бузанда, «говоря о хонах, никак не выделяют их, а называют в одной связи и наравне, не отмечая особенностей их внешнего облика и быта с племенами несомненно кавказского происхождения, как тавасары, хечматаки, гугары, чилбы, баласичи и др[83]».

Все упоминаемые Фавстом Бузандом кавказские племена известны и из других источников и находят надежную локализацию. Их перечисление начинается

---

[80] Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа... С. 36–37.

[81] Мовсес Хоренаци. III, 9 (подробно см.: Арутюнян Б.А. Когда отсутствует научная добросовестность... С. 379–380; Акопян А.А. Албания-Алуанк… С. 108).

[82] Кузнецов В.А. Очерки истории алан... С. 67.

[83] Тревер К.В. Очерки по истории и культуре… С. 192.

с хонов и заканчивается баласичами и егерсванами[84], т.е. идет с северо-запада на юго-восток – от Дарьяльского перевала (хоны) до области Баласакан (баласичы) на берегу Каспийского моря. При этом примечательно, что следующими после хонов упомянуты похи, т.е. пшавы (похи – чеченское название пшавов), которые были южными соседями хонов. Данный факт служит еще одним подтверждением того, что в сообщении Фавста Бузанда речь идет именно о кавказских (вайнахских) хонах, а также о других горских племенах Центрального и Восточного Кавказа, находившихся в то время в союзе с маскутским (албанским) царем Санесаном или в зависимости от него. Этим и объясняется то, что Мовсес Каланкатваци называет горские племена общим, собирательным именем албанцы, а Мовсес Хоренаци – *жителями Кавказа, северянами* (см. ниже).

Разбив в сражении при Ошакане войска албанского (маскутского) царя Санесана, Армения, по-видимому, вернула себе верховенство и контроль над южной частью Восточного Кавказа, в том числе и над Хонскими (Аланскими) воротами. Поэтому в середине 50-х гг. IV в. военные отряды кавказских горцев, в том числе и хонов, воевали против персов уже на стороне армянского царя Аршака (350–367[85]). Однако в 60-х гг. IV в. Сасанидскому царю Шапуру II удалось переломить ситуацию в свою пользу: в результате нескольких удачных военных акций, направленных против Византии, он смог отторгнуть и присоединить к Персидской империи ряд областей – Гугарк, часть Утика, Арцах и простиравшуюся от Арцаха до Каспийского моря провинцию Пайтакаран. Таким образом, Персия вновь установила свое господство над восточной частью Южного Кавказа и существовавшими здесь политическими образованиями (царствами и княжествами), которые уже в качестве союзников Персии приняли участие в войне против Византии.

В 371 г. Шапур II объявляет войну Византийской империи и в очередной раз вторгается в Армению. Решающая битва между войсками двух империй и их союзниками произошла весной 371 (или 372) г. в Армении, на поле Дзирав, расположенном в области Багревант, у северного подножья горы Нпат. В армянском агиографическом памятнике V в. «История армянского патриарха св. Нерсеса Партева» среди союзников Персии, принимавших участие в этом сражении, упоминается царь хонов Урнайр, возглавлявший объединенное войско горцев Кавказа:

---

[84] Ю.С. Гаглойти, ошибочно отождествляя егерсуанов Фавста Бузанда с егерами (мегрелами) и сванами Западного Закавказья, приходит к не менее ошибочным выводам о вхождении мегрелов и сванов в Маскутское царство Санесана («в аланский (маскутский) союз» (?! – Г.Г.) и о «распространении влиянии алан на Западную Грузию» (см.: Аланика. Сведения греко-латинских, византийских… С. 91. Комм. 9). В действительности егерсуаны Фавста Бузанда не имеют никакого отношения к егерам (мегрелам) и сванам Западной Грузии. Егерсуанами Фавст Бузанд называет население, проживавшее в бассейне двух рек Кавказской Албании, впадающих в Каспийское море, – Герр (Джерр) и Соаны, о которых сообщают также Птолемей и автор «Ашхарацуйца» (см.: Еремян С.Т. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт... С. 63; Акопян А.А. Албания-Алуанк… С. 94).

[85] Фавст Бузанд. IV, 25.

«Յետ այսորիկ ‘ի թիկունս կոչեր թագաւորն Պարսից Շապուհ զթագաւորն Հոնաց զՈՒռնայր, և բանայր զդուռն Ալանաց, և ժողովեցան առ նա զորքն Հոնաց և Մազքթաց և Ազուգաց, և Լփնաց, Թաւմատկաց և Գուբուրէից, Ճմահաց, Գուգարաց, ՈՒղաց, Ճուճաց, Շղբաց, Մաղազճաց, Գերաց, Կուանաց, և այլ …»

«Персидский царь Шапух призвал с тыла царя хонов Урнайра и открыл Аланские ворота[86], и собрались к нему войска хонов и маскутов и агугов и лпинов, товматков и губуров, чмахов, гугаров, улов, чучов[87] чилбов, малазчов, heров, куанов, и другие…[88]».

Описание этой битвы дано в трудах армянских авторов Мовсеса Хоренаци, Фавста Бузанда и Мовсеса Каланкатваци, а также римского историка Аммиана Марцелина[89]. Однако если в «Истории» св. Нерсеса Партева царь Урнайр, участвовавший в Дзиравской битве на стороне персов, является царем хонов, то Мовсес Хоренаци, Фавст Бузанд и Мовсес Каланкатваци называют его албанским царем, современником армянского царя Папа (369–374). При этом ни Мовсес Хоренаци, ни Фавст Бузанд не уточняют состав войск персидского царя Шапура II и не указывают на участие в Дзиравской битве хонов, равно как и других кавказских народов, перечисленных в «Истории» св. Нерсеса Партева. Правда, им известно, что албанский царь Урнайр возглавлял объединенные силы горцев Кавказа, однако сообщают они об этом кратко, в частности, называя среди горцев «храброго Шергира, царя леков[90]».

---

[86] В переводе на русский язык данный отрывок из «Истории армянского патриарха св. Нерсеса Партева» был опубликован Р.А. Габриелян (Армянские источники об аланах. Ереван, 1985. Вып. 1. С. 47), где в перечень племен включены и аланы. Однако аланы не упоминаются ни в одном из известных текстов «Истории» св. Нерсеса Партева, нет их и в древнеармянском тексте, на который ссылается издатель. К сожалению, эта досадная ошибка перекочевала и в ряд исследовательских работ.

[87] Большинство перечисленных в «Истории» св. Нерсеса Партева» восточнокавказских этнических наименований упоминаются и в других средневековых источниках, однако некоторые приводятся в данном тексте впервые и не известны из других источников. Среди них название *чучи*, которое, кажется естественным сопоставить с нахским этнонимом *чечен*, тем более что с лингвистической и историко-географической точки зрения такая связь представляется вполне правомерной. Конечно, при этом следует иметь в виду, что в IV в. термин *чучи* (*чечен)* обозначал, наверное, одну из нахских родоплеменных групп, и лишь позднее, в иноязычной среде он стал названием сформировавшегося нахского народа – чечены. Во всяком случае, перед нами, возможно, наиболее древнее из известных нам упоминаний в письменных источниках этнонима чечен.

[88] История армянского патриарха св. Нерсеса Партева (на древнеарм. яз.) Венеция, 1853. С. 70. Вариант Б: «хечматаки, бугоры, ичамахи, чучи, гуа, глуары, магуги, узы, шилбы, чилбы, мазаваны, гесы, соараны и другие» (История армянского патриарха св. Нерсеса Партева... С. 85).

[89] Мовсес Хоренаци. III, 37; Фавст Бузанд. V, 4; Аммиан Марцелин. XXIX, 2–5; Мовсес Каланкатваци. I, 13.

[90] Мовсес Хоренаци. III, 37; Фавст Бузанд. V, 4.

Историчность албанского царя Урнайра, принимавшего участие в Дзиравском сражении, не вызывает сомнений. Среди албанских царей под этим именем известны двое: первый – принявший христианство и современник армянского царя Трдата III, второй – современник вышеупомянутого царя Папа. В то же время нет никаких оснований не верить сообщению «Истории» св. Нерсеса Партева, в котором говорится о том, что Урнайр – царь хонов. Данное сообщение ценно еще и тем, что, по-видимому, восходит к самому Нерсесу Партеву, который, будучи католикосом Армении, принимал самое активное участие во всех важных политических событиях того времени. Например, в день Дзиравского сражения он находился вместе с армянским царем Папом и с горы Нпат наблюдал за ходом битвы.

О том, что царь хонов Урнайр Нерсеса Партева и царь Албании Урнайр Мовсеса Хоренаци и Фавста Бузанда – одно и то же лицо, ясно свидетельствуют слова, вложенные в уста Урнайра перечисленными авторами. Так, согласно Фавсту Бузанду, албанский царь Урнайр обращается к персидскому царю Шапуру с просьбой разрешить ему выступить со своим отрядом против армян: «…Окажи милость и прикажи мне в виде награды самому со своим отрядом выступить против армянского войска царя Папа, ибо персидским войскам подобает выступить против греческих войск, а я со своим отрядом выступлю против армянских князей[91]». По данным Нерсеса Партеви с аналогичной просьбой обращается к персидскому царю хонский царь Урнайр[92].

Приведенные выше сообщения древнеармянских авторов кажутся противоречивыми из-за того, что в них одно и то же историческое лицо – Урнайр, называется то царем хонов, то царем албанцев. Данное противоречие объяснимо. Дело в том, что в античных и армянских источниках термин Албания (албанцы) имел географический, собирательный, смысл, не нес конкретного этнического содержания – употреблялся для обозначения многочисленных племен и народов, обитавших на территории исторической Албании. Например, согласно известному сообщению Страбона, в Албании проживали 26 племен. Несомненно, население Албании состояло из этнически близкородственных дагестанских народностей, однако в силу ряда обстоятельств слияния этих народностей не произошло, и термин албанцы, оставшись лишь собирательным этниконом, так и не стал самоназванием единого народа или жителей одной страны. Каждая народность Албании сохраняла свою этническую индивидуальность, свою изолированность и свой этноним[93], в связи с чем, древнеармянские авторы для обозначения населения этой страны, помимо собирательного термина албанцы часто используют термины

[91] Фавст Бузанд. V, 4.

[92] История армянского патриарха св. Нерсеса Партева... С. 71. Стремление хонского (албанского) царя Урнайра непременно выступить против войск армянского царя Папа, возможно, указывает на события, имевшие место раннее и приведшие к разрыву отношений между хонским и армянским царствами, в результате чего эти царства оказались в разных военно-политических лагерях.

[93] Такая этнополитическая ситуация существует здесь и по сей день, с той лишь разницей, что древнее собирательное название страны – *Албания*, сменилось на другое, тоже собирательное – *Дагестан* (*страна гор*).

горные жители Кавказа, *множество разношерстных кочевых племен Кавказа*, *северяне, горцы севера*, горцы Кавказа[94].

Древнеармянские источники независимо друг от друга приводят более двадцати названий албанских племен и народов, подавляющее большинство которых находят надежную локализацию. Перечисленные армянскими авторами албанские этнонимы известны также и более поздним, арабским, авторам и находят свое подтверждение в этнонимии современных народов Дагестана. Все это свидетельствует об историчности данных названий и о достоверности содержащихся в армянских источниках сведений о проживании в Албании их носителей[95].

Многие албанские племена и народы образовывали свои царства и княжества, которые затем вступали между собой в союзы для совместного отражения внешней угрозы или совершения внешних военных акций. Разумеется, между этими царствами и княжествами разворачивалась борьба за первенство, в ходе которой тот или иной народ (или группа племен) политически возвышался, на какое-то время объединяя под своей властью население всей территории Албании. При этом этническое наименование народа, возглавившего такое объединение, приобретало политический смысл и применялось для обозначения населения Албанского царства, выступая синонимом собирательного термина *Албания* (*албанцы*).

Изменения, происходившие с указанными терминами, хорошо прослеживаются в античных и древнеармянских источниках. Так, Страбон для обозначения населения Албании использует термины *албанцы* и *леги* (*гелы*), являющиеся равнозначными и взаимозаменяемыми[96]. В армянских источниках для обозначения Албанского царства, помимо термина *Албания* использованы также этнические наименования народов, господствовавших в тот или иной период. Среди них и термин *гаргар*, применявшийся для обозначения Албанского царства, заменяя при этом термин *Албания*[97]. А распространение на всю Албанию власти маскутского царя привело к тому, что для обозначения Албании стал использоваться термин *маскутк*. И если, например, Фавст Бузанд просто перечисляет горские племена и народы, объединенные под властью маскутского царя Санесана, то Мовсес Каланкатваци называет эти племена собирательным именем *албанцы*, а самого маскутского царя – *албанским*. Мовсес Хоренаци же именует эти племена *северными жителями Кавказа*. И в данном случае тот факт, что царь хонов Урнайр назван албанским царем, следует воспринимать свидетельством установления к тому периоду политического господства хонов над Албанией и объединения албанских царств и княжеств под главенством хонского царя Урнайра.

В подтверждение вышесказанного отметим также следующее. На территории Албании всегда проживало множество племен и народов, которые не были этнически монолитными, поэтому довольно сложно говорить о внутриполитической

---

[94] Мовсес Хоренаци. II, 84, 85. III, 3, 9; Фавст Бузанд. III, 7.

[95] См.: Еремян С.Т. Опыт восстановления … С. 271; Акопян А.А. Албания-Алуанк… С. 75–81.

[96] Str. XI, 5,1.

[97] Гумба Г.Д. Кавказская Албания по «Ашхарацуйцу»... С. 35–36.

стабильности Албанского царства и об устойчивости его границ, которые менялись в зависимости от того, насколько могущественным был народ, получавший в тот или иной период верховенство и политическую власть в стране. Если южные и юго-западные рубежи Албании того времени более или менее устойчивы и без труда определяются по данным античных и армянских источников, то установить ее северо-западные и северные границы весьма непросто. Ориентировочно эти границы проводятся в зависимости от локализации племен и народов, называемых армянскими источниками в составе Албанского царства. Судя по данным этих источников, пределы Албанского царства в различные периоды охватывали не только большую часть горного Дагестана, но и районы Центрального Кавказа, включая области расселения нахских племен.

В III – начале IV вв. границы Албании доходили на северо-западе до верховьев Алазани и Иори. Здесь, у излучины Алазани (соврем. Ахметский район Грузии), территория Албании заканчивалась, и начинались земли нахских тушин (масахов) и пшавов. Однако уже в 30-х гг. IV в. пшавы (похи) и их соседи хоны (масаха-хоны), как утверждает Фавст Бузанд, известны среди народов Албанского (маскутского) царства, которым повелевает царь Санесан. Данный факт, безусловно, свидетельствует о том, что в тот время политическое влияние маскутского (албанского) царя Санесана распространилось и на нахские племена хонов и похов (пшавов).

После поражения персов и гибели маскутского царя Санесана в битве при Ошакане (335/336 г.) письменные источники уже не упоминают о маскутах – надо полагать, они сошли с политической арены Албании. В след за этими событиями в Албании неизбежно должна была произойти очередная перегруппировка политических сил. Судя по всему, первенство перешло к хонам (масаха-хонам), которые распространили свое политическое влияние на население Албании, т.е, Албанское царство возглавил хонский царь, а термин хон стал применяться в собирательном значении для обозначения Албанского царства.

Таким образом, становится понятным, почему царь Урнайр, возглавлявший объединенные войска Албании (или горцев Восточного Кавказа) в битве при Дзираве (371 г.) в «Истории» св. Нерсеса Партева назван хонским царем, а в сочинениях Мовсеса Хоренаци и Фавста Бузанда – албанским царем. Все дело в том, что в период военно-политического объединения племен и народов, в том числе царств и княжеств Албании под главенством хонского царя, термины *хон* и *албан* стали синонимами и использовались для обозначения Албании и ее населения в целом.

В свете вышесказанного проясняется также и вопрос о том, почему среди четырех бдешхов, сопровождавших армянского царя Трдата III в его поездке к византийскому императору Константину, Агатангелос называет *бдешхом масаха-хонов*. В армянской версии Агатангелоса данному титулу соответствует *бдеших маскутов*[98]. Титул *бдеших* (*бдеаших*) в древней Армении присваивался правителям четырех важнейших пограничных областей царства Великой Армении – Алдзника, Кордука, Нуширакана и Гугарка. Бдешхи были крупнейшими наследственными землевладельцами, стоявшими выше нахараров (князей), которые, однако

[98] Agathange Historie, 1870. C. 187.

(скорее всего, при Тигране II Великом), признали суверенитет армянских царей. В государственной иерархии Армении бдешхи занимали первые четыре места после царя. Главной задачей бдешхов являлась защита границ Армении от внешних врагов. Традиционно, еще со времени правления армянского царя Арташеса I (189–160 до н.э.) функции бдешха северной пограничной области возлагались на правителей Гугарка. В обязанность бдешхов Гугарка входила защита северных пределов Армении – т.е. охрана Кавказских проходов. В период могущества Армении, при царе Тигране II Великом, была укреплена цепь оборонительных сооружений от Жинвали (Сарматские, Цилканские ворота) вдоль Тианети до низовья Алазани, известная как *Дурдзукские врата*, *Пахак хонов* (*Врата хонов*) (см. выше). В этих укрепленных приграничных местах стояли войско, подчиненные правителю (бдешху) Гугарка. Тогда же территория левобережья реки Арагви – от Цилканских (Циканских) ворот (около Жинвали) до устья Алазани, была включена в состав Армении.

Присвоение правителю масаха-хонов титула *бдешха* и возложение на него охраны кавказских перевалов имело место, скорее всего, в первые годы царствования Трдата III, который, в свою очередь, нес ответственность за свои действия перед Римской империей. Косвенным подтверждением тому является факт пребывания Трдата III у масаха-хонов (Дурдзукети), засвидетельствованный древнегрузинскими источниками. Так, в «Обращении Грузии» сообщается, что, будучи в этих местах, «царь Трдат вернул и крестил» эрцо-тианетцев, чартальцев, пховцев, цилканов и других горцев, которые раннее ушли в Тушетию, опасаясь крещения[99].

Пожалование Трдатом III титула бдешха правителю хонов (масаха-хонов) было вызвано, несомненно, главенствующей ролью хонов в регионе и их военно-политическим превосходством. Включение предводителя масаха-хонов в число придворных армянского царя следует рассматривать не только как дань традиции, согласно которой Арменией в то время считалась вся восточная часть Южного Кавказа, но и как отражение реальной военно-политической ситуации: нахские хоны (масаха-хоны) тогда контролировали проходы Центрального Кавказа (отсюда название пахак хонов – ворота хонов). Таким образом, сообщение Агатангелоса об участии правителя масаха-хонов в качестве бдешха в визите Трдата III к византийскому императору Константину вполне обосновано.

После смерти Трдата III (330 г.) ситуация кардинально меняется – нахские хоны в составе коалиции маскутского царя Санесана вторгаются в Армению. Как показывают последующие события, поражение Маскутского царя в этой войне имело далеко идущие последствия. Победа Армении над объединенными войсками маскутов, албанов и хонов (масаха-хонов), а также гибель маскутского царя Санесана Аршакида имела важное военно-стратегическое значение. Благодаря ей изменилась расстановка военно-политических сил в регионе. С одной стороны, пошатнувшаяся было позиция Армении вновь усилилась; с другой стороны, на смену сошедшему с политической арены Маскутскому царству выдвинулось объ-

[99] Обращение Грузии. С. 85.

единение хонов, начавшее устанавливать свое господство и над Албанией, в связи с чем, как было отмечено выше, древнеармянские авторы называют хонского царя также и царем Албании.

О политической перегруппировке, произошедшей в Албании после битвы под Валаршапатом в 335/336 г., можно прочесть и в сообщениях Фавста Бузанда. Однако при этом следует помнить, что, согласно многих источников, царствовавшие в Персии, Армении, стране маскутов и стране кушан династии ведут начало от парфянского рода Аршакуни (Аршакиды) и все их представители считались родственниками. Так, Фавст Бузанд маскутского (албанского) царя Санесана называет братом армянского царя Хосрова («армянский царь Хосров уклонился от встречи со своим братом, то есть мазкутским царем Санесаном[100]»). Когда же после битвы под Валаршапатом Хосрову принесли отрубленную голову Санесана, то он сильно разгневался, а затем «расплакался и сказал: «Братом он был моим, родом Аршакуни[101]».

Совершенно иная ситуация наблюдается в отношениях армянского царя Папа и хонского (албанского) царя Урнайра. Согласно Фавсту Бузанду после битвы при Дзираве (371 г.) царь Пап был разгневан по поводу именно того, что полководец Мушег Мамиконян не убил на поле боя хонского царя Урнайра, а даровал ему жизнь и поэтому обвинил полководца в предательстве. Здесь ничего не сказано о принадлежности хонского царя Урнайра к роду Аршакуни и о его родственных связях с армянским царем. Как сообщает Фавст Бузанд, Мушег Мамиконян лишь говорит: «Я на царя, на человека, носящего венец, не поднимал, не поднимаю и не подниму руки[102]», т.е. он сохранил Урнайру жизнь лишь потому, что тот был царем и носил венец. А если бы Урнайр принадлежал к роду Аршакуни, т.е. был бы братом армянского царя, то в своем ответе ему непременно привел бы этот веский аргумент в свое оправдании.

Вышесказанное свидетельствует о том, что после поражения в Ошакане в 336 г. маскутские Аршакиды потеряли власть над Албанией и на смену им пришли нахские хоны (масаха-хоны), которые установили здесь свое господство, а их правители получили титулы царей Албании. Таким образом, в середине IV в. нахские хоны, расширив границы своих владений от центральных районов Северного Кавказа до устья реки Куры и побережья Каспийского моря, превратили свое царство в одно из ведущих государств Кавказа.

Начиная с V в. кавказские хоны (масаха-хоны) больше не упоминаются в письменных источниках. На территории, расположенной между Картли и Албанией – от устья Алазани на юге до прилегающих с севера к Дарьяльским воротам областей на севере – термина *цанар* прочно заменил термин *хон* (*масаха-хон*). Это связано с политико-административными изменениями, осуществленные Сасанидами на Южном Кавказе в конце V в. На подвластных им землях Сасаниды провели политико-административную реформу в целях введения прямого правления.

---

[100] Фавст Бузанд. III, 7.

[101] Там же.

[102] Фавст Бузанд. V, 4.

В 428 г. было упразднено Армянское Аршакидское царство и вся восточная часть Южного Кавказа вместе с Восточной Арменией была выделена в отдельную административную единицу Кустак Капкох (Кавказский край), которая, в свою очередь, была разделена на области (марзпанства).

Албанское царство, возглавляемое хонской династией и включавшее в себя нахские и дагестанские объединения, оказало Персидской империи наиболее упорное и длительное сопротивление. Данное обстоятельство следует, наверное, объяснять тем, что к тому времени Албанское царство представляло собой достаточно могущественное государственное объединение. Армянский историк Елише сообщает, например, что «одиннадцать горских царей» Кавказа, объединившись для защиты своей независимости, подняли восстание против Сасанидов[103]. Возглавлял объединенное войско горцев Кавказа албанский царь Вачэ, который, судя по всему, являлся представителем хонской династии. Разгромив посланные против них персидские войска, горцы освободили свою страну. После неоднократных и безуспешных попыток подавить восстание Сасанидский царь Пероз (459–484) обратился за помощью к тюркоязычным гуннам, отправив им «много сокровища[104]», после чего в Албанию со стороны Северо-Западного Прикаспия вторглись гунны, а с юга – персы. Горцы во главе с царем Вачэ в течение года противостояли многократно превосходившим их силам противника, нанося им ощутимый урон. Однако около 462 г. Сасанидам с помощью гуннов-хайландуров в конце концов удалось подавить сопротивление горцев[105].

Одержав победу, Сасанидский царь Пероз упразднил царство хонов (Албанское царство) и все одиннадцать горских царств и княжеств Восточного Кавказа, которые воевали против Сасанидов. Во всяком случае, в последующий период об этих царствах источники ничего не сообщают. С этого времени население территории хонов (масаха-хонов) известно как цанары. Цанары продолжают контролировать Аланские и Цилканские (Циканские) ворота, а спустя еще некоторое время здесь возникает Цанарское царство.

Таким образом, анализ имеющегося материала достаточно убедительно говорит о том, что сведения древнеармянских и древнегрузинских источников о кавказских хонах периода до появления на Кавказе тюркоязычных гуннов нельзя трактовать как анахронизм. Эти сведения основаны на исторических реалиях и находят множество подтверждений. Они убеждают в том, что в сообщениях древ-

---

[103] Елише. VII, 198.

[104] Там же.

[105] Здесь следует привести слова армянского историка Елише, восхищенного героической борьбой вайнахов и дагестанцев, за свою свободу и независимость, и проявленный при этом единству и силе духа: «[Вачe] объединил одиннадцать царей горских народов и противостоял войною полку Ариев, и великий ущерб причинил войскам царским… И хотя его войско ослабло и силы его истощились, все же покорить его они не смогли. Напротив, множество сильных ударов нанес царь [Вачэ], и они тоже были изнурены и истощены, либо в сражениях, либо от страшных болезней. Война затянулась, большая часть страны была разорена, но никто от него (от Вачэ) не отступился» (Елише. VII, 198; см. также: Мовсес Каланкатваци. I, X).

них авторов следует различать кавказских (нахских) хонов Центрального Кавказа и тюркских гуннов (хуннов) Западного Прикаспия.

Мнение о том, что информация о хонах могла проникнуть в армянские и грузинские источники в период существования в Западном Прикаспии Гуннского царства (V–VI вв. н. э.), не может быть принято и по той причине, что хоны были известны в северо-восточной части Малой Азии за тысячу лет до появления на Кавказе тюркоязычных гуннов, на что обращал внимание еще П.К. Услар[106]. Так, в одной из персепольских надписей Ахеменидского царя Дария I в перечне народов, плативших дань Ахеменидской Персии, наряду с Арминой (Армения), Катпатукой (Каппадокия) и Спру (Сперия) называется Хуна («…Армина, Катпатука, Хуна, Спру…[107]»). Следует отметить, что ряд специалистов Хуна надписи Персеполиса предлагают читать как Иония и подразумевают ионян или вообще греков. Однако, будучи размещенными между Каппадокией, Арменией и Сперией, хоны должны были занимать территорию от Каппадокии до верховья Чороха, т.е. достаточно удаленные от Греции земли. Подтверждением тому могут стать сохранившиеся в этих местах до настоящего времени топонимы: Хон (Хон-к), Хонак – в верховье Чорохи; местность Хона юго-восточнее современного Ахалциха; Хонские горы – другое название Джавахетских гор, тянущихся от Дашидагского плоскогорья на юго-запад; местности Хонис и Хонлур (Хон-лур) в Харбердском районе Ерзрумской области[108].

Наряду с хонами следует отметить также и племя хои, проживавшее в горах, между верховьями рек Чорохи и Верхнего Евфрата (Кара-су). Об этом племени упоминает в своих сообщениях Гекатей Милетский: «хои, народ вблизи вехиров»; «до сих пор живут вехиры, а за ними хои»; «с хоями соседят к востоку дизиры[109]». Вехиры и дизиры Гекатея в научной литературе отождествляются с бизерами и бехирами, факт проживания которых в этих местах засвидетельствован и другими античными авторами. Что касается хои, то на этот счет было высказано предположение, что, возможно, оно является искаженной формой имени племени таохи или хайасса. Однако не исключено, что *хои* Гекатея Милетского – это искаженное *хон*[110].

Приведенные выше свидетельства дают веские основания для того, чтобы признать правдивыми сведения армянских и грузинских источников о проживании в древности на территории Картли и центральных районов Кавказа хонов (хунов). При этом следует обратить внимание на то, что, по данным «Макцевай Картлисай», хоны пришли из Халдеи, а по «Картлис цховреба» – это вообще были халдейские племена («Вновь пришли племена халдейские[111]»). Под названием Халдия (Халтик) была известна территория на Юго-восточном Причерноморье, где,

[106] Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. X. Тифлис, 1886. С. 265.

[107] Риттер К. Землеведение Азии. Иран. СПб., 1874. С. 106.

[108] См.: Топонимика Армении и сопредельных стран…, т.. II, 180–181.

[109] Гекатей, фр. 190.

[110] Ср. также с именем вайнахского тейпа Хой.

[111] Мровели Леонти. С. 28.

как видели выше, согласно персидской надписи V в. до н. э., размещались хоны, что подтверждается сохранившимися здесь топонимами. В связи с этим было бы, конечно, предпочтительнее видеть первоначальным местом проживания хонов (до прихода их в Картли) именно Понтийскую Халдику. Однако известно, что в грузинских источниках Халдией обозначалось преимущественно Вавилонское царство и, согласно грузинской исторической традиции, как раз с Халдией (Вавилонией) связывается постоянный приток племен в Картли[112]. Сведения грузинских источников перекликаются с данными античных и армянских источников, в которых также содержится множество свидетельств прихода в Картли (Иберию) халдеев, или племен, выселенных халдейским царем Навохудоносором (Вавилонский царь халдейской династии).

В связи со всем вышесказанным привлекает внимание весьма важное сообщение о цанарах древнеармянского историка Вардана Великого Аревелци, речь о котором пойдет ниже.

2. Цанары

Известный армянский просветитель Вардан Аревелци, прозванный Великим, жил и работал в XIII в. Но, как отмечают исследователи, содержащиеся в его трудах сведения о более ранних периодах истории также весьма ценны, поскольку в своей работе, он «широко использовал не дошедшие до нас древние источники (в том числе и документальные), халдейские, вавилонские, персидские сказания и легенды … и сообщает богатые и достаточно конкретные разнообразные сведения об историческом прошлом закавказских народов[113]».

В своем сочинении «Всеобщая история» Вардан Аревелци пишет: «…*Некоторые мужи халдейские, вышедшие из своей страны, пришли в Гардман* и сказали гардманскому князю: «Уступи нам частицу креста, данного тебе (императором) Ираклием, а мы примем христианскую веру и будем служить тебе», что исполнилось. Эмир багдадский, узнав об этом, стал грозить им; и, устрашенные, они удалились к подошве Кавказских гор. Споспешествуемые Христом, в которого они уверовали, завладели они всеми (окрестными) областями**…** *И [эти халдеи] назвали свою область Цанар на том основании, что в ней они узнали первое свое местожительство*» (выделено мной. – Г.Г.[114]).

Процитированное сообщение Вардана Аревелци о цанарах, безусловно, имеет компилятивный характер. Здесь нам представлена в сжатой форме информация, соответствующая различным временным периодам. Данные о приходе цанар из Халдии восходят, вероятнее всего, к халдейским (вавилонским) источникам, которые Вардан Аревелци, видимо, попытался согласовать с данными о цанарах, взятыми из более поздних источников (как письменных, так и устных) и отне-

[112] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 45, 190.

[113] См.: Видные деятели армянской культуры (V–XVIII в.). Ереван, 1982. С. 256–257.

[114] Всеобщая история Вардана Великого. М., 1861. С. 101 (далее Вардан Аревелци).

сти все это к определенному историческому периоду. В конкретном случае для нас важно то, что текст Вардана Аревелци перекликается со сведениями грузинских источников о прибытии из Халдии в Картли воинственных хонов. Вардан Аревелци называет пришедших из Халдии воинов цанарами и сообщает, что они некоторое время проживали в Гардмане, а затем переместились к подножью Кавказских гор. Свою новую территорию они назвали Цанар на том основании, эта земля была похожа на место их прежнего проживания.

Цанары принадлежат к тем народам Кавказа, которым уделено пристальное внимание со стороны историков прошлого и современности[115]. О них сообщают античные, древнеармянские, древнегрузинские, персидские и арабские источники. Такой интерес древних авторов к цанарам вызван, безусловно, той ведущей ролью, которую этот народ играл в регионе на протяжении многих столетий.

Самое раннее упоминание о цанарах принадлежит Птолемею, согласно которому, во II в. н. э. цанары проживали на землях, расположенных между Иберией (Картли) и Албанией[116]. Затем, начиная с V в. и на протяжении всей второй половины I тыс. н. э., цанар на указанной территории фиксируют греко-латинские, армянские, грузинские, арабские и др. раннесредневековые источники. Исследователи единодушны во мнении, что цанары занимали обе стороны Главного Кавказа – ущелья рек Терека и Арагви, и на протяжении многих столетий контролировали Дарьяльское ущелье, известное в раннесредневековых источниках и как Цанарское ущелье[117]. По данным «Ашхарацуйца», как уже было отмечено, Цанария охватывала территорию всего Дарьяльского ущелья. На юге во владения цанаров входили Цилканские (Циканские) ворота и лежавшие вокруг них земли, а на севере – области, расположенные на подступах к Дарьяльским воротам с севера. Цанары держали под контролем не только Дарьяльское ущелье, но также и перевальные пути, проходившие по верховьям рек Ассы, Чанты и Шаро Аргун, по ущельям Хилдихарой, Майста, Мелхиста, Панкиси и др. и связывавшие Южный и Северный Кавказ.

По вопросу этнической принадлежности цанар в научной литературе существуют разные точки зрения. Было высказано предположение о возможной гене-

---

[115] Вопросы локализации и этнической принадлежности цанар освещены в исследованиях Н.Я. Марра, И.А. Джавахишвили, А.Н. Генко, С.Н. Какабадзе, В.Ф. Минорского, С.Т. Еремяна, З.В. Анчабадзе, М.Д. Лордкипанидзе, А.П. Новосельцева, Н.Г. Волковой, Дж. Гвасалия и др. Особого внимания заслуживает монография Г.Г. Мкртумяна, в которой на основе широкого круга первоисточников обстоятельно рассмотрены проблемы этнополитической истории цанар (см.: Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети…).

[116] Pt. V, 8, 17–25.

[117] Джавахишвили И.А. История грузинского народа... Т. II. С. 43; Какабадзе С.Н. О племени цанар // «Исторический сборник». Тифлис, 1928. Кн. 3. С. 103; Minorsky V. Hudud al-Alam, «The regions of the word» a persian geography (372–982). Translated and explained by V. Minorsky. London, 1937, 144; Мкртумян Г.Г. К вопросу об образовании феодального княжества Кахетии // ИФЖ, № 1. Ереван, 1972. С. 231–231; Его же: Грузинское феодальное княжество Кахети... С. 35–40 и др.

тической связи цанар с грузинской народностью – сванами[118]. Однако это мнение выглядит неубедительно потому, что опирается лишь на созвучии терминов *сван// сан и цан* (*цан*(*ар*), без учета историко-географических реалий[119]. Факт проживания сванов в районах Дарьяльского ущелья не только в I тыс. н. э., но также до и после этого периода не подтверждается никакими материалами. По свидетельству многих письменных источников (античных, арабских, армянских, грузинских), сваны однозначно локализуются в западной части Южного Кавказа, в верховьях Риона и Ингури. При этом античные, армянские и грузинские источники, одновременно упоминая как сванов, так и цанар, локализуют их в совершенно разных частях Кавказа. Птолемею, например, известны суаны и санареи, а в «Ашхарацуйце» достаточно четко определены места расселения и сванов, и цанар. Кроме того, с лингвистической точки зрения, весьма сомнительно отождествление терминов *сван* (*соан, суан*) и *цан*(*ар*), поскольку в слове *цанар* первичен звук ş (*ð, цI*), не передаваемый в греко-латинском и русском языке, а в слове сван – звук с (**s**). Греко-латинские авторы не могли передать звук ş (ð, цI) и поэтому использовали s (*с*), но армянские и грузинские авторы, разумеется, могли это сделать, поэтому они четко разделяют и не смешивают санов (сванов) и цанар.

Если исходить из объективного анализа совокупности всех имеющихся фактов, то правомерным выглядит мнение о принадлежности цанар к нахскому этническому миру, обоснованное еще известным ориенталистом В.Ф. Минорским[120] и в дальнейшем получившее подтверждение в работах А.П. Новосельцева, З.В. Анчабадзе, Г.Г Мкртумяна и др.[121]

---

[118] Какабадзе С.Н. О племени цанар... С. 111–112; Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии. Тбилиси, 1989. С. 391.

[119] Сторонники грузинского (сванского) происхождения цанар опираются в основном на лингвистическую аргументацию Н.Я. Марра, который использовал цанарский материал лишь как дополнительное средство для обоснования своей «яфетической теории». Применяя свой «метод палеонтологического анализа», когда на основании нескольких элементов сопоставляются слова самых различных языков, причем слова, почти не схожие по звучанию и различающиеся по значению, Н.Я. Марр генетически связывал цанар (цанов) с тюркоязычными карачаевцами и балкарами, со сванами, абхазами и ираноязычными савроматами (Марр Н.Я. Из поездок в Сванию (лето 1911 и 1912 гг.) // «Христианский Восток». Т. I. Вып. I. СПб., 1913. С. 305). Нужно ли говорить о том, что Н.Я. Марра и его последователей в вопросе об этническом происхождении цанаров ждала неудача? Но вместе с тем, благодаря своему гениальному лингвистическому чутью Н.Я. Марру удалось провести ценнейшие наблюдения и сделать о цанарах выводы, имеющие большое значение для современной науки.

[120] Minorsky V. Hudud al-Alam, P. 144; Его же: История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 210–211.

[121] Новосельцев А. П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика. М. 1972. С. 30–33; Новосельцев А.П. Некоторые вопросы историографии древней и средневековой истории народов Закавказья // История СССР. №1. М. 1974. С. 56; Анчабадзе З. В. Очерки истории народов Северного Кавказа в средние в. Ч. I (VI–VIII вв.) Тбилиси, 1982. С. 325–326; Мкртумян Г.Г. К вопросу об образовании феодального княжества Кахетии… С. 231–235; Его же: Грузинское феодальное княжество Кахети… С. 36–39.

На связь цанар с нахским этническим миром указывают свидетельства не только письменных источников, но и топонимики, языка и фольклора, и на них хотелось бы теперь вкратце остановиться. Этноним *цанар* сохранился в названии округа Эрцо, расположенного в долине реки Иори, между Тианети и Гомбори, означающем буквально *страна t'anar-ов*[122]; также цанар сохранился в названии района *Цобени* (ბიჭნიერი «Ашхарацуйца», груз. წობენი) с одноименным центром на левом берегу р. Арагви, к востоку от озера Базалети и северо-западе от Эрцо.

В настоящее время термин *цобени* применяется для обозначения нахоязычных цова-тушин (бацбийцев), но в древности он использовался как название достаточно большой территории, лежавшей между ущельями Лехури-Ксани и Арагви-Иори[123]. Та же основа *ца*/*цо*, присутствует и в названии *цова*//*цоба*//*цопа* «той половины тушинского народа, которая сохранила свою родную чеченскую речь рядом с грузинской[124]». Сами же бацбийцы (цова-тушины) называют Кахетию *Цовата – Цова*(*та*), и до сих пор считают ее своей прародиной[125]. С этнонимом цанар связывается также осетинское название жителей Дарьяльского ущелья – *мохевцев цона*, а также всего этого района (Сона) и горы Казбек (Соана[126]). В «Мокцевай Картлисай» территория Дарьяльского ущелья (современный Казбегский район Грузии) и верховье Арагви называются *ущельем цанар*, *хеви цанаретиса*[127].

Уже сам факт того, что осетины и грузины называли указанные районы этнонимом цан (цанар) свидетельствует о том, что цаны (цанары) не относились ни к ираноязычным, ни к грузиноязычным племенам. В связи с этим представляется интересным то, что население Казбекского района – мохевцы, были известны чеченцам под именем чеченского тейпа Бейно[128].

Корнем термина цанар является ца (*цIа, ша, цIу, цIиу*), в нахских языках означающее *огонь, очаг, дом,* а в древневайнахском пантеоне *Ца* (*ЦIа, ЦIу, ЦIув*) – *божество огня*. Специалисты отмечают, что у народов аваро-андо-дидойской и нахской языковых и этнических групп на каком-то этапе их исторического развития верховным божеством был Цоб (Ц*I*об*)*, и соотносят его с Ц*I*а//Ц*I*у//Ц*I*ув, являвшимся в древневайнахском пантеоне божеством огня[129]. Этнонимы, производные от имени божества Ца//Цу, которому поклонялись в древности те или иные нахские племена, сохранились и в современных наименованиях ингушских

---

[122] Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов… С. 397.

[123] См.: Джавахишвили И.А. История грузинского народа... Т. I. С. 75; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 124.

[124] Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов… С. 397-398.

[125] Шавхелишвили И.А. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами... С. 35.

[126] Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Bd. 1. Halle und Berlin, 1812, p. 676; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа... С. 126–127.

[127] Обращение Грузии. С. 22.

[128] Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия… С. 181.

[129] Алироев И.Ю. Нахские языки и культура... С. 40; Сефербеков Р.И. Верховные боги народов Северного Кавказа... С. 72.

и чеченских тейпов: Циечу – цие(чу) – нахи-орстхойцы, Цантарой, Цей-пхьада, Цесу – Ци(есу), Цур(ов) и др. Этноним цова-тушин также происходит от имени божества Ца//Цӏу. До сих пор тушины «разделяются на туш-бацой (тех, кто поклонялся божеству Туш) и цу-бацой (тех, кто поклонялся божеству ЦIув). Туш-бацои ныне полностью огрузинились. Цу-бацой (цова-тушины) и поныне сохраняют свою изначальную (нахскую) этническую принадлежность[130]».

Топонимы, образованные от основы ца//цу, широко распространены по всей горной и предгорной полосе Чечни и Ингушетии, и все они обозначают поселения или священные места. Приведем некоторые из них: Цов(гие) – святилище в Фаъппи, на границе с Хевсуретией; Цечу – древнее святилище орстхоевцев в междуречье Ассы и Фортанги, в котором происходили культовые праздники и жертвоприношения; Цейлоам (Цей-лоам – гора Цей) на левобережье реки Ассы; Цан авлах (ЦIиан Iалах) – роща (божества) Ца, в Нашхо, а также и в Пешхо; Цонтарой в Веденскорм районе; ЦIайн-пхьада – место святилища, солнечные склепы, недалеко от реки Машиех; повторяющиеся в областях Малхиста, Меишта, Нашхо, Шарой, Бенои, Шатои (верховья Чанты-Аргун и Шаро-Аргун) и др. топонимы Цанара, Цанашка, Цон-Куорта (вершина (божества) Цӏа), Цан арха (поляна (божества) Ца*)*, Цета, Цовтьие и др.[131]

Топонимы с основой ци//ца распространены также в горной части Осетии, и они, как считает А.Дз. Цагаева, относятся к древнейшему, необъясняемому, топонимическому пласту. Примеры таких топонимов: Цъата в Кобанском ущелье; Цъезу, Цъуныха в Куртатинском ущелье; Цъей, Цъута, Цъурру, Цъус, Цъессатае и Цъоныхса в Алагирском ущелье; Цъинтае, Цъесс, Цъур, Цъебат (бат//уат – место, т.е. место Цъу); Цъажиу дзуартте (Цажиу святилище) в Твалетии; Цъиа, Цъинтае, Цъонгуз в Дигорском ущелье и др.[132] В Южной Осетии существуют топонимы Цеси и Цона (Джавский р-н). К этой же группе следует, видимо, отнести также местности Цона в верховьях р. Квирилы и Цопа в Марнеульском районе соврем. Западной Грузии.

Весьма примечательно, что в Осетии некоторые топонимы с основой ца//цу до сих пор известны как святые места – например, Цежиуы (Святилище Цъежиуы). Особое внимание привлекает храмовый комплекс, расположенный в верховьях Алагирского ущелья, где в примыкающих ущельях сосредоточились три святилища: Реком (Цейское ущелье), Мкалгабырта (макьал//махьал – габырта?) и Таранджелос. На основании изучения археологических данных Е.И. Крупнов сделал вывод, что храмовый комплекс в Цейском ущелье существовал еще со времен кобанской культуры, т.е. с I тыс. до н. э.[133] Такое уточнение известного археолога является дополнительным аргументом в пользу вайнахского происхождения пе-

[130] См.: Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков… С. 62; Чокаев К.З. Нахские языки. Историко-филологические разыскания. Грозный, 1992. С. 113.

[131] Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии... Ч. I. С. 34, 82, 89, 90, 166,173, 185, 207. Ч. II. С. 37, 49, 50, 149.

[132] Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии... С. 110-111, 115-122.

[133] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 367.

речисленных выше топонимов с основой ца//цу. Кроме того, ряд интересующих нас топонимов в Осетии – Цъебат (где бат-уат – *место*, т.е. *Место Цъе*), Цъей, Цъесс, Цинтае, находят прямые аналогии в Чечне и Ингушетии. Учитывая распространенность повторяющихся топонимов и этнонимов Чечни, Ингушетии и Осетии, объясняемых, как отмечают исследователи, только на нахских языках[134], трудно усомниться в том, что приведенные названия с основой ци//ца в Осетии имеют нахское происхождение.

Как было уже отмечено, нахское языческое божество Цъу//цъа нашло отражение и в именах осетинских языческих богов. Так, верховный бог осетин Хуыцау – *бог богов*, обиталищем которого считают небеса, лингвистически близок к одному из верховных богов нахов – Цъа//цъиу//цъиво//цъув; с нахским божеством Цъу связывается и имя осетинского бога урожая, небесного грома и молнии Уацилла, где *ала* родственно урартскому Алале – *бог урожая*[135].

Ученые давно обратили внимание также и на то, что частое повторение нахских топонимов, выявленное в южной, центральной и восточной частях Кавказа, указывает на миграцию нахского населения[136]. Об этом говорят и предания многих нахских тейпов. Так, например, род Церо – выходцы из Дарьяльского и Санибского ущелий, а в чеченском предании, записанном в XIX в. П.А. Головинским, сообщается, что предки некоторых чеченских родов произошли от цова-тушин, ныне живущих в Тианетском округе Грузии. По преданию самих же цова-тушин (бацоев), их предки когда-то жили на юге от Грузии, но во время нашествия арабов были вытеснены в Кавказские горы[137].

Согласно преданиям, записанным К.Н Россиковым и А. Греном, жители горных чеченских селений Шатоя и Киало, расположенных в долине р. Чанты-Аргун, где когда-то находились святилища с основой ци//ца в названиях, еще во второй половине XIX в. считали себя потомками закавказских тушин и хевсуров[138]. Наряду с преданиями ряда тейпов чеченцев и ингушей, повествующими об их выходе из Грузии, соответствующие сказания встречаются и у грузинского населения горной части современной Восточной Грузии (Дарьяльское ущелье, Хевсуретия, Шатили, Мигмахеви, Архота, Тианети и др.[139]). Согласно этим сказаниям, на указанных землях ранее проживали кистинцы (грузинское наименование вайнахов), а затем они были заселены грузинами[140].

---

[134] См.: Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей… С. 171.

[135] Алироев И.Ю. Нахские языки и культура... С. 147.

[136] См.: Кобычев В.П. Указ. соч. С. 170–171.

[137] Головинский П.А. Заметки о Чечне и чеченцах. ССТО, вып. 1. Владикавказ, 1878. С. 46.

[138] Россиков К.Н. Поездка в юго-западную часть горной Чечни и в западный Дагестан // «Известия Кавказского отдела Русского географического общества». Тифлис, 1888. Т. IX. № 1. С. 99; Грен А. Исторические легенды чеченцев // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. Отд. 3. С. 22.

[139] Очиаури Т.А. Опыт изучения этнической истории горцев Восточной Грузии… С. 25-26; См. также: Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей… С. 179.

[140] Очиаури Т.А. Опыт изучения этнической истории горцев Восточной Грузии… С. 26.

Процесс миграции населения нашел отражение и в топонимах-двойниках, образованных с помощью нахского топонимообразующего суффикса р(ра) – показателя исходной точки действия, отвечающего на вопрос откуда? (мичара[141]). Например: Хьага = Хьагара (Хьагара – Из Хьага), Вашенда = Вашендара (Вашендара – Из Вашенда), Ялха = Ялхар (Ялхар – Из Ялха) и др. Однако в данном случае нас больше интересуют топонимы с основой ца//ц*І*у. Так, по преданиям представителей рода Церо (по бацбийски – Ц*І*ер), их предки являются выходцами из Дарьяльского ущелья (верховья Терека), что и отражено в названии Цер: ца// *І*и – *очаг, дом,* р(ра) – суффикс топонимообразования, исторический формант исходного I падежа, т.е. Из Ца (Ц*І*е) (Ц*І*ер – *И*з Цей).

Жители чеченских селений Цанара и Цуонтора (общества ЦIонторой), согласно местным преданиям, записанным еще во второй половине XIX в., считали себя потомками закавказских цова-тушин и хевсуров и выходцами с Южного Кавказа[142]. Именно такую информацию несут в себе названия *Цанар*(*ой*) и *Центар*(*ой*). Слово Цанар состоит из основы *ца//цІу* и двух топономообразующих суффиксов – *на* и *р* (*ра*). Компонент *на* (*Ца-на-р*) является «древним нахским словообразовательным суффиксом, указывающим направление на поверхность объекта[143]» (например, Эрсана, где эрс – *лесистый хребет*, получаем *На лесистый хребет*), а суффикс р(ра) – это показатель исходной точки действия, отвечающий на вопрос мичара (откуда). Что же касается форманта та в имени Центарой, то он тождественен по значению форманту на, и оба они представляют собой равнозначные послелоги, причем формант на древнее, чем та, и присоединение последнего произошло в более позднее время[144].

По определению К.З. Чокаева, наличие в нахских топонимах нескольких грамматических показателей – явление закономерное. Эти показатели, во-первых, указывают «на направление от и к данной местности и подсказывают о движении нахских племен в разных направлениях», а во-вторых, говорят о том, что миграционное движение этих племен «происходило с большими перебоями, через большой интервал между моментом заселения того или иного объекта и моментом выхода насельников из соответствующего объекта в целях дальнейших миграционных движений[145]». Отсюда: Цан(а) – на Ца, Цанар – из Цана.

Из сказанного следует, что слово *цанар* на нахских языках буквально означает (*прибывшие*) *из Цана*, где Цан, в свою очередь, является промежуточным

---

[141] «В нахских языках суффикс р (ра) служил показателем исходной точки действия, отвечающего на вопрос мичара (откуда). …Присоединившись первоначально …к соответствующим основам, характеризующим местность, для связи управления, формант ра сросся с основами, превратив их из нарицательных имен в собственные названия географических объектов» (Чокаев К.З. Суффиксальные образования топонимических названий в вайнахских языках. С. 51; Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков… С. 62).

[142] Россиков К.Н. Поездка в юго-западную часть горной Чечни… С. 99; Грен А. Исторические легенды чеченцев... С. 22.

[143] Чокаев К.З. Суффиксальные образования топонимических названий… С. 55–56.

[144] Там же.

[145] Там же. С. 51–52.

пунктом по пути следования цанар из первоначального места проживания – Ца (*ЦIу//ЦIов*). Таким образом, в названии Цанар зашифрована информация о поэтапном продвижении племени цанар с юга на Кавказ (*Ца (ЦIув*)> *Цан* > *Цанар*), и эта информация почти полностью совпадает со сведениями о цанарах, изложенными Варданом Аревелци, согласно которым люди, вышедшие из Халдии, некоторое время жили в Гардмане, а затем перешли к подножью Кавказских гор, назвав свою новую территорию Цанар (из Цана), т.к. она напомнила им прежнее место проживания (см. выше). Данные языка и свидетельства письменных источников (в данном случае «Всеобщей истории» Вардана Аревелци) согласуются с этногенетическими преданиями самих цанар, зафиксированными еще в IX в. арабским историком Масуди. Описывая царство цанар, Масуди передает также и бытовавшие у них в то время предания. По этим преданиям, цанары считали себя выходцами с юга: «Они [цанары] христиане, но претендуют на происхождение от арабов…, поселились здесь с давних времен. В этой стране они господствуют над многими народами[146]». По-видимому, Масуди записал один из вариантов бытовавших среди цанар преданий, согласно которому, предки цанар переселились на Кавказ из Шама (Сирии), Аравии, Мусры. Во времена, когда Масуди записывал это предание (IX в.), Сирия и Аравия входили в состав Арабского халифата. Именно это обстоятельство, скорее всего, и явилось причиной трактовки арабским историком цанарских преданий о выходе из Аравии или Сирии как «претензии» цанар на арабское происхождение.

Сказания цанар сходны с этногенетическими преданиями современных нахских народов – чеченцев, ингушей и бацбийцев (цова-тушин). В предыдущей главе в разделе «Фольклор» уже упоминались нахские предания, которые – с незначительными расхождениями – рассказывают о том, что предки чеченцев, ингушей и бацбийцев в глубокой древности переселились на Кавказ с юга. По пути они некоторое время проживали в Кыгызмане, затем у халибов на берегу Черного моря, затем переселились в западные районы Центрального Кавказа, а оттуда – на восток, к ущельям Армхи и Сунжи.

Согласно этногенетическому преданию одного из крупнейших вайнахских тейпов Цачу//Циечу, прародиной данного тейпа является место Ца, а представители тейпа и есть те «черные мерджойцы, что жили на реке Зигура у берегов Черного моря[147]». В данном случае нельзя пройти мимо поразительного факта: название Зигур (Зиг-ур – из Зига) нахских этногенетических преданий находит прямую параллель в древних названиях, которые упоминаются в античных источниках на юго-восточном побережье Черного моря, в местах проживания халибов (Халтик) – это местность Зигана (Зига-на), Зигаполь (Зига-поль) на берегу реки Цанахи (соврем. река Харшит, впадающая в Черное море юго-западнее г. Трапезунта, Турция) и перевал Зиган в 40–45 км к юго-западу от Трапезунта, на восточном водоразделе реки Цанахи. Зиган встречается и в топонимии верховьев

[146] Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 45; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента... С. 210–122.

[147] Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии... Ч. II. С. 79.

рек Иори и Алазани - это местность Зигана в Цанарии. О местности Зигана в долине Алазани имеется сообщение и в грузинской хронике XIV в.[148]

Река Цанахи в Юго-Восточном Причерноморье упоминается еще Прокопием Кесарийским, а армянским авторам долина реки Цанахи известна как *ущелье цанахов* (*Цанаходзор*, где дзор – ущелье по-армянски). В гидрониме *Цанахи* компонент хи, возможно, является хурритским суффиксом, имевшим широкое распространение в этих местах. В то же время формант хи (х//ха) – это древний нахский топонимический суффикс, обозначавший пространственность. Суффикс х (ха) со значением пространственности обнаруживается в древнейших топонимах горной полосы Чечни и Ингушетии – Джейра-хи, Наш-ха, Чарма-хи, Цацахи и др.[149] Учитывая генетическое родство хуррито-урартских и нахских языков, суффикс хи (ха), возможно, следует относить к их общему словарному фонду, хотя не исключено, что в гидрониме Цанахи, компонент хи – это нахское слово, означающее *вода, река,* отсюда – *Цанская река, Цанская вода*.

Однако указанное место является лишь промежуточным пунктом, временным поселением на пути, перемещавшихся на Кавказ. Их прародиной и отправной точкой путешествия этногенетические предания называют Ца//Циу//Цов (по другим вариантам, Муср, Нахчаван – см. ниже), а согласно сообщению Вардана Аревелци, этим местом была Халдика. Вся эта информация приводит нас к области Цопа (Цупани, Цоб), описанной ассирийскими и урартскими источниками и размещающейся у слияния Арацани с Евфратом. Название этой области кавказоведы справедливо связывают с нахскими цова (цоба)-тушинами(бацбийцами[150]). Именно в этот регион (Цоп, Цоб, Цупани) как в исходный пункт миграции цанар приводят нас все перечисленные выше свидетельства.

Если учесть, что страна Цопа (Цупани) в период падения Урартского царства оказалась под влиянием Вавилонского (Халдейского) царства, то становится понятным сообщение Вардана Аревелци о цанарах как о людях, вышедших из страны Халдии: Таким образом, получает надежное подтверждение информация, заложенная в слове цанар, а также подтверждаются сведения, сохранившиеся в письменных источниках и этногенетических преданиях нахов, говорящие о том, что по пути на Кавказ из Ца (Циу, Цова), или Халдии, цанары некоторое время проживали у халибов (Халтик) на берегу реки Зигур (Зиг-ур – из Зига), а затем – в Гардмане.

Приведенные выше свидетельства становятся еще более убедительными, если принять во внимание то, что во всех географических пунктах, где, согласно Вардану Аревелци и этногенетическим преданиям, цанары останавливались на какое-то время по пути из Халдии (Цова) на Кавказ, выявляются древние названия, в том числе и с основой ца//цу, объясняемые только на нахских языках. Подробнее об этих фактах разговор пойдет ниже, здесь же будут отмечены некоторые из них.

---

[148] См.: Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей... С. 105.

[149] Чокаев К.З. Суффиксальные образования топонимических названий… С. 51–52.

[150] Меликишвили Г.А. Наири – Урарту. Тбилиси, 1954. С. 89.

Название горного хребта, образующего Водораздел между бассейнами рек Чороха и Куры – *Арсиан* (*Арсианский хребет*). Нахское происхождение топонима Арсиан достаточно убедительно обосновано К. Тумановым: *арс//арц* на нахских языках означает *лесистый хребет*, а компонент *на* – это древний нахский суффикс, указывающий направление на поверхность объекта, отсюда *Арсиан – На лесистый хребет* (*К лесистому хребту*[151]). Этим названием довольно часто обозначаются поросшие лесом горные хребты Чечни и Ингушетии, и надо отметить, что Арсианский (Лесистый) хребет, некогда сплошь покрытый лесом, полностью соответствует своему названию. Кроме того, у подножья Арсианских гор, в области Тайк (Тао) находится район Арсиацпор (Арсианское ущелье). Главная средневековая крепость этой области Арцик (Арсис), расположенная на правобережье Чороха, к юго-востоку от современного Кискима, была построена на месте древнейшего поселения и своим названием тоже, вероятно, обязана расположению на склоне лесистой горы. Основу арц//арс можно также встретить в Ерзерумском плоскогорье, в древних названиях заросших лесом горных хребтов, возвышенностей и разместившихся на утесах поселений: горная гряда Арцапкар (кар (քար) – по-армянски *камень*) в Байазетской области Ерзрумского округа; древние городища в гористых местностях Арце, Арцити, Арцетон, Арцеваник, Арцати, на юго-восточном склоне Цветистой горы, к северо-востоку от г. Ерзерума и др.

Древнее название самого округа и города – Ерзерум – Арцнрум (Арц(н)-рум), также восходит к основе арц//арс, как и название средневекового города-крепости Артануджи – Арцес, упоминаемое Константином Багрянородным[152]. Следует также вспомнить крепость Бердацпор у истоков Куры, в древности входившую в область Арсиацпор: название Бердацпор состоит из нахского слова *берд – скала*, к которому присоединяется древнеармянское *пор – ущелье*, отсюда *Скалистое ущелье*[153].

Согласно древнегрузинской исторической традиции, юго-восточные рубежи земли Картлоса, выделенные ему его легендарным предком Таргомосом, доходили до «Эрети и реки *Бердуджи*[154]». Река Бердуджи отождествляется с современной рекой Дебедой, притоком реки Храми, впадающей в Куру в области Гардман. Этимология гидронима Бердуджи лингвисты связывают с нахским словом *берд – скала*, отсюда возникает значение *крепость*[155]. Ущелье реки Бердуджи раннесредневековым армянским авторам было известно под названием *Цобапор* (Ծոբափոր), где пор – *ущелье* на древнеармянском, т.е. *ущелье цоб-ов* (*цовов*). Здесь же находилась область Цоп с центром Цовк, в которой упоминается

[151] Туманов К.М. О доисторическом языке Закавказья. Тифлис. 1913. С. 34–37.

[152] Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 44.

[153] Следует, при этом, иметь в виду, что на территории исторической Армении насчитываются десятки мест с названием Берд, где были расположены древнеармянские укрепленные сооружения, которые возникли после урартского периода и, естественно, не имеют никакого отношения к рассматриваемой нами проблеме.

[154] Мровели Леонти. С. 21.

[155] Аджарян Гр. Коренной этимологический словарь армянского языка. Ереван, 1973. Т.1. С. 443.

ущелье Бердацпор (Բերդաձփոր). Таким образом, прослеживается прямая связь между названиями Цоба (Цова, Цопа) в области Гардман и Цоб(ена) на левобережье Арагви, а также цова-тушинам и соответствующими этнотопонимическими образованиями в центральных районах Кавказа (см. выше). Эта связь настолько очевидна, что вряд ли нуждается в каких-либо дополнительных комментариях.

Итак, данные топонимики и языка, а также информация, содержащаяся в письменных источниках и этногенетических преданиях, отчетливо говорят о том, что народ, в зависимости от района проживания носивший, по словам Н.Я. Марра, «название цанары в той или иной форме мн. числа, как-то: t' >anar, t' >an, t' >ora, t'>or, t'>ova, t' >opa[156]», оставил память о своем проживании в те или иные исторические периоды на достаточно обширной территории. Столь поразительное совпадение сведений разнохарактерных и независимых друг от друга источников дает серьезные основания доверять им.

По сведениям Вардана Аревелци, переселившиеся на Кавказ «некоторые мужи халдейские» назвали область, в которой обосновались, по имени первоначального места проживания – Цанар. Именно эта информация, объясняемая на нахских языках, зашифрована в слове Цанар (из Цана), и эта информация, как и сведения письменных источников, полностью совпадает с этногенетическими преданиями как средневековых цанар, так и современных вайнахов. Во всех источниках – и письменных, и устных, указаны идентичные названия исходной точки миграции цанар, географических пунктов, через которые они проходили, и места, в которых поселились на Кавказе. Эти данные, в свою очередь, согласуются с данными топонимики и этнонимики, находящими реальное подтверждение и объяснение в нахской этнотопонимике.

Здесь следует обратить внимание на весьма интересный факт. По сообщению «Мокцевай Картлисай» (см. выше), из Халдеи прибыли хоны, а Вардан Аревелци, прибывший из Халдеи народ именует цанарами. Если нанести на карту территорию, на которой упоминаются цанары и хоны, можно обнаружить удивительное совпадение: в тех местах, где находим топонимы *Цан, Цопа* (*Цова*), *Цанар*, неизменно присутствует также и название *Хон*. Так, в Понтийских горах, в верховьях Чороха в V в. до н. э. размещаются хоны, и здесь же, в долине Чороха расположена область Цанк (Цаника). В Гардмане, в пределах области Цов(к), на правобережье реки Куры, у слияния Куры и Храми находился древний укрепленный город Хунан (Хун-ан – Хуна-ракерт древнеармянских источников), упоминаемый в грузинских источниках в числе городов, которые застал Александр Македонский. О древности этого названия говорит и то, что строительство г. Хунан древнегрузинская традиция приписывает легендарному Картлосу («Картлос построил крепость Хунан[157]»).

Территория, простирающаяся от Дарьяльского ущелья на северо-западе до границ исторической Албании на юго-востоке, в III–IV вв. называлась Хон (Масаха-хон), а с V в. – Цанария. В Цанарии известны гора и местность Хон, а

[156] Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов… С. 398.

[157] Мровели Леонти. С. 56.

также гидроним Хон-Аргун (Чанты-Аргун), здесь же до сих пор существуют нахские родоплеменные группы с названиями хоной, цова.

В связи с этим, представляется вполне вероятным, что цанар – это не название одного конкретного нахского племени, а общее, собирательное наименование нахских племен, произведенное от *цIа* (*цIова*) – *божество огня*. Группа племен, поклонявшихся единому божеству и известных по его имени, в период раздробленности или расселения могла быть известна и под другими именами – на это указывает то, что данный термин использовался в письменных источниках на протяжении всего I тыс. н. э., в основном в собирательном значении. В период возвышения того или иного племени его политическое влияние распространялось на другие, родственные, группы племен, и последние могли быть известны по имени доминировавшего племени, например, в III–IV вв., когда господствовали хоны, другие племена также называли их именем. Исходя из этого, я склонен думать, что хоны и цанары являются двумя разными наименованиями нахских племен.

3. Бунтурки и турки древней Картли

Согласно древнегрузинской исторической традиции, наряду с хонами, древнейшим населением Картли являлись бунтурки, которых Г.А. Меликишвили (как и хонов) этнически связывал с северокавказскими племенами и говорил о них как о «воинственном пришлом населении севера», «воинственном населении северного происхождения[158]». Однако с последним утверждением трудно согласиться, так как это противоречит данным древнегрузинских источников, в которых ничего не говорится о приходе бунтурков и хонов с севера. Напротив, в источниках бунтурки предстают как коренное население Картли и нигде нет упоминания об их приходе откуда-то. К пришлому населению относятся хоны, но они прибыли в Картли не с севера, а с юга.

Среди насельников Картли древнегрузинские источники упоминают также турков. Последние изгнанные персидским царем Кайхосро, в количестве 28 домов пришли в Картли и попросили убежище у Мцхетского мамасахлиса, что и было им предоставлено[159]. По мнению В.В. Ковалевской под названием *турки* у Леонти Мровели имеются в виду скифы, которые осели в Картли при возвращении из Передней Азии после разгрома их Мидийским царем Киаксаром. Этих турок она отождествляет с бунтурками, которых также считает скифами[160]. Однако эта точка зрения явно не выдерживает критики. В самом деле, странно, что при утверждении о том, что пришедшие в Картли турки являлись скифами, т.е. кочевниками, исследователя, для которого «рабочей гипотезой является полное доверие к источнику[161]», вовсе не настораживают такие характеристики, даваемые

[158] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 37.

[159] Леонти Мровели. С. 37.

[160] Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы... С. 54.

[161] Ковалевская В.Б. Скифия, Мидия, Иран во взаимоотношениях… С. 34.

Леонти Мровели пришедшим туркам: турки переселяются со своими семьями, хозяйством, скарбом и т.д.; они оказываются прекрасными строителями, строят города и крепости; своим местожительством турки избирают местность, «глубоко высеченную в скале», которую они обустроили и «обвели мощной оградой», а впоследствии это место получает наименование *Саркине* («место железа»), т.е. были еще и искусными металлургами. Все это, конечно же, совершенно не вяжется с кочевыми племенами, коими являлись скифы, будь они ираноязычные или тюркоязычные. Вряд ли за тот короткий период, что скифы находились в Передней Азии, они освоили так хорошо градостроительство, металлургию, обзавелись своими хозяйствами и превратились в оседлое население.

Не могут служить достаточным основанием и археологические находки скифского облика в Закавказье, приведенные в работе С.А. Есаяна, М.Н. Погребова[162], которыми некоторые ученые пытаются подкрепить тезис о проживании скифов на Южном Кавказе. За исключением могильного комплекса в Сари-Тепе (Казахский район), принадлежность к скифским, приведенных в работе указанных авторов, памятников, вызывают у исследователей серьезные сомнения. Впрочем, это подтверждают и сами авторы в заключительной части своего труда, отмечая, что в Закавказье «вещи скифского типа и характер содержавших их погребений, а также само число таких погребений свидетельствуют, что этот компонент составляли преимущественно воины, пришедшие сюда без семей и в значительной мере усвоившие местную культуру, но сохранившие самобытность в том, что касалось их воинского (в том числе всаднического) снаряжения[163]».

По мнению Г.А. Меликишвили, сообщение Леонти Мровели о приходе 28 домов турок в Картли является «исправлением» данных «Мокцевай Картлисай» о приводе первым картлийским царем Азо со своей родины – Арриан-Картли 18 домов своих сородичей[164]». В сообщении Леонти Мровели это не нашло отражения, так как Азо в нем представлен в качестве завоевателя и чужестранца. Поэтому в качестве компенсации и возникло сообщение о приходе 28 домов турок[165].

Но как бы то ни было, турок Леонтия Мровели нельзя отождествлять с бунтурками. Для Леонти Мровели турки это пришлые, а бунтурки – коренные жители Картли, о чем свидетельствует и само название. Большинства ученых (Н.Я. Марр, И.В. Абуладзе, М.К. Андроникашвили, Г.А. Меликишвили и др.) придерживаются мнения, что в слове *бунтурк* компонент *бун* является в грузинском заимствованным (так же как и в армянском) из персидского и означает *коренной*, отсюда бун-турки – «коренные турки[166]». Компонент *турк*, Н.Я. Марр, как и Д. Марквард, возводил к названию древнего кавказского племени терг, «обитавшего в Кавказских горах, начиная с юга через перевал и по южному склону по Дарьяльскому ущелью», название племени закрепилось в названии реки Терек (Терг) и ущелья

[162] Есаян С А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М. 1985. С. 130–134.
[163] Есаян С А., Погребова М. Н. Указ. соч. С. 134.
[164] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 37.
[165] Подробно см. Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 37 и сл.
[166] Марр Н.Я. Боги языческой Грузии. СПб. 1901. С. I–XII.

Терг, а позднее, в книжной литературной традиции раннего средневековья, это имя стало восприниматься как турки, тюрки[167].

В этой связи интерес представляет название страны Терк-Турк в осетинском варианте нартского эпоса. Согласно осетинской мифологии страна Терк-Турк считается самой богатой страной в мире, где, помимо всего прочего, было множество мелкого и крупного рогатого скота, лошадей. В Терк-Турк отправлялись за добычей и совершали набеги осетинские нарты. Страну же охраняли три мифических существа: волк с железным мордой, жеребец с железной мордой и ворон с железным клювом.

Здесь, конечно, не идет речь, чтобы делать какие-либо выводы, опираясь на нартский мифологический сюжет о стране Терк-Турк как на исторический источник. Но в то же время нельзя пройти мимо того, что эти сказания не противоречат той реальности, которая существовала в древности на Северном Кавказе. Цветущие и богатые городища и поселения оседло-земледельческого населения Центрального Кавказа, особенно вблизи Дарьяльского ущелья, где проходила транзитная дорога, несомненно, являлись объектами вожделения для степных племен и при появлении какой-либо возможности кочевники предпринимали грабительские набеги на эти местности. Интерес представляет и то, что охранявшие богатства Турк (Терк) мифические существа волк и лошадь, имели железные морды, поскольку это указывает на наличие у населения страны Турк (Терк) развитой металлургии, культа волка и лошади. Все это хорошо соответствует известной нам сегодня по данным археологических и этнографических материалов, ситуации древнего Центрального Кавказа с его высокоразвитой металлургией, культом волка и лошади.

Представляется весьма интересным и тот факт, что страна под названием Терк упоминается в ассиро-вавилонских надписях конца III – II тыс. до н.э. На среднем Евфрате, на территории нынешней Сирии (Шам, Шем), среди хурритских городов-государств в древних надписях упоминается богатая страна Терк, на перекрестке торговых путей, в связи с чем, привлекала взоры семитских кочевых племен и часто подвергалась набегам со стороны последних[168]. Обращает на себя внимание то, что как в нартском сюжете, так и в ассиро-вавилонских надписях, страна Терк (Терк, Турк) упоминается в качестве форпоста оседло-земледельческого населения от вторжений кочевых племен, в первом случае на Северном Кавказе, а во втором – в Верхней Месопотамии. Учитывая, что территория от Верхней Месопотамии до Северного Кавказа к периоду, отраженному в ассиро-вавилонских глиняных надписях, была в основном заселена племенами, говорившими на языках восточно-кавказской группы (хуррито-урартской и нахско-дагестанской), может быть, значение слова Терк (Турк, Торк) следует искать именно в этих языках. Например, на вайнахских языках *тергь* означает *наблюдение*.

[167] Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа... С. 1405–1408.

[168] Дьяконов И.М. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам. ВДИ, 1951, № 2. С. 35; Город-государство Терк иногда оказывался в составе царства Мари (см.: Матвеев К.П., Сазонов А.А. Пять жизней древней Сури. М., 1989. С. 124).

С другой стороны, *Терк* (*Турк*) может быть связан с хуррито-урартскими теонимами. В армянской мифологии Турк – бог плодородия и растительности. Согласно Мовсесу Хоренаци, Турк (Турк-Ангех) является потомком мифического родоначальник армян hАика (Гайка[169]). Однако Турк армянской мифологии восходит к урартскому богу Тура(ни), сыну хурритского бога грозы Тешшубы, который также выполнял функции бога плодородия[170]. Тур-к почитался в землях бассейна озера Ван. Район распространения культа этого божества совпадал с территорией, на которой почитался древнеармянский бог Ангех, который, в свою очередь, также сопоставляется с хуррито-хаттским и шумерским богом Нергал[171]. Вследствие чего бог Турк стал отождествляться с Ангехом и эпитетом Турка стал *Ангехеа – Турк-Ангех*. Позднее в армянской мифологии эпитет *Ангехеа* был переосмыслен как *безобразный* (от армянского *тгех – некрасивый*) и появился новый персонаж – Турк Ангех (Торк Ангехеа), которого считали внуком hАйка.

В мифологическом контексте образ Турк-Ангеха Мовсеса Хоренаци может считаться мифологическим персонажем, связанным с богом грозы и плодородия, однако в историческом контексте он, видимо, представляет скорее доармянских жителей Армении[172]. Так, в рассказе о Слаке (эпоним ранних правителей областей к западу от Ван, где почитался культ Турк-Ангеха), Мовсес Хоренаци сообщает, что он не может сказать в точности «был ли он потомком hАйка или происходил от более древних жителей этой страны, о существовании которых повествуется в старинных преданиях[173]». Интересно, что Турк (Турк-Ангех) и Слак представлены у Мовсеса Хоренаци защитниками рубежей страны от вражеских нашествий[174], что перекликается с сообщениями ассирийских надписей о стране Терк (Турк) и Терк-Турк нартского эпоса.

Область Ангех-тун, где почитался культ Турк-Ангеха, что и отразилось в названии области, простиралась в горных районах, прилегающих к реке Зибене, одного из притоков Тигра, на южных склонах Армянского Тавра (район к северо-западу от современного турецкого Эргана, и к юго-востоку от озера Цовк) и являлась составной частью уже известной нам страны Цова (Цобена, Цовк, Софена). Как было отмечено выше, именно Цова (Цопа) является начальным местом исхода, прибывших на Кавказ цанов-цанаров. Поэтому не исключено, что, в сообщении Леонти Мровели о турках, поднявшихся в Картли с юга, речь идет как

---

[169] Мовсес Хоренаци, II, 8 («…Потомок внука Хайка Паскама по имени Турк, прозванного Ангелеа». «...Ի զաւակէ Պասքամայ, ի Հայկայ թոռնէ, Տուրք անուն կոչեցեալ։»).

[170] Diakonoff I.M. Evidence on the Ethnic Division of the Hurrians. Studies on the Civilization and Culture of the Hurrians. In Honor of E. R. Lacheman. Winona Lake, Indiana. Pp. 77–89; Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М. 1990. С. 98, 105; Джаукян Г.Б. Армянский слой в урартском пантеоне. 1986. ИФЖ, № 1. С. 62–65. В рукописях встречаются также варианты *Тарку, Торк, Тургу,* но подлинное имя, вероятно, Турк (см. Абегян М.Х. Труды. Т. I. Ереван. 1966. С. 59).

[171] Армен Петросян. Армянский эпос и мифология. Ереван. 2002. С. 33.

[172] Там же. С. 34.

[173] Мовсес Хоренаци, II, 8.

[174] Там же.

раз о той части населения Цова и других урартских областей бассейна озера Ван, поклонявшихся культу Турк (Терк), которые переселились на север к подножью Кавказских гор.

Словом, перед нами чрезвычайно интересное переплетение фактов, основывающихся на сведениях разнородных и независимых друг от друга источников и свидетельствующих о постепенном продвижении племен с юга на север, в центральные районы Кавказа. Переселение это не было единовременным актом и происходило не внезапно, а постепенно, волнообразно, на протяжении длительного времени, распадаясь на ряд самостоятельных этапов. В процессе миграции за местами, где племена останавливались на какое-то время, закреплялись соответствующие этнонимы – *хон, цанар* (*цова, цопа, цан, цоба*), *терк*//*турк*). Тот факт, что эти имена не только были известны древним и средневековым авторам, но и сохранились в современной нахской этнонимике, неоспоримо свидетельствует об их принадлежности к этнической номенклатуре, широко бытовавшей в древности. Хотя, конечно, само по себе данное обстоятельство еще не означает, что на протяжении столетий этническое содержание указанных имен было неизменным. В то же время совокупность имеющихся фактов склоняет к мнению, что в данном случае мы имеем дело с нахскими или родственными им племенами. Обозначение же родственных племен разными этнонимами следует, видимо, связывать со слабостью этнической консолидации этих племен.

Идея о возможном переселении в древности родственных нахам племен из Передней Азии на Кавказ, конечно, не нова, еще в XIX в. была она высказана П.К. Усларом, К.М. Тумановым, И.А. Джавахишвили, Н.Я. Марром и др. Безусловно, гипотеза о проживании к югу от Кавказа, на более обширной территории не только нахов, но и других кавказских народов (абхазов, адыгов, дагестанцев), имеющих аналогичные предания о переселении (из Мысра, Хатти, Шама и т.д.), не могла возникнуть сама по себе и никогда не смогла бы получить широкого распространения на протяжении столетий, если не имела под собой реальной исторической основы. В ходе новейших лингвистических исследований генетического родства абхазо-адыгских языков с хаттским, а нахско-дагестанских – с хуррито-урартскими в рамках исконнокавказской (северокавказской) семьи языков, а также в результате изучения новых материалов эта теория приобретает прочную научную базу и становится все более актуальной[175].

[175] К сожалению, работа по привлечению материалов северокавказских народов для изучения этнополитической истории древней Передней Азии**,** начатая крупнейшими востоковедами П.К. Усларом**,** К.М. Тумановым Н.Я. Марром, И.А. Джавахишвили и др., в послереволюционный период была предана забвению. По этой теме до сих пор нет специальных исследований. Более того, как это ни печально, в советское время на подобные темы был наложен негласный запрет. При исследовании этнополитической истории Древнего Востока использовались в основном грузинские и армянские материалы, что во многом обеднило советское востоковедение. В силу закрытости СССР, особенно Северного Кавказа, зарубежные ученые практически не имели доступа к кавказским материалам. Поэтому тема этнических и исторических связей народов исконнокавказской языковой семьи с древними народами Передней Азии пока еще представляет собой не поднятую

Бесспорно, тема этнокультурных связей народов Кавказа с народами Передней Азии в древности очень перспективна для прояснения ранних этапов истории не только нахских, но и других кавказских народов, а потому требует более глубокого специального исследования с привлечением большого числа древних источников, что не входит в задачу настоящей работы. Но поскольку в связи с темой перемещения хонов, цанар и терков (турков) с юга возникает ряд вопросов, без ответа на которые предлагаемые в настоящей работе выводы были бы преждевременными и неполными, появляется необходимость коснуться этой темы в той ее части, которая имеет непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме. Внимание привлекают следующие вопросы: определение отправных точек переселения хонов и цанар (цова); причины, вызвавшие миграцию этих племен на Кавказ, и пути передвижения; когда произошло переселение и какое место заняло в этнополитической истории Центрального Кавказа. Попытаемся также определить, насколько позволяет имеющийся материал, какое именно из многочисленных перемещений внутри очерченного пространства, имевших место в древности, отразилось в письменных источниках и сохранилось в эпической памяти нахских народов. Однако, для полноты картины, прежде коротко остановимся на известной к настоящему моменту общей этноязыковой ситуации, которая сложилась на Кавказе и в Передней Азии во II – начале I тыс. до н. э.

целину. Вместе с тем, исследование материалов, накопленных еще на заре становления кавказоведческой науки, и дальнейшее развитие на их базе научных направлений, основы которых были заложены выдающимися исследователями истории и культуры кавказских народов, несомненно, принесет плоды и позволит разрешить многие сложнейшие вопросы современного кавказоведения.

Глава IV

ОБЩАЯ ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НА КАВКАЗЕ И В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ ВО II – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э.

К настоящему времени накоплен достаточно большой объем материалов (археологических, топонимических, антропологических, лингвистических, письменных и др.), свидетельствующих о том, что племена исконнокавказской языковой семьи в древности были расселены не только на Кавказе, но и на прилегающих к нему обширных территориях. Согласно этим материалам на рубеже VI–V тысячелетия до н. э., после распада пракавказской языковой семьи на восточнокавказскую и западнокавказскую группы, на территории Кавказа сформировались две большие культурные области – западнокавказская (восточно-причерноморская) и восточнокавказская (западно-каспийская). В процессе освоения новых земель кавказские племена распространились далеко за пределы Кавказа в разных направлениях, в том числе и на юг, где они стали осваивать северные районы Передней Азии. Сегодня уже можно считать научно доказанным генетическое родство абхазо-адыгских языков с хаттским, а нахско-дагестанских – с хуррито-урартскими[1]: об этом свидетельствует не только высокий уровень лексического сходства этих языков, но и их структурно-типологическое тождество.

1. Хуррито-урартско-нахско-дагестанские племена

Племена восточной группы хуррито-урартско-нахско-дагестанские – расселились по всей территории Восточного Кавказа, а также в центральных и восточных областях Южного Кавказа, Северо-Западного Ирана, Восточной Анатолии и Северной Месопотамии[2]. Предполагается, что именно восточно-кавказские

[1] Среди исследователей, превративших гипотезу о генетическом родстве абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков с древнейшими языками Передней Азии – хаттским и хуррито-урартским, в бесспорный научный факт, в особом ряду стоят А.С. Чикобава, И. М. Дьяконов, И.М. Дунаевская, С.А. Старостин, Вяч.Вс. Иванов, Е. Форрер, В. Бенедикт, М. Салвини, Г. Вильхельм, Г. Штайнер, И. Браун, И.Г. Климов, Ш.Д. Инал-ипа, Ю.Д. Дешериев, В.Г. Ардзинба, М.Л. Хачикян, К.З. Чокаев.

[2] Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967; Его же: Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 21; Г.А. Меликишвили. К истории древней Грузии. С. 165–167; Джапаридзе О.М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961. С. 58; Его же: К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз., резюме на русском яз.) С. 291 (карта), 331–340; Его же: К раннему этногенезу кавказских племен // Историко-филологические разыскания. Ч 1. Тбилиси, 1980. С. 7–30; Его же: На заре этнокультурной истории

племена (нахско-дагестанские и хуррито-урартские) являются создателями куро-аракской археологической культуры[3]. Куро-аракская культура возникла в конце IV тыс. до н. э. и просуществовала до конца III тыс. до н. э., а ее ареал включает Северо-Восточный Кавказ, центральные и восточные области Южного Кавказа, Северо-Западный Иран и Восточную Анатолию. На севере границы распространения куро-аракской культуры переходят Кавказский хребет и охватывают Дагестан, Чечню, отдельные районы Ингушетии и Осетии. На северо-западе рубежи ее достигают Кутаиси и верховьев Риони, а на юге и юго-западе доходят до оз. Урмия, откуда простираются на юг до Хамадана и Керманшаха и бассейна Вана и далее до Малатья и Эрзерума[4]. Элементы куро-аракской культуры прослеживаются вплоть до Восточного Средиземноморья. В конце III – начале II тыс. до н. э. в ареале куро-аракской культуры выделяются несколько родственных культур, составляющих единый блок: триалетская, кармир-бердская, севано-узерликская и кизил-ванская (их основной элемент – расписная керамика[5]).

Ареал куро-аракской культуры в основном совпадает с предполагаемой территорией расселения племен восточнокавказской группы исконнокавказской языковой семьи – нахско-дагестанско-хуррито-урартской. Новейшими исследованиями выявлено, что во II тыс. до н. э. хурритский этнический элемент был распространен почти по всей территории Передней Азии: от Загроса до Средиземноморья – в Сирии, Палестине, Финикии, Северной Ассирии, Гасуре (Нуз), Халабе и Алалхе, а также в Марии, Шартер-Базари, Киликии, Арапхи и т.д. В XVIII–XIII вв. до н. э. хурриты (матиены) создают в Верхней Месопотамии мо-

---

Кавказа. Тбилиси, 1989. С. 80; Мунчаев Р.М. Куро-аракская культура // Археология: Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 8–58; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 35–36; Воронов Ю.Н. Западно-кавказская этнокультурная общность… С. 134

[3] В научной литературе рядом специалистов (О.М. Джапаридзе, Т.В. Гамкрелидзе, Г.А. Меликишвили) были также высказаны мнения о том, что в языковом отношении куро-аракская культура, возможно, была двух- или трехкомпонентной и включала в себя восточнокавказскую и картвельскую; восточнокавказскую, картвельскую и индоевропейскую.

[4] Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 58; Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970. С. 150–163; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 163–165; Джапаридзе О.М. К истории грузинских племен... С. 65, 259 (карта), 335; Мунчаев Р.М. Куро-аракская культура... С. 34–56; Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ... С. 50–51; Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА СССР, №100. М., 1961. С. 116; Пхакадзе Г.Г. Энеолит Квемо-Картли. Тбилиси, 1963. С. 216; Гаджиев М. С. К периодизации куро-аракссской культуры на Северо-востоке Кавказа // X Крупновские чтения. М., 1980. С. 1–4.

[5] Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э.: Этапы культурного и социально-экономического развития. СПб., 1993. С. 95–96, 163–170; О. Белли и В. Башалиев выделяют шесть родственных культур: триалетскую, тазакендскую, севано-узерликскую, кизил-ванкскую, нахчеванскую и ван-урмийскую (Belli O., Bashaliev V. Middle and Late Bronze Age Painted Pottery Culture in the Nakhichevan Region. Istanbul, 2001. P. 63).

гущественное царство Митанни (аккадцы называли его Ханигальбад, а египтяне – Нахарина). Б.Б. Пиотровский пишет, что «в III и II тысячелетиях [до н. э.],… в Передней Азии доминирующую роль играли хурритские племена, которые имели два крупных объединяющих их центра – Верхнюю Месопотамию (Митанни) и район Ванского озера (Урарту). Даже на территории Ассирии, где семитизация произошла очень рано, субстратом является определенный хурритский элемент[6]». Таким образом, благодаря постоянным притокам фактического материала становится возможным, как отмечал А.П. Новосельцев, «предполагать наличие в древности достаточно широкого ареала распространения языков этой (восточно-кавказской – Г.Г.) группы, который позднее сильно сократился в результате ассимиляции армянами и картвелами местного аборигенного населения от озера Ван до Большого Кавказского хребта[7]».

2. Хаттско-абхазо-адыгские племена

Племена западно-кавказской группы кавказской языковой семьи – хаттско-абхазо-адыгские, в IV–III тыс. до н. э. расселились по всему Центральному и Западному Кавказу, а также по Восточному и Южному Причерноморью и прилегающим к нему с юга районам Малой Азии, образуя единый этнокультурный регион[8]. Еще в XIX в. П. Услар, а вслед за ним А. Глейе, А. Грен и др. обратили внимание на то, что достаточно большая часть топонимии юго-восточного Причерноморья находит объяснение в абхазо-адыгских языках. Дальнейшие исследования древней и современной топонимии данного региона, западнокартвельских языков (мегрело-чанского и сванского), а также других историко-филологических источников привели исследователей (И.А. Джавахишвили, Н.Я. Марр, Е. Форрер, С.Н. Джанашиа, А. Ушаков, А.С. Чикобава, И.М. Дьяконов, Ш.Д. Инал-ипа, З.В. Анчабадзе, О.М. Джапаридзе и др.) к выводу, что некогда Западный Кавказ, Восточное Причерноморье и прилегающих к ней областей Малой Азии населяли хаттско-абхазо-адыгские племена. Как пишет видный грузинский ученый О.М. Джапаридзе, «в V–II тысячелетии до н. э. на территории Западного Закавказья бытовали абхазо-адыгские племена. …Многочисленные абхазо-адыгские племена в древнейшие времена обитали не только на своих нынешних территориях, но занимали всю Колхиду, часть Малой Азии и другие места[9]».

Область расселения абхазо-адыгской группы племен на Западном Кавказе в IV–III тыс. до н. э. в основном совпадает с ареалом майкопской археологической культуры. При этом следует отметить, что, согласно новейшим археологическим данным, ареал майкопской культуры охватывает и области Восточного Причер-

[6] Пиотровский Б.Б. Ванское царство... С. 58; См. также: Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа... С. 22 и далее.

[7] Новосельцев А.П. и др. Пути развития феодализма... С. 35–36.

[8] Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа... С. 21.

[9] Джапаридзе О.М. На заре этнокультурной истории Кавказа... С. 365; Его же. К истории грузинских племен... С. 65, 259 (карта), 335.

номорья[10], а также выявляется генетическая связь майкопской культуры с культурами Малой Азии[11].

Граница между племенами майкопской и куро-аракской культур проходила на Северном Кавказе по территории соврем. Осетии и Ингушетии, на Южном Кавказе – восточнее Кутаиси, далее на юго-восток по Лихскому хребту, долине Чороха, верховье Евфрата… Разумеется, очерченная граница между майкопской и куро-аракской культур весьма условна, поскольку она менялась, постоянно происходили проникновения как в ту, так и в другую сторону. К тому же в последнее время выявлены новые материалы, которые свидетельствуют об общем происхождении майкопской и куро-аракской культур. Как заметил Е.И. Крупнов, «сходство памятников майкопской культуры с памятниками культуры куро-аракского энеолита (рельефный криволинейный орнамент на керамике, формы наконечников стрел и т.д.) и соединение этих культур в поселениях Чечено-Ингушетии позволяют видеть в майкопской культуре северо-западный вариант некогда единой археологической культуры всего Кавказского перешейка. Все увеличивающееся число данных о связях этих древних культур превращает этот вопрос в важную проблему древнейшего культурного кавказского единства и его отношения к какой-то большой и тоже единой этнической общности… Несомненно, кавказская языковая семья оформилась очень давно, еще в неолитическую эпоху, может быть, еще до выступления на историческую арену Старого Света семитических, индоевропейских, угро-финских и тем более тюрко-язычных народов[12]». Поэтому говорить о существовании в древности четко обозначенных границ между двумя родственными группами племен кавказской языковой семьи, конечно, не приходится.

По мере дальнейшего развития и роста численности племен происходило их естественное дробление, сопровождавшееся освоением новых земель и расширением области расселения. Это относится к племенам как западнокавказской, так и восточнокавказской группы. Так, во II и в начале I тыс. до н. э. нахско-дагестано-хуррито-урартский этнический массив занимал уже всю территорию от

[10] Цвинария И.И. Археологические открытия на поселении Апсар // Тезисы XXXVIII научной сессии АбНИИ. Сухум, 1991. С. 42–43; Его же: Результаты раскопок Апсарского поселения в Новом Афоне // Тезисы XLVIII научной сессии АбИГИ. Сухум, 2004. С. 22–24.

[11] Джапаридзе О.М. К истории грузинских племен... С. 308; Ардзинба В.Г. О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры Древней Анатолии // Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983. С. 107–108; Ахундов Т. О связях Майкопской традиции с Южным Кавказом и Ближним Востоком. Археология, этнология, фольклористика Кавказа, Махачкала, 2007. С. 63; Инанишвили Г., Майсурадзе В., Гобеджишвили Г. Древняя бронза Кавказско-Переднеазиатского региона // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа» Тбилиси, 25–27 июня 2009 г. Тб., 2010. С. 157–159.

[12] Е.И. Крупнов Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // Советская археология. М., 1964. №1. С. 35.

Центрального и Северо-Восточного Кавказа до холмистых равнин Северной Месопотамии и Северо-Западного Ирана, а на западе – вплоть до Средиземноморья. В этот же период к западу от обозначенного ареала, на землях Северо-Западного Кавказа, западной части Южного Кавказа, Восточного Причерноморья, центральной и северо-восточной части Малой Азии, бассейна реки Галис (hАлис) (Кызыл-Ирмак), проживали родственные племена, говорившие на диалектах языков абхазо-адыго-хаттской группы кавказской языковой семьи. Данное утверждение обосновывают целый ряд исследователей (А.С. Чикобава, И.М. Дьяконов, И.М. Дунаевская, В.В. Иванов, Г.А. Климов, К.В. Ломтатидзе, О.М. Джапаридзе, Г.А. Меликишвили, Ш.Д. Инал-ипа, В.Г. Ардзинба, Т.В. Гамкрелидзе и др.) и поддерживается в широких научных кругах.

3. Индоевропейские племена

Помимо упомянутых этнических массивов, принадлежавших к кавказской языковой семье, в древности в Малой Азии были представлены также племена, являвшиеся носителями индоевропейских языков. По мнению специалистов, появление первой группы этих племен, подразделявшейся на анатолийскую и индоиранскую, относится к концу III – началу II тыс. до н. э., а второй группы – к XII в. до н. э., когда после падения Хеттского царства из Балкан в восточную часть Малой Азии продвинулись фрако-фригийские и армянские племена. Таким образом, согласно имеющимся к настоящему времени данным, на Южном Кавказе и на прилегающих к нему территориях во II – начале I тыс. до н. э. засвидетельствованы племена, говорившие на языках исконнокавказской и индоевропейской языковых семей.

4. Картвельские (грузинские) племена

Места проживания на территории Кавказа и прилегающих к нему регионов во II – начале I тыс. до н. э. пракартвельских племен выявляются довольно сложно, и прежде всего из-за отсутствия достоверных свидетельств. На проблему происхождения предков современных грузин (картвелов, мегрелов и сванов) и времени их появления на Южном Кавказе существуют различные точки зрения, как и на вопрос о том, были эти племена на указанной территории автохтонами или пришлыми. Все эти мнения могут рассматриваться как гипотезы, вероятность которых зачастую вызывает у исследователей серьезные сомнения. Не претендуя на всесторонний охват этой сложной и спорной проблемы, ограничимся кратким обзором основных гипотез, посвященных указанной проблеме и зафиксированных в научной литературе.

Гипотеза об автохтонности грузинских племен на Кавказе опирается главным образом на генетическое родство картвельских языков с кавказскими и, что эти языки входят в состав кавказской языковой семьи, образуя в нем картвельскую

группу. Причисляя картвельские языки к кавказским, известный грузинский лингвист А.С. Чикобава дает им и другое название – *иберийско-кавказские языки*[13], таким образом подчеркивая их связь с древними языками Средиземноморья. В советской грузинской историографии прямыми предками грузин вообще были объявлены все известные древние народы Передней Азии – шумеры, хетты, субары (хурриты), эламиты и др., а в мифическую «хетто-иберийскую» языковую семью было включено все древнейшее население Передней Азии и Средиземноморья[14]. Однако дальнейшие исследования опровергли это положение. Факт генетической связи хаттского и хуррито-урартского языков с исконнокавказскими языками получил новые подтверждения, однако при этом было выявлено, что сами картвельские языки не относятся к исконнокавказским, а представляют собой отдельную языковую семью[15]. Исследования показали, что гораздо более вероятна связь картвельского праязыка с праиндоевропейским и праафразийским языками, нежели с исконнокавказскими[16], а пракартвело-праиндоевропейские лексические изоглоссы принадлежат к основному лексикону, что свидетельствует о генетическом родстве этих языков[17].

---

[13] Чикобава А.С. Введение в языкознание. М., 1952. Ч. 1. С. 227.

[14] «По своему происхождению грузины принадлежат к древнему коренному населению Передней Азии. В глубокой древности, пять-шесть тысяч лет тому назад, родственные между собой народы хетто-иберийской группы занимали обширную территорию в Передней Азии, а также, распространившись отсюда на запад – в северной, прибрежной полосе Африки и в южной Европе. В Европе народы этого корня предшествовали позднейшим пришельцам – индоевропейцам, испытавшим сильное влияние аборигенного (туземного) населения и его развитой культуры. Так было на Пиренейском, или Иберийском, полуострове, где потомки древнего населения – иберов сохранились до наших дней под именем басков, на Апеннинском полуострове, где туземцы в лице этрусков создали древнейшую цивилизацию Италии, …и на Балканском полуострове, где впоследствии греки явились на смену первоначальным обитателям страны – пеласгам. …К началу второго тысячелетия до нашей эры из коренных народов Передней Азии выделились хетты и субары. Хетто-субары и были предками грузин». (См.: Бердзенешвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа А. История Грузии. Тбилиси, 1946. С. 16–17).

[15] Климов Г.А. О гипотезе внутреннего родства кавказских языков // Вопросы языкознания. № 6, 1968. С. 22; Его же: Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994; Мачавариани Г.И. К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях. М.,1964. С. 4; Гамкрелидзе Т.В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки // Вопросы языкознания. № 2, 1971. С. 29; Его же: «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. М., 1964. С. 5; Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.М. Система сонантов и аблаута в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси. 1965; Церетели Г.В. О теории сонантов и аблаута в картвельских языках. Предисловие к книге Т.В. Гамкрелидзе и Г.И. Мачавариани «Система сонантов и аблаута в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры». С. 045–047.

[16] Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.М. Система сонантов и аблаута в картвельских языках... С. 48.

[17] Дьяконов И.М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе,1989. С. 16.

Чтобы определить прародину грузин, необходимо установить прародину индоевропейцев, и это еще больше усложняет проблему, поскольку однозначного мнения по поводу области расселения носителей праиндоевропейского языка пока не существует. В настоящее время известны многочисленные точки зрения по этому вопросу, но все они группируются вокруг четырех основных гипотез, которые локализуют индоевропейскую прародину в четырех местах – в Балкано-Карпатском регионе[18], в евразийских степях[19], в Передней Азии[20] и в так называемой циркумпонтийской зоне[21]. Каждая из этих гипотез имеет определенные недостатки, отмеченные оппонентами, и ни одна из них пока не получила признания в научном мире. Что касается версии о восточно-анатолийском происхождении индоевропейцев, то она не нова. Попытки разместить прародину индоевропейцев на Южном Кавказе, в том числе и на Армянском нагорье, предпринимались еще в конце XIX в., однако уже тогда они воспринимались скептически и не были приняты всерьез, так как гипотеза не имела убедительных оснований. В 80-х гг. XX в. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов вновь попытались реанимировать теорию о переднеазиатской прародине индоевропейцев[22], однако из-за слабости аргументации теория эта вновь не получила поддержки в научном сообществе. Прежде всего, данная гипотеза строится лишь на данных лингвистики, которые были подвергнуты убедительной критике со стороны многих известных языковедов, и при этом абсолютно не берется в расчет археологическая составляющая[23]. Как пишет Л.С. Клейн, «гипотеза Гамкрелидзе – Иванова… не выдерживает сопоставления с позитивными археологическими данными о древнем прошлом нескольких избранных индоевропейских народов (я уж не говорю о собственной археологиче-

Хотя идея об иберийско-кавказской языковой семье, подразделяющейся на три родственные группы, все еще доминирует в грузинской историографии, однако, как отмечают специалисты, это является скорее следствием непререкаемости авторитета крупного грузинского лингвиста А.С. Чикобавы.

[18] Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958; Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ, 1982. № 2–3.

[19] Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977; Шилов Ю.А. Прародина ариев. Киев, 1993.

[20] Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы... Т. I, II.

[21] Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

[22] Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Указ. соч. Т. I, II.

[23] Например, игнорируется факт отсутствия в индоевропейском праязыке названий типично азиатской средиземноморской флоры (кедр, кипарис, пальма) и фауны, а также то, что в Малой Азии и на Армянском нагорье приблизительно до II тыс. до н. э. не было лошадей – ни диких, ни одомашненных. Не учитывается и экологическая ниша индоевропейской прародины, как и отсутствие архаичной индоевропейской гидронимии и топонимии на территории Армянского нагорья и в Восточной Анатолии и т.д. (См.: Рубин О.С. К проблеме локализации индоевропейской прародины // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции. Краснодар – Анапа, 2001).

ской аргументации этих авторов – она обрывочна, противоречива и основана на археологических концепциях, ошибочность которых давно установлена[24])».

Гипотеза о переднеазиатской прародине индоевропейцев находится также в противоречии с данными лингвистики, которые весьма трудно опровергнуть. Так, между исконно кавказскими и афразийскими (семито-хамитскими) языками выявлено более ста лексических параллелей, и они могли появиться лишь в результате долговременных и обширных межязыковых контактов[25]. Предполагается, что контакты между носителями афразийских и исконнокавказских языков происходили на протяжении V–IV тыс. до н. э., причем в Верхней Месопотамии в этих контактах участвовала уже выделившаяся восточнокавказская группа, а в Северной Сирии – западнокавказская[26]. С другой стороны, прослеживается тесная связь между пракавказским (праисконнокавказским) и праиндоевропейским языками (до распада праиндоевропейского), а также очевидное влияние праисконнокавказского языка на лексику индоевропейских языков. При этом пракавказский диалект, из которого осуществлялись заимствования в праиндоевропейский язык, уже несколько отличался от исходного пракавказского языка. Учитывая, что начало распада пракавказского языка относится к рубежу VI–V тыс. до н. э., а праиндоевропейского – примерно к V–IV тыс. до н. э., активные контакты между этими языками можно датировать началом V тыс. до н. э., а наличие исконно кавказских элементов в лексике отдельных подгрупп индоевропейских языков свидетельствует о том, что эти контакты продолжа-

---

[24] Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007. С. 174.

[25] Милитарев А.Ю., Старостин С.А. К проблеме афразийско-северокавказских этнолингвистических связей // «Кавказ и цивилизации Древнего Востока». Орджоникидзе, 1989. С. 24.

[26] Милитарев А.Ю., Старостин С.А. Общая афразийско-северокавказская культурная лексика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984. Ч. 3. С. 34–36.

При этом предполагается также вероятность проникновения кавказских, особенно западно-кавказских, этнических групп в Северную Африку не позднее II тыс. до н. э. (См. Милитарев А.Ю., Старостин С.А. Указ. соч. С. 35–36). Не исключено, что отдаленные отголоски этих древних связей кавказцев с египтянами проявились в сообщениях античных авторов об этнографических параллелях между египтянами и колхами, а также об их едином происхождении. С другой стороны, наличие довольно обширной древней топонимии Египта и Эфиопии, в которой обнаруживаются прямые аналогии с топонимией Абхазии, а многие из топонимов имеют достаточно прозрачную этимологию на абхазском и адыгском языках, дает ученым основание выдвинуть гипотезу о родстве абхазов с египтянами и эфиопами и о переселении абхазов из Северной Африки на Кавказ (Гулиа Д.И. История Абхазии. Сухум, 1925). А если же учесть, что, согласно египетской и шумерской мифологии, первоначальная родина верховных богов находилась в высоких горах, расположенных далеко на севере, а также то, что имена многих божеств древнеегипетского и шумерского пантеона не только находят прямые параллели в мифологии кавказских народов, но имеют и убедительную этимологию в исконнокавказских языках, то данная тема требует дальнейшего углубленного изучения.

лись и в более поздний период[27]. На протяжении V–IV тыс. до н. э. исконные кавказцы могли одновременно иметь связи и с праиндоевропейцами, и с праафразийцами лишь в том случае, если они занимали весь кавказский регион и северные районы Передней Азии, при этом праафразийцы должны были занимать территорию к югу от Северной Месопотамии и Сирии, а индоевропейцы – степные зоны Восточной Европы. Из этого следует, что ни на Кавказе, ни в Восточной Анатолии для праиндоевропейцев и пракартвельцев уже не остается места[28].

Таким образом, гипотеза об автохтонности грузинских племен на Кавказе не имеет под собой научно аргументированной основы, а потому вызывает у исследователей большие сомнения. Присутствие древнегрузинских племен на Южном Кавказе в поздние периоды бесспорно, во всяком случае, со второй половины I тыс. до н. э. они выявляется достаточно определенно. Однако вряд ли будет правомерным «устанавливаемый на основании более поздних источников факт наличия древнегрузинских племен в этих местах распространить и на более древнюю эпоху», как это предлагается в «Очерках истории Грузии[29]».

Следует отметить, что существующие в грузинской академической историографии суждения по рассматриваемому вопросу противоречивы и взаимоисключающи. Так, принято считать, что «грузинские племена с древнейших времен жили на территории Закавказья, занимая территорию нынешней Грузии, а также некоторые прилегающие к ней районы[30]». Но одновременно утверждается совершенно противоположное: во-первых, что еще в середине I тыс. до н. э. древнегрузинские племена (картвелы и мегрело-чаны) проживали на юге и юго-востоке от оз. Ван; во-вторых, что название *Картли* и самоназвание грузин – *картвели*, связано с именем *Кардухи*, а происхождение самого этого имени – с мегрело-чанским *корду*, означающим *хлев*. Как пишет Г.А Меликишвили, «в античное вре-

[27] Старостин С.А., Николаев С.Л. Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии... С. 32; Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы... С. 152–154.

[28] В последнее время все более убедительные подтверждения и все более весомую поддержку в науке получает разделяемая большинством археологов точка зрения, согласно которой, прародина индоевропейцев локализуется в степной зоне Восточной Европы, откуда и происходило в дальнейшем их расселение индоевропейских племен на другие территории (См.: Рубин О.С. К проблеме локализации индоевропейской прародины…).

[29] Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1989. Т. I. С. 90; См. также: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 82. Следуя этой логике, нужно бы было, наверное, не только прекратить исследования по исторической географии, поскольку их необходимость вообще отпала бы, но и пересмотреть всю мировую историю и, в частности, согласиться с тем, что поскольку на территории современной Турции сегодня проживают турки, тюркские племена обитали в этих местах и в древнейшие времена, а значит, не было таких держав, как Хеттское, Фригийское, Лидийское, Византийское царства и т.д. (или эти державы относились к тюркским государствам).

[30] Меликишвили Г.А. Некоторые вопросы древнейшей истории грузинского народа. Доклад на XXXI сессии Отделения общественных наук Академии Наук Грузинской ССР. Тбилиси, 1951. С. 14.

мя корду, вариант имени карду, мог возникнуть на западной-грузинской почве; в форме корду имя этого племени прокладывает себе путь, очевидно, посредством соседнего с кардухами племени западно-грузинского, мегрело-чанского происхождения[31]». Таким образом, получается, что древнегрузинские племена проживали одновременно и в Верхней Месопотамии, и на Южном Кавказе, занимая почти всю западную и центральную его части[32] и не оставляя при этом места для исконнокавказских (хаттских, абхазо-адыгских, хуррито-урартских, нахско-дагестанских) и индоевропейских племен.

Также принято считать, что «с древнейших времен Западная Грузия была населена мегрело-чанскими («западногрузинскими») племенами, которые, кроме того, были широко распространены в юго-западном направлении, на южном побережье Черного моря. В Малой Азии они соприкасались с «хеттскими» племенами, а восточнее, например, в верховьях Евфрата (Кара-Су) и т. д., с хурритскими племенами. С урартскими племенами в древности они, возможно, непосредственно и не соприкасались, поскольку были отделены от них хурритским населением[33]». Однако это утверждение вступает в явное противоречие не только с вышеприведенным мнением о том, что мегрело-чанские (западногрузинские) и картвельские (восточногрузинские) племена еще в раннеантичный период проживали в Верхней Месопотамии, но и с данными лингвистики. Так, в мегрело-чанском языке существует целый ряд слов, заимствованных непосредственно из урартского языка, минуя картвельский[34]. Такие прямые заимствования могли явиться результатом длительных этнических контактов. Судя по тому, что в картвельском языке этих заимствованных слов нет, контакты имели место после разделения пракартвельского языка на мегрело-чанский и картвельский, т.е. после VIII–VII вв. до н. э. Если допустить, что мегрело-чанские племена с древнейших времен проживали в Колхиде, то в таком случае возникает вопрос: каким образом в мегрело-чанском языке появились прямые заимствования из урартского языка,

[31] Там же. С. 11.

[32] Трудно понять, что имеется здесь в виду: то, что грузинские племена занимали всю территорию от Кавказского хребта до Верхней Месопотамии, или то, что они одновременно жили и на Кавказе, и в Кордуенских горах, на юге от оз. Ван, или то, что в античный период они переселились то ли с юга на Кавказ, то ли с Кавказа на юг. По крайней мере, ученому следовало бы объяснить, каким образом в V в. до н. э. грузинские племена вдруг, совершенно неожиданно, появились в Кордуенских горах и так же неожиданно исчезли. Как известно, в V в. до н. э. Ксенофонт упоминает кардухов на юге от места проживания армян, поэтому неизбежно возникает вопрос: как они, гипотетические картвелы, могли пройти через территорию Армении, на которой к тому времени уже существовали два армянских государства.

[33] Меликишвили Г.А. Некоторые вопросы древнейшей истории грузинского народа... С. 20.

[34] Например: урартское шел (в произношении, по-видимому, *сел*) – *ночь*, мегрело-чанское *сари – ночь*; урартское *кури – нога*, мегрело-чанское *кури – пята*; урартское *ул(а) – итти*, мегрело-чанское *ул – итти*; урартское сила – *дочь*, мегрело-чанское – *чили – жена* и др. (См.: Меликишвили Г.А. Некоторые вопросы древнейшей истории грузинского народа... С. 16.

носители которого проживали на территории Армянского нагорья. И если мегрело-чаны жили в Колхиде, находясь, начиная с VIII в. до н.э. в тесном этническом соседстве с урартами на востоке и юго-востоке (ибо другого места для урартов просто нет), то где тогда проживали собственно картвелы (восточно-грузинские племена)?

Кроме того, в таком случае остается невыясненным также ряд важных вопросов, а именно: происхождение древнейшего пласта топонимии – абхазской в Западном Закавказье и нахско-дагестанской в Восточном Закавказье, в том числе и на всей территории Картли; объяснение значительного влияния абхазского языка на картвельский (восточногрузинский) в области лексики и морфологии, если при этом минуется мегрело-чанский язык[35]; появление абхазской морской терминологии в грузинском языке[36]; датировка и локализация длительных этнических контактов между абхазскими и картвельскими (восточногрузинскими) племенами и т.д.

Для доказательства присутствия древнегрузинских племен на Южном Кавказе во II – начале I тыс. до н. э. в качестве основных научных аргументов приводятся некоторые этнонимы и топонимы, выявленные в хуррито-урартской и хаттской ономастике, которые, по мнению Г.А. Меликишвили и др., имеют грузинский облик. К ним относятся упоминаемые в урартских и ассирийских надписях и известные в центральных районах Южного Кавказа названия *Цудала, Дидини, Иштикунив, Шешетина, Забаха, Витериухи, Катарза, Диаухи, Луша, Игани* (Макалтуни), а также наименования табал, тибарен, халиб, мушк (мосх, мосох), *макероны* (*махелоны*), *цаны*, обнаруживаемые в северо-восточной и восточной частях Малой Азии. Выводы известного кавказоведа, вне всякого сомнения, заслуживают серьезного внимания, и все же грузинский облик если не всех, то, по крайней мере, части приведенных Г.А. Меликишвили названий представляется весьма сомнительным.

Цудала

По данным Сардуровской летописи, поселение (город) страны Бузуни – Цудала ([URU]Şudala), локализуется юго-восточнее озера Чалдыр и западнее верховьев реки Арпачай-Ахурян[37]. В названии *Цудала* Г.А. Меликишвили усматривает грузинское слово *суди* (*плохой*[38]). Но в таком случае отпадает сама вероятность принадлежности племени цудала к грузинскому этносу, ибо этническое слово плохой не могло быть самоназванием: обычно подобные прозвища племя получает от соседних иноязычных племен, однако нет также данных о возможном проживании по соседству с цудалами каких-либо грузинских племен.

---

[35] Чикобава А.С. Морфологические встречи… С. 149–168; Ломтатидзе К.В. О некоторых вопросах происхождения и локализации абхазов... С. 139.

[36] Дзидзариа О.П. Некоторые абхазизмы, представленные в картвельских языках // Международная научна конференция «Современные проблемы Кавказского языкознания и фольклористики». Сухум, 1999. С. 35–36.

[37] УКН, 155F, стк. 6–12; Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту. Ереван. 1985. Т. I. С. 236.

[38] Меликишвили Г.А. Наири-Урарту... С. 115.

Название *Цудала* имеет ярко выраженный нахско-дагестанский облик. По мнению К.З. Чокаева, оно нахского происхождения: *Цу* – божество огня, *Дала* – верховный бог нахов[39]. *Цу* (*ЦIу*) в качестве божества огня присутствует и у родственных нахам дагестанских народов. Так, например, верховный бог андийцев-аварцев именовался *ЦIоб*. Однако не исключена связь названия Цудала с именем дагестанского народа даргинцев – *цудаха* (*цудахар, цудал*[40]).

Дидини

Страна Дидини (^{KUR}Didini) Хорхорской надписи урартского царя Аргишти I специалистами локализуется между Дайаени (Диаухи) и Бузуни, в районе современного Карса[41]. Г.А. Меликишвили производит название *Дидини* от грузинского *диди* – *большой*[42]. Однако область с таким же названием – *Дидуала*, *Дид*(*иани*) (^{URU}*Diduala*), упоминается ассирийскими источниками (надпись Ададнерари II на стене набережной города Ашшура) также в стране Мехри[43], где пребывание грузинских племен никогда не было зафиксировано. Кроме того, в значении большой, великий это слово присутствует в абхазо-адыгских и нахских языках. Как гласит надпись ассирийского царя Тиглатпаласара I, царем 4000 каскейцев (или абешлайцев), захвативших страну Шубарту, был Дади-илу *Каскейский*[44]. Имя *Дади* – *Дади из Хубушки* – встречается и в надписях Шамшиадада V (825–812 гг. до н. э.) при описании похода против страны Наири[45]. В вайнахских языках и в фольклоре *дада* обычно имеет значение *отец*, *владетель*, *глава*, существуют также и топонимы со стержневым словом *дада*[46]. На абхазском языке *дад* означает *дед* и, обычно, используется как имя нарицательное при обращении старшего к младшему. Фиксируется имя *Дада* и в Боспорских надписях, среди адыгских имен[47]. Таким образом, слово *диди* (*дада*) в значении *большой*, *великий* относится, скорее всего, к общекавказскому словарному фонду. Следовательно, попытка определить этническую принадлежность древнего племени дидини исходя из значения слова *диди* в том или ином современном языке обречена на неудачу.

Более правомерным нам кажется сопоставление *дид* (*ини*) урартских источников с наименованием дагестанского народа – *дидои*, представители которого проживают ныне в высокогорной части Западного Дагестана[48]. Дагестанские ди-

[39] Чокаев К.З. Нахские языки... С. 77.

[40] Сравните также с абхазским словом а-Цута – поселение, поселок.

[41] УКН, 128В1, стк. 1–5; Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту... С. 73.

[42] Меликишвили Г.А. Наири-Урарту... С. 115.

[43] АВИИУ, 44, (15).

[44] Арутюнян Н.В. Указ. соч. С. 104.

[45] АВИИУ, II, 34.

[46] Вагапов Я.С. Лингвистические данные о местоположении и происхождении названий аланских городов Магас и Дедяков // «Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом». Грозный, 1984. С. 21.

[47] Бетрозов Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса... С. 131.

[48] В настоящее время территория дидойцев на юге ограничена Главным Кавказским

дои известны античным авторам как *дидуры*, армянским – *дидурк*, грузинским – *дидо-ети*.

Шешетина

Область Шешетина ([KUR]Šešetina) локализуется в стране Дайаэни (Диауехи), к северу от среднего течения реки Чорохи[49]. В этом топониме выделяется компонент *ти – Шеше*(*ти*)*на*, который рассматривается как грузинский суффикс места[50]. Однако вряд ли такое объяснение приемлемо. Дело в том, что в урартских источниках гора Шеше известна как Шешетина (Šešetina), где компонент *тина* (*tina*) означает *гора*. Согласно надписям ассирийского царя Тиглатпаласара I, Шеше ([ŠADU]Šeše) являлась одной из 16 «могучих гор» (šadâni[meš] dannute), преодоленных ассирийскими войсками во время похода против Наири. Следовательно, как и в ассирийских, так и в урартских надписях речь идет о горе (*tina*) Шеше – Шеше-тина. Так, например, в надписи урартского царя Менуа (с. Язлыташ) говорится о завоевании города диаухов Шашилу, о предании огню страны и ее крепостей и о достижении урартами горы Шеше[51]. Таким образом, выделение в этом слове компонента *ти* неправомерно, ибо в данном случае *ти* является составной частью слова *тина – гора*.

По-видимому, топоним *Шешети* (*Шавшети*), сохранившийся в современной юго-западной Грузии, имеет прямую связь с *Шеше* (*тина*) ассирийских и урартских источников. Однако данный факт сам по себе не означает, что эта область была грузиноязычной и в урартскую эпоху (2600 – 3000 лет назад). Кроме того, по одному лишь суффиксу *ти* (Шавше-ти) довольно сложно определить этническую принадлежность населения указанной области в столь давние времена. Ибо, как известно, топонимообразующий суффикс *ти* имел широкое распространение в урартской, абхазской и нахской топонимии.

Топоним *Шешети* (*Шешетина*) в урартский период фиксируется в северных районах Диаухи (Шешетина), а позднее – у истоков реки Риони (Шошети), на территории проживания двалов, относимых специалистами к нахскому этносу, а также в центральных районах Северного Кавказа (Шешета). Отсюда более правомерно, наверное, отнести население, оставившее после себя топонимы с основой *Шешети*, к нахским племенам.

Иштикунив

Страна (город) Иштикуниу ([URU]IštikuniU[KUR]) располагалась на северо-западном побережье оз. Севан[52]. Известно также и название одного из городов (центров) Иштикуниу – Алишту[53]. Г.А. Меликишвили допускает возможность того, что

хребтом, на востоке – Богосским и Мичитлинским, на северо-западе – отрогами Перикительского хребта. С юга дидойцы граничат с Кахетией, на западе – с Тушетией.

[49] АВИИУ, 10, (IV, 43); УКН, 36, стк. 1–10; Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту. С. 245–246.

[50] Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. С. 115.

[51] АВИИУ,10 (IV, 43).

[52] УКН, 134, 432; Арутюнян Н.В. Указ. соч. С. 96.

[53] Алу-*шта*: сравните с нахским топонимообразующим формантом *шта* (Аршта, Ангушт, Эгашта) и с абхазским (*а*)*шта – площадь, двор, поляна*.

компонент *иу* (*ив*) (Иштикун-ив) является грузинским суффиксом, но при этом оговаривает: «… Так как названия, в которых встречается данное окончание *ив* в других отношениях (например, своими основами) не обнаруживают близость к грузинскому языковому материалу, мы затруднились бы высказать такое предположение[54]». По его мнению, топонимы с суффиксом *ив*, «скорее всего, …должны принадлежать каким-либо близкородственным урартийцам племенам, в языке которых (подобно хурритскому) имелся суффикс *iw* (-*ip*)». Таковыми являются родственные хуррито-урартским дагестанские языки, и надо полагать, что вышеуказанные этнотопонимы с суффиксом *ив* (*иб*) своим происхождением обязаны именно дагестанским племенам[55]. В топонимии Дагестана распространены названия с окончанием на *ив//иб* (Гуниб, Цурив, Кахиб, Арчив Галиб и др.), где *ив* (*иб*) является топонимообразующим суффиксом. Суффикс *ив* продуктивен и в современных дагестанских языках: например, чеченский город Шали по-лакски называется Шалив. Таким образом, более предпочтительно считать население Иштикуниу этнически родственным современным дагестанским народам.

В грузинской исторической литературе, особенно научно-популярной, к грузинским племенам a priori причисляется также население упоминаемых ассирийскими и урартскими источниками областей Диаухи (Тайк, Тао), Катарза (Кларджк, Кларджети), Забаха (Джавахк, Джавахети), Витерохи (Видзерохи, Одзрахе, Одзрхе), Луша, Игани (Иани), хотя убедительных научных оснований для этого нет. Чаще всего приводится уже известный аргумент (см. выше): если грузинские племена проживали здесь в средневековый период, то, значит, они были здесь и ранее. Правда, историки почему-то упускают из виду, что высказавший это предположение Г.А. Меликишвили, отмечая хуррито-урартский облик перечисленных названий, а также названий, упоминаемых вместе с ними, всегда оговаривал, что его мнение об их грузинской принадлежности – всего лишь гипотеза, доказательство или опровержение которой – дело будущего. Однако дальнейшие исследования не выявили никаких фактов, которые подкрепили бы эту гипотезу, так что пока она не имеет научно аргументированного подтверждения. Поэтому, даже зная о существовании в этих местах грузинских племен позднее, вряд ли стоит утверждать, что они проживали здесь в более древнюю эпоху.

В конце II – начале I тысячелетия до н. э. на территории центральных областей Южного Кавказа урартские и ассирийские источники выделяют два крупных политических объединения – Диаухи (Диаени) и Этиаухи (Этиуни, Этив), в которые в различные исторические периоды входили перечисленные выше племена и области. На протяжении XII–VIII вв. до н. э. в ассирийских и урартских источниках Диаухи выступает как обширная и могущественная страна, стоявшая во главе огромной коалиции «стран Наири[56]». В указанных источниках название *Диаухи* генетически связано с наименованием конкретного племени и является этнонимом.

---

[54] Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. С. 115–117.

[55] Там же.

[56] Там же. С. 59–62;

В V в. до н. э. Ксенофонт использует *термин* таохи как этническое название племени, обитавшего на этой же территории. Еще позднее здесь находилась область *Тайк* древнеармянских (*Тао* древнегрузинских) источников. «Все это, – как справедливо отмечает Г.А. Меликишвили, – указывает, что перед нами местное, принадлежащее самому народу Диаухи, название[57]». Известны названия трех городов Диаухи – Шашилу(ни) (царский город), Зуа(ина) и Утуха, и имена трех царей – Сени (1111 г. до н. э.), Асиа (846 г. до н. э.), Утупуршини (809–785 гг. до н. э.), и все они, несомненно, имеют хуррито-урартский облик. Хуррито-урартский облик обнаруживают и названия племен и областей, входивших в состав объединения Диаухи, причем часть из них имеют прямые аналоги в нахской этнотопонимике, о чем речь пойдет ниже.

Предполагается, что в конце правления урартского царя Аргишти I (786–764 гг. до н. э.) и начале царствования Сардура II (764–735 гг. до н. э.) объединение Диаухи было завоевано и прекратило свое существование. После этого в урартских письменных источниках Диаухи как объединение больше не упоминается. Согласно представленной в специальной литературе версии, государство Диаухи, ослабшее в продолжительной войне с Урарту, пало, после чего было включено в состав Урарту, а часть его земель в долине Чороха заняло усилившееся государство Кулха[58]. В период господства Ахеменидов территория Диаухи (Тайк) входила в 18-ю сатрапию Персидской империи, а примерно с начала II в. до н. э. стала составной частью Великой Армении. Согласно Страбону, жители Армянского нагорья, в том числе Тайка (Диаухи), Кларджк (Кларджети) и Джавахк (Джавахети), уже во II в. до н. э. общались между собой на армянском языке, что, безусловно, говорит об ассимиляции проживавших здесь хурритоурартских и родственных им племен с переходом на армянский язык[59]. Так, например, считается, что знаменитые армянские нахарары (князья) Тайка (Тао) Мамиконяны являются прямыми потомками «древнего и могучего княжеского рода *diao*» (*dia-uhi,* диаухи[60]).

К востоку и юго-востоку от Диаухи – в долине Аракса, в бассейне Чалдырского озера, лежали страны Эриахи, Катарза, Луша, Иани (Игани), Уитерухи, Иштелуани, Абилианихи и др. Из них Луша и Иани (Игани) урартских источников локализуются на юге и юго-западе Чалдырского озера и сопоставляются соответственно с лазами и гениохами (hениохами) Черноморского побережья. Предполагается, что, после падения Понтийского царства, на рубеже новой эры, среди племен, проникших в Восточное Причерноморье, были и *луша*, и *игани*, ставшие здесь из-

[57] Там же. С. 58.

[58] Там же. С. 263–265.

[59] Str., XI, 14, 5.

[60] Капанцян Гр. Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении. Ереван, 1940. С. 32. Область Тайк вплоть до VIII в. н.э. являлась наследственной вотчиной могущественного армянского нахарарского (княжеского) рода Мамиконянов, наследных военачальников (спарапетов) Армении. В VIII в. (734–735 гг.) сюда переселились со своими семьями представители одной из ветвей нахарарского рода Багратуни, ставшие владетелями Тайка.

вестными уже под именами *лазы* и *гениохи*[61]. Однако нет никаких свидетельств, которые могли бы подтвердить указанное предположение, а напротив, возникает ряд вопросов, без ответов на которые эту гипотезу сложно принять. Так если допустить, что лазы и гениохи являются западногрузинскими племенами луша и игани, переселившиеся из района Чалдырского озера к берегам Черного моря на рубеже новой эры, то не понятно, как в таком случае объяснить: 1) что гениохи (hениохи) были известны на побережье Черного моря уже начиная с середины I тысячелетия до н. э. и занимали обширную территорию Черноморского побережья, включая и территорию к север-западу от Колхиды; 2) что в античных источниках гениохи представлены бесстрашными пиратами, которые в IV в. до н. э. совершали на своих знаменитых судах нападения не только на корабли в открытом море, но и на города на суше; 3) что гениохи были искусными судостроителями и мореплавателями, и слава о них распространилась далеко за пределы стран Черноморского бассейна; 4) что первоначально Лазикой древние авторы называли местность близ Туапсе (*Старая Лазика*); 5) что в древности была весьма сильна традиция, согласно которой лазы считались древнейшими обитателями Колхиды и прямыми потомками колхов и т.д.[62]

Вряд ли на основе лишь только весьма сомнительного внешнего созвучия (*луша – лаз, игани – гениох*) уверенно заявлять о принадлежности к западногрузинским (мегрело-чанским) племенам население областей Луша и Игани, проживавшего, согласно урартским источникам, около Чалдырского озера, в окружении племен, говоривших на хурито-урартских и нахско-дагестанских языках – тем более что переход урартского *Луша* в *Лаз*, а *Игани* (*Иани*) в *hЕниох* с точки зрения лингвистики небезупречен и вызывает у языковедов серьезные возражения[63].

В урартских надписях *Луша* и *Игани* часто выступают в составе объединения *Этиуни* (*Этиухи, Этив*). Могущественное объединение Этиуни (Этиухи) вышло на политическую арену после падения Диаухи, заняв обширную территорию от района Карса-Эрзерума на западе до слияния Куры и Аракса на востоке, включая такие области, как Айрарат, Тайк, Гугарк, Арцах, Сюник и другие, позднее ставшие частями Армении[64]. Среди областей и племен, входивших в состав Этиуни, урартские источники называют также Дидини, Цудала, Катарза, Луша, Эриахи

[61] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 366–367.

[62] Кстати, Г.А. Меликишвили отмечает, что лазы являлись древнейшими обитателями Колхиды и «прямыми потомками колхов», однако далее, противореча собственному мнению, ученый пишет, что «горское племя лазов, вероятно, проникло в низменные районы Колхиды на рубеже н. э.» из области Луша урартских источников, лежавшей около Чалдырского озера (См.: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 66, 67, 366–367). Возникает вопрос: каким образом лазы, проникшие на территорию Колхиды на рубеже новой эры, могли быть древнейшими жителями этих мест и прямыми потомками колхов, проживавших здесь ранее и известных в письменных источниках еще со второй половины II тысячелетия до н. э.

[63] Карагезян Ов. Топонимика клинописи. Ереван, 1998. С. 160, 210 (на арм. языке).

[64] См. Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. С. 251; Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту. С. 262–263.

(Эры), Иани (Игани), Витерухи, Апуни, Абиани, Аркуа (на правом берегу Аракса, у подножья горы Арарат), Уаирда и др.[65] Все перечисленные названия, как и подавляющее большинство прочих этнотопонимов, упоминаемых урартскими и ассирийскими источниками, характерны для хуррито-урартской и нахско-дагестанской ономастики, что неоднократно было отмечено различными исследователями, в том числе и самим Г.А. Меликишвили.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в период правления урартского царя Сардури II (764–735 гг. до н. э.) во главе объединения Этиухи стоял царь Игани Диуцини. Так, например, известно, что около 748 (746) г. до н. э. Сардури II вел войну против «Диуцини иганиеца, царя страны Этиухи[66]». Очевидно, что иганийцы могли возглавить союз племен, проживавших на столь обширной территории Южного Кавказа, лишь при условии, что были одного с ними этнического происхождения и говорили на том же языке, что и основное население региона. Как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении материалы, в середине VIII в. до н. э. большинство населения указанного региона составляли хуррито-урартские и нахско-дагестанские племена. Позднее, уже в античный период, данные территории вошли в состав Великой Армении, и основная часть населения, видимо, была ассимилирована и стала составной частью армянского народа. Имя *Луша* сохранилось в названии армянской области *Лори*, а иганийцы дали начало известному армянскому нахарарскому (княжескому) роду Гнуни[67].

Примечательно также то, что названия с характерным для дагестанских языков окончанием -ив (Абарсунив, Каманив, Цурзалдив, Ликив и др.) упоминаются урартскими источниками в основном в восточных областях объединения Этиуни (Этив, Этиухи[68]). Именно в этих районах встречаем ряд этнотопонимов урартского периода, имеющих прямые параллели в современной этнотопонимической номенклатуре Дагестана. К таковым можно отнести, например, *Шаке*, *Албан*, *Ликив*[69], причем урартские источники называют их на левобережье Аракса[70], а позже, в античный и средневековый периоды, встречаем их уже на левобережье Куры и в районах Восточного Кавказа.

В то же время нельзя не заметить, что в наименованиях областей и племен, размещавшихся в Диаухи и в западной части Этиуни, т.е в центральной части Южного Кавказа, преимущественно проявляется уже связь с нахской этнотопонимической номенклатурой. Помимо уже отмеченных выше, следует привести и наименование племени и города *Хилдихерули* в стране Диаухи, которое находит свою параллель в названии известного чеченского тейпа и одноименной местно-

---

[65] УКН, 155, A, 13 и сл.; Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 57; Арутюнян Н.В. Указ. соч. С. 126–127, 258–259.

[66] УКН, 155, C, 49–55; Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 227.

[67] Капанцян Гр. Историко-лингвистическое значение… С. 13.

[68] УКН, 155D, стк. 47–52; УКН, 155A, стк. 13–19; АВИИУ, 10 (IV, 43); АВИИУ, 49 (233).

[69] Ликив (Лик-ив) урартских клинописей связывается с этническим названием дагестанского народа леков (леки).

[70] Карагезян О. Топонимика клинописи... С. 163.

сти *Хилдехьарой («Заречные»*) в горной Чечне. Думается, что для доказательства идентичности этих названий не требуются дополнительные объяснения (см. также ниже).

Сложно определить, каких пределов на севере достигало объединение Этиаухи (Этиуни) и как долго оно просуществовало – возможно, в период могущества Урарту страна Этиуни была завоевана и включена в состав Урартского царства. В античное время племенные группы этиуны (*удины* − античных, *ути* − армянских источников) и эры известны уже на побережье рек Куры, Иори и Алазани. О том, что основная часть древнейшего населения этого региона принадлежала нахско-дагестанским народам, помимо всего прочего свидетельствуют данные топонимики и гидронимики. Например, название реки *Кура* происходит от дагестанского *кур – река* (хапут.-крызск. *кур*; будугск. *кур*; срызск. *кур*; хапутск. *кур*; рутульск. *кор*). Наименование реки *Иори* также восходит к аварскому *иьор – река*, *вода*. Оно также составляет основу ряда гидронимов (названий озер) Алазанской долины: *Ур, Рахквор, Ханзиор, Кудор* и др.

Если в том, что удины (ути) относятся к лезгинскому народу, нет никаких сомнений, то вопрос этнической принадлежности эров пока остается открытым. Имеющиеся на сегодняшний день материалы не позволяют однозначно ответить, к каким именно племенам – нахским или дагестанским, принадлежал этот народ. Можно лишь с уверенностью сказать, что эры – одни из представителей нахско-дагестанской языковой группы исконнокавказской языковой семьи, и это мнение в научных кругах не вызывает возражений. Свою этническую самостоятельность эры сохранили на протяжении всего раннего средневековья – периода возникновения и расцвета Эретского княжества, а впоследствии – царства. Только после XV в. одна часть эров, вероятно, слилась с грузинами, а другая, скорее всего, эмигрировала и стала известна уже под другим именем.

Таким образом, несколькими путями, по линии племенных названий выявляется близость населения Диаухи и Этиаухи к восточно-кавказской группе племен, а значит, становится вероятным предположение о том, что Диаухи и Этиаухи представляли собой объединения родственных племен, судя по всему, хурритоурартского и нахско-дагестанского. Во всяком случае, практически все этнонимы и топонимы данного региона, сохранившиеся в ассирийских и урартских надписях, имеют ярко выраженный хуррито-урартский и нахско-дагестанский облик, а значит, принадлежность проживавших здесь племен к восточнокавказской языковой группе кавказской (исконнокавказской) языковой семьи вряд ли может вызывать сомнения. Подтверждением тому служит также и тесная связь материальной культуры отмеченных областей с культурой более северных регионов Южного Кавказа.

В грузинской историографии к древнегрузинским племенам принято относить также и ряд племен, упоминаемых древними авторами на территории Восточного Причерноморья и Восточной Анатолии. По этой проблеме в научной литературе существуют прямо противоположные мнения, и вряд ли возможно добиться полной ясности без дальнейших исследований. В настоящей работе не ставиться задача рассмотрение сложной проблемы этногенеза племен данного региона.

Следует отметить лишь, что после детального изучения сведений первоисточников отождествление, например, халибов, мосхов (мушков), тиберанев, табалов, макеронов и ряда других народов с древнегрузинскими племенами уже не кажется столь убедительным. Некоторые из этих народностей, например, макероны (махелоны), цаны могут иметь отношение к нахскому этническому миру, но об этом пойдет речь ниже. Здесь же будут рассмотрены некоторые соображения, касающиеся мушков//мосхов//масахов.

5. Мушки//мосхи

В горных районах Южного Кавказа, начиная с V в. до н. э., античными авторами упоминается народ мосхи (масахи//месхи). С этнонимом *мосхи//месхи* сопоставляются названия нескольких объектов: Мосхийских гор – горного хребта к северу от долины реки Чороха, области Самцхе (Са-месхети) и поселения Мцхета (Месхе-та), расположенного у впадения реки Арагви в Куру.

В научной литературе кавказские мосхи (месхи) связываются с малоазиатскими мушками (mušku), известными с конца II тыс. до н. э. Согласно надписи ассирийского царя Тиглатпаласара I (1115–1077 гг. до н. э.), около 1165 г. до н. э. мушки захватили страны Алзи и Пурулумзи (Пурукузи), располагавшиеся у верховье Тигра и на сопредельных территориях, в долине Арацани и на склонах Сасунских гор. Около 1115 г. мушки, уже вместе с касками (и абешлами) и урумейцами, спустились с гор и захватили страну Кадмухи (Катмухи) – область к северу от гор Кашийари (Тур-Абдин) в северной Месопотамии. 20-тысячное войско абешлов, кашков, мушков и урумейцев возглавляли 5 царей[71]. Предполагается, что затем мушки осели в этих местах. Позднее, в IX в. до н. э., они упоминаются здесь уже как земледельцы[72].

В IX (VIII?) – VII вв. до н. э. в центре Малой Азии, к западу от Киликийского Тавра, формируется Фригийское царство, именуемое в ассирийских и урартских источниках *Мушку*, а в древнееврейских – *Мосох, Мошок*. Столицей этого царства был город Гордион, названный по имени его основателя, первого царя Гордия. Помимо этого, известно имя фригийских (мушкских) царей *Мита* (*Мидас*), причем имена *Гордий* и *Мита* (*Мида*) поочередно носили несколько фригийских царей. Позднее, согласно Геродоту, мосхи локализуются также на северо-востоке Малой Азии, рядом с тибаренами, макронами, моссиниками и марами, и вместе с перечисленными народами они входят в 19-й округ Ахеменидской Персии[73].

Проблема происхождения мушков//мосхов и их этнической идентификации в исторической науке до сих пор считается неразрешенной. По мнению ряда исследователей, исходным местом проживания мушков, из которого они после падения Хеттского царства, примерно в конце XII в. до н. э., в составе фрако-фригий-

[71] АВИИУ, 10 (I, 62); АВИИУ, 23 (I, 69); УКН, 278, стк. 2–4.

[72] Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа... С. 209.

[73] Геродот. III, 94.

ских племен пришли в Малую Азию, являются Балканы (область Моесиа). Часть мушков (мосхов), продвинувшись до нижнего течения Арацани, осела в областях Алзи и Пурулумзи, и эти восточные мушки отождествляются с протоармянскими племенами[74].

Другая часть ученых предполагают, что миграция мушков происходила с востока на запад, а не в обратном направлении[75]. А. Хачатрян и С.Т. Еремян, например, считают, что название *мушки* следует связывать с именем страны *Мок*(*к*), упоминаемой древнеармянскими письменными источниками на юге от озера Ван, и с проживавшими в этой стране племенами, которые позднее переселились на северо-запад (в долину Верхнего Евфрата) и в центральные районы Малой Азии, во Фригию[76].

В соответствии с еще одной точкой зрения, мушки – это древнегрузинские племена, которые в составе древнеабхазских и древнеадыгских племен (абешлов и кашков) переместились в XII в. до н. э. с Южного Кавказа (с поздних Мосхийских гор) на юг и поселились в долине Арацани и верхнего течения Тигра, а спустя четыре столетия, в 70-х гг. VII в. до н. э., возвратились обратно, в центральные области Южного Кавказа[77].

На основании внешнего сходства терминов А. Гётц сопоставлял мушков//мосхов с касками (косоги//адыги[78]), а Н.Я. Марр – с абазгами (абаски//абхазы[79]). А.В. Косян же предлагал отделять восточных мушков от западных (фригийцев), поскольку первые, по его мнению, автохтонны, и первоначальными местами их обитания являются северо-западные и западные районы Армянского нагорья, откуда они вместе с кашками и абешлами продвинулись на юг, в Алзи и Пурулумзи[80].

Однако приведенные выше версии, на мой взгляд, недостаточно обоснованы исторически и не исчерпывают проблему. Благодаря совокупному анализу имеющегося материала, посвященного мушкам//мосхам, есть возможность дать этой проблеме иное освещение.

Прежде всего, отметим, что в грузинской историографии довольно часто происходит отождествление мушков с мосхами и месхами античных авторов,

---

[74] Дьяконов И.М. Хетты, фригийцы и армяне // «Переднеазиатский сборник». М., 1961. Вып. 1. С. 223–225; Его же: Предыстория армянского народа... С. 78.

[75] Маккуйн Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983. С. 55–57; Еремян С.Т. Историческая среда формирования армянского народа (на арм. языке) // «Наука и техника». Ереван, 1985. № 4. С. 31–33.

[76] Хачатрян А. История Армении в клинописный период (на арм. языке). Ереван, 1933. С. 44–48; Еремян С.Т. Историческая среда формирования армянского народа... С. 31–33.

[77] Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. С. 410–411; Его же: К истории древней Грузии. С. 111–112; Хазарадзе Н.В. К вопросу о расселении мосхов в VI–V вв. до н. э. // «Проблемы истории Закавказья». Тбилиси, 1991. С. 89–90.

[78] Goetze A. Kleinasien. 2. Ausg., Munchen, 1957, p. 179.

[79] Марр Н.Я. О языке и истории абхазов... С. 68.

[80] Косян А.В. Проблема восточных и западных мушков. ИФЖ, № 1–2. Ереван, 1996. С. 205–219.

а последних – с древнегрузинскими племенами. При этом мушки выступают в литературе то картлийскими[81], то мегрело-чанскими[82], то южногрузинскими племенами, проживавшими к юго-западу от оз. Ван[83]. Несмотря на то, что гипотеза о грузинской принадлежности мосхов в научной литературе была подвергнута вполне обоснованной критике, в историографии мушков//мосхов a priori причисляют к грузинским племенам.

Парадоксально, но сторонники принадлежности мушков к древнегрузинским племенам для обоснования своего мнения почему-то приводят именно те аргументы, которые не только не имеют никакого отношения к грузинскому этносу, но и, напротив, свидетельствуют как раз о противоположном, подтверждая, что мушки (мосхи) никак не могут относиться к грузинским племенам. Так, одним из основных доказательств принадлежности мушков//мосхов к грузинским народностям считается дагестанское (аварско-андийское) название проживающих в современной Восточной Грузии тушин – мосок//мосох[84]. Но ведь это явное недоразумение, ибо тушины относятся к нахскому (чечено-ингушско-бацбийскому) этническому миру. Еще в начале XX в. Н.Я. Марр, совершивший научную экспедицию в Тушетию, отмечал, что тушины все еще сохраняют свой родной язык – бацбийский (южная подгруппа нахских языков), но находятся при этом на стадии перехода на грузинский язык и слияния с грузинами[85]. Кстати, процесс ассимиляции нахских тушин в грузинской этнической среде по-прежнему не завершен и продолжается по сей день[86]. Свою этническую индивидуальность и родной язык до сих пор сохраняют цова-тушины (цу-бацой), а представители тушин, ассимилированные с грузинами, хотя и осознают уже себя в национальном отношении грузинами, но все еще сохраняют собственный культурный облик, указывающий на генетическое родство их с чеченцами и ингушами[87].

Дагестанский исследователь Т.М. Айтберов в своем специальном исследовании определил, что термин «мосох являлся аварским названием именно нахоязычного населения современной Грузии – Цова-Тушети», в то время как на-

[81] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. С. 96, 150; Его же: К изучению древней восточномалоазийской этнонимики. ВДИ, 1962. № 1. С. 145; Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии... С. 48.

[82] Микеладзе Т.К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974. С. 35.

[83] Мусхелишвили Д.Л. К вопросу о связях центрального Закавказья с Передним Востоком в раннеантичную эпоху // «Вопросы археологии Грузии». Т. 1. Тбилиси, С. 17–30.

[84] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 72.

[85] Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов… С. 1383, 1388.

[86] См.: Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков… С. 35.

[87] Известный грузинский этнограф 30-х гг. XX в. С. Макалатия отмечал: «Цова-тушины говорят на цовском языке. По происхождению их язык галгайский и родственен кистинскому. Но в этом цовском языке много укоренившихся, заимствованных из грузинского языка слов. Цовцы любят свой родной язык и дома и вне его между собой разговаривают на нем. В их семьях цовский знают все – не знать язык просто стыдно. Дети цова-тушин начинают говорить на цовском и уже потом учат грузинский.» (Макалатия С.И. Тушети. Тбилиси, 1933. С. 109).

хов-бацбийцев, ассимилировавшихся с грузинами, аварцы-андийцы называют тушинами (туш), что говорит о том, что они четко различают нахоязычных мосохов-тушин и грузиноязычных тушин[88].

Кстати, Г.А. Меликишвили именно на основе сопоставления названия урартской области *Цупа* (*Цова*) с нахским этнонимом *цова* (*цова-тушины*), т.е. мосохами, приходит к выводу о связи племен этой урартской области с чечено-ингушским (кистино-бацбийским) населением Кавказа[89]. Вторая часть термина *цова-тушины – туш*, в основе которой лежит имя нахского божества *Тушоли*, также связывается с урартским божеством Теишуба и с названием столицы Урартского царства Тушпа (Туш-па)[90].

Для доказательства принадлежности мушков к древнегрузинским племенам была предпринята также попытка связать происхождение имен *Картли* (наименование страны) и *картвел* (самоназвание грузин) с *Гордиенскими*, или *Кордуенскими*, горами (совр. Курдистанские горы) и с племенем кардухи, а также с именем царей Фригии (Мушку) *Гордий* и названием фригийской столицы *Гордион*. И хотя Г.А. Меликишвили оговаривает, что «отождествление северомесопотамских мушков с поздними кардухами – гордиями, и вместе с тем с картвельскими племенами все еще, конечно, является гипотезой[91]», в современной грузинской историографии кардухи, как и мушки, причисляются к древнегрузинским племенам без какого-либо научного обоснования.

Сопоставление наименований *Кордухи* и *Гордиен* ассирийских и урартских источников с названием *Карт*(*ли*) и самоназванием грузин – *картвелы*, было бы правомерным в том случае, если бы было достоверно известно происхождение самого термина кард, горд, карт, а также если бы начиная с конца II – начала I тыс. до н. э. этот термин являлся бы самоназванием древнегрузинских племен или обозначением этих племен в иной языковой среде в процессе их продвижения из района Кордухских гор в центральные области Южного Кавказа. Но напротив, древнегрузинская историческая традиция говорит о том, что название страны *Карт-ли* происходит от имени вершины горы *Карт*, расположенной у слияния рек Арагви и Куры[92]. Как отмечает Г.А. Меликишвили, в географическом названии Картли коренным является слово Карт (Карти), поскольку именно так первоначально именовалась вершина горы, на которой были построены крепостные сооружения и которая являлась центром окружающих ее земель; затем по названию центра была названа и страна. Отсюда же происходит и самоназвание грузин – картвел[93].

---

[88] Айтберов Т.М. Нахоязычный район Мосок в XVI – начале XIX в. (Локализация и политические связи) // «Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом». Грозный, 1984. С. 56; См. также: Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе... С. 85.

[89] Меликишвили Г.А. Наири-Урарту... С. 175; Его же: К истории древней Грузии... С. 150.

[90] Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков… С. 37; Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов... С. 140.

[91] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 109.

[92] Картлис цховреба. С. 35.

[93] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 95.; См. также: Бердзенишвили

По поводу этимологии термина *карт* существуют различные точки зрения, но ни одна из них пока не признана удовлетворительной. Согласно А. Шанидзе, например, *Картли* – это *Партни*, т.е. жители Парфии и сама Парфия[94], другие же ищут корни этого термина в индоевропейских языках. Г.А. Меликишвили, С.Н. Какабадзе связывают его с мегрельским *корти – место, стойло для скотины*[95], в связи с чем в северную Месопотамию, в соседние районы, где жили кордухи, переселяют и мегрело-чанские племена[96]. Однако все эти предположения представляются лишенными основания хотя бы по той причине, что в мегрело-чанском языке слово *корти* не является исконным словом, а заимствованным из абхазо-адыгского языка, где *а-гуарт-а* (*gyarta*) – *место скучиванья скота*[97]. Проникновение же абхазо-адыгского *гуарта* в мегрело-чанский язык могло произойти лишь в тот период, когда мегрело-чаны были расселены в районах Южного Кавказа, но отнюдь не тогда, когда они жили в Северной Месопотамии (если хотя бы гипотетически и допустить возможность их пребывания там). Впрочем, если согласиться с тем, что мегрело-чанские племена в конце II и начале I тыс. до н. э. жили на севере Месопотамии, то в таком случае, их, разумеется, нельзя уже сопоставлять с носителями колхидской культуры.

В свое время еще Н.Я. Марр отмечал, что термин карт не имеет объяснения в грузинской языковой среде, а «самоназвание грузин ქართველი образовано не от чистой основы термина ḳarṭ, а от абхазской формы а-карт-уа, *а-kartw-a*», где *уа* (*wa*) означает *люди*[98], то есть *люди* (*местности*) *Карт*. Как известно, первоначально абхазские и картлийские (картвельские) племена находились в длительном этническом контакте в районе Лихского хребта, а позже с юга между ними вклинились мегрело-чанские племена. Об этом свидетельствует древнейший пласт абхазской топонимии, выявленный в этих местах, а также значительное влияние абхазского языка на картлийский – минуя мегрело-чанский, как в области лексики, так и морфологии[99]. К сказанному следует и то, что этноним *картуел* (*картвел*) помимо самих грузин известен только лишь абхазам. С учетом всего этого предположение Н.Я. Марра выглядит весьма убедительным.

Что касается самой основы *карт* термина *картвел*, то еще в начале XX в. К.М. Туманов предложил, на мой взгляд, довольно убедительную этимологию

Н.А. Вопросы истории Грузии (на груз. языке). Т. VIII. Тбилиси, 1975. С. 208 и далее.

[94] Шанидзе А.Г. Этимологические замечания: Картли, картвели (на груз. языке) // Труды кафедры древнегрузинского языка. Тбилиси, 1980. Т. 23. С. 11.

[95] Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 95; Какабадзе С.Н. К вопросу о столице Древней Картли (Иберии) Армази-Мцхета //«Эллинистический Ближний Восток: Византия и Иран». М., 1967. С. 194.

[96] Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 108.

[97] Гублиа Р.К. Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках. Сухум, 2002. С. 30–31.

[98] Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов… С. 1407; Его же: О языке и истории абхазов... С. 14.

[99] Чикобава А.С. Введение в языкознание... С. 149–168; Ломтатидзе К.В. О некоторых вопросах происхождения и локализации абхазов... С. 139.

этого слова на базе нахских языков, но данный факт странным образом выпадает из поля зрения исследователей. В вайнахских языках (чеченском, ингушском и бацбийском) вершина горы называется *куорт* (*корт*), оно, т.е. название, широко распространено в географической номенклатуре Чечни и Ингушетии (например, Арч Корт, Барт-Корт, Цхоар Корт и др). Если учесть, что вайнахский дифтонг *уо* соответствует грузинскому (картлийскому) *а* и мегрело-чанскому *о* (например: вайнахское *куотам – курица*, и грузинское *катами*; вайнахское *хуох – лук*, и грузинское *хахви*; вайнахское *луом* – лев, и грузинское *лом* и т.д.), то становится очевидным, что название *Карт* происходит от вайнахского *куорт* (*куорт → карт*) *– вершина, голова*[100].

Как уже отмечено, название страны Карт(ли) и производный от него этноним картвел происходят от географического наименования вершины горы *Карт* (< *Куорт*), находящейся у слияния рек Арагви и Куры, где было построено крепостное сооружение, вокруг которого затем стали объединяться близлежащие земли. Впоследствии, как уже было отмечено выше, название центральной части страны – *Карт*, распространилось на окружающие территории и их население. По свидетельствам древнегрузинских источников, которые подтверждаются и данными археологии, в середине I тыс. до н. э. этнический состав Картли был смешанным (согласно «Картлис цховреба», здесь говорили на шести языках). Поэтому, надо полагать, разнородное население не имело общего самоназвания, не существовало также, видимо, и единого, общепринятого этнонима, которым бы именовали жителей данной территории их соседи, вследствие чего последние и стали называть жителей этой страны по названию ее центра – *Карт – карт-уаа – карт-уел – карт-вел – люди* (*местности*) *Карт*. И именно оно впоследствии стало самоназванием грузинского (картвельского) народа, сформировавшегося в процессе слияния проживавших на территории Картли различных этнических групп.

Правомерность предложенной К.М. Тумановым этимологии слова *карт* (*вершина горы*) может быть подтверждена и тем, что практически все топонимы с корнем *горд//гард, корт//карт* – как древних источников, так и ныне существующих на вышеуказанной территории являются горными вершинами или хребтами. Топонимы с основой *горд//гард, корт//карт* в древности были распространены от верховьев Большого Заба на юге до центральных и восточных районов Северного Кавказа на севере. Примеры таких топонимов: Гордиенские (Кордуенские) горы в верховьях Большого Заба; хребет Карт(евин) на северо-западе от Ванского озера; горы Кордук (Кортук), ущелье Карт (Картдзор) в верховьях Чороха; высокие пики Сурамского хребта – Кортохи, Карт(чхали); Гордиенские горы Плиния в районе Дарьяльского ущелья; названия вершин гор и хребтов с основой на *куорт//корт* в горной полосе Чечни, Ингушетии и Осетии[101].

Тот факт, что все эти топонимы, разбросанные по территории от Северной Месопотамии до Северного Кавказа, имеют формальное сходство, естественно,

[100] Подробно см.: Туманов К.М. О доисторическом языке Закавказья... С. 54–62.

[101] Там же. С. 56–58; Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 1, 1976; Ч. 2, 1978; Ч. 3, 1980; Ч. 4, 1985; Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов... С. 132.

еще не означает, что своим происхождением они обязаны лишь нахскому языку, и, разумеется, северо-месопотамское *кард* (*горд*) и кавказское *карт* (*корт*), кроме схожести в произношении, могут не иметь больше ничего общего. Но в то же время нельзя не учитывать, что названия с основой *горд//гард, корт//корт* распространены в местах, где раннее проживали племена, говорившие именно на родственных языках – хуррито-урартском и нахско-дагестанском, и поэтому, можно предположить, что слово *горд//корт* (*вершина, голова*) принадлежит к общему словарному фонду этих языков.

При этом следует учесть, что в Передней Азии, помимо топонима *горд//корт,* зафиксировано множество других древних этнотопонимических образований, сходных с этногеографической номенклатурой Ингушетии и Чечни и имеющих надежное объяснение в нахских языках. Одновременно привлекает внимание тот факт, что скопление похожих этнотопонимических наименований находится именно в тех местах, где засвидетельствованы восточные мушки, а именно – в нижнем течении Арацани (области Алзи и Пурулумзи), в Сасунских, а также Гордиенских горах, в верховьях Тигра (Аранцахи). Среди них особое внимание заслуживает название страны *Мокк*, располагавшейся между Гордиенскими горами и озером Ван. Еще К.М. Туманов связывал это название с нахским словом *мохк – страна*[102]. Принимая во внимание существующее в научной литературе мнение о том, что страна Мокк являлась исходной точкой миграции мушков на север и северо-запад, такое сопоставление представляется вполне оправданным[103].

Но как бы ни решился вопрос происхождения названий Гордиенских, Кордухских гор Северной Месопотамии, упоминаемых ассирийскими и урартскими источниками, учитывая всю совокупность имеющихся на сегодняшний день материалов, делает более чем вероятным, что топоним *Карт*(*ли*), как и производный от него этноним *картвелы* восходит именно к нахскому названию вершины горы у слияния Арагви и Куры: *Карт* (← *Куорт*) – *вершина, голова*. Доказательством этому служит, как уже отмечено, и абхазское название страны *Картли* (*Карт-тьыла*) и ее столицы Тбилиси – *Карт*, а также этноним *акартуа*, обозначающий букв. *люди* (*местности*) *Карт*. Несомненно, так могло называться только племя (или группа племен), селившие место, которое уже было известно как Карт, а потому применение термина *а-карт-уа* (*картвел)* как этнонима – явление вторичное.

Таким образом, как видим, из всех аргументов, приводимых в защиту гипотезы о возможной связи мушков, а через них кардухов Большого Заба, а также имени фригийского (мушского) царя *Гордиона* и названия *Карт*(*ли*) с грузинскими племенами, не остается ни одного. И если все же прослеживается связующая нить между переднеазиатскими мушками и кордухами, кавказскими мосхами (мосохами) и названием Карт, то это свидетельствует скорее о вероятности связи мушков-мосохов именно с нахскими племенами.

[102] Туманов К.М. О доисторическом языке Закавказья... С. 30–31.

[103] Страна Мокк (арм. Մոկք, у греко-римских авторов – *Моксоэна*) располагалась к югу от озера Ван, в горах Армянского Тавра. Ее центром был город под тем же названием – Мокк. Согласно древнеармянским источникам, горцы-мокцы пользовались среди армян репутацией храбрых воинов.

В следствие вышеизложенного могут предстать в новом свете и причины происхождения тех поразительных фригийско-нахских параллелей, которые изумляли многих исследователей. Л.П. Семенов, посвятивший этой теме специальное исследование («Фригийские мотивы в древнеингушской культуре»), выявил свидетельства непосредственных контактов древних ингушей с фригийцами[104]. Во избежание повторений отметим лишь головной убор фригийцев, сохранившийся до сих пор у вайнахов и известный в литературе как фригийский колпак. Хотя, характеризовать данный головной убор как фригийский, возможно, не совсем правильно, поскольку подобные головные уборы были известны в Малой Азии за тысячу лет до появления там фрако-фригийских племен. Высокие колпаки были популярны у хурритов еще в первой половине II тыс. до н. э. (например, материалы из Арапхи), а у ингушских женщин т.н. фригийский колпак, именуемый на нахских языках *курхарс*, был широко распространен вплоть до недавнего времени[105]. Такие головные уборы найдены в древних поселениях и могильниках VI–IV вв. до н. э. (Нестеревское, Исти-Су, Луговые, Урус-Мартановские и др.), в том числе и в древних горных солнечных могильниках *мальх-каш*, а также в средневековых захоронениях XIV–XVIII вв.[106] Как справедливо отмечают исследователи, такое единообразие древних, средневековых и современных нахских головных уборов, несомненно, указывает на преемственность материальной культуры. При этом следует подчеркнуть такой существенный факт: характерные фригийские мотивы присутствуют только лишь у ингушей, у других кавказских народов они не выявлены. Безусловно, столь полное сходство памятников материальной культуры, хорошо прослеживаемое на протяжении тысячелетий, не может объясняться случайным совпадением.

Нельзя оставлять в стороне также и тот факт, что имена фригийских (мушских) царей Мита (Мида) и Гордион (ГIорда) широко распространены среди нахских мужских имен. А поскольку выявлено, что имя Мита (Мида) было известно в Малой Азии задолго до появления фригийцев, этот факт не кажется столь уж невероятным. Так, в хеттском договоре XIII в. до н. э. с царствами Верхнего Евфрата упоминается царь страны Пахува Мита. Возможно, что это случайное совпадение, однако оно становится более вероятным, если, наряду с вышеобозначенными параллелями, принять во внимание следующие весьма важные обстоятельства: во-первых, встречающееся в летописи хеттского царя Мурсили II (XIV в. до н.э.) название Пахува сопоставляется и с именами нахских похов (пшавы и хевсуры), и с самоназванием убыхов – пёкх, а восточно-малоазийское имя Мита идентично как нахскому Мита (Мида), так и абхазско-адыгскому Мыта[107]. Помимо этого, у нахских народов – чеченцев, ингушей и бацбийцев (цова-тушин), до

[104] Семенов Л.П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия ЧИНИИИЯЛ. История. Грозный, 1959. Т. 2. С. 120–125.

[105] См.: Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002. С. 251–254.

[106] Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа… С. 73–74.

[107] Меликишвили Г.А. К изучению древней восточномалоазийской этнонимики... С. 62–63; Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов... С. 140.

сих пор сохранилось множество имен собственных, обнаруживающих, как не раз отмечали исследователи, поразительное сходство с древними переднеазиатскими именами.

Фригийско-нахские параллели можно объяснить только в том случае, если признать, что малоазиатские фригийцы и древние нахи имели непосредственные этнические контакты. Поскольку следов присутствия фригийских племен на Кавказе совершенно не обнаруживается, остается лишь предположить, что контакты фригийцев с древневайнахскими племенами могли иметь место в Малой Азии.

Фригийское (Мушское) царство представляло собой сильное политическое образование в Малой Азии, неоднородное по этническому составу. В истории возникновения и дальнейшего развития этого крупного государства большую роль сыграли малоазиатские этнические группы, населявшие восточные провинции Фригии. В период наивысшего могущества Мушского царства, в VIII–VII в. до н. э., его владения достигали правобережья Евфрата, а также области Цова (Цоба), расположенной у слияния Арацани с Евфратом, и сопредельных местностей, где, по-видимому, проживали родственные племена.

Эти племена, входившие в состав Мушского (Фригийского) царства, естественно, своим соседям должны были быть известны под названием *мушки* (*мосохи*), соответствующим названию царства. В 676–675 гг. до н. э., после похода урартского царя Русы II на «Мушки, Хате и Халиту», царство Мушку прекратило свое существование[108]. В связи с этим, как предполагают исследователи, часть племен, проживавших в восточных провинциях Мушкского царства, переселяются на север, к Кавказским горам. С V в. до н. э. в источниках – сначала античных, а затем и средневековых, мушки – мосох//мосх/месх, а также цова (цова-тушины) упоминаются уже в предгорьях центральной части Южного Кавказа. Как уже отметили выше, термином *мосох* дагестанцы называют именно нахских цова-тушин, четко отличая их от уже ассимилировавшихся с грузинами тушин. Все это дает основание предположить, что племена, переселившиеся из восточных провинций Мушского царства имеют этническую связь с нахскими племенами.

Следует также отметить, что в местах, где, по данным письменных источников, локализованы мушки (мосхи, мосохи, месхи), выявляются повторяющиеся топонимы, объясняемые на нахских языках. Так, в нахских языках для обозначения оголенных гор употребляется *лам//лом – оголенная* (*скалистая*) *гора* (в отличие от названия лесистых гор – *арц*//*арс*). Специалисты давно обратили внимание на нахские топонимы с основой лам//лом в верховьях Евфрата, в Месхети (юго-запад современной Грузии)[109]: местность Ломиан на юго-востоке от Арцианского хребта, в северо-западной части исторической Армении, и село Ломанаури на западе от того же хребта, в Аджарии. В Месхетии, недалеко от соврем. Ахалцихе, расположена гора Ломсиа, на которой возвышается древ-

[108] УКН, 278.

[109] См.: Туманов К.М. О доисторическом языке Закавказья... С. 34–37.

няя крепость, упоминаемая в «Географии» Вахушти как крепость Ломсиа. Еще Н.Я. Марр обратил внимание на нахский этнический термин *посх*, отложившийся в топонимии Месхети в форме *поцх*, с закономерным для грузинского языка переходом *с* в *ц*: именно так именуется ущелье и река, впадающая в Ахалцихскую речку в Месхети[110].

Нахские топонимы с основой *лам//лом* прослеживаются к северу и северо-востоку по обеим сторонам Лихского хребта и в предгорьях Центрального Кавказа: Леманаури, Лемсиа, Лемзагори, Лами в Раче и Лечхуме, Лемискана, Ломиси, Ломисхеви, Лами и др. в Южной Осетии, Горийском и Душетском районах Восточной Грузии и более десятка топонимов, зафиксированных в горах Чечни и Ингушетии. Примечательно, что все эти горные местности соответствуют нахскому названию *лам//лом,* т.е. скалистые и оголенные.

Другой топоним, который привлекает внимание, это *Арг* (*Арг-ос*) – местность и гора в восточной Анатолии, области, входившей в состав Фригийского (Мушского) царства[111], причем начиная с античного периода находим этот топоним уже в названии области на северо-западе от Лихского хребта – Аргвети. Кроме того, на Северном Кавказе «Ашхарацуйцем» засвидетельствован народ арги (аргвелы), относимый исследователями к нахским племенам и тоже оставивший след в топонимии земель, расположенных между современными городами Нальчиком и Грозным, а также в фольклоре народов, ныне населяющих эти места[112].

Здесь же важно отметить, что нахские топонимы, обнаруживаемые на северо-востоке Армении и юго-западе Грузии, не могли возникнуть позднее I тысячелетия до н. э., т. к. начиная с середины I тыс. н. э., согласно различных письменных источников, этнический состав данного региона определяется достаточно хорошо и исследователи не находят здесь каких-либо следов присутствия нахских племен.

Вся вышеприведенная информация подтверждается данными археологии. В восточной части Малой Азии – от ее центра до верхней долины Евфрата – складывается т.н. *старофригийская археологическая культура:* «керамика, расписанная концентрическими кругами, лучами и стилизованными силуэтами деревьев и оленей[113]». Эта культура находит достаточно выразительные параллели в археологических памятниках Центрального Кавказа, относящихся к кобанской культуре[114]. В памятниках материальной культуры VIII–V вв. до н. э. Боржомского ущелья (особенно в могильнике Борнигели), расположенного на Мосхийском хребте и являющегося одним из двух выходов на юг из Внутренней Картлийской долины, в погребальном обряде и в инвентаре довольно четко прослеживается

[110] Марр Н. Я. Кавказские племенные названия и их местные параллели... С. 6.

[111] Ашхарацуйц. С. 35.

[112] Кузнецов В.А. Очерки истории алан... С. 71–72.

[113] Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа... С. 131.

[114] См.: Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. М., 1900. Вып. VIII. Табл. XVI–XX, XXIII–XXV; Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа… С. 369–370.

сходство с археологическими материалами Юго-Осетии (Ожора, Ахалгори), верховий Терека (Казбеги), Ичкерии в Чечне. Аналогия с северокавказскими памятниками обнаруживается также в бронзовых скульптурах из Борнигели[115].

Таким образом, появляются достаточно веские аргументы для предположения о возможной этнической связи между мигрировавшими из восточной части Малой Азии на Кавказ древними мушками (мосохами, мосхами) и древневайнахскими племенами. Отсутствие же в вайнахской этнической номенклатуре термина мушк (мосох), скорее всего, свидетельствует о том, что он не являлся самоназванием каких-либо нахских племен. По-видимому, следует считать правомерным мнение М.И. Дьяконова, согласно которому, термин *мушки//мосхи* являлся не самоназванием, а собирательным именем, и племена, входившие в состав Мушского (Фригийского) царства, могли быть известны своим соседям под общим именем *мушки* (*мошок, мосох*[116]).

Однако здесь возникает вопрос: если термин *мушк//мосх//мосох* не являлся самоназванием племен, пришедших на Кавказ с юга, а лишь иноназванием, которое дали им соседи Мушского царства, тогда почему после переселения мушков на Кавказ новые соседи – дагестанцы, начали называть их тем же собирательным именем, под которым они были известны в Восточной Анатолии, и почему именно дагестанцам-андийцам стало известно, как называли жителей Мушского царства народы Малой Азии.

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, какие народы и племена населяли территории, соседствующие с восточными провинциями Мушкского (Фригийского) царства. Названия этих народов и племен зафиксированы в надписях, созданных после военных походов ассирийских и урартских царей.

По данным урартских и ассирийских источников, между оз. Урмия и средним течением Аракса, достигая на востоке берегов Каспийского моря, лежала страна Андия ($^{KUR|URU}$*Andia*[117]), населенная народом анди. В научной литературе и страну Анди, и населявший ее народ анди обоснованно сопоставляют с дагестанскими андиями (андийцы-аварцы). На юго-востоке от Андии, в пределах современного Ирана, располагалась область Табаристан или Табасаран (современный Мазандеран), и это название соотносится с областью Табасаран (Табарсаран), которая была размещена в бассейне р. Рубас к юго-западу от Дербента, и с проживающим там дагестанским народом табасаран, относящимся к лезгинской группе[118].

К северо-западу от древней Андии, на обширной территории Южного Кавказа были расположены объединения Диаухи и Этиуни. Ряд древних названий областей и племен, входивших в эти объединения, как уже отмечено выше, находит надежные параллели в современной этнотопонимии нахских и дагестанских народов.

---

[115] Гамбашидзе О.С., Гамбашидзе И.О. Работы Месхет-Джавахетской экспедиции // Полевые археологические исследования в 1983 г. Тбилиси, 1986. С. 22–27; Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе… С. 134–135.

[116] Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа... С. 77.

[117] АВИИУ, 46 (178).

[118] Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 85.

К юго-востоку от Мушского царства, южнее области Цоба (Цова), лежала страна Тумме ([KUR]*Tumme*[119]), название которой сопоставляется с андийским именем дагестанского народа лакцев – тумме, которое, как и название области проживания этого народа – Тум(м)ана, зафиксировано на территории Дагестана еще средневековыми письменными источниками: лакская местность Тумана упоминается среди земель Дагестана, занятых арабским полководцем Мирваном ибн-Мухаммадом во время похода на Дагестан в 30-х гг. VIII в. (аварское царство Серир, Туман, Зарикакар, Хамзин, Синдан[120]). Свою страну лакцы называли Куммух (Кази-Куммух), и это название, возможно, также следует связывать с областью Куммух ассирийских и урартских источников ([KUE||URU]*Kum*(*m*)*uh* – *Qumaha*, античная Коммагена), располагавшейся на побережье верхнего Евфрата, по соседству с Хате, Мелиду-Мелитеа (соврем. Малатия).

Таким образом, территории к северо-востоку, востоку и юго-востоку от Мушского царства заселяли племена и народности, которые можно идентифицировать с современными восточнокавказскими народами. Они упоминаются не только урартским и ассирийским, но также античным и средневековым источникам. Античным авторам и авторам периода раннего средневековья – армянским, арабским и грузинским, эти народы (мосхи, эры, анди, ути (этив), дидои, цудала, тумме, табасаран и др.) известны уже к северу от прежнего места проживания – на побережьях Куры и Алазани, в районах Центрального и Восточного Кавказа. Благодаря письменным источникам можно проследить не только места компактного проживания перечисленных племен в урартский период, но и пути их перемещения на Кавказ (как во времени, так и в пространстве). Перемещение происходило медленно, постепенно, на протяжении длительного времени, и в процессе движения племена оставляли в местах своего пребывания топонимы, многие из которых сохранились до сегодняшних дней. Сведения письменных источников подтверждаются не только данными топонимики, но и археологическими материалами, свидетельствами языка, антропологии и фольклора.

В настоящее время все эти родственные народы проживают на Кавказе и являются соседями. Они по сей день сохраняют те же этнические имена, которыми называли друг друга в древности, когда соседствовали на территории Восточной Анатолии, долинах Куры и Аракса. Отсюда становится понятным, почему дагестанцы-андийцы продолжают называть племена, переселившиеся когда-то из восточных провинций Мушского царства на Кавказ, *мосохами*. Здесь следует еще раз отметить, что дагестанцы-андийцы называют *мосохами* именно цова-тушин, четко отделяя их от той части нахских тушин, которая уже ассимилировалась с грузинами. Данный факт достаточно определенно свидетельствует в пользу нахской этнической принадлежности племен, мигрировавших из восточной Анатолии на Кавказ и известных под общим именем *мосох*//*масах*.

Подтверждением правомерности предлагаемой гипотезы служит и определяемый по данным античных источников ареал расселения мосхов на Кавказе в

[119] АВИИУ, 10 (IV, 43).

[120] Баладзори. Книга завоевания стран / пер. С арабского П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 56.

древности. Как уже отмечено выше, с именем *мосхи* связываются названия Мосхийского хребта, области Самцхе (Самесхети), поселения у слияния реки Арагви с рекой Кура – Мцхета (Месхе-та), а также территории расселения мосохов (цова-тушины) – Масахии. Однако еще Н.Я. Марр отмечал, что проживавшие в верховьях Риони и Ингури сваны свои земли тоже называли *страной мосохов* и что именно мосохи стали основным этническим субстратом для переселившихся с юга в эти места сванов[121].

О проживании мосхов в предгорьях и горных районах центральной части Главного Кавказского хребта сообщают античные авторы Геланик Милитенский (V в. до н. э.) и Палефат Абидосский (IV в. до н. э.), а также историки, писавшие о Митридатовых войнах. Кроме того, современные исследователи вполне обоснованно говорят о существовании в античной литературе довольно продолжительной исторической традиции локализации мосхов в предгорной и горной зоне Главного Кавказа в V–I вв. до н. э.[122] Однако предлагаемая Д.Л. Мусхелишвили и М.П. Инадзе[123] локализация мосхов//мосохов на северо-западе Колхиды, в горных областях Западного Кавказа и на южном склоне Главного Кавказского хребта (от верховья р. Бзыбь до г. Туапсе) представляется произвольной и, как увидим ниже, не соответствует данным античных источников. Такая локализация вызвана скорее тем, что в своих выводах указанные исследователи опираются лишь на сообщения отдельных античных авторов, не привлекая и не комментируя все известные на сегодняшний день материалы древних источников, посвященные мосхам на Кавказе. Вместе с тем, совокупный анализ сведений античных письменных источников дает совершенно иную картину расселения мосхов на Кавказе.

Прежде всего, привлекает внимание тот факт, что в сообщениях античных авторов мосхи Западного Кавказа неизменно выступают соседями керкетов: «выше же керкетов живут мосхи и хариматы, ниже же гениохи, выше же кораксы[124]»; «к керкетам примыкают мосхи и хариматы владеют Парфением до Эквсинского Понта[125]». Страбон приводит две точки зрения по локализации интересующих нас керкетов: «После Бат (поселение к востоку от Синдской гавани. – Г.Г.) Артемидор называет побережье керкетов…; затем побережье ахейцев…; потом берег гениохов… Историки Митридатовых войн, которые заслуживают больше доверия, напротив, называют сперва ахейцев, затем зигов, потом гениохов, далее керкетов, мосхов, колхов…[126]». Как видно, Страбон отдает предпочтение именно сообщениям историков Митридатовых войн, что вполне правомерно, поскольку

[121] Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов… С. 1689.

[122] См.: Инадзе М.П. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии // «Разыскания по истории Грузии и Абхазии». Тбилиси, 2000. С. 66–67; Мусхелишвили Д.Л. Исторический статус Абхазии в грузинской государственности // «Разыскания по истории Грузии и Абхазии». Тбилиси, 2000. С. 117.

[123] Мусхелишвили Д.Л. Указ. соч. С. 117; Инадзе М.П. Указ. соч. С. 67.

[124] Гелланик, фр. 109.

[125] Палефат, VII, фр. 1.

[126] Str. XI, II, 14.

они лично побывали в этих местах вместе с Митридатом VI Евпатором и согласно их сведениям, керкеты и мосхи располагаются между гениохами и колхами.

Но, в то же время, многочисленные свидетельства древних авторов, признаваемые и современными исследователями, говорят о том, что гениохи и колхи проживали по соседству на берегах Черного моря, чего не отрицает и Страбон, указывая, что «за гениохами находится Колхида[127]». Более того, по данным некоторых античных авторов, термины *гениохи* и *колхи* часто выступают синонимами и являются взаимозаменяемыми. Страбон, перечисляя в своем труде страны и народы Кавказа от Синдики на восток, уточняет, какие народы живут на побережье Черного моря: «После Синдской области и Горгипии, что на море, следует побережье ахейцев, зигов и гениохов, лишенное большей частью гаваней и гористое, так как оно является частью Кавказа…[128]». Сообщая затем, что «за гениохами находится Колхида», греческий географ таким образом прямо указывает на то, что для керкетов и мосхов не остается места не только между гениохами и колхами, но и на всем Черноморском побережье. Следовательно, керкеты и мосхи должны быть локализованы не на побережье Черного моря, а в горах и предгорьях Кавказа, над колхами и гениохами.

Действительно, в греко-латинских источниках населявшие Причерноморье племена – древнеадыгские ахеи и зиги и древнеабхазские гениохи, неразрывно связаны с морем и представлены искусными мореплавателями, однако керкеты, наряду с другими древнеадыгскими племенами, довольно часто упоминаются в предгорьях Северо-Западного Кавказа. По мнению специалистов-языковедов, этническое название *керкеты*, встречающееся у античных авторов и *черкеней* более поздних авторов, сохранилось в видоизмененной форме в имени *черкес*, а также в названии одной из адыгских родоплеменных групп (бжедугов) – *черкеней*.

Впервые керкетов упоминает Скилак Кариандский (IV в. до н. э.), который размещает их за меотами и синдами, в предгорьях Северо-Западного Кавказа, хотя более поздние авторы (Псевдо-Арриан, V в. н. э.) локализуют керкетов уже на побережье Черного моря и характеризует их, как и ахейцев, зигов и гениохов, искусными мореплавателями. Тем не менее, в интересующий нас период (середина и вторая половина I тыс. до н. э.) керкетов, скорее всего, следует локализовать в предгорьях Северо-Западного Кавказа. Нужно также иметь в виду, что упоминание керкетов в разных местах – то на черноморском берегу, то в предгорьях Северо-Западного Кавказа, может быть связано не с перемещениями этого племени, а с тем, что в те или иные периоды термин керкет мог употребляться в собирательном значении. Например, вполне возможно, что Псевдо-Арриан в собирательным смысле керкетами называет тех же ахейцев и зигов (зихов). Так или иначе, учитывая, что на территории Абхазии и на западе от нее, на побережье Черного моря до р. Ахеунта (р. Шахе, вблизи нынешнего Туапсе), раннеантичные авторы керкетов не упоминают, более чем вероятно, что в термине *керкеты* античных источников

[127] Str. XI, II, 1.
[128] Str. XI, II, 12.

отражено одно из названий древнеадыгского населения предгорий Северо-Западного Кавказа. В таком случае мосхи могли граничить с керкетами если они проживали в западных районах Центрального Кавказа, а значит, указанные античные авторы обозначали *мосхами* население горных и предгорных районов западной части Центрального Кавказа.

При такой локализации мосхов становятся понятными и приобретают большую значимость восходящие к ионийским географам сообщения Марка Аннея Лукана о проживании мосхов между сарматами и колхами («сармат, сосед свирепых мосхов, живущих там, где Фасис рассекает богатейшие нивы колхов[129]»), а также уточнения, содержащиеся в схолиях к Лукану («соседние между собой… сарматы и мосхи вели продолжительные войны [между собой[130]]»).

Совершенно очевидно, что мосхи могли одновременно соседствовать с колхами, расселенными в Восточном Причерноморье, и с сарматами, населявшими степные районы Северного Кавказа, между Доном и Волгой, лишь только в том случае, если проживали на южном (к северу от Эгрисского и Рачинского хребтов, т.е. в верховьях Фасиса) и северном склонах Главного Кавказского хребта, т.е. в центральных районах Кавказа. При этом следует учитывать, что в представлении античных авторов Главный Кавказский хребет вовсе не был линией этнического и политического размежевания населения Кавказа. Как уже выше отмечалось, такой линией, отделявшей Колхиду от *Кавказской Сарматии*, во времена античности являлись Эгрисский и Рачинский хребты. По данным античных источников, территория к северу от Эгрисского и Рачинского хребтов до Главного Кавказского хребта, не входила в пределы Колхиды. Поэтому представляется более чем вероятным, что в сообщениях историков Митридатовых войн и Лукана отражена раннеантичная историческая традиция, согласно которой, мосхи жили в горных и предгорных зонах Центрального Кавказа, по обеим его сторонам, являясь одновременно соседями как сарматов на севере и керкетов на западе, так и колхов на юге.

В трудах Страбона нашли отражение весьма важные сведения еще одного античного автора – Феофана Митиленского, сопровождавшего Помпея во время походов в страны Южного Кавказа. Эти сведения подтверждают локализацию мосхов в районах Центрального Кавказа. Страбон пишет, что через Колхиду «протекает большая река Фасис, берущая начало в Армении и принимающая в себя реки Главка и Гиппа (Конь), низвергающихся с соседних гор. Фасис судоходен вверх до крепости Сарапан (современный Шорапани. – Г.Г.), могущей вместить в себя население целого города, а отсюда до Кира (р. Кура. – Г.Г.) четыре дня сухого пути по проезжей дороге… Выше названных рек, в стране мосхов, находится святилище Левкотей, построенное Фриксом…[131]». Согласно греческому географу, река Фасис является судоходной на отрезке до крепости Сарапан

[129] Лукан, III, 266–283; См.: Латышев В.В. Известия древних писателей… 1949, № 2. С. 322.

[130] Лукан, III, 270; См.: Латышев В.В. Указ. соч. С. 332.

[131] Str., XII, II, 17.

(Шорапани), следовательно, в данном сообщении передается, как справедливо полагают специалисты, распространенное в древности заблуждение, в соответствии с которым за Фасис принималась река Квирила, а затем, после ее слияния с рекой Риони, ее среднее и нижнее течение. Впадающие же в Фасис реки Главк и Гипп путали с верховьями Риона и Цхенисцкали[132]. Однако истоки как Риона, так и Квирилы, как известно, находятся не на территории Армении. Ошибочное указание Страбона на истоки Фасиса (Квирилы) в Армении объясняется тем, что южная часть области проживания мосхов//месхов (Месхети) во II–I вв. до н. э. входила в состав Армении[133]. Но даже такое объяснение не снимает вопрос полностью, так как исток Квирилы, расположенный в северо-западном предгорье Сурамского (Лихского) хребта) находится на довольно большом расстоянии от Месхети.

Вряд ли стоит приписывать Страбону столь грубую ошибку. Действительно, далее Страбон уточняет, что «*река Фасис берет начало в лежащих над Иберией горах*, пополняясь многими ключами, а в равнинах принимает в себя и другие реки, в том числе Главк и Гипп[134]» (выделено мной. – Г.Г.). Река Фасис (Квирила) берет начало на северо-западной окраине Лихского (Сурамского) хребта, за которым далее уже тянутся отроги Главного Кавказского хребта. Реки Главк (верхнее течение Риона) и Гипп (Цхенисцкали) берут начало с южных отрогов Главного Кавказа. Выше верховьев названных рек, по Страбону, находится страна мосхов. В данном сообщении Страбона о «горах, возвышающихся над Иберией», следует иметь в виду, что речь идет не о Лихском хребте (или северной части Мосхийского хребта), поскольку Лихский хребет вместе с областью Аргвети, располагавшейся на левобережье Квирилы (Фасиса) и включавшей в себя крепость Шорапани, входил в состав Иберии (Картли). Т.е. эти горы находились внутри Иберии, а значит, никак не могли восприниматься как *возвышавшиеся над Иберией.*

Если учесть, что исток Квирилы (Фасиса) находится на северо-западной окраине Сурамского хребта, над областью Аргвети, т.е. Иберии, а за ним уже начинаются отроги главного Кавказского хребта, становится ясным, что в сообщении Страбона о «горах над Иберией» имеются в виду предгорья Главного Кавказского хребта. Следовательно, говоря об истоке Фасиса (Квирила) в горах над Иберией, греческий географ передает реальную этнополитическую ситуацию: во-первых, выше названных рек – Квирилы (Фасиса) и ее притоков Главка (верхнее течение Риони) и Гиппа (Цхенисцкали), к северу от Эгрисского, Рачинского и Лихского хребтов, в предгорьях центральной части Главного Кавказа размещалась страна мосхов; во-вторых, здесь же, т.е. не по Главному Кавказскому хребту, а по линии, включающей в себя северные отроги Лихского хребта, Жинвали и Квел-Даба (современный Ахметский район Грузии), где, по представлению античных историков и географов, проходила северная граница Иберии (Картли). Таким образом,

[132] См.: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 75.

[133] Str., XI, IV, 5; См. также: Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 159.

[134] Str., XII, III, 4.

приведенные Страбоном историко-географические ориентиры достаточно определенно указывают на то, что во второй половине I тыс. до н. э. мосхи проживали не только между Колхидой и Иберией – в Мосхийских горах, но и на севере этих стран, в горных и предгорных районах Главного Кавказского хребта.

Выше Колхиды и Иберии локализует мосхов и Плиний Старший: «…Самая прославленная [из рек] Понта – Фасис… берет начало [на территории] мосхов, судоходен для наиболее крупных судов на 38,5 мили [от устья], затем на значительном расстоянии для малых [судов]. Далее переправу [через Фасис обеспечивают] 120 мостов. На его берегах было множество городов… Сейчас он обладает только [городом] Сурий, который сам назван по реке, впадающей [в Фасис] там, где он, как мы сказали, судоходен для больших кораблей…[135]». Плиний, как и Страбон, называет Фасисом реку Квирила, а город Сурий, расположенный на берегу Фасиса, отождествляет с современным Вани (Ванское городище[136]). По Плинию, Фасис (Квирила) также берет начало на территории мосхов, т.е. Плиний, как и Страбон, локализует мосхов на территории соврем. Рача-Лечхуми и Южной Осетии. По-видимому, и Страбон, и Плиний Старший черпали информацию из одного источника. Таким источником, как считают исследователи, скорее всего, был уже упомянутый выше Феофан Митиленский, друг Помпея, сопровождавший его в походах в страны Южного Кавказа, в том числе в Колхиду и Иберию, и описавший его деяния. Именно поэтому сведения Страбона и Плиния заслуживают доверия как исходящие от человека, лично побывавшего на землях мосхов.

Раннеантичная историческая традиция, согласно которой мосхи населяли горные и предгорные зоны Центрального Кавказа, прослеживается и в позднеантичных источниках. К примеру, на т.н. Певтингеровой карте мосхи размещены в предгорьях Центрального Кавказа[137]. Прокопий Кесарийский также сообщает о проживании мосхов//месхов в предгорьях Центрального Кавказа между сванами и иберами[138]. Аутентичность сведений древних авторов о локализации мосхов сегодня признается многими учеными.

В ряду античных авторов, традиционно локализующих мосхов в предгорьях западной части Центрального Кавказа, особняком стоит Помпоний Мела. Он размещает мосхов юго-восточнее Центрального Кавказа, рядом с албанами: «…У Каспийского залива живут каспии и амазонки, называемые савроматидами, у Гирканского – албаны, мосхи, гирканы[139]». Свидетельство Помпония Мелы является весьма важным и тем, что оно восходит к ионийским географам (Гекатей, Геродот и др.), данными которых римский ученый пользовался в своей работе.

Согласно сообщениям Помпония Мелы, мосхи располагались между албанами и гирканами. Известно, что термином *Гиркания* античные авторы, опять-таки

[135] Plin. VI, 15,16.

[136] Воронов Ю.Н. Научные труды... Т. I. С. 156.

[137] Itineraria Romana, Romische Reisewege an der Hand der tabula Peutingeriana. Stuttgart,1916.

[138] Прокопий Кесарийский, VIII, 2.

[139] Помпоний Мела, III, 38–39.

следуя ранней традиции, часто называли Иберию. Кавказская Албания граничила с Иберией (Картли) по реке Кура и впадающей в нее реке Иори. Отсюда следует, что мосхов Мелы, размещенных им между гирканами (иберами) и албанами, нужно локализовать северо-западнее Албании и северо-восточнее Иберии, в горных районах современной Восточной Грузии, т.е. в местах проживания нахских тушин, известных дагестанцам как *мосохи//мосхи*. В этих же местах, по соседству с албанами и иберами, размещают мосохов//мосхов (мазака, масахахон), отождествляемых с нахскими цова-тушинами, также Плиний и Агатангелос (см. выше).

Как видим, ареал расселения на Кавказе племен, известных как *мосхи//масахи* второй половины I тыс. до н. э., довольно обширен. Сведения античных авторов об этих племенах на первый взгляд кажутся весьма противоречивыми. Создается впечатление, что в сообщениях древних авторов о кавказских мосхах присутствует какая-то путаница или же речь идет об отдельных этнических группах мосхов, мигрировавших из восточных регионов Малой Азии и проживавших изолированно друг от друга в различных областях Кавказа. На самом же деле здесь нет никакого противоречия – все становится ясным, если учитывать то, что древние авторы черпали сведения о мосхах//масахах в разных частях Кавказа, в каждой из которых сосредотачивалась информация только о ближайших районах, и по этой информации, конечно же, нельзя было составить представление обо всем ареале расселения мосхов.

Сказанное относится также и к двум якобы разнящимися сведениями о мосхах у Страбона: в одном случае упоминания их среди перечня народов Западного Кавказа, а в другом – на севере Иберии и Колхиды. Все объяснимо тем, что эти сообщения взяты из различных источников, причем информация в первом сообщении исходит от историков Митридата, а потому мосхи названы в перечне народов Западного Кавказа, как их соседи, проживавшие рядом с керкетами (у Лукана – между колхами и сарматами). Во втором сообщении Страбон располагает страну мосхов выше Колхиды и Иберии, и в этом случае он использует сведения участника похода Помпея, лично побывавшего в Иберии и Колхиде.

Если суммировать данные античных авторов о географическом расположении мосхов на Кавказе и нанести на карту, то можно будет увидеть, что на западе мосхи граничили с древнеадыгскими племенами – керкетами, на востоке – с албанами, на севере – с сарматами, на юге – с колхами и иберами. В таком случае становится ясным, что древние авторы употребляли термин мосхи//мосохи для обозначения всего населения горной и предгорной зоны Центрального Кавказа второй половины I тыс. до н. э. Таким образом, согласно данным античных источников, во второй половине I тыс. до н. э. мосхи проживали по обеим сторонам центральной части Главного Кавказского хребта. На юге *мосхи//масахи* граничили с Колхидой и Иберией (Картли) по линии: верховье реки Ингур – Эгрисский и Рачинский хребты – северные склоны Лихского хребта – Жинвали – Квел-Даба – междуречье Алазани и Иори. Из-за недостаточности материалов весьма сложно говорить о северных пределах проживания мосхов – можно лишь утверждать, что с сарматскими племенами мосхи граничили в северокавказских степях.

Античная традиция локализации мосхов на Центральном Кавказе второй половины I тыс. до н. э. полностью совпадает с ареалом расселения в тот же период нахских племен, называемых древнеармянскими источниками *нахаматеаны*, а древнегрузинскими – *кавкасиани*, а также малхов (*махли, махьалон*), упоминаемых в античных источниках и нашедших место в абхазском, адыгском и осетинском эпосах. Судя по тому, что термин *мосох//мосх* как наименование нахов сохранился лишь у дагестанцев, остается предположить, что этноним *мосх* (*мосох*), применявшийся античными авторами для обозначения населения Центрального Кавказа, является отражением именно дагестанского, точнее – албано-дагестанского, общего названия древних вайнахов. Таким образом, имеющийся материал позволяет считать, что переселившиеся на Кавказ из восточных провинций Мушского царства племена, известные под именем *мушки//мосхи//мосохи*, являлись этнически близкородственными нахам.

В качестве общенахского термин *мосхи* использовался и раннесредневековыми авторами. Так, историк VI в. Менандр Византиец (Протиктор) при описании маршрута византийского вельможи Зимарха, возвращавшегося в 569 г. с Востока в Константинополь через Северный Кавказ, при прохождении вдоль верховья реки Кумы, упоминает кавказский народ оро-мусхи, опасаясь которого, делегация продвигалась «в страхе и трепете[140]». Представляется вполне допустимым сопоставление этнонима *оро-мусхи* Менандра с дагестанским названием нахов мосхи (масахи), а народ оро-мусхи – с нахами, тем более что, судя по контексту Менандра, оро-мусхи проживали в восточной части Центрального Кавказа, занимая, по-видимому, территории нынешних Чеченской, Ингушской и Северо-Осетинской республик.

Позднее содержание термина *мосхи//мусхи//масахи* меняется. Согласно наблюдению П.К. Услара, если ранее дагестанцы употребляли слово *мосох* для обозначения всего нахского населения горной части современной Восточной Грузии, то в конце XIX в. *мосхами* назывались уже только нахские цова-тушины[141]. Здесь нельзя не отметить и тот примечательный факт, что в истории существования термина *мосх* (*мосох*) выявляется общая закономерность, присущая и другим нахским этнонимам – *нахаматеан и малхи* (*махли, махал-он*). Если в середине и во второй половине I тыс. до н. э. термин *нахаматеан* обозначал население всей территории Центрального Кавказа, то позднее он стал применяться для обозначения нахских народов – чеченцев и ингушей. Термин махли//малхи, употреблявшийся в древности абхазами, адыгами и ираноязычными племенами как общее наименование нахов, сохранился позднее в названии одного из нахских народов – ингушей (махьалон), а также нахской родоплеменной группы – малхи (малхийцы). Подобную трансформацию претерпевает и термин *мосх//мосох*: во второй половине I тыс. до н. э. он использовался для обозначения нахского населения всего Центрального Кавказа, в раннесредневековый период обозначал нахские

[140] Менандр Византиец. История. СПб., 1860. Фрагмент 21.

[141] Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе... С. 85; См. также: Айтберов Т.М. Нахоязычный район Мосок… С. 57.

народы восточной части Центрального Кавказа, позднее – нахских жителей горной части современной Восточной Грузии, и, наконец, стал названием одного из подразделений нахского этноса – цова-тушин.

Причины отмеченной трансформации нахских этнических наименований будут объяснены ниже. Здесь же следует подчеркнуть, что все приведенные нахские этнонимы – *нахаматеан, кавкасиани, малхи//махли, мосхи//масахи*, во второй половине I тыс. до н. э. охватывают всю территорию Центрального Кавказа по обе стороны Главного Кавказского хребта. Несомненно, указанные термины помимо этнического употреблялись и в собирательном, политическом смысле и использовались для обозначения всех племен, населявших Центральный Кавказ во второй половине I тыс. до н.э. На рубеже новой эры письменные источники упоминают на указанной территории уже ряд племен, а во втором слое «Ашхарацуйца», отражающем картину расселения народов Кавказа в раннем средневековье, сообщается о проживании на Центральном Кавказе более 20 племен и народов[142].

Безусловно, факт употребления терминов в собирательном, политическом значении трудно объяснить, если только не признать наличие во второй половине I тыс. до н.э. на Центральном Кавказе политического объединения нахских племен. Все термины – *нахаматеан, кавкасиани, малхи//махли, мосхи//масахи* – употреблялись параллельно и одновременно,т.е. одно и то же политическое объединение имело несколько названий, данных ему соседями. В этом нет, конечно, ничего удивительного, особенно если учесть, что нахское объединение было расположено в центре Кавказа.

Как видно, рассмотренные выше этнотопонимы при всем желании довольно сложно отнести к грузинским. Следовательно, существующее в научной литературе мнение о том, что грузинские племена проживали на территории Южного Кавказа во II и в начале I тыс. до н. э., не может быть научно доказано и останется гипотезой до тех пор, пока не будут найдены и подкреплены серьезной научной аргументацией более достоверные данные. Впрочем, тот факт, что в древних источниках не упоминаются племена, которые с той или иной долей вероятности можно бы было сопоставить с древнегрузинскими, конечно, еще не означает, что в вышеуказанный период в описываемом регионе грузинский этнос вообще отсутствовал. Среди такого исключительно пестрого по этническому составу населения, вероятно, были и древнегрузинские племена, но их названия, будучи покрытыми именами более крупных этнополитических образований, могли не отразиться в древних источниках, поскольку в то время эти племена, скорее всего, никак не выделялись среди своих соседей и еще не играли в регионе сколько-нибудь значительной роли. Вопрос о том, какие из известных к настоящему времени древних племен являлись грузинскими, все еще остается открытым и требует, как уже выше отмечалось, более внимательного и обстоятельного изучения.

Анализ ономастики центральной и восточной частей Южного Кавказа и Восточной Анатолии урартского периода все более определенно выявляет ее хуррито-

[142] Ашхарацуйц. С. 28–29.

урартско-нахско-дагестанский облик. В свете постоянного притока нового фактического материала, свидетельствующего не только о родстве хуррито-урартских и нахско-дагестанских племен, но и существовании между ними многосторонних связей, вряд ли это покажется неожиданным, а потому может считаться вполне закономерным. К сожалению, нахско-дагестанские и хуррито-урартские связи еще не были предметом специальных изысканий и все еще ждут своих исследователей. В данной монографии будут затронуты лишь вопросы, связанные с уже упомянутыми выше хонами, цанарами (цанами) и терками (турками) на общем фоне уже известных нахско-переднеазиатских параллелей.

Глава V

НАХСКО-ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

1. О нахско-переднеазиатских этнотопонимических параллелях.

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что этнонимы и топонимы, распространенные в древности в Передней Азии, находят параллели в вайнахской этнонимике и топонимике. При этом речь идет не о единичных случаях, а о множестве древних переднеазиатских названий, поразительное сходство которых с нахской этногеографической номенклатурой поражает так, что вряд ли можно объяснить это простой случайностью. Значительная часть нахских этнонимов и топонимов, в той или иной степени имеет параллели в ономастике Урарту, где они встречаются компактно на одной и той же территории и образуются сходственными характерными чертами. Число таких названий-двойников существенно увеличивается в последнее время, причем все они получают надежное объяснение в нахских языках и привлекают к себе пристальное внимание ученых[1].

Именно к таким топонимам-двойникам относится и название отмеченной нами ранее области, именуемой в урартских источниках *Цупа*(*ни*), *Цуба*(*ни*) (^{KUR}*Şupani – Şupa*), а в древнеармянских – *Цопк* (*Ծոփք*), локализуемой на левобережье Евфрата, в районе его слияния с рекой Арацани, а также на сопредельных территориях. И.А. Джавахишвили, Г.А. Меликишвили, а вслед за ними и значительная часть исследователей название *Цупани* (*Цоп, Цов*) сопоставляют с вайнахскими *цовами* (*цова-тушинами*) и с местностями *Цоб* и *Цоп*, расположенными в Марнеульском районе современной Грузии[2]. В хеттских надписях указанная область называется *Исуа-Исува*, в ассирийских – *Ишуа* ($^{KUR||URU}$*Išua*), в античных же источниках − *Софена*. Название реки *Арацани* (*Арцаниа*), протекавшей по области Цоп, также находит параллель в нахском гидрониме *Араца* (*Арца*) в Цова-Тушетии.

---

[1] В научной литературе уже не раз говорилось о широком распространении в районах Центрального Кавказа, особенно в горах Чеченской и Ингушской республик и в горной части современной восточной Грузии, двойников урартских этнонимов и топонимов. К таковым относятся, например: Киехуни, Зазабаха, Ишала, Тунибуни, Элании, Арарна, Хубушкие, Нахчаван, Ассы (Аззи), Армхи (Архи), Таргим (Торгом), Хабхи, Уллуби, Химе, Луха, Ардини, Шатой (Шатик), Варанда, Акки, Бушту, Эллили, Зикирту, Харачой (Корчайкх), Энзите, Манна, Харун, Сухме, Гильзани, Арлаини, Замани, Эрджиша, Заранда, Арцабка и др.

[2] Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы… С. 47–49; Меликишвили Г.А. Наири-Урарту... С. 401; Его же: К истории древней Грузии... С. 167–168.

Далее, на юге, в районе слияния Западного и Восточного Тигра, по соседству со страной Алзи (Алзни), известной еще как *страна мушков*, располагалась страна *Бабанахи* (*Бабхи*) ([KUR]*Babanahi – Babhi*(*u*) – *Papanahi*)[3], название которое связывают с самоназванием чеченцев и ингушей – *нахи*[4]. Неподалеку от Бабанахи, в долине реки Батман, притока Тигра, источники упоминают также область *Нахрина* (*Нахирия*) и одноименный город ([URU||KUR]*Nah*(*i*)*rina*, *Nih*(*i*)*ria*)[5]. Как полагают исследователи, термин *бабхи* на хурритском и урартском языках означает *горцы*, и в таком случае *Бабанахи*, возможно, следует понимать как *горские нахи*, в отличие от *Нахирия – равнинные нахи*. В этой связи стоит также упомянуть местность *Нохараста* в горной Чечне, название которой созвучно урартскому *Нахарина*.

Северо-восточнее Бабанахи и восточнее Алзи, в долине Восточного Тигра находилась страна *Мокк*. От области Бабанахи, примыкая с юга к стране Мокк, пролегала горная цепь, известная как *Кордук* (*Кордуена*), название которой часто использовалось для обозначения жителей окружающей территории (горной и предгорной). В названии *Мокк*, как уже отмечалось, усматривается нахское слово *мохк* (*муохк*) – *страна*, а в имени *Корд//Корт* – нахское слово *вершина*.

С самоназванием чеченцев *нахчи//нохчуо* исследователи связывают город *Нахчаван* и соименную область на западном побережье оз. Урмия, город-область *Нахчеван* на левобережье Аракса, город *Нахчаван* в Кыгызманском районе Карской области, средневековый город *Нахчиван* в верховьях р. Алазани. А на юго-востоке Урмийского озера, по соседству со страной Зикирту и Манейским царством, находилась страна *Дурдукка* ([URU]*Durdukka*), или *Зурзукка* ([URU]*Zurzukka*), название которой сопоставляется с древнегрузинским именем нахов – *дурдзуки*.

Все отмеченные выше параллели давно уже вошли в научный обиход, хотя надо отметить, что их правомерность в тех или иных случаях вызывает у исследователей сомнения. Тем не менее, закономерность и объективность подобных сопоставлений подтверждается вновь и вновь обнаруживаемыми этнонимами и топонимами урартских областей, имеющими аналоги в нахской этнической и географической номенклатуре.

Помимо вышеперечисленных, выявляются и другие этнонимы и топонимы, имеющие ярко выраженный нахский облик: к области Дурдукке с юго-запада примыкала упоминаемая урартскими источниками область *Меишта* ([URU]*Meišta*) с одноименным центром[6]. Ее название находит прямую параллель в названии чеченской горной области *Меишта//Меиста*; название поселения *Кабани* на правобережье Евфрата к юго-западу Цопа (Цопани), перекликается с наименованием расположенной на Центральном Кавказе местности *Кобан* (соврем. Северная

[3] АВИИУ, 5, 6, 7, 10 (II, 16; IV, 7); УКН, 28, стк. 5–11.

[4] Бабахян Л.О. К вопросу о некоторых пранахских топонимах и этнонимах Передней Азии, Закавказья и Северного Кавказа // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 5–15.

[5] АВИИУ, 40 (6); УКН. 156DI, стк.11–13. Город Нахирина отождествляется с поздним Тигранакертом (соврем. Сильван).

[6] УКН, 24, лиц. стор., стк. 5–7, 10–12; АВИИУ, 35, HCS, стк. 51-52.

Осетия); самоназвание урартийцев *биайни* (*биайнили*) созвучно названию чеченского тейпа *Беной*, а также топониму *Биениста* в области Малхиста.

С нахским этнонимом *кисты* (*кусты*) можно сопоставить древние названия следующих местностей: *Кистах* (*Киста-хи*) в Сасунских предгорьях Западной Армении, в 35 км юго-западнее г. Муш; *Кистусджвари* (*Кист*(*ус*)-*джвари*) в 14 км юго-восточнее г. Ахалцихе, недалеко от реки Посх (Поцх), впадающей в Куру[7]. С.Т. Еремян связывает с нахским этнонимом куст также и название местности *Кусти*, расположенной в Тавушской области (Тавуш-Шамшадин) на северо-востоке Армении[8].

На территории вокруг озер Ван и Урмия и к югу от них, в верховьях Тигра[9] и Большого Заба, а также в областях, прилегающих к Верхнему Евфрату, т.е. там, где обнаруживается концентрация топонимов, тождественных нахским, урартские и ассирийские источники упоминают ряд горных хребтов, названия которых имеют основу *арц//арс*, которая, как уже отмечалось выше, в нахских языках означает *лесистый хребет*. Так, к западу от Большого Заба, между областями Хубушкиа и Мусру была известна могучая гора *Арсиу* (^{ŠADU}Arsiu)[10], на северо-востоке от Ванского озера – горная цепь *Арцабиа* (^{ŠADU}*Arşabia*) и одноименная область, а на утесах горы Арцабиа насчитывалось 146 поселений, окружавших 21 укрепленный город. Названия многих городов-крепостей, располагавшихся на утесах Арцабиа, перечислены в надписи ассирийского царя Саргона II: Хурнуку, Харданиа, Гизу-Арцу, Шашзисса, Хундурна Верхняя, Уаднаунза, Арацу, Шадишциниа, Хундурна Нижняя, Эл(…)нак, Цитту-Арцу, Зирма, Сурзи, Элийадиниа, Даг(…), Цурзи-Алдиу, Армуна, Кинаштаниа[11]. Само название *Арцабиа* ассирийской надписи сохранилось в названии древнеармянской крепости Арцоваберд (укрепление (крепость) Арцабиа[12]). По мнению Я.А. Манандяна, некоторые из вышеприведенных наименований урартских укрепленных городищ, а именно Хундурна, Кинаштаниа, Цитту-Арзу и Харданиа, дошли до наших дней и отразились в названиях современных селений Гюндурма, Джендурма (← Хундурна), Камусатан (← Кинаштаниа), Шатыр-Кенды (← Цитту-Арзу), Хердаблан (← Харданиа[13]).

На юге от горы Арцабиа, в Васпуракане располагалась древнеармянская область *Арцруник* с одноименным городом, и ее, вероятнее всего, следует связывать с упоминаемым урартскими источниками в этих местах городом-областью Арцруниуине (Арцруниунеани) ($^{KUR||URU}$*Arşruniuine*[14]). На юго-восточном побережье

[7] См.: Словарь топонимов Армении и сопредельных стран. Т. II. Ереван, 1988.

[8] Еремян С.Т. Опыт восстановления… С. 271.

[9] Река Тигр по-хурритски называлась Аранцахи, что переводится с нахских языков как *равнинная река* (см. Нунуев С.-Х. Нахи, пророки, судьба... С. 294).

[10] АВИИУ, 49(309).

[11] АВИИУ, 46 (109), 49 (233); Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту. С. 43–44.

[12] Манандян Я.А. О местонахождении древних стран Армянского нагорья Уруатри и Наири. Труды. Т. 5. Ереван, 1984. С. 480.

[13] Там же.

[14] К урартскому *Арцруниуини* (*Arşruniuini*) следует, видимо, возводить и происхождение известного древнеармянского нахарарского рода Арцруни, создавшего в раннем

оз. Ван, южнее города Тушпа была известна гора *Арциду* (^{ŠADU}*Arşidu*), и здесь же, «на уступах больших гор», располагалась область *Арцугу* (^{URU}*Arşugu*[15]). На южном побережье оз. Ван, в стране Мокк находилась (на одноименном утесе) крепость под названием *Арцвакар*[16], где *кар* – по-армянски *камень*; западнее же Ванского озера, на правобережье Арацани, была расположена древнеармянская крепость *Арцвик*, которую Г.А. Халатянц связывает с упоминаемой в этих местах в одной урартской надписи областью *Арсуани* ($^{KUR||URU}$*Arşuani*) с соименным центром. Следует также отметить урартскую крепость Арцуни (древнеармянская *Арцви-Берд*) в Сасунских горах, недалеко от Муша, и городище *Арцуруни* (^{KUR}*Arşuruni*) на склоне горы, в области Тарон. Как уже отмечено выше, названия горных хребтов, а также построенных на горных утесах поселений и городищ с нахской основой *арц//арс* (лесистый хребет) встречаются и на Ерзрумском (Арцрумском) плоскогорье, в верховьях Евфрата и Куры, в бассейне Чороха и центральных районах Кавказа.

В ономастике Урарту и близлежащих областей выявляются также уже отмеченные суффиксы, характерные для нахских языков, в частности суффикс *ск//шк*, встречающийся в древних топонимах Центрального Кавказа (см. гл. II). При этом обращает на себя внимание практически полная идентичность некоторых переднеазиатских топонимов с суффиксом *шк//ск*, с нахской топонимикой Кавказа, например: город *Тумеишки* (^{URU}*Tumei-šk*i) урартских надписей, локализуемый на берегу Евфрата, по соседству с Цопани (Цопк), и нахские топонимы *Темишка* (Ичкерия) и *Тамиска* (Северная Осетия, Алагирское ущелье); *Хубушкиа* ($^{KUR||URU}$*Hubuškia*), область с соименным центром в стране Мокк, на юге Ванского озера, и *Хубушка* в Ичкерии; *Шашки* (Šaški) – название племени и области в стране Диаухи (Дайиэни), и *Шешки* в Ичкерии, а также *Шишки* в Кабардино-Балкарии; город-страна *Арцашку//Арзашку* ($^{URU||KUR}$*Arzašku*[17]) на северном побережье озера Ван и местность *Ерзашка* в Ичкерии; *Адаррашка, Амурашка* в стране Бабанахи, *Ардишка* в стране Мусасир и др.[18]

В топонимике Урарту встречаем и другой характерный для нахских языков суффикс – *ла* (*л, ла*). Среди них следует выделить города *Сарбалиа//Сирба-лиа* (^{URU}*Sarbalia*) и *Дидуала* (^{URU}*Diduala*), локализуемые между Хабхи и Мехри, у подножья Кордуенских гор.[19] По всей видимости, урартское название *Сарбалиа* имеет связь с нахским этнонимом *сьерби*, упоминаемым в центральных районах Северного Кавказа еще Страбоном, а также с названием местности *Сарбала* в Шаро-Аргунском ущелье Ичкерии.

средневековье Армянское царство Арцрунидов (*Страна Арцрунидов*, известная еще как Васпураканское царство).

[15] АВИИУ, 49 (280).

[16] Здесь найдены урартские клинописные надписи, высеченные на стенах пещер. Согласно армянским преданиям, в этих местах жили хури-перины.

[17] Город Арзашку//Арцашку был столицей Урарту при первом урартском царе Ар(р)аме.

[18] УКН, 156BI, стк. 13–29.

[19] АВИИУ, 20.

На левобережье Евфрата, вблизи областей Алзи и Бабанахи, находилась территория урартского племени *Шадали*(*ехи*) (Š*ada´liehi*) с поселениями *Шуришили*(*ни*) ([URU]Š*urišilini*) и Тархигама ([URU]*Tarhigama*[20]). Урартское название *Шадали*(*ехи*) также практически идентично нахскому названию местности *Шатили* (*Шедала*) в Хевсуретии (ср. также *Тархигам* и село *Таргим* в Ингушетии).

Суффикс *л* (*ла*) следует также выделить в следующих названиях: укрепленного города *Шуандаху-л* ([URU]Š*uandahul*), размещавшегося к юго-востоку от Урмийского озера, по соседству с Дурдуккой и Зикирту; поселения *Диул-ла* ([URU]*Diulla*) в Сасунских горах, на горе *На-ла* ([ŠADU]*Nal*(*a*); имени *Изал-ла//Ицал-ла//Ишал-ла* ([KUR\SADU*URU*]*Izalla-Iṣalla-Išalla*), упоминаемого в источниках с детерминативами город, гора, страна на территории между Евфратом и Тигром, по соседству с горами Амадани (водораздел между Евфратом и Западным Тигром); местности *Умала//Умалиа* ([URU]*Umala*), расположенной у подножья горы Амадану; горы *Шерабе-ли* ([ŠADU]Š*erabeli*) − между горами Амадани и Тархуна; области *Хали-ла* ([KUR]*Halila*) в районе верхнего Тигра, рядом с горами Кашийари; поселения *Набала* ([URU]*Nabala*), располагавшегося вместе с Адаррашкой в Хабхи; городов-крепостей *Цинишпала* ([URU]Ş*inišpala*) и Айале ([URU]*Aiale*) в стране *Армарили, Аеалиа* ([URU]*Aealia*) – в стране *Цийадхи*, на восточном побережье Ванского озера и др.[21] Кроме того, тот же суффикс имеют следующие топонимы: *Уаштал* (*Uastal*) – населенный пункт в стране Сухма на правобережье Верхнего Евфрата, по соседству с Цупани; *Цудала* ([URU]Ş*udala*) – укрепленный город в местности Бузуниа, располагавшейся между областями Игани (Ийани) и Эриахи, на юго-востоке озера Чалдыр; *Эрателu* и *Эрателu-улu* (букв. Эрателu-другой) ([URU]*Erateli*) – города в области Игани (Ийани), локализуемой у южного побережья оз. Чалдыр; *Хилдихерули* – племя и город в стране Диаухи; *Шашила* ([URU]Š*ašiluKUR-ni* – страна города Шашилу) – царский город страны Диаухи, и т.д.[22]

Весьма примечателен тот факт, что топонимы с суффиксами *л* (*ла*) и *ск//шк* встречаются вокруг озер Ван и Урмия, а также на юге от них, в верховьях Большого Заба и Тигра, на берегах Верхнего Евфрата и верхнего и среднего течения Аракса (Эрасха), в долине Чороха и далее в районах Центрального Кавказа, на тех территориях, где выявляется древняя ономастика, образованная характерными сходственными чертами, имеющие параллели в этнотопонимике Ингушетии и Чечни и в большинстве случаев довольно прозрачно объяемые на нахских языках.

Среди значительного числа древних этнонимов и топонимов Передней Азии, сходных с нахскими, особый интерес вызывают названия с основой *малх*: *Малхиси* (*Малх-иси*) – местность в Мусасире (Муцацир), упоминаемая в надписи ассирийского царя Салманасара III (859 – 824), составленной в 828 г. до н.э., во время военного похода на Урарту; *Малхис* (*Малх-ис*) – поселение между Хубушкией и Мана, встречающейся в рассказе о походе на Урарту ассирийского царя Салма-

[20] УКН, 28.

[21] АВИИУ, 46 (32); 42 (23); 10 (IV, 43); 23 (III, 92); 49 (269); УКН, 28, верхн. стор., стк. 9-12.

[22] АВИИУ, 27 (II, 45); УКН, 155F, стк. 6-12; УКН, 127, III, стк. 56-58; УКН, 36, стк. 7-8; 37, стк. 2-3.

насара IV (781–772); *Малхован* (*Малх-ван*, современная Малкава), поселение в области Ван, в 47 км к востоку от города Ван[23].

Область *Малхина* в Наири-Урарту упомянута и в надписи ассирийского царя Ашшурнасирапала II (884 – 859) в связи с его походом на Наири-Урарту в 879 г. до н.э. Как свидетельствует надпись на каменном монументе из Тушхана, этот маршрут пролегал из города Тушхана на север, через перевалы Сасунских гор к долине Арацани, где Ашшурнасирапала II и вступил в страну Малхина (*Malhina*)[24]. Таким образом, землю Малхина, встречающуюся в надписи Ашшурнасирапала II, следует локализовать в Сасунских предгорьях, в пределах страны мушков Пурулукузи. Однако, если в надписи Ашшурнасирапала II Малхина упоминается рядом с Катмухи[25], в другом источнике, где описывается более ранний поход Ашшурнасирапала II в Наири-Урарту, соседняя с Катмухи страну Малхина именуется страной мушков[26]. Данный факт позволяет предположить, что Мушки и Малхина являлись, возможно, разными названиями одной и той же страны, но за неимением дополнительных сведений, подтверждающих это, не представляется быть в этом уверенным. Название урартской области *Малхина* было известно в этих местах и в античный период. Так, в Певтингеровой таблице (Tabula Peutingeriana) при описании дороги, соединявшей древнеармянские города Тигранакерт (урартская Нахрия) и Арташат, на левобережье Арацани, в Сасунских предгорьях указан город *Малхия* (*Malchia*) (др. вариант – Молхиа)[27].

Рассматриваемый древний топоним сохранился также в наименованиях местностей *Малхо* в Малатии (область Харберд на правобережье Евфрата), *Малхос* (*Малк-ос*) в Карсской области, в 30 км северо-восточнее города Олти и, наконец, *Малхоте* в районе Баязета (Ерзерумская область[28]), причем в последнем случае обнаруживается поразительное сходство с названием древнего святилища *Маготе* (*Махъоте*) в Ингушетии.

Конечно, вышеприведенные факты сами по себе еще не могут служить достаточным основанием для связи урартских топонимов, имеющих основу малх (Малхина, Малхован, Малхоте и др.), с нахским малхами (Малхи-ста) Кавказа, но пройти мимо столь очевидных совпадений, разумеется, было бы нецелесообразно, тем более что подобные совпадения встречаются довольно часто. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что на территории распространения термина малхи в Урарту и близлежащих областях наблюдается скопление этнотопонимов и теонимов, имеющих прямые аналоги в нахской этнотопонимии и теонимии.

Следует отметить, что между нахским *Малх* и переднеазиатским *Малх* прослеживается не только формальное сходство, но и функциональное совпадение. На

[23] См.: Словарь топонимов Армении и сопредельных стран. Т. III. Ереван, 1991.

[24] АВИИУ, 26 (обор., 36 сл.); 23 (II, 2).

[25] Страна Катмухи лежала в верхнем течении реки Тигр, к северу от гор Кашияэри (совр. Тур-Абдин, античный Масиж).

[26] АВИИУ, I, 23 (I, 69).

[27] Itineraria Romana…, 745–748.

[28] См.: Словарь топонимов Армении… Т. III.

Древнем Востоке бог Ма был олицетворением божественной гармонии, великого закона вселенной, который властвует над всеми, отводя при этом каждому определенное место. В основе такого взгляда лежит зародившаяся в очень раннюю эпоху идея об обществе как отражении космического порядка. Божество, являющееся воплощением высшего закона, хатты и хуррито-урарты называли Ма, шумеры – *Ме* и *Мошде*, египтяне – *Маат*. В Передней Азии в древности существовали культовые центры божества солнца Ма (например, центр поклонения Ма в Малатии, на правобережье Евфрата, Мазака – в Каппадокии и др.). С этим же божеством был связан и культ плодородия[29]. По-видимому, упомянутые выше местности Малхина, Малхия, Малхоте, Малхован и др. являлись именно культовыми центрами поклонению божеству солнце, что совпадает с функциями нахского божества Малх.

На сходство названия самого большого из древних солнечных могильников Ингушетии *Мохде* с шумерским *Мошде* и древнеегипетским Маат в свое время обратили внимание Ф.И. Горепекин, Н.Я. Марр и В.П. Кобычев[30]. Безусловно, типологические параллели между нахским именем *Малх* (*Матх, Марх*) и *Малх* (*Ма, Малхина*), относящися к мифологии древних народов Передней Азии, представляют значительный интерес еще и в контексте прямых кавказских (абхазо-адыгских, нахско-дагестанских) и древневосточных лингвистических и мифологических сопоставлений, число которых заметно увеличилось в последнее время, и не исключено, что имя *Ма* (*солнце*), восходящее, возможно, к пракавказскому (исконнокавказскому) языку, было заимствовано другими народами и таким образом получило широкое распространение в древневосточной мифологии[31]. Однако степень достоверности подобных сопоставлений нуждается в специальном исследовании, которое выходит за рамки настоящей работы.

Вместе с тем, независимо от того, какими будут результаты подобного исследования, вполне допустима связь между древними переднеазиатскими названиями с основой *малх* и нахским именем *Малх* (*Марх, Матх, Мага*). Возможность такой связи подтверждают и обнаруженные среди памятников кобанской археологической культуры изображения малоазиатской богини *Ма* (*или Иштар*[32]).

---

[29] Не исключено, что имя божества *Ма* лежит также в основе имени хурритов – *маитани* (*матианы*, или *матиены* поздних греческих источников) и созданного ими государства *Маитания*. Во фрагментах надписи, относящейся ко времени египетского фараона Тутмоса I, впервые упоминается имя, которым называли эту страну сами ее жители, – *Маиттани* (позже *Миттани*).

[30] См.: Кобычев В.П. Историческая интерпретация… С. 75.

[31] По мнению Н.Я. Марра, имена героев армянского и грузинского народного эпоса *Мхер* (*Ме-her*) и *Амирани* (*А-мир-ан* – от абхазского *Амра-н*) означают *солнце* и являются яфетическим (кавказским) пластом в армянском и грузинском языках. Сказания о Мхере и Амиране ученый рассматривает как одно из древнейших яфетических сказаний о боге солнца, превратившемся – как в армянском, так и в грузинском эпосе – в эпического героя (Марр Н.Я. О языке и истории абхазов... С. 74–75).

[32] Петренко В.А. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополе // КСИА, № 162, 1980. В хаттской религии богиня Ма, олицетворявшая культ солнца, была супругой бога плодородия и нередко называлась аккадским именем Иштар.

В данном контексте особый интерес представляют известные кобанские памятники VII в. до н.э. – бронзовые нагрудники, или пекторали, которые использовались как солярный символ и являлись частью культового облачения, олицетворяя, несомненно, верховное божество нахов Малх. Отмечая бесспорную генетическую связь их с местной культурой, исследователи указывают на сходство кобанских пекторалей с луристанскими (Северо-Западный Иран) и более ранними, урартскими. В частности, М.Н. Погребова уверена, что «где бы ни зародились первоначально эти схемы, их присутствие на Кавказе и Луристане означает не только общность представлений у населения этих регионов, но, скорее всего, и непосредственные контакты[33]».

Предлагаемое сопоставление нахского божества Малх с переднеазиатским Малхом становится более обоснованным, если принять во внимание тот факт, что в нахском языческом пантеоне существует и ряд других божеств, тождественных с хуррито-урартскими, например: Тушпа (Тушоли, Теишейба, Тешуб[34]) и Цу (ЦIу) (ср. деление тушин бацбийцев на *туш-бацой* – тех, кто поклоняется божеству Туш, и *цу-бацой* – тех, кто поклоняется божеству Цу), а также Алале (Алалай), Эштар (Эштра), Нана, Эл и др.[35]

Таким образом, мы имеем дело не с отдельными хуррито-урартскими этнонимами и топонимами, звучание которых сходно с нахскими, а с достаточно большой группой ономастики Передней Азии, в которой не только содержится лексический материал, созвучный с нахским, но и демонстрируются характерные для нахского языка способы словообразования. О близком сходстве, а порой и тождественности ряда хуррито-урартских и нахских религиозных верований, в свою очередь, говорит палеоэтнографический материал. Все это, особенно почти полная идентичность ряда божеств, проявляющаяся как в их именах, так и в связанных с ними ритуальных обрядах, практически исключает вероятность случайных совпадений.

Необходимо также подчеркнуть, что нахские этнонимы *дурдзук, нахча, малх, цоб, кист, мосох, меишта* и др. – не хаотично разбросаны по территории Передней Азии, а сконцентрированы в определенных местах: в области Мусасир на юго-востоке оз. Ван, в верховьях Заба, вокруг оз. Ван, в предгорьях Сасунских гор, в долине Арацани и в верховьях Евфрата, в районах Карса и Ерзрума, в верховье и срединном течении Куры, в Мосхийских горах, бассейне рек Лиахви, Арагви, Алазани и Иори, центральных районах Кавказа. Все вышеприведенные

---

[33] Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984. С. 183.

[34] Согласно К.З. Чокаева название урартского города *Тушпа*, образованный от имени бога *Туш*, переводится с нахских языков как *место* (*поселение*) *бога Туш*; *па* (*пхьа*) в слове *Туш-па* на нахских языках означает *место*, *поселение* (Чокаев К.З. Из топонимии Чечено-Ингушетии... С. 144–153).

[35] См.: Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков… С. 75–87; Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания… С. 57; Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 75–79; Нунуев С.-Х. Нахи, пророки, судьба... С. 270-273.

свидетельства убеждают в существовании довольно тесных этнических и культурных контактов населения урартских областей с нахскими племенами Кавказа.

Но какими были эти контакты? Являются ли факты, приведенные выше, доказательством наличия устойчивых политических и этнокультурных связей Урарту с кавказскими, в том числе и северокавказскими, областями, или они говорят лишь о переселении групп населения с Кавказа на юг или, наоборот, с юга, с урартских территорий, на Кавказ? В настоящее время нет достоверных сведений о расширении границ Урартского царства до Северного Кавказа, но при этом хорошо известно, что сфера политического и культурного влияния Урарту распространялась далеко за пределы этой великой страны, а значит, в периоды наивысшего ее могущества вполне могла охватывать и районы Северного Кавказа, особенно центральные, по которым пролегала одна из главных перевальных дорог Кавказа. В этом нет, конечно, ничего неожиданного, более того – было бы совершенно неправомерно считать, что в древности Кавказ существовал изолированно от могущественных держав Передней и Малой Азии. Народы Кавказа с древнейших времен испытывали – в той или иной степени – политическое и культурное влияние крупнейших древневосточных государств и находились в тесных контактах с их жителями. Фактический материал, объем которого постоянно увеличивается, также достаточно определенно указывает на то, что Кавказ входил в ареал древневосточной цивилизации, и не исключено, хотя, конечно, полной уверенности в этом нет, что политические границы Урартского царства в периоды его наивысшей мощи простирались далеко на север − достигали районов Центрального Кавказа.

Расширение сферы господства Урарту, безусловно, сопровождалось усилением его культурного и религиозного влияния на подвластных территориях, и именно этим может быть объяснено, например, сходство между многими урартскими и нахскими божествами. Следует также учитывать, что на обширной территории от Северного Кавказа до Месопотамии в древности проживали родственные племена, принадлежавшие к одной языковой группе (восточнокавказской), имевшие общие этноязыковые и культурные корни.

Вместе с тем, большой объем разнохарактерного материала, полученного в последние годы, дает основание говорить о том, что переселение племен из урартских областей на север, к Кавказским горам, действительно имело место. Сведения об этом сохранились также и в этногенетических преданиях нахских народов (см. выше). В этих преданиях уверенно заявляется о том, что предки нахов прибыли из стран *Шема* и *Забба* (по другим версиям – *Мыср//Муср, Нахчаван*), а также из местности *Хана Ана*, что на берегу реки *Рахъ*[36]. Названия *Шема*

[36] «В стране Шема (варианты: Муср, Нахчаван) в царстве Пилкар правили два брата. В то время было принято, чтобы каждый, кто вырастил троих сыновей, одного отдавал князьям, которые отправляли их на девять лет на берега большой реки Рахъ в местности Хана Ана оберегать свои рубежи. В те далекие времена отношения между мужчинами и женщинами не были слишком строги. К молодым воинам, охранявшим рубежи, раз в год на некоторое время отправлялись женщины, что бы поддержать и укрепить их дух. Это считалось необходимым.

(*Шама*), *Забба, Мыср, Нахчаван* и др., обозначающие в преданиях либо точки, из которых началось перемещение жителей, либо места, через которые проходил их путь на Кавказ, хорошо известны по данным древних источников: например, именем *Шема* (*Шама*) в древности называлась Сирия, а *Мыср* (*Муср*) исследователи традиционно сопоставляеют с Египтом (Мыср). Однако в ассирийских надписях раннего периода под именем Мусру//Муцру (в отличие от Мусру-Египта поздних источников) выступала страна *Мусру//Муцру* (*KUR Musru//Muşru*) (то же, что Мусасир//Муцацир) с одноименным центром, лежавшая юго-восточнее озера Ван, в верхнем течении Большого Заба, на караванной дороге из долины Большого Заба к озеру Урмия[37].

Наиболее раннее упоминание страны Мусру относится к XIV в. до н.э., ко времени правления ассирийского царя Ададнерари I. Мусру//Мусасир с его древнейшим храмом культа бога Халди специалисты-востоковеды рассматривают как главный очаг, центр политической и религиозно-культурной жизни (доисторический центр) урартских племен в древнейшую эпоху. Перемещение этого центра на север, в район Тушпы произошло в более позднее время[38].

Однажды, когда девушки гостили у «пограничников», многочисленное войско врагов сумело переправиться на берег, но воины стойко сражались, и недругам не удалось их одолеть. Одной из молодых женщин приглянулся парень из вражеского стана, и она тайно имела с ним связь. Она указала врагам, как победить ее родственников (мотив, часто встречающийся в чеченском фольклоре). К несчастью, в свое время она разродилась мальчиком, который унаследовал от матери коварство. Лицом он походил на родственников по матери, а все остальное унаследовал от отца. Возмужав, он завоевал царство Пилкар, убил старшего из правивших братьев, а дочь его заставил жить с собой (младший брат успел скрыться). Он стал править по своим диким законам, не отличая истину от лжи, добро от зла.

Оставшийся в живых младший брат решил принять предложение части своих бывших противников, бежавших от завоевателя и возвращавшихся к реке Рахъ, царствовать над ними, подчинившись року. В честь прародины этой семьи правитель получил имя Пир'а.

Сыновья старшего брата долго скитались, ожидая удобного случая отомстить за жестокую смерть отца, что они и сделали со временем. Воспоминания о случившемся сильно удручали их, и видели они, как сильно изменились нравы людей (по одной из версий, их сестра родила завоевателю семерых сыновей, которые к моменту совершения кровной мести уже правили страной; ни мстить племянникам, ни воздействовать словом на уже сложившихся мужчин они не могли). По этой или по другой причине благовоспитанные братья со своими потомками и сторонниками решили удалиться в местность Забба. Оттуда наши предки переселились к Зорхи, после – в Басха, затем – в Нахар (всего восемь раз)».

[37] АВИИУ, 28 (174); Дьяконов И.М. АВИИУ, 2, прим.9; 10, прим. 63; УКН, 19. Город Мусру (Муцру, Мусасир) ассирийских клинописей в специальной литературе, обычно, отождествляется с современным поселением Муджесир, расположенным в 5 км к западу от Сидекана.

[38] Меликишвили Г.А. К вопросу о древнейшем очаге урартских племен // ВДИ, № 4, 1947. С. 29; Его же: Наири-Урарту... С. 97; Мирйо Сальвини. Распространение влияния государства Урарту на Востоке // «Древний Восток», вып. 4. Ереван, 1983. С. 224. Считается, что Мусасирский храм урартов предшествовал древнейшему греческому храму

Забба нахских этногенетических преданий вполне правомерно сопоставить с названием реки *Заб*, в верховьях которой (Большой Заб) и располагалась страна Муср, а местность *Хана Ана* – с древним городом *Ханаан* на берегу реки Евфрат (Рахъ?). Если учесть, что страна Мусру находилась рядом с Хубушкиа, Меишта и Дурдукка, названия которых также сохранились в нахской этнотопонимике, почему бы не предположить, что район Муср//Мыср, обозначенный в преданиях как начальная точка пути нахских племен, следует отождествлять не с Мыср-Египтом, а с урартской областью Мусру//Муцру в верховьях Большого Заба[39].

Выйдя из Мусра и верховьев Забба, племена, выступающие в преданиях как братья, со своими потомками и сторонниками переместились в Хана Ана (Ханаан ?), в долину Евфрата и нижнего течения Арацани, т.е. в области Цоб (Цупани), Тиль-Гарима (Тогарма) и т.д. Прежде чем достичь Кавказа, переселенцы побывали в Нахчаване и Кыгызмане, затем у халибов на берегу Черного моря и т.д.[40]

Таким образом, согласно нахским преданиям, племена из Мысра (Мусра) и Заба переместились на восток, в долину Евфрата, в области Цоба (Цупани) и Тогарма (Тиль-Гаримма), откуда одна их часть продвинулась на север, к Черному морю, а другая – в Араратскую долину – Нахчаван, Кагызман, а затем также к берегам Черного моря, к халибам, после чего все они достигли центральных областей Кавказа[41].

Каким бы невероятным это ни показалось, но дошедшие до наших дней устные этногенетические предания нахов согласуются с данными ассирийских и урартских письменных источников. Как известно, правители Ассирии и Урарту практиковали переселения больших масс людей. Так, по сообщениям ассирийских и урартских клинописей, цари обоих государств неоднократно переселяли жителей Дурдукка, Меишта, Мусру, Манна и др. на запад, в долину Евфрата и Арацани, на земли Хатти, Цопа, Ангех (Ангех-тун), Алзи, Тогарма и др. Напри-

более чем на 300 лет, и его архитектура послужила основой для древних греков, которые впоследствии начали строить свои храмы.

[39] Согласно новейшим исследованиям, использование названия *Маср* (*Мицр*, *Мыср*, *Муср*) для обозначения Египта связано именно с переселенцами, пришедшими в Египет из междуречья Евфрата и Тигра. Название *Маср//Мицр* является производным от эпитета, которым был наделен предводитель шумерских завоевателей, вторгшихся в долину Нила в начале III тыс. до н.э. и основавших первую династию фараонов (см. Дэвид Рол. Генезис цивилизации. М., 2005. С. 459).

[40] «…Из Нахчавана (или Муср, Шам) трое братьев перекочевали в Кагызман, где жили родственники их отца, в том числе дядя. Там умер их младший брат. Оставшиеся в живые двое братьев отправились затем в Арцрум, где прожили шесть лет. Там умер второй брат. Оставшийся старший брат побывал после этого у халибов, которые жили на берегу Черного моря. Здесь он прожил некоторое время со своим семейством, состоявшим из жены, трех сыновей, четырех дочерей и племянника. Племянник женился на дочери «неверных» и остался у халибов, а сам с семейством перекочевал на место, где протекал Бахсан. Оттуда его потомки расселились в сторону нынешней Чечни».

[41] Поразительное сходство нахских этногенетических преданий с абхазскими и адыгскими, а также совпадение названий *Ма*, *Тха* и др., является, безусловно, свидетельством общности этнокультурных и исторических судеб этих народов.

мер, согласно надписи ассирийского царя Саргона II, в 719 г. до н.э. население Дурдукка и Шуандахуля было перемещено в Тиль-Гаримму, а в 714 г. до н.э. из Мусасира (Мусру) на запад, в страну Хатти[42], переселились еще 6170 человек[43].

Урартские клинописи сообщают, что по мере расширения северных границ Урарту в сторону Южного Кавказа, в долину Аракса, для строительства новых городов-крепостей ссылались также жители Цоба (Цопа), Хатти и близлежащих областей, расположенных в долинах Арацани и Верхнего Евфрата. Например, при основании города Эребуни (Ереван) урартский царь Аргишти I поселил там 6600 человек, перемещенных из стран Хате (Малатия) и Цупани (Цоп[44]).

Если сравнить известные по ассирийским и урартским источникам маршруты переселения жителей областей Муср, Дурдукка, Меишты, Шуандахул и других восточных провинции Урарту на запад, в долину Евфрата и Арацани (Цоба, Хати), а оттуда в долину Аракса (Айрарат), в Нахчаван с отраженными в нахских этногенетических преданиях маршрутами, по которым двигались из Мусры на Кавказ (Муср – Забба – Цова (Цоба) – Нахчаван – центральные районы Кавказа) нахские племена, то обнаруживается их поразительное сходство. Таким образом, данные ассирийских и урартских источников почти полностью согласуются с информацией, сохранившейся в этногенетических преданиях нахских народов. Перед нами довольно редкий случай совпадения устных и письменных свидетельств, возраст которых составляет 2700–2800 лет, причем совпадение это столь поразительно, что не остается ничего другого, как поверить в достоверность обеих версий.

Здесь будет уместно вновь напомнить о том, что нахские предания, в которых упоминаются названия древних стран, реально существовавших в Передней Азии, были записаны и опубликованы в середине и во второй половине XIX в., т.е. задолго до того, как были найдены и дешифрованы урартские и ассирийские надписи, благодаря которым эти древние названия стали известны. Все это, безусловно, повышает степень достоверности информации, заложенной в нахских этногенетических преданиях, и делает ее весьма ценной с научной точки зрения.

За неимением дополнительных данных сейчас трудно судить о том, отголоски каких именно событий нашли отражение в нахских сказаниях об исходе из Мусры – тех, которые зафиксированы в ассирийских и урартских источниках, или тех, которые имели место раньше или позднее. Столь удивительное совпадение

---

[42] Под *страной Хатти* ассирийские тексты этого времени понимают, обычно, Сирию, Финикию, а также Малую Азию. В данном случае *страна Хатти* упоминается в узком смысле – это царство Каркемиш в верховьях Евфрата (см. Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа... С. 67).

[43] АВИИУ, III, 46 (32); АВИИУ, III, 46 (121); АВИИУ, III, 49 (346); См. также: Бакаев Х. Дурдзук, сын Тирета, потомок Кавказа // Независимый интернет-портал ANGUSHT. COM. URL:http: //angusht.com/news/index.php? news=32756.

[44] «По велению бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: город Ирпуни я построил для могущества страны Биаинили (и) для усмирения (?) вражеской страны. … Могучие дела я там совершил. 6(?)тысяч 600 воинов стран Хате (и) Цупани я там поселил» (УКН; см. ВДИ, 1953. № 3. С. 237).

заставляет все же думать о том, что, речь, скорее, идет об одних и тех же событиях, но независимо от этого в своей совокупности нахские этногенетические предания донесли до наших дней сведения о реальных исторических событиях. Подтверждает такое предположение и тот факт, что именно в районах, указанных в преданиях (Муср, Заба, Цоп, Нахчиван, Кыгызман, Халиб и др.), обнаруживается наибольшая концентрация этнонимов и топонимов, тождественных нахским.

Далее в настоящей работе хотелось бы обратить внимание на параллели, выявляемые между нахской топонимикой и топонимикой Араратской долины, Нахчаванской области (Кыгызманский район). Так, значительная часть обширной территории Араратской равнины – начиная на юго-западе с района Аргиштихинили (Армавир-Блур и Давти-Блур), расположенного на левом берегу Аракса и заканчивая на северо-востоке районами Тейшебанини-Кармирблура и Эребуни-Аринберда, составлявшая, вероятно, часть Эриахи[45], в урартских надписях именовалась страной *Áза* (Ǎ*za*), и в ней проживало одноименное племя *ʿаза* (á*za*[46]). Название племени и страны в Араратской долине (*ʻАза*) вполне допустимо сопоставить с именем нахской богини *ʻАзи* − покровительницы долин и нив.

Большой интерес представляет также и название *Ширак*. Область с таким именем расположена на северо-западе Армении, в долине реки Ахурян, левого притока Аракса, у подножия горы Арагац (административный центр г. Гюмри, бывший Ленинакан). Обладая сетью коммуникационных систем, которые вели в глубь Южного Кавказа и далее на Северный Кавказ, Ширак уже на ранних этапах развития эпохи бронзы, выполнял роль своеобразного «культурного посредника» в контактах ближневосточных очагов цивилизации с кавказскими областями[47]. Процесс этот обнаруживает тенденцию к дальнейшему (более бурному) развитию, особенно в I тысячелетии до н.э., что, наряду с археологическими фактами, находит свое отражение и в свидетельствах античных историков[48].

Еще в конце XIX в. К.П. Патканов высказал предположение, что происхождение названия данной области может быть связано с сарматским народом сираки[49], и с его легкой руки это мнение закрепилось в научных кругах, переходя из одной работы в другую, хотя в дальнейшем и было выявлено что происхождение названия *Ширак* не имеет никакого отношения ни к этнониму *сирак*, ни к племени сираков[50]. При сопоставлении топонима Ширак с этнонимом сирак исследователи часто ссылаются также на авторитет известного арменоведа Н.Г. Адонца. Однако Н.Г. Адонц сходство слов *ширак* и *сирак* рассматривал как один из возможных ва-

[45] По мнению ряд ученых, название города Ереван образовалось из *eri(a)+awan*, т.е. *страна еров*, что должно было, согласно армянской фонетики, с переходом *ia* (> *еа*) в *е*, стать поздним *Erewan (Ереван)*.

[46] УКН, 142, стк. 1-2; 127, IV, стк. 72-74; 128 B2, стк. 42–42.

[47] Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа... С. 16, 21, 22.

[48] Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М. 1959. С. 99, 112, 116, 232.

[49] Патканов К.П. Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии // «Журнал министерства народного просвещения». CCXXX, отд. 5. СПб., 1881. С. 112.

[50] См.: Петросян С.О «Ширакских амбарах». ВОН, № 3. Ереван, 1982. С.74–79.

риантов объяснения происхождения термина *ширак*, отнюдь не считая его более верным, чем другие версии, высказанные по этому вопросу им же самим. Более того, он фактически поставил под сомнение наличие какой-либо связи между топонимом *Ширак* и сарматским этнонимом *сирак*, выдвинув далее предположение, что *ширак*, возможно, означает поле[51]. Дальнейшие исследования показали, что именно эта догадка известного ученого была наиболее близка к истине.

Своим названием область Ширак на самом деле обязана именно плодородным землям, расположенным в бассейнах рек Карс-Чай, Ахурян и Аракс, которые благодарные земледельцы нарекли именем покровителя земледелия, божества посева и жатвы *Шаро*[52]. Мовсес Хоренаци, возводя название *Ширак* к эпониму *Шара* – имени правнука легендарного родоначальника армян Гайка (hАйк). Армянский историк отмечает, что внук Гайка Арамаис «сына…своего Шара, многодетного и прожорливого, отсылает со всем его людом и скарбом в ближнюю долину… Говорят, что по его имени и область получила название Ширак. Этим, видимо, и объясняется поговорка, принятая среди крестьян: «Коль у тебя глотка Шара, говорят, то у нас не ширакские амбары[53]».

Как известно, в древнем мире понятие обжорства было связано с изобилием зерна, и у многих народов название ритуального хлеба совпадает с именем божества жатвы. Поэтому и связь названия области *Ширак* с именем бога посева и жатвы, покровителя земледелия *Шара* оправдана. С древнейших времен Ширакския степь известна как самая богатая плодородными пахотными землями, и сегодня в этих местах Армении пашня занимает более половины всех сельскохозяйственных угодий (такого преобладания пашни нет ни в одном из других районов Армении). Это особенно относится к Ширакскому плато (Карсское плоскогорье), где поля возделываются буквально всюду[54]. Именно здесь, на плодородном плоскогорье между реками Карс (Карс-Чай) и Ахурян (Арпа-Чай), по древним преданиям, жил покровитель земледелия Шаро[55].

Урартские письменные источники отмечают Ширакское плато как богатую дарами земледелия и славящуюся своими зернохранилищами. Например, в одной из надписей урартского царя Сардури II (764–735 гг. до н.э.) говорится, что при вступлении в Эрасхи царь захватил 150 тайных зернохранилищ. Для хранения зерна и других сельхозпродуктов питания в этих местах служили пещеры, коими изобилует Ширакское плато. Найденные в них предметы, относящиеся к периоду

---

[51] Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана... С. 424, примеч. 3.

[52] Подробно см.: Петросян Э. Шара и Астхик – верховные боги Ширака // «Историко-филологический журнал», № 3. Ереван, 2007. С. 206.

[53] Мовсес Хоренаци. I, 12.

[54] Ширак, славящийся своими черноземами, – главный район Армении по производству зерна и сахарной свеклы. На относительно небольшой его территории сосредоточено более четверти всей пашни, 23% посевов зерновых культур и около 3/4 посевов сахарной свеклы республики.

[55] Ханаланян А. Мифология. Ереван, 1969. С. 39 (на арм. яз.); Бунятов Гр. Памятники древности в окрестностях селения Баш-Шурагел // СМОМПК, вып. XIII. Тифлис, 1892. С. 141.

бронзы и раннего железа, свидетельствуют о том, что пещеры эти широко использовались для хранения продуктов еще со II тысячелетия до н.э., а потому, как полагают исследователи, население данного региона в древности вполне могли называться *пещерники*[56]. Пещеры-зернохранилища Ширакского плоскогорья, согласно сохранившимся преданиям, принадлежали проживавшему здесь Шаро, и жители этих мест называли их *амбарами Шаро*[57].

Покровитель земледелия Шаро имеет хурритское происхождение и является сыном хурритского бога грозы Теишуба и его божественной супруги Хепат[58]. Атрибутика хуррито-урартского божества Шаро присутствует на ритуальных изображениях, найденных в урартском городе Тейшебани, а также на рисунках III тыс. до н.э., относящихся к Северной Месопотамии (Кюль-Тепе[59]). Известен Шаро и в шумерской мифологии – как правитель города Уммы и сын «владычицы небес», «звезды утреннего восхода» Инанны. Во II тыс. до н.э. культ божества Шаро (варианты: Шарма, Шарума, Саруванис, Сара, Сармас) уже широко распространен среди народов Малой Азии, что не удивительно, поскольку в среде земледельцев исключительное значение всегда имели обряды, благоприятствующие посеву и жатве[60]. Так, в обряде Килам, который проводился в храме бога зерна в городе Хаттусе Хеттского царства, одним из основных персонажей выступал жрец бога Шара (Шарума, Шарма[61]). Во время церемонии людям раздавались двадцать хлебов хали, два закусочных хлеба йагама (*vagama*), пятнадцать хлебов шарама (*sarama//šarama*[62]). Последнее название связывается как раз с именем бога Шара[63].

По-видимому, к хурритскому божеству посева и жатвы Шаро также восходит и название *ṣeri//ṣari* (шери//шари), часто встречающееся в хурритской ономастике[64]. С ним же следует, наверное, связывать и название упоминаемой в урартских клинописях области *Шериази* (*Шара – Ази ?*) в стране Диаухи, локализация которой может соответствовать позднему Ширак. Имя бога Шаро отразилось также в следующих названиях: *Шарур*, долина, простирающаяся от горы Арарат до Нахчавана; область *Шарван* (*Ширван*) в долине Куры; *Ширак* (*Ширакское плоскогорье*) в междуречье Алазани и Иори; *Шарой*, историческая область Чечни;

[56] Петросян С. Шара и Астхик… С. 74.

[57] Ханаланян А. Указ. соч. С. 39; Бунятов Гр. Указ. соч. С. 141.

[58] Герни О.Р. Хетты. М., 1987. С. 126.

[59] Пиотровский Б.Б. Указ. соч. С. 87; Герни О.Р. Указ. соч. С. 173, рис.21.

[60] У армян до настоящего времени сохраняется пляска Шаран (Шарафан, Шараван), которая является отголоском древнего ритуального *танца творения*, связанный с поклонением божеству посева и жатвы Шаро (см. Петросян Э. Указ.соч. С. 201–205).

[61] Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М. 1982. С. 102.

[62] Там же. С. 30, 40.

[63] Сохранившаяся до настоящего времени абхазская пляска с припевом *иаирума шарума, иаирума чагарума, иаирума иагарума, дып-дып, дап-дап* и т.д., по видимому, также восходит к древнему малоазиатскому ритуальному танцу, посвященному божеству посева и жатвы. В припеве слышится имя божества *Шаро//Шарума*, в слове *чагарума*, *ча* (*а-ча*), вероятно, абхазское *хлеб*, а в *иаирума чагарума* – наименование божества *vagama*.

[64] См.: Меликишвили Г.А. Диаухи. ВДИ, 1950. № 4. С. 32.

Шаро – имя одного из крупных подразделений чеченского народа (тухкум); река *Шаро-Аргун* (*Шаро-Орга*) в Чечне[65].

Таким образом, топонимы с основой *шаро* (*саро*) имели распространение как на Южном, так и на Северном Кавказе. Во всех случаях использования названий с основой шаро(а) перед нами плодородные земли, возделываемые местным населением с древнейших времен, что еще раз подчеркивает связь этих названий с именем хурритского божества Шаро.

Возможно, присутствие имени божества *Шаро* в топонимике и этнонимике обширной территории – от долины Аракса до Северного Кавказа, является хурритским наследием. В то же время нельзя не заметить, что во всех местах, где выявлены топонимы с основой *шаро*, встречаются топонимы и этнонимы, которые так или иначе связаны с нахской этнонимикой и находят объяснение в нахских языках. Совершенно не случайным кажется и то, что в чеченском гидрониме *Шаро-Орга* значение первой его части *шаро,* означающий на армянском – *свирепый, мятежный, грохочущий, ревущий, шум ливня, грохот колесницы, камней,* идентично значению второй части, представляющей собой нахское слова *орга*[66]. Также нельзя не отметить напрашивающуюся аналогию между *пещерниками* (*хранителями зерна в пещерах*), проживавшими на Ширакском плато, в верховьях Аракса, и *пещерниками* (*троглодитами*), упоминаемыми Страбоном в центральных районах Северного Кавказа[67]. Весьма примечательно, что Страбон, говоря о троглодитах (пещерниках) Центрального Кавказа, особо подчеркивает наличие у них большого количества зерна, что делает предлагаемое сопоставление весьма уместным[68].

Среди древних топонимов Ширакской области, имеющих двойников в центральных районах Кавказа, большой интерес представляет и название местности *Дигор*, на берегу одноименного правого притока реки Ахурян, древней крепости *Дигор* (Дигори берд – Дигорская крепость). Топоним *Дигор* (*Тикор*) встречается также в Кыгызманском районе Нахичеванской области исторической Армении (ныне Нахичеванская Автономная Республика в составе Азербайджана), а также южнее современного Ахалцихе, на левом берегу реки Посх, у подножья Арсианского хребта (соврем. село Дугур[69]). Название *Дигор* (*Тикор*) имеет аналоги как в раннесредневековой, так и в современной северокавказской этнонимике. Со-

---

[65] И.А. Джавахишвили производит термин *сармат* (*шармат*) от основы *шаро* и делит его на два элемента – *шар* и *мат*. При этом первый элемент, *шара*, он считает этническим обозначением, которое встречалось в более древние времена в различных областях Кавказа (Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы… С. 42).

[66] Этимология слова *шаро* не имеет удовлетворительного объяснения. Существует несколько версий, например: от арабского *sahr – луна*, *молодой месяц*, от индоевропейского *шар – круг*, *клубок* и так далее.

[67] Str. XI, V, 7.

[68] Дальнейшие исследования археологов, историков, лингвистов, этнографов с привлечением широкого круга различных источников, и прежде всего данных языка, этнографии и фольклора вайнахских народов и армян, их сравнительный анализ могли бы существенно расширить знания по этим вопросам.

[69] Словарь топонимов Армении… Т. II. С. 55–56.

гласно «Ашхарацуйцу», дигоры (и аш-тигоры) в раннем средневековье населяют центральные районы Кавказа, и в исследовательской литературе существует мнение о том, что первоначально они имели нахскую этническую принадлежность, а впоследствии ассимилировались с ираноязычными племенами[70].

2. Причины и пути миграции населения с юга на Кавказ на рубеже VII–V I вв. до н. э.

Вышеприведенные свидетельства, разумеется, можно рассматривать как доказательство имевшего место в древности переселения жителей южных областей, в том числе и Ширакского плато, на север, в центральные районы Кавказа. Вместе с тем следует учитывать, что с древнейших времен на обозначенной территории потоки населения двигались не только с юга на север, но и в обратном направлении – с севера на юг. Археологический материал свидетельствует о том, что миграция племен в различных направлениях происходила здесь на протяжении тысячелетий. Причины миграции могли быть различными – экономические, политические, военные, экологические, демографические и др., а иногда их совокупность. В основном мигрировали этнические группы так называемого «цивилизованного круга», т.е. с более развитой культурой земледелия и ремесел. Следует также иметь в виду, что в более ранние эпохи рассматриваемый регион был населен близкородственными народами и племенами (хуррито-урартскими и нахско-дагестанскими). Поэтому перемещения тех или иных родственных племенных групп внутри региона вряд ли были редкими. Проникновения этих групп на земли, где проживали родственные этнические племена, имели, скорее всего, мирный характер и не вызывали со стороны последних сопротивления.

В сведениях «Мокцевай Карлисай» и «Всеобщей истории» Вардана Аревелци о хонах и цанарах, этногенетических преданиях нахских народов отражены, видимо, одни из таких перемещений. Однако насколько достоверна информация, содержащаяся в письменных памятниках и этногенетических преданиях, и если она соответствует действительности, то с каким из многочисленных перемещений масс населения, имевшим место на рассматриваемой территории можно ее связать?

Для ответа на эти вопросы следует иметь в виду, что переселение в Картли как хонов, так и цанаров древние авторы связывают с халдейцами. Как сообщается в «Мокцевай Карлисай», в Картли «пришли выселенные халдейцами воинственные племена хонов[71]». С халдейцами связывает пришедших к подножью Кавказских гор цанаров и Вардан Аревелци: «некоторые мужи халдейские, вышедшие из своей страны», удалившись к Кавказским предгорьям, назвали свою новую страну Цанар на том основании, что в ней они узнали место своего

[70] Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время... С. 306–307; Гумба Г.Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу»... С. 56.

[71] Обращение Грузии. С. 23.

прежнего проживания[72]. Следовательно, как древнеармянская, так и вдревнегрузинская историческая традиция связывает приход хонов и цанаров на Кавказ непосредственно с халдейцами или с событиями, в которых халдейцы играли значительную роль. Как известно, в армянских и грузинских источниках халдейцами называли вавилонян, а Халдией – Вавилонское царство, в котором с 626 по 539 гг. до н.э. правила халдейская династия. Таким образом, появляется возможность увязать сообщения армянских и грузинских авторов о переселении на Кавказ хонов и цанаров с подлинными историческими событиями, имевшими место в Передней Азии в конце VII – первой половине VI вв. до н.э. Это тем более верно, что древнегрузинская историческая традиция сохранила сведения и о других случаях переселения людей из Халдии (Вавилонии) в Картли. Например, «Картлис цховреба» сообщает о многократных таких перемещениях: «…Вновь пришли племена халдейские, и они также обустроились в Картли»; «…Тогда царь Навуходоносор опустошил Ерусалим. Изгнанные оттуда евреи пришли в Картли и попросили у мцхетского мамасахлиса землю для поселения с уплатой дани» и т.д.[73]

Как известно, в конце VII в. до н.э. сложились два военно-политических союза крупнейших мировых держав того времени, в одном из которых объединились Египет, Ассирия, Урарту и Манейское царство, а в другом – набиравшие в тот период силу Мидия и Вавилон. Между этими группировками разгорелась грандиозная для того времени война за гегемонию в Передней Азии, в результате которой были сокрушены Ассирийское, Урартское и Манейское царства, что повлекло за собой существенное изменение политической и этнической карты Древнего Востока.

В связи с этим привлекают внимание следующие события. С 614 по 610 гг. до н.э. объединенная армия вавилонян и мидийцев при участии скифских отрядов захватила Ассирию, вынудив последнего ассирийского царя отступить на запад, к Керкемишу. В 609 г. до н.э. ассирийская армия предприняла контрнаступление и приступила к осаде города Харран, находившегося под властью вавилонян. Однако на помощь осажденному городу подошла халдейская (вавилонская) армия, возглавляемая царем Набопаласаром и его сыном Навуходоносором. Разбив ассирийцев под Харраном, халдейцы в том же году направились на север и вторглись в западные районы Урартского царства – на земли, расположенные в верхнем течении Тигра, в долине рек Евфрата и Арацани, в Тегарамму (дом Торгома), в области Цоб (Цопк) и Алзни, в страну Бабхи и т.д. В течение двух последующих лет, с конца 609 г. по август 607 г. до н.э., вавилонские армии под командованием Набопаласара и Навуходоносора ведут военные действия против Урарту. Одновременно на Урарту с востока обрушивается Мидия, войска которой доходят до столицы Тушпа и захватывают ее[74].

---

[72] Вардан Аревелци. С. 201.

[73] Мровели Леонти. С. 14–15.

[74] Дьяконов И.М. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам. ВДИ, 1951. № 2. С. 31.

В этой кровопролитной, фактически мировой, войне потерпели поражение крупнейшие державы древнего мира с многовековыми государственными традициями – Ассирия и Урарту. В результате был разрушен политический и социально-экономический механизм, складывавшийся в Передней Азии на протяжении веков. Была прервана жизнедеятельность крупных земледельческих и торгово-ремесленных центров, некогда цветущие города были разорены и опустошены. В этих условиях население вынуждено было искать новые способы жизнеобеспечения и, как это часто имело место в древности, перемещалось в более удобные для жизни места. Так, на рубеже VII–VI вв. до н.э. в Передней Азии прослеживаются мощные волны миграции оседло-земледельческого населения в разные стороны, в том числе и на Кавказ, приведшие к определенным изменениям этнической и политической карты региона. При этом сама миграция была столь значительной и в ней были задействованы столь большие массы людей, что свидетельства о ней сохранились не только в археологическом материале, но и в древней письменной традиции.

Отсюда становится понятно, почему и античная, и древнеармянская, и древнегрузинская историческая традиция переселение цанаров и хонов, как и прочие миграционные потоки в центральные области Кавказа, связывает именно с халдейцами (вавилонянами), и в особенности с царем Навуходоносором. Как известно, вавилонский царь халдейской династии Навуходоносор II (604/5–561/2 гг. до н.э.) был столь выдающейся личностью, что его имя быстро обрастало легендами и последующие поколения зачастую связывали с ним многие более или менее значимые события древности. Именно этим объясняется тот факт, что армянская и грузинская традиция с халдейцами вообще и с Навуходоносором, в частности, связывает переселение хонов, цанаров, евреев и т.д., а в античной традиции многие крупные события I тыс. до н.э. объединены вместе и представлены следствием деяния Навуходоносора. В числе прочего ему приписывается, например, переселение иберов с Пиренейского полуострова на Кавказ[75].

[75] По мнению Л.Д. Мусхелишвили, в сообщениях античных источников о переселении Навуходоносором пиренейских иберов на Кавказ отражено перемещение восточногрузинских иберов из урартских областей в центральные районы Кавказа после падения Урартского царства (см. Мусхелишвили Д.Л. К вопросу о связях центрального Закавказья с Передним Востоком в раннеантичную эпоху // «Вопросы археологии Грузии». Т. 1 Тбилиси, 1978. С. 17–30). Трудно судить, какие племена подразумевает Л.Д. Мусхелишвили под восточногрузинскими иберами и в какой части Урартского царства они проживали, так как об этом он ничего не пишет. Да и вряд ли на этот вопрос есть положительный ответ. На территории Урартского царства никем еще не были засвидетельствованы какие-либо племена, которые можно бы было хотя бы гипотетически связать с древнегрузинскими племенами. Кроме того, очень маловероятно, что в ту эпоху древнегрузинские племена были известны под общим именем иберы, а также мы не знаем, имели ли они общее самоназвание – во всяком случае, первоисточники об этом ничего не сообщают. Сам термин *Иберия* в античных источниках употребляется не в этническом, а в географическом значении, и потому, надо полагать, в сообщениях о переселении иберов – тем более пиренейских, речь идет не об этнических грузинах или о каких-либо конкретных этносах, а о населении Иберии вообще. Что же касается племен, переселившихся в Картли (Ибе-

Данные письменных источников о миграции на рубеже VII–VI вв. до н.э. значительных масс населения из урартских земель в центральные области Кавказа подтверждаются и археологическим материалом. Именно в обозначенный период на территории Картли и Кахетии (Цанарии) вместо бытовавшей здесь ранее черной и сероглиняной керамики появляется совершенно новая, красноглиняная, в которой, помимо отличий в технологии изготовления выявляются и новые формы[76]. Исследователи отмечают, что если с середины II тыс. до н. э. на протяжении почти целого тысячелетия в Картли и Кахетии проживало этнически однородное население, то с конца VII – начала VI вв. до н.э., т.е. со времени, когда на указанной территории появляется совершенно новая керамика, почти идентичная с керамикой урартских центров, можно говорить о постепенном и мирном, не изменившем облик аборигенного населения, проникновнии нового этнического элемента.

Археологи особо подчеркивают, что не может быть и речи о каком-либо насильственном вторжении и переселение следует мыслить как процесс мирной, правда, довольно интенсивной инфильтрации[77]. При раскопках не найдено каких-либо следов разрушений того периода, а рядом с новой керамикой (культурой) обнаружены предметы старой, местной бытовой (культурной) традиции (посуда, строительная техника, кухонные печи и т.д.), а значит, допустимо говорить о мирном сосуществовании вновь прибывших и аборигенных племен, которое, в свою очередь, можно рассматривать как свидетельство их этнической близости.

Археологический материал указывает также на появление переселенцев из Урарту и в центральных районах Северного Кавказа. Так, замена каменных ящиков каменными гробницами, когда каменный квадратный ящик из четырех плит сменяет ящик гробница из 6 плит или гробница, гробница, где наряду с вертикально стоящими плитами использовалась кладка из горизонтально лежащих плит, связывается с переселением племен из урартских областей в центральные районы Кавказа на рубеже VII – VI вв. до н.э.[78] Многочисленные урартские предметы, найденные в ущельях Арагви и Лиахви, в Раче, в районе древней дороги

рию) из Халдии или из урартских областей под натиском халдов, то древнеармянские и древнегрузинские авторы, которые, видимо, при описании этих событий пользовались более достоверными источниками, называют их конкретными именами – хоны и цанары. Нельзя не отметить то странное обстоятельство, что Л.Д. Мусхелишвили, широко используя данные античных источников, почему-то игнорирует сообщения грузинских и армянских источников, в которых отчетливо говорится, что переселенцами из урартских областей (или Халдии) являются именно хоны и цанары.

[76] Пицхелаури К.Н. Памятники второй половины I тысячелетия до н.э. на территории Кахетии // «Советская археология». 1977. № 3. С. 240; Мусхелишвили Д.Л. К вопросу распространения красноглиняной керамики на территории Восточной Грузии в раннеантичную эпоху. (По материалам раскопки Ховлегора) // «Советская археология». 1977. № 3. С. 214–215; См. также: Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток... С. 98.

[77] Мусхелишвили Д.Л. Указ. соч. С. 216; Пицхалаури К.Н. Указ. соч. С.223.

[78] Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы... С. 58.

через Мамисонский перевал, возле святилища Реком, в могильниках сел Фаскау, Кумбулта, Нижняя Рутха, Галиат, Моздока и других районах Центрального Кавказа, можно рассматривать не только как доказательства устойчивых связей северокавказских областей с Урарту, но и как свидетельства переселения урартских племен[79].

С миграцией племен из переднеазиатских областей в центральные районы Кавказа в VII в. до н.э. связывают и инновации в области железной металлургии. Так, например, при раскопках древнейших кобанских поселений на Эшкаконе в культурном слое поселения X–VIII вв. до н.э. Уллубаганалы не обнаружено ни железных орудий труда, ни оружия, ни каких бы то ни было изделий из данного металла, в то время как в могильнике VII–VI вв. до н.э. найдены все основные виды оружия и орудий труда, изготовленные из высококачественной стали. Проанализировав на основании этих находок технологию изготовления стальных изделий VII–VI вв. до н.э., исследователи пришли к выводу о том, что применение продуманных методов обработки металла (цементация, пакетование, закалка, горячая ковка, вваривание стальной полосы, сварка из 2–3 полос и т.д.) и высокий процент стальных орудий и оружия свидетельствуют о глубоком и давнем знании мастерами всех этих очень сложных для эпохи раннего железа приемов[80]. Отмечая, что для Северного Кавказа того времени такие приемы являлись новшеством, Н.Н. Терехова пишет: «Многие традиции северокавказских мастеров, и в первую очередь широкое использование приемов термообработки, восходят к технике высокоразвитых железообрабатывающих центров Закавказья[81]». В данном случае речь идет не о передаче каких-либо навыков и достижений в металлообработке (которые были профессиональной тайной), а скорее о переселении на Северный Кавказ племен, имевших высокопрофессиональных мастеров-металлургов и, судя по хронологии могильника (Уллубаганалы), появившихся здесь задолго до падения Урартского царства[82].

Возможно, это были племена мосохов (мосхов), мигрировавшие из северо-восточной части Малой Азии, то есть, с родины металлургии железа, и в силу этого их мастера владели самыми передовыми для того времени навыками обработки железа. В культурном слое, относящемся к периоду внедрения перечисленных новаций, в поселениях Эшкакона отсутствуют следы разрушений, а также проявлений чужеродной культуры, и мы вправе рассматривать данный факт как свидетельство этнокультурной близости мигрантов с нахским населением и их включения в местную этническую среду мирным путем.

Большой интерес представляют в этой связи также новые веяния, возникшие в конце VII в. до н.э. в искусстве кобанского периода, особенно в графике и скуль-

[79] Дьяконов И.М. Урартские письмена и документы. М.,1963. С. 3.

[80] Терехова Н.Н. Кузнецкая техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // «Советская археология». 1983. №3. С. 110–128; Бгажба О.Х., Терехова Н.Н. Железообрабатывающее производство у племен колхидской и кобанской культур // XV Крупновские чтения. Махачкала, 1988. С. 43.

[81] Терехова Н.Н. Указ. соч. С. 127.

[82] Там же.

птуре. Появление этих новшеств в творчестве художников Центрального Кавказа конца VII в. до н.э. специалисты связывают с Урарту и Луристаном (Северо-Западный Иран) того же периода[83]. Относительно неразрывной связи кобанского искусства с искусством Южного Кавказа и Северо-Западного Ирана (Луристан) В.А. Кузнецов пишет, что «это – один тесно связанный культурный и художественный мир, интереснейшее прикладное искусство которого еще плохо известно не только читателю, но и специалистам-искусствоведам[84]». Ранее мы уже отмечали сходство кобанских пекторалей (бронзовых нагрудников) VII–VI вв. до н.э. с луристанскими пекторалями того же времени и более ранними урартскими. В свою очередь, в областях к востоку и юго-востоку от озера Урмия и в Луристане выявляются кобанские изделия[85]. Все это указывает на существование давних и многосторонних тесных контактов между населением Центрального Кавказа и Луристана.

Выше уже отмечалось о возможной связи древнего населения земель к югу и юго-востоку от озера Урмия с нахскими племенами Центрального Кавказа, и в этом контексте чрезвычайный интерес представляет заключение археологов о том, что имеющиеся археологические свидетельства указывают «не только на связи обменного характера, но и на этнические[86]». Этот вывод, основанный на изучении археологического материала, почти полностью согласуется с данными этнотопонимики, письменных источников и этногенетических преданий. Области к югу и юго-востоку от озера Урмия – Дурдзук, Меишта, Муср, Малхина др., являвшиеся, согласно приведенным выше данным, исходными точками, откуда шло переселение племен в центральные районы Кавказа, как раз и примыкали к Луристану, поэтому совершенно очевидно, что новшества, появившиеся в искусстве нахских племен Центрального Кавказа в середине I тыс. до н.э., были привнесены именно племенами, переселившимися на Кавказ из юго-восточных областей Урарту.

Исходя из вышесказанного, можно с достаточным основанием говорить о том, что сведения письменных источников (ассирийских и урартских клинописей, древнеармянских и древнегрузинских рукописей) и нахских этногенетических преданий о переселении на Кавказ народов из глубин Передней Азии (из урартских областей) согласуются с данными археологии и топонимики и фактически подтверждают их. Таким образом, устанавливается вполне осязаемая связь, генетически соединяющая не только хонов и цанов (цоп, цов), но и другие названные выше переднеазиатские племена с нахским этническим миром.

---

[83] Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время... С. 183-184; Кривицкий В.В. Искусства древнего Северного Кавказа и художественные бронзы Луристана, Средней Европы. СПб., 2010.

[84] Кузнецов В.А. Слава древнего Кобана. Москва, 1974. С. 77.

[85] Ghirchman R. Tombe princière de Ziwiyé et le début de l'art animalier scythe. Soc. Iranienne pour la Conservation du Patrimoine. Paris, 1979, 75.

[86] Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке... С. 135; Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией… С. 183.

Гипотеза об этнической связи нахских народов с населением Урарту, конечно, не нова и высказывается в научной литературе на протяжении уже полутора столетий. Постоянно растущий объем фактического материала, свидетельствует не только об этническом родстве хуррито-урартов и нахских племен Центрального Кавказа, но и о существовании между ними в древности многосторонних и тесных связей. На этом фоне сегодня можно уже достаточно уверено говорить, что эта гипотеза подтверждается, прочность научной аргументации которой также прошла проверку временем.

Как показывает опыт, исследования в этой области приводят главным образом к подтверждению мнений, сформулированных ранее, а также позволяют выявить новые данные, благодаря которым не только расширяется научная доказательная база существования языкового и этнического родства между нахскими и хуррито-урартскими племенами, но и становится возможной постановка вопроса об общности их историко-культурных и политических судеб во II – первой половине I тыс. до н.э.

К настоящему времени накоплено достаточно информации, которая говорит о длительном периоде взаимовлияния и взаимопроникновения между абхазо-адыгскими и нахско-дагестанскими племенами Кавказа, с одной стороны, и хаттскими и хуррито-урартскими племенами, с другой. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что эти контакты были непрерывными и миграция племен в различных направлениях внутри ареала расселения племен кавказской (исконнокавказской) языковой семьи – от Северного Кавказа до Верхней Месопотамии и Сирии − происходила на протяжении тысячелетий. Ясно, что не все подобные перемещения стали достоянием истории, и сведения о многих из них до нас не дошли. Но, как видно, одно из таких крупных событий, имевшее место в конце VII – начале VI вв. до н.э., в период после завершения большой, фактически мировой, войны, приведшее в движение огромные масс людей и повлекшее за собой изменение этнополитической карты Передней Азии, было зафиксировано, и сведения о нем сохранились.

Благодаря имеющемуся в нашем распоряжении материалу, и прежде всего сопоставительному анализу письменных источников, данных топонимики и этногенетических преданий, можно не просто констатировать факт переселения на Кавказ в обозначенный период племен из Урарту и близлежащих стран, но и проследить пути их передвижения. Следует учитывать, что перемещение, о котором идет речь, происходило в течение сравнительно долгого периода и, следовательно, было растянуто во времени и пространстве, а переселенцы, двигаясь по тем или иным местам, по разным причинам задерживались в них на какое-то время, а некоторые иногда оставались насовсем. В результате в местной топонимике закреплялись этнические имена перемещавшихся племен или названия, которые они давали местным территориям. Часть таких топонимов была приведена выше, и они, как видим, фиксируются компактно на четко очерченной территории: области к югу и юго-востоку от оз. Урмия (Муср (Муцацир), Дурдукка, Малхис, Меишта и др.) и вокруг оз. Ван; среднее и верхнее течение Евфрата, долина Арацани, Араратская долина и Ширакское плато, долина Чороха; далее на всей территории центральных областей Южного и Северного Кавказа.

Подобная этнотопонимика выявляется именно в тех местах, по которым, согласно нахским этногенетическим преданиям, проходил маршрут племен, продвигавшихся на Кавказ. Во всех сохранившихся вариантах преданий одним из пунктов, через которое прошли переселенцы, двигаясь с юга, является Юго-Восточное Причерноморье. Причем отдельная часть людей осталась жить среди халибов. Отсюда, прослеживаются два пути, по которым племена шли с юга в районы Центрального Кавказа: первый путь пролегал на север и северо-запад по Черноморскому побережью, через Мосхийский и Лихский хребты в районы Западного Закавказья, и далее – через Дарьяльский, Мамисонский, Клухорский и Марухский перевалы на Северный Кавказ; второй путь шел вдоль реки Куры, а также на восток в сторону областей Гугарк и Гардман, в междуречье Алазани и Иори и далее на север. Практически во всех указанных в преданиях пунктах, через которые проходили племена, выявляются реликты нахской топонимики. Однако, как отмечено выше, в данной работе будут рассмотрены лишь сведения, связанные в сосновном с цанами (цанарами) и хонами.

3. Цаны-Макероны (Махелоны)

Нагорная плоскость Юго-Восточного Причерноморья, откуда берут свое начало реки Евфрат, Галис (Кызыл-Ирмак), Чорох, Кура и Аракс и где, согласно этногенетическим преданиям (см. выше), остановились по пути следования на Кавказ родственные нахам племена (а часть из них и осталась там), представляла собой, говоря словами Н.Я. Марра, этнический Везувий. По данным, которыми сегодня наука располагает, эта территория являлась местом проживания и точкой пересечения путей для множества племен, различных по своему этническому и языковому происхождению. Ассирийские и урартские письменные источники фиксируют в этих местах в период с XII по VIII в. до н.э. крупное государственное образование Диаухи (Диаени), в которое входили многочисленные племена, большинство из которых являлись хуррито-урартскими. Вместе с тем, названия многих племен, входивших в объединение Диаухи или выступавших в качестве его союзников, сохранились в современной этно- и топонимической номенклатуре нахских и дагестанских народов, что в совокупности с прочими данными свидетельствует об этнической связи этих племен с нахскими и дагестанскими народами. После падения Диаухи под ударами Урарту в VIII в. до н.э. долина Чороха, как предполагают исследователи, была присоединена к Колхиде, которая таким образом расширила свои владения на юго-восток[87]. В пользу этого свидетельствует также и абхазское название реки Чорохи – *Акампсис*, упоминаемое античными и армянскими авторами, где компонент пс является абхазо-адыгским названием воды, широко распространенным в гидронимике Восточного Причерноморья и Западного Кавказа. Тот факт, что в данном гидрониме использовано именно абхазо-адыгское *пс – вода*, подтверждает и встречающееся у Плиния название той

[87] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 88.

же реки, но без компонента акам//акан – *Абсар* (*Апсар*), аналогичное хорошо известными абхазо-адыгскими гидронимами Колхиды и Западного Кавказа. По-видимому, именно в период, когда долина Чороха вошла в состав Колхидского царства, река и получило абхазское название Акампсис, которое и сохранилось в античных и древнеармянских источниках.

Этническая картина нагорной плоскости Юго-Восточного Причерноморья середины второй половины I тыс. до н.э. античных авторов, выглядит еще более пестрой. К вопросам локализации и этнического происхождения племен данного региона указанного времени обращались многие историки и географы – как античные, так и современные. Однако целый ряд вопросов до сих пор не получил удовлетворительного решения. Это в большой степени может быть связано с тем, что, как уже отмечено, рассматриваемая территория благодаря своему географическому расположению стала местом пересечения путей множества этнических групп, проходивших здесь в разных направлениях в различные исторические периоды. Начиная с VI–V вв. до н.э. античные авторы упоминают в этих местах и *цанов* (*санов*), называемое также *макероны* (*макроны, махароны, махелоны*), по вопросу происхождения которого существуют разные точки зрения. Сразу же отметим, что античные источники говорят об этнонимах *цаны* (*саны*) и м*акероны* (*макроны, махароны, махелоны*) как о параллельных названиях одной и той же племенной группы. Так, Гекатей Милетский пишет, что «макроны – ныне санны[88]», а Страбон – что «выше Трапезунта и Фарнакии живут тибарены, халды и санны, которые прежде назывались макронами[89]». Евстафий же в комментариях к Дионисию сообщает: «Макроны – народ понтийский, южнее бехиров. Их мы ныне называем саннами, или вульгарнее цанами, а страну саннов называют Цаникой[90]». Локализуются макроны-цаны юго-восточнее Трапезунта, в Понтийских горах и в бассейне верховья Чороха. Согласно Геродоту, земли макронов входили в девятнадцатый округ Ахеменидской империи и располагались по соседству с землями колхов[91].

Более достоверную информацию о месте проживания макеронов-цанов передает Ксенофонт, побывавший здесь вместе с эллинским отрядом, проходившим через Трапезунт при отступлении от Вавилона к Афинам. Маршрут древнегреческого отряда, блуждавшего по Армянскому нагорью по пути в Трапезунт, до сих пор не определен с достаточной четкостью. Точно известно лишь местоположение города Трепезунта, куда прибыл отряд Ксенофонта. Поэтому при уточнении маршрута обратного пути эллинов можно довольно отчетливо определить лишь западные пределы расселения макеронов-цанов. По описанию Ксенофонта, достигнув территории проживания макеронов, эллины установили с ним дружеские отношения и, пройдя с помощью проводников в три перехода 10 парасангов (около 55 км) через их страну, достигли границы колхов[92].

[88] Гекатей. Фр. 191.
[89] Str. XII, III, 18.
[90] Евстафий. XXIII, 255.
[91] Геродот. III, 94.
[92] Ксенофонт. IV,VIII, 1-8.

Вступив в сражение с отрядом колхов, встретивших их на горном возвышении, эллины одержали победу, после чего спустились к богатым продовольствием колхским селениям и остановились там. Оттуда они «прошли в два перехода 7 парасангов и прибыли к морю в Трапезунт[93]». Учитывая, что отсчет пройденных 7 парасангов (ок. 35–40 км) идет не от границы колхов с макеронами, а от колхских деревень, располагавшихся, по-видимому, недалеко от границы, у подножья горы, на которой колхи встретили эллинов, в общей сложности от границы макеронов до Трапезунта эллины преодолели примерно 40–45 км. В 7 парасангах к юго-западу от Трапезунта, на восточном водоразделе реки Цанахи (Цанаходзор, ныне Харшит) находится перевал Зигана, через который, скорее всего, и пролегала в то время граница между макеронами и колхами. Следовательно, в середине I тыс. до н.э. макероны-цаны жили в долине реки Цанахи (соврем. Харшит[94]), занимая все нагорье Пархара, долины Чороха и Гайль-Келкида, а также область Дердзан (Дерджан), расположенную в верховьях Евфрата, на южных склонах водораздельного хребта между реками Евфрат (Карасу) и Чорох[95]. Очертить более точно восточные и северо-восточные пределы расселения цанов-макеронов по данным Ксенофонта довольно сложно, так как пока еще не определено до конца, откуда именно – с северо-востока, с востока или с юго-востока, эллины подошли к границе макеронов[96].

Относительно этнического происхождения макеронов-цанов существует мнение, что они грузинского племени. Такая точка зрения поддерживается, частично или полностью, в основном грузинскими исследователями, однако не чужда она и армянским, хотя и не разделяется ими до конца. Анализируя сведения о цанах, содержащиеся в источниках, Г.А. Меликишвили пишет: «Трудно сказать что-нибудь об этнической принадлежности этого особого племени. Возможно, это было одно из западногрузинских (чанских) племен[97]». Далее, в другой части своей работы, он отмечает: «В названии макрон явно выделяется местное название западногрузинских племен арг/агр/акр/егр (м-арг-али, м-егри, м-егр-ели,

[93] Ксенофонт. VI, VIII, 22.

[94] Название *Цанахи* сохраняется в этих местах еще много столетий. Так, в «Трапезундской хронике» Михаила Панарета, в рассказе о событиях XIV в. упоминается местность и крепость *Цанахи* (см. Михаил Панарет. Трапезундская хроника, изд. А. Хаханова. М., 1905. С. 25, 30).

[95] Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана... С. 57, 65.

[96] Пройдя через страну халибов, эллины подошли к реке Арпас, имевшей ширину 4 плевра, т.е. 120 м. Реку Арпас Ксенофонта обычно отождествляют с рекой Чорох, хотя река Арпас по ширине (120 м) не соответствует Чороху, тем более что, по данным Прокопия Кесарийского, реку Чорох в ее срединном течении, до поворота на запад, к морю можно было легко перейти (см. Худадов В.Н. Отступление 10 тыс. греков от Евфрата до Трапезунта через Закавказье... С. 57). По Ксенофонту, эллины, достигнув реку Арпас далее прошли около 200 км по равнине вдоль реки, двигаясь вверх по течению, прежде чем достигли города Гумниаду, который рядом исследователей отождествляется с городом Бейбурт (Турция). Однако в таком случае остается неясным ряд вопросов: в каком именно месте эллины подошли к Чороху, по какой равнине они могли пройти вдоль реки до Бейбурта, если Чорох течет по гористой местности и т.д.

[97] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 137–137.

Эгр-иси)… Макрон является закономерным эквивалентом грузинского термина мегрели, а санны это чаны в греческой транскрипции, … и трудно сомневаться, что здесь мы имеем дело с западногрузинским населением[98]».

Признавая правомерность такой постановки вопроса, необходимо отметить, что вряд ли данное объяснение можно считать удовлетворительным, и тем более исчерпывающим. На это обратил внимание еще М.И. Дьяконов, справедливо указав на то, что «м-егр-ел – не племенное название, а связанное с определенной территорией (Эгриси), не имеющей отношения к территории, где жили макроны[99]». Трудно согласиться также и с утверждением, что элемент *агр/арг/акр* является характерным лишь для племенных названий западногрузинской этнической группы. Вне всяких сомнений, название современного народа мегрел (маргал), относящегося к картвельской языковой семье, имеет основу *агр/арг* (*м-агр-ал*), но это не может служить основанием для отнесение к грузинскому этническому миру все древние этнонимы с основой *агр/арг*, причем без каких-либо историко-географических обоснований.

Названия с основой *арг//агр* встречаются на обширной территории – как на Кавказе, так и далеко за его пределами. Так, например, Фессалия называлась также *Аргосом* (Пелазгийский Аргос), область и адыгское общество на Северо-Западном Кавказе имеют название *Егеркой*, в центральных районах Северного Кавказа проживают нахские *арги* и т.д. Было бы неправомерно предполагать, что все эти названия имеют отношение к грузинским племенам, поскольку очевидно, что они не имеют между собой ничего общего в этническом отношении. Для определения этнической принадлежности племени, в названии которой присутствует основа *арг//агр*, в каждом конкретном случае надо принимать решение избирательно, исходя из многих факторов, в том числе и из историко-географических реалий.

Что касается этнонима *мегрел/маграл/маргал*, то он, как уже отмечалось, является производным от географического термина *Эгр* (*Эгри-си*), обозначавшего территорию на Восточном Причерноморье. Данный этноним вряд ли можно отнести к названиям, характерным для грузинских племен, так как первоначальная форма *эгр* и производная от нее мегрел происходят скорее, как указывал еще Д.И. Гулиа, от абхазского названия жителей приморья – *агруа*, где *ага* – прибрежье (морское), *р* – суффикс мн. числа, *уа – человек, люди*, то есть *поморяне, прибрежные люди*, в отличие от *ашхаруаа – горцы*[100]. Такой взгляд вполне соответствует данным, которыми мы располагаем и согласно которым *агруа* (*эгры,*

[98] Там же. С. 67, 79.

[99] Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа... С. 122.

[100] Гулиа Д.И. История Абхазии. Собрание сочинений. Сухум, 1986. Т. 6. С. 79–80. Первоначально этим термином, видимо, назывались жившие здесь абхазы, ибо совершенно очевидно, что для того, чтобы на одном языке прибрежная часть населения получила название *прибрежные* (поморяне) – *а-груа,* а горн*ая – а-шхаруа (горцы)*, необходимо, чтобы прибрежную и горную территорию занимала одна этноязыковая общность. Название *агруа* (поморяне) позднее было закреплено за новым, смешавшимся с абхазами пришлым картвелоязычным населением.

мегрелы) начиная со II в. н. э., времени их первого упоминания Птолемеем, и до настоящего времени являются жителями Причерноморья, т.е. *поморянами.*

Относительно макронов (цанов), то, согласно античным источникам, они не только не являются приморским народом, но и четко отдаляются от жителей приморья (см. выше). По Геродоту, макроны входят в девятнадцатый округ Ахеменидской империи и являются соседями колхов[101].

Чтобы внести ясность в вопрос об этнической принадлежности макронов, следует обратить внимание на сообщение Ксенофонта, которому до сих пор не уделено должного внимания в научной литературе. Когда эллинский отряд подошел к владениям макеронов «к Ксенофонту подошел пельтаст, по его словам, некогда бывший рабом в Афинах, и сказал, что он знает язык этих людей. «Я думаю, – сказал он, – что это моя родина, и я хотел бы с ними переговорить, если к тому нет препятствий». «Никаких препятствий нет, – сказал Ксенофонт, – переговори с ними и сперва узнай, кто они такие». На его вопрос они ответили: «Макроны[102]». Можно лишь строить догадки о том, как этот макрон оказался в Афинах и стал эллинским воином, но факт, что он был родом из макронов и знал их язык, благодаря чему эллины установили дружественные связи с макронами и, заключив с ними мирный договор, в течение трех дней спокойно пересекли их страну и прибыли к границе колхов. Отсюда становится очевидным, что язык макронов (цанов) отличался от языков всех других упоминаемых Ксенофонтом племен – фасианов, таохов, халибов, скифинов и колхов, и потому воин-макрон не мог общаться с представителями этих племен при прохождении эллинского отряда через их территории. Данное свидетельство очень ценно, поскольку практически полностью снимает вопрос о тождестве цанов-макеронов со всеми другими племенами, упомянутыми Ксенофонтом[103]. Поэтому трудно согласиться со встречающимся в специальной литературе утверждением, что «все эти халибы, скифины, соседи и враги скифинов, макроны, колхи были этнически одного и того же происхождения», и предположительно – картвельского[104]. Из сообщения Ксенофонта следует, что макероны-цаны этнически выделялись из всех племенных групп, проживавших на той же территории в V в. до н.э., когда здесь проходил эллинский отряд. Об этом свидетельствуют также гидроним Цанахи и название Цанаходзор – Ущелье цанахов (где дзор – по-армянски ущелье), соответствующее долине и реке, где и проживали цаны. Такие названия по этническому признаку могли появиться только в том случае, если цаны проживали в окружении этнически инородного массива.

---

[101] Геродот. II, 104; III, 94.

[102] Ксенофонт. IV, VIII, 4.

[103] По мнению Г.А. Меликишвили, наименование *скифен* происходит от мегрело-чанского слова *шквити* (*шкити*), означающее *семь*, и упоминаемые в античных источниках гептокометы тождественны со скифенами, так как *гептокомет* означает *насельники (жители) семи деревень* (см. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. С. 81), что представляется весьма вероятным.

[104] Очерки истории Грузии. Т.1. Грузия с древнейших времен до IV в. н.э. Тбилиси, 1989. С. 235.

Не может считаться убедительным также высказанное в исторической литературе предположение о тождестве цанов-саннов античных авторов с картвелоязычными чанами (лазами). О неправомерности отождествления цанов-макронов с чанами-мегрелами недвусмысленно говорили еще античные историки и географы. Путаница между цанами и чанами, возникшая в античных источниках, обусловлена особенностями греческой фонетики. В греческом языке нет букв, при помощи которых можно бы было передать звуки *цI* (*ṣ*) (*цIан*) и *чI* (*ṡ*) (*чIан*), поэтому обе фонемы – и *цI*, и *чI*, передаются посредством буквы *с* (*s*). В результате два различных этнонима – *цан* и *чан* в греко-латинских источниках были переданы одним термином – саны, что, естественно, вводило читателей в заблуждение. Однако многие античные авторы указывали на ошибочность отождествления цанов и чанов и пытались уточнить правильность звучания этих двух этнонимов, чтобы таким образом донести до читателя, что речь идет о двух различных племенах. Так, Евстафий в комментариях к «Землеописанию Дионисия» замечает: «Макроны – народ понтийский… Их мы ныне называем саннами или, вульгарнее, цанами… и страну саннов называют Цаникой употребляющие вульгарную форму имени[105]».

Прокопий Кесарийский, хорошо осведомленный об этнополитической ситуации своего времени, также четко отделяет цанов от чанов (лазов) и колхов. Полемизируя с авторами, локализующими санов-цанов на побережье, Прокопий Кесарийский пишет: «Некоторые из них называли соседей трапезунтцев или санами (мы их называем *тзанами*), или колхами, назвав лазами других… На самом деле не верно ни то, ни другое. *Тзаны, находясь очень далеко от берега моря, живут рядом с армянами в середине материка. Между ними и морем вздымаются цепи высоких гор…. Все это отделяет тзанов от берега, не давая им права считаться приморским народом*» (выделено мной. – Г.Г.[106]) Говоря о недопустимости отождествления цанов с чанами (лазами) и колхами, византийский писатель попытался также передать правильное звучание термина ц*I*ан через фонемы т и з – тзан.

Делая свои уточнения, античные авторы предупреждали, что живущих в Понтийских горах цанов (или тзанов) нельзя смешивать с причерноморскими чанами (санами). Чаны локализуются в приморской полосе между Трапезунтом и устьем реки Чорох. Цаны-макроны, в отличие от чанов, не являлись приморским народом и, как замечает Прокопий Кесарийский, проживали «очень далеко от берега моря, рядом с армянами в середине материка», что полностью подтверждается и данными армянских источников.

В отличие от греко-латинских авторов, которые по причинам, указанным выше, не могли правильно воспроизвести названия цан и чан, армянские авторы сумели передать природное звучание этих терминов: *цан* (*цIан*) – *ծան*, *чан* (*чIан*) – *ճան*, поэтому в армянских источниках при их использовании не наблюдается путаницы. Древнеармянские авторы локализуют *чанов* (*ճանք*) на

[105] Евстафий. XXIII, 255.

[106] Прокопий Кесарийский. VIII, 1.

морском побережье, между Трепезунтом и нижним течением Чороха, а *цанов* (*ծանք*) – в бассейнах рек Цанаходзор (ծանախաձոր) и Чорохи. Например, в «Ашхарацуйце» одна из четырех областей Колхиды, а именно вышеназванная прибрежная полоса, называется Чанив (Чан-ив) – «Чанив, которое есть Халтик» (Ճանիւ որ է Խաղտիք[107]), и она не имеет никакого отношения к территории проживания цанов (ծանք).

Скорее всего, в лице цанов и чанов мы имеем две этнически различные племенные группы. Если чанов-мегрелов Причерноморья можно предположительно отнести к грузинским племенам, то цаны-макроны, локализуемые в предгорьях Понта, в языковом и этническом отношении отличаются от других племен, проживавших здесь в тот же период. Представляется вполне допустимым видеть в цанах-макеронах Юго-Восточного Причерноморья продвигавшихся из юго-западных и центральных областей Урарту, в частности, из Цова (ЦІув, Цоб) на север часть переселенцев, о которых сообщают отмеченные выше источники и воспоминания о которых, судя по всему, сохранились в эпической памяти нахских народов. Уж слишком много совпадений и свидетельств в пользу этого. Во всяком случае, связь цанов-макеронов, живших на территории бассейнов Чороха и Цанахи, с нахскими племенами, прибывшими, по преданиям, из причерноморских местностей Цан (Ца, Циечу) и Зигур (из Зига) (Зиг-ана), а также с цанарами, продвигавшимися из Цана в Гардман и далее на север, к подножью Кавказских гор, в область, которую они назвали *Цанарией* (*из Цана*) и где, в верховьях Алазани, зафиксирован топоним Зегана, проявляется настолько явственно, что вряд ли может вызывать какие-либо сомнения.

В этой же связи будет уместно вспомнить, что почти во всех местах, где выявляются названия *цан, цанар и макерон* (*махелон*), им неизменно сопутствует слово хон (см. выше). Учитывая множество других параллелей, которые можно провести между этнотопонимикой бассейнов Чороха и Верхнего Евфрата и ближайших к ним областей и нахской этнотопонимикой, можно достаточно уверенно говорить об этнической и языковой близости цанов-макеронов с нахскими племенами. При этом следует иметь в виду, что в сообщениях античных авторов о цанах (махеронах) речь идет не об одной племенной группе, а о многочисленных племенах, подразделявшихся на отдельные племенные группы, каждая со своим названием, среди которых Прокопий Кесарийский, например, упоминает окенов, коксилинов и т.д.[108] Поэтому вполне вероятно, что хоны представляли собой одну из племенных групп цанов-макеронов.

Подтверждением вышесказанному служат и следующие исторические факты, освещенные в письменных источниках. На рубеже новой эры цаны-макероны вместе с соседними племенами были вовлечены в бурные события, связанные с падением Понтийского царства и установлением здесь римского владычества. Это привело к нарушению экономической и политической стабильности Колхи-

[107] Ашхарацуйц. С 27.

[108] Прокопий Кесарийский. IV, 2. Хотя следует иметь в виду, что *окен* (*кен*), возможно, является лишь формой термина *цан* (см. Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана... С. 61).

ды, к ослаблению в ней государственной власти, уничтожению и опустошению большинства ее центров, к резкому сокращению числа жителей и их переселению. В результате изменения политической ситуации древнее коренное население Юго-Восточного Причерноморья – колхи – переместилось в северные районы Колхиды, открыв дорогу для интенсивного проникновения на оставленные ими опустошенные земли картвельским (мегрело-чанским) племенам, проживавшим ранее в горных областях Юго-Восточного Причерноморья[109]. Все это вызвало резкое изменение этнического состава населения Колхиды. Почти «на всем протяжении прибрежной полосы Юго-Восточного и Восточного Причерноморья появляются новые племена, проникшие сюда частично из горных областей Юго-Восточного Причерноморья. Они и захватывают постепенно гегемонию в Юго-Восточном и Восточном Причерноморье, на территории исторической Колхиды, слившись с земледельческим населением прибрежной полосы[110]».

Изменившуюся этническую ситуацию в прибрежье между Трапезунтом и нижним течением Чороха описывает Флавий Арриан, совершивший в 134 г. плавание по Понту из Трапезунта в Диоскурию (совр. Сухум). Другой античный автор, Псевдо-Арриан, жалуется: «…Говорят, что местечко Апсар[111] в древности называлось Апсирт, ибо здесь Апсирт был убит Медеей; показывается и гробница Апсирта[112]. Впоследствии название было искажено окрестными варварами, как искажены и многие другие[113]». Среди новых племен, появившихся на побережье, греческий писатель указывает и макеронов (махелонов): «От реки Архабиса до реки Офиунта прежде жил народ, называемый экхирийцами (а ныне живут махелоны и гениохи), от реки Апсара до реки Архабиса прежде жили так называемые бизеры (а ныне живут зидриты[114])». Река Архабис – это современный Архаве-Су, Офиунт – современный Офис, который протекает примерно в 50 км восточнее Трапезунта, т.е. получается, что махелоны и гениохи занимали прибрежную полосу между современными населенными пунктами Ризе и Атина.

По-видимому, какая-то часть многочисленных племен цанов-махелонов на рубеже новой эры была вовлечена в процесс переселения горцев Юго-Восточного Причерноморья в Колхиду и спустилась к Черноморскому побережью. По данным Арриана и Диона Кассия, переселившиеся на побережье Черного моря макероны-цаны вместе с гениохами образовали здесь «царство махелонов и гениохов», во главе которого встал царь по имени Анхиал[115]. Плиний называет это государственное образование царством «саннов-гениохов[116]».

---

[109] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 365; Очерки истории Грузии. Т. I. С. 234; Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья… С. 7–8.

[110] Очерки истории Грузии... Т. I. С. 233.

[111] Местность недалеко от Батуми.

[112] Апсирт и Медея – сын и дочь колхидского царя Аэта. С именем Апсирт связывается самоназвание абхазов *ансуа*.

[113] Псевдо-Арриан. 41, 18.

[114] Там же. 42 (1), 19.

[115] Арриан. 15; Дион Кассий. XVIII, 19, 12.

[116] Plin. VI, 12.

Если в лице махелонов-саннов мы имеем племена, спустившиеся к побережью, то гениохи – это скорее население, проживавшее на этой территории ранее[117]. Как известно, названия колхи и гениохи часто перекрывали друг друга. А после падения Колхидского царства, племена, входившие в состав этого царства и скрывавшиеся под общим собирательным названием колхи, основали здесь несколько политических образований, известных уже под собственными этническими именами, например, царства апсилов, абазгов, лазов и др.[118]

Одним из таких политических образований на территории бывшего Колхидского царства являлось, видимо, и *царство махелонов и гениохов*, в названии которого всплывает имя одного из колхидских племен – *гениохи*. По всей вероятности, царство махелонов и гениохов было образовано под главенством переселившихся сюда махелонов-цанов – в этом убеждает имя царя махелонов и гениохов *Анхиал*, имеющее выраженный хуррито-урартский облик и сопоставимое с именем хурритского царя Шуприи Анхит, упоминающимся в анналах ассирийского царя Ашшурнасирапала II (884/3–859 гг. до н.э.).[119] Данный факт тем более знаменателен, что появление в верховьях Чороха (Цаники армянских источников) топонима Спер связывается с переселением сюда жителей хурритской области Шуприя (Суприя), располагавшейся в Сасануских горах, к юго-западу от оз. Ван[120].

В первые в. новой эры происходит дальнейшее перемещение племен из Восточного и Юго-Восточного Причерноморья на северо-запад, в центральные районы Колхиды, а также к северу от Рачинского и Эгрисского хребтов, в предгорье Главного Кавказского хребта. Появление в центральных областях Колхиды новых названий связывается с перемещением сюда картвельских (мегрело-чанских) племен[121]. Среди племен, продвинувшихся к предгорьям Западного Закавказья, возможно, были и цаны-махелоны. Так, Птолемей упоминает здесь наряду с топонимом *Зидрида*, вероятно, имеющим отношение к зидридам, жившим до этого возле устья Апсара (Чороха), и рядом других названий, местность *Мехлес*. Название *мехлес* Птолемея исследователи связывают с *махелонами* (*макронами*). Не исключено, что эта связь верна, однако вполне возможно и, как кажется, гораздо более вероятно, что *Мехлес* Птолемея отсылает нас к древнему абхазскому имени нахов – *малхи// махли*, поскольку малхи проживали здесь гораздо раньше, еще в I тыс. до н. э., и их земли граничили с Колхидой на юге по Эгрисскому и Рачинскому хребтам.

Продвинулась к Черноморскому побережью, а позднее и далее на север, в центральные районы Кавказа, лишь часть цанов-макеронов. Основное же население, по сообщению Арриана, продолжало жить на прежнем месте, в Понтийских го-

---

[117] Название *гениох* (*heniox, iniox*) в литературе иногда сопоставляется с *вейнах*, при этом иногда сам термин искажается и приводится не известная первоисточникам форма *ганах*. Однако такое сопоставление, каким бы заманчивым оно ни выглядело, представляется неоправданным с лингвистической и историко-географической точки зрения.

[118] Арриан. 15.

[119] См.: АВИИУ. I, 23, (II, 2).

[120] См.: Адонц Н. Указ. соч. С. 398.

[121] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии… С. 365; Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья... С. 9.

рах: «Мы проехали мимо следующих народов: с трапезунтцами, как говорит и Ксенофонт, граничат колхи. Тот народ, который, по его словам, отличается наибольшей воинственностью и непримиримой враждой к трапезунтцам, он называет дрилами, а, по моему мнению, это – санны: они и до сих пор очень воинственны, непримиримые враги трапезунтцев и живут в укрепленных местечках[122]».

Племена цанов-макеронов в конце I тыс. до н.э. перемещались не только к Черноморскому побережью, а оттуда на северо-запад, но и на северо-восток, в направлении центральных районов Кавказа. И как увидим далее, основные события, связанные с цанами-макронами, происходили именно в этом регионе. Весьма ценные сведения по рассматриваемому вопросу передает Гай Плиний Секунд, поскольку он «пользовался периплами и дорожниками, составленными Артемидором Эфесским и Исидором Харакским, а также официальными римскими дорожниками, бывшими в ходу в I в. н.э. Последние употреблялись для военных нужд и опирались на сведения, полученные в результате проникновении римских войск и римской провинциальной администрации[123]». Одновременно Плиний также использовал данные ионийской географической науки, актуальные для середины I тыс. до н.э.

Вместе с тем, известно, что работа со сведениями Плиния сопряжена с определенными трудностями, т.к. римский писатель пользовался разноречивыми и разновременными источниками. Поэтому на первый взгляд может показаться, что труд его, особенно там, где речь идет о Кавказе и прилегающих к нему областях, представляет собой хаотичное описание племен и народов, без какого-либо учета историко-географических реалий. Однако повторы в разных местах одних и тех же (или слегка измененных) имен, характерные для Плиния, «объясняются тем, что описание это является контаминацией разнообразных и разновременных источников, в том числе и периплов, ведущих читателя в разных направлениях[124]», и при детальном сравнительном анализе сообщений Плиния становится очевидной их несомненная достоверность и ценность.

Махелонов (махоронов) Плиний упоминает в своем труде дважды. Поскольку в специальной литературе существуют разные интерпретации интересующих нас сообщений, процитирую их полностью, чтобы представить целостную картину, изображенную античным автором. В первый раз Плиний упоминает макеронов (махелонов) перечисляя племена северо-восточной части Малой Азии от реки Термодонта (древний Галис, соврем. Кызыл-Ирмак) на восток: «[За рекой Термодонтом к востоку следуют] племена генетов и халибов, город Котиор, племена тибаренов, массинов, татуирующих себе тела, племя макрокефалов, город Керасунт, порт Кордула, племена бехиров и буксеров, река Мелас, племя махоронов, сидены и река Сиден, омывающая город Полемоний, [отстоящий] от Амиса на 120 миль. Затем реки Ясоний, Мелантий и город Фарнакея, [который отстоит] от Амиса на 80 миль, Триполь – крепость и река, затем Филокалия и Ливиополь

[122] Арриан. 15.

[123] Ростовцев М.И. Скифия и Боспор... С. 42 и сл.

[124] Там же.

– уже без реки, и в 100 милях от Фарнакеи свободный [город] Трапезунт, окруженный огромными горами. За ними на расстоянии 30 миль находятся племя арменохалибов и Великая Армения[125]». Далее идет описание местностей и племен Восточного Причерноморья, Колхиды, Западного Кавказа, Крыма и т.д.

В другой части своего труда Плиний вновь возвращается к описанию Южного Кавказа: «Теперь будут перечислены жители пограничных с Арменией областей. Всю равнину, начиная от реки Кир, заселяют племена албанов, затем – иберов, которые отделены от первых рекой Олазаном, текущей с Кавказских гор в реку Кир. Главные города – в Албании Кабалака, в Иберии Гармаст близ реки [Кир] и Неорис. [Далее лежат] области Тасийская и Триарская, до Париэдрийских гор; за ними находятся Колхидские пустыни, от границы которых, обращенной к Кревнийским горам, живут арменохалибы и [тянутся] земли мосхов до реки Ибер, впадающей в Кир, а ниже сакасены, затем макероны до реки Абсара. Так заселены равнины и горные покатости; с другой стороны, начиная от границ Албании, по всему челу гор живут дикие племена Сильвов, а ниже Лупений, затем Дидуры и Соды[126]».

В первом из двух процитировнных отрывков Плиния, где упоминаются махороны, перечисление народов и стран идет с запада на восток, махороны здесь размещаются у берегов реки Мелас. Река Мелас – это Верхний Евфрат до впадения в него реки Арацани[127], т.е. Плиний размещает макеронов (цанов) в верховьях Евфрата. В верховьях Евфрата, на южных склонах водораздельного хребта Арциан (между Евфратом и Чорохом) размещает часть макеронов-цанов в V в. до н.э. и Ксенофонт (см. выше). По-видимому, сведения о макронах (цанах) у реки Мелас (Верхний Евфрат) взяты Плинием у ионийских географов, нарисовавших карту расселения племен середины I тыс. до н.э.

Во втором из вышеприведенных отрывков описание Южного Кавказа идет уже с востока на запад – от Албании до Париадрских (Пархарских) гор и Колхиды. Перечисленные в этом отрывке страны и области имеют надежную локализацию: это хорошо известные Албания и Иберия, Тасийская область – Ташир в Северной Армении, Триар – Триалети в Иберии; земля мосхов в Мосхийских горах, граничившая с Иберией на севере по реке Ибер, известной также как Посх, а на юге отделявшаяся от армено-халибов южными отрогами Париадрских (или Пархарских) гор; область Сакасена на правобережье Куры (часть ее позднее стала известна как Гардман, или Гардабан). Макероны же, по Плинию, занимали земли между Сакасеной и рекой Абсар (Чорох).

Таким образом, на рубеже новой эры Плиний застает макеронов (цанов) уже в глубине Кавказского перешейка на территории от правобережья Чороха на западе до области Гардман на востоке, расположенной на правом берегу Куры. Позднее

---

[125] Plin. VI, 11, 12.

[126] Plin. VI, 29.

[127] Река Верхний Евфрат в хеттских и урартских надписях называлась *Мала//Мелиа* (Мала – в хеттских, Мелиа – в урартских), а позже, в соответствии с греческой народной этимологией, в греческих источниках *Мела* превратилась в *Мелас* (от греч. мелас – черный). От греческого *мелас – черный*, возник и гидроним *Кара-су – Черная вода*, современное турецкое название Верхнего Евфрата до впадения в него реки Арацани.

это подтверждается и другими авторами, в частности, Прокопием Кесарийским и Варданом Аревелци (см. выше), а также топонимикой этих мест.

Территория, на которой Плиний локализует махаронов, прочим авторам известна под названием *Гугарк* (*Гогарена*). Так, если, по Плинию, к западу от территории расселения сакасенов находилась земля макеронов, то Страбон, примыкавшую с запада к Сакасене область называет *Гогареной*: «…река Аракс течет до границ Албании, впадая в Каспийское море. За этой равниной идет Сакасена, тоже граничащая с Албанией и рекой Киром; еще дальше идет Гогарена[128]».

*Гогарен*а античных источников, или *Гугарк* (*ашхар Гугарк – страна гугаров*) армянских, простиралась от области Тайк (урартская страна Диаухи) на правобережье Чороха на западе до местности Хунана (Хунаракерт) на берегу Куры на востоке[129], т.е. на той территории, где нахская топонимика присутствует еще со времен Урартского царства.

Мовсес Хоренаци рассматривает гугаров как древнейшее коренное население, а название *Гугар*(*к*) относит к названиям доармянского происхождения и ставит в один ряд с теми древними именами, которые стали эпонимами для потомков легендарного прародителя армян Гайка (hАика). Имя *Гугар* возводится к эпониму Гушар, имени легендарного потомка Шара: «Гушар же, потомок сыновей Шара, унаследовал гору Мтин, то есть Кангарк, половину Джавахка, Колб, Цоб, Дзор вплоть до крепости Хнаракерт[130]». Н.А. Адонц допускал, что, возможно, точное прочтение эпонима Гушар – Гуджар (Гугар[131]). Имя предка Гушара (Гуджар, Гугар) *Шара*, как уже отмечалось выше, восходит к имени хурритского божества *Шаро*. С этим именем связано и происхождение ряда топонимов на Южном и Северном Кавказе, о чем говорилось выше.

Таким образом, перед нами вновь переплетение очень интересных фактов, без развязки которых история центральных районов Южного Кавказа уже не будет считаться полной. Исследование этих фактов может привести к существенной корректировке известной на настоящий момент древней истории центральных областей Южного Кавказа. И в этом контексте с новой остротой встает вопрос о гугарах и о том, в какой связи они находятся с махелонами-цанами (цанарами) и вообще с нахским этническим миром.

4. Гугарк и гугары

Страна Гугарк занимала обширную территорию от правобережья Чороха на западе до Куры на востоке и состояла из девяти областей: Дзоропор, Цобопор,

---

[128] Str. XI, XIV, 4.

[129] Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу»... С. 73; Арутюнян Б.А. Область Гугарк Великой Армении по «Ашхарацуйцу» (на арм. яз.) // Вестник Ереванского университета, № 2. Ереван, 1977. С. 192–195.

[130] Мовсес Хоренаци. II, 8.

[131] Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана... С. 425.

Колбопор, Ташир, Трелы, Кангары, Артаган, Джавах и Клардж[132]. Первые упоминания о Гугарке содержатся в трудах греко-латинских авторов. Согласно Страбону, после поражения селевкидского царя Антиоха III Великого в битве с римлянами при Магнезии в 190 г. до н.э. Великая и Малая Армения стали независимыми и расширили свои владения, включив в них ряд соседних областей. Среди областей, присоединенных к Армении в то время (около 170 г. до н.э.), Страбон называет и страну Гогарена[133]. При царе Тигране II (95–55 гг. до н.э.), прозванном Великим и принявшем титул «царь царей», Армения становится могущественной державой Передней Азии, а ее границы распространяются от Каспийского моря на востоке до Средиземного моря на западе и от реки Куры на севере до реки Иордан на юге. В вассальной зависимости от Армении оказались Картли и Албания. Гугарк вошел в состав Армянского царства, составив в нем отдельный округ, именуемый в армянских источниках *бдешхство Гугарк*. Бдешхи по сути были полновластными правителями, вице-королями (-царями), и по своим привилегиям лишь незначительно уступали царю Армении. Они имели свой двор, армию, взимали налоги и пошлины и даже имели право чеканить монету

На бдешха (правителя) Гугарка были возложены охрана северных рубежей Армении и контроль над кавказскими проходами. К Гугарку относилась и территория на левобережье Куры – Эрети, в связи с чем, древнегрузинские источники именуют бдешха Гугарка также *эриставом Рани*[134]. Резиденция бдешха находилась в городе Цуртав на берегу р. Храми. Нет точной информации о том, как далеко распространялась власть бдешха Гургарка к северу от Эрети, в верховьях Алазани и Иори. По данным Страбона, в состав Армении входила Комбисена – местность к северу от устья Алазани, притока реки Куры[135]. Однако нет никаких сомнений в том, что при Тигране II Великом Армения взяла на себя функции охраны кавказских проходов, в том числе и Цилканских (Сарматских) ворот. Иное трудно и представить, ибо армянский царь Тигран II Великий, проводя на юге широкомасштабные завоевательные войны против Парфии и расширяя юго-западные пределы своей империи до берегов Средиземного моря, должен был обезопасить северные границы и надежно закрыть кавказские проходы. По всей

---

[132] Ашхарацуйц. С. 35.

[133] По сообщению Страбона «Армению, в прежние времена бывшую маленькой страной, увеличили воины Артаксия и Зариадрия. Они были первоначально полководцами Антиоха Великого, а впоследствии, после его поражения, стали царями – один в Софене, Акисене, Одомантиде и некоторых других (областях), а другой – царем страны вокруг Артаксаты; они расширили совместно свои владения, отрезав часть земель у окружающих народностей, а именно: у мидян они отняли Каспиану, Фавнитиду и Басоропеду; у иберов – предгорье Париадра, Хорзену и Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кира; у халибов и мосинеков – Каренитиду и Ксерксену, которая граничит с Малой Арменией или является ее частью; у катаонов – Акилисену и область вокруг Антитавра; наконец, у сирийцев – Таронитиду. Поэтому все эти народности теперь говорят на одном языке» (Str. XI, XIV, 5).

[134] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 461.

[135] Str. XI, XIV, 4.

видимости, охрана центральнокавказских перевалов была отдана под непосредственный контроль бдешху Гугарка, и у Цилканских ворот около Жинвали, где пересекались дороги, шедшие из Дарьяльского, Хевсурского перевалов, Тушинской дороги и т.д., находились подконтрольные бдешху отряды. В этот период бдешх Гугарка выполнял также функции наместника Армении в Иберии, находившейся в вассальной зависимости от Армении, в связи с чем, бдешха Гугарка Мовсес Хоренаци именует также и *бдешхом Иберии* (*Грузии*[136]). Такая ситуация имела место, видимо, при власти Тиграна II Великого, в период наивысшего могущества Армении.

Согласно античной традиции, начиная с рубежа новой эры северная граница Армении с Албанией и Иберией (Картли) проходила по реке Куре (Страбон, Асиний Квадратт, Солин, Птолемей и др.[137]). Плиний также проводит границу между Арменией и Иберией по реке Кура: «…река Кура составляет границу Армении и Иберии[138]». Однако в приведенном выше фрагменте текста Плиния сакасены и макероны, проживавшие на территории к востоку от Албании до Пархарских и до Мосхийских гор на западе, т.е. на землях Гогарена (Гугарка), выступают как жители пограничных с Арменией областей и находятся вне пределов Армении. При этом Плиний четко отделяет данную территорию также и от Иберии, расположенной к северу от Куры[139].

Таким образом, по Плинию, земли Гугарка (Гогарена) не относились ни к Армении, ни к Иберии, а представляли самостоятельную территориальную единицу. Противоречивость сведений Плиния обусловлена, по-видимому, использованием различных источников, отражающих разные периоды истории данного региона, поэтому в одном случае речь идет о времени, когда Гугарк являлся частью Армении, а в другом – о периоде, когда Гугарк был независимым. Установить, какие именно временные отрезки отражены в процитированных отрывках, позволяет информация, содержащаяся в античных, армянских и грузинских источниках.

В войне против Рима Армения потерпела поражение. После известных военных походов римских полководцев Лукулла и Помпея в I в. до н.э. территория Армянского царства была значительно урезана. На протяжении столетия – с середины I в. до н.э. до 60-х гг. I в. н.э. – Армения переживала смутное время: ее государственная власть была ослаблена, а за влияние над ней шла борьба между Римской империей и Парфянским царством. Видимо, в это время наследственные

---

[136] Мовсес Хоренаци. II, 11.

Грузинская историческая традиция этот период в истории Картли рассматривает как более чем столетнее царствование армянского царевича Аршака, что, по мнению ученых, является отражением господства Армении над Картли на протяжении всего этого времени (см. Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 52).

[137] См.: Новосельцев А.П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период // «К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении». Т. I. Ереван, 1991. С. 35 и далее; Свазян Г.С. История страны Алуанк (с древнейших времен по VIII век). Ереван, 2009. С. 65.

[138] Plin. VI, 39.

[139] Plin. VI, 29. См. также выше.

владетели (бдешхи) Гугарка и обрели полную независимость, именно этот период, судя по всему, отразил Плиний, разместив Гугарк, названный им Макеронией, за пределами Армении. Вместе с тем Плиний проводит границу между Иберией и Албанией уже по реке Алазани, что говорит о том, что Гугарк, вероятно, потерял земли на левобережье Куры, между реками Арагви и Алазани и эта территория вошла в состав Иберийского царства. Очевидно, это было следствием политики «разделяй и властвуй», которую Рим начал проводить в данном регионе, натравливая друг на друга соседние народы. Так, ведя борьбу с Парфянским царством, Рим спровоцировал нападение на Парфию своих вассалов, в числе которых была и Иберия. Кроме того, на правителей Иберии были возложены функции контроля над Дарьяльским проходом: иберийский (грузинский) царь со своим войском должен был охранять Дарьяльский проход, за что он получал жалованье от римлян[140]. Опираясь на поддержку Рима, картлийские цари расширяют сферу своего влияния и границы своих владений, захватив, в частности, территорию левобережья Куры до устья Алазани[141].

С воцарением в 66−м г. новой эры на армянском престоле аршакидской династии в лице брата парфянского царя Трдата I в Армении начинается процесс восстановления государственного контроля над всей территорией, в том числе и над провинциями, в которых всегда были сильны сепаратистские тенденции. Во второй половине II в. н.э., в период ослабления Парфии и усиления позиций Рима, положение Армении становится еще более прочным. На армянский престол вступает Валаршак II (186–198), получивший титул Великого царя Армении. Согласно договору, заключенному между римским императором Септимия Севером (193–211) и армянским царем Валаршаком II, Армении поручается охрана главных кавказских проходов (Дарьяльского и Дербентского[142]). Контроль над основными перевалами Центрального Кавказа Валаршак II вновь возлагает на бдешха Гугарка, как это было ранее, еще во времена Тиграна II Великого[143].

Такое положение существовало до 387 г., когда произошел раздел Великой Армении и всего Южного Кавказа между двумя империями – Римской и Сасанидской. После этого, согласно новому административному делению Сасанидской империи, Гугарк, Картлийское царство и Цанария (Кахети) были объединены в один административный округ Персидской империи, получивший название шахр *Варджана* (*Картли*[144]). Функция наместника (марзпана) округа (шахра) *Варджан*

[140] Со временем стало ясно, что Иберия не справляется с задачей обеспечения безопасности Дарьяльского прохода. Более того, иберийские цари сами стали участвовать вместе с кочевниками северокавказских степей в грабительских нашествиях на Армению и Малую Азию. В связи с этим для охраны кавказских перевалов в Иберию был введен римский легион, который укрепил Цилканские (Сарматские) ворота у Жинвали и охранял их (см.: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 348).

[141] Свазян Г.С. История страны Алуанк... С. 65.

[142] Еремян С.Т. Политические отношения Валарша II с Римом и парфянами // «Историко-филологический журнал». Ереван, 1976. № 4. С. 42.

[143] Мовсес Хоренаци. II, 8.

[144] Согласно новому административному делению, Сасанидское государство было

была возложена Сасанидами на бдешха Гугарка, в связи с чем последний перевел свою военную резиденцию из Цуртави на берегу реки Храми в Бостан-калак – Рустави. Бдешх Гугарка как марзпан сасанидской административной единицы Варджан был наделен большими правами в военной, административной и судебной сфере.

Все вышесказанное, несомненно, свидетельствует о той большой роли, которую играли гугары в исторических судьбах народов Южного Кавказа на протяжении многих столетий. Например, Мовсес Хоренаци именует гугаров не иначе как *великим и могучим народом*[145]. Следует отметить, что древние авторы, несмотря на то что Гугарк вошел в состав Армении, вероятно, еще в 170-е гг. до н.э., изображают владетелей Гугарка достаточно самостоятельными – своего рода маленькими царьками, со своим царством и народом, в котором преобладает воинственное население (отсюда, соответственно, и мощные вооруженные силы), но признающими тем не менее верховный суверенитет армянских царей со времен Тиграна II Великого. Н.Г. Адонц в связи с этим пишет: «…Бдешхи действительно охраняли пределы Армении, но не по назначению армянского царя, а по своему положению, как властелины окраин, признававшие притом власть армянского царя[146]». Наличием сильной армии и первенством среди окружающих народов и объясняется, вероятно, тот факт, что на протяжении столетий именно бдешхам Гугарка доверялось возглавлять охрану кавказских перевалов и обеспечивать безопасность стран Южного Кавказа, защищая их от вторжений полчищ кочевых племен северокавказских степей.

Воинственность жителей данного региона и самоотверженная борьба за свою независимость хорошо известны еще ассирийским и урартским царям. В урартский период население Гугарка составляло часть объединений Диаухи и Этиухи. Племенные названия, сохранившиеся в ассирийских и урартских надписях, указывают на хуррито-урартский состав населения, но в то же время многие из них, как показано выше, находят прямые параллели в нахской и дагестанской этногеографической номенклатуре.

Как сообщает Страбон (см. выше), после присоединения к Армении соседних областей, в том числе и Гугарка, население начало говорить на одном языке, т.е. на армянском. Конечно, из сообщения Страбона вовсе не следует, что жители присоединенных областей перешли на армянский язык сразу же: речь идет о превращении армянского языка в язык межплеменного общения, т.е. государственный. За неимением соответствующей информации сегодня трудно судить о том, насколько глубоко зашел процесс ассимиляции населения Гугарка в античный период. Но при этом наука располагает свидетельством позднеантичного периода касающиися Джаваха (Джавахети): в 326 г. по пути из

разделено на четыре края, или *кустака*. Страны Южного Кавказа были объединены в Северный, или Кавказский кустак (Капкох). Кустак включал в себя более мелкие административные единицы – *шахры*, во главе которых стояли *марзпаны* (*правители области*), подчинявшиеся в свою очередь правителям кустаков − *спаспетам*.

[145] Мовсес Хоренаци, II, 8.

[146] Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана... С. 416.

Армении в Картли св. Нино в Джавахке изъяснялась с местными жителями на армянском языке[147].

Однако, кончено же не следует думать, что основное население Гугарка ассимилировалось легко и быстро. Жители окраинных областей Армении, каковой являлся и Гугарк, непосредственно соприкасавшиеся с соседними народностями, были менее подвержены ассимиляции. Причина тому – смешанный состав населения, к тому же постоянно обновляемый в результате притока переселенцев из близлежащих областей, с частью которых жители Гугарка находились в близком этническом родстве[148]. Письменные источники свидетельствуют, что вследствие этого на окраинах всегда были сильны сепаратистские тенденции и восстания против центральной власти вспыхивали довольно часто.

По свидетельствам древних источников, прежде всего армянских, не только в античный, но и раннесредневековый период основное население Гугарка, судя по всему, все еще сохраняло свой язык и этническое лицо. Подтверждается это также и рядом других свидетельств, речь о которых пойдет ниже. Но прежде чем перейти к ним, необходимо остановиться на анализе существующих в специальной литературе мнений по вопросу этнической принадлежности гугаров.

Относительно сведении о гугарах, изложенных Мовсесом Хоренаци, Д.М. Мусхелишвили пишет: «Очевидно, что это *великое, могучее племя* не армянского происхождения, а раз оно живет севернее Армении, *насупротив горы Кавказа,* то самое логичное (тем более что о происхождении алванов Мовсес Хоренаци вел разговор до этого) – предположить, что историк здесь подразумевает грузин; а так как родоначальник этого племени назван *бдешхом гугаров*, то следует признать, что гугары и есть грузины». Далее исследователь продолжает: «То, что под великим, могучим племенем гугаров Мовсес Хоренаци подразумевает именно грузин, в частности – восточных грузин, подтверждается текстом, который следует непосредственно за вышеуказанным: Управление северной страною, лежащею насупротив горы Кавказа, возлагает на великое, могучее племя; родоначальнику же его жалует титул бдешха гугаров, который происходил от потомка Михрдата, сатрапа Дареха, которого привел Александр и поставил правителем над пленными иверийцами[149]». Отсюда грузинский историк заключает, что если потомок правителя иверийцев является «родоначальником великого, могучего племени гугаров», то гугары армянских источников идентичны иверийцам (грузинам), а Гугарк – Иберии (Грузии[150]).

Однако вынужден обратить внимание на то, что эти выводы исследователя основаны на неверном понимании текста армянского историка, вернее, на некорректном его переводе и использовании. Сообщения Мовсеса Хоренаци и других древнеармянских авторов о Гугарке и гугарах, как, впрочем, и сведения о Гога-

[147] Мелконян А.А. Джавахк в XIX – первой четверти XX вв. Ереван, 2003. С. 12.

[148] Адонц Н.Г. Указ. соч. С. 416.

[149] Мусхелишвили Д.Л. Из политических взаимоотношений средневековой Армении и Грузии // «Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии». Тбилиси, 2009. С. 130–131.

[150] Там же. С. 131.

рене, изложенные античными авторами, не дают абсолютно никаких оснований для отождествления гугаров с грузинами, если, конечно, не исходить из логики, что все находящееся к северу от Армении apriori должно быть грузинским во все времена. Как в ранних, так и в поздних армянских источниках Гугарк и гугары не идентифицируются с Иверией (Грузией) и иверами (грузинами). Для обозначения Иберии (Картли) и картвелов (грузин) как древние, так и более поздние армянские авторы используют термины *Вирк, Верия, Вркан, Варджан, Врастан, враци,* которые они не путают и тем более не отождествляют с Гугарком и гугарами[151]. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно внимательно прочитать текст Мовсеса Хоренаци.

Но прежде чем привести текст полностью, следует уточнить, что в разделе, где идет речь о Гугарке и гугарах, Мовсес Хоренаци говорит вовсе не о соседних с Арменией странах Албании и Грузии (Иберии), как это ошибочно понимает Д.Л. Мусхелишвили, а об Армянском царстве и деятельности царя Валаршака II (186–198) по упорядочению системы государственного управления, что подтверждается и заглавием: «Об устройстве государства и о том, откуда он (Валаршак II – Г.Г.) образовал нахарарства и какие предписал правила жизни[152]». Предваряя свой рассказ о Гугарке, Мовсес Хоренаци действительно говорит об Албании, но не о той, которая была расположена на левобережье реки Куры, т.е. о собственно исторической Албании, а о провинции Армении, находившейся на правом берегу Куры и после 461 г. включенной Сасанидами в состав Албанского марзпанства, получившей при этом название *Албания* (*или Ран*), которое и отражено в тексте. Вслед за Албанией (Раном) Мовсес Хоренаци переходит к описанию северной провинции Армении Гугарка, затем – западной, Ангеха (Ангел-тун) и т.д.; он объясняет происхождение названий этих областей, каждое из которых со свойственной ему склонностью к персонификации возводит к тому или иному эпониму, рассказывает о местных правителях и т.д.[153] Описывая части Армянского царства, Мовсес Хоренаци особо выделяет среди них приграничные провинции – в силу их высокой значимости и важной роли в государстве.

---

[151] Впрочем, наша задача существенно упрощается, поскольку подробный анализ всех армянских терминов, применявшихся ранее и ныне использующихся для обозначения грузин и Грузии, проведен в двух статьях Е. Цагарейшвили, опубликованных, кстати, в том же сборнике, что и цитируемая работа Д.Л. Мусхелишвили (см. Цагарейшвили Е. К вопросу о значении термина «враци азгав» в армянских письменных памятниках // «Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии». Тбилиси, 2009. С. 389–430; Ее же. К вопросу о значении терминов «Вериа» и «вериаци» в армянских письменных источниках // «Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии». Тбилиси, 2009. С. 431–444). В полном перечне терминов, приведенных и проанализированных в указанных работах Е. Цагарейшвили и обозначавших в армянских источниках Грузию и грузин, нет названий *Гугарк* и *гугары*. Странно, что Д.Л. Мусхелишвили не обратил на это внимание.

[152] Мовсес Хоренаци. II, 7.

[153] Мовсес Хоренаци. II, 7-9.

Приведем теперь интересующий нас текст Мовсеса Хоренаци: «Гушар же, потомок сыновей Шара, унаследовал гору Мтин, то есть Кангарк, половину Джаваха, Колб, Цоб, Дзор вплоть до крепости Хунаракерт. Но Валаршак утвердил за отпрысками Гушара Хайкида также княжество Ашоцк и владение Таширк. Наместничество северного края, расположенного против горы Кавказа, он поручает великому и могучему народу и присваивает его владыке (буквально: *начальник народа, племени* – Г.Г.) титул бдеашха Гугаркского. Этот род происходит от Михрдата, нахарара Дареха; Александр, приведя его, назначил начальником над пленными из верийских племен, переселенных Навуходоносором, о чем повествует Абиден[154] в следующих словах: «Великомощный Навуходоносор, который был сильнее Геракла, собрав войска, достиг страны ливийцев и верийцев[155] и, победив и ниспровергнув их, подчинил своей власти. Часть их он переселил на правобережье Понтийского моря. Верия же является западной окраиной земли[156]».

В процитированном отрывке объединены и в сжатом виде переданы события различных исторических эпох: первое – переселение вавилонским царем Навохудоносором ливийцев и иберов на восточный берег Понтийского моря (конец VII – начало VI вв. до н.э.); второе – назначение Александром Македонским Михрдата (Митридата), нахарара Дареха, начальником над пленными иверийцами (конец IV – начало III вв. до н.э.); третье – назначение армянским царем Валаршаком II одного из потомков Михрдата правителем (бдешхом) гугаров (II век н.э.). Таким образом, текст Мовсеса Хоренаци содержит описание совершенно разных событий, отделенных друг от друга многими в.ми.

Согласно античным представлениям, иберы (грузины) переселились на Кавказ из Испании, с Иберийского полуострова, а некоторые авторы, например, Мегасфен, Абиден и другие, следуя установившейся традиции связывать те или иные значимые события I тыс. до н.э. с вавилонским царем Навуходоносором II (605–562), переселение иберов приписывают также ему. Мовсес Хоренаци, ссылаясь на Абидена, передает как раз ту версию, по которой, Навуходоносор II якобы переселил иберов из Испании на восточный берег Понта.

Армянский историк не только не отождествляет гугаров и иверийцев (грузин), но и четко противопоставляетс их: гугары – это коренные жители, потомки Шаро Хайкида, а иверийцы – это пришлые племена, переселенные Навуходоносором из «западной окраины земли» (Испании), причем поселены были иверийцы отнюдь не в Гугарке, а «на правобережье Понтийского моря».

Мовсес Хоренаци упоминает иверийцев (грузин) в связи с Гугарком лишь потому, что наместником Гугарка с присуждением титула *бдешха Гугаркского* Валаршак назначил потомка рода Михрдата, которого в свое время Александр Македонский поставил начальником над иверийцами, взятыми в плен. Упомянутый Михрдат, нахарар Дареха, это действительно современник Александра Ма-

[154] Абиден – греческий историк, написавший сочинения о древних Ассирии и Вавилонии и упоминаемый в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского.

[155] Верия, верийцы. Речь идет об Иберии-Испании.

[156] Мовсес Хоренаци. II, 8.

кедонского, основатель Понтийского царства Митридат I Ктист (302–266) из рода наследственных нахараров (сатрапов) припонтийских земель последнего царя Персии из династии Ахеменидов Дария (Дареха) III Кодомана (336–331). Также хорошо известно, что грузинские (иверийские) племена Юго-Восточного Причерноморья входили в состав Понтийского царства и, естественно, подчинялись понтийским Митридатам, что послужило для античных авторов основанием для утверждения о якобы назначении Александром Македонским понтийского Митридата «правителем над пленными иверийцами».

Согласно античной традиции понтийские Митридаты происходят от царского рода Ахеменидов, и это подтверждают современные исследования[157]. И именно потомка понтийских Митридатов Валаршак назначает бдешхом Гугарка. Валаршак – это армянский царь Валаршак II (186–198), во времена которого на бдешха Гугарка, согласно договору с Римом, возлагались функции обеспечения безопасности главных центральнокавказских перевалов (см. выше).

Таким образом, Мовсес Хоренаци передает реальные события, действительно имевшие место. Экскурс в историю для выявления корней понтийских Митридатов нужен Мовсесу Хоренаци, во-первых, для обоснования законности назначения представителя этого рода правителем Гугарка, поскольку потомок понтийских Митридатов по своему этническому происхождению не принадлежал к гугарам; во-вторых, для того, чтобы указать на царское происхождение этого рода и тем самым подчеркнуть, что правителем «великого и могучего народа» гугаров мог быть лишь потомок известной царской династии Ахеменидов. Этим отмечалась высокая значимость гугаров и одновременно обосновывалось право потомков понтийских Митридатов на правление Гугарком. Разумеется, данное обстоятельство никоим образом, даже косвенно, не может указывать на какое-либо этническое родство между иберами (грузинами) и гугарами.

Сообщения Корюна, ученика Месропа Маштоца[158], и Мовсеса Хоренаци о просветительской деятельности Месропа Маштоца в Албании и Иберии вообще снимают вопрос об этнической связи иберов (грузин) с гугарами и показывают, что армянские авторы четко отличают Гугарк от Иберии (Картли) и, соответственно, иберов от гугаров. По свидетельству Корюна, Месроп Маштоц из Албании отправляется в Иберию (Картли), где в то время царствовал Арчил, которого Корюн называет Ардзюлом. Проинспектировав деятельность своих учеников по обучению грамотности, Месроп Маштоц из Картли едет в Гугарк по приглашению князя Ашуша и останавливается у него в Ташире[159]. Из Гугарка затем Месроп Маштоц возвращается в Великую Армению[160].

---

[157] См.: Соприкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 20–33.

[158] Месроп Маштоц (361/362–440) – великий армянский просветитель, создатель армянской, грузинской и албанской письменности (Корюн. Житие Маштоца. История жизни и смерти блаженного мужа, святого вардапета Маштоца, нашего переводчика, (написанная) учеником его вардапетом Корюном. Ереван, 1962).

[159] Ташир (Таширк) – один из гаваров (районов) Гугарка (современный Лори), в котором находилась ставка бдешха Гугарка князя Ашуша.

[160] Месроп Маштоц «отбыл из краев Алуанка, чтобы прибыть в страну Иверию. …

Мовсес Хоренаци по тому же поводу пишет, что, находясь в Вирке (Грузия, Картли), где «в то время царствовал некий Ардзил» Месроп Маштоц получает приглашение от Ашуши, бдешха Гугарского, прибыть в страну Гугарк[161]. Отсюда становится очевидным, что бдешх Гугарка не идентичен царю Картли (Грузия) и армянские историки не отождествляют Гугарк с Иберией (Картли), а гугаров с иберами (картвелами). Также армянские авторы не отождествляют Гугарк и с Арменией, что подтверждают, например, слова Корюна о том, что после пребывания в Гугарке Месроп Маштоц возвращается в Великую Армению[162].

Бдешх Гугарка князь Ашуша одновременно являлся также и марзпаном, т.е. наместником Варджана – Сасанидской административной единицы шахр, в которую входили Гугарк, Картлийское (Грузинское) царство и Цанария. Поэтому в армянских источниках бдешх Гугарка иногда называется также и бдешхом Варджана. *, т.е.* речь идет о Картлийском марзпанстве*, а не* о собственно Картлийском царстве. Помимо бдешхов Гугарка функции наместника (бдешха) Варджана в те или иные периоды Сасаниды возлагали в силу различных причин также на князей Сюника, царей Картли или же присылали для их исполнения чиновников из Персии[163].

В связи с тем, что Картлийское царство и персидское марзпанство, куда входили Картлийское царство, Гугарк и Цанария, персы называют одним именем Варджан, многие современные историки, к сожалению, нередко путают административную единицу Персидской империи марзпанство Варджан с собственно

В то время царствовал над Иверией (царь) по имени Ардзюл, … и он (Маштоц), объехав всех своих учеников, наказал идти по праведному пути. В то время князь таширцев, муж почтенный и боголюбивый, которого звали Ашуша, предоставил в его распоряжение себя и весь гавар свой. Он же [Маштоц] распространяемое повсюду учение развернул (и здесь) не менее усердно, чем в других гаварах. И поручив их святому епископу Самуэлу, тому, которого мы упомянули выше, сам он возвратился в Великую Армению» (Корюн. Житие Маштоца... С. 18).

[161] Мовсес Хоренаци. III, 60.

[162] Корюн. Житие Маштоца... С. 18. Д.Л. Мусхелишвили (Из политических взаимоотношений… С. 133) ссылается на сообщение Корюна о возвращении Месропа Маштоца из Гугарка в Армению как на одно из важных доказательств того, что Гугарк не являлся частью Армении. Но при этом он почему-то оставляет без внимания слова того же Корюна о прибытии Месропа Маштоца из Грузии в Гугарк к князю Ашуша, содержащиеся в том же отрывке и являющиеся не менее важным доказательством того, что Гугарк и Грузия – это также разные страны и их нельзя отождествлять.

[163] Административное деление завоеванных стран без учета существовавших раннее этнических и политических границ характерно для всех империй во все времена. Так, пришедший на смену Сасанидской империи Арабский халифат создает административную единицу под названием Армения, в которую включаются все страны Восточного Закавказья. Поэтому в источниках того периода вся территория региона, включая Армению, Грузию (Иберию), Цанарию, Албанию, часто называется Арменией, а все ее население армянами. Отсюда, если следовать логике некоторых современых историков, то всю территорию Восточного Закавказья, включая Грузию, Цанарию и Албанию, следует причислить к исторической Армении, а все ее средневековое население считать армянским.

Картлийским царством, тоже именуемой Варджан. Так, например, Д.Л. Мусхелишвили непонятно почему армянские авторы, в том числе и Мовсес Хоренаци, рассматривают Гугарк как исконно армянскую область, в то время как, согласно «Ашхарацуйцу», эта область принадлежит Иберии (Варджан[164]). Однако здесь все предельно ясно: в «Ашхарацуйце» речь идет о персидской административной единице *Варджан*, а значит, область Гугарк относится не к Иберийскому (Картлийскому) царству, как это ошибочно полагает Д.Л. Мусхелишвили, а к персидскому марзпанству Варджан. (Картли, Грузия[165]).

Термины *Гугарк* и *Вирк* (*Иберия*, *Грузия*, *Картли*) армянских источников сопоставимы лишь в политическом, собирательном смысле и в том случае, когда используются для обозначения Сасанидской административной единицы – марзпанства Варджан (Иберия, Картли), в которое, как уже отмечено, помимо собственно Картлийского царства входили Гугарк и Цанария. Что же касается употребления этих терминов в узком, этническом значении, то все древнеармянские авторы четко различают Гугарк и Вирк (Иберия), гугаров и враци (грузин) и не отождествляют их[166]. Однако из всех свидетельств остановимся лишь на сообще-

[164] Мусхелишвили Д.Л. Указ. соч. С. 123–124.

[165] Местность под названием Гогаран в Лорийском районе Армении отмечена на пятиверстной карте Российского Генерального штаба. По мнению А.Г. Шанидзе, в этом названии можно выделить мегрело-чанский (западногрузинский) суффикс *ан* (*гогар-ан*) (Шанидзе А.Г. Два чано-мингрельских суффикса в грузинском и армянском языках // Записки Восточного Отделения Имп. Русского Археологического общества, 1916. Т. XXIII. С. 365–370). Данное предположение приводится в качестве доказательства принадлежности гугаров к грузинским племенам (см. Мусхелишвили Д.Л. Из политических взаимоотношений… С. 136).

Думаю, что вряд ли есть необходимость уходить, так далеко от мест локализации Гогарены в поисках значения форманта *-ан* у мегрело-чанов в Западное Закавказье, когда гораздо проще было бы увидеть в компоненте *-ан* хуррито-урартский суффикс *ан* (*ани*), что и с историко-географической, и с лингвистической точки зрения более правомерно. Впрочем, если даже гипотетически допустить, что в названии Гогаран *ан* – мегрело-чанский суффикс, это может свидетельствовать лишь о проживании рядом с гугарами мегрело-чанов и не более того. Впрочем, на сегодняшний день не известны сколько-нибудь достоверные свидетельства расселения мегрело-чанов на северо-востоке Армении.

[166] С сожалением приходиться заметить, что в качестве примера вольного обращения с первоисточниками и произвольного истолкования содержащих в них сведений, непозволительного для исследователей, служит использование историками Д. Мусхелишвили и Б. Арвеладзе сообщения о Гугарке Фавста Бузанда. Так, для доказательства тезиса о тождественности гугаров и грузин (иверов) армянских источников названные ученые приводят отрывок из сообщении Фавста Бузанда о военных действиях армянского военачальника Мушега Мамиконяна, происходивших в 70-х гг. IV в.: «Мушег пошел в поход против грузинского царя... нанес ему поражение и покорил всю страну грузин. Взял в плен питиахша Гугарка, который ранее был подвластен армянскому царю, и отрубил ему голову... занял земли до старой границы между Арменией и Грузией, то есть до великой реки Куры» (Мусхелишвили Д., Арвеладзе Б. История требует объективности // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии. Тбилиси, 2009. С. 123–124).

ниях Ованеса Драсханакертци, поскольку ниже еще придется обращаться к текстам этого автора, одного из выдающихся представителей замечательной плеяды раннесредневековых армянских историков.

Так, Ованес Драсханакертци пишет, что Атрпатаканский эмир Афшин, преследуя армянского царя Смбата I (891–914), проходит через Ути, Гугарк и Вирк (Грузия[167]). Далее армянский историк сообщает, что сын Смбата I Ашот Железный громя врагов, прошел Ширак, Гугарк и направился в Вирк (Грузию), затем пишет, что «сын Смбата, Ашот ...много сражался и прявил мужество и доблесть в борьбе со всеми врагами − не только с сарацинами, но также с грузинами и гугарами» (выделено мной. − Г.Г.[168]) Как видим, грузины и гугары в данном фрагменте текста не отождествляются, причем оба термина употреблены в узком, этническом значении.

В древнеармянских источниках не только Гугарк и гугары, но и Цанария и цанары четко отделяются от Картли (Вирк) и грузин (враци). Боле того, зачастую все они выступают как три самостоятельные страны. Например, Ованес Драсханакертци сообщает, что армянский царь Смбат I захватил Гугарк и Цанарию до Аланских ворот и крепость, защищавшую врата, а оттуда направился до города Тпхиса (Тбилиси), столицы Грузии[169].

Вместе с тем, если понятия *Варджан* (*Грузия*, *Иберия)* и *Гугарк* не отождествляются, за исключением лишь случая, когда они обозначают Сасанидскую административную единицу шахр (марзпанство), и картвелы (грузины) этнически отличаются от гугаров, то в отношении терминов Гугарк и Цанарк (соотв. *гугары и цанары*) в армянских источниках просматривается совершенно иная картина. Дело в том, что армянские авторы не делают четкого этнического различия между гугарами и цанарами, напротив, они нередко их отождествляют, а названия Гугарк и Цанарк выступают как синонимы и часто заменяют друг

Из приведенного в таком изложении Д. Мусхелишвили и Б. Арвеладзе текста Фавста Бузанда у читателя действительно складывается впечатление, что грузинский (иберийский) царь и питиашх (бдешх) Гугарка – одно и то же лицо. А теперь приведем текст Фавста Бузанда полностью: «…Потом спарапет Мушег пошел на грузинского [иберийского] царя, жестоко притеснил и разгромил его, покорил всю страну грузин, предал мечу всех азатов и все нахарарские роды, которых нашел. В Грузинской стране спарапет *Мушег приказал распять на кресте Парнавазеана, а бдэшха Гугарка, который ранее был подвластен армянскому царю и под конец восставшего, схватил и обезглавил…* Заняв территорию до старой границы, которая была между Арменией и Грузией, то есть до великой реки Куры, вернулся оттуда» (Фавст Бузанд. IV, 15) (выделено мной – Г.Г.). Как видно, у Фавста Бузанда речь идет о двух лицах – о грузинском (иберском) царе из рода Парнавазианов, которого армянский военачальник Мушег Мамиконян распял, и о бдешхе страны Гугарк, подчинявшемся армянскому царю, но восставшем и перешедшем на сторону грузинского царя, а потому схваченным и обезглавленным. Страна же Гугарк вновь вернулась в состав Армении, и граница между Арменией и Грузией была восстановлена по реке Куре. Думается, что комментарии тут излишни.

[167] Ованес Драсханакертци. XXXV.

[168] Там же. L, LIV.

[169] Там же. XXIX.

друга. Так, Ованес Драсханакертци сообщает, что абхазский царь Константин «собрал войско и двинулся, пустился в путь, *пошел в северные края, что находятся в долинах Кавказских гор, чтобы подчинить себе и страну гугаров, обитающих близ Аланских ворот*» (выделено мной. – Г.Г.[170]). Речь идет о царе Абхазии Константине III (893–929), который неоднократно совершал военные походы против Иберии и Цанарии с целью захватить главные центральнокавказские перевалы и установить над ними контроль. Но интересы абхазского царства сталкивались с противодействием со стороны армянского царства Багратидов, и на этот раз, как сообщает Ованес Драсханакертци, против Константина III выступил армянский царь Смбат I вместе с царем Вирк (Грузии) Адернесехом (Адарнасе) (881–923): «…царь Смбат, собрав вместе множество войск, двинул их вперед и, взяв с собой царя Грузии, пошел вместе с ним в набег, навстречу Костандину[171]».

Приводя эти свидетельства, следует подчеркнуть, что, во-первых, для средневековых авторов, в частности для Ованеса Драсханакертци, *страна грузин* четко отделяется от *страны гугаров*, известной по другим источникам как Цанария, а во-вторых, к стране гугаров относятся и кавказские долины близ Аланских ворот. Совершенно очевидно, что под кавказскими долинами близ Аланских ворот Ованеса Драсханакертци имеется в виду равнина, примыкавшая с севера к Да-

[170] Там же. XLI.

[171] Там же. XLI.

В этот период между Абхазией и Арменией шла борьба за гегемонию на Южном Кавказе, завершившаяся, в итоге, победой Абхазии. По мере завоевания и присоединения к абхазскому царству новых царств и княжеств Южного Кавказа менялась и титулатура абхазских царей; к титулу *царь абхазов (Апсха)* добавлялись названия завоеванных царств и народов. Полная титулатура абхазских царей выглядела так: *царь абхазов, грузин, ранов, кахов, армян, нахншахов и ширваншахов (*Какабадзе С. Грамота царицы Тамар Великой на имя Гелати от 1193 г. // Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Т. III, 1925. С. 113)**.** Во времена правления абхазского царя Константина III (893–929) известны несколько войн между Абхазией и Арменией, нашедших отражение в армянских и грузинских источниках. Сам Константи III возглавил несколько завоевательных походов в Грузию, и об одном из них, имевшем место в 904 г. сообщается в «Летопись Картли»: «В это время пришел Констант, царь абхазов, и захватил Грузию. Против него стал враждовать царь армян Сумбат Тиезеракал (Вседержитель), двинулся с войском большим и подступил к Уплис-цихе…» (Летопись Картли. С. 51). Любопытно, что, по сведениям средневековых источников, Абхазия и Цанария чаще выступают союзниками в борьбе против объединенных сил Армении и Грузии. Так, например, в «Летописи Картли» сообщается, что абхазский царь Константин III и правитель (хорепископ) Цанарии Квирике I (893–918) являются союзниками и ведут войну против Эрети, союзника Армении: «…Хорепископ Квирике призвал царя абхазов Константина; вступили [они] в Эрети и осадили крепость Вежини. Царь абхазов подступил с верхней стороны, а Квирике – с нижней стороны…» (Летопись Картли. С. 52). Данные источников позволяют предположить, что в то время существовали союзы (военно-политические блоки), которые вели между собой борьбу за главенство на Южном Кавказе, где с одной стороны выступали Абхазия и Цанария, а с другой – Армения и Грузия.

рьяльскому перевалу (Аланские ворота), известная в настоящее время как Владикавказская равнина.

В другой части своего труда, повествуя о войне армянского царевича Ашота, сына царя Смбата I, с владетелем Ути (Утик) князем Мовсесом, Ованес Драсханакертци сообщает, что на помощь Ашоту «подоспел с большим войском … *великий корепископ, который господствовал над той частью Гугарка, что примыкала к Аланским воротам*». Далее, рассказывая о ходе боевых действий, того же корепископа он называет уже «*великим корепископом цанаров*[172]» (выделено мной – Г.Г.).

Из процитированных сообщений следует, что армянские историки не различают гугаров и цанаров, т.е. для них это один и тот же народ и *страна гугаров* (Гугарк) это есть *страна цанаров* (Цанария). В то же время мы уже знаем, что территорией расселения цанаров является та же самая страна, которая была известна источникам как место проживания масахов и хонов, или масаха-хонов. Следовательно, и название *масаха-хоны* (*масахи, хоны*) могло быть использовано в источниках в качестве синонима термина *Гугарк*. Отсюда становится понятно, почему в греческой редакции «Истории Армении» Агатангелоса бдешх Гугарка назван бдешхом Масаха-хон, потому, что термин *Масаха-хон* для автора равнозначен термину *Гугарк*. С другой стороны, у Плиния население Гугарка на правобережье реки Куры названо *махеронами* – этноним, который позднее всплывает в надписи Кааба-И-Зардушт (III век н. э.) для обозначения располагавшегося в III в. н.э. на территории Цанарии (стране гугаров) царства Махелония.

Таким образом, обширную часть территории Южного Кавказа – Гугарк, простиравшуюся от долины Чороха на западе до междуречье Алазани и Иори на востоке, Цанарию, распростиравшуюся от устья Алазани на юге до «кавказских долин вблизи Аланских ворот» на севере, античные и раннесредневековые авторы отделяют как от Армении, так и от Грузии (Иберии), а ее население рассматривают как самостоятельную этническую группу, отличную от армянской и грузинской этнических групп. В источниках население обозначенной территории называется разными именами – *гугары, цаны, макроны* (*махелоны*), *масахи, хоны, масаха-хоны, цанары,* причем эти названия часто выступают синонимами и территориально перекрывают друг друга. Но имеем ли в их лице племена разного этнического происхождения, или речь идет об одной и той же этнической группе, называемый разными именами? В принадлежности хонов, масахов (масаха-хонов) и цанаров (цанов-махеронов) к нахской этнической группе можно не сомневаться – она помимо всего прочего, подтверждается и тем, что их названия позднее закрепились за нахскими родоплеменными группами.

Что касается гугаров, то из сообщений Страбона известно, что после того, как Селевкидский царь Антиох III Великий потерпел поражение в войне с Римом в 190 г. до н.э. при Магнезии, его полководцы Артакси (Арташес) и Зариадрий стали царями – один в Великой, а другой в Малой Армении, и расширили свои владения, отрезав часть земель от окружающих областей, в числе которых был и

[172] Ованес Драсханакертци. LIX.

Гугарк. Страна Гугарк, а вместе с ней и территория левобережья Куры, были выделены в северный округ (бдешхство) Армянского государства, а главные перевалы Центрального Кавказа оказались под охраной и контролем бдешха (правителя) Гугарка. Такая ситуация имела место на протяжении длительного времени. В связи с этим можно было бы предположить, что именно со II в. до н.э. термин *Гугарк* начинает употребляться в собирательном смысле для обозначения уже не только собственно Гугарка, но и территории от устья Алазани до Дарьяльского прохода (Цанария армянских, Кахети грузинских источников) и не несет в себе более этнической нагрузки. Однако выдвинуть такую версию не позволяет одно важное уточнение, которое дает Страбон.

Перечисляя области, присоединенные к Армении, Страбон пишет, что у иберов отняли «предгорье Париадра, Хорзену и *Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кура*» (выделено мной – Г.Г.[173]). Здесь, конечно же речь идет о той части территории Гогарены, которая была расположена на левобережье Куры. Из этого сообщения следует, что, во-первых, территория Гогарены (Гугарка) на правобережье Куры к началу II в. до н.э. уже входила в состав Армении, а присоединена была та ее часть, которая находилась «на другой стороне реки Кура», т.е. на левобережье; а во-вторых, что название *Гогарена* распространялось на территорию левобережья Куры еще до присоединения ее к Армении (или к правобережной Гогарене). Следовательно, появление термина *Гагарена* при обозначении территории от устья Алазани до равнин близ Дарьяльских ворот, как и употребление его в качестве синонима названия *цанары* (или *масаха-хоны*) не связано с распространением на эти земли политической власти бдешха Гогарены, в результате которой они оказались в составе единой государственной (или административной) единицы. Данное обстоятельство указывает на то, что термин *гугар* выступал в качестве этнического названия населения не только правобережья, но и на левобережья реки Куры – Ширакского плоскогорья, долины Алазани и Иори до объединения их в одну политико-административную единицу.

Во II в. н.э. обозначенная территория Птолемею и его современникам известна как *Санария* (*Цанария*), а немного спустя, в III в. н.э., надпись Кааба-и-Зардушт персидского царя Шапура I (243–273) называет ее *Махелонией*. В III–IV вв. население данной территории армянские авторы именуют *хонами, масахами, масаха-хонами,* а еще позднее, начиная с V–VI вв., вновь всплывают этнонимы *цанар и гугар.* Все это, безусловно, свидетельствует о том, что понятие гугар являлось синонимом этнонимам *цанар, махелон* (*макерон*), *масаха, хон, масаха-хон* и что все они являются либо различными наименованиями одной и той же этнической группы, либо названиями разных ветвей группы близкородственных нахских племен.

Как уже отмечалось, армянская историческая традиция относит гугаров к древнейшему доармянскому и догрузинскому населению Гугарка. Само название *Гугар* возводится к эпониму *Гушар*, имени легендарного потомка Шара. Последнее, в свою очередь, восходит к имени хурритского божества Шаро, широко распро-

[173] Str. XI, 14, 5.

страненному в топонимике обширной территории от Гугарка до центральных областей Кавказа и сохранившемуся в современной нахской этнонимике. Центром страны Гугарк считаются области Цобапор и Кангарк, то есть территория бассейна реки Бердуджа (ныне Дебеда-Чай), на которой как раз и зафиксированы нахские топонимические реликты: Цобапор (Цоба-пор, где пор – по-древнеармянски ущелье, т.е. Ущелье цоба//цова), Бердуджа – от нахского берд (скала), и здесь же, неподалеку, Хунан (Хунаракерт), происхождение которого связывается с нахским этнонимом хон.

В этих местах обнаруживается и ряд других нахских этнических названий, в частности, слово *туш* – вторая часть этнонима *цова-туш*. Мовсес Хоренаци, рассказывая о событиях VI–III вв. до н.э., имевших место на северо-востоке Армении, упоминает племя тухов[174]. Этноним *тух* сохранился в названии области *Туш* (*Тус, Тауш, Тавуш*) современной провинции Тауш на северо-востоке Армении, недалеко от области Цоба (Цова, Цобапор[175]). Тухи Мовсеса Хоренаци сопоставляются с нахскими тушинами, и правомерность такого сопоставления подтверждается, помимо прочего, сохранившимися неподалеку от области Тауш топонимами – Цова (Цоба), представляющим собой составную часть этнонима *цова-туш*, и *Куст*, отождествляемым с хорошо известным нахским этнонимом куст (кистин). В области Тауш (Туш) находится также местность, носящая название *Ширакамут* (Ширак-а-мут), связь которого с именем божества Шаро представляется вполне очевидной.

Разумеется, не все вышеперечисленные племена переселились в Гугарк из Юго-Восточного Причерноморья, а также, ранее, из центральных и западных областей Урарту. Безусловно, едва ли не большинство из них, в том числе, и гугары, являлись древнейшими жителями Гугарка и прилегающих к нему областей. В работе приведены ряд названий племен, известных в этих местах в урартский период, которые с уверенностью можно отнести к хуррито-урартским, однако часть из них имеют надежные параллели в нахской этнонимике. В этой связи нельзя обойти вниманием город Макалтуни, располагавшийся около Чалдырского озера и являвшийся центральным населенным пунктом племени игани (иани). Кажется вполне вероятной связь названия столицы иганиев (иганиехи) *Макалтуни* (Макал-туни) с именем нахского божества солнца Малх//Матх – Махал – Магал: вполне допустимо, что Макал(туни) являлся не только административным, но и религиозным центром иганиехов. Если принять во внимание достаточно широкую распространенность топонимов, производных от имени Малх (см. выше), на всей территории расселения родственных нахских и хуррито-урартских племен – от Северной Месопотамии до центральных районов Северного Кавказа, веро-

[174] Мовсес Хоренаци. II, 65.

[175] Мурадян П.М. К вопросу о локализации «области тухов» // «Историко-филологический журнал». Ереван, 1975. № 3. С. 249–250.

По мнению П.М. Мурадяна (см.: указ. соч. С. 250), сам факт отражения в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци сведений о племени туш (тух) свидетельствует о могуществе этого народа и, соответственно, о той большой роли, которую он играл в VI–III вв. до н.э. в политической жизни региона.

ятность того, что в названии Макалтуни отражен именно культ божества солнца, становится довольно высокой.

Таким образом, при анализе древнего ономастического материала на территории Гугарка (Гогарены) и близлежащих областей выявляются не просто отдельные, единичные этнонимы и топонимы, которые с определенной долей вероятности можно бы было отнести к нахским, а достаточно высокая концентрация древней этногеографической номенклатуры, принадлежность которой к нахскому этносу представляется достаточно очевидной. На основании вышеизложенной информации можно утверждать, что обширная территория – от Понтийского и Мосхийского хребтов и верховья Евфрата на западе до долины Алазани на востоке, а также земли, лежащие к северу – была заселена в I тыс. до н.э. в основном нахскими или близкородственными им племенами. Уверенность в этом основана не только на данных письменных источников и этнотопонимики, но и на свидетельствах археологии и языка.

Ряд археологических находок, сделанных на территории Гугарка и относимых к концу II и I тыс. до н.э., имеют ярко выраженный кобанский облик. Классические образцы кобанской культуры выявлены в древней крепости Ахтала, расположенной на небольшом плато в ущелье реки Бердуджа (Дебед); в поселении Хртаноц, находящемся к востоку от Гугарского хребта, недалеко от города Дилижан (провинция Дзорапор Гугаркской области), в поселении Астхи-Блур Таушского района Республики Армения, в 10 км севернее города Иджевана; в поселении Тазагюх Мартунийского района Республики Армении, к востоку от оз. Севан и т.д.[176] Сходство и близость археологического материала конца II – I тыс. до н.э. (особенно первой половины I тыс. до н.э.) из Самтавро, Триалети и Иоро-Алазанской долины (см. выше) с кобанским столь очевидны[177], что некоторые известные археологи склонны усматривать в них подтверждение проживания на территории Центрального Кавказа и Картли этнически близкородственных групп населения[178].

Еще одним важным свидетельством в пользу присутствия в рассматриваемом регионе нахских племен являются данные языка. Так, в мегрело-чанском (занском) языке обнаруживаются прямые заимствования из нахского языка (минуя картлийский). Одним из таких заимствований является, например, слово *латта//лэтта*, употребляющееся в мегрело-чанском для обозначения земли как почвы[179]. Здесь важно отметить, что это слово в аналогичном смыс-

[176] Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа... С. 275–277.

[177] Пицхалаури К.Н. Памятники второй половины I тысячелетия до н.э. на территории Кахетии... С. 10; Нуцубидзе А.А. Археологические раскопки в сел. Абано... С. 65–73; Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы… С. 134–135.

[178] Воронов Ю.Н. Западно-кавказская этнокультурная общность… С. 13–14; Козенкова В.И. Указ. соч. С. 135.

[179] Кантариа М. Познание мира у вайнахов // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа», 25–27 июня 2009 г. Тбилиси, 2010. С. 447.

Дальнейшие исследования по выявлению нахско-мегрельских, нахско-сванских, и

ле используют панкисские кисты и цова-тушины[180]. В свое время Н.Я. Марр и А. Чикобава предположили, что мегрело-чанское бурт происходит от нахского (или, по Н.Я. Марру, цова-тушинского[181]) бер – дитя. Однако эту версию поставил под сомнение В.М. Иллич-Свитыч, который писал: «Едва ли правдоподобно предположение Чикобава А. о заимствовании занской формы из вайнахских языков (ср. чеч. *ber*, инг. *ber*, бацбийск. *bader* – дитя.) Против этой гипотезы говорит как ареал, так и реликтовый характер основы ber в мегрел[182]». В.М. Иллич-Свитыч исходил, вероятно, из версии о том, что вайнахи и мегрело-чаны никогда не соприкасались территориально и, следовательно, не имели прямых этнических и культурных контактов. Однако, как выше было отмечено, контакты, причем довольно продолжительные, между нахскими, точнее сказать, южнонахскими (цаны-макероны) и мегрело-чанскими племенами в I тысячелетии до н.э. могли иметь место в районах Юго-Восточного Причерноморья. Именно здесь, как представляется, между нахами и мегрелочанами и происходили непосредственные этноязыковые контакты, в результате которых в мегрело-чанском языке отложились слова, напрямую заимствованные из нахских языков.

Таким образом, разнохарактерные и независимые друг от друга источники указывают на проживание в I тыс. до н.э. в Цанике, Гугарке и Цанарии (Кахети) нахских племен, которые, по всей видимости, и составляли основное ядро населения данного региона[183]. Речь идет, разумеется, не об одном племени, а о южнонахской группе племен, в составе которого целый ряд племен (или племенных групп), каждое со своим названием. Прокопий Кесарийский, например, сообщает о том, что цаны-макероны имеют большую численность и подразделяются на несколько крупных племен[184]. Будучи расселенными на достаточно обширной территории, южнонахские племена и их объединения были известны своим соседям под различными названиями, что и отразилось в письменных источниках. Поэтому тот факт, что южнонахская группа племен выступает в разновременных источниках под разными общими названиями, следует рассматривать как отражение реально происходивших глубоких исторических процессов: выдвижение тех или иных племен в качестве гегемонов; консолидация племен и образование

особенно нахско-армянских параллелей в языке, фольклоре и т.д., несомненно, значительно расширили бы наши знания о древней истории этих народов и обогатили бы кавказоведческую науку.

[180] Там же.

[181] Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов… С. 1397.

[182] Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь b-K. М., 1971. С. 195.

[183] Необходимо отметить, что ныне выявлена лишь незначительная часть сохранившихся в урартских и ассирийских надписях свидетельств, в том числе и этнонимических, о проживании в древности нахских племен на обширной территории Южного Кавказа. Безусловно, в ходе дальнейших исследований с привлечением более разнообразного материала по Древнему Востоку эти данные будут значительно расширены.

[184] Прокопий Кесарийский. IV, 2.

крупных племенных объединений, в результате которых название главенствующего племени становилось общим.

Перемещение племен происходило также и внутри рассматриваемого региона, и пример тому – продвижение цанов-макеронов от Понтийских гор Юго-Восточного Причерноморья к землям Гугарка, Гардмана и т.д. Этим и объясняется, видимо то, что области локализации цанов-макеронов раннеантичных авторов и цанаров позднеантичных и раннесредневековых авторов не перекрывают друг друга полностью. При этом, конечно, нельзя исключать, что нахские племена, имеющие названия с основой ца//ц*Iа* (цан, цанар) и малх//матх (махелон, макерон), хон, были распространены по всей обозначенной территории уже с древнейшей эпохи.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что ни античной, ни армянской традиции ничего не известно об изменениях этнического состава населения территории, простиравшейся от верховьев Евфрата и Чороха на западе до долины Куры и Алазани на востоке. Даже после того как в начале II в. до н.э. Гугарк вошел в состав Армении, состав его населения не изменился. Например, Страбон не говорит о каких-либо переменах в составе населения присоединенных к Армении областей, в том числе и Гугарка, а сообщает лишь о том, что проживавшие здесь народности начали говорить на одном языке, т.е. произошел переход населения на армянский язык. Процесс распространения армянского языка по всей территории бывшего Урартского царства, вне всякого сомнения, был растянут во времени. После падения Урартского царства народ урартов, конечно, не исчез с лица земли, и письменные источники неопровержимо свидетельствуют о том, что урартские племена сохраняли свой язык и этническую индивидуальность не только в античный, но и в раннесредневековый период.

Десятитысячный эллинский отряд, путь которого из Персии в Трапезунт описывает Ксенофонт (см. выше), переправившись через реку Арацани (по Ксенофонту – Евфрат) в том месте, где «вода доходила людям до пояса», т.е. недалеко от истока, продвигался на север и через несколько переходов оказался в богатых пищей армянских деревнях, расположенных на правобережье Фасиса (Аракса[185]). На вопрос, что эта за страна, староста (комарх) деревни ответил, что это Армения, а соседняя с ней – это страна халибов[186]. Судя по тому, что эллины, продолжив свой путь, встретились с халибами лишь после переправы на левый берег Аракса, страна халибов находилась именно на левобережье Аракса, однако ни один древний автор, насколько известно, не упоминает их в этом регионе. По данным довольно многочисленных источников, халибы населяли северо-восток Малой Азии и принадлежали скорее к западнокавказскому (хатто-абхазо-адыгскому) кругу племен[187]. Они первооткрыватели металлургии железа, и само их назание – *халибы* (*железоделатели*), происходит от *hapalki* – названия железа в хаттском

[185] Ксенофонт. 5, 1.

[186] Там же. 5, 34.

[187] Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983. С 94-105.

(хатто-абхазо-адыгском) языке[188]. Причерноморские халибы известны и Ксенофонту: эллинский отряд, двигаясь из Трапезунта на запад по Причерноморью, проходит через территорию халибов, расположенную между землями моссинников и тибаренов, к востоку от города Котиоры (соврем. Орду[189]). По Ксенофонту, приморские халибы находились в подчинении у моссинников и, в отличие от воинственных халибов Армянского нагорья, были заняты добычей и обработкой железа[190].

Таким образом, получается, что Ксенофонт называет халибами два разных племени, которые проживали в двух отдаленных друг от друга местах, вели различный образ жизни и резко различались по своему хозяйственному укладу, образу жизни. Здесь, скорее всего, мы имеем дело с неточностью в тексте Ксенофонта, вызванной характерной для древних источников путаницей между терминами *халибы* и *халды*, и нет сомнения в том, что по соседству с Арменией, на левобережье Аракса, лежала страна не халибов, а халдов, которых нельзя путать с приморскими халибами. Это подтверждается и текстом Диодора Сицилийского, который, как и Ксенофонт, описывает отступление 10 000 эллинов, однако на левобережье Аракса упоминает уже не халибов, а именно халдов[191]. Кстати, и сам Ксенофонт в другом месте своего произведения отличает халибов от халдов и упоминает их раздельно: «…кардухи, халибы, халды, макроны, колхи, моссиники, копты и тибарены не были подчинены царю (персидскому – Г.Г.[192])», а в приложении к «Анабасису» вместо халибов названы именно халды[193].

Халды долины Аракса – это, безусловно, последователи урартского верховного бога Халда, т.е. собственно урарты[194]. Об этом отчетливо свидетельствует и сообщение Ксенофонта, в котором племя, поклоняющееся богу Халду, намного превосходит в своем развитии соседние народности, а в то время наиболее высокий уровень культуры среди окружающих племен имели именно урарты. Как сообщает Ксенофонт, последователи бога Халда, в отличие от соседствующих с ними народов, обладали высоким уровнем организации, жили в укрепленных

[188] См.: Laroche E. Etudes de vocabulaire VI. - RHA. T.15. 1957, fasc. 60; Иванов Вяч. Вс. Указ. соч. С. 98; Его же: Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики. ИФЖ. № 4. Ереван. 1976. С. 79 – 85; Ардзинба В.Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: этнокультурные связи. М. 1988. С. 283. Из области культуры хаттов в Переднюю Азию, а оттуда и по всей Евразии металлургия железа распространяется вместе с хаттским (западнокавказским) названием железа *halib* (← *hapalki*), которое впоследствии стало употребляться для обозначения племен Юго-Восточного Причерноморья, занимавшихся изготовлением железа (и стали) – *халиб* (*halib*) – *железоделатели* (см. Berein D. Pour une voie cimerienn de diffusion de la metallurgie du fer // Archeologicke Rozhledy, XVI, Praha, 1964, 264–279; Иванов Вяч. Вс История славянских и балканских названий металлов... С. 94–105).

[189] Ксенофонт. 5, 38.

[190] Там же.

[191] Диодор. XIV, 29.

[192] Ксенофонт. VII, VIII, 25.

[193] Там же.

[194] См.: Ананикян М. Мифы Армении. М., 2010. С. 175.

городах и были лучше вооружены и экипированы. К тому же они были настолько искусны в ведении боевых действии, что эллины на протяжении всего пути через их страну не имели над ними какого-либо преимущества (как это было во всех остальных случаях). Эллины не только не смогли захватить ни одного населенного пункта халдов, но, напротив, постоянно терпели от них поражения и всю дорогу преследовались их хорошо организованными и вооруженными отрядами[195].

Согласно Ксенофонту, армяне считали халдов (урартов) инородцами и территорию их проживания не включали в понятие Армения. Не случайно в армянском языке *халталезу* (խալտալեզու) (*халдский язык*) имеет значение *человек, говорящий на непонятном, жестком и грубом языке*[196]. Несомненно, восприниматься как грубый и жесткий мог именно богатый гортанными звуками язык восточнокавказской группы исконнокавказской языковой семьи, к которой и принадлежит урартский язык.

Ксенофонт приводит также интересное сообщение о том, как персидский царь Кир налаживал мирные отношения между армянами и последователями бога Халда, то есть урартами. Кир уговаривает халдов позволить армянам беспрепятственно пасти стада на их территории, на горных склонах, а взамен обещает разрешит им заняться обработкой пустующих земель в плодородной долине. При посредничестве царя Кира армяне и урарты (халды) «обменялись залогами верности и заключили соглашение о том, что оба их народа будут свободны и независимы. Были узаконены браки между мужчинами и женщинами из обоих народов, установлено право обоюдной обработки земли и право обоюдной пастьбы, а также заключен оборонительный союз на случай, если одна из сторон подвергнется нападению извне[197]». После этого Кир принимает меры для поддержания мира между сторонами: строит крепости в стратегических точках и ставит там свои гарнизоны[198].

Таким образом, спустя 200–300 лет после падения Урартского царства урарты все еще представляли собой весьма внушительную силу, и окружающие народы вынуждены были с ними считаться. В различных горных областях Армении, в частности в Сасунских и Зангезурских горах, урарты сохраняли свою языковую и этническую самобытность не только в античный, но, по данным армянских источников, и в средневековый период. Так, например, армянский историк XI в. Товма Арцруни сообщает о проживавших в Хутских горах[199] и разговаривавших

[195] Ксенофонт. VII, VIII, 25.

[196] Толковый словарь современного армянского языка. Ереван, 1972. Т. 2. С. 413; См. также: Аджарян Гр. Толковый словарь армянского языка. Ереван, 1973. Т. 2. С. 323.

[197] Ксенофонт. Киропедия. III, II, 23.

[198] Там же. III, II, 1–31.

[199] Хутские горы – имеется в виду гора Сим (ныне Куртик-Даг) в восточной части Сасунских гор (Армянский Тавр), разделявшая древние области Алдзник и Тарон. Область, расположенная между Алдзником и Тароном и поныне называется Хут. *Хут* на армянском языке означает *помеха*, *препона*, *камень преткновения*. Любопытно, как объясняет происхождение названия *хут* древнеармянский историк Товма Арцруни: «Из-за непонятной, трудно объяснимой речи и свирепого нрава их зовут Хут, их именем названа и гора Хут» (Товма Арцруни. История дома Арцруни. Тифлис, 1917. С. 75).

на грубом, отрывистом и непонятном (для армян, персов, сирийцев) языке воинственных и бесстрашных горцах хутах, с которыми можно было общаться только с помощью переводчика[200]. Исследователи видят в них сохранявших еще этноязыковую самобытность урартские племена[201].

Что касается таких областей как Гугарк, то здесь древнее население сохраняло свою этническую и языковую индивидуальность еще дольше, поскольку оно не было изолировано от родственного этнического массива, населявшего земли, примыкавшие к Гугарку. Эти группы родственных племен находились в постоянных этнических контактах между собой, а иногда входили в состав одного государственного или административного образования. Античные авторы, начиная с Геродота и Ксенофонта, раннесредневековые авторы население рассматриваемого региона, известное под различными именами (*цаны, махароны, гугары, цанары*), выделяют особо и не смешивают ни с армянами, ни с грузинами. Древние авторы наделяют население Гугарка (Цанарии) воинственностью, свободолюбием, непримиримостью к врагам и подчеркивают их бескомпромиссность в борьбе за сохранение своей независимости. Так, Флавий Арриан, в частности, говорит о цанах-макеронах как о самых непримиримых врагах трапезунтцев[202], а Мовсес Хоренаци считает, что правителем великих и могучих гугаров мог быть достоин лишь потомок царского рода Ахеменидов.

Сам факт, что на протяжении многих столетий гугары обеспечивали безопасность основных перевалов Центрального Кавказа и именно правителю (бдешху) Гугарка неизменно доверялся контроль за этими перевалами, а также то, что правитель Гугарка был назначен Сасанидами марзпаном персидского округа (шахра) Варджан, куда, помимо Гугарка, входило и Картлийское (Иберийское) царство, можно рассматривать как показатель военно-политического превосходства гугаров среди окружавших их народов. В то же время это можно рассматривать и как свидетельство особо, доверительных отношений между жителями Гугарка и горцами Центрального Кавказа, в основе которых лежали этнически родственные связи.

В пользу вышесказанного свидетельствует также и то обстоятельство, что применительно к гугарам армянские авторы используют те же характеристики, коими они удостаивают кавказских горцев вообще. Фавст Бузанд, например, рассматривает гугаров как одно из племен кавказских горцев и включает их в перечень горских народов, участвовавших в составе войск Маскутского царя Санесана в походе на Армению[203]. При этом следует отметить довольно любопытную особенность, проявляющуюся при описании древними авторами гугаров и цанов, да и вообще кавказских народов: с одной стороны, мы видим восхищение мужеством и свободолюбием этих народов, бесстрашием в борьбе за независимость, их предпочтением рабству смерти; с другой стороны, эти же народы, когда ведут

[200] Товма Арцруни. История дома Арцруни... С. 134–135; См. также: Капанцян Гр. Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947. С. 148.

[201] Манандян Я.А. Народные восстания в Армении против арабского владычества. Ереван. 1939. С. 26.

[202] Арриан. 15.

[203] Фавст Бузанд. III, 7.

войну (неважно, защищаются или нападают) со страной, жителем которой является летописец, тотчас же превращаются из объекта восхищения в разбойников, дикарей и варваров, говорящих на грубом и непонятном языке и т.д. и т.п. Так, например, Ованес Драсханакертци в своей «Истории Армении», оправдывая военные действия армянского царя Ашота Багратуни I[204] против утийцев и гугаров, характеризует последних как грубых, звероподобных людей, живущих разбоем, вероломных и непокорных и т.д. Но в то же самое время в другой части своего труда рассказывает о том, как, спасаясь от арабских войск остикана Юсуфа, сам нашел надежное убежище в Гугарке и поселился там, у гостеприимных, благородных и отзывчивых гугаров, среди которых чувствовал себя защищенным, ибо знал, что они его не выдадут[205]. Столь же противоречивы сведения в «Истории дома Арцрунидов» о цанарах, а в «Картлис цховреба» – о хонах, кистах, пшавах, бун-турках и вообще о горцах.

Все эти данные в совокупности позволяют с достаточной уверенностью говорить о том, что в I тыс. до н.э. ареал расселения нахских племен охватывал не только Центральный Кавказ, но и центральные области Южного Кавказа, достаточно далеко распространяясь на юг. Пока еще трудно поддаются более или менее точному определению южные пределы зоны проживания нахских племен, где нахи соприкасались с хурритскими и урартскими племенами. Сегодня проводить сколько-нибудь четкие этнические границы между этими племенами можно лишь условно, так как они, по всей вероятности, были расселены вперемешку. Возможно также, что между ними проживали еще какие-то родственные им промежуточные племена. Однако несомненно то, что южнонахские племена составляли значительную часть населения объединений Диаухи и Этиуни (Этиухи), а в периоды могущества Урарту те или иные их группы входили непосредственно в состав Урартского царства.

Позднее, уже после падения Урарту, происходит перемещение племен и постепенное сужение ареала расселения нахских племен. Тем не менее, в античном и раннем средневековье на значительной территории центральных областей Южного Кавказа еще можно застать довольно многочисленную южнонахскую этническую группу, играющую значительную роль в исторических судьбах населения региона. В этой связи этнополитическая история народов Южного Кавказа античного и раннесредневекового периодов может предстать в совершенно новом свете и многие вопросы древней истории и культуры Южного Кавказа до сих пор вызывающие оживленные дискуссии в научной литературе, могут получить если не полное, то хотя бы частичное разрешение. Кроме того, возникает также ряд новых вопросов, например: в какой связи находятся между собой гугары и гаргары? Имеем ли мы в лице гугаров и гаргаров две этнические группы – нахскую и дагестанскую (албанскую[206]), или одну лишь нахскую. В научной литературе

[204] Ашот I Багратуни (884–890) – основоположник армянской царской династии Багратуни.

[205] Ованес Драсханакертци. XXIX, XLIV.

[206] Гумба Г.Д. Кавказская Албания по «Ашхарацуйцу» Вардана вардапета (XIII в.) // «Вестник общественных наук». Ереван. 1986, № 9.

существует мнение о нахской этнической принадлежности античных гаргар[207], и еще Н.Г. Адонц отмечал, что «ни этимологически, ни исторически препятствий нет свести гугар-к к гаргар-к[208]». Тем более, что, согласно Ованесу Драсханакертци, страна гугаров охватывала северокавказские долины близ Аланских (Дарьялских) ворот. Однако это уже тема специального исследования, которая выходит за рамки данной работы.

Таким образом, миграция населения в противоположных направлениях – как с юга на Кавказ, так и обратно, были характерным явлением еще с древнейших времен. Причины и интенсивность перемещений племен в разные исторические периоды были различными. Но одно из таких крупных перемещений, направленное с юга, из урартских областей, на Кавказ и имевшее место после падения Урартской державы прослеживается достаточно четко. В настоящей работе не ставится задача дать исчерпывающее объяснение этим фактам. Однако следует отметить, что, согласно исследованиям лингвистов, нахско-дагестанские языки отчленились от общего нахско-дагестанского и хуррито-урартского, вероятно, не позднее III тыс. до н.э. Следовательно, несмотря на выявляемую большую близость именно нахских и хуррито-урартских языков, в I тыс. до н.э. дифференциация между ними была уже значительной и хуррито-урартские племена, хотя и являлись родственными, но уже отличались от нахских. Поэтому на основании тех материалов, которыми сегодня располагаем, определить довольно точно какие из перечисленных племен, переместившихся с юга в центральные районы Кавказа, принадлежали к собственно южнонахским племенам, а какие – к хуррито-урартским, задача весьма сложная[209].

Но как бы то ни было, к настоящему времени бесспорно то, что племена из Передней Азии неоднократно перемещались на Кавказ, оказывая при этом большое влияние на социальное и культурное развитие нахских племен Центрального и Южного Кавказа. Со временем все переселившиеся племена были включены в сферу генезиса нахов и приобрели общенахское самосознание, что нашло отражение как в материальной, так и в духовной культуре нахов[210].

[207] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 70.

[208] Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана... С. 242.

[209] Возможно, тот факт, что урартский клинописный язык проявляет близость (иногда вплоть до полного совпадения слов) более с нахскими, чем с дагестанскими языками, объясняется тем, что в центральные районы Кавказа пришли выходцы именно из Мусасира (Муср). Как известно, урартские надписи сделаны мусасирскими жрецами, и в них четко проявляется влияние мусасирского диалекта урартского языка (см. Меликишвили Г.А. УКН. Введение // ВДИ, 1953. № 1. С. 198). Это обстоятельство, конечно, требует специального лингвистического исследования.

[210] В литературе существует мнение, которое отрицает какие-либо связи между нахскими и хуррито-урартскими племенами и ставит под сомнение факт переселения жителей урартских областей на Кавказ. В качестве доказательства приводится то, что на всей территории Северного Кавказа не найдено ни одной клинописной строчки, ни одного знака урартского письма. Однако этот аргумент весьма уязвим и не может служить доказательством того, что переселения племен из урартских областей на Кавказ не было. После падения Урартского царства не только за его пределами, но на территории собственно

Достаточно большое число нахских этнонимов и теонимов обнаруживают связи с древней Передней Азией. Учитывая, что впервые эти названия фиксируются в ассирийских и урартских клинописях еще в начале II тысячелетия до н.э., а некоторые уходят корнями в шумерскую древность, напрашивается вывод, что на Кавказе они появились позже, вместе с переднеазиатскими переселенцами. Однако, в то же время такой взгляд представляется довольно упрощенным, с ним не позволяет согласиться имеющийся на сегодняшний день материал. Вряд ли у кого-то может вызывать сомнение то, что в пределах территории от Северной Месопотамии до Северного Кавказа с давних времен неоднократно происходили перемещения групп населения в обоих направлениях. Даже исходя из тех скупых данных, которыми мы сегодня располагаем, можно выделить несколько этапов миграции населения в конце II – первой половине I тыс. до н.э. Тесные связи между населением Центрального Кавказа и Луристана (территория, примыкавшая с юго-востока к областям Дурдукка, Меишта, Мусру, Малхина), в том числе и этнические, уходят в глубь веков и фиксируются археологическими находками по крайней мере со второй половины II тыс. до н.э. Эти связи, разумеется, можно, причем с полным на то основанием, рассматривать как результат перемещения племен, и в данном контексте не важно, шло это перемещение первоначально с севера на юг или наоборот – с юга на север, поскольку в любом случае контакты между Центральным Кавказом и Луристаном не могли осуществляться минуя лежавшую между этими странами обширную территорию и проживавшие на ней племена.

Позднее, в VIII в. до н.э., в центральные районы Кавказа начинают продвигаться мушки (мосхи//масахи), под именем которых, вероятно, скрываются южнонахские племена, хотя при этом, безусловно, нельзя исключать присутствие среди них и других племен, в том числе и хуррито-урартских. Вполне вероятно также, что нахские военные отряды принимали участие в известных вторжениях скифов в Переднюю Азию на рубеже VII–VI вв. до н.э. Другой этап миграции жителей урартских областей на Кавказ, в котором задействованы уже гораздо более значительные массы населения, наблюдается после падения Урарту. Это перемещение населения было, видимо, столь масштабным, что в его ходе, наверное, большая часть южнонахских и дагестанских (албанских) племен сдвинулась с мест своего проживания на Южном Кавказе к предгорьям и горным районам Кавказа.

В настоящее время трудно определить, где первоначально зародились рассмотренные выше нахские этнонимы – на Кавказе или в Передней Азии. Тот факт, что впервые эти этнонимы фиксируются в Передней Азии, в ассирийских и урартских клинописях, еще не является доказательством их возникновения именно в этих местах. Велика вероятность того, что многие имена, например, такие

Урарту не было найдено ни одной клинописи. Территория Урарту подверглась варваризации, была разрушена не только структура государства, но и культура, и у населения не было нужды пользоваться урартской письменностью. Для того чтобы снова достигнуть уровня социально-экономического, политического и культурного развития, необходимого для создания собственого письма, населению данной территории понадобилось более тысячелетия, и только в 405 г. н. э. была создан армянский алфавит.

как *нах, дурдзук, малх,* изначально возникли именно на Кавказе, а уже затем распространились на юг благодаря носителям этих имен – отдельными нахскими племенными группами, продвинувшимися на юг в более раннюю эпоху. Если и связывать эти названия, в частности дурдзук Центрального Кавказа, с областью Дурдукка на юго-востоке оз. Урмия, откуда пришли племена, то переселение племен из Передней Азии на Кавказ следует отности ко второй половине II – началу I тысячелетия до н.э., т.е. ко времени, когда между Центральным Кавказом и Луристаном существовали тесные взаимосвязи.

Итак, данные контролирующие и дополняющие друг друга смежных научных дисциплин – истории, археологии, языкознания, топонимики, этнонимики, антропологии, а также письменных источников и этногенетических преданий ясно свидетельствуют о многократных передвижениях племен с юга на Кавказ. Наиболее масштабное перемещение масс населения, состоявших из южнонахских и хуррито-урартских племен, фиксируется после крушения Урартского царства. Миграция в центральные области Кавказа племен с переднеазиатскими культурными и государственными традициями не могла не оказать благотворного влияния на развитие местного населения. Как увидим ниже, переселившиеся в центральные районы Кавказа племена сыграли роль катализатора в процессе становления нахской государственности в I тысячелетии до н.э.

Глава VI

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАХСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ В I ТЫС. ДО Н.Э.

В силу различных обстоятельств, по большей части не имеющих отношения к науке, в историографии выработалось представление о социально-политическом строе народов Северного Кавказа как о родоплеменном, якобы практически не менявшемся с древнейших времен вплоть до XVIII–XIX вв. И поэтому, конечно, понятно, сколь высока вероятность того, что понятие *Нахское государственное объединение*, вынесенное в заглавие, может быть воспринято неоднозначно. Однако такой взгляд на историю Северного Кавказа, в основных чертах сложившийся в советский период, трудно назвать научным, поскольку согласно ему, население отдельно взятого кавказского региона как бы выпало из общемирового процесса развития человечества и на несколько тысячелетий застыло в тисках ледникового периода.

Сегодня ученые уже отказались от неоправданной примитивизации социального развития северокавказских народов и отмечают, что представление о Кавказе как о «варварской» территории, находившейся на периферии культурной жизни Передней Азии и Восточного Средиземноморья, весьма далеко от истины[1]. Уже к рубежу III–II тыс. до н.э. весь Кавказ оказывается под воздействием культур Переднего Востока, «причем на протяжении эпох поздней бронзы и раннего железа эти воздействия усиливаются[2]». Достижения современной исторической науки позволяют говорить о том, что народы Кавказа, в том числе и Северного, являлись частью ближневосточной цивилизации и находились в тесной взаимосвязи с народами Передней Азией и Восточного Средиземноморья, более того – у кавказских народов хорошо прослеживаются традиции древней государственности. Не были в этом отношении исключением и нахи. Напротив, как будет показано ниже, есть все основания полагать, что на Кавказе в I тыс. до н.э. существовало крупное нахское раннегосударственное образование.

---

[1] См.: Агларов М. Кавказская цивилизация: историко-культурный контекст // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержании докладов. Тбилиси – Гори – Батуми 27–30 сентября 2010. Тбилиси. 2011. С. 291.

[2] Кушнарева К.Х. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М., 1994. С. 142; Рысин М.Б. Роль анатолийского региона в формировании культур средней бронзы на Кавказе // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Нальчик. 2006. С. 164–166.

При этом следует заметить, что трудности, которые нас ожидают при освещении вопроса государственности древних нахов, связаны не только и не столько с крайней скудностью материала по древней истории нахских народов (чеченцев и ингушей), сколько с тем, что проблема образования древнейших государств в исторической науке едва ли не самая дискуссионная. До сих пор с достаточной ясностью не определены причины возникновения государства вообще, а множество существующих его признаков свидетельствует лишь об отличии от предыдущих форм организации жизни людей; при этом мало кто из исследователей настаивает на универсальных показателях. Не имеет однозначной трактовки и этап перехода от *вождества* (*chiefdorn*) к раннему государству, как и последующий период становления зрелого государства, нет и общепризнанной формулировки самого понятия *государство*[3]. Так, еще в 1931 г. в кругу антропологов и археологов насчитывалось 145 определений государства, из которых совпадали менее половины, да и то лишь в общих чертах[4]. Таким образом, ответ на вопрос, является ли то или иное историческое общество или та или иная политическая система государством зависит от того, как определяет понятие *государство* тот или иной исследователь[5].

В настоящее время по поводу причин возникновения государственности существуют различные теории – теологическая (божественная сила), договорная (сила разума, сознания), психологическая (факторы психики человека), органическая (социально-экономические факторы), теория насилия (военно-политические факторы) и т.д., но ни одна из них не является удовлетворительной[6].

Одним словом, как показали сравнительно-исторические исследования последних десятилетий, не существует единой обязательной причины возникновения государства, как нет и универсальных признаков государства. Кроме того, этнографическая и историческая наука говорит, что многие общества, относимые к негосударственным, не уступают государственным по уровню сложности и эффективности социально-политической организации[7]. Исследователи сходятся во

---

[3] См.: Белков П.Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // «Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности». М., 1995; Лелюхин Д.Л. Государство в истории общества. К проблеме критериев государственности. М., 2001.

[4] Titus. C.H. A Nomenclature in Political Sciences // American Political Science Review 25, 1931, 45.

[5] Ван дер Влит Э.Ч.Л. Полис: проблема государственности. // «Раннее государство, его альтернативы и аналоги». Волгоград, 2006. С. 388; Van Creveld M. The Rise and Decline of the State. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 1.

Некоторые ученые ставят вопрос даже о том, являются ли государствами в правильном понимании этого слова США и современная Англия! (Hansen M.H. Was the Polis a State or a Stateless Society? In Nielsen, T. H. (ed.), Even More Studies in the Ancient Greek Polis. Papers from the Copenhagen Polis Centre 6. Stuttgart: Steiner, 2002, 18).

[6] Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // «Раннее государство, его альтернативы и аналоги». Волгоград, 2006. С. 55–56.

[7] Коротаев А.В. Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М., 1997.

мнении, что «универсальных признаков государственности и цивилизации нет. Ни письменность, ни урбанизация, ни монументальная архитектура, ни иной критерий не являются обязательным признаком сложного общества с государственностью и цивилизацией[8]».

Учитывая многовариантность социальной эволюции, проблема рассматривается в работе в соответствии с принятыми в современной науке в целом более или менее общими представлениями о возникновении государства как о сложном и длительном процессе, протекавшем у различных народов мира по-разному в силу специфики культурных, демографических, природных и иных условий.

Современные исследования показали, что вне пределов Ближнего Востока древнейшие государства возникли намного раньше, чем еще совсем недавно было принято считать. Следы социальной дифференциации и иерархической структуры власти обнаруживают многие культуры III тыс. до н.э., не говоря уже о более поздней эпохе. Все имеющиеся на сегодняшний день данные свидетельствуют о раннем возникновении имущественного и социального расслоения и среди населения Северного Кавказа, причем процесс этот захватывал население не только равнин и предгорий, но и горных областей. Уже к середине III тыс. до н.э. в племенах Центрального Кавказа заметно углубилась социально-имущественная дифференциация, выделились племенные вожди и служители культов[9].

Еще в майкопской культуре второй половине III тыс. до н.э. появляются большие курганы, которые выделяются как огромными размерами, так и качественными отличиями в составе погребального инвентаря, свидетельствующие о социальной дифференциации и выделения племенной знати. *Царские* захоронения майкопской культуры, во многом схожи с анатолийскими хаттского периода, особенно, с хаттским *царским* некрополем в Аладжа Гуюке[10]. Те же характерные черты свойственны и гробницам вождей (*царей*) куро-аракской культуры (Бедени, Уч-тепе). Богатство и разнообразие погребального инвентаря Большого Майкопского кургана отчетливо свидетельствует о том, что власть вождя (*царя*) распространялась на обширные территории, с которых собиралась дань[11]. Археологический материал показывает, что уже во второй половине II тыс. до н.э. центральнокавказские племена вступают в стадию военной демократии, происходит «постепенное слияние родственных племен и образование крупных племенных союзов[12]».

В I тыс. до н.э. – в жизни населения Центрального Кавказа происходят значительные перемены, обусловленные рядом причин как экономического, так и поли-

---

[8] Градин Н.Н. Археологические признаки цивилизации. // «Раннее государство, его альтернативы и аналоги». Волгоград, 2006. С. 196.

[9] Чеченов И.М. К вопросу о религиозных верованиях племен Центрального Кавказа в эпоху ранней бронзы // X «Крупновские чтения» (тезисы докладов). М., 1980.

[10] Массон В. М. Древние гробницы вождей на Кавказе (Некоторые аспекты социологической интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 106–107.

[11] Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей... С. 8–9.

[12] Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э... С. 53.

тического характера. Эти перемены знаменуют начало новой эпохи, и главная среди них – прочное освоение кавказскими племенами железоделательного производства. «Железо становится основным материалом для изготовления не только железного оружия, но и орудий производства. Последним определяется и качественно новый этап в развитии кобанской культуры на всей территории ее распространения[13]». Указанный период характеризуется ростом производительных сил и обусловленным им повышением продуктивности различных отраслей производства, которые способствовали не только преумножению общественных богатств, но и увеличению численности населения. Происходит распад первобытнообщинного строя, ослабляются родовые отношения, и их заменяют новые – территориальные, или соседские. «В этих условиях еще более усиливается значение имущественного и сословного неравенства, создаются предпосылки к формированию классового общества, а с ним – к возникновению государственности[14]». Эти процессы в различных районах Кавказа протекали неодинаково, но, как отмечают исследователи, с началом железного в. общая тенденция затронула все население, и в том числе, создателей знаменитой кобанской культуры, через территории которых пролегали важнейшие пути, соединявшие Древний Восток с Восточной Европой[15].

Вместе с тем, история социально-экономического и политического развития Центрального Кавказа кобанской эпохи известна в значительно меньшей степени, чем история Южного и Западного Кавказа, более того – многие ее периоды вообще являются белыми пятнами. Объясняется это, главным образом, тем, что на сегодняшний день не известны какие-либо древние надписи, сделанные населением региона, или иные письменные источники, поэтому всю информацию о древних нахах Центрального Кавказа исследователи вынуждены черпать из весьма отрывочных и неполных иноземных источников.

Сравнительно лучше освещена история Южного Кавказа, благодаря чему известна, что уже ко второй половине II тыс. до н.э. население этой территории достигло уровня социально-экономического развития, необходимого для создания государства[16]. Что же касается Центрального Кавказа I тыс. до н.э., то из-за скудости сведений и недостаточной изученности социально-экономического и политического строя региона среди специалистов сложилось мнение о якобы отсталости

---

[13] Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа... С. 261.

[14] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.. М., 1988. С. 69–70.

[15] Там же. С. 70; Дударев С.Л. Социальный аспект раннего освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне реки Терека (IX–VII вв. до н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 15–18.

[16] Трапш М.М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии // Труды. Т. I. Сухуми. 1970. С. 108 – 109; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 251; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 331–340; Шамба Г.К. Погребение VI в. до н.э. близ Сухуми // Краткие сообщения Института Археологии СССР. 1983. Вып. 174. С. 35–36; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 56; Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии... С. 7–13.

его населения. Однако это противоречит всем имеющимся данным, и прежде всего археологическим, и одно лишь отсутствие надписей того времени, сделанных народами Центрального Кавказа, как и неполнота сведений об истории и культуре этого региона в иностранных источниках не дает никаких оснований говорить об отсталости и низком уровне общественного развития центральнокавказского населения[17].

Напротив, результаты сравнительного анализа археологических культур Южного и Западного Кавказа (триалетской, колхидской, прикубанской и др.) и кобанской культуры неопровержимо свидетельствуют о том, что население Центрального Кавказа находилось на той же ступени развития, что и население соседних кавказских регионов, в которых источники фиксируют формирование к тому времени государственных образований. Исследователи приходят к заключению, что уже в эпоху поздней бронзы в инвентаре могильников Центрального Кавказа четко прослеживается не только и не столько имущественное, сколько социальное неравенство[18].

Весь комплекс данных свидетельствует о том, что племена, проживавшие на северных и южных склонах центральной части Главного Кавказского хребта уже в конце II тыс. до н.э. вступили в стадию военной демократии, являющуюся последним переходным этапом на пути к становлению государственной формы организации общества. Характерные черты этой эпохи – постепенное слияние родственных племен и возникновение на их основе крупных племенных союзов, «хорошо документируются появлением богатых погребений племенных вождей[19]».

Еще в середине прошлого столетия Е.И. Крупнов в своем фундаментальном исследовании пришел к выводу, что усиление имущественного неравенства, появление патриархального рабства и иные предпосылки для образования классового общества имели место у центральнокавказских племен уже «в период становления железного в., в начале I тыс. до н.э.[20]». Отмечая, что I тысячелетие до новой эры было «одним из активнейших периодов обществ срединной части Северного Кавказа», Е.И. Крупнов приходит к заключению, что «поразительное единство памятников культуры на пространной территории, занятой позднеко-

[17] Так, например, сегодня известно, что Хеттское царство являлось одной из крупнейших держав Древнего Востока. Однако до того пока не был найден его государственный архив, считалось (на основании данных египетских надписей), что это было небольшое царство в Сирии. И если бы урартские цари не оставили наскальных надписей с сообщениями о своих победах и о строительстве, нам бы ничего не было известно о могуществе этой державы, ее значимости в древнем мире. Более того, на основании хвалебных надписей ассирийских царей у нас сложилось бы представление об урартах как об отсталом племени, против которого ассирийцы совершали победоносные походы. И, наоборот, по урартским надписям Ассирия представлялась бы нам незначительным образованием.

[18] Техов Б.В. О культурной общности горных районов… С. 52; Кудрявцев Е.А. Причерноморский и Средиземноморский импорт в курганных склеповых погребениях Татарского городища (V–III в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009. С. 87.

[19] Техов Б.В. Указ. соч. С. 52.

[20] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 332.

банской культурой, очевидно, являлось отражением определенного единства и социальной жизни родоплеменных объединений того времени или союза племен – носителей родственных культур[21]». Дальнейшими изучениями кобанской культуры был выявлен обширный археологический материал, который подтвердил выводы выдающегося кавказоведа.

Свидетельство археологического материала согласуется с фактом бытования собирательных названий племен кобанской культуры: *нахаматеан, малхи//махли, кавкасиани-дурдзуки, мосхи//мосохи,* доказывающий на восприятие всего населения как единого целого, т.е. существование в I тыс. до н.э. объединения нахских племен и достижения ими такого ступени развития, когда формируется единый государственный организм. Кроме того, определение *отсталые* вряд ли вообще применимо к населению, создавшим прославленную кобанскую культуру, которую можно в целом охарактеризовать как эпохальное культурно-историческое явление. Сегодня уже можно говорить о том, что носители кобанской культуры внесли весомый вклад в сокровищницу мировой культуры, оказав сильное влияние на соседние народы, которые заимствовали их достижения во многих областях. Так, к примеру, именно носителям кобанской культуры, по мнению ряда западноевропейских археологов, принадлежит ведущая роль в процессе создания европейской культуры бронзового в..[22]

Однако тема высокого уровня культуры и общественного развития коренного нахского населения Центрального Кавказа до сих пор не получила должного освещения в научной литературе, несмотря на постоянный рост числа археологических свидетельств. Более того, выглядит довольно странным то, что почти во всех исследованиях по древней истории Центрального Кавказа исконным кавказским жителям – создателям и носителям кобанской культуры, в происходивших здесь исторических событиях отводится второстепенная роль, а иногда всего лишь роль сторонних наблюдателей, причем аналогичный подход можно заметить по отношению к автохтонным народам не только Центрального, но и всего Северного Кавказа.

Сегодня уже многие исследователи отмечают, что в советском кавказоведении, несмотря на огромные достижения, были существенные недостатки. В освещении истории народов Северного Кавказа присутствовал определенный схематизм, и считалось, что прогресс и цивилизацию этим «вечно отсталым народам» несли крупные, могущественные, цивилизованные государства – начиная с Древней Греции, Римской, затем Византийской империи и т.д. Хотя, при этом, нельзя не заметить, что в перечень почетных «цивилизаторов» кавказских народов почему-то не включаются ни Хеттская, ни Урартская, ни Ахеменидская державы, хотя именно с ними кавказское население находилось в наиболее тесных этнических и культурных связях.

Во многих работах по древней истории Кавказа об исконном населении этого региона говорится лишь постольку, поскольку это необходимо для освещения истории различных групп степных кочевников, периодически сменявших друг

[21] Там же. С. 339.

[22] См.: Bertrand A. Archeologie celtigue et galoise. Paris, 1876.

друга на просторах северокавказских степей. Древняя история и культура собственно коренных кавказских народов для многих исследователей – это только сопутствующие вопросы, которые позволяют глубже осветить проблемы истории кочевых племен, будь то иранские, тюркские, финно-угорские и др., и их взаимоотношений с кавказскими племенами, а также более четко представить процессы оседания на Кавказе пришлых кочевников, иранизации или тюркизации тех или иных групп кавказского населения и т.д. При этом сами кавказцы предстают каким-то мифическим населением, пассивными массами, стоявшими в стороне от исторических процессов, происходивших на их же территории.

Между тем весь имеющийся материал свидетельствует о том, что исконно кавказские народы являлись довольно значимым субъектом истории древнего мира.

В те или иные периоды они выступали зачинателями и главной движущейся силой происходивших на Кавказе и за его пределами великих событий, оказавших – в той или иной степени – решающие влияние на ход исторического развития. Впрочем, достаточно отметить, что именно исконно кавказская этнокультурная среда дала те цивилизаторские импульсы, которые во многом определили ход развития человечества в последние две эпохи – бронзовую и железную. Так, в развитии металлургии бронзы важнейшую роль играли два кавказских очага: куро-араксинский и майкопский[23]. Установлено, что под воздействием кавказской металлургии происходило возникновение и становление металлургии и металлообработки в Европе[24]. Именно кавказцам (хаттам) принадлежит также открытие и распространение металлургии железа, обозначившее переход человечества от Бронзового в. к Железному, который продолжается и поныне[25].

Составляя неотъемлемую и значительную часть исконно кавказского этнокультурного мира, нахи не только явились соучастниками всех этих событий, создателями высоких образцов материальной и духовной культуры, но и, занимая центральные районы Кавказа, которые были одним из главных, узловых звеньев в системе коммуникаций между югом и севером, западом и востоком, играли одну из ключевых ролей в процессе установления транзитных связей между различными локальными цивилизациями, передачи достижений Древнего Востока и собственных новаций в степную зону и далее по всей Восточной Европе.

За последние годы выявлено множество археологических памятников, которые позволяют судить о многих сторонах социально-экономического и общественного устройства жизни нахов, создателей знаменитой кобанской археологической куль-

---

[23] Мунчаев Р.Б. Кавказ на заре бронзового в.… С. 390–408; Черных Е.Н. Маталлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА, 1978, № 4. С. 61–63.

[24] Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М. 1966. С. 44–46; Jan Machnik. Kulturi z początku epoki brązu w strefie śródziemnomorskiej półwyspu Iberijskiego i ich wschodnie nawiązania // Acta Archaeologica Carpathica, 1982, XXII.

[25] Иванов Вяч. Вс. Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики. ИФЖ. № 4. Ереван. 1976. С. 78–81; Его же: История славянских и балканских названий металлов. М. 1983. С. 35 и далее.

туры. Кроме того, источниковедческая база достигла того уровня, при котором с помощью систематизации и обобщения можно по-новому оценить ранее высказанные версии и выдвинуть новые. Несмотря на скудость источников, всесторонний и сравнительный анализ имеющихся данных позволяет уже сегодня реконструировать – пока еще, конечно, лишь в общих чертах – этническую и политическую историю нахских племен Центрального Кавказа I тыс. до н.э., или (используя древнюю терминологию) страны нахов *Нахаматеанк,* т.е. *Нахаматии*.

Как уже выше отмечалось, согласно современной научной концепции, формирование политического общества в единый организм происходит в результате длительного и сложного процесса, стимулируемого различными факторами, как внутренними, так и внешними: экологий, ростом народонаселения, совершенствованием технологий, увеличением прибавочного продукта, войнами и завоеваниями, внешними влияниями и торговлей, идеологией и т.п.[26] Наиболее значимыми из них считаются: оптимальная экологическая среда, производственный эффект и демографический оптимум. Все эти факторы отчетливо прослеживаются в археологических материалах кобанской культуры I тыс. до н.э.

Оптимальное использование экологической среды – фактор первостепенной важности для развития общества, в пределах кобанской культуры фиксируется довольно четко. С VI в. до н.э. по IV в. н.э. уровень Каспийского моря достигает отметки 23 м., т.е. на 3–4 м. выше современного (*Уллучайская трансгрессия*). В предгорной и горной зоне Центрального Кавказа устанавливается более мягкий климат, чем в современную эпоху. Предгорная зона покрывается густыми лесами, низкие поймы рек заболачиваются. В равнинной зоне к северу от реки Терек, где в настоящее время доминируют ландшафты полупустынь и сухих типчаково-полынных степей, распространяется растительность злаково-разнотравных степных формаций с участками лесных сообществ в поймах рек[27].

Бассейны рек Терека, Малки, Сунжи, Аргуна и др. были хорошо пригодны для развития земледелия, а также способствовали коммуникабельности областей. Богатые рудой горные склоны Главного Кавказского хребта, благоприятствовали широкому развитию металлургии, а значит, и обеспечению населения металлом, необходи-

---

[26] Claessen H.J.M., Skalnik P. (eds.) The Early State. The Hague: Mouton, 1978; Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988; Коротаев А.В., Чубаров В.В. (отв. ред.) Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Вып.1–2. М., 1991; Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000; Классен Х.Дж.М. Было ли неизбежным появление государства // «Раннее государство, его альтернативы и аналоги». Волгоград, 2006. С. 71–84.

[27] Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бесточных водоёмов в палеовремя. М., 1987. С.17-18; Федорова Р.В. Результаты Исследования споро-пыльцовым методом курганов Прикаспийской низменности // Известия Грозненского музея краеведения. Вып. 5. Грозный, 1953. С.154–157; Головлев А.А. О комплексном природном районировании бассейна реки Сунжи для сельского хозяйства // Природа и природные ресурсы центральной части Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982. С.92.

мым для изготовления орудий труда и оружия. Обширные леса снабжали население древесиной для строительства жилых и хозяйственных сооружений, а горные пастбища и субальпийские луга способствовали активному развитию скотоводства.

В кобанской археологической культуре также ярко представлен обусловленный благоприятной экологической средой фактор производственного эффекта. Документированный археологический материал I тыс. до н.э., особенно его середины, фиксирует высокий уровень земледелия, полеводства, животноводства, металлургии, гончарного дела, что указывает на достаточно прочное экономическое состояние древневайнахского общества. Новейшие археологические раскопки опровергают существовавшее ранее представление о носителях кобанской культуры как о племенах с преимущественно скотоводческим типом хозяйствования. Ученые отмечают, что сегодня уже можно констатировать наличие высокоразвитого земледелия у населения кобанской культуры и существования у него земледельческого хозяйственного уклада[28].

1. Земледелие и скотоводство

Занятия нахского населения земледелием документируют находки кремневых вкладышей для деревянных и костяных серпов, которые позднее смененные на железные. О земледелии свидетельствуют также находки бронзовых и железных мотыг, кусков и целых каменных ладьевидных зернотерок, терочников, пестов и жерновов. Еще в конце II – начале I тыс. до н.э. в предгорной зоне начинают применяться деревянные сохи, аналогичные существовавшим к тому времени на Ближнем Востоке[29]. В эту эпоху происходит повсеместный переход к плужному земледелию с использованием в качестве тягловой силы быков и лошадей[30]. С началом производственного освоения железа деревянные плуги начинают оснащаться железными наральниками и лемехами; широкое распространение получают рабочие топоры, лопаты, железные серпы и садовые ножи. Все эти новшества привели к расширению площади обрабатываемых земель и зарождению искусственного орошения полей. Ведущими земледельческими культурами в то время являлись ячмень, пшеница и просо[31]. Главным сельскохозяйственным районом была плодородная, предгорная равнина, обильно орошаемая реками. Она была наиболее обжита.

В равнинной и предгорной зонах центрального Кавказа в то время уже существовало пашенное земледелие, что засвидетельствовано археологическим материалом: в стадах преобладал крупный рогатый скот – источника тягловой силы.

---

[28] Коробов Д.С., Борисов А.В. О земледелии эпохи позднего бронзового – раннего железного в. в Кисловодской котловине // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный. 2011. С. 51.

[29] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 250; Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э… С. 204.

[30] Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ... С. 168.

[31] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 314.

Важное место, отводимое пахотному земледелию и разведению крупного рогатого скота, подтверждается большим количеством статуэток быков, находимых в кобанских поселениях, в частности в Сержень-Юртовском[32]. Применение более глубокой, по сравнению с мотыжным рыхлением, вспашки земли создавало условия для дальнейшей культивации и направленного отбора в более значительном объеме злаков, хорошо известных с глубокой древности: мягкой и твердой пшеницы, проса-магары, нескольких сортов ячменя[33].

В горных районах Центрального Кавказа существенную роль играло мотыжное земледелие. Но есть определенные основания считать, что уже в середине I тыс. до н.э. и жители нагорной полосы занимались плужным земледелием, для чего в высокогорных районах создавались искусственные террасы. Так, обширные древние террасные поля хорошо прослеживаются (по представленным Google Earth материалам космической съемки) в долине реки Армхи, на склонах Джераховского и Обенского ущельев и т.д. Общая площадь террас составляет около 400 га[34]. Надо полагать, что террасные поля такого масштаба не могли быть рассчитаны только лишь на местное потребление. Сельскохозяйственная продукция, вероятно, в основном предназначалась для торговых операций на оживленной трассе древнего торгового пути, проходившего через Дарьял[35].

Наличие среди археологических находок в большом количестве металлических изделий сельскохозяйственного инвентаря, их разнообразие позволяют говорить об интенсивном развитии здесь земледельческого хозяйства. Широкое развитие пашенного земледелие было обусловлено масштабами ремесленного производства, в основном направленного на изготовление именно сельскохозяйственного инвентаря.

Такая ситуация способствовала в равнинно-предгорных хозяйствах того времени неограниченному увеличению жизненных припасов. Тому подтверждение множество крупных хозяйственных хранилищ (зерновых ям, или так называемых подземных закромов), обнаруживаемых почти во всех городищах и поселениях (Алхастинское, Змейское и др.), а также «довольно широкий ассортимент глиняной посуды, находимой в могильниках и на поселениях, начиная от разнообразных мисок и горшков, почти баночной формы, и кончая крупными грушевидными сосудами (корчаги), служившими для хранения пищи, муки, зерна, молочных продуктов, моченых фруктов, вина и др.[36]».

Свидетельством высокого уровня земледельческой культуры и наличием зачатков астрономической науки у нахских племен I тыс. до н.э. являются солнечные

---

[32] Дударев С.В Социальный аспект раннего освоения железа… С. 8.

[33] См.: Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 313, 315; Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э… С. 204; Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа... С. 266.

[34] Афанасьев Г. К проблеме высокогорного террасного земледелия на Центральном Кавказе // Международная научная конференция «Археология, этнография, фольклористика Кавказа», 27–30 сентября 2010 г. Тбилиси – Гори – Батуми, 2011. С. 59–60.

[35] Там же. С. 60.

[36] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 314.

календари, наличествующие среди археологических находок VIII–VII вв. до н.э.[37] Как известно, появление солнечных календарей обычно связано с установлением этапов сельскохозяйственных работ (пахота, сев, уборка урожая) и является не только показателем высокого уровня земледелия, но и признаком сложившейся в обществе политической иерархии.

Интенсивное развитие земледелия стимулировалось также растущей плотностью населения, о чем можно судить по густоте расположения древних памятников[38]. Таким образом, земля и развитое земледельческое хозяйство давали, несомненно, не только необходимый, но и прибавочный продукт, а это вело к углублению в нахском обществе социального расслоения.

В рассматриваемую эпоху дальнейшее развитие получает скотоводство, являвшееся наряду с земледелием ведущей отраслью сельского хозяйства. В равнинных и предгорных зонах Нахаматии культивировалось главным образом разведение крупного рогатого скота, а в горах, где основой экономики испокон веков являлось скотоводство, базирующееся на эксплуатации тучных высокогорных пастбищ, доминировал мелкий рогатый скот – овцы и козы. Как правило, овцеводство и козоводство имели яйлажный (отгонный) характер.

В кавказоведческой литературе принято считать, что с глубокой древности скотоводство на Кавказе было именно отгонным, т.е. зимой скот находился на стойловом содержании, а летом отгонялся на альпийские пастбища. Как известно, в то время яйлажная форма скотоводства давала значительно больший по сравнению с земледелием прибавочный продукт. Кроме того, яйлажное скотоводство способствовало укреплению связей между населением горных и равнинных районов, которое вело к их сближению. Последнему в немалой степени помогало также развитие коневодства, а именно использование лошадей для верховой и колесничной езды.

2. Металлургия и ремесленное производство

Экономическая мощь древних вайнахов во многом была обусловлена высоким уровнем металлургии. Ученые установили, что центральная часть Кавказа во II и в I тысячелетии до новой эры являлась одним из крупнейших очагов металлопроизводства в Европе, базировавшихся в то время на местном сырье и самостоятельном производстве[39]. Обилие и широкий ассортимент изделий из металла (сельскохозяйственные орудия, оружия, предметы искусства и др.) имели в основе богатую сырьевую базу, расположенную на обоих склонах Большого Кавказа: на южном склоне – в верховьях рек Риони, Квирилы, Цхенисцкали, Джоджоры, Большой Лиахви; на северном склоне – в Джейраховском, Чегемском, Баксанском

[37] Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время... С 193-203; Рыбаков Б.А. Календарный фриз северокавказского сосуда VIII–VII вв. до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 159, 161.

[38] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 312.

[39] Там же. С. 316–318.

ущельях, в верховьях Терека, Аргуна, Сунжи, Ардона, Фиагдона[40]. Как известно, в центральных районах Кавказа уже во второй половине II тыс. до н.э. произошло отделение ремесла, в частности металлургии, от скотоводства и земледелия, а к началу I тыс. до н.э. у населения кобанской культуры уже существовало высокоразвитое металлургическое производство[41].

Обладая металлургическими традициями, уходящими в глубь веков, нахское население с конца II тыс. до н.э., с появлением железа, еще более интенсивно развивает эту отрасль, вступив таким образом на более высокую ступень своего культурно-исторического развития. Нахские племена Центрального Кавказа в IX – первой половине VIII в. до н.э. прошли этап перехода от бронзы к железу, а во второй половине VIII–VII вв. до н.э. – стадию широкого освоения железа и его внедрения в быт населения[42]. Для производственных комплексов нахских поселений этого периода характерно обязательное присутствие железоделательного производства (пос. Сауар, Грушевское городище, Зольское пос. и др.). Выявлены горны, канавки для промывки руды, помещение для хранения угля, теплоизоляционные конструкции, столообразные каменные конструкции, площадки для обработки криц, а также глиняные сопла, каменный инструментарий и отходы производства – шлаки и кричные конгломераты. Распространяется культ железа (куски шлака в погребальном инвентаре[43]).

Можно предполагать, что в этот период нахские металлурги овладели мастерством изготовления широкого ассортимента железных предметов и с VIII в. до н.э. произошел переход к использованию железа. Особо следует выделить тот факт, что уже в VII–VI вв. до н.э. в жизни древнечеченских и древнеингушских племен – создателей и носителей кобанской культуры, полностью доминирует железное оружие, а также получают распространение железные сельскохозяйственные орудия, что имело решающее значение для развития земледелия. Как отмечают исследователи, многочисленные серии железного оружия Центрального Кавказа середины I тыс. до н.э. (мечи, втульчатые наконечники копий и стрел, боевые серповидные ножи, кинжалы с продольными гранями на лезвийной части, топоры и др.), явно типологически связанные с местными древними формами бронзовых орудий, свидетельствуют как о существовании местного, притом массового, производства железного оружия, так и

---

[40] Там же. С. 319; Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э... С. 197–200.

[41] Техов Б.В. Указ. соч. С. 212.

[42] Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ... С. 163-164; Дударев С.Л. Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне реки Терека (IX–VII вв. до н.э.). Автореферат диссерт. на соискание ученой ст. канд. ист. н. Киев, 1983; Его же: О железорудных месторождениях Предкавказья (историко-археологический аспект) // Природно-ресурсный потенциал горных районов Кавказа. Грозный-Сочи, 1989. С. 19–20; Белинский А.Б. Могильник Клин-Яр III как источник по изучению культуры населения Кавминвод в раннем железном веке. Автореферат дисс. канд. ист. н. М., 2004. С. 44.

[43] Прокопенко Ю.А. Этнокультурные связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Автореферат. М. 2006. С. 47.

об импорте этого оружия в Скифию, Савроматию и другие отдаленные области Восточной Европы и Азии[44].

Металлографические исследования показали, что нахские кузнецы в качестве исходного материала использовали разные сорта черного металла – от чистого железа до высокоуглеродистой стали. Успешно применялись такие передовые и прогрессивные для столь древнего периода приемы, как кузнечная сварка, разные виды термообработки. Следует особо подчеркнуть, что микроструктурный анализ изделий из железа показал, что они изготовлялись из сырцовой стали с применением горячей ковки и закалки, «как и в наше время, что указывает на высокую культуру кузнечного ремесла в VI–V вв. до н.э.[45]»

Металлообрабатывающее производство было налажено практически во всех более или менее исследованных поселениях кобанской культуры. Характерная черта поселений данного периода – наличие производственных комплексов или ремесленных участков. Почти во всех поселениях образуются целые производственные кварталы, а в некоторых крупных поселениях выявлено наличие нескольких производственных мастерских, расположенных отдельно друг от друга и составляющих отдельные целые кварталы. Так, например, в Сержень-Юртовском поселении обнаружены остатки трех мастерских у юго-восточного края холма. Каждый из них представлял собой постройку площадью 32х20 м и более, разделенную на ряд помещений[46].

Высокого развития достигло у нахских племен и ремесленное производство. Для рассматриваемого периода характерно разнообразие продукции металлообработки, обилие изделий из драгоценных металлов, производимых уже не только для использования и продажи внутри страны, но и для экспорта. Если на раннем этапе развития кобанской культуры отмечается незначительное количество изделий благородных металлов, то к VI–V вв. до н.э. ситуация существенно меняется. В этот период получают широкое распространение золотые и серебряные изделия – предметы искусства, разнообразные украшения (бляхи, серьги, колечки, бусины, браслеты, различные подвески и т.д.). Наличие в комплексах кобанской культуры, особенно VI–IV вв. до н.э., достаточно большого количества предметов роскоши, изготовленных из золота и серебра, становится явлением обычным и типичным не только для равнинных и предгорных, но и для высокогорных зон Центрального Кавказа[47]. Блестящее исполнение предметов роскоши, безусловно, говорит о творческой изобретательности мастеров. Следует также особо выделить технические и технологические качества образцов, указывающие на очень высокий уровень обработки металлов. Мастера, как равнинной, так

---

[44] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 326; Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э… С. 177; Дударев С.Л. О железорудных месторождениях Предкавказья… С. 20.

[45] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 326.

[46] См.: Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ... С. 171.

[47] Техов Б.В. Указ. соч. С. 295; Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII–IV вв. до н. э.: систематизация и хронология. Дисс. на степень канд. ист. наук. М., 2004. С. 77.

и горной областей Нахаматии создавали в основном изделия одного типа, украшенные одинаковым орнаментом[48]. Форма и декор тех или иных предметов кобанской культуры поражают своим совершенством и изяществом, что указывает не только на безупречное мастерство и тонкий вкус ювелиров, знание ими самых разнообразных приемов ковки, литья, обработки и орнаментации изделий, но и на возросшие эстетические потребности нахского общества. Спектральный анализ бронзы показывает виртуозное владение мастерами всей гаммой металлургической рецептуры[49]. По определению археологов, племена кобанской культуры достигли «высокого уровня развития металлургии и изобразительного искусства[50]». Столь совершенное мастерство, разумеется, опиралось на местную традицию обработки цветных металлов. Высокохудожественное искусство древних вайнахов и высочайший профессионализм их мастеров, наиболее ярко проявившиеся в художественной обработке металла, оказали значительное воздействие на развитие металлопластики не только Кавказа, но и регионов, расположенных далеко за его пределами, связанных с ним культурно-экономическими отношениями[51].

Наличие у нахов развитого ювелирного ремесла, производящего предметы роскоши, шедевры изобразительного искусства и т.д., фиксировано документально. Это, несомненно, дает право рассматривать как отражение развитой социальной структуры нахского общества, сложившейся еще в середине I тыс. до н.э.

Особенно важны в этой связи контакты нахских племен кобанской культуры с другими высокоразвитыми центрами бронзовой металлургии – Переднеазиатским и Карпато-Дунайским (Австрия, Богемия, Бавария). Хорошо известно многогранное влияние кобанской культуры, в частности ее изобразительного искусства, на племена Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, а также Сибири во II и I тыс. до н.э.[52] По мнению исследователей, племена Восточной Европы еще в эпоху бронзы не только получали готовый металл из районов Северного Кавказа, но и начали развивать собственную металлургию меди именно под воздействием древних кавказских металлургических центров[53].

Древневайнахские мастера также были прекрасно знакомы с высокими достижениями древневосточной цивилизации, в том числе и с новыми веяниями в искусстве. В памятниках кобанской культуры хорошо прослеживается влияние

---

[48] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа… С. 320.

[49] Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа... С. 266.

[50] Техов Б.В. О культурной общности горных районов… С. 53.

[51] См.: Маммаев М.М. Кобанские традиции в средневековом декоративно-прикладном искусстве нагорного Дагестана // VIII «Крупновские чтения». Орджоникидзе, 1978; Маслов В.Е., Очир-Горяева М.А. Об общих элементах в культуре нижневолжских кочевников и населения Центрального и Восточного Предкавказья в конце VI – начале IV вв. до н.э. // Труды ГИМ. Степь и Кавказ (культурные традиции). Вып. 97. М., 1997. С. 62–75.

[52] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 370; Виноградов В. Б. Связи Центрального и Северо-Восточного Предкавказья со скифо-савроматским миром // Проблемы скифской археологии (МИА. № 177). М., 1971. С. 176–179; Маслов В.Е., Очир-Горяева М.А. Указ. соч. С. 70–73.

[53] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 347.

переднеазиатской художественной традиции, искусства Урарту и Луристана (Северо-Западный Иран[54]). Сегодня уже можно достаточно уверенно говорить о том, что металлургия и изобразительное искусство нахов развивались в тесной связи с металлопроизводством и художественным творчеством народов Южного Кавказа и Передней Азии и достигли высокого уровня, заняв достойное место в искусстве народов древнего мира.

Широкое развитие получило в кобанской культуре и керамическое производство, особенно гончарное. В поселениях Сауар, Сержень-Юрт, Алхан-Кала и др. обнаружены достаточно мощные гончарные комплексы, порой состоящие из двух печей. Керамические изделия кобанских мастеров характеризуются «совершенством форм и высоким мастерством изготовления[55]». Технологические особенности самих сосудов позволяют говорить прежде всего о высоком уровне гончарного производства у древних вайнахов. Как известно, керамическое производство, наряду с металлообрабатывающим, играло ведущую роль в становлении как ремесленного производства, так и экономики в целом. Развитие гончарного производства вело не только к изменению навыков и орудий труда, но и совершенствованию организации труда и его специализации[56].

Высокого уровня развития достигли у нахских племен также ремесла, как кожевенное, прядильно-ткацкое, плотническое, столярное. Все это свидетельствует о значительном росте производительности труда, о накоплении прибавочного продукта и, конечно же, о присвоении его привилегированными группами населения, а значит о социальном расслоении нахского общества I тыс. до н.э. В свою очередь, многочисленность ремесленных изделий, наблюдаемая в памятниках кобанской культуры, указывает на значительную роль в хозяйственной жизни мастеров-ремесленников, и в первую очередь металлургов, которые, по-видимому, становятся ведущими членами общества.

Сравнительно широкие масштабы добычи металла и производства из него сельскохозяйственных орудий, оружия и др. изделий, несомненно, способствовали укреплению регулярных контактов и торгового обмена между рудодобывающим и владеющим рудой населением горных областей и жителями равнинных местностей, т.е. земледельческих районов. Если возникновение на территории Центрального Кавказа денег, являющееся важным признаком перехода от обменных отношений к торговле, относится ко второй половине II тыс. до н.э.,[57] то вполне естественно, что к середине I тыс. до н.э. торговые отношения среди населения были уже достаточно развиты. Дальнейшее развитие торговли, безусловно, требовало возникнове-

---

[54] Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984. С. 142–147, 183–186.

[55] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 329; Мошинский А.П. Древности горной Дигории… С. 70–75.

[56] См.: Сайко Э.В. Формирование древнейших городов и становление раннеклассового общества (методологические аспекты) // «От доклассовых обществ к раннеклассовым». М., 1987. С.3–5.

[57] Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э… С. 202.

ния в обществе определенной структуры, организации, контролирующей развитие земледелия, скотоводства и металлургии, а также рост и накопление прибавочного продукта, необходимого для регулярной торговли. Таким образом, сложившиеся к середине I тыс. до н.э. условия способствовали созданию твердой основы, которая могла бы объединить в единую политико-экономическую систему этнически однородное население горных и равнинных районов Центрального Кавказа.

3. Демографический оптимум. Города, поселения

Следующий фактор, стимулирующий развитие общества, – демографический оптимум. На территории распространения кобанской культуры он проявляется в густоте расположения памятников (поселения, клады, остатки металлообрабатывающего производства и т.д.), т.е. во всем, что указывает на высокую плотность населения, а также на тенденцию его воспроизводства за счет накопления прибавочного продукта вследствие развития металлургии, земледелия и животноводства.

Интенсивное освоение нахскими племенами всего Центрального Кавказа начинается уже со второй половины II тыс. до н.э.[58] В конце II тыс. до н.э. – начале I тыс. до н.э. наблюдается увеличение количества поселений и расширение занимаемой ими территории, возрастает плотность населения. В этих условиях происходит расселение нахских племен и освоение ими новых, свободных земель. Последние археологические находки показывают, что нахские племена освоили северокавказские равнины, в частности верховья реки Кумы и ее притоков, уже в XIII–XII вв. до н.э.

Одной из причин, благоприятствовавших успешному освоению нахами предкавказских равнин, могло быть улучшение климатических условий. Период пониженной увлажненности – первая половина II тысячелетия до н.э. – начало I тысячелетия до н.э., привел к сокращению площади горного оледенения и освобождению перевалов от ледников[59]. Это способствовало улучшению общения населения гор с населением равнин и соседними ущельями[60].

По данным археологических материалов, достаточно сильный демографический всплеск у населения Центрального Кавказа наблюдается также к середине I тыс. до н.э. Именно в этот период (VI–IV вв. до н.э.) происходит миграция нахских племен как внутри ареала кобанской культуры, так и за его пределы. Так, например, в своем движении на запад нахи достигают верховьев реки Большая Лаба (поселение Каменные Столбы у ст. Ахметовская[61]). Одновременно группа

---

[58] Дударев С.Л. О причинах миграции кобанских племен… С.10–11.

[59] Тушинский Г.К. Ледники, снежники, лавины Советского Союза. М., 1963. С. 283.

[60] Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 107.

[61] Каменецкий И.С. Один из факторов искажения погребального обряда // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 2000. С. 82; Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь, 2005. С. 318.

населения западного варианта кобанской культуры мигрирует в долину среднего течения реки Терек, в пределы расселения племен центрального варианта (Нижне-Джулатский могильник, Моздок) и далее, вплоть до нижнего течения Терека[62].

В то же время передовой хозяйственный уклад и развитая культура, сложившиеся у нахов к середине I тыс. до н.э., способствовали не только расширению ареала их обитания, но и значительному увеличению плотности населения[63]. В обозначенный период на горных плато, в возвышенных местах и в долинах рек растет число поселений, появляются новые, уже сравнительно большие, населенные пункты городского типа, а ранее существовавшие, в которых концентрация населения была очень высока для того времени, укрупняются[64].

Казалось бы, такое увеличение плотности населения и количества поселений на территории с довольно ограниченными ресурсами должно было вызвать ужесточение борьбы за землю и источники сырья, что, в свою очередь, неминуемо привело бы к обострению межплеменных отношений, к вооруженным столкновениям за расширение сфер влияния и т.д. Однако археологические данные показывают совершенно иную картину. Во-первых, на основании антропологического материала могильников кобанской культуры, позволяющего в полной мере проследить половозрастной состав погребенных, устанавливается, что в могильниках захоронены как мужчины, так и женщины, и дети[65]. Данный факт отражает нормальное и стабильное демографическое состояние общества, невозможное в условиях вооруженной борьбы племен за сферы влияния. Во-вторых, во внутренних районах ареала кобанской культуры происходит увеличение числа поселений, в большинстве своем неукрепленных[66]. Факт существования неукрепленных поселений, более того, их расцвет, фиксируемый археологическим материалом, мог иметь место лишь при полной защищенности жителей от нападения со стороны соседних племен, что трудно себе представить в условиях межплеменных войн. Перечисленные факты являются характерными признаками мирного, поступательного развития общества, продолжавшегося на протяжении достаточно длительного времени. Обеспечить в пределах кобанской культуры безопасное и

---

[62] Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 59–60.

[63] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 332; Кудрявцев А.А., Галаева В.Н. Грунтовое погребение кобанского времени могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (12–15 апреля 2001 г.). Ставрополь, 2001. С. 78.

[64] Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время... С. 67 и далее; Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие… С. 50.

[65] Кириченко В.В. Культурно-исторические процессы на территории Центрального Предкавказья в скифское время на материалах Ставрополья. Диссерт. на соискание учен. ст. канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. С. 80.

[66] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 368; Виноградов В.Б. Указ. соч. С. 72; Прокопенко Ю.А. Указ. соч. С. 50.

стабильное развитие племен, основанное на мирном сосуществовании и тесном взаимодействии, бесспорно, возможно было лишь при наличии мощного, устойчивого объединения, причем не формального, а реального, с единым центром власти, признаваемой всеми, такого, в котором важную роль мог играть совет племенных или территориальных общин и т.д.

Как уже было отмечено, свои поселения древние вайнахи обычно не укрепляли, но в то же время старались располагать их в труднодоступных местах – на скалах или возвышенностях; в долинах рек для проживания также выбирались высокие плато или плоские отроги ущелий (Сержень-Юрт, Бамут и др.) В равнинно-предгорной зоне среди строительных материалов преобладали глина и дерево. Воздвигались дома с глинобитными и турлучными стенами, с соломенными или камышовыми крышами. Дома часто имели каменные фундаменты, полы были вымощены черепками или галькой и обмазаны глиной. Обнаружены также дома с утопленными в пол печами. В горных районах при строительстве широко применялся камень, довольно часто встречаются полностью каменные здания[67]. Обычно дома возводились группами, стенка к стенке друг к другу, также существовали поселения, разделенные улицами на кварталы. В таких поселениях встречаются мощенные булыжником мостовые[68].

Археологические находки последних лет показывают, что к середине I тыс. до н.э. крупные поселения Центрального Кавказа приобретают все больше характерных черт ранних городов древности, однако исследователи, придерживаясь сложившейся традиции, обычно, избегают называть их городами, а именуют городищами. При этом мы так и не получаем ответа на вопрос о том, на основании каких критериев данные поселения решено не относить к ранним городам, в то время как аналогичные поселения, скажем, Малой Азии, квалифицируются как города. Возможно, это связано с тем, что в научных кругах для ранних городов до сих пор не существует ни общепризнанного определения, ни разработанной типологии, ни общепринятой терминологии. Ранние города возникли в результате отделения ремесла от сельского хозяйства и развития торговли и могут быть определены как производственные центры раннеклассового общества[69]. Ремесленные поселки и торговые фактории не могли бы существовать и функционировать, если бы не было силы, организовывающей и упорядочивающей взаимоотношения населения. Такой силой в ранних городах всегда становились надстроечные институты

---

[67] См.: Кореневский С.Н. Галюгай I – поселение майкопской культуры. М., 1995. С. 80; Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие… С. 85.

[68] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 256; Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы... С.58.

[69] Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города II тысячелетия до н.э. (по материалам Ура) // Древний Восток. Города и торговля (III–I тысячелетия до н.э.). Ереван, 1973. С. 31–32; Дьяконов И.М., Якобсон М.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // ВДИ, 1982. № 2. С. 44–52; Сайко Э.В. Формирование древнейших городов и становление раннеклассового общества; Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока VII – середины XIII в. М., 1984; Андреев Ю.В. Ранние формы урбанизации // ВДИ, 1987. № 1.

– администрация и жречество. Таким образом, на раннем этапе основная функция города определялась характером надстройки: ранние города были политико-административными, хозяйственными, культовыми и (или) военными центрами и включались в административно-культовую сеть государственного образования, на территории которого находились[70].

Все эти признаки, характерные для ранних городов, хорошо прослеживаются в большинстве крупных поселений, обнаруженных по всей территории распространения кобанской культуры. Во многих таких поселениях, относимых к середине I тыс. до н.э., найдены большие гончарные и металлургические производственные комплексы, которые свидетельствуют о том, что эти поселения являлись центрами ремесла и торговли[71].

В ряде крупных поселений обнаружены общие кладбища, использовавшиеся на протяжении длительного времени, где бедные и богатые погребены отдельно, а во многих из них возникают «целые кварталы богатых и бедных захоронений[72]». Выявлены благоустроенные поселения с каменными мостовыми и общими площадями. Так, в Сержень-Юртовском поселении было вскрыто «поквартальное размещение жилых и хозяйственных сооружений, разделенных узкими, вымощенными булыжником улицами. Дома были наземными, турлучными, крыши камышовые, полы глинобитные. В домах очаги[73]». Археологи отмечают, что мостовые – явление, порожденное местными условиями быта, возникли в конце II тысячелетия до н.э. и являются ценным свидетельством бытования у населения элементов благоустройства.

Если исследования Сержень-Юртовского поселения усложнили привычные представления о типах поселении кобанской культуры I тысячелетия до н.э., то новейшие открытия (*Кабардинка-1, Кабардинка-2, Татарское, Грушевское* и др.), практически снимают вопрос о характере этих поселений, которые, несомненно, имеют классические признаки ранних городов древности. Одним из таких ярких памятников кобанской эпохи является крупное поселение, известное как Татарское городище и входящее в число наиболее крупных и значимых объектов культурного наследия всего Северного Кавказа[74]. Данное поселение представляет собой сложный, многослойный памятник, состоящий из трех автономных, хорошо укрепленных частей, функционировавших на протяжении более чем двух тысячелетий – с XIII–XII вв. до н.э. по X–XI в. н.э. Все составные части

---

[70] Гуляев В.И. Города-государства майя. М., 1979; Стужина Э.П. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М., 1979; Сазонова Н.Е. К вопросу о сложении города // ВДИ, 1988. № 2.

[71] Дударев С.В. Социальный аспект раннего освоения железа на Центральном Предкавказье… С. 18.

[72] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 332–333.

[73] Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры… С. 45.

[74] Татарское городище расположено на южной окраине Ставрополья, недалеко от современного поселка Татарка, отсюда и название, хотя на самом деле городище не имеет к татарам никакого отношения.

Татарского городище были объединены хорошо продуманной системой коммуникаций и фортификационных сооружений, включавших в себя мощные земляные валы и каменные стены, усиленные башнями и рвами. Особенно надежно была укреплена северная, слабо защищенная рельефом и наиболее доступная часть города: здесь весьма посредственные в военном отношении возможности местности компенсировались мощной системой тройных валов и рвов протяженностью около 500 м[75].

Здесь также обнаружены «многочисленные захоронения коней с полным набором узды и ритуально пробитыми конскими украшениями, богатый погребальный инвентарь, включающий оружие, украшения, дорогостоящую чернолаковую греческую посуду (Аттика), разнообразную местную и импортную керамику, среди которой отмечены греческие (Родос) и причерноморские (Пантикапей, Колхида) амфоры с клеймами[76]». Все это свидетельствует, как отмечают археологи, «о весьма высоком социальном положении в местном обществе людей, похороненных в этих курганных склепах[77]».

Новейшие археологические раскопки недалеко от Кисловодска (*Кабардинка-2*[78]) выявили городское поселение кобанской культуры, насчитывавшее тысячу и более жителей. Столь значительными поселениями не могут похвастаться даже государства Ближнего Востока того периода. Это классический древний город со всеми присущими ему специфическими чертами, по своей масштабности и численности населения превосходящий многие хорошо известные города Древнего Востока и Средиземноморья.

Город возводился по четкому градостроительному плану. Он представляет собой овальную площадь, вокруг которой в два-три ряда, соприкасаясь стенами, располагались каменные здания, повторяющейся монументальной архитектуры, с толстыми, почти двухметровыми стенами. Общая площадь каждого здания составляла более 200 м^2. Вокруг зданий находилось еще по нескольку построек. Среди обитателей домов внутреннего и внешнего ряда, по-видимому, существо-

---

[75] Кудрявцев А.А., Галаева В.Н. Раскопки оборонительного вала Татарского городища // Из истории народов Северного Кавказа: Сб. науч. ст. Вып. 4. Ставрополь, 2001; Кудрявцев А.А. К вопросу об этносоциальной принадлежности погребенных могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (12–15 апреля 2001 г.). Ставрополь, 2001.

[76] Кудрявцев А.А. Указ. соч. С. 156.

[77] Там же; Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. Склеп № 2 Татарского 1 могильника // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир: Сб. науч. ст. Ставрополь. 1999; Кудрявцев Е.А., Галаева В.Н. Грунтовое погребение кобанского времени могильника № 2 Татарского городища… С. 77–78; Кудрявцев Е.А. Раскопки склепового захоронения кургана №3 второго Татарского могильника // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 7. Ставрополь. 2006.

[78] Раскопки проводились в рамках совместного проекта Института археологии РАН, Евразийского отдела Германского археологического института и ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края.

вала социальная иерархия. Город имел крепкие оборонительные стены и центральные ворота. Отдельно возводились культовые сооружения, а также здания для жрецов, которые, вероятно, составляли отдельную социальную прослойку. Археологический материал говорит о наличии сооружения (своего рода здания администрации), где представители знати, вероятно, решали вопросы управления, а также о наличии помещений для хранения и распределения продуктов, центра ремесла и торговли[79]. Обилие керамики, среди которой встречаются изделия высочайшего качества, говорит о том, что в поселении *Кабардинки-2* и в его окрестностях существовало развитое гончарное производство.

Примечателен факт, что при раскопках обнаружено несколько десятков хозяйственных ям. Археологи считают, что в них складывали вышедшие из употребления ненужные вещи, а затем засыпали их землей, что свидетельствует о высокой экологической культуре населения.

Факт наличия подобных крупных поселений городского типа (Грушевское, *Кабардинка-2, Татарское, Сержень-Юрт* и др.), несомненно, свидетельствует о высоком уровне развития и организации нахского населения. Как известно, силой, способной упорядочивать взаимоотношения жителей городов, всегда становились надстроечные институты – администрация и жречество, и их появление является отчетливым показателем высокой ступени социально-экономического развития общества, а также признаком существования в нем классовой организации и углубившегося социального расслоения населения.

Таким образом, в крупных поселениях кобанской эпохи мы имеем в наличии все характерные признаки ранних городов древности, за исключением мощных оборонительных городских стен и крепостей-цитаделей, считающихся главными отличительными чертами древних городов. Наверное, этим и объясняется, что при обозначении крупных поселений Центрального Кавказа кобанского периода специалисты избегают термина *город*, а используют обычно название *городище*. Как известно, до недавнего времени в научной литературе господствовало мнение, что древние люди начали строить города главным образом потому, что находились в непрерывном, чаще всего вооруженном, противостоянии, превращавшемся в кровопролитные войны, а также потому, что земледельческие племена вынуждены были объединяться для строительства укреплений и стен, которые могли бы защитить их от набегов соседних кочевых племен. Таким образом, считают исследователи, более мощная оборона становится совершенно необходимой, а поэтому даже в небольших государственно-административных образованиях возникают укрепленные города-центры .

Однако новейшие археологические открытия показали, что первопричиной возникновения городов и последним толчком к их построению стали скорее «мирная торговля и развитие ремесел, а вовсе не война[80]». Поэтому отсутствие в крупных

---

[79] Коробов Д.С., Райнхольд С. Исследование поселений с симметричной планировкой в Кисловодской котловине. Сообщения Института Археологии РАН: http://www.archaeolog.ru/?id=172.

[80] Гуляев В.И. Скипетр и держава: к вопросу о царской власти у древних майя // ВДИ, 1993. № 4. С. 45.

поселениях кобанской культуры фортификационных оборонительных сооружений абсолютно не умаляет значения этих поселений, поскольку они фактически выполняли основные функции городов, являясь центрами управления, центрами торговли и ремесленного производства, а также центрами культуры и религии.

Отсутствие же укрепленных поселений (крепостей-городов) внутри страны следует скорее трактовать как свидетельство военно-политической мощи нахского общества – обстоятельства, при котором в построении таких укрепленний не было острой необходимости, а также высокой организации общества и строгого соблюдения населением общих правил поведения на всей территории. Что же касается угрозы нападения со стороны внешних сил, особенно кочевых племен, то, как увидим ниже, для защиты от вторжений по северной границе территории расселения нахских племен, по линии вероятного соприкосновения с кочевниками, была возведена цепь оборонительных сооружений, в связи с чем, вероятно, не было необходимости строительства укрепленных городов и поселений внутри страны.

4. Торговля (внутренняя и международная). Углубление социальной и имущественной дифференциации

Развитие сельского хозяйства, металлургии и ремесел привело к значительному углублению разделения труда и специализации производства, что, в свою очередь, обусловило значительное увеличение избыточного продукта, который поступал в торговый оборот как внутри страны, так и за ее пределами. По мнению исследователей, процесс перерастания первобытного обмена в торговлю в центральных районах Кавказа, вероятнее всего, завершился во второй половине II – начале I тысячелетия до н.э. Археологический материал свидетельствует о высокой вероятности существования ремесленных мастерских, ориентированных на рынок, и средоточении ремесленного производства в пунктах, которые, имея выгодное географическое и экономическое расположение, превращались затем в рынки обмена. Согласно исследованиям археологов, наиболее крупные поселения располагались на пересечении путей, на границе предгорных равнин и горных областей, при выходе из ущелий, а также возле проходивших вдоль подножья гор дорог. Очевидно, крупные поселения со своими торгово-ремесленными центрами играли значительную роль во внутренней и внешней торговле. Жители гор поставляли сюда продукцию своего хозяйства (продукты скотоводства и охоты) и обменивали ее на нужные товары, например, ремесленные изделия.

Еще в начале XX в. существовавшее мнение о том, что в древности кавказские горцы отличались особым консерватизмом и отсталостью из-за якобы слабой системы коммуникаций, в настоящее время отвергается. Как пишет В.И. Козенкова, «в свете современных научных исследований не вызывает сомнения, что кобанская археологическая культура, или этнокультурная общность…была встроена в единый поток европейской цивилизации[81]». Выявлено, что, как внутри ареала ко-

[81] Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы… С. 132.

банской культуры, так и за его пределами издревле существовала четко налаженная коммуникационная система[82]. Детальное изучение механизма этой системы выявило, что в эпоху позднего бронзового – раннего железного в. существовало не менее трех-четырех форм коммуникационных сообщений как внутри границ кобанской культуры, так и далеко за их пределами[83].

Наличие столь широко разветвленной сети коммуникаций, прочно связывавшей все районы Центрального Кавказа, а также южные и северные отроги Главного Кавказского хребта, позволяет говорить о достаточно высоком уровне развития внутренней торговли, о динамичности и постоянстве миграции, а главное, о быстроте передачи информации на территории распространения кобанской культуры[84]. Как известно, Главный Кавказский хребет не был препятствием для общения и взаимопроникновения населения его противоположных склонов, поскольку в центральных районах Кавказа для прохождения через него существовало более десятка перевалов, пригодных для пеших и конных переходов[85]. А в случае опасности при помощи хорошо налаженных систем коммуникаций можно было быстро мобилизовать военные дружины и в достаточно короткие сроки перебросить их в ту или иную часть страны[86].

Таким образом, археологические данные фиксируют наличие не только развитой торговли и тесных экономических связей между близкородственными группами нахского населения кобанского ареала, но и постоянного взаимодействия между ними, что неминуемо вело к политической и этнической консолидации племен. Материальная культура отдельных областей, несколько различающаяся по ряду локальных признаков, к середине I тыс. до н.э. все отчетливее принимает более однородный характер[87]. Все эти признаки указывают на то, что к тому времени нахское общество уже, вероятно, представляло собой единый политический организм.

Особенно широкого размаха достигают в тот период международные контакты нахских племен и, соответственно, международная торговля. По определению

[82] Вопрос достаточно широко освещен в историографии. Сводку литературы см.: Козенкова В.И. Указ. соч. С. 133.

[83] Козенкова В.И. Указ. соч. С. 132–135.

[84] Козенкова В.И. Кобанская культура в XX веке…

[85] Сланов А.Х. Памятники скифо-сарматского периода на территории Южной Осетии // Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1987; Туаева З.Д. Кавказский хребет и проблемы кобанской культуры // XVII «Крупновские чтения» (тезисы докладов). Майкоп, 1992.

[86] Помимо хорошо известных переходов (Дарьяльский, Мамисонский, Клухорский перевалы) связь между северным и южным склонами Главного Кавказского хребта в его центральной части осуществлялась еще по нескольким основным направлениям. Перевальные пути из верховьев р. Риони. были направлены: первый – в Дигорию (перевалы Гецевцех, Гурдзивцех, Гебивцех), второй – в Двалетию (перевал Мамисонский и другие, находящиеся в Мамисонском ущелье), третий шел из бассейна реки Риони по ущельям рек Громулы и Джорджоры в бассейн реки Большая Лиахва и далее, через Рокский перевал, к северным склонам Главного Кавказа.

[87] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 338–340.

Е.И. Крупнова, именно в I тысячелетий до н.э. «широкие международные связи населения Северного Кавказа…сильно активизировались по сравнению с предшествующей эпохой[88]». Рост и развитие международной торговли напрямую зависели от проходивших через Центральный Кавказ торговых магистралей (Дарьяльский, Мамисонский и Клухорский и др. перевалы), функционировавших с давних времен. Эти трансконтинентальные пути являлись связующим звеном между племенами и народами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, Южного Кавказа, Передней Азии, Средиземноморья и Черноморского побережья, Среднего и Дальнего Востока. Взаимосвязь нахского населения Центрального Кавказа в I тыс. до н.э. с окружающим миром, его торговые, экономические и культурные контакты (прямые и транзитные) с вышеуказанными регионами Европы и Азии подтверждается многочисленными свидетельствами.

Прежде всего, это разносторонние и углубленные связи древних вайнахов с проживавшими на Южном, Западном, Восточном Кавказе и в Передней Азии родственными кавказскими народами, частью которых они являлись и с которыми разделяли, в той или иной степени, одну историческую судьбу. Археологический материал дает неопровержимые доказательства не только систематических контактов, но и взаимопроникновения кобанской, прикубанской, и особенно колхидской культур, что неудивительно, поскольку носители этих культур граничили и принадлежали к единой языковой семье – исконнокавказской, а, посему, естественно, постоянно находились в непосредственной связи, поддерживали оживленные экономические, политические, торговые и культурные отношения. Что же касается Картли, то обнаруженный здесь археологический материал конца II – первой половины I тыс. до н.э. настолько близок к кобанскому и сходен с ним, что, как считают археологи, впору уже говорить о существовании единой этнокультурной общности Центрального Кавказа и Картли (см. выше[89]). С учетом того, что южнонахская группа племен, как это показано выше, занимала обширные территории Южного Кавказа, данная гипотеза кажется вполне допустимой.

По археологическим материалам хорошо прослеживаются давние и тесные связи нахских племен центральной части Кавказа со странами Передней Азии и древним Египтом. Перечень находок, свидетельствующих о многогранности и регулярности этих связей, пополняется практически с каждой новой археологической раскопкой. Среди таких предметов, например, кинжалы переднеазиатского типа, отличающиеся особыми рукоятками, заполненными внутри пастой, деревом или костью; египетские скарабеи, хурритская цилиндрическая гематитовая печать XV–XIV вв. до н.э., биметаллическое оружие, ассирийские шлемы, датируемые концом II тыс. до н.э.; урартские шлемы, кинжалы закавказского типа, топоры западнокавказского типа; конская узда средиземноморского типа, пиксиды, близкие к малоазийским и балканским глиняные штампы-пинтадеры, бронзовые плоские тёсла, разноцветные бусы, бусы из голубого фаянса, бисер,

[88] Там же. С. 134, 343.

[89] Воронов Ю.Н. Научные труды... С. 63–64; Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы… С. 134–135.

перстни-печати, фаянсовые и сердоликовые бусы, металлическая и стеклянная посуда, формы бронзовых чаш и кружек и т.д.[90]

Нахи Центрального Кавказа имели постоянные контакты со странами Передней Азии, откуда проникали инновационные культурные импульсы. В Передней Азии находятся, например, истоки кобанской керамики с зооморфными ручками[91]. Начиная с I тыс. до н.э. переднеазиатские связи нахских племен углубляются и становятся более прочными и разносторонними. Это подтверждается и тем, что в кобанских могильниках этого периода, обнаруживается все больше предметов из стран Передней Азии – к примеру, изделия из египетского фаянса, ассирийские бусы и печать, бронзовый шлем урартского царя Аргишти I, урартская цилиндрическая печать и шлем царя Сардура (с клинописными текстами), греческие шлемы[92].

Довольно обширным становится и ареал распространения изделий нахских мастеров. Предметы, изготовленные нахскими ремесленниками, обнаруживаются в различных областях Южного Кавказа: в Арцахе (Карабах), вокруг озера Севан, к югу от горы Арарат и т.д. (см. выше). Согласно археологических данных, южными рубежами распространения изделий кобанского типа являются области к югу от озера Урмия (Луристан). Р. Гиршман отмечает, что «место их обнаружения непосредственно указывает путь, по которому поддерживались контакты между Луристаном и Кобанью[93]». Эти контакты, как уже отмечалось выше, убе-

---

[90] Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа... С. 276; Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 349; Техов Б.В. О культурных связях Северного Кавказа и Закавказья в древности // VIII «Крупновские чтения». Орджоникидзе, 1978. С. 191; Kossack G. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // Beitrage zur Allgemeinen und Vergleichenden Archaologie. Band 5, 1983, 140; Нераденко Т.Н. Связи племен Северного Кавказа с населением Центрального Закавказья и цивилизациями Древнего Востока в конце II – начале I тысячелетия до н.э. Автореф. дисс. на соиск. ст. канд. ист. наук. Киев, 1988; Его же: О связях племён кобанской культуры с Закавказьем и Передней Азией в конце II — начале I тыс. до н.э. // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Материалы всесоюзной научной конференции. Орджоникидзе, 1989. С. 38; Белинский А.Б. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА, 1990. № 4. С. 193; Дударев С.Л. Об одной малоазийско-северокавказской археологической параллели VIII–VII вв. до н.э. Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.). Докл. науч. конф. Тирасполь, 2002. С. 87; Его же: Еще раз о времени появления на Кавказе шлемов асирийского типа // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 8-го археологического семинара. Краснодар, 13-15 июня 2001 г.) Краснодар. 202. С. 27 – 30; Чшиев В.Т. Раскопки Адайдонского могильника кобанской культуры в 2006 – 2007 гг. Журнал «Дарьял»: http://www.darial-online.ru/2008_6/chshiev.shtml.

[91] Абрамова М.П. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // «Древности Евразии в скифо-сарматское время». М., 1984. С. 19.

[92] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 349; Техов Б.В. О культурных связях… С. 191. Газдапустай Д. Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу. Автореферат диссертации на соискание учен. ст. канд. ист. н. Л., 1960.

[93] Ghirshman R. Le Tresor de Sakkes. Les origens de L'Art Mede et les Bronses du Luristan // Artibus Asiae, 1950, 13.

дительно свидетельствуют о существовании не только систематических торгово-экономических отношений, но и о прямых этнических связях нахского населения Центрального Кавказа с населением древней Передней Азии[94].

Уходящие в глубь веков, торгово-экономические и культурные связи нахских племен с крупными центрами древневосточного мира, безусловно, представляли собой факторы, стимулирующие ускорение экономического и социально-политического развития нахского общества.

В I тысячелетии до н.э. нахи Центрального Кавказа имели широкие связи с Боспором, Северным Причерноморьем, Поволжьем и т.д.[95] Обнаружение в указанных регионах кобанских предметов подтверждает факт постоянного общения и торговли между их жителями и нахскими племенами. Особенно активизируются эти контакты в VI–III вв. до н.э., о чем свидетельствует значительное количество предметов античного, прикубанского и степного импорта, обнаруживаемое в кобанских поселениях данного периода[96]. В связи с этим заслуживает внимание крупное кобанское поселение, обнаруженного в предместьях Ставрополя. Оно вошло в специальную литературу под названием *Грушевское городище*, хотя материалы раскопок указывают, на мой взгляд, что оно имеет характерные признаки ранних городов древности.

Грушевское городище было укреплено мощными каменными стенами и функционировало с VIII–VII по IV вв. до н.э., играло роль торгового центра, в котором находились и греческие торговые фактории[97]. Ее жители в течение длительного времени вели оживленную торговлю с Боспором (откуда транзитом получали малоазийские товары, в частности амфоры с острова Родоса), Колхидой и регионами Северного Причерноморья, со степными племенами Поволжья и Придонья и

---

[94] В научных кругах нередко высказывается ничем не подкрепленное мнение о том, что связи Северного Кавказа с Передней Азией в основном установились после известных походов киммерийцев и скифов, хорошо освещенных в современной исторической литературе. Однако вряд ли сегодня есть необходимость доказывать кому-либо, что нахи и другие кавказские народы находились в тесных экономических, культурных и политических отношениях с населением переднеазиатских государств еще задолго до появления киммерийцев и скифов. По объективному определению Я.Г. Боузека, киммерийцы, скифы и другие степные племена именно от северокавказцев получали известия о странах Передней Азии и путях к ним (Боузек Я.Г. Кавказ, Греция и Гальштатская Европа в VIII–VII вв. до новой эры // «Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации». Тбилиси, 1981).

[95] Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ... С. 166; Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей (V в до н.э. – XI в. н.э.) Ставрополь, 1999. С. 188; Вольная Г.Н. Зооморфные предметы кобанской культуры из памятников бассейна реки Кубань // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009. С. 55.

[96] Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей… С. 192; Мошинский А.П. Контакты Северного Кавказа со степью и Закавказьем (по памятникам Дигории V–IV вв. до н. э.) // XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Майкоп, 1992.

[97] Прокопенко Ю.А. Указ. соч. С. 185.

т.д.[98] Грушевское городище – это, по сути, полиэтничный город, в котором наряду с основным кобанским (нахским) населением жили в обособленных кварталах эллины (греки), меоты (адыги) и представители степных племен[99].

Возможно, Грушевское городище – именно то место, куда, согласно сообщению Клавдия Юлиана, пришел из Меотиды греческий купец Дионисий и где он купил у махлиев (малхиев) похищенную ими колхидскую девушку (см. выше). Учитывая роль и значимость Грушевского городища как международного торгового центра на Северном Кавказе, не будет преувеличением поставить его в один ряд с Черноморской Диоскурией и рассматривать как своего рода Северокавказской Диоскурией[100].

Сравнительный анализ археологического материала говорит также о постоянном взаимодействии населения кобанской культуры с населением Карпато-Дунайского региона и Альп, принимавшем на разных этапах разные формы[101]. Ряд европейских археологов отмечают заметное влияние кобанской культуры на всю Восточную Европу, в том числе на Карпато-Дунайский регион, Трансильванию и т.д. Этот так называемый восточный импульс оказал влияние особенно в VI–V вв. до н.э. «на ряд изменений в материальной культуре местных племен, в том числе и собственно гальштаттской[102]».

Важно отметить, что археологические данные четко фиксируют активное участие кавказского населения в событиях, происходивших в Центральной и Юго-Восточной Европе в VI–V вв. до н.э., а ученые, указывая на отсутствие в промежуточной зоне между горными территориями Карпат, Альп и Кавказа, в частности в Северном Причерноморье, кобанских изделий, распространенных в Карпато-Дунайском регионе и в Альпах, делают предположение о существовании «приватных контактов, возможно, этнического характера, между Северным Кавказом и Подунавьем[103]».

В середине I тыс. до н.э. отчетливо прослеживается активизация связей Центрального Кавказа со степными культурами скифского типа. Археологический материал свидетельствует не только о наличии торговых контактов, но и об их многогранности и оживленности. В торговле с различными кочевыми племенами обширных степей Восточной Европы и Сибири нахи, безусловно, выступали как

---

[98] Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 86.

[99] Прокопенко Ю.А. Указ. соч. С. 319.

[100] По свидетельствам древних авторов, город Диоскурия (современный г. Сухум) являлся крупным торговым и культурным центром общекавказского значения, куда, по сообщению Страбона, съезжались для торговли представители от 70 до 300 народов.

[101] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 347, 353.

[102] Козенкова В.И. Кобанская культура в XX веке...

[103] Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа... С. 37–39; Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968. С. 146–148; Козенкова В.И. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // «Скифский мир». Киев, 1975. С. 52–73; Козенкова В.И. Специфика некоторых атрибутов костюма древних «кобанцев» // «Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке». М., 2007. С. 273–276.

старший и более опытный партнер, ибо уровень их ремесла, как и общий уровень культурного развития, был значительно более высоким. Нет никаких материальных свидетельств скифского или сарматского импорта (исключая, пожалуй, торговлю медью, которая для кочевых племен была скорее транзитом). Кочевники, вероятнее всего, поставляли нахам продукты скотоводства (собственно скот, кожи, сыры, масло, шерсть, шерстяные ткани) в обмен на продукты земледелия, металлургии и ремесла.

В процессе вовлечения древних вайнахов в международную торговлю важную роль играли транснациональные транзитные дороги, пронизывавшие всю страну. Нахи владели центральнокавказскими перевальными путями, через их земли проходил ряд важнейших международных торговых путей, благодаря чему они выполняли роль посредника в контактах между Древним Востоком и Восточной Европой. Помимо дорог, соединявших Северный Кавказ с Ближним Востоком, по территории нахов пролегала одна из важнейших торговых магистралей, существовавших с древнейших времен, – караванный путь, пересекавший Центральный Кавказ с востока на запад. Эта дорога являлась составным звеном международной торговой трассы, соединявшей государства Средиземноморья со странами Средней Азии и Дальнего Востока[104]. Начинаясь на Каспийском побережье дорога шла через Северный Кавказ и Клухорский перевал выходила к побережью Черного моря, где находились крупные торговые центры древней Абхазии – Диоскурия (Сухум), Питиунт (Пицунда), Гюнес (Очамчира) и др.

От Диоскурии, известного в древности крупного международного центра торговли в Абхазии, дорога поднималась вверх по Военно-Абхазской дороге (Кодорское ущелье) и через Клухорский и Марухский перевалы шла в западные районы Центрального Кавказа. Отсюда одна ее ветвь направлялась в сторону другого центра международной торговли – Грушевского городища, а другая двигалась на восток и, проходя между Боковым и Скалистым хребтами Северного Кавказа близ современного Владикавказа и пересекая многочисленные притоки Сунжи и Терека, шла в Дагестан, где разветвлялась по направлению на юг и северо-восток, и далее – в Среднюю Азию[105]. Торговые пути имели ответвления, которые вели с Северного Кавказа на юг, через перевалы Центрального Кавказа: через Мамисонский перевал, далее по ущельям рек Лиахви, Квирила, Фасиса (Риони) путь лежал к портовым городам Восточного Причерноморья; через Дарьяльский перевал открывался выход в Картли, Албанию и Армению.

Разумеется, сложно представить, что транзитные торговые пути могли существовать среди разрозненных, враждебных друг другу племен Центрального Кавказа. Факт бесперебойного функционирования на Центральном Кавказе в середине I тыс. до н.э. караванных путей является, несомненно, одним из убедительных

---

[104] Дьячков-Тарасов А.Н. Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ // Новый Восток, 1930. № 28. С. 148–156; Акритас П.Г. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа. Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1959. Т. XVI. С. 198–200.

[105] Там же. С. 197–198.

доказательств того, что жизнь на этой обширной территории была упорядочена, а транзитные дороги находились в безопасности, т.е. по ним спокойно, не боясь за свою жизнь и товар, могли ездить купцы. Естественно, такое положение могло быть достигнуто только при наличии достаточно сильной и авторитетной власти, которая должна была следить за безопасностью дорог в своей стране и обеспечивать охрану проходивших по ее территории торговых экспедиций, поскольку транзитные дороги всегда имели важное военно-стратегическое и экономическое значение. Есть веские основания полагать, что для охраны торговых путей нахи выделяли специальные отряды, которые сопровождали караваны или базировались в отведенных для них перевалочных пунктах: на это указывают обнаруженные археологами сторожевые посты[106], которые, вероятно, помимо прочих обязательств, обеспечивали безопасность торговых путей.

Пролегание через Центральный Кавказ крупнейших международных торговых путей, бесспорно, способствовало дальнейшему развитию экономики и культуры древних вайнахов, вовлечению их в орбиту международной торговли, проникновению в производство извне технических усовершенствований и в целом культурных достижений. Благодаря эксплуатации этих путей и взиманию с торговых караванов солидных пошлин социальная верхушка нахского общества быстро обогащалась, что, в конечном счете, вело к ускорению социального расслоения общества.

Достаточная развитость у нахов Центрального Кавказа товарного производства и торговли (внутренней и внешней), особенно в середине и во второй половины I тыс. до н.э., подтверждается и обнаружением здесь монет (как в составе кладов, так и в виде единичных находок) и общих весовых систем. На всей территории кобанской культуры найдено множество самых разных монет: это и трехдрамы Филиппа Македонского, и подражания статорам Александра Македонского, и медные монеты Пантикапея (375–340 гг. до н.э.), и монеты из Антиохии, Боспора, античные монеты[107]. Особую статью составляют образцы различных монет-подражаний: синдонов, римских денариев с типом идущего Марса, статеры Александра Македонского. Среди новых находок имеются уникальные образцы, нуждающиеся в специальном атрибутировании (Грозненский клад 1977 г., монета из погребения № 17 могильника Мартан-Чу и др.[108]). Согласно В.Б. Виноградова, все «это свидетельствует о наличии торговых сношений кобанцев с отдаленными государствами и указывает на товарно-денежные отношения[109]».

---

[106] Козенкова В.И., Сосранов Р.С., Черджиев Э.Л. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии). Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии России. М., 1997. № 1.

[107] Виноградов В.Б. К изучению находок античных монет в Центральном Предкавказье // «Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье». Владикавказ, 1993. С. 6–14.

[108] Виноградов В.Б. Задачи изучения античных нумизматических материалов в древностях Северного Кавказа... С. 26.

[109] Там же. С. 27.

В то же время, несмотря на то, что широкие и многосторонние торговые связи древних нахов зафиксированы археологическими данными, пока еще не найдено никаких подтверждений в пользу наличия у нахов собственной монетно-денежной системы. В археологических раскопках достаточно большом количестве обнаруживаются лишь иностранные монеты. Однако, как известно, отсутствие монетной системы вовсе не означает отрицания социального расслоения общества и отсутствия в нем государственной организации. Например, Мидийское царство, как и предшествовавшие ему раннеклассовые царства, в начале своего существования не знало монет, а позднее ахемениды и греки переняли чеканку монет именно у мидийцев.

В древности было широко распространено использование в качестве монет иных средств обращения и мер стоимости. Выделялась определенная группа предметов, выполнявших роль обменного эквивалента. Еще в конце II тыс. до н.э. у племен Центрального Кавказа имели хождение ранние формы эквивалента стоимости – так называемые первобытные деньги, представлявшие собой бронзовые кинжаловидные подвески[110]. Принадлежность кобанских кинжаловидных подвесок к «первобытным деньгам» можно считать вполне вероятной и допустимой, так как уровень социально-экономического развития кобанских племен в то время в целом уже соответствовал стадии, на которой появляются «первобытные деньги».

По мнению В.М. Батчаева, «стандартность форм, размеров и декора, а также полная идентичность ряда экземпляров как следствие изготовления их в одной литейной форме, свидетельствует о серийном производстве кинжаловидных подвесок[111]», и «не исключено, что важнейшим средством устранения потребительской стоимости товаро-денег явилось (наряду с миниатюризацией) изготовление подвесок с рельефными валиками на клинке[112]». Очень интересны в этой связи и найденные в поселениях кобанской культуры миски, наполненные раковинами каури (Cyprea moneta) со срезанными для нанизывания на нитку вершинами, которые исследователи (Е.П. Алексеева, Е.И. Крупнов и др.) рассматривают как своеобразные денежные клады.

Широкое распространение монет в нахском обществе указывает на достаточный для того времени уровень развития денежного хозяйства, которое, как известно, абсолютно несовместимо с родовым строем. Вовлечение нахских племен Центрального Кавказа в орбиту интенсивных межплеменных и международных торговых связей следует рассматривать как одну из причин заметных изменений внутри родоплеменного общества. Как отмечает В.И. Козенкова, у кобанских племен «наряду с имущественной дифференциацией и накоплением частной собственности шло оформление социальных групп и закрепление их иерархической соподчиненности друг другу. Имущественно обособляется патриархальная семья[113]».

---

[110] Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э... С. 204.

[111] Батчаев В.М. Кобанские кинжаловидные подвески // X «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980. С.16–18.

[112] Там же.

[113] Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа... С. 267.

На существование у древних вайнахов института частной собственности указывают многочисленные штампы-печати местного производства, датируемые началом I тыс. – II в. до н.э. и обнаруживаемые по всей территории бытования кобанской культуры[114], что позволяет говорить об их широком распространении в быту древневайнахского общества. Эти печати применяли, по-видимому, для скрепления как частных, так и официальных документов, а также для охраны и закрепления личного имущества. Как известно, наличие штампа и печати – это прямой показатель особого, привилегированного социального положения человека, которому они принадлежат. Являясь символами собственности, эти атрибуты власти указывают на зарождение и становление института собственности, дальнейшее развитие которого обуславливает появление классового общества. А поэтому есть все основания считать, что владельцы штампов-печатей принадлежали к богатой, торгово-аристократической части нахского общества.

Другой важный признак проявления в нахском обществе I тыс. до н.э. социальной дифференциации – возрастание роли всадничества и повышение его престижности. Согласно новейшим исследованиям, Кавказ является одним из древнейших мест приручения дикого коня и распространения колесного транспорта. Например, в Адыгее, в погребении, относящемся к середине IV тыс. до н.э. – раннему этапу развития так называемой новосвободненской культуры (по названию станицы Новосвободная в Адыгее), была обнаружена единственная известная на сегодняшний день двухколесная повозка[115]. В памятниках майкопской культуры (село Бамут Ачхой-Мартановского района Чеченской республики, Майкопский курган недалеко от г. Майкопа) найдены древнейшие бронзовые псалии, которые «поистине уникальны и не имеют аналогов и представляют собой продукцию местной металлообработки и указывают на появление коневодства на Северном Кавказе в III тыс. до н.э.[116]» Среди археологических материалов майкопской культуры III тыс. до н.э. были обнаружены также самые древние из известных к настоящему времени конские протопсалии, которые, по мнению исследователей, явились прототипами псалии Передней Азии[117].

В эпоху расцвета кобанской культуры можно уже говорить о существовании вековых традиции коневодства и о повсеместном распространении как верховых, так и тягловых лошадей. Согласно археологическим материалам, у древних вайнахов коневодство всегда было важной частью животноводства и играло зна-

---

[114] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 162.

[115] Кондрашов А.В., Резепкин А.Д. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА, 1988. Вып. 193; Резепкин А.Д. Проблема происхождения колесного транспорта и его появления на Северном Кавказе // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 2005.

[116] Мунчаев Р.М. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 75; Ковалевская В.Б. Конь и всадник (пути и судьбы). М., 1977. С. 69–70; Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ... С. 67-68.

[117] См.: Ковалевская В.Б. Указ. соч. С. 70.

чительную роль в хозяйственной жизни: почти во всех кобанских могильниках и поселениях обнаружены удила, псалии и кости лошадей. При этом в жизни кобанцев лошади занимали в сравнении с другими видами животных четвертое место, т.е. на их долю приходилось от 4 до 10 % в общем поголовье[118]. На Северном Кавказе выявлены два вида лошадей – тяжеловозы, использовавшиеся как тягловая сила, и верховые. Археологи отмечают, что «уже в IX–VIII вв. до н.э. лошадь становится на Северном Кавказе основным средством передвижения[119]». Многочисленные глиняные фигурки лошадей и детали конского снаряжения − удила и псалии, их изображения на бронзовых топорах и керамике (достаточно отметить всемирно известное навершие булавки с изображением всадника из собрания Венского музея, булавки с головками лошадей из Сержень-Юрта и др.[120], подчеркивают особое значение, которое имело это животное для населения кобанской культуры, т.е. о культе коня у нахских племен[121].

Уже в IX в. до н.э. появляются элитные погребения богатых воинов-всадников с конями (Сержень-Юрт, Зандак, Клин-Яр III). Лошадь стала показателем престижности и военного лидерства влиятельных представителей племен, что можно расценивать и как одно из проявлений возросшего социального неравенства. Эти факты вкупе с большим количеством бронзового и железного оружия, обнаруженного в захоронениях мужчин, бесспорно, можно воспринимать как свидетельство наличия у нахов к тому времени войск (военных дружин).

Одной из существенных причин ускорения объединения нахских племен следует считать реально существовавшую внешнюю угрозу, особенно опасность грабительских вторжений со стороны кочевых племен. Как известно, теория существования кочевых племен исходит из следующих факторов: 1) жадной, хищнической природы; 2) необходимости поисков дополнительных источников существования путем разбоя и грабежа[122]. Соседние с кочевниками оседлые народы все время находились в ожидании нападения кочевников. Нахаматия же располагалась на перекрестке великих торговых и военных путей и одновременно непосредственно граничила в степях Северного Кавказа с кочевыми племенами и, соответственно, находилась под постоянной угрозой нашествия со стороны последних. Эти обстоятельства диктовали необходимость обеспечения защиты страны и ее мирного населения путем объединения военных сил всех нахских племен. Таким образом, враждебная внешняя обстановка и угроза вторжения со стороны кочевников побуждали нахские племена к этнической консолидации и созданию объединенных вооруженных сил.

---

[118] См. Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 30-311; Козенкова В.И. Указ. соч. С. 15; Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Указ. соч. С. 167.

[119] Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Указ. соч. С. 167.

[120] См.: Ковалевская В.Б. Указ. соч. С. 70.

[121] Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Указ. соч. С. 167.

[122] Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Крадин Н.Н. Введение: социальная эволюция, альтернативы и номадизм // «Кочевая альтернатива социальной эволюции», серия «Цивилизационное измерение». Москва, 2002. Т. 6. С. 17.

Существование таких объединенных вооруженных сил нахских племен Центрального Кавказа уже в начале I тыс. до н.э. засвидетельствовано археологически. Так, на левом берегу Терека, у сел. Садовый близ Моздока (Северная Осетия) и возле хутора Веселая роща, расположенного на Ставропольском плато, на левом берегу р. Томузловки, севернее знаменитого Краснознаменского могильника, найдены элитные погребения воинов – представителей разных локальных вариантов кобанской культуры IX–VIII вв. до н.э., обладавших высоким социальным статусом[123]. Большинство признаков погребального обряда этих могильников и особенности погребального инвентаря, особенно керамики, документируют «процесс постоянного взаимодействия разных, но близкородственных групп населения, внутри одного и того же кобанского ареала[124]».

Эти памятники рассматриваются как свидетельство того, что на северных рубежах ареала кобанской культуры, по всему периметру границы со степными инокультурными племенами Предкавказья функционировал на постоянной основе особый военизированный отряд, состоявший из представителей разных племенных групп. Отряд вступал в «мирные и немирные – контакты со всеми чужеземцами, проникавшими в Предкавказье, велись переговоры, осуществлялся взаимный обмен вещами и идеями[125]». Основные функции таких объединенных приграничных военных отрядов заключались, вероятно, в защите северных рубежей страны, предотвращении возможных внезапных вторжений кочевых племен, охране торговых путей и обеспечении безопасности транзитной торговли, обеспечении правопорядка т.п.

Постоянное и долговременное существование объединенных военных сил, разумеется, было бы невозможно без наличия единого центра власти, единого военного командования, признаваемого всеми племенами. Такой форпост может рассматриваться как свидетельство объединения нахских племен во главе с высшим органом власти (*Совет племен, Совет страны, Совет старейшин* и т.д.), руководимым человеком, в руках которого было сосредоточено командование. Можно вполне допустить, что непрекращающаяся угроза грабительских набегов со стороны кочевых племен требовала от нахского общества более сильной централизации и жесткой дисциплины, которые, в свою очередь, способствовали созданию институтов племенного и межплеменного управления, т.е. государственного объединения.

Ведя на протяжений длительного времени совместную борьбу против захватнических и грабительских устремлений внешних врагов (в большей степени, вероятно, против кочевников), они ощущали себя не только частью своих родных племен, но также все чаще осознавать единство со всеми этнически родственны-

---

[123] Козенкова В.И., Сосранов Р.С., Черджиев Э.Л. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре... С. 53; Кореневский С.Н., Петренко В.Г.,. Романовская М.А. Анапская экспедиция в 1973 – 1984 гг. М., 1986. С. 56. Рис. 4.

[124] Козенкова В.И., Сосранов Р.С., Черджиев Э.Л. Указ. соч. С. 53.

[125] Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе… С. 32, 33; Козенкова В.И., Сосранов Р.С., Черджиев Э.Л. Указ. соч. С. 53.

ми нахскими племенами. Уже само чувство принадлежности к такому сильному объединению, способному противостоять внешней агрессии, играло роль консолидирующего фактора, способствовало росту этнического и политического самосознания нахов. Все это неминуемо вело к сплочению общества и формированию крепкого государственного образования.

Еще со второй половины II тыс. до н.э. предметы быта и культа, стилистические особенности художественного творчества кобанских племен, в которых проявилась их духовная культура[126], становятся однотипными, тем самым отражая этнокультурную однородность населения. Б.В. Техов пишет: «Рассматривая данные археологии и антропологии, можно прийти к выводу, что в конце II и I тысячелетии до н.э. на территории Центрального Кавказа процветала однородная т.н. кобанская культура, которая была создана племенами, достигшими высокого уровня развития металлургии и изобразительного искусства[127]». Весьма примечательно то, что, если археологический материал конца II – начала I тыс. до н.э. все еще констатирует относительное постоянство территорий локальных вариантов кобанской культуры, то начиная уже с VII–VI вв. до н.э. фиксируется смешанный характер, подвижность, а то и размытость границ всех трех вариантов[128]. С этого периода становится уже все более сложно уловить какие-либо границы между локальными вариантами, а также их выраженные отличительные черты, более того – происходит определенная нивелировка существовавших ранее особенностей локальных групп, что указывает на достаточно углубившийся процесс объединения различных нахских племенных групп в единое экономико-политическое образование

Уже сам факт создания в рассматриваемый период на всей территории Центрального Кавказа однородной в основных чертах материальной и духовной культуры является трудно оспариваемым показателем значительного и неуклонного прогресса на пути общественного и культурного развития нахского общества. Прогресс этот можно наблюдать на примере дальнейшего развития производительных сил и отраслей производства – земледелия, скотоводства, металлургии и ремесла, а также усиления внутреннего и международного обмена.

Таким образом, уже к первой половине I тысячелетия до н.э. нахское общество предстает перед нами как хорошо организованное и активно развивающееся, культивирующее формы производящего хозяйства, в котором обеспечивается достаточно высокий прибавочный продукт. Вся совокупность накопленного к сегодняшнему дню материала позволяет с полным основанием говорить о том, что к указанному времени нахское общество вступило в новый этап своего развития, когда в результате совершенствования земледельческо-скотоводче-

---

[126] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 326; Техов Б.В. О культурной общности горных районов… С. 53.

[127] Техов Б.В. Указ. соч. С. 53.

[128] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 388–389; Козенкова В.И. Рецензия на книгу Виноградова В.Б. «Центральный и Северо-Восточный Кавказа в скифское время» // СА, 1974. № 2. С. 283.

ской экономики и металлургии, развития торговли и накопления прибавочного продукта произошла имущественная дифференциация общества, изменилась его социальная структура. Имеются достаточно выразительные свидетельства того, что уже в первой половине I тыс. до н.э. нахское общество состояло из разных социальных групп, каждая из которых выполняла только ей свойственные функции.

Как известно, социальное расслоение общества и возникновение групп (слоев) с противоположными интересами обычно приводит к тому, что существовавшие ранее правила и нормы поведения уже не могут выполнять роль универсального регулятора общественной жизни. При этом сами социальные группы вообще не могут функционировать, не будучи органически связанными между собой и не имея единых, признаваемых всеми членами общества правил поведения и сложившихся четких механизмов взаимодействия. Возникает необходимость упорядочивания взаимоотношений между земледельцами, скотоводами, ремесленниками, торговцами и др. группами населения, выработки в этих целях новых, единых, правил поведения и соблюдения этих правил всеми членами общества, поскольку общество как система жизнеспособно только в совокупности всех своих элементов, а нахи предстают перед нами в I тыс. до н.э. именно таким обществом – сильным, крепким, бурно развивающимся.

Необходимо, конечно, оговориться, что речь идет о длительном переходном периоде, в течение которого новые, только возникшие, социальные нормы сосуществовали с предшествовавшими им институтами родоплеменного строя. Как отмечают специалисты, обычно, на таких переходных этапах элементы зарождающейся государственной власти вплетаются в давно сложившиеся устои, и определить, где идет речь о новой государственности, а где продолжают действовать старые традиции вождества, во многих случаях невозможно[129].

В то же время мирное сосуществование племен требовало создания устойчивых правовых принципов межплеменных контактов. Большую роль в возникновении и развитии этих принципов играли, по-видимому, союзные отношения, которые объединяли племена, как на временной, так и на постоянной основе. Кроме того, жители также вступали и в обычные культурно-экономические связи, наиболее очевидные в географически ограниченных областях. Конечно, излишне говорить, что нередки были и военные конфликты между племенами, но в интересующий нас период – первая четверть I тыс. до н.э. (до скифского нашествия), археологический материал не фиксирует на территории Центрального Кавказа каких-либо военных столкновений. Напротив, такие факторы, как отсутствие укрепленных поселений внутри страны и устойчивая тенденция увеличения их количества, рост производства, развитие торговли, функционирование международных транзитных путей и т.д., указывают на то, что жизнь в этом регионе протекала мирно. И в совокупности с другими факторами это позволяет предполагать существование к указанному времени не

[129] Гуляев В.И. Скипетр и держава: к вопросу о царской власти у древних майя... С. 45 и далее.

просто постоянных межплеменных связей, а крупного объединения нахских племен, для нормальной жизнедеятельности которого требовались единые для всего населения правила и нормы поведения, т.е. законы, которым подчинялись бы все.

5. Религия

Как известно, в древности, особенно на заре становления государственности, наиболее сложившейся идеологической силой, выступавшей исключительным гарантом исполнения людьми правил поведения в обществе, являлась религия. Поэтому процессу формирования новых социальных норм всегда сопутствовало создание нового, единого для всех бога, который возвышался бы над всеми племенными и родовыми божествами одновременно и объединял бы их в качестве верховного бога. Для древнейших земледельческих племен Передней Азии, Месопотамии, Кавказа, долины Нила и т.д. таким Верховным божеством всегда выступало солнце. Служители культа солнца – жрецы, владея передовыми для того времени знаниями о движении небесных тел, формировали представления о временах года, составляли агрокалендари, т.е. устанавливали циклы и сроки сельскохозяйственных работ, которые сопровождались религиозными обрядами поклонения Верховному божеству солнце.

Все это хорошо прослеживается и в нахском обществе I тыс. до н.э. Как уже отмечалось выше, культ солнца и огня, причем в развитом виде, в кобанской культуре проявляется четко. Археологическими находками фиксируется также существование культов домашнего очага, общинных и общеплеменных святилищ[130]. Как отмечает Е.И. Крупнов, археологические данные указывают с высокой степенью достоверности на существование общекобанских святилищ[131].

Этнографический материал безоговорочно свидетельствует, что общекобанским, единым для всех нахских племен божеством был Верховный бог солнца Малх. Факт поклонения нахского населения культу Малх как Верховному богу, его верховенства над всеми другими божествами (семейно-родовыми, общинными, племенными), играющими по отношению к нему подчиненную роль, не подлежит сомнению. Многочисленность солярных знаков в памятниках кобанской культуры, свидетельствует не только о проникновении культа солнца «на все уровни миросозерцания местного населения от племенных объединений до отдельной семьи», как это справедливо отмечают археологи[132], но и о высокой степени развития у нахских племен религиозного мышления.

Наличие высокоразвитого для того времени религиозного мышления, вероятно, и обусловило появление жрецов – особой группы отправителей этого культа. По-видимому, к тому времени из нахского общества уже выделяется жреческая

[130] Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе… С. 40.

[131] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. С. 360, 363.

[132] Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие… С. 430.

каста, представители которой находятся в особом положении, о чем свидетельствуют, расположенные особняком среди кобанских памятников святилища и жреческие погребения (Сержень-Юрт, Клин-Яр, Гастон Уота и др.) Во многих крупных поселениях кобанской культуры обнаружены могильные комплексы жрецов, выпадающие из общего ряда коллективных погребений[133]. Так, например, в поселениях Гастон Уота (Дигория), Клин-Яр (близ г. Кавмин-Вод) выявлены могильники жрецов (в т.ч. воина-жреца в Клин-Яре). По-видимому, каждый из погребенных при жизни имел особый социальный статус и был наделен сакральными полномочиями[134]. Иными словами, отправители культа солнца – главные жрецы Верховного бога Малх, сосредотачивали в своих руках не только высшие полномочия в религиозной сфере, но занимали высокие места в социальной иерархии.

О значительной роли жрецов в нахском обществе I тыс. до н.э. говорит и найденный при археологических раскопках агрокалендарь[135]: он достаточно убедительно свидетельствует о том, что нахские жрецы обладали знаниями о движении небесных тел и использовали их для ведения как прогрессивного для того времени земледелия, так и в целом сельского хозяйства.

Таким образом, в нахском обществе с одной стороны имеем культ верховного бога Малх и пантеон божеств с четко оформленной структурой, а с другой, особую касту жрецов – его служителей. Такое положение было возможно лишь при наличии глубокой социальной дифференциации и государственной организации общества – в тех или иных формах. Единая религия с единым верховным богом для складывающегося раннегосударственного аппарата нахов служила не только консолидирующим фактором, но и идеологически обслуживала его. Поклонение единому Верховному богу способствовало духовному единению всех жителей страны и обеспечивало целостность государственной системы, что было весьма актуально при географической изолированности многих племен в горных условиях.

Свидетельством важной роли религии в жизни нахов и показателем достижения нахским обществом высокого для того времени уровня духовного развития служит сам факт использования соседними племенами имени верховного бога Малх в качестве этнонима для всего нахского населения. В свою очередь, существование общих для всех нахов иноназваний (*малхи//махли, кавкасиани, масахи*) является несомненным доказательством восприятия нахов окружающими этносами как единого целого, что, естественно, могло иметь место лишь при далеко продвинувшемся процессе этнической и политической консолидации *нахских* племен.

Важным подтверждением такой консолидации является и наличие общего самоназвания нах, или, как отражают это название древние источники, *наха*мат

---

[133] Белинский А.Б. Могильник Клин-Яр III… С. 44; Мошинский А.П. Древности горной Дигории… С. 34.

[134] Там же. С. 34. См. также: Флеров В.С., Дубовская О.Р. Мужские погребения кобанского могильника Клин-яр III в г. Кисловодске. Вып. 1. М., 1993.

[135] Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 155.

(*нахамат-еанк*). Общее самоназвание, как известно, является отражением общего самосознания и свидетельствует о глубоком понимании членами этноса как своего особого единства, так и своего отличия от членов других подобных общностей[136]. Сознание такой общности формируется на сравнительно высокой ступени социально-политического развития[137]. Таким образом, не только сама нахская этническая общность осознавала себя единым целым, но таковой воспринимали ее и соседние этнические общности, что трудно представить вне существования единого политического образования с единым центром власти.

Как целостное общество во главе с единым правителем рассматриваются нахи в первой половине I тысячелетия до н.э. и в Хронике Леонти Мровели. В своем сообщении древнегрузинский историк уверенно заявляет, что «владыкой над кавкасианами был Дурдзук[138]». У Леонти Мровели каждый термин несет строго определенную нагрузку[139]. Так, например, при описании Картли периода, когда все племена были едиными и находились в подчинении одного правителя Мцхетоса, Леонти Мровели именует его «владыкой над четырьмя своими братьями». Однако при описании периода разобщенности и раздробленности страны грузинский историк вместо термина *владыка* использует другой термин – *мамасахлис* (*старейшина, знатный, тавади*). Информируя о сложившемся положении в Картли после смерти Мцхетоса, Леонти Мровели сообщает, что меж сыновьями Мцхетоса возникла смута и междуусобица: «Не повиновались и не признавали его, Уплоса, сына Мцхетоса, владыкой, что был посажен на престоле Картлоса, ибо отцом его было [ему] дано право над картлосианами. …называли его мамасахлисом[140]». Между племенными группами шла борьба, и «никто не был среди них ни самым знатным, ни самым именитым, но повсюду ставили они главарей (тавадни[141])».

В стране Кавкаса, Леонти Мровели называет лишь одного владыку – Дурдзука, сына Кавкаса, которому отцом было дано право власти над всеми братьями. Леонти Мровели не сообщает ничего, что могло бы указывать на разобщенность племен и отсутствие у кавкасиан единого центра власти. Здесь нет ни военных предводителей, ни племенных старейшин, ни знатных родовых групп, ни эриставов, ни тавадов, т.е. никого кто бы оспаривал власть владыки Дурдзука над всеми кавкасианами (нахами). Перед нами общество, в котором право на власть (*владычество*) над всеми нахскими племенами (кавкасиани) со стороны Дурдзука уже имеет определенную традицию и воспринимается всеми как нечто само собой разумеющееся.

Сведения Леонти Мровели, несомненно, свидетельствуют не только об углублении политической консолидации нахских племен, но и о существовании уже в

---

[136] Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 98.

[137] Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток... С. 168.

[138] Мровели Леонти. С. 25.

[139] См.: Болтунова А.И. Возникновения классового общества и государственной власти в Иберии // ВДИ, 1956. № 2. С. 34.

[140] Мровели Леонти. С. 24.

[141] Болтунова А.И. Указ. соч. С. 34–35.

начале I тыс. до н.э. нахского государственного объединения во главе с признаваемым всем населением единым правителем (владыкой), которому подчинялись и объединенные воинские силы. Однако, при этом, надо полагать, что права главы нахского государственного объединения ограничивались советом территориальных и племенных общин, старейшин.

Интенсивному общественному прогрессу нахских племен Центрального Кавказа способствовали и переселившиеся сюда южнонахские и урартские племена, носители переднеазиатских культурных и государственных традиций. Органически слившись с нахскими племенами, они, по-видимому, сыграли активную роль в ускорении социально-политических изменений в Нахаматии. В условиях достаточно высокого уровня развития производительных сил, имущественной и социальной дифференциации с выделением военно-родового и жреческого слоя, приход племен из урартских областей, несущих переднеазиатские культурные традиции, несомненно, должен был способствовать ускорению превращения объединения нахских племен в государственное образование.

Отсутствие соответствующих данных, не позволяет проследить сам процесс становления. Можно лишь предположить, что, помимо всего прочего, имела место борьба за главенство между объединением нахских племен Центрального Кавказа и пришлыми южнонахскими и хуррито-урартскими племенами. А поскольку в ряде нахских этнонимов и названий религиозных культов, в том числе и в имени верховного бога нахов – Малх, выявляются древние переднеазиатские имена, можно предположить, что становление основ государственности проходило под началом племен, пришедших из Передней Азии. Однако, безусловно признавая мощное культурное и политическое влияние на нахское общество племен, пришедших на Центральный Кавказ из Урарту, нет уверенности в том, что указанные имена принесли в этот регион именно они. Есть основания полагать, что часть этих названий существовала на Кавказе еще до того, как сюда после падения Урартского царства переселились урартские племена. Во всяком случае, для автора этих строк, совершенно очевидно, что термины *нах, дурдзук, малх* были в ходу среди нахских племен Центрального Кавказа еще в конце II – начале I тысячелетия до н.э. Не исключено также, что изначально появление этих названий в центральных и южных областях Урарту связано именно с перемещением на эти территории в конце II тысячелетия до н.э. (или еще ранее) какой-то части нахского населения Кавказа, которая впоследствии, уже вместе с другими племенами, переместилась обратно на Кавказ, в места прежнего проживания.

Словом, подводя итог вышесказанному, можно с определенной доли уверенности утверждать, что в I тысячелетии до н.э. нахское общество обладало основными необходимыми условиями и предпосылками для формирования нахской государственности и становления государства, о чем свидетельствует совокупный анализ имеющегося на сегодняшний день материала. И прежде всего это:

– «поразительное единство памятников материальной культуры на пространной территории, занятой позднекобанской культурой[142]» (хотя и с ло-

[142] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 339.

кальными особенностями), которое можно рассматривать только как следствие этнической и политической консолидации родственных племен;
- развитое земледелие, требующее высокой организации коллективного труда, одного из существенных стимуляторов политической консолидации;
- развитое скотоводство – как в горных, так и равнинных районах, одного из главных источников повышения уровня жизни населения;
- высокий уровень развития металлургии и металлообработки, в последней из которых ведущее место занимает производство железного боевого оружия, поражающего своим обилием и разнообразием, а также сельскохозяйственных орудий – основы экономики страны и политической власти;
- многопрофильное ремесленное производство, в т.ч. керамическое: посуда, емкости для хранения зерна и различных сельскохозяйственных продуктов;
- увеличение численности населения и площади занимаемой им территории;
- благоустроенные крупные городища и поселения, выступавшие уже как центры торговли и ремесла;
- активное развитие внутренней и международной торговли, наличие транзитных торговых путей, дававшее этому развитию мощный импульс;
- усложнение структуры общества и деление его на социальные слои;
- установление единого для всех нахских племен религиозного культа (солнца) с верховным богом (Малх), призванного дать идеологическое оправдание происходившим в обществе социально-политическим изменениям и узаконить сложившееся статусное неравенство;
- наличие единого самоназвания и общих иноназваний, свидетельствующее о том, что нахи воспринимались как единое целое как ими самими, так и соседствовавшими с ними племенами;
- существование единого центра власти;
- этнические, экономические и культурные связи с крупными центрами древневосточного мира, имевшими более развитую экономику и ранее сложившуюся государственность, способствовавшие ускорению экономического и социально-политического развития нахского общества;
- наличие внешней угрозы со стороны степных кочевников, усиливавшее стремление нахов к этнической консолидации, обострявшее их этнополитическое самосознание, содействовавшее объединению.

Таким образом, нахское население Центрального Кавказа первой половины I тыс. до н.э. предстает перед нами переживающим ранний этап становления государственности. Это обстоятельство вынуждает отнестись более внимательно к данным письменных источников об истории и культуре нахских племен рассматриваемого периода, какими бы скудными и отрывочными они ни были.

Однако поступательное и прогрессивное развитие нахских племен было нарушено нашествием полчищ кочевых племен в VII в. до н.э. Вторжение огромных масс кочевых племен, находившихся на более низком уровне культурного раз-

вития, имело весьма тяжелые последствия для формировавшегося государственного организма нахов, практически был прерван процесс становления нахского государства. Поэтому прежде чем продолжить изучение первоисточников о ходе формирования нахского государства, целесообразнее будет коротко остановиться на взаимоотношениях нахов с кочевыми племенами, вошедшими в историю под названием скифы.

Глава VII

НАХИ И СКИФЫ

Северный Кавказ относится к числу так называемых контактных зон – территорий, где на протяжении тысячелетий соприкасались и оказывали друг на друга влияние оседло-земледельческие и кочевые культуры. Начиная с эпохи бронзы здесь проходила граница между этими двумя мирами, в каждом из которых были свои нормы общественной жизни. Оседлые земледельцы и скотоводы-кочевники в своем историческом развитии продвигались разными путями, развивая отличные друг от друга формы производящего хозяйства, системы мировоззрения и культурные ценности, однако, по сути, представляли собой две стороны одной медали – древней цивилизации, генезис которой во многом определялся процессом взаимовлияния и взаимопроникновения двух культур[1]. Отражение этих взаимосвязей обнаруживается в культурно-историческом наследии Северного Кавказа, что свидетельствует о том, что оседлое земледельческое население Кавказа на протяжении тысячелетий постоянно контактировало с различными по своему происхождению и этнической принадлежности кочевыми племенами – ираноязычными, тюркоязычными, финно-угорскими и др., обитавшими, сменяя друг друга, на обширных степных просторах Евразии.

Как отмечают почти все древние и современные историки, при определении характера этих контактов следует иметь в виду, что захватнические войны и грабительские набеги являлись неотъемлемой частью образа жизни кочевников, что война была для них способом производства[2]. Поэтому Кавказ довольно часто подвергался нашествиям полчищ кочевников. Будучи частью древневосточной цивилизации, народы Кавказа одновременно выступали и ее защитниками, своего рода щитом, надежно заслонявшим Переднюю Азию от нашествий воинственных кочевых племен. Именно здесь, на подступах к Кавказу с севера, орды кочевников, вторгавшиеся с целью грабежа в богатые земледельческие страны, получали первый отпор. Так случилось, что из письменных источников мир узнал о крупных нашествиях кочевых племен, которые, преодолев кавказский барьер, достигли Передней Азии, неся с собой смерть и разорение. Нет сомнения в том, что история умалчивает о многих не менее жестоких и разрушительных

---

[1] Кудрявцев А.А. К вопросу об этно-социальной принадлежности погребенных могильника № 2 Татарского городища… С. 156.

[2] См.: Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Крадин Н.Н. Введение: социальная эволюция, альтернативы и номадизм... С. 26; Селецкий Б.П. Некоторые случаи миграции кочевников, сыгравшие решающую роль в развитии оседлых обществ // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III археологического семинара, часть I). Новочеркасск, 1992. С. 78.

походах кочевников, остановленных воинами-кавказцами на северокавказских рубежах ценой больших жертв.

В то же время кочевников характеризовала не только склонность к разбою, грабежам, насилию. Им были свойственны и такие черты, которые позволяли на продолжении длительного времени мирно сосуществовать с народами Кавказа, тем самым способствуя возникновению в зонах контактов смешанных культур.

В рассматриваемый период крупное нашествие кочевников на Кавказ и Переднюю Азию, вошедших в историю под именем *скифов*, имело место в 70-е гг. VII в. до н.э. Это нашествие было столь разрушительным и ужасным для оседло-земледельческого населения стран Кавказа и Передней Азии, что воспоминания о нем сохранились на многие в., а термин *скиф* стал синонимом варварства, дикости[3].

Вопрос о происхождении скифов и их культуры до сих пор остается дискуссионным. С точки зрения археологии взгляды на данную проблему в основном сводятся к двум концепциям. Первая, именующаяся в науке *автохтонной*, основана на предположении о генетической связи скифов с носителями так называемой срубной археологической культуры. Согласно этой версии, скифы, локализуемые до середины II тыс. до н.э. в Поволжье и Приуралье, в течение короткого времени широко распространились по Восточной Европе (Б.Н. Граков, М.И. Артамонов). По второй версии, восходящей еще к Геродоту и называемой *центральноазиатской*, скифы появились в Восточной Европе вследствие их передвижения из глубинных районов Азии (В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин). Археологическим отражением данного процесса сторонники центральноазиатской версии считают внезапное появление в VII в. до н.э. на западной периферии Евразийской степи, т.е. в Причерноморье, элементов скифской культуры, и в первую очередь так называемой скифской триады (оружие, конское снаряжение, звериный стиль), не имеющей прототипов в ранней причерноморской культуре.

На протяжении многих десятилетий в научной литературе доминировала теория о европейских корнях скифов, косвенным подтверждением которой стало европеоидное, а не монголоидное строение черепов найденных останков, то в результате археологических исследований последних десятилетий, особенно раскопок скифских захоронений VIII–VII вв. до н.э. в Туве, в *Долине царей*, в вопрос об этногенезе скифов была внесена некоторая ясность. Центральноазиатская версия значительно усилила свои позиции, и теперь большинство скифологов скло-

[3] У древних и средневековых авторов термин *скиф* синонимичен термину *варвар* и обычно используется для обозначения северных народов. Одно и то же наименование – *скифы*, распространяется на различные этнические группы, поскольку решающим фактором здесь является не этнография, а география – важна не этническая принадлежность того или иного народа, а территория, которую он занимает. Так, «земля, традиционно известная как *Скифия*, дает название и довольно часто менявшимся ее обитателям. Каждый автор мог вкладывать в понятие *скифы* свой собственный смысл, и термин этот не всегда будет обозначать один и тот же народ» (см.: Нечаева Е.Н. Понятие скифы в приложении к варварам во времена поздней империи (по фрагментам сочинения Приска Панийского) // Жебелевские чтения – 2. Тезисы докладов научной конференции. 26–27 октября 1999 г. СПб., 1999. С. 20–21).

няются к тому, что скифские племена пришли в Причерноморье из Центральной Азии в VII в. до н.э.

Спорным остается также и вопрос об этнической принадлежности скифов[4]. Существует несколько версий – иранская, тюркская, монгольская, кавказская, славянская и кельтская, из которых в последнее время наибольшее распространение получили иранская и тюркская. Также выдвинуто предположение о том, что начиная со скифо-сарматской эпохи весь кочевнический массив был изначально представлен как иранскими, так и тюркскими этническими компонентами, причем их соотношение в разных регионах в разное время варьировалось[5]. Но как бы то ни было, теория об иранском происхождении скифов и сарматов, выдвинутая и разработанная такими известными учеными, как К. Мюлленхоф, В.Ф. Миллер, И. Фасмер, В.И. Абаев, Л. Згуста, И.И. Оранский, Э.А. Грантовский, Я. Харматта, сегодня имеет более солидную научную аргументацию, чем все остальные[6].

---

[4] Литература по истории, культуре и языку древних кочевников Евразии (ираноязычных, тюркоязычных и др.) необычайно обширна, и с каждым годом ее становится все больше. В работе не ставится задача критического обзора этой литературы. Следует отметить лишь, что процесс изучения проблемы языковой и этнической принадлежности скифов, сарматов, алан в историографии имеет свои особенности и прошел определенные этапы. Если выдающиеся исследователи, работавшие на первом этапе (конец XIX – первая половина XX вв.) изучения евразийских номадов: В.Ф. Миллер, М.И. Ростовцев, Н.Я. Марр, И.А. Джавахишвили и др., в вопросе языковой принадлежности указанных племенных групп были достаточно осторожными и их гипотезы и выводы не были однозначными, то с 40-х гг. XX в. становится доминирующей традиция провозглашения и доказательства поголовной ираноязычности кочевников евразийских степей. Такое однобокое и тенденциозное освещение истории того времени ученые справедливо связывают с советским тоталитаризмом (сталинизмом), особенно с трагическим периодом истории народов Северного Кавказа, когда ряд кавказских народов были репрессированы и высланы в Среднюю Азию (1944–1957 гг.) В этой связи трудно не согласиться с известным кавказоведом В.Б. Виноградовым, который писал: «Последствием этого пагубного проявления тоталитаризма стало безоглядное засилье лингвистической концепции сплошной ираноязычности древних кочевников Восточной Европы, активная разработка и широкое внедрение которой фактически совпало со становлением сарматоведения в качестве особой отрасли археолого-исторических знаний, монотонно окрасив его и предрасположив к огульному отрицанию, игнорированию любых иных версий и аргументов» (Виноградов В.Б. К состоянию этнолингвистической атрибуции сарматов // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград, 1994. С. 34-35).

[5] Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963; Исмагилов Р.Б. Ранние скифы и Центральная Азия. Автореферат диссертации на соискание учен. ст. канд. ист. н. СПб., 1993.

[6] Наиболее основательно проблема скифского языка исследована в серии работ С.Р. Тохтасьева, опубликованных в последние два десятилетия. На основе всестороннего анализа данных, имеющихся о скифском языке С.Р. Тохтасьев пришел к выводу о глубоком различии между скифским и сарматским языками и о необходимости отказаться от теории скифо-сармато-осетинского континуума (см.: Тохтасьев С.Р. Проблема скифского языка в современной науке // Ethl1ic Contacts and Cultural Excanges North and West of the Black Sea frorn the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Ia §I, 2005.

Согласно этой теории, скифские и сарматские племена говорили на языках, родственных языкам современной восточноиранской лингвистической группы[7].

Вторжение кочевых племен скифов на Кавказ и в Переднюю Азию в VII в. до н.э. задокументировано археологическими находками, причем появление скифов в Передней Азии подтверждается ассирийскими и урартскими иероглифическими надписями, а также раннеантичными письменными источниками. Что же касается первых нашествий кочевников на Кавказ, имевших место в середине I тыс. до н.э., и их отражения кавказскими народами, то единственным письменным источником, в котором сохранились сведения об этих событиях, является произведение Леонти Мровели. Ценность сведений об этом периоде, заложенных в труде грузинского историка, сегодня признается в научном мире, и многие исследователи при реконструкции истории народов Северного Кавказа I тысячелетия до н.э. часто опираются именно на них. Однако здесь мы сталкиваемся с очень странным фактом: в большинстве работ по древней истории Северного Кавказа данные Леонти Мровели используются не целиком, а выборочно, причем отбираются в основном лишь те свидетельства, которые касаются пришлых кочевников – хазар. Самое пристальное внимание уделяется вопросам о том, кто такие хазары, ираноязычные они или тюркоязычные, был ли у них царь или нет; идет ли речь о нашествии скифов в VII в. до н.э., о вторжении гуннов в IV–V вв. н.э. или, собственно, о самом Хазарском каганате; через какие перевалы Кавказа хазары вторглись в Переднюю Азию; существовало ли в действительности скифское царство – если да, где оно находилось и т.д. и т.п.

При этом почему-то упускается из виду присутствие на Кавказе самих кавказцев, а содержащейся в источнике информации об автохтонных кавказских народах, т.е. собственно о тех, кому посвящает свой труд древнегрузинский историк, уделяется недостаточно внимания – порой эта информация вообще игнорируется. Если же кавказские народы и удостаиваются внимания исследователей, то лишь постольку, поскольку это требуется для более полного освещения тех или иных вопросов, связанных с историей пришлых кочевых племен, а также для определения степени их влияния на автохтонное население Кавказа и т.д.

Стоит ли говорить, что реконструируемая в подобных работах древняя история народов Северного Кавказа выглядит неполной и весьма ущербной. Вне всяких сомнений, изучение истории древних кочевников Европы и Азии очень важно, поскольку кочевые племена Евразии оказали значительное влияние на окружавшие их народы, в том числе и на кавказцев. Однако историю кочевых племен

Р. 59–108; Его же: Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии // EYXAPILTHPION. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб. 2007. С. 82–118).

[7] Сейчас в восточноиранскую группу иранских языков входят памирские языки (шугнано-рушанский, мунджанский-йидга), афганский (пашто или пушто), осетинский и ягнобский. При этом специалисты отмечают, что подобная классификация зиждется главным образом на данных лингвистики, что менее приемлемо в историко-культурном плане, т.к. сама культура древних восточноиранских племен генетически связана с иранской и индоиранской культурами, которые, в свою очередь, восходят к эпохе праиндоевропейского единства.

все же следует рассматривать отдельно от истории оседло-земледельческих кавказских народов, которые вели отличный от кочевников образ жизни и к тому же являлись носителями совершенно иной культуры. К сожалению, до сих пор остаются без соответствующего реагирования замечание известного кавказоведа В.Б. Виноградова, высказанное им еще в 60-е гг. прошлого столетия, о «странном для исторической науки явлении, когда незаменимый и обширный источник «Картлис цховреба» совершенно не используется в работах, посвященных древней истории Северного Кавказа»[8]. Между тем сведения Леонти Мровели о древней истории кавказских народов до конца еще не раскрыты, и нет сомнения в том, что по мере углубления знаний о ранних этапах истории Кавказа значимость труда древнегрузинского историка будет лишь возрастать.

В разделе «О нашествии хазар» Леонти Мровели в свойственной ему манере, кратко и сухо информирует о событиях, имевших место после первого появления на Кавказе кочевых племен, которые он называет *хазарами*. Во время первого нашествия хазары были разгромлены и отброшены вспять объединенными силами восьми братьев таргамосиан, а для отражения возможных последующих вторжений таргамосианы стали строить города на подступах к своей стране. Впоследствии хазары избрали себе царя и, через кавказские проходы, практически не встретив сопротивления, вторглись в Переднюю Азию и установили господство над всеми таргамосианами. Вслед за этим хазарский царь часть земель кавкасиан отдал своему сыну Уобосу, а двоюродному брату – часть земель леканов. С той поры, согласно грузинскому хронисту, эти народы долгое время были данниками хазар[9].

По поводу хронологических рамок описываемых событий и значения термина *хазар* в исследовательской литературе имеются противоречивые мнения. Впервые предположение о том, что Леонти Мровели хазарами мог называть скифов и что речь, возможно, идет о вторжении кочевых племен в Переднюю Азию в VII в. до н.э., было высказано Г.Ю. Клапротом[10], а впоследствии было поддержано В. Сент-Мартином[11], В. Миллером[12], Г.А. Меликишвили и др.[13] Такова же точка зрения многих современных исследователей – т.е. полагают, что *хазарами* в древнегрузинской хронике именуются скифо-сарматские племена, а повествование на самом деле начинается с нашествия скифов на Кавказ в VII в. до н.э.[14]

Часть исследователей считают, что весь раздел Леонти Мровели о хазарах сле-

---

[8] Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа… С. 132.

[9] Мровели Леонти. С. 25.

[10] Klaproth J. Memoire dans leguel on prouve lidentite des Ossetes, peuplade du Caucase, avec les Alains du moyen age. Paris, 1822. P. 3–5.

[11] De Saent-Martin V. Recherches sur les populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase. Paris, 1947. P. 149–152.

[12] Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. 3. М., 1887. С. 15-33.

[13] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии… С. 35.

[14] Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа... С.131–134; Тогошвили Г.Д. Леонтий Мровели о происхождении осетинского народа... С. 243–246; Ковалевская В.Б. Скифы, Мидия, Иран… С. 62–73.

дует рассматривать как эпическое толкование событий, имевших место на Северном Кавказе во времена гуннского нашествия (конец IV – начало V в. н.э.), а также в период Хазарского каганата, и *хазарами* древнегрузинский историк называет тюркские племена[15].

Нередки также случаи, когда отдельные исследователи, не утруждая себя источниковедческим анализам, пытаются произвольно выбранным ими сообщениям «Картлис цховреба» придать то значение, которое подтверждало бы их точку зрения. Так, по мнению одних, Леонти Мровели *хазарами* называет только ираноязычные племена – скифов, сарматов, алан, осетин, и таким образом якобы «подчеркивается практическая их неразличимость и этнокультурная преемственность в глазах древнегрузинского населения[16]». Другие же считают, что скифы, сарматы, аланы, овсы, гунны, хазары, карачаевцы и балкарцы являлись тюркоязычными племенами и потому Леонти Мровели называет хазарами именно их, подчеркивая тем самым их генетическую преемственность[17].

Подобные толкование термина хазар, представляются явно тенденциозными, не соответствующими реалиям, отраженным в древнегрузинском источнике. Главной причиной, по которой рассматриваемый вопрос до настоящего времени не разрешен, является, скорее всего, то обстоятельство, что исследователи зачастую не принимают во внимание особый характер и сложный состав произведения Леонти Мровели и априори, без критического источниковедческого анализа, необходимого в таких случаях, исходят из того, что текст имеет стройную структуру и последовательную хронологию, а это зачастую приводит к грубым ошибкам и искажению заложенной в тексте информации.

Чтобы определить, кто именно подразумевается под именем *хазары* и какой временной период охватывают события, связанные с ними, необходимо для начала выяснить какие цели и задачи ставил перед собой древнегрузинский исто-

---

[15] Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–V вв… С. 24–25; Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа... и др.

[16] Туаллагов А.А. Скифы Северного Кавказа… С. 22; По мнению В.Б. Ковалевской, «Мровели четко этногенетически отделяет местные кавказские племена, находящиеся в ближайшем родстве между собой (все они сыновья Таргамоса – Гаос, Картлос, Бардос, Мовакан, Лек, Эрос, Кавкас, Эгрос), от скифов (хазары) и сармат (Уобос, овсы), считая последних в ближайшем родстве со скифами» (Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы... С. 53). Однако на основании того, что Леонти Мровели рассматривает кавказские народы как ближайших родственников (все они сыновья Таргамоса), утверждение о том, что скифы, сарматы (которых, кстати, грузинский историк не знает) и овсы также находятся в ближайшем родстве между собой, абсолютно не оправдано и не выдерживает критики. Дело в том, что в своей генеалогической таблице кавказских народов (Таргамосидов) Леонти Мровели объединяет совсем не родственные, а совершенно разные по своему происхождению и принадлежащие к различным языковым семьям народы – исконнокавказской, индоевропейской и картвельской.

[17] Хабичев М.А. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982. С. 130; Мизиев И.М. Указ. соч. С. 43–44; Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991. С. 172–173.

рик, какие приемы научной работы и какие источники использовал, каков был характер его труда. В этом отношении в источниковедении достигнуты довольно неплохие результаты, согласно которым, произведение Леонти Мровели состоит из следующих сюжетных блоков: 1) происхождение и начальный этап истории таргамосиан; 2) нашествие хазар; 3) вторжение Александра Македонского и образование Картлийского царства[18].

Первый раздел труда Леонти Мровели хронологически охватывает период от древнейших времен (происхождение таргамосиан и первоначальное заселение ими Передней Азии и Кавказа) до раннего средневековья (V–VII вв. н.э.), когда существовали этнополитические образования Эрети, Эгриси, Ран с центром Барда (Бардос), Хунзах в Дагестане (Лекан) и др., от названий которых древнегрузинский историк и выводит эпонимы *таргамосианов*, обозначающий перечисляемые им народы (подробно см. ниже).

Начало второго сюжетного блока – «О нашествии хазар» – большинством исследователей совершенно справедливо связывается с вторжением скифов в VII в. до н.э., но описанные в нем события, касающиеся уже сына царя хазар Уобоса, еще В. Миллер относил к первой половине I тыс. н.э., периоду Сасанидской Персии[19]. Ряд исследователей еще более конкретизируют появление на Кавказе этнарха овсов-осетин Уобоса и относят это событие к IV в. н.э., когда ираноязычные племена, теснимые гуннами, вынуждены были отойти к горам Кавказа[20].

Завершается этот раздел сообщением о том, как сын царя хазар Уобос осел на части территории Кавкаса, двоюродный брат царя хазар – на части территории Лекана, а самые знаменитые сыновья Кавкаса и Лекана – Дурдзук и Хунзах, ушли в горы и обосновались там. «С тех пор в течение долгого времени все эти народы были данниками хазар[21]». Здесь, несомненно, речь идет о раннесредневековых этнополитических образованиях – Серире с центром в Хунзахе и стране Дурдзукетии, а факт наложения хазарами дани на кавказские народы соответствует политической ситуации на Северном Кавказе периода Хазарского каганата (VII–VIII вв. н.э.[22]).

Таким образом, раздел «О нашествии хазар» охватывает более чем тысячелетний период – с VII в. до н.э. до VII–VIII вв. н.э. Помимо всего прочего, это подтверждается и тем, что в повествование вкраплены моменты истории Персии,

---

[18] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 36–48; Дидебулидзе З.Ш. Хроника Леонти Мровели как источник для изучения некоторых вопросов этногенеза северокавказских народов // Источниковедческие разыскания. Тбилиси, 1984. С. 89–90; Цулая Г.В. Историческая концепция грузинского историка XI в. Леонтия Мровели... С. 78.

[19] Миллер В.Ф. Указ. соч. С. 21–22.

[20] Дидебулидзе З.Ш. Указ. соч. С. 90.

[21] Мровели Леонти. С. 25.

[22] См.: Миллер В.Ф. Осетинские этюды... С. 21–22; Меликсет-Бек Л.М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского // Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л., 1960. С. 116–117; Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 35; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1974. С. 16; Мровели Леонти. Комментарии Цулая Г.В. С. 50–51. Комм. 56.

взятые из иранского эпоса Фирдоуси «Шахнаме», также описывающего целое тысячелетие – начиная с периода Ахеменидской Персии (V в. до н.э.) и заканчивая серединой I тыс. н.э.[23]

Хронологические рамки третьего раздела, в котором идет речь о нашествии Александра Македонского, охватывают период от рубежа IV–III вв. до н.э. до III в. н.э, т.е. до прибытия в Картли в первой четверти III в. н.э. христианской просветительницы св. Нино.

Несмотря на то, что все три раздела изложены в определенном порядке, между ними не обнаруживается ни четкой хронологической последовательности, ни взаимосвязи. Каждая из них представляет собой полностью завершенный, абсолютно самостоятельный сюжет со своей хронологической канвой, причем временные рамки отображаемых событий налагаются друг на друга. Вероятно, все эти сюжеты изначально представляли собой отдельные рассказы, существовавшие в письменной или устной формах, а Леонти Мровели объединил их и, предельно сжав, внес в свою хронику в той последовательности, которую мы видим сейчас.

Что касается раздела *О нашествии хазар*, то его хронологические рамки нельзя сузить и отнести к какому-то одному периоду – либо вторжения скифов (VII век до н.э.), либо нашествия гуннов (IV–V вв. н.э.), либо существования Хазарского царства. Как уже отмечено, данный рассказ охватывает тысячелетний период – с VII в. до н.э. по VII–VIII вв. н.э., и термин хазары употребляется в нем для обозначения обобщенного образа варваров-кочевников – разношерстных, разноэтничных племен, населявших обширные степные просторы Евразии в период I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. В данном разделе древнегрузинской хроники собраны и систематизированы все имевшиеся на момент ее создания сведения – как письменные, так и устные, о нашествиях на Кавказ кочевых племен, различных по своему происхождению и этноязыковой принадлежности, с древнейших времен до раннего средневековья. Подобное уплотнение разновременных событий можно возводить к повествовательной манере Леонти Мровели и к специфике собственно фольклорной традиции, на которую он, несомненно, в значительной мере опирается. В связи с этим, как справедливо отмечено в исторической литературе, Леонти Мровели употребляет термин хазары не как название определенного, конкретного этноса, а как нарицательное имя кочевников вообще (не подразделяя их по этническому признаку[24]). То, что население северокавказских степей называется *хазарами*, бесспорно, может быть использовано в качестве датирующего признака составления данного раздела – VII–VIII вв. н.э.[25]

Поэтому попытки усмотреть в упоминаемых древнегрузинских историком *хазарах* и *овсах* только ираноязычные или только тюркоязычные племена, а тем более увидеть прямую генетическую связь между скифами, сарматами, аланами и осетинами (или между скифами, сарматами, аланами, гуннами, хазарами, ка-

[23] Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 35.

[24] Там же; Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы… С. 167.

[25] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. С. 35.

рачаевцами и балкарцами), неприемлемы, поскольку не имеют научной основы. Чтобы определить какие группы кочевых племен (ираноязычные, тюркоязычные или др.) подразумеваются у Леонти Мровели под *хазарами*, следует исходить из хронологических рамок каждого конкретного сюжета, посвященного нашествию хазар.

Леонти Мровели начинает свое сообщение: «…в ту пору усилились хазары и начали войну с племенами леков и кавкасов. Таргамосианы в то время пребывали во взаимном мире и любви. Над сыновьями Кавказа был владыкой Дурдзук, сын Тирета. Решили шестеро Таргамосианов искать помощи в борьбе против хазар. И собрались все из племен Таргамосианов, преодолели горы Кавказа, покорили пределы Хазарети и, воздвигнув города на ее подступах, возвратились[26]». В этом отрывке Леонти Мровели буквально в нескольких предложениях открывает перед нами грандиозные по своим масштабам события: сначала объединенные силы восьми братьев таргамосиан отражают первое нашествие на Кавказ кочевых племен (*хазар*), при этом они не ограничиваются лишь обороной, а вторгаются в «пределы Хазарети» и громят захватчиков там; затем на северных подступах своей страны таргамосианы строят города, то есть оборонительные сооружения для защиты от возможных последующих нападений хазар.

Прежде всего, следует отметить, что из данного сообщения вытекают два очень важных вывода, которые почему-то выпадают из поля зрения исследователей. Во-первых, Леонти Мровели передает древнюю традицию, согласно которой, Северный и Южный Кавказ представлялись частями единой страны – страны Таргамосидов, и народы – *братья таргамосианы*, населявшие эту страну от Северной Месопотамии до Северного Кавказ, составляли единую общность, которая при этом являлась частью древневосточной цивилизации. Во-вторых, еще до нашествия *хазар* нахские племена Центрального Кавказа – кавкасиани, представляли собой политическое объединение, и над ними владычествовал Дурдзук.

Потерпев неудачу в первом вторжении, *хазары* избирают царя и совершают второе нападение, в результате которого им удается завоевать страну Таргамосидов: «Вслед за этим хазары избрали себе царя. Вся хазарщина стала повиноваться избранному царю, и возглавляемые им хазары прошли Морские ворота, которые ныне именуются Дарубанди. Не в силах оказались Таргамосианы противостоять хазарам, ибо было их бесчисленное множество. Полонили они страну Таргамосианов, сокрушили все города Арарата, Масиса и Севера. Остались за ними (таргамосианами) города-крепости Тухариси, Самшвилде и Мтверская крепость (которая есть Хунани), Внутренняя Картли и Эгриси. Хазары освоили оба пути, как то: Морские ворота Дарубанди и ворота Арагвские, которые суть Дариала. Стали частыми походы хазар, увод людей в плен, и никто не мог им противостоять. Отныне стали все Таргамосианы данниками хазар[27]».

Таким образом, Леонти Мровели сообщает о двух крупных набегах кочевников (хазар), первый из которых был успешно отражен, причем совместными

[26] Мровели Леонти. С. 25.

[27] Там же.

силами всех таргамосиан, а при втором таргамосианы не смогли дать хазарам отпор, и те захватили их страну. Этому сообщению древнегрузинского историка в научной литературе уделено достаточно большое внимание. Оба вторжения обычно рассматриваются как имевшие место в период нашествия скифов в VII в. до н.э.: якобы потерпев поражение от таргамосиан, хазары (скифы) отступили в степи, но через некоторое время, избрав царя, вновь возвратились и на этот раз легко, не встречая никакого сопротивления, прошли Кавказские горы и вторглись в Переднюю Азию.

Однако между первым и вторым вторжением происходит ряд событий, которые не могли совершиться за столь короткий период. Во время первого нашествия хазар для борьбы с захватчиками объединяются все таргамосианы: на помощь кавкасианам и леканам приходят шесть братьев, проживавших на территории от Северной Месопотамии до Северного Кавказа и, «перевалив через горы Кавказа», совместными усилиями прогоняют пришельцев из земель Кавкаса и Лекана, а затем строят города-крепости на подступах к Хазаретии, т.е. на северной границе страны Таргамосидов. Совершенно ясно, что для всего этого, особенно для строительства городов, необходимо было достаточно продолжительное время.

Сообщение Леонти Мровели о победе объединенных сил таргамосиан над хазарами не увязывается также и с известными нам данными других первоисточников о появлении скифов на Кавказе и их вторжении в Переднюю Азию. Согласно результатам археологических исследований, первое нашествие скифов на Северный Кавказ датируется первой половиной VII в. до н.э., причем вторжение это было столь неожиданным и внезапным, что автохтонное оседло-земледельческое население Кавказа не успело организовать серьезное сопротивление, что привело к тяжелым последствиям. Численное превосходство кочевых полчищ, по-видимому, было столь велико, что они, словно лавина, смели все на своем пути по Предкавказской равнине, а затем, преодолев Кавказские горы, вторглись в Переднюю Азию. Об этом свидетельствуют следы пожаров и разрушений, обнаруженные в крупных городах и поселениях Северного Кавказа, до момента вторжения процветавших и густонаселенных.

Итак, в силу внезапности нападения кавказское население не смогло дать достойный отпор вторгшимся скифам. Более того, за столь короткий период таргамосианы просто не успели бы собрать воинские силы на территории от Месопотамии до Кавказа, разгромить войска пришельцев, а затем построить города, как это следует из сообщения Леонти Мровели. К тому же, кроме этого сообщения, нет абсолютно никакой информации о том, что в указанный период скифы потерпели на Северном Кавказе какое-либо поражение, в результате которого их нашествие остановилось и они были вынуждены отступить. Напротив, все имеющиеся данные говорят о том, что вскоре после появления на Северном Кавказе скифы вторглись в Переднюю Азию, и уже в 70-е гг. VII в. до н.э. упоминания о них встречаются в древневосточных письменных источниках[28].

[28] Дьяконов И.М. История Мидии... С. 58; Пьянков И.В. К вопросу о путях проникновения ираноязычных кочевников в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. 1979.

Таким образом, сообщения Леонти Мровели о совместной борьбе таргамосиан и об их победе над хазарами (скифами) не согласуются с имеющимися свидетельствами и со сложившимся на их основе в современной историографии взглядом на исторические события VII в. до н.э. Поэтому сведения древнегрузинского хрониста о победоносной войне таргамосиан против хазар одни исследователи рассматривают как «не имеющие никакого объективного основания[29]», а другие – как отражение исторических событий периода гуннского нашествия (конец IV – начало V в. н.э.) или Хазарского каганата на Северном Кавказе (VII–VIII вв. н.э.[30]).

Конечно, весьма рискованно полностью доверять сведениям Леонти Мровели, как это иногда предлагается[31], однако точно так же неприемлемо и выборочное отношение к ним. Вряд ли будет правомерным, если из всего сообщения Леонти Мровели о первом нашествии хазар на Кавказ и о войне против них таргамосиан, признавать правдивыми лишь сведения о вторжении хазар (скифов) и их победное шествие, но при этом игнорировать сведения о таргамосианах (кавказцах), являвшихся одной из сторон и главным участником описываемых событий. Выглядит довольно странным, что без соответствующего критического анализа, не приводя каких-либо научных аргументов, некоторые исследователи считают, что информация древнегрузинского историка о совместной победоносной войне *таргамосиан* (кавказцев) против *хазар* (скифов) якобы вообще не имеет объективных оснований[32].

№ 3. С. 196; Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С. 27.

[29] Туаллагов А.А. Скифы Северного Кавказа... С. 21.

[30] Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв... С. 25; Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа... С. 58–65.

[31] Ковалевская В.Б. Скифы, Мидия, Иран… С. 65.

[32] См.: Туаллагов А.А. Скифы Северного Кавказа... С. 34. Интересно, что А.А. Туаллагов, отрицая правдивость сведений Леонти Мровели о войне объединенных сил таргамосиан против хазар и победе над ними, вдруг меняет свое мнение, когда тот же аргумент – отсутствие каких-либо других данных о поражении скифов на Северном Кавказе при первом их вторжении, приводит И.М Мизиев (Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. С. 64) в качестве доказательства того, что события, описываемые в древнегрузинской хронике, относятся к периоду существования именно Хазарского каганата в раннем средневековье. А.А. Туаллагов резко выступает против такой интерпретации И.М. Мизиевым сведений Леонти Мровели и вступает с ним в полемику, указывая, что «о столкновениях скифов с кавказскими автохтонами свидетельствуют археологические данные и материалы фольклора последних… там представлены и мотивы побед местных героев над чужаками, что могло отражать вполне реальные исторические эпизоды» (Туаллагов А.А. Указ. соч. С. 34). Но в то же время А.А. Туаллагов не приемлет поражения скифов от таргомосиан (кавказцев) и полагает, что таргамосианы одержали победу не над скифами, а над тюркоязычными хазарами. Более того, по его мнению, таргамосианам приписаны победоносные войны Арабского Халифата против Хазарского Каганата, «т.к. иных столь крупномасштабных вторжений из Закавказья история не знает» (там же). По А.А. Туаллагову, вырисовывается довольно своеобразная и очень стран-

Однако с таким методологически неверным подходом, конечно, никак нельзя согласиться. Нет никаких оснований верить одной части рассказа древнегрузинского историка и не верить другой, причем именно той, в которой речь идет о собственно кавказских народах – таргамосианах. Тем более что сообщение Леонти Мровели посвящено именно таргамосианам (кавказцам), а о хазарах (скифах) в нем говорится лишь постольку, поскольку они вторглись в пределы страны таргамосиан и начали захватническую войну, т.е. вступили с таргамосианами во взаимодействие, вследствие чего и удостоились внимания древнегрузинского историка. Здесь вновь будет уместно напомнить, что все теории о недобросовестности Леонти Мровели столько раз уже опровергались общепризнанными подлинными источниками, что, не имея веских научно обоснованных доказательств, никто не в праве не доверять его добросовестности и правдивости.

Для того чтобы разобраться в сообщениях Леонти Мровели, достаточно провести их сопоставительный анализ с данными других источников – прежде всего археологических, и обратиться к его сообщению о нашествии хазар на фоне известной к настоящему времени истории вторжения скифов в Переднюю Азию в VII в. до н.э. Тем более что это не так уж сложно, поскольку вопросы, касающиеся нашествия скифов, исследованы весьма подробно и им посвящен значительный объем научной литературы.

Как уже отмечалось выше, археологические находки не оставляют сомнений в том, что появление скифов на Северном Кавказе в VII в. до н.э. было внезапным, неожиданным. На всей территории Центрального Предкавказья были разграблены и уничтожены густонаселенные процветающие поселения. В местах расположения почти всех крупных населенных пунктов Северного Кавказа выявлены следы пожаров и разрушений, причем многие поселения после набега скифов вообще о прекратили свое существование (Султан-Горское, Заюкаевское, Лермонтовское, Березовское №№ 5 и 6 у Кисловодска, Бештау, Алтуд, Ессентуки, Железноводск, Жемтала, Былым, Майртуп, Инарки, Эльхотовское, Змейское, Алхан-Калинское, Сержень-Юртовское, Дербентское и др.) Как уже отмечалось, столь тяжелые последствия для кавказского населения были связаны не только и не столько с внезапностью нападения, сколько, скорее, с многократным численным превосходством вторгшихся войск варваров. Этим же объясняется, вероятно, и тот факт, что скифы практически сразу же, не задерживаясь на Северном Кавказе, вторглись в Переднюю Азию, причем, как показали исследования Е.И. Крупнова и В.Б. Виноградова, прошли не только через Дербентские ворота, «оставляя при этом Кавказские горы справа», как об этом сообщает Геродот[33], но также и через центральнокавказские перевалы (Дарьяльский, Мамисонский, Клухорский и др.[34])

ная картина: таргамосианы (кавказцы) вели войну с ираноязычными скифами в VII в. до н.э., но победу они одержали над тюркоязычными хазарами через тысячу лет, к тому же, оказывается, победителями были вовсе не кавказцы, а арабы, вторгшиеся в VIII в. н.э. на Северный Кавказ!?

[33] Геродот. I, 104.

[34] Крупнов Е.И. О походах скифов через Кавказ // Вопросы скифо-сарматской архео-

Подвергая опустошению целые области богатейших цивилизованных стран, скифы прошли Кавказ, Месопотамию, Сирию, Палестину и достигли границ Египта. Крупным древневосточным государствам (Египет, Ассирия, Урарту) понадобилось большого напряжения, чтобы сдержать их натиск. С этого времени на протяжении почти целого столетия – VII в. до н.э. – скифы играют значительную роль в политической жизни региона. Они принимают активное участие в политических событиях, главным образом как союзники или наемные войска правителей крупных древневосточных государственных образований.

Точных данных о времени пребывания скифов в Передней Азии нет. По Геродоту скифы владычествовали в Азии 28 лет. Мнения современных исследователей разделились: Р. Гиршман, И.М. Дьяконов, И. Алиев и др. относят пребывание скифов в Передней Азии приблизительно к 652–625 гг. до н.э.[35]; Л.Э. Кавеньяк, Б.Б. Пиотровский, В.А. Белявский и др. придерживаются хронологии Геродота и датируют этот период приблизительно 625–595/585 гг. до н.э.[36]

Письменные источники упоминают и Скифское царство, но место его нахождения и время существования до сих пор не определены, а диапазон возможной локализации широк – от северокавказских степей до северных районов Ирана. Так, И.М. Дьяконов размещает Скифское царство на равнинах правобережья Куры от г. Гянджа (бывш. Кировабад) до Аракса на юге[37], И. Алиев и В.А. Белявский – на территории Азербайджана и прилегающих к нему областей[38], Б.Б. Пиотровский – в Приурмийском районе[39], Р. Гиршман – в Атропатене[40], В.Ю. Мурзин и С.В. Махортых – в северокавказских степях[41] и т.д.

Впрочем, сам факт того, что до сих пор не выявлено местонахождение скифского царства и не определено с достаточной ясностью время его существования, уже вызывает много вопросов. Некоторые исследователи вообще ставят существование этого царства под сомнение и считают, что никакого государственного образования у скифов в Передней Азии не было. Наиболее вероятной представляется точка зрения, согласно которой, единого царства скифов не существовало, однако же на территории Северного и Южного Кавказа сложились несколько объединений кочевников, отличавшихся различными степенями

логии (по материалам конференции ИИМК АН СССР, 1952). М., 1954. С. 186–194; Виноградов В.Б. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам) // Труды ЧИНИИ. Т. IX. Грозный, 1964. С. 20–30.

[35] Ghirshman R. Iran, Harmondsworth. 1954. P. 98; Дьяконов И.М. История Мидии... С. 288–289; Алиев И.Г. История Мидии. Баку, 1960. С. 230-231.

[36] Cavaignac E. A propos de début de l'histoire des Mèdes, JA, 1961, t 249. P. 158–162; Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту)... С. 236–237; Белявский В.А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971. С. 30 и след.

[37] Дьяконов И.М. История Мидии... С. 281.

[38] Алиев И.Г. История Мидии... С. 230; Белявский В.А. Указ. соч. С. 50.

[39] Пиотровский Б.Б. Указ. соч. С. 245.

[40] Ghirshman R. Указ. соч. С. 98.

[41] Мурзин В.Ю. Происхождение скифов... С. 47; Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С. 103.

централизации верховной власти и имевших собственные опорные базы для грабительских набегов[42].

Однако в данном случае эти вопросы не столь существенны. Нам важно подчеркнуть, что на территории от Северного Кавказа до Месопотамии отчетливо фиксируется факт присутствия скифов на протяжении почти всего VII в. до н.э. (с допустимой погрешностью в 20–30 лет) и вплоть до начала VI вв. до н.э., причем скифы играют здесь значительную политическую роль. Это подтверждается и археологическими находками. Так, в материальной культуре Северного и Южного Кавказа VII – начала VI в. до н.э. наряду с местным и древневосточным отчетливо выделяется и скифский элемент: предметы вооружения (типичные для раннескифской культуры железные акинаки, бронзовые и железные наконечники стрел, железные боевые топоры), части конской сбруи (удила и псалии), произведения искусства звериного стиля – обнаружены во многих местах Южного и Северного Кавказа, в памятниках урартского периода, исследуемых на территории Армении[43] и Азербайджана[44], в погребениях Тлийского могильника[45], в Дванском некрополе, в погребении из селения Цицамури, в поселении Могрили-Гора, в святилище в Мелани[46], в поселениях Дигоми и Ховле в Грузии[47]. В Абхазии скифские элементы найдены в погребениях Куланурхского некрополя, в могильнике Гуад-иху, в пос. Колхида, в Красномаяцком могильнике[48]. Наибольшее число скифских элементов отмечается в памятниках Северного Кавказа[49]. Таким образом, присутствие скифов фиксируется почти всюду от Северной Месопотамии до Северного Кавказа, т.е. на всей территории *страны Таргамосидов* Леонти Мровели, и именно здесь, так или иначе, происходят практически все события, связанные со скифами.

На рубеже VII–VI вв. до н.э. скифы принимают участие в войне между крупнейшими державами за гегемонию в Передней Азии, приобретшей невиданные ранее масштабы, на стороне Мидии и Вавилонии (против Урарту, Ассирии и

[42] Туаллагов А.А. Киммерийцы и скифы Северного Кавказа по данным археологии. URL: skif/29-kimmerijcy-i-skify-severnogo-kavkaza-po-dannym-arxeologii.html.

[43] Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Л., 1949; Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.

[44] Есаян С.А., Погребова М.Н. Указ. соч. С. 48.

[45] Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э.. М., 1980.

[46] Пирцхалава М.С. К вопросу о распространении памятников скифской культуры в материальной культуре древней Грузии (на груз. яз., резюме на рус. яз.) // Вопросы археологии Грузии. Тбилиси, 1978. С. 31–52; Макалатия С.И. Раскопки Дванского некрополя. СА. 1949. XI; Полевые археологические исследования в Грузии в 1969 г. Тбилиси, 1971; Погребова М.Н. Памятники скифской культуры в Закавказье // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 42–58;

[47] Мусхелишвили Д.Л. Археологический материал поселения Ховле-Гора (на груз. яз., резюме на рус. яз.). Тбилиси, 1978. С. 101.

[48] Трапш М. М. Труды. I. Сухуми, 1970.

[49] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 64 и след.; Виноградов В.Б. Связи Центрального Кавказа и Восточного Предкавказья со скифо-сарматским миром... С. 178; Его же: Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время… С. 77, 79.

Египта). После захвата столицы Ассирии Ашшура, а также Ниневии и последующего полного разгрома Ассирии вавилонские и мидийские войска и помогавшие им скифские отряды вторгаются на территорию Урарту, в результате чего около 595/594 г. до н.э. Урартская держава прекращает свое существование.

Разумеется, с падением урартской столицы война не могла остановиться сразу же. Мидийцы, вавилоняне и помогавшие им скифские отряды еще долго воевали против Урарту, встречая ожесточенное сопротивление. Нет сомнения в том, что в эту, по сути, мировую войну были вовлечены не только племена Южного Кавказа, входившие в состав Урарту, но и практически все население Кавказа. Как уже отмечено, нашествие скифов охватило почти весь Кавказ, и следы присутствия скифов обнаруживаются почти на всей его территории. По всей видимости, на протяжении всего VII в. до н.э., с момента своего появления в Кавказском регионе, скифы господствовали в степях между Доном, Меотидой и Кавказом, доминировали на Северном Кавказе и контролировали основные Кавказские проходы[50]. Все это подтверждается многочисленными находками на всей территории Северного Кавказа предметов скифского и скифоидного типа, а также зафиксированными фактами прекращения функционирования множества кобанских поселений в равнинной части Центрального Кавказа.

Хотя характер взаимоотношений кавказских народов со скифскими племенами пока еще не ясен до конца[51], несомненно то, что грабительские набеги скифов вызывали естественное сопротивление населения Кавказа, поднимали его на вооруженную освободительную борьбу против них. Судя по археологическим данным, позиции скифов в центральных областях Кавказа были наиболее сильны и прочны, особенно в районах, подступавших к центральнокавказским перевалам, и вполне вероятно, что именно в этих районах происходили основные военные столкновения между кавказцами и скифами. И действительно, археологический материал красноречиво свидетельствует о том, что наиболее ожесточенные сражения кавказцев со скифами проходили именно на территории Центрального Кавказа, где подверглись осквернению и уничтожению скифские памятники (Нартановские курганы), были низвергнуты и использованы как строительный материал скифские антропоморфные стелы (Галайти и др.) и т.д.[52]

Война народов Кавказа, направленная на изгнание пришлых племен и принявшая, по всей видимости, подлинно общекавказский размах, нашла отражение не только в археологических памятниках, но и в фольклоре кавказских народов. Как уже неоднократно отмечалось в научной литературе, мотив совместной борь-

[50] Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып. 13. Л., 1971. С. 33; Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // Археологический сборник, 23. Л., 1983. С. 43; Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев. 1983. С. 69, 71.

[51] Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М., 1975. С. 226.

[52] Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время... С. 37, 38.

бы кавказцев против кочевников отчетливо выявляется в архаических пластах эпических сказаний абхазских, адыгских и вайнахских народов. В этих сказаниях превалирует сюжет о победоносной борьбе кавказских эпических героев над чужеземными *рыжими людьми*[53] – например, древние абхазы, адыги и малхузы (нахи) ведут успешные совместные войны против пришлых рыжеволосых людей. Очень ярки в этом отношении абхазские предания об эпическом герое Абраскиле (абхазский Прометей), который «не любил рыжих людей с серыми глазами и при встрече убивал их». По мнению Г.Ф. Чурсина, в этих текстах, несомненно, отразились отголоски явлений исторического прошлого[54].

Таким образом, достаточно уверенно можно говорить, что на рубеже VII–VI вв. до н.э. в войну между крупнейшими державами за гегемонию в Передней Азии было вовлечено и население Кавказа. Театр военных действий охватывал территорию не только Урарту и Ассирии, но и Кавказа в целом, в том числе и Северного, т.е. всю страну Таргамосиан Леонти Мровели, располагавшуюся на землях от Северной Месопотамии до Северного Кавказа.

В ходе войны между мировыми державами существенно изменилась этническая и политическая карта Передней Азии, результатом военных действий явилось также и изгнание скифов. Еще до падения Урарту, где-то в конце VII в. до н.э. мидийский царь Киаксар (625–585) перебил скифских вождей и нанес кочевникам серьезное поражение, после чего основная часть скифов отступила в Северное Причерноморье, однако из-за внутренних несогласий некоторые остались и подчинились мидийскому царю. После победы вавилоно-мидийской коалиции над Ассирией и Урарту Мидия вновь нанесла скифам удар, полностью вытеснив оставшиеся племена. Согласно имеющимся на сегодня данным, скифы ушли в северокавказские степи и далее в Северное Причерноморье. Какие-то их группы, возможно, остались в тех или иных районах Кавказа и впоследствии были ассимилированы в местной этнической среде[55]. Как бы то ни было, но начиная с рубежа VII–VI вв. до н.э. скифы сходят с политической арены Передней Азии и вытесняются в северокавказские степи.

Уничтожение скифских памятников на Северном Кавказе указывает на то, что и здесь основные силы скифов были разгромлены и отброшены в степи Северного Причерноморья. Выдавленные в первой половине VI в. до н.э. из предкавказских степей на запад от Дона и Меотийского (Азовского) озера, скифы вынуждены были, в свою очередь, искать земли и добычи у тамошних племен. Как раз в этот период на Северном Причерноморье засвидетельствованы явления дестабилизации, факты нападения на греческие и лесостепные города и прекращения деятельности некоторых из них, продвижение племен, например, невров и

[53] Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956. С. 241–244; Мальсагов А.О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов... С. 32; Цулая Г.В. К истории имени Абрскил // СЭ. 1966. № 6. С. 87.

[54] Чурсин Г.Ф. Указ. соч. С. 243; См. также: Джапуа З.Д. Абхазские эпические сказания о Сосрыкуа и Абраскиле... С. 58.

[55] Дьяконов И.М. История Мидии... С. 317-318; Его же: Предыстория армянского народа... С. 179; Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток... С. 98.

т.д.[56] Согласно Геродоту, к концу VI в. до н.э. обширные пространства Северного Причерноморья уже были прочно освоены скифскими племенами, объединенными под властью царских скифов; достаточно отчетливо были оформлены к тому времени и границы северопричерноморской Скифии, причем восточная граница проходила по реке Дон[57]. Сведения Геродота подтверждаются и археологическими данными: начиная с VI в. до н.э. на территории степного Северного Причерноморья заметно увеличивается число скифских погребальных памятников[58].

В тот же период – в первой половине VI в. до н.э. – в равнинной части Центрального Кавказа наблюдается резкое увеличение количества кобанских поселений. Растет приток населения, и жизнь не только возобновляется в старых, разрушенных ранее населенных пунктах, но и появляются множество новых, хорошо укрепленных[59], т.е. среди автохтонного нахского населения происходит своего рода *демографический взрыв* – нахские племена заселяют обширные пространства Центрального Кавказа. При этом, как отмечают археологи, там, где возрождается жизнь в разрушенных ранее скифами поселениях (Сержень-юрт, Уллубаганалы 2 и др.), «не ощущается разрыва традиций в бытовой культуре[60]».

В конце VII – начале VI в. до н.э. начинается также интенсивное освоение плодородных земель, в том числе и правобережья Кубани, меотскими (древнеадыгскими) племенами[61]. Здесь важно обратить внимание на то, что процесс восстановления старых и строительства новых поселений на территории правобережья Кубани и центральнокавказских равнин происходил синхронно и продолжался активно на протяжении всего периода VI–V вв. до н.э.[62]

Особенно интересен тот факт, что, по археологическим свидетельствам, начиная с рубежа VII–VI вв. до н.э. на северных окраинах ареала кобанской культуры строятся укрепления. Топография этих укреплений не оставляет никаких сомнений в том, что они были созданы для защиты от возможных вторжений с севера, со стороны степных племен. Укрепления поселений Центрального Кавказа того периода, исследователи условно разделили на четыре группы: городища с каменными стенами, городища с каменно-земляными валами и системой рвов, памятники с эскарпированием и террасированием склонов, башнеобразные сооружения. Также выделяются комбинированные памятники, имеющие валообразные укрепления с надстройкой по верху каменных стен (Бредихинское и Томузловское

---

[56] Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы... С. 26, 57.

[57] Геродот, IV, 17, 21.

[58] Мурзин В.Ю. Происхождение скифов… С. 53.

[59] Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время... С. 84–86; Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Указ. соч. С. 86; Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы... С. 70–73; Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе... С. 105.

[60] Козенкова В.И. Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н.э. (Кобанская культура: модель тысячелетия развития). Автореф. Докт. дисс. М., 1990. С. 48.

[61] Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI–V вв. до н.э. Краснодар, 2012. С. 166.

[62] Там же; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время... С. 86.

городища). Кроме валов и стен, в фортификационные системы городищ дополнительно включался ров (или система из двух рвов[63]). Весьма примечательно, что большинство таких укрепленных городищ, больших и малых, расположены по периметру области вероятного соприкосновения нахских племен с кочевыми племенами и окружают территорию Центрального Кавказа с севера и северо-запада, составляя таким образом единую оборонительную систему. В этом отношении особо выделяются располагавшиеся в пределах видимости сигналов оповещения укрепленные городища и башни, выстроенные по берегу Терека[64], укрепления-городища Железноводское[65], городище в Малой Кабарде[66], Грушевское городище на окраине Ставрополя и др.[67] Цепь оборонительных сооружений, состоявшая из укрепленных поселений, начинается от верховьев Большого Зеленчука и Малого Зеленчука, Ставропольской возвышенности на северо-западе и далее идет на юго-восток по линии – Пятигорск – Моздок – долина Терека до впадения в него реки Сунжи. Большинство укреплений и башен находились друг от друга на расстоянии видимости сигналов системы оповещения, а скорость, с которой эти сигналы шли от одного укрепления до другого, была очень высока[68]. В совокупности все эти укрепления составляли комплекс оборонительных сооружений, который полностью охватывал все подступы к Центральному Кавказу с севера, что позволяет предполагать, что данные укрепления были построены почти одновременно.

Таким образом, археологический материал документирует, что кобанские поселения Центрального Кавказа, разграбленные и уничтоженные скифами в первой половине VII в. до н.э., к концу VII – началу VI в. до н.э. были восстановлены и вновь начали обживаться, также в сравнительно большом количестве строились новые поселения[69]. Примерно к тому же времени в целях защиты оседло-земледельческого населения Центрального Кавказа от возможных вторжений кочевых племен начинают строиться укрепленные города и поселения, представляющие

[63] Прокопенко Ю.А. Этнокультурные связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Автореф. дисс. д. ист. н. М., 2006. С. 34.

[64] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 152; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время... С.122.

[65] Березин Я.Б. Работы в Предгорном районе Ставропольского края. Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 109; Березин Я.Б., Виноградов В.Б. Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988. С. 28–42.

[66] Рябова В.Я. Работы Ажиновского отряда в 1976 г. // Древности Дона. М., 1983. С. 127.

[67] Кореняко В.А., Найденко А.В. Погребения раннего железного в. в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край). СА. 1977. № 3. С. 168; Анфимов Н.В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА. XI. 1949. С. 242.

[68] Археологами был проведен эксперимент по оповещению о приближении врага с помощью костров на сторожевых башнях кобанских поселений. Как только на одной вершине появлялся дым, участники эксперимента, находившиеся на другой вершине, быстро разжигали свой костер и подавали дымовой сигнал. Результаты исследования показали, что для передачи сигнала на расстояние более 50 км понадобилось всего 8 минут.

[69] Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт… С. 78.

собой уже целую систему оборонительных сооружений. Все это является несомненным свидетельством освобождения Предкавказской равнины от господства скифских племен и восстановления здесь полного контроля со стороны нахов.

Как видно, сведения Леонти Мровели о первом нашествии хазар на страну таргамосиан достаточно хорошо увязывается с теми данными, которыми располагает сегодня наука о вторжении скифов в VII в. до н.э. на Кавказ и Переднюю Азию; их участии в политической жизни древних государств, завершившем на рубеже VII–VI вв. до н.э. разгромом и изгнанием скифов. Все это дает основание считать, что мифологизированная память о великих событиях VII – начала VI вв. до н.э. (нашествие скифов, война между мировыми державами с участием скифов и одновременным изгнанием последних из Передней Азии, сопровождавшаяся общекавказской борьбой против скифов и последующим их вытеснением из северокавказских равнин, строительством укрепленных городищ на подступах к центральным районам Северного Кавказа и т.д.) вполне могла стать основой сообщения Леонти Мровели о первом нашествии хазар, победоносной войне таргамосиан против них и строительства городов-крепостей на подступах к Хазарии .

Следует иметь в виду, что борьба против господства скифских племен на Кавказе проходила на фоне войны между крупнейшими державами того времени за гегемонию в Передней Азии. В конце VII – начале VI вв. до н.э. скифы на стороне Мидии и Вавилона (Халдии) принимают участие в войне против Урарту, а территория Урарту, согласно Леонти Мровели – эта вотчина старшего сына Таргамоса Гаоса (hAoca). После падения Урарту мидийцы громят помогавших им скифские части, вытесняют их из Передней Азии. В этот период война против скифов с новой силой продолжилась на Кавказе, обретя, видимо, общекавказский характер и приняв поистине грандиозные масштабы. Основные, решающие сражения происходили, вероятно, на Центральном Кавказе и завершились изгнанием скифов, после чего было начато строительство оборонительных сооружений.

Тем не менее здесь может возникнуть возражение в связи с тем, что первое нашествие скифов захватило и Переднюю Азию, тогда как у Леонти Мровели речь идет лишь о Северном Кавказе, куда на помощь кавкасианам и леканам пришли из южнокавказских земель таргамосианы. Действительно, по Леонти Мровели, таргамосианы ведут боевые действия против хазар (скифов) на Северном Кавказе, куда на зов Кавкасоса и Лекоса приходят все братья таргамосианы, что представлено как безвозмездная братская помощь. Но, естественно, такое объяснение не убедительно, тем более что речь идет о военной помощи со стороны народов, проживавших на территории от Северной Месопотамии до Кавказа, и поэтому возникает вопрос о характере взаимоотношений между таргамосианами. Можно было бы гипотетически предположить, что речь идет о периоде могущества Урартского царства и его наибольшего влияния на народы Кавказа, когда правители Урарту могли позволить себе послать войско для защиты центральнокавказских перевалов от варварских полчищ. Однако нет каких-либо данных, которые могли бы подтвердить такое развитие событий. Кроме того, эти события имели место в то время, когда Урартская держава находилась уже не на пике своего могущества и вела изнурительные оборонительные войны.

Для того чтобы постигнуть сведение Леонти Мровели о вторжении хазар, следует учесть некоторые важные моменты. Во-первых, вторжение хазар (скифов) древнегрузинский историк соотносит с начальным периодом истории таргамосиан, когда те были едины и «жили в любви и дружбе», а территорию расселения братьев таргамосиан, простиравшуюся от Месопотамии до Северного Кавказа, представляет как одну страну (страну Таргамосидов) во главе с единым правителем – старшим сыном Таргамоса Гаосом (hAосом), которому подчинялись все братья («над семью этими братьями своими был повелителем и владыкой Гаос[70]»). Уделы Кавказа и Лекана на Кавказе выступают составной частью страны таргамосиан и не отделены от Южного Кавказа и вообще от Передней Азии, а судьбы кавкасиан и лекан – от судеб остальных шести народов Таргамосидов. Все основные события VII в. до н.э., связанные с хазарами (скифами), происходят именно на территории страны таргамосиан и, соответственно, вторжение скифов VII в. до н.э. для Леонти Мровели – это вторжение в страну Таргамосидов.

Во-вторых, как отмечено выше, война между мировыми державами того времени, в которой принимали участие и скифы, проходила в основном на территории Урарту, вотчины старшего сына Таргамоса Гаоса (hAика), и близлежащих областей. В течение войны, и особенно после падения Урартской державы, происходило массовое передвижение населения из урартских и южнокавказских областей на север, к центральным районам Кавказа. Переселенцы, не могли не вливаться в общекавказскую освободительную войну против пришлых скифских племен. Для племен, перемещавшихся в центральные районы Кавказа из Урарту и других областей Южного Кавказа, борьба против господства скифов на Северном Кавказе являлась, по сути, продолжением той войны, которую они вели на территории Урартского царства, поскольку скифские отряды участвовали в войне против Урарту на стороне мидийцев и вавилонян. Участие племен, в конце VII – начале VI вв. до н.э. переселившихся в эти места из урартских и южнокавказских областей, в войне против скифов, господствовавших в равнинных районах Северного Кавказа, вполне могло стать основой повествования Леонти Мровели о приходе братьев таргамосиан на помощь кавкасианам и леканам.

Вышеизложенное подтверждается и тем, что, по сведению Леонти Мровели, прибывшие на помощь Кавкасу и Лекану братья таргамосианы не имеют предводителя, что трудно представить в случае организации столь крупномасштабной военной помощи и вступления на Северный Кавказ объединенных сил шести народов дома Таргамосидов. Если раннее грузинский хронист подчеркивает главенствующую роль старшего сына Таргамоса Гаоса (hAоса) как признанного царя всех таргамосиан, то в сообщении о периоде борьбы против хазар (скифов) он не называет ни его, ни кого-либо еще из братьев таргамосиан, предводителем войск, пришедших на помощь Кавкасу и Лекосу, а лишь указывает на то, что хазары были разгромлены совместными силами таргамосиан. Однако сообщение Леонти Мровели о том, что в период войны с хазарами (скифами) владыкой над сыновьями Кавкаса был Дурдзук, сын Тирета, можно рассматривать как косвен-

[70] Мровели Леонти. С. 25.

ное подтверждение главенствующей роли среди таргамосиан именно Дурдзука, который и возглавлял объединенные силы братьев таргамосиан в войне против хазар (скифов).

Первенство Дурдзука в борьбе с хазарами особо подчеркивается в древнеармянском переводе «Картлис цховреба», где пришедшие на помощь по зову Кавкаса и Лекаса шестеро братьев дома Торгома «перевалили горы Кавказа и полонили земли Хазраца руками сына Тиритиса – Дуцука, который и призвал их на помощь[71]». Древнеармянский текст «Картлис цховреба» представляет собой сокращенный и зачастую не дословный, а смысловой перевод грузинского оригинала. Поэтому, несмотря на то, что армянский перевод полностью привязан к грузинскому тексту, между армянским и грузинским вариантами иногда появляются отдельные разночтения, которые хоть и не искажают заложенный в оригинале смысл, но вызывают у исследователей определенное недопонимание[72].

В то же время следует учитывать, что из дошедших до нас списков «Картлис цховреба» наиболее древним является именно армянский перевод, а вовсе не рукописи грузинского оригинала. Последние подверглись неоднократному редактированию, и те или иные разночтения в грузинском оригинале «Картлис цховреба» и армянском варианте, возможно, вызваны тем, что в результате редактирования оригинальный грузинский текст изменился и только в армянском переводе сохранилась первоначальная его версия. Так, если в грузинском тексте отразились лишь слабые отголоски первенствующей роли Дурдзука, то в армянском варианте главенство Дурдзука подчеркивается более явственно. К примеру, в армянском переводе братьев таргамосиан на помощь призывает лишь Дурдзук, и сообщается, что

---

[71] Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник. С. 14–15; См. также: Мровели Леонти. Комментарии Цулая Г.В. С. 52. Комм. 57.

[72] Из того факта, что в армянском переводе текста Леонти Мровели успех войны с *хазарами* (скифами) связывается непосредственно с Дуцуком (Дурдзуком), по мнению А.А. Туаллагова, следует, что в армянском тексте отражена армянская традиция, которая «исходит из признания тех событий сугубо северокавказским делом» (см.: Туаллагов А.А. Скифы Северного Кавказа… С. 25). Однако, не совсем понятно, о какой армянской традиции передачи «тех событий» говорит исследователь: во-первых, ни в одном древнеармянском источнике нет каких-либо упоминаний о событиях на Кавказе во времена нашествия скифов, а также, позднее, сарматов, в том числе и о войне кавказцев (таргамосиан) со скифами, и потому, соответственно, не существует никакой армянской традиции по их освещению: во-вторых, армянский текст «Картлис цховреба» – это всего лишь перевод грузинского текста, который полностью привязан к грузинскому оригиналу и не отражает армянские традиции. Армянские исторические традиции в полной мере отображены в весьма богатой древнеармянской исторической литературе и, как уже отмечено, в ней не сложилось никаких особых традиций по освещению истории народов Северного Кавказа указанного периода. Но главное не в этом, а в том, что из армянского текста совершенно не вытекает, что речь идет сугубо о северокавказских делах Ковкаса и Лекана. Как в оригинале, так и в армянском переводе все шесть братьев таргамосиан по первому же зову, «перевалив горы Кавказа», прибыли на помощь кавкасианам и леканам, чтобы совместно с ними громить хазар (скифов) (См.: Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник. С. 15).

«полонили Хазарети руками Дуцука». Данная фраза, конечно, не означает, что против хазар (скифов) воевали только кавкасианы во главе с Дурдзуком, а остальные братья таргамосианы, прибывшие на помощь с Южного Кавказа, были лишь сторонними наблюдателями и не принимали участия в битвах. Как в грузинском, так и в армянском тексте ясно подчеркивается, что все братья таргамосианы прибыли на зов помощи «перевалив горы Кавказа» и что все они совместными силами разгромили хазар (скифов). Выделение же роли Дурдзука следует рассматривать как свидетельство главенствующей роли нахов и на то, что именно они возглавляли объединенные силы таргамосиан в войне против *хазар* (скифов).

Если на Южном Кавказе присутствие скифов было, судя по всему, эпизодическим и не слишком значительным, то на Северном Кавказе скифы, скорее всего, были представлены довольно широко в силу близости зоны степи и постоянной с ней связи. Благодаря этому позиции скифских племен на Северном Кавказе были более прочными, потому-то скифы, по-видимому, и оказали в этих местах сильное сопротивление. Видимо, поэтому именно здесь проходили основные и наиболее ожесточенные бои между кавказцами и скифскими племенами, о которых свидетельствуют следы разрушения на археологических памятниках (крушение и уничтожение скифских стел и т.д.). В силу этого основная тяжесть борьбы со скифами легла на плечи нахских племен, и Леонти Мровели отразил это, выделив в победе таргамосиан (кавказцев) над хазарами (скифами) особую роль нахов в лице потомка Кавкаса Дурдзука. Этим, наверное, отчасти объясняется то, что в сообщении Леонти Мровели борьба таргамосиан с хазарами сконцентрирована на Северном Кавказе.

Таким образом, есть все основания полагать, что в сообщении Леонти Мровели о первом вторжении хазар предельно сжато, как это характерно для грузинского автора, передана информация о событиях, имевших место в VII – начале VI вв. до н.э.: нашествие скифов на Кавказ и Переднюю Азию и борьба против них народов, населявших территорию от Месопотамии до Северного Кавказа, т.е. страны Таргамосидов.

Сведения Леонти Мровели о втором нашествии хазар, во время которого они избрали себе царя, следует относить к вторжениям кочевых племен на Кавказ и в страны Передней Азии, происходивших уже в последующие периоды. И если в первом случае, сопоставляемом с вторжением скифов в VII до н.э., речь идет о единственном нападении, что подтверждается данными других источников[73], то на втором этапе начинаются массированные набеги хазар на Южный Кавказ с многократным переходом Дербентского и Дарьяльского перевалов («хазары освоили оба пути[74]»).

Следует обратить внимание на одно очень важное обстоятельство. В сообщении о втором вторжении хазар, уже во главе с царем, Леонти Мровели не упоминает о столкновениях захватчиков с кавкасианами и леканами, да и вообще с таргамо-

[73] Ни у Геродота, ни у Диодора нет упоминания о многократных вторжениях скифов в Переднюю Азию, а упоминают лишь единственное нашествие. Ассиро-вавилонские и урартские источники также сообщают только об одном вторжении скифов (подробно об этом см.: Хазанов А.М. Социальная история скифов... С. 208 и далее).

[74] Мровели Леонти. С. 25.

сианами, а говорит лишь о том, что хазары прошли через Дербентские ворота, а затем и Дарьяльские ворота и «полонили страну Таргамосианов». Однако перед этим грузинский историк сообщает о строительстве таргамосианами на Северном Кавказе оборонительных сооружений – городов-крепостей, предназначенных для защиты от набегов хазар, что подтверждается данными археологии. Уже сам факт, что строительство укреплений на Северном Кавказе удостоилось внимания летописца, говорит о грандиозности и масштабности этого мероприятия, а также о их значимости для сдерживания вторжений кочевых племен. Но при описании второго нашествия хазар Леонти Мровели почему-то ничего не говорит ни о разрушении этих укреплений, ни о военных столкновениях хазар с таргамосианами – кавкасианами и леканами. Надо полагать, что такое могло произойти либо в случае, если между хазарами (кочевниками) и таргамосианами (кавказцами) были установлены союзнические отношения, либо укрепленные городища (города-крепости по Леонти Мровели) к описываемому моменту уже не функционировали. Сообщение Леонти Мровели исключает наличие союзнических отношений между хазарами и таргамосианами в тот период, поскольку во время второго нашествия хазары в силу своего «бесчисленного множества» не только полонили страну таргамосиан и наложили на ее население дань, но и заняли часть земель кавкасиан и лекан. Следовательно, ко времени второго вторжения укрепленные города, скорее всего, уже не существовали, а если и существовали, то не выполняли уже оборонительных функций и, соответственно, потеряли свою значимость. Данное обстоятельство указывает на значительный хронологический разрыв между первым и вторым нашествиями на Кавказ кочевых племен (хазар).

К настоящему времени известны несколько крупных нашествии кочевников на Кавказ, к которым можно было бы соотнести второе нашествие хазар, уже во главе с царем: вторжение сарматов на рубеже IV–III вв. до н.э., аланов в I–II вв. н.э. и гуннов в конце IV–V вв. н.э. Как известно, нашествие сарматских племен IV–III вв. до н.э. было остановлено на подступах к Северному Кавказу, и сарматы не смогли прорваться на Южный Кавказ (см. ниже). Массированные, многократно повторившиеся опустошительные набеги кочевников на страны Южного Кавказа имели место в I–II вв. н.э. (аланы), в конце IV и в V вв. н.э. (гунны), с которыми, скорее всего, и следует связывать второе нашествия хазар Леонти Мровели. Это согласуется и с тем, что после второго вторжения хазарский царь отдал своему сыну Уобосу часть земель Кавкаса, а племеннику – часть земель Лекана, что, как справедливо отмечают исследователи, указывает на большой хронологический разрыв между вторым нашествием хазар и периодом оседания кочевых племен на северокавказских равнинах. Наверное, будет более правильным второе нашествие хазар, возглавлявшееся царем, связать с набегами алан на страны Южного Кавказа в I–II вв. н.э., а оседание сына и племянника хазарского царя на землях кавкасианов и леканов отнести к концу IV–V вв. н.э., когда ираноязычные племена, гонимые из степей гуннскими ордами, были прижаты к Кавказским предгорьям. Однако эта тема выходит за рамки настоящей работы.

Глава VIII

ОБРАЗОВАНИЕ НАХСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ

1. Объединение нахских племен в VI в. до н.э.

К моменту вторжения скифов нахские племена достигли высокого для того времени уровня развития материальной и духовной культуры. Как было отмечено выше, весь ход социально-экономического, политического и культурного развития нахских племен конца II – начала I тыс. до н.э. создал необходимые предпосылки для их политического объединения. Однако нашествие полчищ варварских племен в начале VII в. до н.э. нанесло колоссальный ущерб находившемуся в стадии становления нахскому государственному объединению: истреблена масса людей, разграблены и сожжены крупные поселения, нарождавшиеся центры ремесла и торговли. В политическом плане негативные последствия скифского вторжения проявились прежде всего в нарушении процесса постепенной этнополитической консолидации нахских племенных групп, т.е. был нанесен существенный урон складывавшемуся нахскому государственному организму. Установление скифского контроля над предкавказскими равнинами и центральнокавказскими перевалами привело к разрыву связей между нахскими племенами, к ухудшению внешних связей и т.д. Словом скифское нашествие нарушило ход естественного эволюционного развития нахов, страна в своем развитии была отброшена назад.

Вместе с тем, весь ход дальнейших событий показывает, что скифская агрессия не смогла полностью разрушить формировавшееся нахское государственное объединение, которое, по всей видимости, продолжало существовать в предгорных и горных районах Центрального Кавказа. Следует учитывать и то, что ситуация, сложившаяся в равнинной зоне Центрального Кавказа в VII в. до н.э., в период господства здесь скифов: взаимные набеги, совершавшиеся как скифскими, так и нахскими племенами, захват пленных, которые превращались в рабов – в бесплатную рабочую силу, угон скота и материальных ценностей, также в немалой степени способствовали ускорение имущественной и социальной дифференциации нахского общества. В свою очередь, борьба за освобождение равнинной зоны Центрального Кавказа и центрально-кавказских перевальных путей от скифов требовала усиления политической консолидации нахских племенных групп, повышение роли военно-аристократической прослойки и концентрации в ее руках верховной военно-политической власти. Эти процессы неизбежно вели к усложнению социальных отношений, возникала острая

потребность в качественно новой форме организации общества – государственной, которая была подготовлена предшествующим ходом развития нахских племен. Все это находит отражение в археологических материалах кобанской культуры, которые убедительно демонстрируют сложившуюся к тому времени социальную структуру раннегосударственного объединения[1].

Вместе с тем среди исследователей появилась тенденция представлять, будто высокий уровень развития и организованности населения Центрального Кавказа середины I тыс. до н.э., со всеми признаками государственного устройства, не являлся результатом закономерного внутреннего развития (социально-экономического, политического, культурного) самого населения – создателя кобанской культуры, а был якобы привнесен извне скифами. А тот трудно оспариваемый факт, что скифы находились на более низкой ступени развития, чем население Кавказа, и потому никак не могли привнести более сложную форму социальной организации – государственную, объясняется довольно примитивно: скифы якобы восприняли государственную форму устройства общества во время походов в Переднюю Азию, а затем привнесли эти новшества на Северный Кавказ. При этом почему-то упускается из виду, что еще задолго до появления скифов на Кавказе кавказское население на протяжении столетий находилось в тесных этнокультурных связях с народами Передней Азии и само являлось частью древневосточной цивилизации, и не испытывало никакой потребности воспринимать переднеазиатские культурные достижения через третьи руки.

Тем не менее рисуется схема, согласно которой, социальное устройство общества кобанской культуры представляет собой симбиоз двух разных этнических групп – кочевников и земледельцев, при господстве кочевых племен. Выдвигается гипотеза о том, что, поскольку скифские племена были воинственными («свободными ариями»!), земледелие и ремесленничество считались для них недостойными занятиями и поэтому они якобы стремились подчинить себе кавказских земледельцев и металлургов, которые в качестве дани поставляли бы скифской знати изделия металлообработки и керамики, а также продукты земледелия[2].

Однако такой, слишком упрощенный, взгляд на социально-экономическое и политическое устройство общества знаменитой кобанской культуры не может быть оправдан, поскольку не имеет научного обоснования и абсолютно не согласуется с имеющимся материалом, особенно археологическим, который не позволяет даже постановку вопроса в такой плоскости. Создается впечатление, что те, кто придерживается подобного мнения, механически переносят отношения, складывавшиеся между воинственными кочевниками и мирными земледельцами равнин Восточной Европы и Азии, на отношения между теми же кочевниками и кавказскими горцами. Несомненно, сходство отдельных

[1] Кириченко В.В. Культурно-исторические процессы на территории Центрального Предкавказья в скифское время… С. 58.

[2] См.: Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы... С. 41; Кириченко В.В. Указ. соч. С. 50.

исторических явлений всегда следует учитывать, но само по себе это сходство не имеет силы непреложного доказательства. Дело в том, что на Кавказе кочевые племена (скифы, сарматы и др.) встретились не с мирными земледельцами, с которыми они привыкли иметь дело в других странах, а с горцами – народами, не менее воинственным, чем они сами. Как известно, воинственность, характерная черта горцев, была следствием специфики их хозяйственной деятельности. Воинственность горных жителей Кавказа (*Благородный Человек, Воин, Боец*) отмечают почти все наблюдатели – как древние, так и поздние. Война не была для кавказских горцев способом производства, и они не жили за счет войн и разбойных нападений, как это преимущественно имело место у кочевников, однако, как хорошо известно, им не были чужды военные набеги, в том числе и на кочевников. Поэтому попытки отдельных исследователей представить государственное объединение Центрального Кавказа середины I тыс. до н.э., факт существования которого четко фиксируется археологическим материалом, состоявшим из господ («аристократической знати») – воинственных скифов-кочевников и безропотно служивших им кавказских земледельцев и металлургов и др., являются беспочвенными, не имеют под собой убедительных оснований и далеки от истины.

В качестве главного доказательства господства скифов среди населения Центрального Кавказа приводятся найденные в богатых кобанских могильниках конские захоронения и некоторые виды оружия скифского типа[3]. Но, как уже отмечалось выше, археологический материал четко документирует, что конские захоронения были характерны для кавказских племен, в том числе и носителей кобанской культуры, еще задолго до появления на Кавказе скифов. Что касается оружия скифского типа, то его наличие не может служить индикатором этнической принадлежности того или иного могильника, поскольку вооружение довольно быстро перенималось и становилось достоянием многих, если не всех. А для умелых кобанских мастеров-металлургов изготовление любых видов оружия не составляло большого труда. К тому же вопрос о том, кому принадлежит приоритет в создании скифского вооружения и кто у кого перенял формы оружия – скифы у кавказских (или переднеазиатских) племен или наоборот, все еще остается дискуссионным.

Упускается, к сожалению, из виду также существенный факт – среди археологических находок Центрального Кавказа скифские комплексы в чистом виде не встречаются, они, как правило, вкраплены в местную кобанскую культуру и выявляются в классических кобанских памятниках. Так, например, на основании отдельных предметов вооружения и конского снаряжения скифского облика, обнаруженных в кобанском могильнике *Татарского городища* V–IV вв. до н.э., делается вывод о том, что «здесь были захоронены представители родовой знати кочевых племен скифского круга[4]», в то время как все остальные атрибуты данного могильника, в том числе и погребальный

[3] Там же. С. 53.

[4] Там же. С. 42.

обряд, являются исконно кобанскими. Вообще мысль о том, что представителей племенной верхушки кочевников хоронили за пределами зоны обитания их соплеменников, а именно в городище, где проживало оседло-земледельческое население Кавказа, представлявшее собой иную этнокультурную общность, при всей ее оригинальности, кажется не совсем удачной, тем более что для ее подтверждения нет убедительных доказательств. Антропологические данные и артефакты материальной культуры в богатых кобанских погребениях, особенно VI в. до н.э. и позже свидетельствуют о полном преобладании в захоронениях знати носителей кобанской культуры. Наличие же скифских элементов в богатых захоронениях в крупных кобанских поселениях, в частности *Татарского городища*, и вообще некоторая трансформация погребального обряда – это показатель не столько присутствия чужого этноса, сколько социальных и идеологических изменений внутри нахского общества. Богатые погребения, где имелись в наличии предметы импорта (переднеазиатские, скифские, греческие и др.), принадлежали представителям господствующей военно-аристократической прослойки нахского общества, которые таким образом выражали свою обособленную социальную позицию.

Значительные людские ресурсы и, соответственно, большой военный потенциал, строительство городищ по периметру территории соприкосновения с кочевниками, увеличение сети неукрепленных поселений внутри страны, совершенствования бронзолитейного и железоделательного производства, способствовавшего изготовлению более совершенного оружия, и т.д. – все это отчетливые свидетельства военно-политического могущества нахского государственного объединения на Кавказе, начиная с VI в. до н.э. Поэтому трудно согласиться с мнением о том, что в центральных районах Кавказа, в полном окружении сравнительно высокоразвитого воинственного автохтонного оседло-земледельческого населения, существовали локальные города-государства (*Татарское городище, Грушевское* городище и др.) кочевников скифов.

С момента появления скифов на Кавказе и вплоть до рубежа VII–VI вв. до н.э. их господство в равнинной зоне Центрального Кавказа и контроль над основными кавказскими перевалами, видимо, действительно имели место, о чем свидетельствуют скифские памятники, обнаруженные, например, в Вольном, Нартане в Кабардино-Балкарии, Николаевском в Северной Осетии и других местностях[5]. Надо полагать, что автохтонное население Предкавказской равнины, в отличие от населения предгорных и горных областей, где установление контроля над местными жителями со стороны кочевых племен, в сущности, было невозможно, в тот период оказалось под властью скифов, поскольку основная масса оседло-земледельческого населения всегда оставалась на месте и в период нашествия скифов «кобанцы вовсе не забросили, не покинули плоскость[6]». Поэтому вполне допустимо, что оседло-

[5] Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе... С. 116, 117.

[6] Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время… С. 289.

земледельческое население Предкавказской равнины в тот период выступало данником, т.е. поставляло кочевым племенам продукты земледелия, изделия металлообработки и так далее.

Однако кавказцам удалось вытеснить скифские племена из северокавказских равнин уже в первой половине VI в. до н.э. Согласно Леонти Мровели, братья таргамосианы совместными силами «покорили пределы Хазарети». В данном случае под понятием *пределы Хазарети* имеется в виду, надо полагать, та часть северокавказской равнины, которая находилась под господством *хазар* (скифов) в период их пребывания в этих местах. Таргамосианы во главе с Дурдзуком, разгромив *хазар* (скифов), восстановили контроль над равнинными районами Северного Кавказа. Уточнение же в древнеармянском переводе грузинского текста, что таргамосианы «полонили Хазарети руками Дуцука», следует понимать скорее всего как переход освобожденной Предкавказской равнины «в руки Дуцука», т.е. во власть Дурдзука.

В этом убеждает прежде всего то, что именно нахи возглавляли войну кавказцев против скифов. В этой связи обращает на себя внимание следующее обстоятельство: из всех сыновей Таргамоса Леонти Мровели больше всего внимания уделяет потомкам Картлоса и Кавкаса, и только их он удостаивает чести быть поименно названными в трех поколениях (Картлос – Мцхетос – Уплос; Кавкасос – Тирет – Дурдзук). Поскольку труд Леонти Мровели посвящен истории Картли, которую он рассматривает на фоне общекавказской и мировой истории, то нет, конечно, ничего удивительного в том, что потомству Картлоса уделено столь пристальное внимание. Выделение же потомков Кавкаса – Тирета и Дурдзука, мы вправе рассматривать как отражение выдающейся роли нахов в древней истории Кавказа и свидетельство могущества нахского политического объединения в I тыс. до н.э., имевшего уже достаточно длительную традицию.

Археологический материал четко документирует факт восстановления нахами контроля над равнинными районами Центрального Кавказа. Этим объясняется и *демографический взрыв* нахского населения в середине I тыс. до н.э., отразившийся в резком увеличении с VI в. до н.э. числа кобанских поселений не только в горной и предгорной, но и равнинной зоне Центрального Кавказа (см. выше). В этот период восстанавливаются и расширяются старые, ранее разрушенные, города и поселения и закладываются новые, одновременно осваиваются новые территории и расширяется среда обитания нахских племен. Так, например, в VI–V вв. до н.э. кобанские поселения возникают уже на берегах Урупа, в междуречье Кумы и Терека. В западной части Центрального Кавказа нахские племена смешивались, надо полагать, с проживавшими там древнеадыгскими племенами.

Обнаруженная археологами плотная сеть кобанских поселений и могильников VI–IV вв. до н.э. является ярким свидетельством серьезных изменений в области обеспечения безопасности населения, стабилизации политической ситуации в стране нахов и создания необходимых условий мирного созидательного развития. Трудно, более того – просто немыслимо, представить, чтоб при господстве пришлых племен (скифов) могло произойти резкое увеличение числа кобанских поселений, сопровождавшееся демографическим взрывом среди автохтонного нахского населения. Все это могло стать возможным, разумеется, лишь после

восстановления нахами полного контроля над северокавказской равниной и центральнокавказскими перевалами.

Между населением гор и равнин всегда существовала взаимозависимость, поэтому восстановить контроль над равнинами и кавказскими перевалами одновременно было крайне важно. Создание для равнинной и горной части единого прочного хозяйственно-культурного комплекса являлось необходимым условием не только для обеспечения нормальной жизни населения, но и прогрессивного развития, которое наблюдается в этот период в районах Центрального Кавказа. Вполне возможно, что именно тот период, последовавший после изгнания скифов из северокавказских равнин, и отражен в известном сообщении «Картлис цховреба»: «...И все дурдзуки были свободны от пленений со стороны хазар из-за крепостей страны[7]».

Следствием необходимости постоянной защиты земледельцев и ремесленников, торговых путей и т.д. стало выделение из общества воинов-профессионалов, которые несли службу на постоянной основе, а в случае надобности воинами становилось все мужское население, и, кстати, традиция эта сохраняется у горцев Кавказа вплоть до настоящего времени. Представляется вполне вероятным, что в воинские группы, несшие постоянную службу в Нахаматии, привлекались в качестве наемников и скифские воины-всадники, и, возможно, даже целые скифские отряды. Захоронения таких скифских воинов, обнаруженные в кобанских поселениях, видимо, ошибочно воспринимаются сегодня некоторыми археологами как доказательство господства скифов в этих местах в середине I тыс. до н.э.

Археологи отмечают резкое сокращение числа скифских памятников в Предкавказье с VI в. до н.э. и их полное исчезновение к V в. до н.э.[8] В этот же период наблюдается столь же резкое ослабление связей кавказского мира со скифами, завершившееся практически полным их разрывом к IV в. до н.э.[9] К тому времени в северокавказских степях скифских памятников уже не обнаруживается[10]. По-видимому, скифские племена были вытеснены из северокавказских степей: основная их масса переместилась в Северное Причерноморье, где и было образовано Скифское царство.

Возможно, отдельным небольшим группам скифских племен, которые не представляли уже опасности, удалось остаться на равнинах Центрального Кавказа и были вовлечены в формировавшееся нахское государственное образование в качестве военных наемников, дружинников и т.д. Со временем,

---

[7] Мровели Леонти. С. 30.

[8] Петренко В.Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 172; Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе... С. 112; Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994. С. 45.

[9] Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э.. С. 72; Махортых С.В. Указ. соч. С. 7, 14; Есаян С.А., Погребова. М.Н. Скифские памятники Закавказья... С. 136.

[10] Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья… С. 77.

будучи оторванными от основной массы своих сородичей, воспринимая культурные традиции и черты оседлого образа жизни, они ассимилировались в нахской этнической среде[11]. Об этом свидетельствуют изменения в скифском погребальном обряде, происходившие под все более усиливавшимся влиянием кобанской культурной традиции[12].

Почти во все исторические периоды важной частью истории кавказских народов являлось тесное взаимодействие и взаимовлияние с кочевыми племенами. Начиная с VII в. до н.э. связи населения Северного Кавказа со скифскими племенами стали тесными и оживленными, что это наложило отпечаток на общий облик материальной и духовной культуры как кочевников северокавказских степей, соприкасавшихся с кавказскими племенами, так и самих кавказцев. Контакты с более высокоразвитым населением Кавказа оказали на скифских племен северокавказских степей значительное благотворное влияние, которое проявилось в характере их погребального ритуала, совершенствовании оружия и конского снаряжения, керамики и предметов быта. В свою очередь, пребывание скифских племен на Северном Кавказе в VII в. до н.э. не прошло бесследно и оказало довольно сильное влияние на социально-экономическую и политическую жизнь коренного оседло-земледельческое населения Кавказа. В материальной культуре кавказских племен, в том числе и нахских, появляются типично скифские элементы. Например, кобанская культура того периода, по мнению исследователей, испытывает определенное влияние скифского «звериного» стиля, хотя, впрочем, как известно, зооморфность присуща изделиям кобанцев и более древнего времени[13].

В то же время следует отметить, что в научной литературе существует мнение о том, что большая группа скифских племен прочно обосновалась на Кавказе и освоила его предгорья и высокогорные районы, при этом сначала вытеснила из них основную часть автохтонного населения, а оставшуюся – ассимилирова-

[11] Существует мнение, что в конце VII – начале VI вв. до н.э. какая-то племенная группа, этнически пестрая по составу, участвовавшая в переднеазиатских походах скифов, закрепилась у предгорий в центре Предкавказья. Этническое развитие этой группы шло за счет включения в ее состав и дальнейшей «переработки» как выходцев как из кобанских племен, так и ираноязычных групп, проживавших здесь в VI–V вв. до н.э. В результате образовался новый этносоциальный организм, имевший двуединую кобано-иранскую основу, названный пра- или предаланским (Виноградов В.Б., Березин Я.Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 30–32).

[12] Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время... С. 292; Кириченко В.В. Указ. соч. С. 98; Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С.220–223.

[13] Вольная Г.Н. К вопросу о происхождении бронзовых фигурок оленя из памятников раннего железного в. на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа // Древность: историческое знание и специфика. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. Выпуск IV. 14–16 декабря 2009 г. М., 2009. С. 78.

ла (Ю.С. Гаглойти, А.А. Туаллагов). Ошибочность такого мнения неоднократно отмечалась многими известными археологами-кавказоведами, поскольку оно не только не имеет достаточной фактологической базы, но и резко контрастирует с данными археологии[14]. Археологический материал однозначно говорит об отсутствии скифских поселений в предгорьях и тем более в горах Кавказа, а все те памятники, которые с большей или меньшей вероятностью можно отнести к скифским, в основном расположены в равнинной зоне. Однако и эти памятники уже «далеки от классических («чистых») скифских, но зато, как правило, синкретичны в обряде и несут к тому же ощутимый кавказский налет едва ли не во всех основных частях инвентаря (керамика, оружие, звериный стиль, украшения[15])». Согласно Е.П. Алексеевой, «археологические исследования Центрального Кавказа говорят о том, что никакого массового проникновения скифов, а затем сарматов до начала н.э. в эти места не было… на Центральном Кавказе скифских и сарматских памятников нет, есть только отдельные предметы скифского и сарматского типа, которые могли попасть сюда в результате обмена[16]».

Известные археологи (Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, Р.М. Мунчаев, В.И. Козенкова, М.П. Абрамова, Е.П. Алексеева, В.Б. Виноградов, В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов, М.Х. Багаев и др.) неоднократно предостерегали от одностороннего освещения взаимоотношений скифских и кавказских племен в пользу чрезмерного преувеличения роли скифов, и отмечали необоснованность отнесения к скифскими или сарматским археологических комплексов, в которых выявлены отдельные предметы, характерные для скифов или сарматов. Археологические находки (акинаки, топоры, стрелы, конская узда, «звериный стиль»), по которым судят об оседании скифов на Кавказе, единичны, довольно фрагментарны и вполне могут быть просто заимствованными и т.д. Но, к сожалению, пока еще продолжает бытовать тенденция, когда в ряде работ многие памятники кобанской культуры Центрального Кавказа относят к скифским или сарматским по нескольким случайным черепкам или фрагментам керамики. Как отмечает В.Б. Виноградов, «вопрос о материальных свидетельствах контактов

[14] Поразительнее всего, как отмечает В.Б. Виноградов (Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время... С. 283), что в подобных отклонениях от истины ссылаются на авторитет крупных археологов. В связи с этим на конференции в Орджоникидзе, посвященной этногенезу осетинского народа, Е.И. Крупнов вынужден был специально отметить: «Я считаю правильными выступления… которые подчеркнули заблуждения Ю.С. Гаглоева со ссылкой на меня. Якобы я утверждал ранее оседание скифов, особенно в горной полосе Кавказа … Я никогда и нигде не говорил, что уже в VII–VI в.х до н.э. происходит массовое оседание скифов на Кавказе… Выступающие совершенно правильно локализовали следы раннего пребывания скифов на равнине, а не в горах…» (см. также: Крупнов Е.И. Проблема происхождения осетин по археологическим данным // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 22–41, 318).

[15] Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ… С. 288.

[16] Алексеева Е.П. Выступление на конференции, посвященной проблеме происхождения осетинского народа // Происхождение осетинского народа... С. 257.

со степняками подменяется интерпретацией содержащих их памятников как комплексов скифской культуры, оставленных скифами[17]». При этом не обращается внимание на то, что в большинстве случаев памятники, относимые к скифским, находятся в окружении кобанских в соотношении 1:10 и более, а вещи скифского типа и характер погребений, в которых они обнаружены, а также число таких погребений свидетельствуют о том, что скифский компонент составляли преимущественно воины, пришедшие сюда без семей и усвоившие местную культуру, но вместе с тем сохранившие на некоторое время свою самобытность в том, что касалось воинского (в том числе всаднического) снаряжения[18].

Соотношение известных погребений скифских и автохтонных племен в Предкавказской равнине отчетливо показывает, что в подавляющем большинстве их представлено кавказское население, а присутствие степных жителей весьма фрагментарно и незначительно, следовательно, нет каких-либо оснований говорить об оседании в этих местах какой-либо группы скифов, большой или малой[19]. Впрочем, данный факт не исключает того, что, находясь в тесном контакте со степняками, нахи могли принимать на своей этнической территории отдельные группы кочевников, которые впоследствии растворялись в их этнической среде – на это указывает то, что около середины I тыс. до н.э. в местную материальную культуру включаются скифские формы. Однако в своей массе население Центрального Кавказа продолжает придерживаться фундаментальных основ древнекобанской традиции, включающих в себя важные признаки хозяйства, быта, материальной и духовной культуры. Среди этих основ: традиции домостроительства и погребения (типы погребальных сооружений и детали погребального обряда, использование одного и того же могильника многими поколениями), оседлый образ жизни, развитие традиционных форм оружия (копья, некоторые типы стрел, кинжалы местных типов) и украшений (бронзовые ожерелья, булавки весловидные и с зооморфными навершиями, подвески в виде головок козлов и баранов) и т.д.[20]

Многие основополагающие признаки кобанской культуры оказались настолько устойчивыми, что пережили в. и дошли до сегодняшнего дня, проявившись в

---

[17] Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ… С. 285–286.

[18] Там же. Стремление некоторых современных историков представить скифские кочевые племена обитателями Кавказа часто приводило и приводит к курьезам. Один из таких курьезов отмечает В.Б. Виноградов: в некоем учебном пособии по истории Северного Кавказа написано, что скифские племена «выбрали высокий обрывистый берег реки Сунжи для своего поселения» (Виноградов В.Б. Указ. соч. с.287).

[19] Крупнов Е.И. Выступление на конференции, посвященной проблеме происхождения осетинского народа // Происхождение осетинского народа... С. 318; Алексеева Е.П. Выступление на конференции… С 257; Виноградов В.Б. Указ. соч. С. 287; Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху... С. 55.

[20] См.: Е.И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа... С. 390; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время... С. 292; Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы... С. 54.

национальных формах материальной и духовной культуры не только прямых потомков ее создателей – нахских народов (чеченцев и ингушей), но и других современных народов Кавказа[21].

Согласно археологическим данным, на территории Центрального Кавказа процесс развития местной самобытной культуры не прерывался с древнейших времен, что исключает (по крайней мере, в I тыс. до н.э.) мысль о возможных изменениях в этническом составе населения этого региона. Значительная плотность населения, занятого земледелием и ремеслом; достаточно высокая социальная организация нахского общества; отсутствие у нахов в I тыс. до н.э. следов иранизации, подтверждающаяся сохранением культурного единства, которое проявилось в традиционных формах погребального обряда, материальной и духовной культуры – все это убедительные свидетельства образования на Центральном Кавказе к середине I тыс. до н.э. прочного государственного объединения нахов, его непрерывного развития в условиях политической стабильности и безопасности.

Ход дальнейшей истории подтверждает, что нахи обладали достаточно высокоразвитыми для того времени технологиями, были сильны в военном отношении и военно-политически доминировали на Центральном Кавказе. Начиная с VI в. до н.э., на протяжении нескольких столетий наблюдается устойчивое мирное развитие центральнокавказского населения при отсутствии каких-либо вторжений со стороны кочевников, что было обусловлено возросшей военной мощью нахов. Как известно, степные орды пользовались любыми возможностями для набегов. Если в цепи земледельческих государств ослабевало какое-либо звено, они немедленно туда устремлялись. Но как только стабилизировался процесс созидания и укрепления земледельческих государств, кочевники не осмеливались нападать.

Как уже выше отмечалось, в целях обеспечения защиты своей страны от вероятных вторжений кочевых полчищ, нахи уже не довольствуются естественной защищенностью своих поселений – а переходят к строительству укрепленных сооружений на северной границе страны. Привлекает внимание и тот факт, что эти укрепления (или как их принято называть – *городища*), основанные на рубеже VII–VI вв. до н.э., функционируют на протяжении нескольких столетий (с VII в. до н.э. вплоть до III-II вв. до н.э.), периодически укрепляются и совершенствуются (ремонтируются, обновляются). Трудно представить, что укрепления, составлявшие единую систему обороны и располагавшиеся по всему северному периметру Центрального Кавказа, строились и содержались на протяжении нескольких столетий без наличия сильной государственной организации. Сооружение систем оборонительных городищ по всему периметру вероятного соприкосновения с кочевыми племенами – от верховьев Большой и Малой Зеленчуков и Ставропольской возвышенности на западе до впадения реки Сунжи в Терек на востоке, и установившаяся политическая стабилизация на протяжении длительного времени, разумеется, является свидетельством

[21] Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия... С. 39–57.

начала нового этапа истории нахов, который характеризуется ростом военной мощи и ускорением экономического и культурного развития. Отчасти это, видимо, следует связывать с приходом в страну в конце VII – начале VI вв. до н.э. южнонахских и урартских племен, которые привнесли в нахское общество культурные и технологические инновации.

О том, что к середине I тыс. до н.э. на Центральном Кавказе образовалось единое нахское политическое объединение, красноречиво свидетельствуют и общие, собирательные названия, употреблявшиеся для обозначения всех жителей данной территории, – *нахаматеан, кавкасиан, малхи//махли, мосох*. Сохранились также имена правителей нахского государственного объединения – Адирмах, Дурдзук, сын Тирета (варианты: Тирен, Тинен, Тирис).

По поводу происхождения имени отца Дурдзука весьма остроумную догадку высказал М.М. Базоркин, вслед за М.Г. Джанашвили предположив, что *Тинен* (*Тирет*) – это не личное имя отца Дурдзука, а производное от грузинского слова *тина – скала, гора*, т.е. Дурдзук означает *сын скалы* (*горы, камня*[22]). Думается, что мнение М.М. Базоркина заслуживает серьезного внимания, правда, с необходимым уточнением: *тина* – это не грузинское, а хурритское слово, означающее *гора* (*скала*) и довольно часто встречающееся в хуррито-урартской ономастике[23]. Мотив рождения героя (человека) из камня (сын камня) также приводит нас к хурритской мифологии – к рождению Улликумы из камня («Песнь об Улликумми») и к главному герою нартского эпоса кавказских народов Сосрыкуа (Сослан, Сеска-Селса[24]). Таким образом, *Дурдзук, сын Тинена*, означает *Дурдзук, сын камня* (*Скалы*). Как хорошо известно, сын скалы (камня*)* – это олицетворение солнечного героя, рожденного от божества солнца, и понятие сын скалы равнозначно понятию *сын* (*божества*) *Солнца*, отсюда владыка нахов Дурдзук – сын Солнца.

Таким образом, правитель нахов Дурдзук, как и Адирмах (*обладатель силы Солнца*), персонифицируется с солнцем (*Дурдзук – сын Солнца*), что дает основание с достаточной долей уверенности предполагать, что в принадлежащих перу древнегреческого (Лукиан Самосатский) и древнегрузинского (Леонти Мровели) авторов сообщениях о махлах (малхах), возглавляемых правителем Адирмахом, и кавкасианах во главе с владыкой Дурдзуком, речь идет об одном и том же периоде истории нахов, а именно о середине и второй половине I тыс. до н.э., когда существовало нахское государственное объединение с единым верховным богом, именуемым Малх (бог Солнца).

Персонификация правителей нахов с главным государственным культом страны – верховным божеством Малх (*Адирмах – обладатель силы Солнца, Дурдзук – сын Солнца*) знаменует собой уже достаточно глубоко зашедший процесс расслоения нахского общества и одновременно дает основание предполагать о существовании государственного объединения во главе с

[22] Базоркин М.М. История происхождения ингушей... С. 43–44.

[23] Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту... С. 246.

[24] Ардзинба В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня... С. 129.

правителем, в руках которого была сосредоточена светская и религиозная власть. Как известно, подобное происходит в тех случаях, когда власть считается божественно установленной, а сами владыки (цари) признаются прямыми потомками богов, что характерно для древневосточной государственной традиции. Данное обстоятельство, скорее всего, говорит о влиянии на нахское общество переднеазиатской государственной традиции, привнесенное переселившимися с юга на Кавказ племенами.

В становлении и укреплений нахского государственного объединения, бесспорно значительна роль, переселившихся из урартских областей племен – носителей переднеазиатской государственной и культурной традиции. Влившись в нахское государственное объединение, они, надо полагать, оказали огромное влияние на его социально-политическую и культурную жизнь, дали новый импульс к дальнейшему поступательному развитию. Переднеазиатские культурные инновации, в частности в области верований, отчетливо проявляются во многих сферах жизни нахского населения Центрального Кавказа того периода. Так, в пантеоне нахских языческих божеств мы видим переднеазиатские (хуррито-урартские) божества – Малх, Эл, ЦIу (Цов), Тушоли, Эштра, Нана, Шаро и др., что позволяет уверенно утверждать об активной роли переселившихся южнонахских и хурритоурартских племен, носителей переднеазиатской государственной традиции, в формировании нахского государственного объединения на Центральном Кавказе в середине I тыс. до н.э.[25]

Вместе с тем, несмотря на то, что имена общенахского верховного бога – *Малх* и правителя нахов – *Дурдзук*, находят прямые параллели с урартскими *Малхом* и *Дурдзуком*, нельзя с полной уверенностью говорить о том, что становление нахского государственного объединения происходило под главенством переселившихся сюда хуррито-урартских племен, принесших с собой государственные традиции Урарту. Есть достаточно оснований для того, чтобы почитание божества Малх (*бог Солнца*) нахскими племенами Центрального Кавказа отнести к более раннему периоду, по крайней мере, ко второй половине II тыс. до н.э., а Дурдзук, согласно сохраненным у Леонти Мровели сведениям, был правителем нахов («владыкой над сыновьями Кавкаса») еще до нашествия скифов, т.е. задолго до переселения хуррито-урартских племен на Кавказ на рубеже VII–VI вв. до н.э.

Кроме того, следует иметь в виду, что выделение роли Дурдзука в победоносной войне *таргамосиан* (кавказцев) против *хазар* (скифов) в период их первого нашествия является, несомненно, отражением верховенства Дурдзука над объединенными силами таргамосиан и признания его власти всеми братьями таргамосианами. Этот, сообщаемый Леонти Мровели факт, свидетельствует не

[25] Возможно, кому-то и покажется, что столь широкое представительство в нахской этнонимике и теонимике хуррито-урартской этнической номенклатуры и имен божеств позволяет рассматривать нахское государственное объединение Центрального Кавказа как в некотором роде продолжателя государственных традиций Урарту. Однако для такого вывода имеющегося материала недостаточно, но, не исключено, что дальнейшие исследования могут внести коррективы в этот вопрос.

только о значительной роли нахского государства в судьбах народов Кавказа того периода, но и о том, что становление нахского государства проходило под руководством именно нахов Центрального Кавказа.

К сожалению, в настоящее время почти ничего не известно об истории этого действительно могущественного государственного объединения на Кавказе, просуществовавшего, как увидим ниже, с VI по II вв. до н.э. При полном отсутствии местных нарративных источников и эпиграфических памятников приходится пользоваться весьма скудными данными греко-римской, армянской и грузинской литературной традиции. Вместе с тем детальный анализ имеющихся сведений, пусть и очень отрывочных, в совокупности с ценным археологическим материалом кобанской культуры позволяет уже сегодня судить о некоторых вопросах политической и социально-экономической жизни этого значительного древнего государства на Кавказе.

Античной письменной традиции было известно о существовании в I тыс. до н.э. на Кавказе могущественного царства нахов (малхиев//махлиев). Согласно этой традиции, сохранившейся у Лукиана Самосатского, малхийское (нахское) царство выступает как одно из крупных государственных образований Юго-Восточной Европы второй половины I тыс. до н.э. и находится в тесном взаимодействии с окружающими его политическими образованиями, в том числе и с Боспорским царством. Нахское (малхийское) царство не только признается равноправным партнером крупных государственных объединений того времени (Боспорское царство, Скифское царство, Колхидское царства и др.), но и превосходит их по могуществу и влиянию. Так, малхийский царь Адирмах был женат на дочери Боспорского царя. Адирмах превзошел своих соперников, претендентов на руку боспорской царевны Мазеи, в том числе правителей колхов, скифов, сарматов и др., именно благодаря «благородству происхождения, могуществу и богатству[26]». В данном случае Лукиан передает нам почерпнутые из различных источников представления, бытовавшие среди боспорцев и соседей малхов (махлов), о значимости, силе и могуществе малхийского (нахского) царства. Видимо, браки между представителями боспорской и малхийской царских династий в то время были частыми.

В связи с военным конфликтом со скифами правитель малхиев Адирмах за короткое время «собрал большое войско» и вторгся в Скифию[27]. Данное сообщение Лукиана весьма ценно, поскольку передает бытовавшие в Боспоре представления о многочисленности войск малхийского (нахского) царя. Какими бы преувеличенными ни были эти сведения, они не только отражают военно-политическое могущество древних вайнахов, но и прекрасно иллюстрируют демографическую ситуацию в стране, что согласуется с данными археологии, документирующими высокую плотность населения Центрального Кавказа того периода.

[26] Лукиан, 109, 255.
[27] Лукиан, 109, 257.

2. Южные границы нахского государственного объединения в VI–IV вв. до н.э.

Южная граница Нахаматии с Колхидой проходила по Эгрисскому и Рачинскому хребтам, а с Картли – вдоль Цилканских (Сарматских, Дурдзукских) ворот около местности Жинвали. Установленные границы Нахаматии с Колхидой верны не только для второй половины I тыс. до н.э., а, согласно Геродоту, также и для середины I тыс. до н.э. Однако этого нельзя сказать о ее границах с Картли. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что страна нахов граничила с Картли по линии Цилканских ворот, можно говорить лишь с начала II в. до н.э., когда здесь, на границе Картли с Дурдзукети, по данным древнегрузинских источников, были построены ворота Дарубал. Что касается более ранних периодов, то тогда, как увидим ниже, граница проходила намного южнее.

При изучении древних источников и современных исследований, касающихся вопросов этнополитической истории центральных областей Южного Кавказа середины и второй половины I тыс. до н.э., особенно возникновения Картлийского царства, нельзя не заметить в них явные пробелы и противоречия. Так, древнегрузинская историческая традиция сохранила не просто две разные, а противостоящие друг другу версии о возникновении Картлийского царства, отразившиеся в «Картлис цховреба» и в «Мокцевай Картлисай». В современной же грузинской историографии вплоть до 60-х гг. XX в. господствовало мнение о том, что после разгрома Урартской державы государственные центры переместились к северу и, таким образом, в VI вв. до н.э. возникло Картлийское (Иберийское) царство. Данная теория зиждилась в основном на трех постулатах: 1) согласно археологических данных, в VI в. до н.э. на территории Картли сложились все условия для возникновения классового общества и государства; 2) с конца VII – VI вв. до н.э. выявляется сходство материальной и духовной культуры населения Картли с культурой восточномалоазийских, особенно урартских, центров; 3) хуррито-урарты и хетты относятся к древнегрузинским племенам, которые после падения Урарту перенесли центр своей государственности в Картли[28].

Однако дальнейшие исследования не подтвердили эту версию – была выявлена несостоятельность гипотезы о генетическом родстве грузинских племен с хуррито-урартами и хаттами и о том, что древнегрузинские племена проживали на территории Урартского царства[29]. К настоящему времени в историографии прочно установилось мнение, что Картлийское царство возникло лишь в начале III в. до н.э., и связывается это с племенами, которые в конце IV в. до н.э. переселились в Картли из южных областей[30].

---

[28] История Грузии... С. 52–53.

[29] Казалось бы, никого не могут удовлетворить устаревшие и не получившие научного подтверждения положения, ошибочность которых становится все более очевидной. Однако, как ни странно, они проявляют завидную живучесть и в несколько измененном виде сохраняются в грузинской научно-популярной литературе вплоть до настоящего времени.

[30] Меликишвили Г.А. К вопросу о возникновении классового общества и первых государственных образований в Грузии // ВИ. 1956. № 4; Болтунова А.И. Возникновение

Многими исследователями (Ю.М. Гогошидзе, Д.А. Хахутайшвили, Н.Ю. Ломоури, К.Н. Мелитаури и др.), между тем, ставится под сомнение утверждение о том, что государство в Картли было образовано лишь в III в до н.э., поскольку оно вступает в явное противоречие с документальными свидетельствами – археологическими материалами, которые указывают на то, что «к VI в. до н.э. на территории Картли сложились все условия для возникновения классового общества и государства[31]». Археологи отмечают, что погребальный инвентарь из Самтавро, Садзегури («Ахалгорийский клад»), Казбеги, Цинцкаро, Канчаети и др. убедительно подтверждают о том, что начиная уже с VI в. до н.э., в центральных районах Южного Кавказа был довольно высок уровень производительных сил, наблюдается сложившаяся социальная дифференциация и концентрация богатств в руках аристократических слоев общества, а возникновение в VI–V вв. до н.э. городов и функционирование уже в V–IV вв. до н.э. сложных оросительных систем, для строительства которых необходимы были и длительное время, и сильная центральная власть и т.п., явно свидетельствуют о существовании государственной системы управления[32].

Противоречию между археологическими данными, четко фиксирующими признаки существования в Картли государства уже с VI–V вв. до н.э., и древнегрузинской исторической традицией, свидетельствующей об образовании Картлийского царства в III в. до н.э., исследователи находят различные объяснения: наличие классового общества без государственной организации; существование нескольких государственных образований, которые лишь в III в. до н.э. объединились в одно Картлийское царство и т.д. Некоторые исследователи стараются модернизировать существующие точки зрения путем слияния элементов разных гипотез в одну, внешне вполне убедительную систему. Но все эти версии не могут считаться убедительными и подвергаются критике – словом проблема образования государства в Картли все еще не разрешена и остается предметом научных дискуссий. До конца еще не раскрыты условия, время и причины возникновения государства на территории Картли (Иберии), а также роль в этом процессе различных этнических групп, проживавших здесь согласно данным археологии, письменных и других источников. При этом следует отметить, что исследователи, апеллируя к современным историко-географическим представлениям, в понятие Картли включают всю территорию современной Восточной Грузии, с чем никоим образом нельзя согласиться.

классового общества и государственной власти в Иберии; Ломоури Н.Ю. Возникновение Древнеиберийского (Картлийского) царства // Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975; Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии... С. 365.

[31] Ломоури Н.Ю. Указ. соч. С. 28.

[32] Мелитаури К.Н. Крепости дофеодальной и феодальной Грузии. Тбилиси, 1969. С. 27; Хахутайшвили Д.А. Возникновение городов Иберии и их развитие в античную эпоху // Древний Восток. Города и торговля (III–I тыс. до н.э.) Ереван, 1973. С. 178-184; Ломоури Н.Ю. Возникновение Древнеиберийского (Картлийского) царства... С. 28; Гогошидзе Ю.М. Картли (Иберия) в V–I в.х до н.э. Автореф. диссертации на соискание учен. ст. докт. ист. н. Тбилиси, 1983.

Но в то же время трудно отрицать обнаруживаемые неопровержимые признаки государственного устройства в центральных областях Южного Кавказа. Весьма сложно опровергнуть свидетельства археологического материала, фиксирующего глубокое имущественное расслоение среди населения центральных районов Южного Кавказа в VI–IV вв. до н.э. – в долине среднего течения реки Куры, ущелий рек Арагви, Ксани, Алазани и др. Углубление имущественной дифференциации и возникновение социального неравенства отчетливо наблюдается, например, в Самтаврском могильнике в Мцхете. Как отмечал Б.А. Куфтин, во многих могильниках представителей знати погребены с царским великолепием[33].

Представляют большую ценность сообщения «Мокцевай Картлисай» о четырех крепостях Картли – Саркине, Каспи, Урбниси и Одзрахе[34]. Достоверность сведений древнегрузинских источников о существовании в Картли в VI–IV вв. до н.э. указанных крепостей-городов подтверждена археологическими раскопками[35]. Упомянутые в «Мокцевай Картлисай» города располагались на берегу реки Куры, на перекрестке двух важнейших дорог, из которых та, что пролегала вдоль Куры, являясь составной частью Транскаваказской торгово-транзитной магистрали и соединяла побережья Черного и Каспийского морей, другая же – через перевалы Центрального Кавказа и связывала Северный Кавказ и Восточную Европу с Малой Азией и Ближним Востоком. В период VI–IV вв. до н.э. эти города достигают пика своего развития и переживают расцвет[36], однако в конце IV – начале III в. до н.э. они подвергаются опустошению вторгшимися сюда иноземными войсками. Через некоторое время крепости-города восстанавливаются и продолжают существовать вплоть до II в. до н.э.[37] Со II в. до н.э., однако, они теряют прежнюю значимость и приходят в запустение, вновь начинают восстанавливаться уже с I в. н.э.[38] Дороги центральной части Южного Кавказа, являясь частью системы международно-транзитной торговли,

[33] Куфтин Б.А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе // Антология советской археологии (1941–1956). Т. III. М., 1996. С. 56.

[34] «Когда царь Александр обратил в бегство потомков Лота и оттеснил их в полуночную страну, тогда [он] впервые увидел свирепые племена бунтюрков, живших по течению Куры в четырех городах с их предместьями. [Это были]: город Саркине, [город] Каспи, [город] Урбниси и [город] Одзрахе, и крепости их: большая крепость Саркине, правительские крепости Каспи, Урбниси, Одзрахе» (Обращение Грузии. С. 12).

[35] Каспи расположен на левом берегу Куры – при впадении в нее реки Лехур (*Лех-ур* – на насхком *из ледника* (*вытекающая*). Одзрахе располагался на южном склоне Мосхийского (Месхетского) хребта, на месте нынешнего Абастумани, Саркине – на левом берегу Куры, при впадении в нее реки Ксани, Урбниси – на правом берегу Куры, в 10 км к западу от города Гори.

[36] Хахутайшвили Д.А. К вопросу о генезисе и сущности городов рабовладельческой Грузии (на груз. яз.) // Вестник отдела общественных наук АН ГССР. № 3. Тбилиси, 1961. С. 306–319; Его же: Возникновение городов Иберии... С. 180.

[37] Хахутайшвили Д.А. Возникновение городов Иберии… С. 180; Лордкипанидзе О.Д. Некоторые результаты новейших археологических исследований в Грузии // Историко-филологические разыскания. Ч. I. Тбилиси. 1980. С. 110–111.

[38] Хахутайшвили Д.А. Указ. соч. С. 180; Лордкипанидзе О.Д. Указ. соч. С. 110.

безусловно, не могли бы функционировать в то время, если бы не было бы государственной организации, способной обеспечить безопасность не только близлежащих от указанных городов-крепостей путей вдоль среднего течения Куры, но в целом и дорог и перевалов Центрального Кавказа.

В связи с этим обращает на себя внимание такой факт – в «Мокцевай Картлисай» из четырех вышеназванных крепостей один называется *Большая крепость Саркине*, а три других – *крепости владыки*, или, как это переводит с древнегрузинского языка независимо друг от друга Н. А. Бердзенишвили и М.С. Чхартишвили, *правительственные крепости* – Каспи, Урбниси, Одзрахе[39]. Наличие *крепостей* владыки (или правительственных крепостей) достаточно определенно указывает на существование здесь в VI–IV вв. до н.э. центральной государственной власти, что, опять-таки, входит в противоречие с утверждением, что в Картли государство было образовано лишь в III в. до н.э. В научной литературе существует несколько объяснений этого несоответствия. Одни исследователи считают, что начальники отмеченных крепостей-городов являлись должностными лицами, управлявшими отдельными странами, а когда Мцхета стала столицей Картли и крепости-города вошли в состав образовавшегося раннее рабовладельческого государства, возглавлявшегося царем, они стали подчиненными царя, административными управителями ранее принадлежавших им стран[40]. Однако это совершенно не вяжется с тем, что в VI–IV вв. до н.э., т.е. до возникновения в III в. до н.э. Картлийского царства со столицей в Мцхета, данные города функционировали не как центры государств или областей, а именно как правительственные крепости (*крепости владыки*). Остаются без ответа вопросы о том, какую функцию выполняли эти крепости с VI по III в. до н.э. и какому владыке подчинялись их начальники.

Согласно другой версии, до образования Картлийского царства начальники указанных крепостей являлись административными лицами Мцхетского мамасахлиси и подчинялись ему. Однако этому противоречит отсутствие на территории Мцхета не только крепости, но и вообще городского поселения в VI – IV вв. до н.э. В окрестностях нынешнего Мцхета до III в. до н.э. известно лишь о наличии двух небольших поселений[41], которые вряд ли могли претендовать в то время на роль политического центра. Помимо этого, следует иметь в виду и то, что термин *мамасахлис* изначально в исследовательской литературе неправильно использовался для обозначения понятий *глава дома, рода, старейшина общины*. Установлено, что в древнегрузинских источниках для обозначения глава дома, глава рода, старейшина общины и вообще представителей родовой знати употреблялись слова *бери, хуци* (*ухуцеси*), *тавади*, а термин *мамасахлис,* обычно, служил для обозначения царских чиновников, представителей царской администрации[42]. Так, по «Картлис цховреба» Мцхетский мамасахлис не является

[39] Обращение Грузии. С. 12.

[40] Мелитаури К.Н. Крепости дофеодальной и феодальной Грузии... С. 32–33.

[41] Лордкипанидзе О. Наследие древней Грузии... С. 321.

[42] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 404.

ни царем, ни владыкой, а лишь «посредником и судьей между картлосианами[43]», т.е. административным лицом, чиновником, подчиняющимся какому-то вышестоящему лицу. Характерно, что древнегрузинские авторы применяют термин *мамасахлис* (*Мцхетский мамасахлис, Картлийский мамасахлис*), в сообщениях именно о тех периодах, когда еще не существовало Картлийского царства: Мцхетский мамасахлис действует до образования Картлийского (Иберийского) царства в начале III в. до н.э.; после упразднения Картлийского царства в 523 г. Сасанидами в Картли назначается наместник, и с этого времени до восстановления Картлийского царства в грузинских источниках правитель Картли называется *мамасахлиси* (*Картлийский мамасахлис*). В период же функционирования Картлийского царства термин *мамасахлис* обозначал чиновника, представителя верховной власти. Так, например, в «Хронике Ксанских эриставов» *мамасахлисами* называют чиновников, представителей Ксанских эристовов на местах, *мамасахлисами* назывались также настоятели монастырей, которые не обладали самостоятельностью и подчинялись католикосу[44].

Из всего сказанного следует, что Мцхетский мамасахлис никак не мог быть владыкой (правителем) указанных крепостей, поскольку являлся лишь представителем какой-то верховной власти и выполнял роль чиновника. Для снятия вышеназванных противоречий остается единственная возможность – признать Картли частью более крупного государственного объединения. Действительно, если выйти за рамки территории собственно Картли и рассмотреть сложившуюся ситуацию в контексте всего Кавказа и сопредельных регионов, то многие вопросы этнополитической истории Картли середины и второй половины I тыс. до н.э., считавшиеся до сих пор неразрешимыми, могут, похоже, получить разрешение.

Для начала, рассмотрим, какие государственные объединения существовали в интересующий нас период. Вскоре после падения Урартской державы, в первой половине VI в. до н.э., свою власть на бывшие территории Урарту, а также на области Южного Кавказа распространяет Мидийская держава. Мидию сменяет могущественная Ахеменидская Персия, просуществовавшая более двух столетий – с середины VI в. до н.э. до 30-х гг. IV в. до н.э. Границы Ахеменидской империи доходили до Эгейского моря и устья Дуная на западе, до Нильской долины на юго-западе и реки Инда на востоке.

Мидия и Ахеменидская Персия, безусловно, были заинтересованы в установлении контроля над кавказскими перевалами, а также над центральными областями Южного Кавказа. Интересы эти были продиктованы военно-стратегическими и экономическими нуждами. Как известно, этот регион во все времена представлял собой важнейший коммуникационный узел, один из стратегических перекрестков, связывавших Переднюю Азию с Восточной Европой и Средней Азией. По сообщениям античных источников, через

[43] Мровели Леонти. С. 25.

[44] Памятник эриставов // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1968 г. М., 1970. С. 45, 67.

Картли в ахеменидский и раннеэллинистический периоды проходила также международная торгово-транзитная дорога, ведущая из Индии и Средней Азии к городам Восточного Причерноморья. И, естественно, тот, кто владел этой областью, приобретал возможность контролировать и транзитные дороги, что делало его весьма могущественным как в экономическом, так и в военно-политическом отношении. Но, как известно, ни Мидии, ни Ахеменидской Персии не удалось установить свое господство над центральнокавказскими перевалами – их войска были остановлены на подступах к центральным областям Южного Кавказа. Границы Мидии на Южном Кавказе доходили до местности Хунани (Хунаракерт), расположенной неподалеку от впадения реки Храми в Куру, и до долины Чорохи[45]. Сменившей Мидию Ахеменидской империи удалось значительно расширить пределы своего политического влияния, но и ее северная граница на Южном Кавказе начиналась на востоке от устья реки Куры, составляя северный участок границы 11-й сатрапии Каспиена, далее шла по руслу Куры до слияния с ней реки Храми (около местности Хунани), а отсюда направлялась на запад по реке Храми до Триалетского хребта и по вершинам последней до отрогов Мосхийского, или Аджаро-Имеретского хребта, далее на юг по Арсианскому хребту[46].

В некоторой зависимости от Ахеменидов находилось население Кавказской Албании, хотя оно, вероятно, и не подчинялось непосредственно персидской администрации. В отношении же Колхиды есть сообщение Геродота о том, что колхи не входили ни в одну из сатрапий: но, что они «обложили себя [добровольными] приношениями[47]».

Военная активность Ахеменидов на Южном Кавказе достигает наивысшей точки на рубеже VI – V вв. до н.э. Она была связана с необходимостью обеспечения безопасности северных границ империи от возможных вторжений с Кавказа в период походов Дария I в Скифию (515 г. до н.э.) и Ксеркса I в Грецию (480 г. до н.э.[48]). К этому времени, вероятно, относится и строительство крепостей вдоль северной границы империи на Южном Кавказе, где, согласно археологическим свидетельствам, располагались персидские военные гарнизоны: Цискорант-гора в Камбечани (Ширакское плато) на юге Кахетии, недалеко от Хунани; Сары-тепе, недалеко от г. Казах (на западе соврем. Азербайджана); Гумбати на южном склоне Триалетского хребта (Цалкская котловина[49]). Все эти гарнизоны (к ним

[45] Дьяконов И.М. История Мидии... С. 76.

[46] Тирацян Г.А. Территория Ервандской Армении (VI в. до н.э. – III в. до н.э.) // Историко-филологический журнал. № 2. Ереван, 1981. (на арм. яз.) С. 72–73; Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 50.

[47] Геродот. III, 97.

[48] Дандамаев М.А. Указ. соч. С. 44 и след.

[49] Нариманов И.Г. Находки баз колонн VI–V вв. до н. э. в Азербайджане // Советская археология. М., I960; K. Pitskhelauri, I. Gagoshidze, B. Maisuradze, E. Quavadze, A. Furtwangler, F. Knaus. The result of the field work of the Kacheti joint Georgian-German archaeological expedition in 1996 \\ Archaeology of Caucasus. New-Discoveries and perspectives International Scientific Session. Abstracts of Papers. Tbilisi, 1997. p. 77–79.

можно отнести также поселения у с. Даракой и на горе Ай-Илиа в Триалети[50]) образовывали приграничную линию обороны Ахеменидской Персии на Южном Кавказе, которая проходила с востока на запад – от Камбечани и Хунани, по Триалетскому хребту, до восточных окраин Мосхийского хребта.

Ахеменидам, видимо, так и не удалось включить в состав своей державы земли к северу от указанной приграничной линий и распространить свое господство на население северных районов центральной части Южного Кавказа. На это указывает и тот факт, что источники ничего не сообщают о населении Картли (Иберии) периода могущества Ахеменидской Персии: картлийцев (иберийцев) нет в списках племен, привлекавшихся ахеменидскими царями для своих многочисленных походов, их нет в числе народов, плативших дань Ахеменидам, и, наконец, они не фигурируют среди племен и народов, привлекавшихся Ахеменидами для строительных и различных хозяйственных работ. Заслуживает внимания и сообщение Плутарха о том, что «иберы не покорялись ни мидянам, ни персам, избежали даже и македонского владычества[51]».

Словом, у нас нет свидетельств, которые хотя бы косвенно указывали бы на установление господства Ахеменидской Персии к северу от местности Хунани и Триалетского хребта и, соответственно, на распространение власти Ахеменидов на Мцхетского мамасахлиса. Можно было бы допустить, что к тому периоду политическая власть царя Колхиды распространилась на Картли, о чем, кстати, говорилось уже в научной литературе, однако, по сообщению Геродота, в виде добровольной дани «колхи обязались посылать дары персам; они доставляли каждые пять лет по сто мальчиков и по сто девочек[52]». Как известно, существовавшая в тот период система подарков носила вовсе не добровольный характер, и Колхида скорее находилась в вассальных отношениях с Ахеменидской Персией и была обязана в случае войны выставлять ей вспомогательные отряды и т.д. Так, например, колхи входили в состав персидских войск, вторгшихся в Грецию в 480 г.[53] Так, что колхские цари вряд ли смогли бы распространить свою власть на Картли и установить контроль над ней. Во всяком случае, для такого утверждения нет никаких данных.

Отражение экспансии Мидии, а затем и Ахеменидской Персии на подступах к центральным областям Южного Кавказа, обычно, связывают с борьбой картлийских племен за свою независимость[54]. Безусловно, борьба местных племен против захватчиков имело место, но вместе с тем совершенно очевидно, что отразить натиск мировой державы Ахеменидов вряд ли удалось бы разрозненным племенам Картли. Противостоять захватническим устремлениям Ахеменидской Персии могло только могущественное политическое образование

[50] Нариманишвили Г. Триалети в VI–IV вв. до н. э. // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» 23–30 сентября 2010 г. Тбилиси-Гори-Батуми, 2011. С. 176.

[51] Плутарх. Помпей. XXXIV.

[52] Геродот. III, 97.

[53] Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии... С. 162.

[54] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 273.

и, как представляется, единственным таким образованием в VI–IV вв. до н.э. могло быть лишь нахское государство**.**

Такое видение не противоречит, а, напротив, подтверждает весь имеющийся материал. Как уже отмечалось выше, археологические данные достаточно определенно указывают на близость материальной и духовной культуры Центрального Кавказа и Картли эпохи поздней бронзы и раннего железа. Это в первую очередь подтверждает предметный материал могильников Триалети, Маднисчала, Цопа, Мцхета, который во многом аналогичен материалам Тли, Сержень-Юрт[55]. Археологические памятники кобанского характера периода поздней бронзы и раннего железа обнаруживаются и в других частях Картли и Кахети (см. выше).

Выявляемое материальное и духовное родство археологических памятников Центрального Кавказа и Картли эпохи поздней бронзы и раннего железа дает достаточно оснований для предположения о том, что в эту эпоху на территории Центрального Кавказа и Картли проживало если и не однородное, то этнически близкородственное население, по всей вероятности, относившееся к нахской этнической группе. Правомерность такого предположения подтверждает и отмеченная выше нахская принадлежность древнейшего населения Картли (хоны, бунтурки, масахи, гугары, цанары). Правда, начиная с VI–V вв. до н.э. материальная культура рассматриваемого региона претерпевает ощутимые изменения. Но и здесь, решающую роль сыграло скорее перемещение из южных областей в центральные области Кавказа этнически близкородственного нахам населения, приобщенного к государственности и культурным традициям Урарту, хотя при этом следует, конечно, учитывать мидийское, а затем и персидское влияние[56].

Не приходится сомневаться в том, что население центральных областей Южного Кавказа было вовлечено в политические процессы, имевшие место на Кавказе в конце VII – начале VI вв. до н.э., и прежде всего в возглавляемую нахами Центрального Кавказа общекавказскую войну против скифов, о чем сообщает Леонти Мровели. В этих условиях вероятность того, что южнонахские племена участвовали в процессе формирования нахского государственного объединения становится достаточно высокой. Подтверждение тому и сообщение Леонти Мровели об участии племен Южного Кавказа (братьев таргамосиан) в войне против *хазар* (скифов) и строительстве укрепленных городов на Северном Кавказе – от Ставропольской возвышенности на западе до реки Хулхулау на востоке. Данное сообщение Леонти Мровели можно рассматривать как сохраненный отголосок распространения политической власти нахского правителя (*владыки Дурдзука*) на население центральных областей Южного Кавказа.

Для нахского государственного объединения установление контроля над Картли было необходимо не только для получения свободного выхода к странам

[55] Техов Б.В. Дзарцемский могильник // ИЮОНИИ. Тбилиси, 1978. С. 3–7; Джапаридзе О.М. Археология Грузии. Тбилиси, 1991. С. 135–144.

[56] Гогошидзе Ю.М. Картли (Иберия) в V–I в.х до н.э... С. 23.

Передней Азии и осуществления надзора за проходившими здесь торговыми путями, но и для обеспечения безопасности страны и защиты ее от вторжений с юга. Трудно сомневаться в том, что в процессе возникновения крепостей-городов в долине Куры в VI в. до н.э. определенную роль сыграли торговые пути, т.к. древнейшие города и торговые пути не существовали друг без друга, однако следует учитывать, что рассматриваемые города генетически не восходят к торговым путям[57]. Это подтверждается и расположением крепостей-городов (правительственных крепостей) – от Мосхийского хребта на юго-восток вдоль реки Куры, т.е. напротив ахеменидских приграничных гарнизонов (крепостей), размещавшихся по линии от восточной окраины Мосхийского хребта – Триалетский хребет – Хунани – Комбичена. Именно по этой линии проходила, по всей видимости, и южная граница нахского государственного объединения. Расположение крепостей-городов напротив ахеменидских приграничных гарнизонов указывает на то, что, помимо, контроля над транзитными торговыми путями и обеспечения их безопасности, они выполняли функции охраны южных рубежей нахского государства. Одновременно, надо полагать, эти города служили административными центрами – опорными пунктами центральной власти. Этим и объясняется то, что в древнегрузинских источниках вышеуказанные крепости-города называются *правительственными крепостями* (*крепостями владыки*). То, что эти крепости владыки принадлежали именно владыке нахов косвенно подтверждается и тем, что, по данным древнегрузинских источников, в рассматриваемый период известен лишь один владыка – владыка кавкасиан Дурдзук.

Весьма примечательно, что строительство крепостей-городов как на южных рубежах нахского государственного объединения – вдоль реки Куры, так и на северных – от Ставропольской возвышенности на западе до впадения реки Сунжи в Терек на востоке, происходило почти одновременно: в конце VII – первой половине VI вв. до н.э. Данный факт, документированный археологическим материалом, служит доказательством существования на всей указанной территории единого политического пространства с единым центром власти. Одновременное строительство и содержание городов с оборонительными функциями на северных и южных подступах к важнейшим центральнокавказским перевалам служит еще одним доказательством экономической и военно-политической мощи нахского государственного объединения, его способности контролировать ключевое пространство, имевшее огромное военно-стратегическое и экономическое значение.

Расположение этих укреплений одновременно указывают откуда исходила опасность для нахского государства: с севера от степных племен, а с юга – от Ахеменидской Персии. Сведения о военных столкновениях с войсками Ахеменидской державы сохранились в древнегрузинских источниках, однако, в них вторжения Ахеменидов в центральные области Южного Кавказа в период

[57] Хахутайшвили Д.А. Возникновение городов Иберии… С. 180.

VI–IV в. до н.э. искусственно приписываются Александру Македонскому[58]. Согласно Ю.М. Гогошидзе, безуспешная попытка войск Ахеменидской Персии захватить Картли в древнегрузинских источниках представлена в как первое нашествие Александра Македонского[59]. Источники сообщают, что вторгшиеся войска встретили отпор «свирепых племен бунтурков, осевших по течению реки Куры, в четырех городах и их предместьях (Саркине, Каспи, Урбниси и Одзрахе) …И царь, не будучи в силах бороться с ними, удалился…ибо нашел их крепости сильными и города мощными[60]».

Военно-политическое и экономическое положение нахского государственного объединение в VI–IV вв. до н.э. позволило нахам выстоять в борьбе против Ахеменидской экспансии. Персам, вероятно, ничего не оставалось как удовлетвориться установлением договорных отношений с нахами, которое гарантировало обеспечение защиты имперских владений от вторжений через Кавказ.

Таким образом, какими бы скудными ни были сведения письменных источников, вкупе с археологическим материалом они демонстрируют наличие у нахов сложившегося раннегосударственного объединения с высокой степенью самодостаточности, возглавляемого господствующей царской династией. Перед нами предстает развивающаяся, богатая историческими событиями страна – густонаселенная, с множеством благоустроенных поселений, в которых растет количество жителей, улучшается их благосостояние, бурно развиваются ремесла, внутренняя и внешняя торговля и т.д. Не случайно кавказоведы середину I тыс. до н.э. считают одним из самых блестящих страниц древней истории Центрального Кавказа[61].

На протяжении почти 700 лет – от нашествия скифов в VII в. до н.э. до рубежа новой эры, кочевые племена севера не смогли совершить каких-либо нашествий на Южный Кавказ. Видимо, Кавказ стал для кочевников в этот период действительно непроходимой стеной, и причина этого – существование в центральных районах Кавказа могущественного государственного объединения нахов, преодолеть которого оказалось для кочевников непосильной задачей.

---

[58] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 279–280.

[59] Гогошидзе Ю.М. Картли (Иберия) в V–I в.х до н.э... С. 25.

[60] Обращение Грузии. С. 4–5; Мровели Леонти. С. 28.

[61] См.: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 6; Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков... С. 14.

Глава IX

НАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ НА РУБЕЖЕ IV–III ВВ. ДО Н. Э.

1. Нашествие сарматов

На рубеже IV–III вв. до н.э. политическая ситуация на северных, и особенно на южных границах Нахаматии резко ухудшается: с севера в страну вторгаются полчища кочевников, а на южных подступах происходят крупные потрясения, итогом которых становится очередное изменение этнополитической карты Передней Азии. В результате этих перемен складывается новая геополитическая реальность, отразившаяся впоследствии на исторических судьбах нахов.

В конце IV – начале III в. до н.э. в страны Северного Кавказа и Северного Причерноморья вторгаются большие массы кочевых племен, вошедших в историю под именем *сарматы*. Родина сарматов и место формирования их культуры – поволжские и приуральские степи. Постепенно *сарматы* занимают территории на Южном Урале, в Среднем и Нижнем Поволжье, в Северном Прикаспии, а в III в. до н.э. они переходят Дон, разгромив скифов и вытеснив их в Крым, продвигаются далее на запад вплоть до Дуная. После этого этноним сарматы, первоначально обозначавший одну из групп кочевников, постепенно становится собирательным для обширного и разнородного кочевнического мира евразийских степей, господствовавшего на территории от реки Тобол на востоке до реки Дунай на западе, заменив прежнее название скифы. Как отмечает Плиний, «имя скифов повсюду переходит в имя сарматов[1]».

В начале III в. до н.э. сарматские племена устремляются на юг, к богатым и процветающим областям Кавказа. Первые волны сарматских полчищ с Нижнего Подонья и Поволжья обрушиваются на Западное Предкавказье. Именно вторжением сарматов объясняется гибель многих поселений на правобережье Средней и Нижней Кубани в первой половине III в. до н.э. В этот же период набеги сарматов достигли северо-западных и северных областей нахской страны. Однако основной удар сарматских войск пришелся в этих местах на укрепленные городища и поселения, составлявшие единую оборонительную систему нахского государственного объединения. Благодаря этим укреплениям, а также значительной военной силе, нахи сумели организовать стойкий отпор вторжению многократно превосходивших их по численности полчищ кочевников. Так, по данным археологии, крупные нахские города, известные в специальной литературе как

[1] Plin. IV, 25, 81.

Грушевское городище, Татарское городище, Ханкальское городище и др., пали лишь после длительной осады[2]. Несмотря на серьезные потери и разрушения, ценой больших усилий нахам удалось отразить натиск сарматов, не пропустить захватчиков в глубь страны. Об этом свидетельствуют материалы раскопок поселений и могильников – после нашествия сарматов на территории Центрального Кавказа осталась проживать то же жители, что и прежде, с теми же традициями духовной и материальной культуры, причем плотность народонаселения также осталась неизменной; во многих разрушенных поселениях жизнь не прекратилась, за короткий период времени были отремонтированы и восстановлены разрушенные укрепления. Более того, на правобережье Терека, например, на месте разрушенных была выстроена новая, более мощная цепь оборонительных сооружений (городищ) для защиты от вторжений кочевников[3].

В отличие от восточной, в западной части Нахаматии после сарматского нашествия сложилась иная ситуация, особенно в районе Ставрополья. Здесь последствия вторжения сарматов оказались более разрушительными: был стерт с лица земли один из крупных центров ремесла и торговли – *Грушевское городище*, также были полностью разрушены и многие другие нахские поселения. Часть земледельческого населения этих районов стала перемещаться на юг и юго-восток, а сюда стали проникать сарматские племена[4].

Несмотря на то, что нахам удалось отразить нападение сарматов, вторжение нанесло серьезный урон. Большинство крепостей-городов и селений в равнинной части Нахаматии были разграблены, лежали в руинах, резко сократилась международная торговля и т.д.[5] Судя по всему, не удалось избежать и территориальных потерь: от страны нахов были отторгнуты западные области – район Ставрополья, а также земли, лежавшие на подступах к Клухорскому и Марухскому перевалам и имевшие важное военно-стратегическое значение.

В Западном Предкавказье сарматы начали осваивать степи восточного побережья Азовского моря и Прикубанья, соседствуя бок о бок с меотскими (древнеадыгскими) племенами[6]. Хотя, конечно же, не обходилось без вооруженных стол-

---

[2] Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие… С. 326.

[3] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа... С. 166; Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху... С. 49. Прокопенко Ю.А. Указ. соч. С. 327.

Попытка объяснить возникновение цепи оборонительных городищ вдоль реки Терек стремлением сираков защититься от натиска аорсов и таким образом представить среднее течение Терека границей между сираками и аорсами (Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа... С. 123-124) в научной литературе не получила признания и была подвергнута справедливой критике (см.: Кузнецов В.А. Рецензия на книгу: В.Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // СА, 1964. №4. С. 234; Каменецкий И.С. Ахардей и сираки... С. 49–50.

[4] Абрамова М.П. Некоторые особенности развития культуры населения западных и центральных районов Предкавказья сарматского времени. Майкоп, 1992. С. 59.

[5] Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие… С. 326.

[6] Анфимов Н.В. Племена Прикубанья в сарматское время. СА, 1958, вып. 28. С. 62–71; Его же: К вопросу о сарматизации Прикубанья // V Крупновские чтения по археологии

кновений между сарматами и автохтонными древнеадыгскими племенами[7], но, как отмечает большинство исследователей, заселение сарматами этих мест было длительным и достаточно мирным процессом[8]. В середине III в. до н.э. складывается военно-политический союз оседло-земледельческого адыгского населения и сарматских племен (сирако-меотский союз), известного в античных источниках как Сиракский союз племен[9]. Сирако-меотское объединение племен становится серьезной военно-политической силой на Западном Кавказе[10]. В состав этого объединения, скорее всего, вошли и бывшие западные области Нахаматии. Есть достаточные основания считать, что сирако-меотский союз племен установил контроль над Марухским и Клухорским перевалами, дорога через которые выводила к расположенным на абхазском побережье Черного моря богатым торговым центрам – Диоскурии (Сухум), Питиунту (Пицунда), Гюнесу (Очамчыра) и др.

Судя по тому, как начиная с III в. до н.э. археологический материал к западу от реки Малка приобретает новые черты и его облик становится все более и более отличным от раннего, надо полагать, что с этого времени западные границы нахского объединения отодвигаются к реке Малка. Так, на протяжении трех веков – с III по I в. до н.э. включительно, по реке Малка проходила линия раздела между двумя археологическими группами[11], факт, который указывает на то, что именно по этой реке установилась более или менее устойчивая граница между нахским государственным объединением и образовавшимся сирако-меотским союзом. Этим, скорее всего, и объясняется и появление у адыгских и ираноязычных племен и самого названия реки – *Малка*, производного от имени *малх*, употреблявшегося у древних адыгов и ираноязычных племен для обозначения нахского объединения.

Тяжесть последствий сарматского вторжения для нахского государственного объединения связана еще и с тем, что для отражения сарматов были привлечены

Кавказа. Махачкала, 1975. С. 49.

[7] Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье... С. 48.

[8] Абрамова М.П. Указ. соч. С. 59.

[9] За неимением соответствующих данных сложно говорить о характере этого союза и о взаимоотношениях, сложившихся между древними адыгами и сарматскими племенами. Единственное, о чем можно сказать с уверенностью, это то, что, согласно археологическому материалу, кавказские народы (адыгские, нахские) по уровню своей материальной и духовной культуры намного превосходили сарматов. Ученые характеризуют культуру сарматов как «безликую, бедную и невыразительную» (см.: Абрамова М.П. Некоторые особенности развития культуры населения западных и центральных районов Предкавказья сарматского времени... С. 59). Несомненно, сарматы, находившиеся еще на варварской ступени развития, в процессе длительных контактов с северокавказскими народами (адыгами, нахами и др.) перенимали у них многие черты материальной и духовной культуры. Вероятно, именно к тому времени относиться и появление у ираноязычных племен нартского эпоса.

[10] Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. С. 122; Его же: Сираки Кубани в военный конфликтах античного мира // «Кубанский сборник». Т. 4 (25). Краснодар, 2012. С. 85.

[11] Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время... С. 21.

не все силы нахов. Дело в том, что на рубеже IV–III вв. до н.э., во время нашествия сарматов, на южных рубежах страны нахов сложилась тяжелейшая ситуация, вызванная походом Александра Македонского и падением Ахеменидской империи, которые повлекли за собой массовое перемещение людей, что привело к новому изменению этнополитической карты Передней Азии, затронувшим также Южный Кавказ и, соответственно, южные области нахского государства.

2. Падение Ахеменидской империи и новая волна миграции племен в центральные районы Южного Кавказа на рубеже IV–III вв. до н.э.

В 30-х гг. IV в. до н.э. греко-македонские войска под предводительством Александра Македонского разгромили Персидскую империю, что коренным образом изменило этнополитическую ситуацию на огромных просторах бывшей державы Ахеменидов и в сопредельных странах. В результате победоносных войн Александра Македонского возникла огромная империя, намного превосходившая империю Ахеменидов: на западе ее границы простирались до берегов Адриатики, а на востоке – до Северо-Западной Индии. Однако созданное Александром Македонским военно-административное объединение по своему характеру было непрочным и вскоре после его смерти (323 г. до н.э.) распалось. В результате ожесточенной борьбы между диадохами – преемниками Александра Македонского, на развалинах империи возник ряд эллинистических государств, ознаменовав собой начало трехсотлетней эллинистической эпохи, продолжавшейся до 30 г. до н.э.

Наиболее крупной из эллинистических держав являлось царство Селевкидов, основателем которого был один из диадохов Александра Македонского – Селевк. Границы этого государства охватывали Мидию, Элам, Персию, Бактрию, Парфию, всю Месопотамию, Северную Сирию. В прилегающей к Центральному Закавказью северо-восточной части Малой Азии сложилось Понтийское царство, которое основал Митридат I Ктист (302–266), сатрап последнего царя Ахеменидской Персии Дария III. В состав Понтийского царство вошли племена, жившие в Юго-Восточном Причерноморье и в бассейне реки Чорохи[12]. К востоку от бассейна Чорохи и к югу от Триалетского хребта, до впадения реки Куры в Каспийское море располагалась Мидийская Атропатена, сумевшая сохранить на некоторое время свою независимость[13].

Не совсем ясна ситуация, сложившаяся в центральных районах Южного Кавказа. Согласно древнегрузинской исторической традиции, Александр Македонский побывал в Картли и после длительной и изнурительной войны с хонами

[12] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 275–276; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство… С. 67.

[13] Новосельцев А.П. К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии // Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. И.А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976. С. 104.

завоевал эту страну. Именно с легендарным походом Александра Македонского связывается и первое появление в Картли грузин (картвелов). Согласно «Мокцевай Картлисай», «спустя несколько времени прибыл Александр, царь всего мира, разрушил эти три города и крепости и поразил хонов оружием. Только с городом Саркине он воевал одиннадцать месяцев. …Потом Александр взял Саркине: сами (хоны, бунтурки) оставили его и удалились. И держал при себе царь Александр сына царя Ариан-Картли Азо, и дал ему в резиденцию Мцхета, назначив границами Эрети, Эгрисцкали, Армению и Црольскую гору, и ушел. А этот Азо отправился в Ариан-Картли, к отцу своему, и привел [оттуда] восемь домов и десять домов сородичей, и поселился в древней Мцхета, имея богами идолов Гаци и Гаим[14]». В «Житие святой Нино» прямо указано: «мы, картвелы, являемся потомками этих, вышедших из Арриан-Картли (переселенцев[15])».

В «Картлис цховреба» также сообщается, что Александр Македонский на протяжении одиннадцати месяцев вел кровопролитную войну с «жестокими воителями» Картли, засевшими в тринадцати крепостях-городах. Александр Македонский сокрушил все пребывавшие в Картли «смешанные племена, перебил и полонил иноплеменников», поставил наместником (эриставом) Азона со стотысячным войском, занявшее Картли[16].

Рассказы древнегрузинских источников о приходе в Картли Александра Македонского носят мифический характер, поскольку достоверно известно, что Александр никогда не был на Южном Кавказе. Но, с другой стороны, нельзя считать их совершенно не заслуживающими доверия или пытаться объяснить их появление тем, что якобы все это было выдумано грузинской знатью, которая таким образом пыталась связать свое происхождение со знатными чужестранцами и показать тем самым, что правители Грузии и все ее население были переселены на нынешнюю территорию в эпоху Александра Македонского, как это иногда встречается в литературе[17]. Прежде всего, из сообщений древнегрузинских источников вовсе не следует, что переселены были все жители Картли – напротив, согласно древнегрузинской исторической традиции переселенцами являются лишь только картвелы (грузины), а до их прихода в Картли проживали иноплеменники – хоны, бунтурки.

Сведения письменных источников о притоке нового населения в Картли и имевших место здесь ожесточенных битвах находят прямое подтверждение в материалах археологических раскопок, которые отчетливо свидетельствуют о том, что крепости-города, упомянутые в древнегрузинских источниках, реально существовали и действительно подверглись разорительным нападениям в конце IV – начале III вв. до н.э. В поселениях выявлены следы насильственных разрушений и пожарищ, которые однозначно свидетельствуют о проходивших в этих местах длительных и кровопро-

[14] Обращение Грузии. С. 5–6. В новой редакции источника («Житие св. Нино») сообщается, что Азо привел из Ариан-Картли тысячу домов простолюдин и десять домов княжеских.

[15] Картлис цховреба. С. 56.

[16] Картлис цховреба. С. 55.

[17] Шамиладзе В.М. Об этногенетическом и этнокультурном единстве народов Кавказа. URL: http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/238678.html.

литных сражениях[18]. Более того, во время раскопок городищ Настакиси, Уплисцихе, Урбниси в слое пожарища конца IV – начала III в. до н.э. были обнаружены каменные ядра разного калибра, которые были выпущены из метательных орудий терсонного типа (катапульты и баллисты-палинтоны[19]). Учитывая то, что столь технически совершенными для того времени метательными боевыми машинами (*античная артиллерия*) располагала исключительно македонская полевая армия, обслуживаемая специально обученными инженерными частями, исследователи справедливо связывают данный факт с военными действиями в этих местах диадохов, которые после смерти Александра Македонского делили между собой власть[20].

Установленным и непреложным фактом, задокументированным археологическим материалом, является также то, что именно с конца IV – начала III в. до н.э. нарушается единая для всей центральной части Южного Кавказа материальная и духовная культура, существовавшая с середины II тыс. до н.э. С рубежа IV–III вв. до н.э. в культуре Картли происходит резкий перелом, ознаменовавшийся появлением в структуре материальной и духовной культуры целого ряда совершенно новых составляющих, свидетельствующих о притоке нового этнического элемента. Следует особо подчеркнуть тот факт, что на первом этапе, в конце VII – начале VI вв. до н.э., переселение племен в центральные районы Кавказа не привело к смене культуры, хотя и способствовало проявлению новых черт материальной культуры, которые органично влились в существовавшие традиции, в частности, на территории Картли (как отмечают археологи, непрерывность и однородность культуры прослеживается начиная с XV в. до н.э. вплоть до рубежа IV в. до н.э.). Но именно вторая волна переселения в центральные области Южного Кавказа, относимая к концу IV – началу III вв. до н.э., приводит к резкому изменению культуры, указывающему на появление здесь абсолютно новой этнической группы[21].

[18] Гагошидзе Ю.М. Картли (Иберия) в V–I в.х до н.э… С. 45; Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии. Тбилиси, 1989. С. 13.

[19] Мусхелишвили Д.Л. К вопросу о связях центрального Закавказья с Передним Востоком в раннеантичную эпоху… С. 25.

[20] Гагошидзе Ю.М. Указ. соч. С. 45; Лордкипанидзе Г.А. Парадигма «Запад – Восток» и Античная Грузия // Конфликты на Кавказе: история, современность и перспективы урегулирования. Баку (Азербайджан) 22-23 октября 2012 г., Тбилиси (Грузия) 25–26 октября 2012 г. Тбилиси, 2012. С. 87.

[21] См.: Мусхелишвили Д.Л. Основные вопросы исторической географии Грузии // Сборник исторической географии Грузии. V. Тбилиси, 1975. С. 15–16; Его же: К вопросу распространения красноглиняной керамики на территории Восточной Грузии в раннеантичную эпоху... С. 215; Пицхелаури К.Н. Памятники второй половины I тысячелетия до н.э. на территории Кахетии… С. 226; Толордава В.А. Инновация в погребальных обрядах Колхиды эллинистического времени // Причерноморье в эпоху эллинизма (Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья). Тбилиси, 1985. С. 58; Гагошидзе Ю.М. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья (на груз. яз.). Тбилиси, 1963. С. 78–80; Гагошидзе Ю.М. Картли (Иберия) в V–I в.х до н.э… С. 45; Лордкипанидзе О.Д. Вани в IV–III вв. до н.э. (Об инновациях в материальной культуре) // Причерноморье в эпоху эллинизма (Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья). Тбилиси, 1985. С. 123.

С конца IV в. до н.э. носители новой материальной и духовной культуры внедряются не только в долину среднего течения Куры, но проникают и в восточные окраины Колхиды (Вани, Аргвети[22]). По археологическим данным отмечаются разрушения поселений Вани, Саирхе, Модинахе, Мтисдзири и др. Если ранее для Колхиды было характерно абсолютное единство материальной культуры, то в конце IV – начале III вв. до н.э. на ее восточных окраинах появляется совершенно новая культура, которая свидетельствует об этнических сдвигах и знаменует проникновение в эти места нового этнического элемента[23]. Распространение в центральных районах Южного Кавказа в конце IV – начале III вв. до н.э. новой материальной и духовной культуры, резко отличающейся от культуры, бытовавшей здесь ранее на протяжении более чем тысячелетия, по единодушному мнению исследователей, является отражением прохождения здесь новой этнической волны из глубин Малой Азии[24].

В пользу этого свидетельствует также изменение антропологического типа. В Самтаврском могильнике (Мцхета) останки людей, погребенных до середины I тыс. до н.э., антропологически резко отличаются от захороненных в более позднюю эпоху: антропологический тип первого, более раннего, этапа (эпохи бронзы и раннего железа) соответствует кавкасионскому типу, а второго, более позднего (начиная со второй половины I тыс. до н.э.), находит аналогии в более южных областях и соответствует переднеазиатскому (арменоидному) типу[25]. Весьма симптоматично в связи с этим то, что если до рубежа IV – III вв. до н.э. археологический материал Самтаврского могильника обнаруживает близость к кобанским материалам, то в материале последующей эпохи эта близость ослабевает[26]. В тех районах Картли и восточных окраин Колхиды, где с конца IV – начала III в. до н.э. появляется новая материальная культура, хотя и фиксируются на тех же местах остатки поселений предыдущего периода, но культурная преемственность или непосредственная хронологическая последовательность, как правило, не прослеживается[27]. Таким образом, археологический и антропологический материалы довольно четко свидетельствуют о появлении в конце IV – начале III вв. до н.э. в центральных областях Южного Кавказа нового этнического элемента, а в некоторых его частях и о возможной частичной смене населения.

Свидетельства археологии и антропологии согласуются с приведенными выше сообщениями древнегрузинских источников о продолжительной и ожесточенной войне, в ходе которой войска Александра Македонского разрушили кре-

[22] Лордкипанидзе О.Д. Указ. соч. С. 480; Гамкрелидзе Г.А. К истории Колхиды времен Азо-Фарнаваза (на груз. яз.) // Известия АН Грузинской ССР, 1985, № 3. С. 86–97.

[23] Лордкипанидзе О.Д. Указ. соч. С. 480; Толордава В.А. Указ. соч. С. 512–513.

[24] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 185; Мусхелишвили Д.Л. К вопросу распространения красноглиняной керамики на территории Восточной Грузии в раннеантичную эпоху… С. 215; Толордава В.А. Указ. соч. С. 513.

[25] Абдушелишвили М.Г. К палеоантропологии Самтаврского могильника. Тбилиси, 1954. С. 108.

[26] Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию... С. 50.

[27] Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии. С. 312.

пости-города, расположенные по среднему течению Куры. Часть жителей (хоны, бун-турки) захваченных городов вынуждена была отойти в горную зону страны. После этого Азон (Азо), назначенный Александром Македонским наместником Картли, переселил сюда своих сородичей – картвелов (грузин).

Правдивость сведений о переселении грузин на Кавказ, причем насильственном (в одних источниках Навуходоносором, в других – Спандиатом или Александром Македонским), подтверждается и существованием еще с античных времен связанной с этим устойчивой письменной традиции. О переселении грузинских племен на Кавказ сообщают, помимо древнегрузинских, греко-латинские, персидские, арабские, армянские и др. письменные источники. Эти сведения давно уже вошли в научный оборот и хорошо известны, а потому нет необходимости приводить их. Однако среди этих сведений привлекает внимание важное сообщение Дионисия Александрийского, которое почему-то выпало из поля зрения исследователей и до сих пор не получило должной научной оценки. Дело в том, что в отличие от других античных авторов, сообщающих лишь о переселении иберов на Кавказ, Дионисий называет имя автохтонного народа, который проживал в Картли (Иберии) к моменту прихода туда древнегрузинских племен и с которым последние вступили в войну.

3. Кавказская Гиркания античных источников

Дионисий Александрийский, по прозвищу Периегет, писал свои труды во II в. н.э., однако установлено, что в сочинении «Описание населенной земли» он наряду с современной ему историко-географической литературой римского времени широко использовал ионийские (Скилак, Скимн и др.) и древневосточные источники, в результате чего в указанной работе представлена и географическая номенклатура, отражающая ситуацию середины и второй половины I тыс. до н.э. Многие события этого периода, сохраненные Дионисием, находят подтверждение в раннеантичных источниках и согласуются с ними[28].

В своем сочинении Дионисий Александрийский пишет, что на перешейке между Каспийским и Черным морями «живет восточный народ иберы, которые некогда пришли с Пиренеев на восток и *вступили в ожесточенную войну с гирканами*» (выделено мной – Г.Г.[29]).

Гирканией древние авторы называли юго-восточное побережье Каспийского

[28] См.: Ростовцев М.И. Скифия и Боспор... С. 74–76.

[29] «Здесь Фасис, катясь по поверхности Киркейской равнины, извергает в волны Эвксина свои быстрые пенистые воды, получив свое начало у Арменийской горы. К северо-востоку от него лежит перешеек между Каспийским и Эвксинским морями. На нем живет восточный народ иберы, которые некогда пришли с Пиренеев на восток и вступили в ожесточенную войну с гирканами» (Дионисий, 652–710). Евстафий в комментариях к «Землеописанию Дионисия»: «К северо-востоку от Армянской горы находится перешеек, что между Каспийским и Эвксинским морями; на нем живут восточные иберы, естественные враги гирканов, переселившиеся от западных иберов, живущих у Пирены, которая, как мы знаем, называется также Пиренейской горой» (Евстафий к Дионисию, 694, 695, 199).

моря (соврем. Горган-Астрабад), а также горные перевалы в этих местах – Гирканские ворота. Вместе с тем, название *Гиркания* античные авторы часто употребляли также для обозначении Дарьяльских ворот (Гирканские ворота) и прилегавших к ним с юга территорий – Картли и Кахети. Этимология названия *Гиркан* восходит к древнеперсидскому **vrkana* (*горг – волк*). Как известно, на ранних этапах истории человечества волк занимал важное место в культурной традиции многих народов. Волк был популярен в мифологии как символ свободы, неукротимости и самостоятельности, войны и бесстрашия, чистоты и благородства, справедливости и честолюбия. Почти во всех частях земли засвидетельствованы названия целых народов, стран, поселений и т.д., восходящие к имени волка, являвшегося тотемом отдельного племени или группы племен.

В связи с этим исследователями (Ю.И. Абуладзе, Г.В. Церетели) было высказано предположение, что у древнегрузинских племен волк также был тотемом, поэтому древние персы и называли Иберию-Грузию *Гурканией* (*страной волков*), а иберов-грузин *гирканами – волками* (*горг*), и именно отсюда происходит древнегреческое *Гиркания//Гуркания*[30]. Однако для обоснования своей гипотезы ее авторы, к сожалению, не приводят ни одного существенного аргумента. Поэтому, а также по ряду других причин, данная трактовка происхождения термина *Гиркан*, использовавшегося для обозначения Иберии-Грузии и грузин, а также самого термина *Грузия* (*Джорджия*) от термина *Гуркан,* была принята довольно скептически и, хотя иногда озвучивается в научно-популярной литературе, не получила признания в академической научной среде.

Происхождение терминов *Грузия* и *Иберия* связывается с армянской языковой средой, а именно с армянским названием Грузии и грузин – *Вирк* (*Верк*), *вераци* (*враци*), т.е. на армянском языке – *Верхняя страна*, *северяне*, на что указывали еще М. Броссе и Г. Деетерс[31]. От армянского Вирк происходит и иранское (северо-пехлевийское) *Вркан* (*Вирк + ан = Вркан*), *Варджан*, сирийское *Гурз*(*ан*), арабское *Гурдж*(*ан*), *Курдж*(*ан*), русское *Грузия*, европейское *Джорджия* и т.д. От армянской формы Ի վեր *Ивер* (*Iver*) – *наверху*, и *вераци* – *верхние*, образуется, в свою очередь, также и греко-латинское *Иверия* (*Иберия*[32]). С историко-географической и историко-лингвистической точки зрения версия М. Броссе и Г. Деетерса является наиболее убедительной и приемлемой, с чем согласны большин-

[30] Абуладзе Ю.И. К этимологии термина «гурджи» (на груз. яз.) // За марксистское языкознание. Юбилейный сборник, посвященный сорокапятилетней научной деятельности академика Н.Я. Марра. Тифлис, 1934. С. 293-300.

[31] Brosset M. Histoire de la Georgie. Saint-Pétersbourg, 1858. P. IV–VI; Deeters G. Der Name der kaukasischen Iberer: Festschrift P. Kretschmer, Wien, 1965, I. P. 85.

[32] «Армяне своих грузинских соседей именуют *вирк*, которое является множественным числом *вир*, а страну *Врастан*, дом *вирков*… Это слово происходит от армянского слова *вер*, *И вера – наверху*, откуда произошли два других слова – *верин* и *веранаци*, что означает Иберию или иберийца» (Brosset M. Указ. соч. С. VI). «Слово *ибер* греки восприняли от армян путем устной речи … (армяне называют грузин *virk*, локативом чего является i vers-i viras-bei den Georgieru) Iveras по распространенной в то время итации образует форму ιβηρες (Иберия) (Deeters G. Указ. соч. С. 85).

ство исследователей, а потому вопрос этот можно считать в основном решенным.

Кроме того, нет никаких данных, которые достоверно свидетельствовали бы о том, что волк являлся тотемом древнегрузинских племен, и могли бы послужить основанием для того, чтобы называть грузин *волками*, а их страну *страной волков*. Дело в том, что у картвелов и мегрелов культ волка практически полностью отсутствует, и нет никаких материалов, которые давали бы возможность судить об этом вопросе. Следует отметить также, что не существует общекартвельского названия волка: грузинское мгели (*mgel-i*) – *волк* и мегрельское гери (*ger-i*) имеют в основе армянское гаил (*gayl*); а сванское тхер (*txer*) – *волк*, связывается с греческим θηr[33]. Можно было бы предположить, что на имя волка было наложено табу, как это часто случалось, или же с принятием христианства культ волка утратил свои функции и все связанное с ним было утеряно. Однако и такое объяснение не может считаться исчерпывающим. Пережитки культа волка в той или иной форме сохранились у всех соседних с грузинами (картвелами) и мегрелами народов. Так, например, у армян, которые, кстати, приняли христианство ранее, чем грузины, сохранились названия языческих культов и божеств, в том числе и имя древнеармянского языческого бога Мардагайл (*Mardagayl – человек-волк*). В грузинских летописях, которые, по Н.Ю. Марру, составлены со знанием древнегрузинских языческих верований[34], и в этнографических материалах тоже можно найти названия почти всех значимых древнегрузинских культов и божеств, но нет культа волка.

Кроме того, сами древние писатели не дают нам никаких оснований для отождествления гирканов с грузинами (иберами). Напротив, как видно из приведенного выше сообщения Дионисия Александрийского, гирканы являлись автохтонным населением центральных районов Южного Кавказа до прихода в эти места иберов (грузин), с которыми они вступили в войну. Отчетливо различают гирканов и иберов-грузин и другие античные писатели. Так, например, Эпифаний сообщает, что «камень яспис …находят у иберов и гирканских пастухов [35]». Согласно Помпонию Мела, «реки Кир (Кура. – *Г. Г.*) и Камбис (Алазань – *Г. Г.*), истоки которых находятся вблизи друг от друга у подошвы Кораксийских гор, расходятся в разные стороны и текут далеко друг от друга по землям иберов и гирканов, затем, их русла сливаются в одном и том уже озере, откуда одним руслом доходят до Гирканского залива[36]».

Многие исследователи полагают, что появление названия *Гиркания* в качестве обозначения Иберии (Грузии) вызвано ошибочным переносом греко-латинскими авторами персидского названия Железных ворот на юго-востоке Каспийского моря – *Гиркания*, на Дарьяльские ворота на Кавказе[37]. Однако такому выводу

[33] Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы... Т. II. С. 496.

[34] Марр Н.Я. Боги языческой Грузии по древнегрузинским источникам. СПб., 1901. С. 3.

[35] Эпифаний. III, 6.

[36] Помпоний Мела. III, 5, 41.

[37] Ранее разделял это мнение и автор (Гумба Г.Д. Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках. Сухум, 1994. С. 5).

противоречит, прежде всего, то, что античные авторы рядом с кавказскими гирканами размещают племена и упоминают названия рек и местностей, которые надежно засвидетельствованы только на Кавказе и нигде более не встречаются. Эти факты укрепляют уверенность в том, что в античный период под названием *Гиркания*, были известны два региона, в которых находились два важнейших перевала: один – на юго-восточном побережье Каспийского моря, второй – в центральной части Кавказа. Вероятность того, что древние авторы две разные страны называли *Гирканией* возрастает, если учесть, что часто термин *Гиркан* одним и тем же автором использовался для обозначения как страны на Кавказе, так и страны на юго-востоке Каспия.

Представляется, что скептическое отношение исследователей к тому, что в древности Центральное Закавказье могло быть известно под названием *Гиркания* (*страна волков*), вызвано преимущественно тем, что исследователи изначально неоправданно сужали круг своих изысканий относительно признаков существования культа волка у древнего населения региона рамками лишь грузинского этноса, в результате чего не находили искомого ответа, поскольку присутствие в древности у грузин развитого культа волка не обнаруживалось. Если же выйти за рамки собственно грузинского этноса и рассмотреть наличие культа волка у древнейших народов Центрального Кавказа, то появляются реальные основания считать, что для использования названия *Страна волков* применительно к данному региону причин более чем достаточно.

Верования, связанные с культом волка, были распространены в древности у многих различных по происхождению народов[38]. Вопрос о широком распространении культа волка у кавказских народов с древнейших времен в научной литературе всесторонне освещен с привлечением археологических, этнографических, лингвистических и других данных. Многочисленные изображения тотемного волка, обнаруженные среди археологических находок куро-аракской, майкопской и последующих культур – триалетской, кобанской, каякентско-хорочоевской, колхидской и прикубанской, а также в памятниках более поздних периодов, достаточно четко свидетельствуют о древности традиции и развитости культа волка, о его устойчивости и преемственности у кавказских народов – абхазо-адыгских, нахско-дагестанских и родственных им. Это подтверждается и этнографическими данными, сохранившимися до наших дней. Существование в древности развитого культа волка обнаруживается также и у ираноязычных и тюркоязычных народов Кавказа – осетин, карачаевцев, балкар, кумыков, у которых на кавказскую основу культа накладываются привнесенные из степей индоевропейские и тюркские мотивы.

[38] Нельзя воспринимать всерьез появляющиеся иногда в литературе, по большей части популярной, высказывания о том, что верования, связанные с культом волка, первоначально возникли только лишь у индоевропейских, или только лишь у тюркских, или только лишь у *исконнокавказских* народов и т.д., а уже затем якобы этот культ был воспринят другими народами. Почитание могучих сил природы и сильных представителей животного мира на ранних стадиях истории человечества было свойственно всем племенам, и культ волка, как и других животных, независимо возникал у разных этнических групп, находившихся в разных частях света.

О том, что в жизни древних вайнахов культ волка занимал важное место, а к настоящему времени среди кавказских народов этот культ в наиболее яркой форме сохранился лишь у них, хорошо известно не только специалистам, но и широкому кругу читателей[39]. Свидетельства тому многочисленны и весьма убедительны: это материалы археологии, этнографии, лингвистики и т.д., уже давно вошедшие в научный оборот[40].

В вайнахской фольклорной традиции *образу кантIа* (*молодец, удалец*) сопутствуют эпитеты *волку подобный, рожденный в ночь, когда щенилась волчица*. В вайнахских сказках эпитет *волчья палица* означал грозное оружие, т.е. изображение волка на оружии, по поверьям, делало это оружие грозным и непобедимым. Одним из отражений тотемических верований являются амулеты, сделанные из частей тела животных, известные с эпохи верхнего палеолита. Так, в прикладном искусстве кобанской культуры уделяется большое внимание зубам и когтям волка: например, среди предметов, найденных в Ассиновском кургане, есть бронзовая имитация волчьего когтя[41]. Традиция использования в качестве амулетов частей тела волка (в частности, клыков) существовала в этнографии нахских народов еще до недавнего времени: как амулеты носились волчьи зубы, поскольку считалось, что тот, кто имеет их при себе, защищен от злых духов[42].

На предметах кобанской культуры изображение волка встречается, как на амулетах от сглаза, так и на оружии, причем чаще всего на предметах вооружения – на наконечниках ножен, рукоятках ножей, топориках, а также на конской узде и др.[43], а вот на предметах женского туалета это изображение отсутствует. Особо следует отметить находки среди предметов кобанской культуры масок волка, указывающие на существование ритуала с переодеванием в шкуру волка.

Выявляется сходство между изображениями волка, обнаруженными в Самтаврском могильнике, и его изображениями в кобанском, триалетском и урартском изобразительном искусстве[44], а также в изобразительном искусстве колхидской культуры[45]. При этом наибольшую близость археологи находят между изображениями волка на предметах из Самтаврского могильника (особенно на

[39] Достаточно отметить, что в 90-е гг. XX столетия изображение волка было главным атрибутом государственной символики Чеченской республики Ичкерия – он был изображен на гербе и воспевался в гимне.

[40] Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе... С. 82; Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов... С. 108–110.

[41] Там же. С. 103.

[42] Алироев И.Ю. Указ. соч. С.308–110.

[43] Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ, 2002. С. 100–105.

[44] Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен... С. 76–77; Амиранишвили Ш.Я. История грузинского искусства. Т. 1. Тбилиси, 1950. С. 97; Урушадзе Н.Е. Опыт семантического анализа бронзового пояса из «Мцхета-Самтавро». СА, 1971. № 6. С. 29.

[45] Амиранишвили Ш.Я. Указ. соч. С. 42-43.

бронзовом поясе, датируемом первой половиной I тыс. до н.э.) и образцами кобанского изобразительного искусства[46]. На указанных территориях это сходство отчетливо проявляется и в этнографическом материале последующих периодов. Так, зафиксированные учеными пережитки обрядов, связанных с культом волка, у пшавов, тушин, бацбийцев, гудамакар, хевсур, рачинцев, лечхумцев, сванов практически полностью сходны с чеченскими и ингушскими, что, безусловно, говорит об общем истоке этого культа[47]. Однако в данном случае удовлетворительным объяснением не может служить проявление этого сходства у всех горцев Кавказа, близость географических условий и т.д., ведь если бы это было верно,

[46] Урушадзе Н.Е. Указ. соч. С. 29.

[47] Чтобы соблюсти принципы научной этики, следует все же отметить и точку зрения, выработавшуюся в 40–50 гг. XX в. под влиянием господствовавшей в грузинской историографии концепции, в соответствии с которой к грузинам причислялись не только древние народы Передней Азии, но и народы, включенные советской властью в состав Грузинской ССР. Так, проводя сопоставительный анализ изобразительного искусства, в том числе и изображений волка урартской, триалетской и колхидской культур с этнографическими материалами о культе волка у абхазов, хевсур, пшавов, тушин, гудамакар и сванов, В.В. Бардавелидзе приходит к неожиданному выводу о существовании в древности культа волка и у древнегрузинских племен, чем и вызвано, по ее мнению появление иранского названия Грузии – *Гуркания*, *страна волков* (Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957. С. 58). Н.Е. Урушадзе при исследовании изображения волка-собаки на бронзовом поясе из Самтаврского могильника находит в нем параллели с изображениями волка в кобанской культуры, а также, приводя этнографические данные о пережитках культа волка у абхазов, хевсур, пшавов и тушин и представляя эти народы как отдельные этнические группы грузинского народа, приходит к заключению о развитости культа волка у древнегрузинских племен (Урушадзе Н.Е. Опыт семантического анализа бронзового пояса из «Мцхета-Самтавро»... С. 129 и далее). Никто не может оспаривать, что пшавы, хевсуры, гудамакары и тушины являются сегодня частью грузинского этноса, однако даже у предвзятого исследователя вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что в раннем средневековье, а тем более в древний период, пшавы, гудамакары, тушины и хевсуры составляли часть нахского этноса, ну а об этническом различии абхазов и грузин, как в древности, так и в настоящем, упоминать излишне. Поэтому попытка доказать факт существования в древности культа волка у грузинских племен на основе этнографического материала абхазов, тушин, гудамакар и пшавов не выдерживает никакой критики. Из перечисленных выше народов лишь сваны относились к грузинскому этническому миру. Однако, следует учитывать, что многие черты традиции сванов, связанные с ритуальной функцией культа волка, совпадают до поразительных деталей именно с абхазской и вайнахской традицией культа волка, что закономерно и объясняется наличием нахского и абхазского культурных пластов в сванском. Кроме того, сваны, как и другие современные горские этнографические группы Центрального Кавказа, относятся к кавкасионскому антропологическому типу, что, как и ряд других фактов, указывает на нахский этнический субстрат. При этом, разумеется, нельзя полностью исключать вероятность существования у древнегрузинских племен культа волка. Возможно, отсутствие каких-либо свидетельств этого связано с тем, что в древности культ волка у грузин не был достаточно развит и не играл существенной роли в их жизни, но, так или иначе, сегодня мы не можем судить об этом, поскольку не располагаем соответствующей информации.

то в обрядах проявилось бы сходство, например, и с обрядами горских народов Дагестана, но, увы, такое не наблюдается[48].

У бацбийцев, ингушей, чеченцев, хевсур, тушин, пшавов, гудамакар волк считался божьим зверем, наделенным несокрушимой силой и отвагой, дерзостью, ловкостью и до сих пор запрещается его убивать. Вайнахи говорили: «Он храбр, как волк»; некоторых храбрецов нарекали *Берза Дог – волчье сердце*[49]. В нахских языках есть понятие *волк-воин*, т.е. *человек-волк* (*берзлой, где берз – волк, лой – человек*). «Нет в природе ни одного другого животного, кроме волка, к названию которого чеченцы добавляли бы ставшее суффиксом древнейшее слово *лой*, означающее буквально *люди*»[50]. Эпитетом *берзлой* чеченцы обозначают, как правило, людей-бойцов, проявивших высшую воинскую доблесть[51].

То, что в древности нахи считали волка божьим зверем вполне закономерно, поскольку в древности Верховным богом нахов и нахского государственного объединения был бог-солнце Малх. Как известно, в религиозных верованиях древних людей, тотемные волки являются помощниками астральных верховных божеств и подчиняются им. Образ волка тесно связан с небесным божеством, с культом подземного огня, и в конечном итоге – с божеством солнца (небесный и земной огонь). Основные функции, которыми наделяется образ волка, – охранительные, а также обеспечивающие сакральную связь с небом и высшим божеством Солнцем, дающим жизненную благодать всему сущему. Так, у чеченцев, ингушей, бацбийцев, хевсуров, пшавов, гудамакар, тушин волки или собаки составляли воинство божества солнца и других антропоморфных астральных божеств верховного пантеона, а также воинство местных общинных божеств. Существовали мужские союзы – союзы профессиональных воинов, называемых *людьми-волками, воинами-волками*. Союзы людей-волков (*воинов-волков*) существовали у многих народов с древнейших времен, и их появление и функционирование связывается с возникновением государственных институтов собственности. Союзы воинов-волков играли заметную роль в зарождении и становлении политических структур, институтов раннеклассового общества и государства.

С представлениями о воине-волке и волчьем воинстве связан и обрядовый ритуал облачения в волчью шкуру. Исконность, древность и традиционность подобных ритуалов на Кавказе, особенно в интересующих нас центральных областях, иллюстрируют: изображение ритуальной процессии в волчьих шкурах

---

[48] Сравните, например, проявление культа волка у дагестанских и нахских народов (см.: Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана... С. 24.) Поражает сходство абхазской и вайнахской традиции культа волка, а также ряда других выявляющихся этнографических параллелей (минуя при этом адыгские и грузинские), свидетельствующие о длительных близких этнических контактах абхазов и нахов в древности.

[49] Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986. С. 329, 335; Халаева К.Д. Культ волка у предков чеченцев и ингушей и его изживание // «Археология и вопросы атеизма». Грозный. 1977. С. 47–56.

[50] Астемиров В. Люди волка URL: http://www.adamalla. com/showthread.php?t=443&s=baf5d 4c9a0 8%20ac1841e147b9572%200c813c;

[51] Там же; Халаева К.Д. Указ. соч. С. 52.

на кубке эпохи бронзы из Триалети, изображение волка на бронзовом поясе из Мцхета-Самтавро, волчьи маски, обнаруженные среди предметов кобанской культуры и т.д. Ритуал облачения в шкуру волка и волчьи маски имеется в виду и в сообщениях античных и средневековых писателей о людях с волчьими (или песьими) головами в горах Кавказа[52]. Этот ритуал, а также ряд других пережитков древнего культа волка, сохранявшийся у нахских народов вплоть до недавнего времени, свидетельствует о преемственности традиций на протяжении тысячелетий.

В этом контексте следует, вероятно, рассматривать и характеристику, которую древнегрузинские авторы дают древнейшему нахскому населению Картли – хонам и бунтуркам, представляя их звероподобными людьми. По мнению некоторых исследователей, грузинская историческая традиция, изображая древнейшее, догрузинское, население Картли (бунтурков, хонов) дикими, звероподобными существами, сильно преувеличивает, что можно объяснить книжной традицией, восходящей к популярному в Средние в. роману Псевдо-Калисфена, в котором для оправдания и обоснования завоеваний и «цивилизаторской» деятельности Александра Македонского многие народы, в том числе и намного превосходившие в развитии самих македонцев, представлялись дикарями и варварами[53]. Возможно, древнегрузинские авторы были знакомы с трудом Псевдо-Калисфена, и в том, что они столь уничижительно отзываются о хонах и бунтурках, безусловно, проявляется их негативное отношение к догрузинскому населению Картли. Так, автор «Мокцевай Картлисай» не только не симпатизирует коренному, этнически не грузинскому населению Картли, ведущему самоотверженную борьбу с иноземными захватчиками, но всецело находится на стороне завоевателей, выказывая им полную поддержку. Население Картли он изображает звероподобными дикарями, людоедами и т.д., тем самым пытаясь оправдать необходимость завоевания территории Картли, уничтожения и изгнания ее населения и заселения ее грузинами, переселенными сюда Азоном – якобы назначенным Александром Македонским наместником Картли.

Основанием для того, чтобы характеризовать коренных жителей Картли звероподобными и дикими для древнегрузинских авторов, между тем, мог послужить именно традиционный обрядовый ритуал переодевания в шкуру волка, бытовавший у нахских воинов-волков. В пользу того, что в сообщениях древнегрузинских источников о звероподобных хонах и бунтурках до нас дошли воспоминания именно о древнейшем нахском населении Картли, свидетельствует тот факт, что древнегрузинская письменная традиция в сообщениях более поздних периодов звероподобными называет именно нахские этнические группы. Так, например, в своих сообщениях о миссионерской деятельности св. Нино, грузинские авторы, описывая нахское население южного склона Главного Кавказского хребта, – цилкан, гудамакар, пховелов, чарталийцев, эрцо-тианетцев, хевсуров, кистинцев и

[52] Иоанн де Галонифонтибус. Книга познания мира // Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1979. С. 77.

[53] Кекелидзе К.С. История грузинской литературы. Т. II. Тбилиси, 1958. С. 283–284.

др., употребляют определения *звероподобные, дикие, людоеды* и т.д.[54] Отголоском этой традиции, пришедшим, по-видимому, из грузинских источников, является, судя по всему, и эпитет *людоеды*, примененный автором «Ашхарацуйца» по отношению к кистинцам (кустк мардакерк – *ку́сты людоеды*[55]).

Столь широкое почитание в древности нахскими племенами волка, отразившееся в его изображении на оружии, конских сбруях и других предметах, а также функционирование обрядовых ритуалов с переодеванием в волчью шкуру, равно как и существование воинов-волков (*берзлой*) и т.д., несомненно, могло стать причиной того, что древние персы называли нахов *волками*, а их страну *страной волков – Гуркан, Гиркан*. Представляется вполне допустимым отнести возникновение термина *Гиркан* у древних персов к середине I тыс. до н.э., когда Ахеменидская Персия непосредственно граничила с нахским государственным объединением (от Мосхийского хребта на западе по Триалетскому хребту до местности Хунани и нижнего течения Алазани на востоке). Первоначально этот термин, видимо, обозначал именно нахов. Несмотря на то, что не сохранились фактические свидетельства, нельзя, наверное, исключать присутствие изображений волка и в государственной символике нахского государства I тыс. до н.э., что также могло послужить одной из причин использования термина Гиркан для обозначения страны нахов. Правомерность предлагаемой версии происхождения термина *Гиркан* и применения его для обозначения нахского государственного объединения может быть подтверждена и тем, что после создания и укрепления Картлийского (Иберийского) царства название *Гиркания* некоторое время еще используется, однако уже с начала I тыс. н.э. вовсе исчезает.

В пользу того, что древнеперсидское название центральной части Южного Кавказа (Картли, Цанария) – *Гуркан* (*страна волков*) является отражением культа волка именно у нахских племен, свидетельствует и то обстоятельство, что Дионисий Периегет передает сюжет, почти сходный с сообщениями древнегрузинских источников. Разница заключается лишь в том, что, по «Мокцевай Картлисай», коренными жителями Картли, которых встретили грузины (иберы), пришедшие сюда в составе войск *Александра Македонского*, были хоны и бунтурки, а по Дионисию гирканы. По-видимому, в сообщении Дионисия Периегета о войне иберов с гирканами сохранились глухие отголоски крупного иноземного военного вторжения в южные рубежи нахского объединения – долину реки Куры, действительно имевшего место на рубеже IV–III вв. до н.э. и приписываемого грузинскими источниками Александру Македонскому.

4. Понтийское царство и страны Кавказа в конце IV – начале III в. до н.э.

Письменные свидетельства о крупных военных столкновениях на территории Картли на рубеже IV–III вв. до н.э. подтверждаются данными археоло-

[54] Мровели Леонти. С. 28; Обращение Грузии. С. 14.

[55] Ашхарацуйц. С. 28.

гии. По-видимому, вторгшиеся войска встретились в Картли с организованным сопротивлением с единым центром власти, который сумел мобилизовать население и дать жесткий отпор агрессору. Этим, наверно, объясняется столь длительное и упорное сопротивление жителей Картли превосходящим их как в живой силе, так и в вооружении (наличие метательных орудий терсонного типа – катапульты, баллисты-палинтоны и т.п.) войскам завоевателей. Согласно Леонти Мровели, войска *Александра Македонского* одновременно осаждают более десяти крепостей-городов в Картли и Кахети. Большую часть которых им удается завоевать лишь после одиннадцати месяцев ожесточенных боев. Многие поселения были захвачены лишь после того, как жители организованно оставили их и ушли в горы. Население всех этих крепостей-городов не смогло бы выдержать столь длительное противостояние превосходящим силам нападавших и выдержать многомесячную осаду не будучи само единой, мощной и хорошо организованной силой, какой в то время могло быть лишь нахское государственное объединение.

С другой, стороны, достаточными ресурсами для осуществления столь широкомасштабной военной интервенции в центральные районы Южного Кавказа, в то время могли располагать лишь два государственных образования – Селевкидское и Понтийское царства. Как селевкидские, так и понтийские цари вели захватнические войны в деле расширения своих владений и, естественно, были заинтересованы в установлении своего контроля над центральными частями Южного Кавказа, имевшими важное военно-стратегическое значение. Поначалу наиболее активно действовало в этом направлении Понтийское царство. Большинство исследователей считают, что в древнегрузинской легенде о нашествии Александра Македонского отразились исторические факты военного вторжения в Картли в начале III в. до н.э. именно понтийского царя, которому удалось на короткое время закрепиться в долине реки Куры[56].

Причина, по которой понтийскому царю удалось захватить южные пределы нахского государства, кроется также в том, что это произошло в конце IV – начале III в. до н.э., а значит, хронологически совпадает со временем нашествия многочисленных сарматских племен с севера. Главные военные силы нахов были отвлечены на борьбу с сарматами, и, видимо, воспользовавшись этим понтийский царь, вторгся с многочисленным войском в южные области страны нахов и захватил территорию по среднему течению Куры.

В Понтийское царство входило множество разноэтничных племен северо-восточной части Малой Азии, среди которых, по мнению исследователей, были и древнегрузинские племена[57]. Все эти племена, в том числе и древнегрузинские, надо полагать, принимали участие в составе понтийских войск во вторжении в центральные области Южного Кавказа. Скорее всего, Азо (Азон) вождь древне-

[56] По мнению Ю.М. Гагошидзе эта была армия Лисимаха – диадоха Александра Великого, правителя Фракии с 324 г. до н.э., царя Македонии с 285 г. до н.э. (Гагошидзе Ю.М. Картли (Иберия) в V–I вв. до н.э… С. 45).

[57] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... 265; Новосельцев А.П. К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии... С. 103.

грузинских племен, подданный понтийского царя, со своими соплеменниками принимал участие в военном походе. По-видимому, понтийский царь назначил Азона наместником отторгнутых у нахского царства земель в долине реки Куры. При этом в распоряжении Азона, помимо военной дружины, состоявшей, вероятно, из его соплеменников, была предоставлена какая-то часть из собственно понтийских регулярных войск. «Картлис цховреба» сообщает: «… и дал (Александр Македонский. – *Г. Г.*) ему (Азону. – *Г. Г.*) сто тысяч человек из римской области Фротатос… Привел [Александр] их в Картли и вручил патрикию Азону. [Таким образом] поставил в Картли эриставом Азона и при нем войско, занявшее Картли[58]».

С этого времени, вероятно, и начинается приток картвельского населения в Картли, о чем и сообщается в древнегрузинских источниках: «Азо отправился в Ариан-Картли, к отцу своему, и привел [оттуда] восемь домов и десять домов сородичей, и поселился в древней Мцхета, имея богами идолов Гаци и Гаим[59]». Предания об этих имевших место исторических событиях и послужили, скорее всего, источником древнегрузинских письменных свидетельств о переселении грузин (картвелов) в Картли, произведенном якобы Александром Македонским. Как известно, Александру Македонскому (356 – 323 гг. до н. э.) приписывались многие события, произошедшие как до, так и после его жизни, особенно деяния его преемников[60].

О переселении грузин на Кавказ, помимо грузинских, передают также античные и древневосточные письменные источники. Столь устойчивая письменная традиция вряд ли могла бы существовать, если бы никакого переселения не было. Письменные сообщения подтверждаются также данными археологии, антропологии и других смежных наук, фиксирующие появление в центральных районах Южного Кавказа в конце IV – начале III в. до н.э. новой этнической группы.

В конце IV – начале III в. до н.э. переселение иберов-картвелов шло не только в долину среднего течения реки Куры, но и в восточные районы Колхиды – Аргвети. Не случайно установление западных границ Картли по реке Эгрисцкали (Квирила) и включение Аргвети в состав Картлийского царства древнегрузинская историческая традиция приписывает именно Александру Македонскому[61].

Во всех сообщениях разноязычных письменных источников переселение иберов-грузин представлено как вынужденное: грузины были переселены насильственно – по одним источникам, Навуходоносором, по другим – Александром Македонским. Несовпадения сведений источников относительно времени переселения иберо-грузин на Кавказ объясняется тем, что в I тыс. до н.э. совершились две волны крупного переселения племен с юга на Кавказ: первое – передвижение на север хуррито-урартских, южнонахских и албано-дагестанских племен, после падения Урартской и Ассирийской держав на рубеже VII–VI вв. до н.э. Этот пе-

[58] Картлис цховреба. С. 28.

[59] Обращение Грузии. С. 14.

[60] См.: Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 104-105.

[61] См.: Гумба Г.Д. К вопросу идентификации реки Эгрис-Цкали… С. 55–56.

риод совпадает с правлением вавилонского царя Навуходоносора II (604/5–561/2 гг. до н.э.), проявившего себя столь выдающейся личностью, что позднее те или иные значимые исторические события I тыс. до н.э. стали приписываться ему.

Второе массовое перемещение население, в том числе и древнегрузинских племен с юга на Кавказ, имело место на рубеже IV–III вв. до н.э., после похода Александра Македонского и гибели Ахеменидской Персии, в связи с чем, эти события и связываются с именем великого полководца. Видимо, элементы этих двух различных крупномасштабных событий I тыс. до н.э. – перемещения хурри-то-урартских и южнонахских племен в центральные области Кавказа на рубеже VII–VI вв. до н.э. и древнегрузинских племен в конце IV – начале III вв. до н.э., позднее в письменных источниках были объединены по законам литературного произведения в одно целое, и вокруг великих личностей (Навуходоносор, Александр Македонский) слились воедино события, произошедшие в совершенно разные времена. Этнически различные и переселившиеся в центральные области Южного Кавказа в разное время племена, античные писатели называют одним термином иберы, и связано это с тем, что название Иберия (иберы) в письменных источниках с самого начала употреблялось не как этническое, а как географическое.

По поводу местонахождения Арриан-Картли, откуда прибыли древнегрузинские племена, в научной литературе существуют различные мнения[62]. Согласно И.А. Джавахишвили, Арриан-Картли следует читать Арсиан-Картли и соотносить с названием горного хребта на северо-востоке Малой Азии, отделявшего Аджарию, Шавшети и Кларджети от остальной восточной части Месхети[63]. По мнению Н.Г. Адонца, первоначальной родиной переселившихся в Картли грузинских племен является известная по византийским источникам малоазийская область Харсиан, располагавшаяся на левом берегу реки Галис, между Сивасом и Кемисом[64]. И.А. Меликишвили считает, что *Арриан-Картли* означает *Персидская Картли* и получила эта область такое наименование в связи с тем, что прочно входила в состав Персидской империи и находилась под сильным влиянием этой державы[65], что представляется наиболее вероятным. Этому не противоречит и мысль о том, что понятие *Арриан-Картли* могло возникнуть в результате вхождения древнегрузинских племен в состав Понтийского царства после разгрома Ахеменидской Персии. Как известно, первые понтийские цари по праву считали себя прямыми наследниками Ахеминидских царей и вели летоисчисление своего

[62] Конечно, фантастичность версии переселения иберов Навуходоносором из Испании (Пиренейской Иберии) понимали уже античные авторы и подвергали критике. Так, например, греческий писатель Аппиан (90–170 гг. н.э.) писал: «…иберов же, которые в Азии, одни считают предками, другие же – колонистами европейских иберов, иные же – только одноименным с ними племенем. Ибо у них нет ничего сходного ни по нравам, ни по языку» (Аппиан. Римская история. Митридатовы войны. 101; см.: Его же: Римские войны. СПб. 1994. С. 185).

[63] Джавахишвили И.А. История грузинского народа... Т. I. С. 14.

[64] Адонц Н.Я. Армения в эпоху Юстиниана... С. 83.

[65] Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 278–279.

правления с момента воцарения на престол Персии Дария III Кодомана (336 г. до н.э.), тем самым провозглашая свое царство преемником Ахеменидской империи[66]. Поэтому входившая в состав Понтийского царства территория, населенная предками грузинских племен, вполне могла восприниматься как Арриан-Картли (Персидская Картли).

С другой стороны, часть предков грузинских племен, проживавшая в верховьях Чорохи и входившая в сатрапию Армения или Мидия Ахеменидской Персии, после падения последней вошла в состав Малой Мидии. Сатрап Мидии сохраняет свою власть и с помощью соратника Александра Македонского Пардикки на некоторое время утверждается царем Малой Мидии, в связи с чем это царство также могло бы быть воспринято в качестве преемника Ахеменидской Персии, а племена, входившие в Малую Мидию, в том числе и древнегрузинские, могли восприниматься как иранские (персидские).

Так или иначе, в сказаниях о переселении грузин на Кавказ, сохранившихся в древних письменных источниках, мы имеем дело с реальными историческими событиями[67]. Весь имеющийся материал свидетельствует об очередном крупном передвижении населения на рубеже IV–III вв. до н.э. с юга в центральные области Южного Кавказа в пределы нахского государственного объединения и, судя по всему, основную массу этих переселенцев составляли древнегрузинские племена.

Таким образом, на рубеже IV–III вв. до н.э. нахское государственное объединение подвергается серьезному испытанию: почти одновременно в его пределы вторгаются с севера многочисленные кочевые сарматские племена, а с юга – хорошо вооруженные войска Понтийского царства. Одновременное нападение двух мощных в военном отношении сил поставило нахов в крайне тяжелое положение. Вынужденные вести оборонительные войны сразу на двух фронтах и против намного превосходивших их сил, нахское государственное объединение не смогло избежать территориальных потерь. От страны нахов были отторгнуты северо-западные области, и по сему в III в. до н.э. северо-западная граница Нахаматии проходила, по-видимому, уже по реке Малка.

---

[66] Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство... М., 1996. С. 33.

[67] Следует отметить, что факт переселения в древности предков грузин из Малой Азии на Кавказ не ставился под сомнение и выдающимися современными учеными И.А. Джавахишвили, Н.Я. Марром, Г.А. Меликишвили, О.М. Джапаридзе и др. Так, на основании данных археологии, письменных источников, топонимики, языка и фольклора И.А. Джавахишвили писал, что «…грузины и их сородичи с давних пор покидали Малую Азию для переселения на север, в Закавказье, в котором грузинские племена и обосновались. До появления в Закавказье грузин страна была заселена различными племенами (абхазо-адыгов и нахско-дагестанцев)…» (Джавахишвили И.А. БСЭ. Т. XIX. М., 1930. С. 558). Что касается Картли, то И.А. Джавахишвили прямо указывал, что «нахи проживали на территории Картли до заселения ее грузинами» (Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Т. I. С. 48–49). Г.А. Меликишвили также считал, что не лишены исторической правды сообщения грузинских летописей о нахском (кистино-бацбийском) населении Картли в доэллинистическую эпоху (Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 125).

На юге в результате продолжительной войны понтийским войскам удалось занять долину реки Куры, важную в военно-стратегическом отношении, и таким образом установить контроль над международными торговыми путями, проходившими здесь. Для удержания этой территории были оставлены войска во главе с наместником. Часть нахского населения вместе с отступившими войсками, вероятно, отошла в горную часть страны.

Вслед за этим, как сообщают древнегрузинские источники, назначенный понтийским царем наместником Картли Азон переселяет сюда своих соплеменников – картвелов (арриан-картвелов). Возможно, переселение древнегрузинских племен имело принудительный характер и было предпринято понтийским царем в целях освоения и защиты рубежей, занятых по долине реки Куры, как это часто практиковалось в древности. Вероятно, это обстоятельство стало основой устойчивой древней письменной традиции, сообщающей о насильственном переселении древнегрузинских племен на Кавказ.

При этом, не исключено, что отдельные группы древнегрузинских племен просачивались в пределы нахского объединения, на территорию центральной части Южного Кавказа – в долину реки Куры, и ранее. Территория Нахаматии являлась, очевидно, тем местом, где многие племена находили убежище, спасаясь от захватнических устремлений Ахеменидской империи. Переселяясь на земли древневайнахского государства, эти племена, вероятно, брали на себя ряд обязательств по отношению к центральной власти, таких как уплата дани, участие в строительстве оборонительных сооружений, несение воинской службы в составе вспомогательных отрядов для защиты границ и т.д., и эти обязательства, по-видимому, были менее обременительными и более сносными, чем в Ахеменидской империи. Среди племен, под натиском Ахеменидов продвигавшихся на север и находивших надежное убежище в пределах нахского государства, по-видимому, были также и представители древнегрузинского этноса, которые отдельными группами просачивались на территорию Центрального Закавказья. О многоэтничности населения древней Картли свидетельствуют и древнегрузинские источники, в которых сообщается, что в Картли говорили на шести языках. Эти сведения письменных источников документально засвидетельствованы данными археологии[68].

5. Основа исторической концепции Леонти Мровели

В ряду представителей древней письменной исторической традиции, считавшей предков грузин пришлыми на Кавказ, особняком стоит концепция древнегрузинского историка Леонти Мровели. Труд Леонти Мровели «Жизнь картлий-

[68] Церетели Г. Армазская билингва, двуязычная надпись, найденная при археологических раскопках в Мцхета-Армази, Тбилиси, 1941. С. 70; см. также: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 37–38; Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии... С. 177.

ских царей» занимает особое место среди других произведений древних авторов тем, что в нем впервые выдвинута концепция об автохтонном происхождении грузин (картвелов и мегрелов) и уникальная, до сих пор не разгаданная идея о едином происхождении народов Кавказа.

Свое повествование Леонти Мровели начинает с перечня народов, происходящих от одного предка – Таргамоса: «Прежде всего упомянем, что у армян и картлийцев и ранов и моваканов и эров и леков и мегрелов и кавкасианов - у всех [этих народов] был единый отец по имени Таргамос. Сей Таргамос был сыном Таршиса, внуком Иафета - сына Ноева. Был тот Таргамос героем. По разделении языков, когда воздвигали башню Вавилонову, различились и рассеялись оттуда языки по всему свету. Пришел Таргамос со всем племенем своим и утвердился между двумя недоступными человеку горами – Араратом и Масисом. … Среди сынов его отличились восемь братьев, герои многосильные и славные, которых звали так: первого – Гаос, второго – Картлос, третьего – Бардос, четвертого – Мовакан, пятого – Лек, шестого – Эрос, седьмого – Кавкас, восьмого – Эгрос. И были эти братья героями. Но лучшим из героев тех был Гаос, ибо подобного ему ни телом, ни мощью и мужеством не было ни до потопа, ни после него. … И над семью этими братьями своими был повелителем и владыкой Гаос. Все они находились во власти Гаоса[69]».

Весьма необычной считается также сконструированная грузинским историком этническая «иерархия» народов Кавказа, возглавляемая армянским этнархом Гаосом (hАйк, Haiq). Леонти Мровели «с первых строк своего сочинения излагает историю Грузии и Кавказа в целом, под «эгидой» армянского этнарха и его «потомства[70]». Гаос (hАйк) стоит на вершине генеалогического древа кавказских народов, он является царем, а все остальные кавказские народы находятся в его, повелителя и владыки Гаоса, власти и покорны ему. Именно Гаосу приписывется и решающая роль в совместной битве кавказцев против их общего врага Неброта (библ. Нимрод, Нимврод[71]). Данное обстоятельство стало для исследователей поводом «аттестовать» Мровели как историка с ярко выраженной «армянофильской» тенденцией.

Выяснению истоков исторической концепции Мровели, а также причин его «армянофильства» посвящено множество работ, и по этой теме собран обширный материал. В 1966 г. по данной проблеме даже была проведена специальная дискуссия в Институте истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили АН ГССР (Тбилиси[72]). Однако эти вопросы до сих пор остаются неразрешенными.

В самом деле, затруднительно найти причины, побудившие Леонти Мровели признать за армянским этносом первородство и приоритет среди кавказских наро-

[69] Мровели Леонти. С. 21, 22.

[70] Цулая Г.В. Историческая концепция грузинского историка XI в. Леонтия Мровели... С. 178.

[71] Мровели Леонти. С. 22–23.

[72] К вопросу об исторической концепции Леонти Мровели (материалы дискуссии) // Вестник (Мацне). № 3. Тбилиси, 1968.

дов. В некотором смысле такая позиция автора вступает в противоречие и с самой целью его сочинения, заключающейся, по мнению ученых (Г.А. Меликишвили, Н.Ю. Ломоури, З.Ш. Дидебулидзе и др.), в том, чтобы показать главенствующую роль на Кавказе именно грузин. Но учитывая, что сама идея об общем происхождении кавказских народов – не плод выдумки самого Мровели, поскольку, «как и всякий летописец-хронист, он не мог измышлять описываемые им факты[73]», исследователи стремились выявить истоки концепции Леонти Мровели и его т.н. армянофильской тенденции в использованных им источниках или в тех периодах истории армянского народа, когда Армения играла главенствующую роль в исторических судьбах народов Южного Кавказа.

При построении генеалогического древа кавказских народов Мровели, несомненно, опирается на известную схему библейской всемирной генеалогии – «Таблицу народов[74]», согласно которой, после всемирного потопа человечество ведет свой род от трех сыновей Ноя – Сима, Хама и Яфета; также он использовал «Хронику» Ипполита – в ее древнеармянской версии VII в., и «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци, в которой зафиксировано генеалогическое древо армянского народа. Вместе с тем, сравнительный анализ источников выявляет ряд существенных расхождений, которые ставят под сомнение непосредственную зависимость труда Леонти Мровели от названных источников. Исследователи отмечают уверенность грузинского летописца в том, что упоминаемые им кавказские народы происходят от одного отца – Таргамоса, и эта уверенность не могла быть продиктована ни одним из вышеперечисленных источников, так как в них ничего об этом не говорится[75]. Как справедливо отмечает Г.В. Цулая, если Леонти Мровели и пользовался указанными источниками, то опосредованно, заимствовав в них популярную в раннем средневековье схему построения генеалогического древа народов, но при этом наполнив ее иным содержанием – бытовавшими в то время местными преданиями (скорее всего, устными) о происхождении кавказских народов[76].

Не дали положительного результата и попытки некоторых ученых связать признание приоритета армянского этноса с теми или иными периодами исто-

---

[73] Цулая Г.В. Указ. соч. С. 178.

[74] «Таблица народов» представляет часть т.н. «Жреческого кодекса» – литературно-исторического памятника V в. до н.э. – и перечисляет известные в то время иудеям народы, представляя их в виде родословного древа мнимых потомков трех сыновей Ноя – Шема (Сима), Хама и Йефета (Яфета). Имя каждого из этих «потомков» является названием какого-либо племени, народа или страны, а «родственные» связи между ними установлены по политическим признакам. Политические условия указывают на начало VI в. до н э. как на время созидания «таблицы» (Дьяконов И.М. АВИИУ, ВДИ, IV, 86, примеч. 1).

[75] Кекелидзе К.С. Литературные источники Леонти Мровели // Вестник Тбилисского ун-та. Тбилиси, 1923. С. 33 и след.); Его же: Этюды по истории древнегрузинской литературы (на груз. яз.) Тбилиси, 1945. Т. 1. С. 100; Цулая Г.В. Историческая концепция грузинского историка XI в. Леонтия Мровели… С. 182.

[76] Цулая Г.В. Указ. соч. С. 183.

рии армянского народа. Так, некоторыми историками было выдвинуто предположение, что «армянофильская» тенденция Леонти Мровели базируется на преемственности между феодальной Грузией и Армянским царством Багратидов, после падения которого политическими гегемонами на Кавказе, наследниками Гаоса (hAoca) и его потомков должны были стать Картлос и его потомки[77]. Однако эта гипотеза была подвергнута убедительной критике со стороны большинства исследователей[78].

С мнением о преемственности феодальной Грузии с Армянским царством Багратидов трудно согласиться хотя бы потому, что весьма сомнителен сам тезис о политической гегемонии Багратидской Армении на Кавказе в XI в., ибо, как хорошо известно, эту роль у Армении успешно оспаривала Абхазия. С X в. политическая гегемония перешла к Абхазии, что в конечном итоге и привело к созданию объединенного государства закавказских народов под эгидой Абхазского царства. Таким образом, идея преемственности политического главенства на Кавказе в XI в., согласно реально существовавшей в то время этнополитической ситуации, должна была исходить от Абхазии, и по сему от Леонти Мровели следовало ожидать скорее не «армянофильство», а «абхазофильство». Но этого не наблюдается, более того – в генеалогической таблице Мровели вообще отсутствуют абхазы, что, конечно, уже само по себе парадоксально для автора XI в., тем более грузинского.

Можно было бы согласиться с тем, что «армянофильство» грузинского историка является продуктом XI в., в том случае, если бы «армянофильская» тенденция прослеживалась во всем произведении. Но, признание за армянским этносом приоритета в историческом развитии народов Кавказа в сочинении Леонти Мровели ограничено хронологически, соответствует лишь начальному этапу истории, т.н. мифологической эпохе кавказских народов, при описании же последующих периодов звучат далеко не армянофильские нотки, а наоборот – армянофобские[79].

Поиск причин, которые привели к признанию приоритета за армянским этносом на начальном этапе истории кавказских народов, вновь заводит в тупик, ибо главенство армян на начальном этапе истории не может быть подтверждено никакими известными нам историческими данными. Первое упоминание Армении появляется в знаменитой Бехистунской надписи персидского царя Дария I, датируемой концом VI в. до н.э. (520 г.). К этому времени относится и возникновение первых армянских государственных образований. Однако эти государства были не столь сильны, чтобы оказывать на соседние страны сколько-нибудь значительное политическое влияние, которое могло бы послужить причиной возникновения впоследствии идеи о главенствующей роли армянского этноса среди кавказских народов. Кроме того, с VI по II вв. до н.э. Армения сама находилась

[77] К вопросу об исторической концепции Леонти Мровели (материалы дискуссии). С. 320–321.

[78] Там же.

[79] Цулая Г.В. Указ. соч. С. 185–186.

в зависимости от крупных соседних держав: в VI в. до н.э. она входила в состав Мидии, затем – в состав Ахеменидской империи, а после разгрома последней Александром Македонским оказалась в зависимости от образовавшегося Селевкидского царства.

Возвышение Армении начинается с первой половины II в. до н.э., а в I в. до н.э., при царе Тигране II Великом, когда создается мощная армянская империя, охватывающая значительную часть Передней Азии. Можно было бы ожидать, что истоки *армянофильства* Леонти Мровели восходят именно к этому периоду истории, когда Армения представляла собой одну из могущественнейших держав и в сфере ее влияния находились сопредельные страны и народы. Однако нет никаких оснований для такого утверждения – Армянская империя Арташидов вообще не упоминается в сочинении Леонти Мровели. В сообщениях грузинского хрониста при описании этого периода прослеживается не столько проармянские, сколько антиармянские настроения. Картлийские правители изображаются героическими защитниками Картли, пытающимися освободиться от Армении, и противопоставляются армянским царям, что для историка, аттестованного как *армянофила*, выглядит более чем странно[80].

При анализе т.н. армянофильской тенденции, как и исторической концепции Леонти Мровели в целом, главным упущением исследователей стала попытка выявить истоки этой концепции исключительно в истории Армении и Грузии и армяно-грузинских взаимоотношений того или иного исторического периода, тем самым неоправданно ограничив рамки разысканий. Между тем причины признания приоритета за армянским этносом на начальном этапе истории народов Кавказа («армянофильства») и разгадка самой концепции Леонти Мровели об общем происхождении народов Кавказа, лежат, как мне представляется, в другой плоскости и требуют иного подхода.

Согласно Хронике Леонти Мровели, после Вавилонского столпотворения и расселения племен «…пришел Таргамос со всем племенем своим и утвердился между двумя недоступными человеку горами – Араратом и Масисом …Но не вмещали их земли Арарата и Масиса, и поделил Таргамос земли и племена свои между восемью этими героями: половиной племен и лучшей половиной земли своей наделил он Гаоса, затем семерым отвел долю каждому по достоинству… И над семью этими братьями своими был повелителем и владыкой Гаос[81]». То есть, первоначальным местом проживания, прародиной перечисляемых кавказских народов является Араратская долина и близлежащие области, откуда эти народы затем расселились, получив наделы земли от своего мифического предка Таргамоса. Здесь же, у подножья горы Арарат, происходит решающая победоносная битва кавказских народов (таргамосиан) во главе с Гаосом против их поработителя Неброта (Нимрода).

Сообщение Леонти Мровели совпадает с аналогичным сообщением армянского историка V в. Мовсеса Хоренаци о происхождении и начальном этапе истории армян, в связи с чем исследователями высказано мнение, что Леонти Мровели это

[80] Мровели Леонти. С. 28; Цулая Г.В. Указ. соч. С. 185.

[81] Мровели Леонти. С. 21.

предание всецело заимствовал у Мовсеса Хоренаци (К.П. Патканов, К.С. Кекелидзе и др.). Но все же при несомненной схожести сообщении обоих историков, исследователи выявляют в них и различия, ставящие под сомнение факт заимствования. Так, у Мовсеса Хоренаци царем вавилонян является Бэл, а у Леонти Мровели – Неброт (тот же Бэл[82]); у Мовсеса Хоренаци битва с вавилонянами происходит возле озера Ван, а у Леонти Мровели – у подножья горы Арарат; у Мовсеса Хоренаци армянский этнарх hАйк борется против Бэла (Неброта) единолично, а у Леонти Мровели – в союзе с народами Кавказа[83].

В пылу полемики о том, заимствован ли текст грузинского автора у Мовсеса Хоренаци или нет, кстати, продолжающейся в научной литературе до сих пор, исследователи, кажется, упускают главное, а именно то, что в обоих случаях речь идет, с незначительными различиями, об одних и тех же событиях и об одном и том же историческом периоде – периоде Урартского царства. Вряд ли могут возникнуть какие-либо сомнения в том, что в сообщениях Мовсеса Хоренаци и Леонти Мровели о битве сыновей Таргома с вавилонским царем (Небротом у Леонтия Мровели, Бэлом у Мовсеса Хоренаци) отражены предания о многовековой борьбе *Урарту* с Ассирией и Вавилоном, о многократных военных нашествиях ассирийских и вавилонских царей на Урартское царство[84].

Следовательно, начальный этап истории упоминаемых Леонти Мровели кавказских народов восходит, скорее всего, к Урартскому царству. Как известно, с V в. до н.э. имя *Урарту* навсегда исчезает из исторического обихода (последний раз название *Урарту* встречается в надписи персидского царя Ксеркса), и на смену ему приходит и прочно устанавливается название *Армения*, охватывающее бывшую территорию Урарту. Собственно, история Армении является прямым продолжением истории не только протоармян, но и урартов, вошедших «чрезвычайно мощным в численном и культурном отношении компонентом в состав армянского народа[85]», и фактически армянский народ становится правопреемни-

[82] Кстати, на тождество Бэла и Неброта указал еще в XII в. автор перевода «Картлис цховреба» на армянский язык.

[83] Мовсес Хоренаци. I, 11; Мровели Леонти. С. 22–23; См. также: Цулая Г.В. Историческая концепция грузинского историка XI в. Леонтия Мровели… С. 182; Мусхелишвили Д.Л. К вопросу о связях центрального Закавказья с Передним Востоком в раннеантичную эпоху... С. 28.

[84] Неброт Леонти Мровели и Бэл (тот же Неброт) Мовсеса Хоренаци олицетворяют, как известно, Ассирию и Вавилон. У семитических народов – ассирийцев, вавилонян, халдеев и др., Бэл был богом солнца, владыкой неба и света, создателем мира и людей («Название Бэл, что значит владыка, давалось …также и царям»), и в рассказе Мовсеса Хоренаци отражена борьба Гаоса (hАйка) с Ассирией и Вавилонией, верховным богом которых был Бэл (Абегян М.Х. История древнеармянской литературы... С. 22). Неброт (Нимрод) – по ветхозаветным преданиям, первый после потопа царь на земле, основатель Вавилонского царства. У Леонти Мровели этим именем обозначаются вавилонские цари (Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 36–37), а по мнению Д.Л. Мусхелишвили – вавилонский царь Навуходоносор II (Мусхелишвили Д.Л. Указ. соч. С. 27–28).

[85] Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа... С. 239.

ком урартской истории и культуры[86]. В связи с этим античные авторы трактовали историю Армении как продолжение истории Урарту, называя последнюю Арменией, не говоря уже о раннесредневековых армянских и грузинских историках, которым не известно название Урарту и которые рассматривают урартский период как древний, начальный этап истории Армении[87].

Аналогичное наблюдается и в раннесредневековой грузинской литературе, где термины *Арарат* – библейское название Урарту, и *Армения* являются идентичными и равнозначными[88]. Безусловно, в этом отношении не является исключением и Леонти Мровели, который, следуя раннесредневековой традиции, отождествляющей Урарту (Арарат) с Арменией, рассматривает историю Урарту и Армении как единое целое – как историю собственно Армении и армянского народа. В таком случае, казавшиеся необъяснимыми сообщения Леонти Мровели о начальном этапе истории кавказских народов (таргамосиан), проходившем под эгидой армянского этнарха Гаоса (hAoca), становятся ясными и логичными, ибо речь в них идет не об Армении и армянах, а об Урарту и урартах.

Для понимания сути концепции Леонти Мровели большое значение имеет уверенность древнегрузинского историка в том, что территория Урарту является прародиной всех перечисляемых им народов – армян, грузин, ранов, моваканов, эров, леков, кавкасиан и мегрелов. Истоки общности происхождения этих народов Мровели возводит именно к Урарту, называя эту страну Арменией, которая, по его мнению (вернее, его источников) являлась первоначальным местом проживания всех этих народов, откуда они затем расселились по регионам Кавказа. Если рассмотреть данное утверждение не с точки зрения раннесредневековых историков, для которых Урарту есть Армения, а с позиции современных знаний о той эпохе, то есть, отделяя историю Урарту от истории собственно Армении, то становится очевидным, что урартский период является общим достоянием, начальным этапом истории всех перечисляемых грузинским историком кавказских народов.

О значительном политическом и культурном влиянии Урартской державы на соседние народы, в частности кавказские, на заре их истории, об ее важной роли в становлении армянской и, в определенной степени, грузинской государствен-

---

[86] См.: Еремян С. Т. К вопросу об этногенезе армян // Вопросы истории, 1952, № 7. С. 103–107; Бэнэцяну Влад. Некоторые вопросы этногенеза армян. ИФЖ. № 2. Ереван, 1961. С. 101–102; Тирацян Г. Урарту и Армения (К вопросу о преемственности материальной культуры) (на арм. яз.) // Вестник АН Арм. ССР. № 2. Ереван, 1968. С. 43–60.

[87] Для Мовсеса Хоренаци, например, история Урарту и Армении неразрывна – это история одного и того же народа. Так, сообщая о периоде появления на исторической арене мидян, Мовсес Хоренаци пишет: «…Что действительно в то время существовало царство нашего народа, тому свидетель пророк Иеремия, который призывает на войну против Вавилона: «Созовите, говорит он, царство Араратское и воинство Асканазское!» Этим подтверждается существование в то время нашего царства» (Мовсес Хоренаци. I, 22).

[88] Барамидзе А.А. К уточнению одного сообщения в произведении Леонти Мровели // Источниковедческие разыскания. Тбилиси, 1972. С. 57.

ности говорить не нужно – это общеизвестно. Общий культурно-исторический субстрат урартов и в некоторой степени преемственность по праву делят с армянским народом и грузины [89]. И нет ничего неожиданного в том, что начальный этап истории армян и грузин в изложении Леонти Мровели проходил под эгидой Урартского царства. Это соответствует той исторической действительности, которая известна нам к настоящему времени.

Таким образом, появляются веские основания предполагать, что, по Леонти Мровели, главными в ряду перечисленных народов, сыгравших решающую роль на начальном этапе их истории, являются именно урарты, которых древнегрузинский историк называет армянами. Соответственно, генеалогическое древо кавказских народов возглавляет Гаос (hАйк), под именем которого объединяются урарты и армяне. Отсюда становится очевидным неправомерность аттестации Леонти Мровели как «армянофила», ибо если и можно бы было заподозрить нашего автора в каком-либо «этнофильстве» в сообщениях о начальном периоде истории кавказских народов, то следовало бы говорить скорее о «урартофильстве». Однако это исключается, и не только потому, что Леонти Мровели ничего не известно о существовании Урарту или Урартского царства, но и потому, что урартский период является общим для всех указанных им народов.

Следовательно, говорить о той или иной «этнофильской» тенденции, проявляющейся у грузинского историка при описании ранних этапов истории кавказских народов, было бы неправомерно. Скорее всего, эта результат зависимости автора от тех источников, в которых он черпал свои сведения об описываемом периоде. Как отмечают исследователи, Леонти Мровели, «должно быть, покорно следовал несохранившемуся тексту по истории дохристианской Картли[90]». Этим, вероятно, и следует объяснять «дурдзукофильство», проявляющееся у Леонти Мровели при описании событий середины и второй половины I тыс. до н.э., а также «осефильство» и «лекофильство», которое можно заметить в рассказе о событиях, имевших место начиная с рубежа новой эры. Видимо, то, что грузинский автор, следуя своим источникам, устным или письменным, выдвигает на первый план определенные народы, является отражением политической значимости этих народов в истории Кавказа в отдельные исторические периоды.

Для раскрытия исторической концепции Леонти Мровели, следует рассмотреть, какие народы он объединяет по общности происхождения и территории их расселения. Потомками мифического Таргамоса, как мы уже знаем, являются армяне, грузины (картвелы), раны, моваканы, эры, леки, мегрелы, кавкасианы. Этническая принадлежность перечисленных народов известна хорошо: вслед за армянами и грузинскими народностями – картвелами и мегрелами, названы этнически родственные дагестанские народы – раны и моваканы, представлявшие собой ядро населения Кавказской Албании; за ними эры и леки, заселявшие вос-

[89] Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. С. 239; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. С. 116–117.

[90] Цулая Г.В. Указ. соч. С. 181; Кекелидзе К.С. Литературные источники Леонти Мровели... С. 75.

точный Кавказ (Дагестан); затем кавкасианы, т.е. нахи, занимавшие Центральный Кавказ. Таким образом, в генеалогическую таблицу Леонти Мровели входят армяне, грузины (картвелы, мегрелы), нахские и дагестанские (или албано-дагестанские) народы.

В то же время в этой таблице нет народов западно-кавказской группы исконнокавказской языковой семьи – абхазов и адыгов. Если отсутствие в списке кавказских народов пришлых ираноязычных осетин и тюркоязычных карачаевцев, балкар, кумыков вполне объяснимо и не вызывает удивления, поскольку, согласно Леонти Мровели, к потомкам Таргамоса относятся лишь коренные народы Кавказа, первоначально населявшие Кавказ[91], то исключение из списка абхазов и адыгов (черкесов), представлявших одну из двух групп автохтонного населения Кавказа, выглядит довольно странно, особенно в произведении грузинского автора XI в., так как грузинской историографии того периода абхазы и адыги (джики, зихи) хорошо известны. Более того, Леонти Мровели в своем труде пользуется генеалогической схемой грузинского писателя и переводчика X в. Евтиме Атонели, которая представлена в его версии сочинения Епифания Кипрского (конец IV – начало V вв.) «Diamerismos» и в которой в список народов мира вошли абхазы, зихи (адыги) и другие кавказские народы, которых нет в оригинальном тексте Епифания Кипрского[92].

Народы Западного Кавказа включены также и в список народностей, составленном анонимным грузинским автором XIII в..[93] Кроме того, и сам Леонти Мровели, судя по всему, хорошо информирован об абхазах и в своей Хронике упоминает абхазов и егров отдельно, не смешивая их, четко отделяет Абхазию от Эгриси[94]. Это не дает возможность согласиться с высказанным в научной литературе мнением, что отсутствие абхазов и адыгов в генеалогической схеме Леонти Мровели, возможно, связано с тем, что древнегрузинские племена поздно пришли на Кавказ и поэтому не могли ничего знать об этих народах, и сообщают лишь о тех, которые соседствовали с Картли[95]. Кроме того, древнегрузинский автор XI в. не мог не знать о том, что в это время территория Эгриси входила в состав абхазского царства и называлась Абхазией, и именно в этой связи некоторые исследователи склонны предполагать, что в собирательном названии Эгрос подразумеваются абхазы. Однако и это мнение требует существенной корректировки.

---

[91] Считаю излишним комментировать попытки отдельных современных авторов (Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа... С. 43–44; Дзицойты Ю.А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003. С. 187–188) искусственно включить в генеалогическую таблицу народов Кавказа Леонти Мровели ираноязычных осетин, тюркоязычных карачаевцев и балкарцев на основании произвольного подбора иранской или тюркской этимологии имени Таргамос, ввиду их очевидной несостоятельности.

[92] Шамиладзе В.М. Об этногенетическом и этнокультурном единстве народов Кавказа...

[93] Кекелидзе К.С. Этюды по истории древнегрузинской литературы... С. 100, 168.

[94] Мровели Леонти. С. 33.

[95] Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 294.

Согласно Леонти Мровели, каждому из народов, имена которых выводятся из названий этнополитических субрегионов, областей и племен Кавказа, мифическим предком Таргамосом выделяется соответствующая территория [96]. Нет надобности подробно останавливаться на выяснении мест локализации всех перечисленных народов – эти вопросы освещены во многих специальных исследованиях, где убедительно показано, что сведения Леонти Мровели о расселении народов, перечисленных в его генеалогической таблице, в основном достоверны и соответствуют современным представлениям об этнотерриториальной карте древнего Кавказа.

Потомки Гаоса (hAоса) армяне занимают бывшую территорию Урартского царства, картвелы (грузины) – Картли, от Лихского хребта на западе до Эрети на востоке. Далее следуют народы, относящиеся к нахско-дагестанской языковой группе: ранам, или потомкам Бардоса, отводится правобережье Куры от Хунаракерта до слияния Куры с Араксом; моваканам – левобережье Куры; эрам – Эрети, территория между восточной границей Картли и Главным Кавказским хребтом; лекам – Дагестан; кавкасианам (нахам) – центральные районы Кавказа.

Если территория проживания и этническая принадлежность вышеназванных народов определяется достаточно точно и не вызывает существенных возражений в научной литературе, то значение названия *мегрел* и эпонима *Эгрос* является спорным. Среди перечисленных народов – сыновей Таргамоса, в источнике указываются мегрелы, а название выделенной им территории выводится из имени *Эгрос*: «Эгросу же дал страну у берегов моря и наметил рубежи: на востоке – Горы Малые, ныне называемые Лихи; на западе – море; [на севере] – Малая река Хазарети, где примыкают горы Кавказские[97]».

Совершенно очевидно, что в приведенном отрывке воссоздана эпоха Абхазского царства и удел Эгроса соответствует территории раннесредневековой Абхазии, границы которой на востоке и юго-востоке доходили до Лихского хребта и реки Чорохи, а на северо-западе – до Никопсии[98]. Поэтому в исторической литературе принято считать, что под собирательным термином Эгриси подразумеваются абхазы и сваны, в чем, судя по территории, покрываемой названием Эгрос, вряд ли можно усомниться. Однако это обстоятельство не может служить основанием для причисления абхазов к народам, объединенным, по концепции Леонти Мровели, общностью происхождения, то есть, к потомкам мифического Таргамоса, так как в самом перечне народов они не названы. Впрочем, даже если принять во внимание озвученное выше мнение ученых, то и в этом случае вопрос останется открытым, ибо трудно будет объяснить причину того, что в список не вошли адыги (черкесы), представлявшие собой значительную часть кавказского этнического мира.

Леонти Мровели важное значение придает одному из непременных признаков этнической общности – общности территории, в связи с чем уделяет пристальное

[96] Цулая Г.В. Указ. соч. С. 175.

[97] Мровели Леонти. С. 22.

[98] Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. Тбилиси, 1959. С. 110–111.

внимание точности территориального определения каждого из перечисляемых народов, причем географическое размежевание тех или иных регионов Кавказа осуществляется в строгом соответствии с этническими границами. Как отмечает З.Ш. Дидебулидзе, «понятие общности территории у Леонтия Мровели всегда совпадает с понятием этнической общности, возникновение же новой этнической общности, связанное с процессами интеграции, вызывает перекройку прежних территориальных границ[99]». Однако при определении границ Эгроса этот принцип нарушается. Как видно из приведенного выше отрывка, в данном случае граница этнической общности не совпадает с территориальной общностью не только потому, что термин Эгрос, в отличие от других эпонимов, имеющих конкретное этническое значение, употребляется в собирательном смысле и включает в себя помимо мегрелов и сванов этнически не родственных им (мегрелам и сванам) абхазов, составляя в этот отношении исключение, но также и потому, что вне пределов удела Эгроса остается та часть мегрелов (мегрело-лазов), которая проживала в Юго-Восточном Причерноморье, к югу от нижнего течения реки Чорохи. И поэтому, конечно, ученые вполне правомерно полагают, что у Леонти Мровели «этноним мегрелы не коррелирует с эпонимом Эгрос[100]». Но на вопрос о том, какой народ подразумевается под этнонимом мегрелы и эпонимом Эгрос, удовлетворительного ответа среди исследователей нет.

К.С. Кекелидзе этноним *мегрелы* отождествляет, с одной стороны, с названными в «Хронике» Ипполита корзенами, тибаренами, халибами, моссиниками, которых в грузинской историографии принято считать мегрело-чанскими племенами, с другой – с *егерацик* древнеармянской версии той же «Хроники[101]». Г.В. Цулая ставит под сомнение эту предположение, считая, что под термином *егерацик* (*Егерк*) в древнеармянских источниках, возможно, «имеется в виду та часть мегрело-чанов, территория расселения которой составляла удел Эгроса – Эгриси с центром в Бедиа[102]». По мнению ученого, под этнонимом мегрелы у Леонти Мровели подразумеваются мегрело-чанские племена Юго-Восточного Причерноморья, то есть те же тибарены, корзены, халибы, моссиники, а термины Эгрос и егерацик армянской версии «Хроники» Ипполита связаны с теми западнокартвельскими племенами, центром земель которых Мровели считал город «Эгриси, ныне именуемый Бедиа[103]».

Термин *мегрел* Леонти Мровели, вне всякого сомнения, следует отождествлять с древнеармянским *егерацик* (*Егерк*), однако отмеченные выше разночтения, до-

[99] Дидебулидзе З.Ш. Хроника Леонти Мровели как источник для изучения некоторых вопросов этногенеза северокавказских народов... С. 91.

[100] Цулая Г.В. Историческая концепция грузинского историка XI в. Леонтия Мровели… С. 180.

[101] Кекелидзе К.С. Идея братства закавказских народов по генеалогической схеме грузинского историка XI в. Леонти Мровели // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т.I. Тбилиси, 1945. С. 98–99; Его же: Вопросы классификации и географического распределения народов в древнегрузинской литературе // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. I. Тбилиси, 1945. С. 178.

[102] Цулая Г.В. Указ. соч. 183.

[103] Там же. С. 180.

пущенные исследователями при определении территории Егерк (егерацик) армянских источников, вызывают удивление, ибо территория эта определяется достаточно четко. В армянских источниках термин *Егерк* (*егерацик*) употребляется в двух смыслах – узком и собирательном, поэтому, для выяснения его содержания в каждом конкретном случае следует исходить из контекста. Так, автор «Ашхарацуйца», перечисляя пятнадцать областей Великой Армении, указывает, что область Тайк (Тао) на западе граничит с Егерией («На западе Тайк граничит с Егерией[104]»). В данном сообщении, как отмечает Н. Адонц, «термин Егерия употребляется в Географии в широком смысле, и означает все восточное побережье от Абхазии вплоть до Трапезунта[105]». В другом месте, уже при описании области Тайк, армянский географ свидетельствует, что «река Вох (Чорохи. – *Г. Г.*), которая течет из Спера, проходя около крепости Тухарк, направляется в [область] Клардж, а оттуда протекает через области Егр, Нигал, Мруз и Мрит и впадает в Понтийское море[106]». Область Егр занимала территорию от низовьев Чорохи до северного отрога Пархарских гор и от устья Имер-Хеви до Черного моря[107].

Термин *Егр* (*Егерия*) в узком смысле, для обозначении области Егр в низовьях Чорохи, употребляют и другие раннесредневековые армянские авторы. Так, Мовсес Хоренаци, повествуя о походе армянского царя Валаршака (I в. до н.э.[108]) в области, лежавшие северо-западнее Армении, в частности, сообщает: «Действуя таким образом [Валаршак] упорядочивает земли Мажака, понтийцев *и егеров и направляется на север, через подножья Пархарских гор, через Тайк…*[109]» (выделено мной. – *Г. Г.*) Отсюда следует, что область Егр находится юго-западнее Тайка, на левобережье Чорохи.

Именно эту область имеет в виду и Ованнес Драсханакертци в сообщении о деятельности армянского католикоса Мовсеса Еливардеци (574–604 гг.) о том, что в 599 г. «сей Мовсес рукоположил, согласно принятому прежде порядку, архиепископом наханга Вирк (Картли), Гугарка и Егерской иерея кафедрального собора – Кюриона[110]». Как известно, армянской церкви подчинялись церкви только Восточного Закавказья, в том числе и грузинская до ее отпадения от армянской и признания в начале VII в. догматов халкедонского собора, в то время как Западное Закавказье (Абхазия, Егерия) находилось в лоне византийской церкви и подчинялось константинопольскому (византийскому) патриарху. Поэтому, есте-

---

[104] Ашхарацуйц. С. 37.

[105] Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана... С. 26.

[106] Ашхарацуйц. С. 37; Названия упоминаемых областей Нигаль, Мрул и Мрит соответствуют названиям притоков Чорохи: Нигаль – эта река Мургул, впадающая в Чорохи ниже Артвина; Мрут – Марат; Мрул – Имер-Хеви (Мерули).

[107] Адонц Н.Г. Указ. соч. С. 26; Еремян С.Т. Царство Великой Армении в IV в. (карта). Ереван, 1979 (на арм. яз.).

[108] Мовсес Хоренаци считает Валаршака жившим во II в. до н.э. В действительности Валаршак – это первый Парфянский Аршакид на армянском троне, который начал править Арменией в середине I в. до н.э.

[109] Мовсес Хоренаци. II, 6.

[110] Ованес Драсханакертци. XVI.

ственно, армянский католикос никак не мог назначать егрисских (лазских) архиепископов. В данном сообщении Ованеса Драсханакертци, речь, несомненно, идет об области Егр в низовьях Чорохи, которая в церковном отношении подчинялась армянской церкви.

Область Егр в долине Чорохи была известна также и источникам, которыми пользовался Леонти Мровели. Описывая войну Картлийского царя Парнаваза (конец IV – начало III вв. до н.э.) с Сабердзнети (Греция), т.е. с Понтийским царством, Леонти Мровели сообщает, что «земли к югу от реки Эгрисцкали остались за греками[111]». В научной литературе *Эгрисцкали* процитированного текста традиционно принято отождествлять с Ингур, а чаще с Галидзгой. Однако это входит в противоречие не только со сведениями Леонти Мровели, но и с этнополитической ситуацией в регионе того времени. Картлийский царь Парнаваз, поднявший восстание против Азо, разбив войска последнего, совершил набег на северо-восточную часть Малой Азии и вторгся в пределы Понтийского царства – Андзиадзору, а затем возвратился в Мцхету через области Эклеци (греч. Акилисена) и Кларджети[112]. Леонти Мровели сообщает, что в результате этого похода Парнаваз присоединил к Картлийскому царству Кларджети, «но земли к югу от реки Эгрисцкали остались за греками[113]» (т.е. в составе Понтийского царства).

В данном случае источник дает столь четкие ориентиры, что совершенно исключается иное отождествление Эгрисцкали, кроме как с рекой Чорох. Согласно новейшим исследованиям, северные рубежи Понтийского царства в III–II вв. до н.э. доходили до нижнего течения Чорохи, где Понтийское царство граничило с Колхидой (Эгриси грузинских источников). Следовательно информация Леонти Мровели о том, что земли к югу от нижнего течения Чорохи («земли ниже Эгрисцкали») в III в. до н.э. остались в пределах Понтийского царства, полностью соответствует историческим реалиям того времени, т.е. в данном контексте под Эгрисцкали Леонти Мровели разумеет нижнее течение реки Чорохи, служившее границей между Понтийским царством (Саберзнети) и Эгриси (Колхидой). Это подтверждается и тем, что далее, в том же отрывке, Леонти Мровели говорит о выделении Парнавазом эгрисскому правителю Куджи земли именно от Эгрисцкали до Риони: «И дал он (Парнаваз. – *Г. Г.*) Куджи земли между Эгрисцкали и Риони, от моря до гор. В этой [местности] и находятся Эгриси и Сванети. И назначил [Парнаваз] его там эриставом [114]». Согласно Леонти Мровели, Куджи (царь Колхиды в начале III в. до н.э.) находился в зависимости от Парнаваза. Но, как известно, зависимость Колхиды (Егр) от Картлийского царства в III – I вв. до н.э. исключается. В сообщении Леонти Мровели о признании правителем Эгриси в качестве своего владыки царя Парнаваза и о назначении Куджи эриставом Эгриси (Колхиды), как уже выявлено в научной литературе, проявляется общая тенден-

[111] Мровели Леонти. С. 30.

[112] Картлис цховреба. С. 35; Мровели Леонти. С. 30.

[113] Картлис цховреба. С. 35.

[114] Там же.

ция, отвечающая концепции грузинского историка, согласно которому Картлийские цари издревле играли главенствующую роль[115].

Нас в данном случае интересуют не взаимоотношения правителей Колхиды и Картли, а географические ориентиры, сообщаемые грузинским автором. Вряд ли у непредвзятого исследователя могут возникнуть сомнения в том, что и в этом случае термин *Эгрисцкали* в источнике употребляется для обозначения реки Чорохи, в отличие от позднего Эгрисцкали, идентичного реке Ингур. Существующее в научных кругах мнение о том, что Эгрисцкали вышеприведенного отрывка следует отождествлять с рекой Ингури (или Галидзга) и речь якобы идет о землях между Риони и Ингури (или Галидзга), является не чем иным, как просто недоразумением. Помимо всего прочего, неправомерность такой интерпретации заключается в том, что в этом случае за пределами Колхиды (Егерии), владения Куджи, в III в. до н.э. оказываются земли между Чорохи и Риони, т.е. основная часть Колхиды того времени.

Видимо, исследователей, отождествляющих Эгрисцкали рассматриваемого отрывка с рекой Ингури или с Галидзгой, вводит в заблуждение приписка к данному тексту, в которой говорится о строительстве Куджем крепости Годжи (древ. Археополис), которая была расположена западнее реки Риони. Но, возможно, строительство крепости Годжи (Цихе-Годжи) связывается с Куджем по той простой причине, что, тому или иному историческому деятелю Леонти Мровели, обычно, приписывает какое-либо деяние, обычно – основание какого-нибудь города, крепости и т.д.[116] Однако более вероятным представляется, что перед нами наслоение сведений, отражающих различные временные отрезки, что характерно для хроники Леонти Мровели.

Как отмечают исследователи, в летописи грузинского автора исторически обоснованно выделяются несколько этапов этнической истории Кавказа. Древнюю карту расселения кавказских племен, основанную на тех или иных достоверных источниках (устных или письменных), Леонти Мровели осмысливает в соответствии с этнополитической картой раннего средневековья и во многих случаях раннесредневековую ситуацию проецирует на более древнюю эпоху [117].

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что очерчиваемые в хронике Леонти Мровели пределы владения Куджи – от Чорохи (Эгрисцкали) на юге до Риони (Цихе-Годжи) на северо-западе, совпадают с границей Лазики V в. н.э. По «Ашхарацуйцу», граница между Абхазией и Егр (Лазика) в V–VI вв. н.э.

---

[115] Ломоури Н.Ю. К вопросу о методике использования некоторых античных и грузинских источников по истории древней Грузии // Источниковедческие разыскания. Тбилиси, 1982. С. 58–59.

[116] В армянском переводе «Картлис цховреба» Куджи строит крепость, названную его именем: «И Куджи построил крепость Куджи» (Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник... С. 34). Учитывая, что армянский текст «Картлис цховреба» является наиболее древним, нельзя исключать, что приписываемое эгрисскому царю Куджи строительство Цихе-Годжи (Археополис) является поздней вставкой в грузинский текст источника.

[117] Дидебулидзе З.Ш. Указ. соч. С. 93; Цулая Г.В. Указ. соч. С. 181.

проходила по реке Техури, до ее впадения в Риони, далее по нижнему течению Риони до Черного моря[118], а крепость Цихе-Годжи находилась на левом берегу Техури, в предгорьях Эгрисского хребта. Следовательно, рассматриваемый отрывок отражает этнополитическую ситуацию V–VI вв. н.э., когда граница Лазского (Эгрисского) царства на северо-западе доходила до реки Техури и нижнего течения Риони. По-видимому, эту этнополитическую ситуацию, отражающую раннесредневековый период, Леонти Мровели и проецирует на более раннюю эпоху.

Таким образом, при описании Эгриси в хронике Леонти Мровели довольно отчетливо выявляются три слоя: первый – это IV–III вв. до н.э., когда существовала область Эгриси (Егр) в долине реки Чорохи (Эгрисцкали); второй – V–VI вв. н.э., период Лазского (Эгрисского) царства, границы которого охватывали территорию от Чорохи на юго-востоке до реки Техури и нижнего течения Риони на северо-западе; третий – эпоха Абхазского царства (VIII–XII вв. н. э.)

Все вышеизложенное дает достаточно веские основания полагать, что в хронике Леонти Мровели при воссоздании раннего этапа истории Эгриси под этнонимом *мегрелы*, производным, как известно, от *егр//агр* (*Егерия*), подразумевается население вышеуказанной области Егерия в долине Чорохи, что соответствует *Егр* армянских источников, и в том числе *егерацик* древнеармянской версии «Хроники» Ипполита.

Следовательно, у Леонти Мровели этноним *мегрелы* не коррелирует с эпонимом *Эгрос* не потому, что под мегрелами подразумеваются халибы, корзены, моссиники и тибарены, мегрело-чанская принадлежность которых, кстати, весьма сомнительна, а под Эгросом – современная Западная Грузия, как это предполагает Г.В. Цулая, а потому, что эти термины воспроизводят хронологически различные периоды. Эпоним *Эгрос* отражает эпоху Абхазского царства, т.е. этнополитическую обстановку раннего средневековья, а этноним *мегрелы* воспроизводит ситуацию более древнего периода, когда термин *Егерия* обозначал выше обозначенную область в долине Чорохи (Эгрисцкали).

В хронике Леонти Мровели такое соотношение этнонима и эпонима не является исключением. Так, в перечне народов Кавказской Албании потомков (сыновей) Таргамоса, грузинский историк называет *ранов*, а название выделенной им территории выводит уже из эпонима *Барда* (*Бардос*[119]). В первом случае сведения Мровели основываются на древней традиции, согласно которой, Ран являлся родоначальником албан. Легенда об этом зафиксирована в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци и в «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатваци. Появление термина *Бардос* (*Барда*) для обозначении территории Ран (Арран) связано с тем, что в начале VI в. резиденция Албанского марзпанства была перенесена Сасанидами из Дербента в город Барда (Партав) на правобережье Куры, построенный при шахиншахе Каваде I (488–531). С того времени в раннесредневековых источниках Арран (Ран) стал часто называться страной Бардаа, по названию столицы Барда, что и отражено у Леонти Мровели. Таким образом, этноним *ран*

[118] Гумба Г.Д. К вопросу идентификации реки Эгрис-Цкали… С. 48.

[119] Мровели Леонти. С. 22.

отображает более древнюю эпоху, а эпоним *Бардос* выводится из названия раннесредневекового политического образования Барда (*страна Бардаа*).

Итак, по концепции Леонти Мровели, общностью происхождения объединены армяне, грузины (картвелы и мегрелы) и народы нахско-дагестанской группы исконнокавказской языковой семьи – нахи, дагестанцы и албаны. Территория расселения перечисленных народов в начальный период их истории охватывает Армению, восточную часть Южного Кавказа, Центральный и Восточный Кавказ. Здесь нельзя не обратить внимание на то, что указанная территория при нанесении на карту почти полностью совпадает с предполагаемым ареалом расселения в древности (III–II тыс. до н.э.) родственных хуррито-урартских и нахско-дагестанских племен. Не заметить этого нельзя даже при очень большом желании. Столь поразительное совпадение наталкивает на мысль о том, что, возможно, историческая концепция Леонти Мровели восходит именно к этой, реально существовавшей, восточно-кавказской (нахско-дагестанской и хуррито-урартской) общности, которая по своему происхождению, языковой принадлежности и общности истории на ранних этапах действительно представляла единую этнокультурную общность, на базе которой впоследствии и сформировались народы Восточного Кавказа и Армении. Представляется вполне вероятным, что в основе концепции Леонти Мровели об общем происхождении перечисленных им народов – армян, грузин, вайнахов и албано-дагестанцев, лежат устные или письменные предания древнейшего населения (хуррито-урартского и нахско-дагестанского) данной территории, в которых и были отражены единство происхождения, территории и исторических судеб этих народов. Этим и объясняется отсутствие в генеалогической таблице Леонти Мровели народов абхазо-адыгской группы исконнокавказской языковой семьи.

Как уже отмечалось выше, очерчиваемые первоначальные рубежи земли Таргамоса в основном совпадают с границами Урартской державы периода его могущества, т.е. начальный этап истории и истоки общности перечисленных в генеалогической таблице народов, Леонти Мровели возводит к Урарту – общей прародины таргамосиан. Имя Таргамоса – общего родоначальника кавказских народов (в «Таблице народов» Библии Тогарма является Ноевым отпрыском, сыном Гомера, сына Яфета[120]), восходит к названию области Тогарма, которая лежала между Цопеной (Цопк), Табалом и Малатьей (Мелида), в долине реки Тохма-Су, охватывая земли и к востоку от Евфрата [121].

Название *Торгом* (*Тегарма*) известно в Передней Азии с глубокой древности: в хеттских текстах середины II тыс. до н.э. упоминается страна *Тегарама*, ассирийцы же называли эту страну *Тиль-Гаримме* [122]. После падения Урарту царство Тогарма («Дом Торгома») существовало еще некоторое время, расширившись на восток и включив в себя урартские области [123]. В связи с этим название *Торгом*

[120] Библия. X, 1.

[121] Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа... С. 84; Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту... С. 184.

[122] Пиотровский Б.Б. О происхождении армянского народа. Ереван, 1946. С. 23.

[123] Дьяконов И.М. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам... С. 187.

(*Тогарма*) стало применяться в обозначении территории Урарту, а позднее и Армению. Древнеармянские авторы, например, Фавст Бузанд, Агатангел, при употреблении *дом сынов Торгома* и страна *Торгома поясняют*, что это Армения[124].

Библейская же «Таблица народов» была написана после падения Урартского царства, в период возвышения Тиль-Гаримма (Тогармы), которая охватывала большую часть страны Урарту[125], поэтому вместо названия *Урарту* (*Арарат*) в «Таблицу» вошло *Тогарма*. Именно этим и объясняется использование Леонти Мровели термина *Таргам* (*Тогарма*) для обозначения территории Урарту и возведение им эпонима *Таргамос* (читай *Урарту*) в ранг «отца» перечисляемых народов. То есть, общим предком народов генеалогической таблицы Леонти Мровели является *Урарту*, которого он называет *Таргамосом*, а его удел соответствует территории Урартского царства.

Позже, после того как царство Тогарма пало под ударами войск мидийцев и вавилонян, как и раннее, после падения Урарту, прослеживается перемещение населения из областей Урарту (Тогарма) на север, в районы Кавказа (см. выше). События рубежа VII–VI вв. до н.э. – падение Урартской державы, мощные миграционные потоки, направленные с юга на север, были столь значительными, что воспоминания о них сохранились во многих древних письменных источниках: античных, древнеперсидских, древнееврейских, древнеармянских, древнегрузинских. Разумеется, сообщения об этих событиях, почерпнутых из надежных первоисточников, переплетались с полулегендарными повествованиями, основанными на слухах.

Однако не подлежит сомнению то, что сведения раннесредневековых армянских и грузинских авторов основывались на более обширной древней литературе, нежели та, которая известна нам сейчас. Так, для Мовсеса Хоренаци одним из главнейших источников по древней истории Армении был «сириец Мар Абас Катина, муж разумный и сведущий в халдейской и греческой письменности[126]». Леонти Мровели в качестве источника неоднократно упоминает о существовании на грузинском языке «Книги Неброта» («Небротиани»). В этой связи, как отмечает Г. Цулая, симптоматично, что линия борьбы Неброта и «небротидов» против потомков Иафета в хронике Леонти Мровели перекликается с древнееврейской традицией, согласно которой, Нимрод возглавил потомков Хама в войне против яфетидов, т.е. таргамосиан (урартов[127]).

Наряду с письменными документами, несомненно, существовали и устные предания, повествовавшие об этих великих событиях, изменивших этнополитическую ситуацию древней Передней Азии. Эти предания сохранились в среде древнейшего населения центральных областей Южного Кавказа – нахских и хуррито-урартских племен. Выше уже отмечалось почти полное сходство сведений древнеармянских и древнегрузинских письменных источников, касающихся

[124] Фавст Бузанд. IV, I; V, I; Агатангелос. История Армении. Ереван. 2004. 776, 796.

[125] Библия. X, 1;XXVII, 14; XXXVIII, 6.

[126] Мовсес Хоренаци. I, 85; Абегян М.Х. История древнеармянской литературы… С. 146.

[127] Мровели Леонти. Комментарии Цулая Г.В. С. 47. Прим. 28.

переселения с юга на Кавказ под натиском халдеев (вавилонян) цанаров и хонов, с этногенетическими преданиями цанаров, зафиксированными в IX в. арабским историком Масуди, и аналогичными сказаниями современных нахских народов – чеченцев и ингушей. Видимо, эти древнейшие предания и легли в основу сообщения Леонти Мровели о первоначальном этапе истории кавказских народов. Так, Н.Я. Марр, относительно источников Леонти Мровели, отмечает: «…история Леонтия Мровели основана была, прежде всего, на устных преданиях. Это видно из самого термина *hambav* (название труда Мровели), как он назывался первоначально …Термин *hambav* в позднейших списках заменен христианским литературным термином *цховреба – житие*» [128].

Все это дает достаточные основания предположить, что Леонти Мровели при конструировании своей исторической концепции, помимо письменных источников, широко пользовался и устными преданиями, бытовавшими в среде родственных урартам нахских и, возможно, дагестанских племен, еще в раннем средневековье проживавших в Картли. Кроме того, установлено, что определенная часть урартских и южнонахских племен была ассимилирована грузинами [129]. И вполне вероятно, что древние предания об урартской эпохе были унаследованы грузинами от слившихся с ними нахских племен, что и легло позднее в основу исторической концепции Леонти Мровели. Довольно веским аргументом в пользу такого предположения служит и то, что Леонти Мровели первоначальным языком всех перечисляемых им народов – таргамосиан, считает урартский, который он называет армянским[130].

Поэтому рассматривать сведения Леонти Мровели о начальном периоде истории таргамосиан лишь как попытку хрониста-христианина увязать происхождение грузин и перечисленных вместе с ними народов с библейской традицией, как это принято в литературе, было бы упрощенным и неверным. При построении генеалогии народов (таргамосиан) Леонти Мровели, несомненно, использовал библейскую схему – «Таблицу народов», но наполнил ее иным содержанием – преимущественно данными местных источников (как письменных, так и устных), что дает основание достаточно уверенно говорить о том, что его концепция общего происхождения перечисляемых народов имеет под собой вполне реальную историческую основу.

Таким образом, Леонти Мровели предпринимает попытку коренного пересмотра господствовавшей в раннем средневековье версии о происхождении грузин, согласно которой, они считались не аборигенами Кавказа, а пришлым, причем насильственно переселенным на Кавказ, народом, и стремится показать, что грузины издревле жили на Кавказе и входят в круг коренных кавказских народов. В связи с этим он ставит задачу выяснить вопросы происхождения не только гру-

[128] Рукопись доклада Н.Я. Марра о Леонти Мровели, прочтенного в Яфетидологическом институте 24 марта 1922 г., хранится в кабинете им. Н.Я. Марра в ИИМК.

[129] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 294–295; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике... С. 15–18.

[130] Барамидзе А.А. Указ. соч. С. 59.

зинского, но и других народов Кавказа и таким образом показать общность их происхождения, а в итоге не просто доказать автохтонность и этническое родство грузин с коренными кавказскими народами, но как бы раскрыть историческую обусловленность роли и значения грузин в судьбе кавказских народов[131].

Естественно, для достижения поставленной цели грузинскому историку абсолютно не подходили существовавшие в его время версии о переселении грузин на Кавказ в античной, арабской, армянской и грузинской исторической традиции. Разумеется, не устраивали его также и сведения источников о проживании в Картли до прихода грузин других племен – хонов, бунтурков, гирканов. Так, например, Леонти Мровели был знаком с «Мокцевай Картлисай[132]», где сообщается о хонах и бунтурках – догрузинском населении Картли, но он не упоминает эти народы. Хотя, однако, далее, следуя своим источникам, он называет древнейших жителей Картли «звероподобными», «людоедами», и поясняет, что это были «коренные картлийцы», «которых мы называем бунтурками [133]».

Вместе с тем, новая концепция, безусловно, не могла быть плодом выдумки автора. Для того, чтобы новую версию могли воспринять современники, ее надо было серьезно обосновать, опираясь на местную историческую память и существовавшие в то время предания, используя их в качестве опоры для создаваемого мифа. В то же время Леонти Мровели должен был использовать именно те предания, которые более всего соответствовали бы поставленной цели и послужили прочной опорой для создаваемого мифа. Таковыми, судя по списку народов, которые Леонти Мровели объединяет общностью происхождения и территории расселения, были, скорее всего, устные и письменные сказания древнейшего населения восточной части Южного Кавказа, то есть хуррито-урартских и родственных им нахско-дагестанских племен.

Учитывая предполагаемые границы ареала расселения генетически родственных хуррито-урартских и нахско-дагестанских племен в древности и роль хуррито-урартов в формировании армянского народа, следует согласиться с тем, что идея Леонти Мровели об общности происхождения всех этих народов зиждется на совершенно реальной исторической основе. Что же касается причисления к ним, т.е. к потомкам Таргамоса (Урарту), грузин то можно отчасти согласиться, что и здесь грузинский историк не так уж далек от истины. Общий культурно-исторический субстрат урартов вместе с армянским, нахскими и дагестанскими народами в известной степени разделяют и грузины. Кроме того, нельзя упускать из виду, что, вероятно, определенная часть урартских племен, а в центральных районах Южного Кавказа также нахских, могла быть, как отмечено выше, позже ассимилирована осевшими в этих местах древнегрузинскими племенами и вошла в состав формировавшегося грузинского народа, привнося с собой предания о своем прошлом. Переняв грузинский язык и таким образом слившись с грузи-

[131] Подробно см.: Гумба Г.Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI в. Леонти Мровели // Абхазоведение. Вып. 2. Сухум, 2003. С. 131–135.

[132] Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 282.

[133] Мровели Леонти. С. 28; Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 282.

нами, эти племена, конечно, не вычеркнули из своей памяти свои исторические предания, однако следующие поколения эти предания стали воспринимать уже как «грузинские». В таком случае причисление Леонти Мровели грузин к потомкам Таргамоса (Урарту) можно считать в некоторой степени оправданным.

Именно в этом аспекте следует рассматривать сходство и различие сообщений армянского и грузинского авторов – Мовсеса Хоренаци и Леонти Мровели – о происхождении и начальном этапе истории армян и грузин. Сведения обоих историков о приходе Таргамоса с домочадцами в пределы Арарата (Масиса), о распределении земель между его сыновьями, о битве против Неброта (Бэла) и победе над ним в основном совпадают.

Однако, вместе с тем, как уже было отмечено выше, между текстами существует ряд расхождений. Совпадения объясняются, скорее всего, тем, что оба автора – и армянский, и грузинский, черпали сведения о древнейшем периоде истории своих народов из одного общего источника. Причина же различий кроется, по-видимому, в следующем. Во-первых, среди урартских и нахских племенных групп, проживавших в разных частях Урарту и Восточного Закавказья, могли существовать различные варианты одного и того же предания, и с течением времени они могли претерпеть определенные изменения, что, по-видимому, и отразилось в армянском и грузинском источниках. Во-вторых, и Мовсес Хоренаци, и Леонти Мровели осмысливали сведения источников (устные и письменные) через призму поставленных целей, и каждый, очевидно, отбирал тот материал, который отвечал задаче, ради решения которой он писал свое сочинение.

Цель Мовсеса Хоренаци – это история армянского народа, которое он пишет по поручению марзпана Армении князя Саака Багратуни и поэтому, соответственно, отбирает те материалы, которые имеют непосредственное отношение к истории собственно Армении. Так, Мовсес Хоренаци, судя по всему, пользовался источниками, в которых содержались сведения об участии кавказских народов в битве против Вавилонского царя. Но, несмотря на это, армянский историк ограничивается лишь сообщением о том, что hАйк (Урарту), будучи повелителем всего Восточного Закавказья, для борьбы с Бэлом (Небротом) собрал не только армян, но и представителей «других, бывших под его властью (народов[134])».

В отличие от Мовсеса Хоренаци, Леонти Мровели, очевидно, использует сведения источников более широко, объединяя их в один цельный рассказ, преломляя в соответствии со своими целями (см. выше). Грузинский историк поименно перечисляет все народы и присовокупляет к ним грузин (картвелов и мегрелов), доказывая таким образом единство их происхождения и братство с автохтонными кавказскими, точнее, восточно-кавказскими, народами – таргамосианами.

По сути, Леонти Мровели впервые в историографии формулирует тщательно разработанную концепцию автохтонности грузин, основанную на общности происхождения и родства с кавказскими народами, тем самым пытаясь противопоставить ее господствовавшей в то время традиции, отрицавшей местное происхождение грузин. Для этой цели Леонти Мровели объединяет и сводит в одно

[134] Мовсес Хоренаци. I, 85.

целое два параллельно существовавших предания: одно – принадлежавшее собственно переселившимся в Картли племен и отраженное в «Мокцевай Картлисай» («мы, картвелы, являемся потомками этих переселившихся арриан-картов»); другое – этногенетическое предание, бытовавшее среди древнейшего нахского населения Картли – хонов, цанаров, бунтурков, гирканов.

Следует сказать, что средневековый грузинский историк блестящее справился с поставленной задачей и проявил себя выдающимся мыслителем. Перед нами глубоко продуманная и вполне целенаправленная система информации. Все сочинение, словно красной нитью, пронизано идеей общности происхождения, братства и неразрывности исторических судеб перечисляемых автором кавказских народов[135].

Леонти Мровели опирается на этногенетические предания нахского населения центральной части Южного Кавказа не только при изложении начального этапа истории Картли, но и при описании последующих событий. В частности, влиянием именно этих сказаний, вероятно, объясняются резкие противоречия между данными о возникновении и становлении Картлийского царства, содержащимися в «Жизни Картлийских царей», и информацией по тому же вопросу другого древнегрузинского источника – «Мокцевай Картлисай», о чем пойдет речь в следующей главе.

[135] Не случайно на протяжении многих столетий концепция Леонти Мровели пользуется большой популярностью. Впрочем, выдающееся значение труда грузинского историка, его огромная идеологическая и политическая ценность, сила его влияния на умы становятся более понятными, если вспомнить, что даже в настоящее время предпринимаются попытки включить те или иные народы Кавказа (например, осетин, карачаевцев, балкарцев) в генеалогическую таблицу народов Леонти Мровели.

Глава X

НАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В III В. ДО Н.Э.

1. Нахи и проблема становления Картлийского царства

На рубеже IV–III вв. до н.э. имели место два крупных военных вторжения в пределы нахского государственного объединения: с юга – Понтийское царство, а с севера – сарматские племена. Эти события, произошедшие практически одновременно, привели к изменению границ Нахаматии: на северо-востоке были утеряны земли к северо-западу от реки Малка, вошедшие во вновь образованный сирако-меотский союз племен, а на юго-востоке понтийские войска заняли земли по среднему течению реки Куры. Скорее всего, именно в это время были заложены основы тех этнодемографических изменений, которые в дальнейшем привели к сокращению нахского этнического ареала на северо-восточной и юго-восточной окраинах страны.

Со временем происходит частичное сокращение нахского ареала: в северо-западные равнинные районы Центрального Кавказа стали просачиваться кочевые племена со своими стадами. Оседая в этих местах, они превращали ухоженные сады и поля в безлюдные пастбища для мелкого рогатого скота. На юго-востоке после захвата долины среднего течения Куры началось установление господства понтийского царя, сопровождавшееся перемещением в эти места племен с северо-востока Малой Азии. Переселение племен из внутренних областей Понтийского царства в долину среднего течения Куры было как добровольным, так и, надо полагать, в основном принудительным. Такая государственная политика заселения завоеванных территорий, особенно приграничных областей, лояльным населением, была широко распространена во все времена. Примеров тому в истории великое множество.

Конечно, это вовсе не означает, что отторгнутые области покинуло все нахское население – большая его часть осталась в прежних местах проживания. За спиной нахов стояло все еще могущественное нахское государство, не только сумевшее выстоять в тяжелейших условиях войны на два фронта против многократ превосходивших его сил, но и продолжавшее оказывать военно-политическое влияние на окружающие страны. Свидетельства тому, что в III в. до н.э. нахи по-прежнему доминировали в исторических событиях на Кавказе, можно найти в скупых сообщениях письменных источников, в частности древнегрузинских. Более того, согласно этим сведениям, нахи начали активную военно-политическую деятельность по возвращению своих территорий и утраченных позиций (особенно это касается территории по среднему течению реки Куры).

В древнегрузинских источниках при описании событий второй половины I тыс. до н.э. доминируют кавкасианы-дурдзуки, и этот факт расценивается исследователями, в частности, как свидетельство того, что нахи играли в древней истории Кавказа, в том числе, и Картли значительную роль[1]. Согласно древнегрузинской исторической традиции, нахи сыграли едва ли не решающую роль в становлении Картлийского царства в III в до н.э. Однако до сих пор не только не дано объяснений тому, какова была эта роль, но и не найден ответ на вопрос о том, почему и каким образом нахи должны были создавать грузинскую государственность – Картлийское царство, или способствовать его становлению, не имея при этом, согласно существующей в современной историографии точки зрения, собственной государственности.

Вопросы возникновения Картлийского царства и ранних этапов его развития уже достаточно долго являются объектом научных дискуссий. Одна из основных причин – с одной стороны, скудость источников, а с другой − наличие в этих источниках серьезных противоречий. Так, античная литературная традиция ничего не знает о возникновении Картлийского (Иберийского) царства в III в. до н.э., в то время как в древнегрузинской исторической традиции представлены две противоречивые версии основания Картлийского царства, изложенные, соответственно, в «Мокцевай Картлисай» («Обращение Грузии») и в «Жизни картлийских царей» Леонти Мровели. Согласно «Мокцевай Картлисай», в Картли проживали хоны и бунтурки, и они в результате многомесячных ожесточенных боев были разбиты и изгнаны войсками Александра Македонского. Наместником Картли Александр Македонский назначил некоего Азо (Азон), который и переселил в Картли грузин, основал Картлийское царство и стал его первым царем [2].

Коренным образом отличается от этого описания версия возникновения древнегрузинского государства, изложенная Леонти Мровели. В ней Азон также выступает чужестранцем, уроженцем Македонии, который после завоевания Картли Александром Македонским и уничтожения основной части автохтонного населения был поставлен наместником, но здесь он предстает как кровавый завоеватель и властелин, наложивший на иноплеменников тяжкое ярмо своего господства. В этой версии нет упоминания о переселении картвелов, и вместо них пришлыми называется оставленное Азону чужеземное стотысячное войско [3]. Как представи-

---

[1] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 292; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике… С. 23–24; Мровели Леонти. Комментарии Цулая Г.В. С. 53–54. Комм. 57, 58.

[2] «А этот Азо отправился в Ариан-Картли, к отцу своему, и привел [оттуда] восемь домов и десять домов сородичей, и поселился в древней Мцхета, имея богами идолов Гаци и Гаим. И этот Азо, сын царя Ариан-Картли, был первым царем в Мцхета». Согласно «Житию св. Нино», Азо привел из Арриан-Картли тысячу домов простолюдин и десять домов княжеских. Здесь же прямо говорится о том, что «мы, картвелы, являемся потомками этих, вышедших из Ариан-Картли (переселенцев)» (Обращение Грузии. С. 23; Картлис цховреба. С. 25).

[3] «Завоевал Александр всю Картли, сокрушил все пребывавшие в Картли смешанные племена, перебил и полонил всех иноплеменников, женщин и отроков-несмышленышей

тель автохтонного населения Азону противопоставляется Парнаваз (Фарнаваз), возглавивший борьбу против завоевателей. Именно Парнаваз, победивший и изгнавший чужестранца Азона, по этой версии, является основателем Картлийского царства и его первым царем.

Сложная и противоречивая картина становления Картлийского (Иберийского) царства, изображенная в древнегрузинских источниках, имеет зеркальное отражение и в современной исторической литературе. Тщательный анализ текстов, посвященных созданию Картлийского царства, проводится во многих исследованиях, что избавляет от необходимости углубляться в источниковедческие и историографические вопросы[4].

Согласно концепции, господствующей в настоящее время в грузинской историографии, Картлийское царство было создано под руководством племен, носителей хеттско-малоазийских культурных традиций, переселившихся с юга в долину среднего течения Куры, в район Мцхета. Этими племенами принято считать мушков//мосхов. Установив в долине Куры свое господство, мушки//мосхи образовали в III в. до н.э. Картлийское царство, заложив тем самым фундамент древнегрузинской государственности. Как основной аргумент в пользу данной версии приводится тот факт, что официальным государственным культом образованного Картлийского царства стал культ малоазийского (лувийского) божества луны Арма (Армаз), привнесенный в Картли, как считается, древнегрузинскими племенами мушками//мосхами[5].

По мнению одних исследователей, в долину Куры из южных областей переселились не мосхи, а касперы[6], другие же полагают, что это были западногрузинские племена, а третьи считают их юго-восточно-грузинскими[7]. Многие исследователи предпочитают вообще не называть их, а говорят о юго-западных, южных, юго-восточных, восточных, западных, центральных грузинских племенах, при

моложе пятнадцати лет; пощадил он [лишь] племена картлосианов и поставил над ними патрикия по имени Азон, сына Иаредоса, уроженца своей страны Македонии. И дал ему сто тысяч человек из римской области Фротатос… [Таким образом] поставил в Картли эриставом Азона и при нем войско, занявшее Картли» (Мровели Леонти. С. 28)

[4] См.: Болтунова А.И. К вопросу об Армази. ВДИ, 1949 № 2; Ее же: Возникновения классового общества и государственной власти в Иберии…; Апакидзе А., Гобеджишвили Г., Каландадзе А., Ломтатидзе Г. Археологические памятники Армазисхеви // Мцхета. Тбилиси, 1955. Т. 1; Меликишвили Г.А. К вопросу о возникновении классового общества…; Его же: К истории древней Грузии… С. 276 и далее; Его же: Древнегрузинские, армянские и греческие исторические традиции и вопросы происхождения Иберийского царства (на груз. яз.) // Вестник АН Груз. ССР, 1962; Пицхелаури К.Н. Основные проблемы истории Восточной Грузии…; Ломоури Н.Ю. Очерки из истории Картлийского (Иберийского) царства. Тбилиси, 1975; Лордкипанидзе О.Д. Наследие Древней Грузии… и другие.

[5] См.: Болтунова А.И. К вопросу об Армази... С. 240–241; Очерки истории Грузии. Т. I. С. 87; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 156, 220–230; Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии... С. 326; Ломоури Н.Ю. Возникновение Древнеиберийского (Картлийского) царства... С. 491.

[6] Ломоури Н.Ю. Указ. соч. С. 491.

[7] Гогошидзе Ю.М. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья... С. 85.

этом проживавшие в Картли хоны и бунтурки превращаются в центрально- (или центрально-восточно-) грузинские племена[8]. Процесс же становления Картлийского царства представляется как борьба между двумя древнегрузинскими племенными группами – южной (или западной, или юго-восточной) и центральной (или центрально-восточной), возглавляемыми, соответственно, Азоном и Парнавазом. Борьба эта завершается победой центральной (или центрально-восточной) племенной группы под главенством Парнаваза, который и стал первым царем Картлийского царства и основателем царской династии Парнавазианов [9].

Однако в такой концепции становления Картлийского (Иберийского) царства заложен ряд серьезных внутренних противоречий, не позволяющих ее принять. Прежде всего, это ошибочное отождествление малоазийских мушков//мосхов с древнегрузинскими племенами, о котором уже говорилось выше, тем более что весь имеющийся материал свидетельствует об этнической близости мушков// мосхов скорее с нахскими или родственными им племенами, чем с картвельскими (грузинскими).

Даже если допустить гипотетическую связь мушков//мосхов с древнегрузинскими племенами и согласиться с тем, что божество Армаз происходит от лувийского *Арма* и появление в Картли культа Армаза явилось следствием перемещения сюда исповедующих этот культ мушских//мосхийских племен, то тогда следует согласиться также и с тем, что мушки//мосхи поклонялись малоазийскому богу луны Арма как верховному богу еще во время своего проживания в Малой Азии, то есть до переселения в Картли. Между тем, нет абсолютно никаких данных, которые свидетельствовали бы о почитании когда бы то ни было мушками//мосхами лувийского божества луны Армас. Напротив, хорошо известно, что верховным богом мосхов (мушков) являлось солнце и царь мушков отождествлялся именно с ним, о чем свидетельствует, например, титулатура царя мушков Хартупу: «Солнце, герой, Великий царь Хартупу, Великий царь, любимец Тархунта [10]».

[8] Многим исследователям кажется странным и искусственным такое чрезмерное увлечение грузинских историков делением сравнительно небольшой территории Картли на *центральную*, *южную, юго-западную и т.д. (Квемо Картли, Шида Картли, Земо Картли и т.д.)* Однако в основе ее лежит многоэтничность населения Картли, что подтверждается как археологическими материалами, так и письменными источниками. Так, по данным «Картлис цховреба», еще на рубеже новой эры в Картли проживали шесть различных этнических групп, говоривших на шести разных языках. В условиях многоэтничности, естественно, отсутствовало и общее самоназвание, и лишь позднее, в результате политического объединения всех этнических групп в составе Картлийского царства, эти группы стали именовать себя *картуел-картвел – люди (местности) Карт*, а свою страну *Карт-ли* – от нахского географического термина *карт (куорт*) – *вершина (горы)*, где находилась крепость, ставшая в дальнейшем политическим центром, объединившим вокруг себя население окружающих областей, на которые затем также распространилось название *Карт*.

[9] Очерки истории Грузии... Т. I. С. 87–88; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 220-230; Ломоури Н.Ю. Указ. соч. С. 491; Лордкипанидзе О.Д. Указ. соч. С. 205; Гогошидзе Ю.М. Указ. соч. С. 85.

[10] См.: Хазарадзе Н. Этнополитические проблемы древней истории Грузии (на груз. яз.). Тбилиси. 1984. С. 106–116.

Остается необъяснимым, почему, установив свое господство в Картли, мушки//мосхи оставили собственного верховного бога солнца и стали поклоняться лувийскому божеству луны (Арма). Как известно, в древности чаще всего именно победители навязывали своего верховного бога всему населению в качестве официального бога, которому должны были поклоняться все. Правда, случались и исключения, когда завоеватели, находившиеся на более низком уровне развития, наделяли полномочиями верховного бога ранее существовавшее в стране верховное божество, поскольку не могли предложить структурированную иерархию божеств, которая удовлетворяла бы духовные запросы более развитого населения. Однако племена, проникшие с юга в долину среднего течения Куры, были более развиты, стояли ближе к важнейшим культурным и политическим центрам и были приобщены к более развитому культурному миру Малой Азии[11].

С другой стороны, можно было бы предположить, что замена мосхами верховного солнечного божества на лунное связано с тем, что у ранее проживавших в Картли племен культ божества луны был хорошо развит и имел вековые традиции. Однако археологические раскопки святилищ, расположенных по всей территории Центрального Закавказья – в долине среднего течения Куры, Уплис-цихе, Ховле, ущелье Лиахви, междуречье Иори-Алазани и других местах региона, отчетливо свидетельствуют о том, что главным, высшим культом проживавших здесь племен в I тыс. до н.э. был культ бога солнца[12]. Даже в средневековый период, после установления в Картли христианства как государственной религии, почитание солнца продолжает доминировать среди населения, особенно в горных и предгорных районах (Модинахе, Ахали-Жинвали, Бетания, Цхваричамиа, Рачисубани, Санта, Гантиади и др.[13]). Археологические материалы свидетельствуют, что племена, поклоняющиеся божеству луны, появляются в Картли только к концу I тыс. до н.э., да и то лишь в отдельных районах долины Куры[14], что указывает на племенной, а отнюдь не на общий, официальный характер этого культа. Все это вполне определенно говорит о том, что племена, проживавшие в центральных районах Южного Кавказа, как и проникшие в эти места мушки//мосхи, поклонялись верховному богу солнца.

Бог луны выступал в качестве верховного бога у древнегрузинских племен и носил имя *Мориге*[15]. И если следовать логике исследователей, которые считают, что внедрение в начале III в. до н.э. божества Армаза в качестве верховного бога вновь образованного Картлийского царства связано с переселением сюда из южных областей древнегрузинских племен, носителей малоазиатских (лувийских) культурных традиций, то по-прежнему остается открытым ряд вопросов.

[11] Болтунова А.И. К вопросу об Армази… С. 240.

[12] Хахутайшвили Д.А. Святилище протоиберийской земледельческой общины Центрального Закавказья конца II тыс. до н.э. // Разыскания по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1976. С. 63.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Джавахишвили И.А. История грузинского народа... Т. I. С. 77; Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования… С. 97; Хахутаишвили Д.А. Указ. соч. С. 63 и след.

Во-первых, неясно, почему древнегрузинские племена имя своего божества луны – *Мориге*, сменили на лувийское *Арма*. Во-вторых, введения культа Армаза как официального следовало ожидать именно от Азона, который, согласно «Мокцевай Картлисай», возглавлял пришедшие в Картли древнегрузинские племена и являлся первым царем Картлийского царства.

Напротив – переселившимся в Картли древнегрузинским племенам было неизвестно божество Армаз – они пришли сюда вместе со своими божествами Гаци и Га (Гаим), являвшимися «исконными, древними богами отцов картвелов [грузин[16]]». Более того, Азон предстает ярым противником культа Армаза, и именно ему приписывается разрушение идола Армаза и двух крепостей Армазских. Он также преследовал жрецов культа Армаза и, согласно Леонти Мровели, «убил многих из них[17]». Местом своей резиденции Азон избрал не гору, где стоял идол Армаза, а Мцхету: «и поселился (Азон. – Г.Г.) в древней Мцхета, имея богами идолов Гаци и Гаим[18]», т.е. Азо предстает не как человек, который ввел новое божество – Армаза, в качестве официального бога Картли, а как враг и разрушитель существовавшего здесь до его прихода верховного бога по имени *Армаз*.

Защитником и покровителем божества Армаза выступает Парнаваз. Во время нашествия войска Александра Македонского малолетний Парнаваз чудом спасся от смерти и укрылся вместе со своей матерью в горах Кавказа. Возмужав, он возвратился и поднял восстание против ставленника Александра Македонского Азона, олицетворявшего иноземную власть. Именно после победы над Азоном и изгнания последнего из Картли, Парнаваз утверждает культ Армаза в качестве единого государственного культа Картли и с большим торжеством воздвигает в честь Армаза идола: «он [Парнаваз] воздвиг большой идол на выступе [горы] и дал ему имя Армаз, и обвел [идол] стеной со стороны реки, и называется [это место] Армаз[19]».

Таким образом, борьба между пришлым и коренным населением завершилась победой местных жителей во главе с Парнавазом, который стал первым царем Картлийского (Иберийского) царства и основателем царской династии Парнавазианов. Но и здесь возникает вопрос: как могло случиться, что Парнаваз, освободив страну от возглавляемых Азоном иноземных войск, в качестве основного государственного культа учредил культ лувийского божества луны Арма (Армаз), который, как предполагают исследователи, принесли с собой пришлые захватчики и который олицетворял их власть.

Как известно, в древности в процессе становления государства значительную роль играла религия, выступавшая в качестве господствующей идеологии. Победители в борьбе между этническими, племенными и т.д. группами навязывали свое верховное божество населению в качестве официального бога, и его должны были принять все в знак признания новой власти и подчинения ей. Смена верхов-

[16] Обращение Грузии… С.4; Житие св. Нино. Издание Карбелашвили П. Тифлис, 1902. С. 7.

[17] Картлис цховреба. С. 18.

[18] Обращение Грузии. С.4; Житие св. Нино. С. 7.

[19] Обращение Грузии. С. 4; Картлис цховреба. С. 32.

ного божества, как правило, означала и смену власти. Поэтому ясно, что перед нами не совсем верная трактовка событий, имевших место в Картли в описываемый период.

К тому же исследователи упускают из виду очень важные сведения, содержащиеся в «Картлис цховреба», согласно которым, культ Армаза существовал в Картли с глубокой древности, еще до прихода в эти места родоначальника грузин Картлоса: «Картлос пришел первоначально в место, где Арагви впадает в Куру, и взошел на ту гору, что именуется Армаз. И впервые создал на ней крепости, и воздвиг на ней себе дом, и дал той горе имя свое – Картли[20]». В этой связи известный грузинский ученый С.С. Какабадзе отмечал, что «культ Армаза проник в Картли в период, предшествующий деятельности Парнаваза[21]».

Как отмечалось выше, Азон, согласно «Картлис цховреба», разрушил до основания стены города Мцхета и главную крепость Армаз, существовавшие на горе Картли к моменту его прихода[22]. На первый взгляд, эти сведения противоречат сообщению того же древнегрузинского источника об учреждении культа Армаза Парнавазом. Однако на самом деле здесь нет никакого противоречия. Дело в том, что сопоставительный анализ сведений письменных источников и археологического материала показывает, что Азон разрушил до основания идол Армаза, возвышавшегося на западной стороне горы Картли, после чего провозгласил официальными культами Картли культы Гаци и Гаим («и поселился (Азо) в древней Мцхета, имея богами идолов Гаци и Гаим»). Через 30–40 лет, изгнав Азона, Парнаваз восстановил культ Армаза, но воздвиг его идола не на старом месте, разрушенном до основания, а в трех километрах от него, на восточном выступе той же горы[23]. Это обстоятельство, скорее всего, и послужило причиной тому, что в древнегрузинских источниках учреждение культа Армаза стало приписываться Парнавазу.

Таким образом, в действительности Парнаваз не устанавливает, а восстанавливает культ Армаза в качестве официального государственного культа, каким он и был ранее, до его свержения Азоном. Все это указывает на то, что на самом деле божество Армаз имело в Картли древние корни и являлось для автохтонного населения Картли высшим божеством, а значит, не могло быть привнесено извне племенами, переселившимися в Картли в конце IV – начале III вв. до н.э.

Однако факт существования божества луны Армаза в качестве верховного бога древнего населения Картли вступает в явное противоречие с убедительными свидетельствами повсеместного распространения в центральных районах Южного Кавказа, в том числе и в Картли, культа солнца, а не луны как главного. И здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией. Суждения о культе Армаза как о

[20] Мровели Леонти. С. 23. В армянской редакции «Картлис цховреба»: «А Картлос пошел на гору, которую звать Армаз [вариант – Амраз], и построил собственный дом и крепость, и весь свет стал называть [Армаз] его [Картла] именем Картли» (Древнеармянский перевод… С. 11–12).

[21] Какабадзе С.Н. К вопросу о столице Древней Картли (Иберии)... С. 122–123.

[22] Картлис цховреба. С. 21.

[23] Там же.

культе божества луны основываются лишь на гипотетических умозаключениях современных исследователей, которые исходят из того, что: 1) культ Армаза являлся официальным государственным культом древней Картли (Иберии), причем античная (Страбон, Плиний, Птолемей и др.) и древнегрузинская литературная традиция сохранила неопровержимые сведения о культе Армаза как о главном государственном культе Картлийского царства и о местности Армаз как о религиозно-политическом центре у слияния рек Куры и Арагви; название *Армаз* бытует до настоящего времени – например, существует *ущелье Армаз*, выходящее в долину Куры с правой стороны, выше Мцхета, и *ручей Алмаса* (*Армаза*), протекающий по этому ущелью[24]; 2) верховным богом древнегрузинских племен был бог луны. Отсюда, как полагают исследователи, *Армазом* должен был именоваться бог луны.

В то же время исследователей почему-то не смущает тот факт, что бог Армаз отсутствует в древнегрузинском языческом пантеоне, а имя *Армаз* вообще неизвестно в народной традиции и чуждо грузинам, более того – нигде нет никаких следов существования Армаза как исконного божества народной религии иберов (грузин[25]). Вероятно, поэтому, учитывая бесспорность иноземного происхождения культа Армаза для грузин, исследователи ищут истоки его возникновения вне грузинского этноса, за пределами Картли. В научной литературе дискуссии по этому вопросу ведутся в основном вокруг двух версий: одна часть исследователей связывает происхождение культа Армаза с иранским Ахура-Маздой, а другая – с лувийским Арма (Армас).

Исходя из многовекового культурно-политического влияния Персии на страны Кавказа в древности, было высказано мнение, что культ Армаза происходит от иранского культа Ахура-Мазда (Ормузд) и что Парнаваз ввел в Картли религию Заратуштры[26]. Однако дальнейшие исследования опровергли данное предположение, показав, в частности, что культ Армаза отличался от культа Ахура-Мазды не только внешне, но и функционально [27]. По данным исторических источников, культы Армаза и Ахура-Мазды не только не отождествляются, но и резко противопоставляются [28]. Впрочем, сохранившиеся в первоисточниках сведения о том,

---

[24] Меликсет-Беков Л.М. Армазни // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. II. Тбилиси, 1938. С. 9-10; Болтунова А.И. К вопросу об Армази... С. 229.

[25] Болтунова А.И. Указ. соч. С. 239; См. также: Джавахишвили И.А. История грузинского народа... Т. I. С. 78; Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования… С. 105.

[26] Гогошидзе Ю.М. Памятники раннеантичной эпохи… С. 90; Андроникашвили М.К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям… С. 67.

[27] См.: Худадов В.Н. Халды-урартийцы после падения Ванского царства. ВДИ, 1938, № 2. С.124.

[28] В «Мокцевай Картлисай», например, сообщается, что перед идолом Армаза «…каждый говорил: горе мне, если я упустил себе что-нибудь для возвеличения бога Армаза, если я позволил себе что-нибудь говорить с евреями, или довелось мне слушать магов, служителей огня, или тех, которые говорят по невежеству, что есть какой-то великий бог небесный. И как бы он [Армаз] не нашел какого-нибудь порока во мне и не поразил бы меня своим мечом» (Обращение Грузии. С. 23).

что иранские маги проклинали идол Армаза, а тело Парнаваза после смерти было предано земле у основания идола Армаза, а не сожжено, как это должно было бы произойти в соответствии с культом иранского Ахура-Мазды, снимают все вопросы[29].

На возможную связь имени Армаз с хеттско-ливийским словом *арма* (*армас*), переводимым как луна, впервые указала А.И. Болтунова. Появление малоазийского божества луны Арма в Картли она объясняла проникновением сюда на рубеже IV–III вв. до н.э. нового малоазийского этнического элемента, представителей более передового племени, приобщенного к синкретическому культурному миру Малой Азии позднеахеменидской – раннеэллинистической эпохи[30]. Г.А. Меликишвили предположил, что этими племенами могли быть малоазийские мушки-месхи, пришедшие в долину среднего течения Куры из восточной части Малой Азии[31].

На первый взгляд, такая конструкция выглядит вполне приемлемой, и к настоящему времени она принимается многими исследователями. На самом деле, имевшие место в древности неоднократные переселения племен на Кавказ с юга, в том числе из восточных областей Малой Азии, сложно отрицать. К тому же имя *Армаз* звучит практически как калька с имени лувийского (малоазиатского) божества луны *Арма* (*Армас*), а поскольку верховным божеством древнегрузинских племен являлся бог луны, то, естественно, такое отождествление выглядит весьма правдоподобно. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что это правдоподобие не является правдой.

Для этого достаточно взглянуть хотя бы на описание божества Армаза в «Мокцевай Картлисай»: «И увидела святая Нино человека из меди и была надета на нем золотая кольчуга, а на голове – шлем крепкий. Был он (идол) украшен драгоценными каменьями – изумрудами и бериллами, а в руках держал меч, сверкающий подобно молнии, и вращался он в его руках. Если же кто-либо прикасался к нему, то обрекал себя на смерть, говоря: «Горе мне, ужель я чем-либо ущемил славу бога великого Армаза или же ошибся в чем-либо в разговоре с иудеями, или слушая жрецов огнепоклонников, или же иных несведущих, говорящих о некоем неизвестном боге[32]»? Как видим, статуя Армаза не имеет ничего общего с культом луны. Кстати, данное обстоятельство отмечала и А.И. Болтунова: «Анализ описания кумира Армаза ничего не говорит о связи с культом Луны[33]». Статуя Армаза выполнена из меди, что, несомненно, указывает на солярный характер данного культа. Армаз предстает в «Мокцевай Картлисай» как грозный громовержец, могучий бог-воитель (Мовсес Хоренаци называет его *бог – владыка неба*[34]), т.е. перед нами описание статуи, посвященной божеству солнца.

---

[29] См.: Джавахишвили И.А. Указ. соч. С. 38-150; Болтунова А.И. Указ. соч. С. 231–233; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии… С. 113–115.

[30] Болтунова А.И. Указ. соч. С. 238–240.

[31] Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 113–115, 220–230.

[32] Обращение Грузии. С. 23.

[33] Болтунова А.И. Указ. соч. С. 236.

[34] Мовсес Хоренаци. II. 24.

Именно на солнечный характер культа Армаза ясно указывает и тот факт, что празднования в честь божества Армаза проходили в период солнцестояния, после которого происходит увеличение светового дня. Об этом говорят также сохранившиеся у грузин до сих пор пережитки этого культа: божба именем солнца и благодатью солнца, клятва солнцем, призвание солнца в дом роженицы, чтобы оно даровало счастье новорожденному и пр.[35] Следует отметить и обнаруженные в Мцхета (Армазисхеви) и с. Бори (около Шорапани) серебряные чаши античного периода, на внутренней стороне днища которых изображены жертвенник и стоящая перед ним лошадь с поднятой ногой[36] (как известно, лошадь обычно жертвовали солнечному божеству).

Определяя культ Армаза как божества солнца, следует, безусловно, иметь в виду, что за время существования его в качестве культа верховного бога он претерпел изменения в связи с влиянием различных культов тех или иных этнических групп, проживавших в Картли, и позднее представлял собой уже синкретическое божество, сочетая в себе в качестве Верховного бога солнца и функции повелителя неба, грома, дождя, растительного мира, и бога-воителя.

Таким образом, совершенно очевидно, что в лице Армаза мы имеем божество солнца, культ которого существовал в Картли, по данным археологии, с глубокой древности. Более того, древнегрузинская историческая традиция сохранила имя первого учредителя культа Армаза и строителя Армазской крепости: таковым является неизвестный из других источников Ардамос (Ардам), якобы наместник персидского царя мифической династии. К сообщению древнегрузинского источника о деятельности Ардамоса на Кавказе в исследовательской литературе отношение довольно скептическое, и рассматривается оно главным образом как вымысел, заимствованный из древнеиранского эпоса «Шах-Наме». Однако такой подход представляется не совсем верным. Сам факт того, что Леонти Мровели в своей Хронике уделяет значительное место деятельности Ардамоса на Кавказе, свидетельствует о том, что Ардамос, несомненно, имел исторический прототип, выдающуюся личность. По «Картлис цховреба», именно Ардамос впервые «обнес армазскую крепость каменными стенами и укрепил подступы к Армази и до самой Куры»; с его именем связывается не только строительство армазской крепости, но также беспощадная борьба с хазарами и строительство на Кавказе первых оборонительных укреплений, направленных против хазар [37].

Согласно источнику, Ардамос ведет на Кавказе войну лишь против хазар («уничтожил здесь всех хазар, каких только мог обнаружить»), но ничего не сообщается ни о его войне против картлийцев, ни о войне против таргамосиан вообще. Напротив, в целях защиты от вторжения хазар Ардамос строит на Кавказе укрепленные города, начиная от Дарубанди (Дербента) [38]. Все это не может не напоминать события, имевшие место на Кавказе на рубеже VII–VI вв.

[35] См.: Джавахишвили И.А. Указ. соч. Т. I. С. 33.

[36] См.: Очерки истории Грузии... Т. I. С. 37.

[37] Мровели Леонти. С. 26.

[38] Там же; См. также: Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник… С. 16-17.

до н.э., когда *таргамосианы* (кавказцы), воевавшие с *хазарами* (скифами), вытеснив последних с Кавказа, построили на границе с *Хазарией* оборонительные сооружения – укрепленные города. Весьма симптоматично, что рассказ о деятельности Ардамоса включен в сюжет «О нашествии хазар», т.е. именно туда, где речь идет о борьбе таргамосиан (кавказцев) против *хазар* (скифов) и о строительстве *таргамосианами* на Кавказе крепостных сооружений, предназначенных для защиты от *хазар*.

В этой связи в новом свете может предстать тот факт, что в армянской редакции «Картлис цховреба» имя *Ардамос* передано как *Адармос*[39]. По мнению Н.Я. Марра, именно *Адармос* армянской редакции источника является правильной формой, и первоначально, в грузинском оригинале, это имя звучало как Адармос (*Адарма*[40]). Имя *Адармос* нельзя не сопоставить с именем малхийского (нахского) царя – Адирмах (обладатель мощи солнца) Лукиана Самосатского, ввиду их почти полного сходства. В имени Адирмах х – это нахский суффикс принадлежности (Адирма//Адарма), что же касается имени Адармос, то здесь компоненте ос – греческий суффикс. Поэтому представляется вполне допустимым рассматривать сообщение Леонти Мровели об Адармосе как один из сохранившихся вариантов преданий о великих событиях, имевших место на рубеже VII–VI вв. до н.э.: падение Урарту, переселение южнонахских и хуррито-урартских племен на север, к Кавказу, война кавказских народов против скифов и строительство оборонительных сооружений (городов по Леонти Мровели) для сдерживания возможных в будущем скифских набегов.

Как уже отмечалось выше, война таргамосиан против хазар проходила под предводительством нахских царей, вернее, владыки Дурдзука (*Дурдзук – сын солнца*), сына Тинена (Тирета), которые именуются еще Адирмахами (Адирмах – *обладатель силы солнца*). Конечно, Адирмах Лукиана Самосатского и Адармос Леонти Мровели не одно и то же историческое лицо. Надо полагать, имя *Адирмах//Адармос* (*обладатель мощи солнца*) являлось нарицательным и употреблялось в качестве общего династического имени нахских (малхийских) царей. Не исключено, что в одной из поздних версий кавказских преданий деяния нахских царей Адирмахидов периода войны со скифами, по закону фольклорного жанра, были приписаны мифическому персидскому царю Афридону (Феридуну древнеиранского эпоса), или же различные предания (нахские и персидские) были объединены.

Приведенные выше доводы позволяют предположить, что Армаз (бог солнца) – не что иное, как имя верховного бога нахского (малхийского) государственного объединения – Малх, культ которого был официально утвержден нахскими царями Адирмахидами (Адармосидами). В этой связи выглядит весьма примечательно, что в научной литературе уже давно было обращено внимание на то, что имя *Армаз* является производным от слов *ал* и *маз* (*Алмаз > Армаз*), где *ал* переводится как *пламя* (*чистое пламя огня*), а *маз//мзе – солнце*, т.е. получаем *пламя*

[39] Там же.

[40] Марр Н.Я. Боги языческой Грузии… С. 5.

солнца или *солнечное пламя*[41]. Хотя, наверное, более правомерно было бы соотнести компонент *ал* с хуррито-урартско-нахским *ал* (урартское *alau*, хурритское *allai*, нахское *ala*), означающим *бог, повелитель, владыка*[42], т.е. *Алмаз//Армаз – Бог солнца*, что более соответствует действительности. Так или иначе, появляется веское основание рассматривать имя *Армаз//Алмаз* как вариант (древнегрузинский?) имени *Малх* (*Бог солнца*) – имени официального Верховного бога нахского государственного объединения.

Как уже отмечалось выше, земли по среднему течению Куры вплоть до Триалетского хребта на юге входили в нахское государственное объединение. Во время вторжения войск Понтийского царя, на рубеже IV–III вв. до н.э., территория по среднему течению Куры была отторгнута от нахского царства и на протяжении примерно 30–40 лет на ней действовала иноземная власть во главе с Азоном. В период господства Азона существовавший здесь официальный культ нахского государства – культ божества солнца Армаз//Алмаз (Малх), был заменен на культ новых божеств – Гаци и Гаим, олицетворявших уже новую власть, а идолы Армаза (Малха), как и все, что было с ним связано, были уничтожены. Позднее, после освобождения Картли от иноземных захватчиков и восстановления прежней власти, был восстановлен и олицетворявший эту власть официальный культ Армаза (*Алмаз//Армаз – Бог солнца*).

Таким образом, Парнаваз предстает не как учредитель нового культа, а как защитник и восстановитель ранее существовавшего верховного божества солнца Алмаз (Армаз) и, соответственно, власти, которую это божество олицетворяло, т.е. выступает носителем традиции нахского (малхийского) государства. Подтверждением сказанному служит и этимология имени Парнаваз, первая часть которого – *парна*, на древнеперсидском означает *лучезарное солнце*, *божественный огонь* [43]. Вполне вероятно, что Парнаваз, являясь олицетворением Бога солнца на земле, мог получить от персов такое имя – на это указывает и Леонти Мровели: «[Парнаваз] сделал большого идола по своему образу, и этот самый и есть Армаз, поскольку на персидском языке Армазом называют Парнаваза» [44].

В научной литературе существует несколько вариантов этимологии имени Парнаваз на различных языках, и во всех случаях оно связывается с солнцем[45]. Данное обстоятельство весьма важно, поскольку независимо от того, к какому

---

[41] Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей // СМОМПК. 1899. Вып. 26. С. XXVIII.

[42] Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков… С. 37, 40-41.

[43] Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Индийские и иранские языки. Т.3. Кн. 2. М., 2010. С. 185.

[44] Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник… С. 36.

[45] М.Г. Джанашвили, например, отмечая, что «грузинские летописцы все недоступное для их понимания обыкновенно относили к персидским», компонент *баз* (*ваз*) в имени Парнабаз (Парнаваз) возводит к *маз//мзе – солнце*, а *парна* переводит как *защита*, т.е. *Парнаваз* означает *Защитник (бога) солнц*а (Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей… С. XXIX).

языку восходит это слово, оно во всех случаях означает солнце, что достаточно определенно указывает на то, что Парнаваз узаконил и сделал общегосударственной религией именно культ солнца. Таким образом, Парнаваз олицетворяет автохтонное нахское население Картли (хонов, бунтурков), борющееся за свою независимость против иноземной власти в лице наместника Понтийского царя Азо (Азона) и переселенных им картвелов. Изгнав Азона, Парнаваз восстанавливает прежнюю власть и освящавший ее культ солнца (Алмаз//Армаз), выступая, при этом, как представитель нахских царей Адирмахидов.

2. Происхождение царского рода Парнавазианов

Вызывает интерес и вопрос о происхождении царской династии Парнавазианов, на который до сих пор нет удовлетворительного ответа. Исходя из иранской этимологии имени Парнаваз, некоторые ученые предположили наличие у Парнавазианов иранских корней. Однако, для этого нет совершенно никаких оснований, что было отмечено в научной литературе[46]. Безусловно, нет сомнений в значимости роли ираноязычных номадов (в первую очередь, скифов) в древней истории народов Кавказа и в большом политическом и культурном влияний древнего Ирана на народы Кавказа. В ходе развития тесных контактов и различного рода связей народов Кавказа с Ахеменидским, Аршакидским и Сасанидским Ираном, а также с ираноязычными кочевыми племенами северокавказских степей среди кавказского населения широкое распространение получили иранские имена. Однако данное обстоятельство вовсе не означает, что носители этих имен по своему этническому происхождению являлись иранцами, как это иногда пытаются преподнести. В научной литературе неоднократно отмечалась неправомерность чрезмерного увлечения именами, тем более оценки этнического состава населения по именам и их соотношениям. К таким сопоставлениям следует относиться с большой осторожностью, так как между соотношением имен и соотношением этнических элементов нет прямой зависимости[47].

Не претендуя на окончательное решение данной проблемы, хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты, которые, как мне кажется, могли бы пролить свет на происхождение Паранавазианов. В древних источниках имя Парнаваз встречается среди представителей как грузинской, так и армянской царских династий. Ключ к разгадке тайны происхождения Парнавазианов находится, как думается, в сообщениях древнеармянских историков Мовсеса Хоренаци и Себе-

[46] Болтунова А.И. К вопросу об Армази… С. 240.

[47] Например, среди русских вождей, подписавших в X в. н.э. договор с Византией, были лица с именами иранского происхождения – Сфандр, Прастень, Истр, Фурстень и др. Если следовать логике некоторых современных историков, то получается, что славяне были вовсе не славянами, а иранцами. Или, например, исходя из того, что в настоящее время на Кавказе широко распространены арабские имена, через несколько сотен лет историки могли бы утверждать, что носителями этих имен на Кавказе являлись этнические арабы.

оса, где Парнавазианы упоминаются в перечне представителей царской династии Армении эпохи патриархов – hAайказуни (Гайказуни[48]), т.е. среди потомков родоначальника армян hAайка (Гайка) в начальный период истории Армении. Как уже отмечалось выше, в эпониме *hAйк* (*Гайк, Хайк*) объединены урарты и армяне, и древнейший, начальный период истории Армении есть история Урарту и урартов (хуррито-урартов) и, соответственно, урартские цари представлены как армянские. Следовательно, можно предположить, что царь Армении Парнаваз, упоминаемый как потомок Гайка в эпоху патриархов, т.е. в начальный период истории таргамосиан («Дома Торгома»), является царем Урарту и представителем урартского (или этнически родственного ему) знатного рода. Действительно, согласно Мовсесу Хоренаци и Себеосу, царь Армении Парнаваз был современником вавилонского царя Навуходоносора II (605–562) [49].

Ссылаясь на несохранившийся древний источник («об этом повествует надпись»), Себеос сообщает: «…Парнаваз… родил Багама и Багарата; Багарат родил Бюрама; Бюрам родил Аспата. Потомки Багарата унаследовали свои владения на западной стороне, т.е. в доме Ангеха, ибо Багарат назывался также Ангехом, и в то время племя варваров его называло богом. Этот Парнаваз покорился царю вавилонскому – Навуходоносору. С тех пор цари марские (мидийские. – Г.Г.) и вавилонские владели (Арменией. – Г.Г.) до Александра Македонского, который подчинил себе всю вселенную[50]».

В конце VII – начале VI в. до н.э., в период ослабления и падения Урарту под ударами Мидии и Вавилонии, от Урартского царства стали отпадать различные области и страны, и в первую очередь отделились мелкие страны западной и юго-западной части. Фактически Урарту уже не являлось единым государством, а вся территория некогда могущественной державы представляла собой ряд разрозненных стран и областей, возглавляемых собственными царями. После окончательного падения Урартской державы большая часть ее территории на короткий период времени вошла в состав царства Тогарма. Но уже в первой четверти VI в. западные и юго-западные части Урарту подпали под власть Вавилонии, а центральной частью её завладели мидяне. В это время и позже, в мидийский период, эти страны, возникшие на обломках Урарту, сохраняли определенную самостоятельность, и каждая из них имела своего царя. Именно этих современных Мидии царей, одновременно правивших в разных частях бывшей территории Урарту, приводит Мовсес Хоренаци в своем списке царей Армении, потомков Гайка, искусственно объединяя их в одну династическую линию: Артикас, Аждахак, Паруйр, сын Скайорди, Парнаваз, Парос, Пачуйч и др.[51]

Упоминаемые в списке царей Армении друг за другом Паруйр, сын Скайорда, и Парнаваз на самом деле правили в одно и то же время в разных частях Урарту

[48] Мовсес Хоренаци. I. 22; История Себеоса. Критический текст, предисловие и комментарии Г.В. Абгаряна (на древнеармян. яз.). Ереван, 1980. С. 19; См. также: История епископа Себеоса. Ереван, 1937. С. 15.

[49] Мовсес Хоренаци. I. 22; История Себеоса. С. 19.

[50] История Себеоса. С. 19.

[51] Мовсес Хоренаци. I, 22; Пиотровский Б.Б. Ванское царство... С. 127–128.

и являлись современниками Вавилонского царя Навуходоносора II. Паруйр, сын Скайорда правил одной из небольших областей, входившей в состав Урарту и находившейся у северо-западной границы Ассирии, в непосредственной близости от страны Урме[52]. Паруйр перешел на сторону мидийцев и вавилонян, оказал им помощь в войне против Урарту, за что в 612 г. до н.э. получил самостоятельность и царский венец.

Парнаваз был властелином западных областей Урарту – Цопа//Цова, а его вотчиной была область Ангех-тун (Турк-Ангех) в восточной провинции Цопа (или Большой Цоп). Новые царства одновременно возникают и в других частях Урартского государства: например, в бывшем его центре, в районе оз. Ван, начинает формироваться новое политическое объединение во главе с династией Ервандуни, на северо-западе, в районе Ерзрума – объединение матиенов, и т.д.[53]

В сообщении Себеоса о подчинении Парнаваза Навуходоносору речь идет о событиях конца VII – начала VI в. до н.э., когда войска вавилонского царя Навуходоносора II вторглись в западные области Урарту. Именно в этот период, как уже отмечалось выше, происходило перемещение населения страны Цопа и окружавших ее западных областей Урарту (цова (цан), хон, терк-турк и др.) на север, в центральные районы Кавказа. Однако не все жители этих областей переселились на север и покинули свои земли. Остался в Цупани (Цопа) и один из потомков Парнаваза – Багарат со своей семьей. Они унаследовали земли Ангех-туна и прославились в истории как одни из самых влиятельных и могущественных нахарарских (княжеских) родов Армении – Багратуни[54]; они были венцевозлагателями армянских царей и носили титул *Аспет* (*военачальник*), а в раннем средневековье стали основателями армянской и грузинской царских династий, и под их эгидой страны Южного Кавказа объединились в одно могущественное феодальное государство.

В научной литературе Багратидам часто приписывается иудейское происхождение, однако эта версия давно изжила себя и существует лишь по инерции. Как отмечает Р.И. Матевосян, армянская и зарубежная арменоведческая историко-филологическая наука за прошедшее столетие накопила огромный критический материал относительно еврейской версии происхождения Багратидов, и сегодня поддерживать этот вариант значит вернуться назад, в конец XIX в.[55]

---

[52] Там же.

[53] См.: Еремян С.Т. К вопросу об этногенезе армян // Вопросы истории, 1952. № 7. С. 140; Пиотровский Б.Б. Указ. соч. С. 128.

[54] Ветвь рода Парнавазиани-Багратуни, унаследовавшая Ангех-тун, известна еще и как *князья Ангех-тун*.

[55] Матевосян Р. Багратуни. Историко-родословная энциклопедия (на арм. яз.). Ереван, 1997. С. 7–8; Его же: К вопросу происхождения Багратидов // Армянский Вестник. №1–2. Ереван, 2001. С. 27–30; См. также: Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана... С. 307, 308, 400, 412; Капанцян Гр. История Урарту (на арм. яз.). Ереван, 1940. С. 203, 219, прим. 1; Молчанов А.А. Позднеантичная и средневековая историческая традиция о происхождении рода Багратидов: эволюция официальной генеалогической версии // ВОН. № 1–2 (630). Ереван, 2011. С. 38-52. Маркварт И. Род Багратуни (на арм. яз.). Вена, 1913.

Официальная родословная знаменитого венценосного рода Багратуни, возводящая их к потомкам легендарного hАйка (Гайка), была пересмотрена в IV–V вв. После того как христианство было принято в Армении в качестве официальной религии (301 г.), определенная части знати стала активно выражать стремление связать историю своей страны с библейской историей, и одним из проявлений этих настроений стала версия о еврейском происхождении рода Багратуни.

В разработку этой версии наиболее весомый вклад внес «отец армянской истории» Мовсес Хоренаци. В обращении к своему покровителю и меценату – правителю Армении князю Сааку Багратуни, по поручению которого была написана «История Армении», Мовсес Хоренаци со свойственным ему полемическим жаром отвергает традиционное мнение о происхождении рода Багратуни от hАйкидов. Он подчеркивает глубину генеалогических корней Багратидов, но, будучи ревностным христианином, предпочитает соотнести появление этого рода в Армении с событиями, упоминаемыми в Библии, и тем самым выделить предков правителя Армении Саака Багратуни среди других нахарарских родов Армении. Версия о библейских корнях родословной Багратуни призвана была поднять в общественном мнении христианской Армении на недосягаемую высоту авторитет Багратуни не только как потомков изначально знатных родов, но и как выходцев из Святой Земли (Палестины) [56].

Со временем библиоцентристская версия полностью возобладала над традиционной и – в угоду все более усиливавшимся Багратидам – получила дальнейшее развитие в трудах придворных историографов. Так, в сочинении Ованеса Драсханакертци предки Багратуни были уже объявлены отпрысками царей Иудеи из дома Давидова [57]. Тем самым внушалось, что Багратуни состоят в кровном родстве с Иисусом – более престижного родословия для династов христианской страны, разумеется, нельзя было даже представить.

Библейская версия происхождения Багратуни прочно прижилась и на грузинской почве[58]. Из достоверных источников хорошо известно, что после неудачного восстания армян против владычества Арабского Халифата в 774–775 гг. сын князя Армении Ашота Слепого Багратуни Васак, спасаясь от преследования арабов, переселяется со своими домочадцами в Кларджк (Кларджети) и обосновывается в крепости Артанудж. К концу VIII в. Артануджские Багратуни распространяют свою власть и на Тайк (Тао). Разместившись в Тайке и Кларджети, Багратуни, не располагая достаточными силами для защиты своих владений от Халифата, переходят под покровительство Восточно-Римской империи (Византии). В этих целях они отрекаются от армянской апостольской церкви, принимают халкидонское вероисповедание и вступают в лоно имперской византийской церкви. После чего тайские Багратуни берутся под покровительство Византии и Ашоту Багратуни (786–826), внуку Васака, даруется византийский титул *курапалат*.

Вероотступничество тайских Багратуни привело их к отчуждению от армянских сородичей, из-за чего они уже не могли играть сколько-нибудь значитель-

[56] Молчанов А.А. Указ. соч. С. 44.

[57] Ованес Драсханакертци. IV.

[58] См.: Молчанов А.А. Указ. соч. С. 44–45.

ную роль в политической жизни Армении, тем более после получения в 885 г. князем Армении Ашотом Багратуни титула царь армян от Арабского Халифа. В этих условиях тайкские Багратуни берут под свое политическое покровительство грузинскую халкедонитскую церковь, а Мцхетский католикос в ответ на это священным авторитетом собственной власти признает за членами их семьи право носить титул *царь картвелов* (*грузин*). Вслед за этим тайкские Багратуни политическим актом переводят в своих владениях все церковные структуры под юрисдикцию грузинского католикоса и вводят богослужение на грузинском языке. Так возникла грузинская ветвь царской династии Багратуни – Багратиони.

Однако, в грузинской средневековой литературе тоже верх берет библейская версия происхождения Багратиони. Так, автор X в. Георги Мерчуле в своем сочинении «Жизнь Григола Хандзтели» владетеля Тайка – Ашота Куропалата (Багратиони) величает отпрыском Давида, «Пророка и помазанника Господня[59]». Анонимный автор «Матиане Картлиса» («Летопись Грузии») к отпрыскам библейского царя Давида относит Адрнерсе Багратуни, отца Ашота Куропалата: «[Адрнерсе] из дома пророка Давида, из Армении прибыл к Арчилу и просил у него место для жительства[60]».

Наиболее детальную разработку генеалогического древа грузинской ветви Багратидов предложил автор XI в. Сумбат Давитис-дзе. Принадлежа, вероятно, к грузинской ветви Багратидов, он возвел генеалогию рода к Клеопе, дяде Иисуса со стороны отца, и далее, через царя Давида, к прародителю человеческого рода Адаму. В этой редакции генеалогической легенды замалчивается происхождение грузинских Багратиони от армянских Багратуни, а вместо этого говорится о якобы переселении непосредственного родоначальника грузинских Багратидов в Картли прямо из Иерусалима, причем в VI в., при сыновьях царя Картли Вахтанга Горгасала[61]. Последующие средневековые летописцы Грузии трактовали вопрос происхождения Багратиони в том же ключе. Окончательные итоги разработки данной темы суммировал в своем труде грузинский историк-географ XVIII в. царевич Вахушти Багратиони, который как достоверную информацию привел полную поколенную роспись своих предков, начиная с библейского царя Давида[62].

В действительности же ассирийские и урартские источники еще в VIII в. до н.э. упоминают род *Багратуни* на юго-востоке Урарту – в Мусре (Мусасир) и Ману. Эпоним фамилии Багратуни возводится ко второй имени главной богини Урарту *Арубани* – супруги верховного бога Урарту Халди. Верховную богиню Урарту Арубани ассирийцы называли *Багбарту*, так она именуется, в частности,

[59] Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. Перевод, введение и примечание Лордкипанидзе М.Д. Тбилиси, 1979. С. 13, 14.

[60] Матиане Картлиса. Перевод, введение и примечание Лордкипанидзе М.Д. Тбилиси, 1976. С. 28.

[61] Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. С. 27–42.; Эту легенду, почерпнутую в грузинских устных источниках, приводит и Константин Богрянородный в своем трактате «Об управлении империей» (X в.) (Константин Багрянородный. Об управлении империей... С. 194).

[62] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Тбилиси, 1976. С. 183–193.

в надписи ассирийского царя Саргона II (722–705[63]). Такая информация заложена и в самой имени *Багбарту*. По этимологии имени Багбарту (Багратуни) существуют различные мнения, но в основном считается, что это иранское название урартской богини Арубани и имеется несколько вариантов перевода: «*жена бога*», или «*удел* (*долю*) *посвящающая*», или «*божество плодородия*», или «*богом данное*[64]». По мнению исследователей, иранское название урартской богини Арубани – Б*агбарту* могло быть привнесено в результате контактов урартов (хуррито-урартов) с индоиранцами, имевшее место восточнее оз. Урмия, восточнее царства Мана, начиная уже с X−IX вв. до н.э.[65]

Таким образом, *Багбарту* это иноязычное имя урартского божества Арубани, которая являлась божеством Мусры (Мусасира) − древнейшего культурно-религиозного и политического центра урартских племен, упоминаемый в клинописях еще с XIV в. до н.э.[66] Здесь же и находился посвященный ей главный храм. Имя богини *Багбарту* – эпоним фамилии *Багратуни*: чередование *Багбар-ту* переходит в *Багарат – Баграт – Багратуни* (по аналогии с *Урарту – Арарат*[67]). Таким образом, члены рода Багбарту (Багратуни) были служителями главного храма Урарту и принадлежали к касте жрецов, т.е. к высшей духовной знати урартского царства.

На сохраненной до наших дней бронзовой статуэтке богини Арубани-Багбарту на груди начертан крест, который, как известно, в странах Древнего Востока был символом культа и солнца и небо[68], а сам верховный бог Урарту Халди, супруг Арубани-Багбарту, изображался в форме солнечного диска и был связан таким образом с солнцем и небом. Это обстоятельство, вероятно, и послужило основанием для возникновения солнечного эпитета *Парнаваз − лучезарное солнце, божественное солнце,* перешедшее также затем и в обозначение служителей высшего религиозного культа Урартского царства Багратуни.

В урартский период Багратуни выступали носителями не только высшей религиозной, но и светской власти. Так, известен один из выдающихся военачальников Урартского царства из рода Багратуни, который в 716 г. до н.э. подавил мятеж в вассальной стране Мане на юго-восточном побережье оз. Урмия, а затем был назначен ее правителем[69].

---

[63] Thureau-Dangin Fr. Une relation de la hultieme campagne de Sargon. Paris, 1912.

[64] См.: Биягов Л.Н. К вопросу об интерпретации «Халди и Арубани-Багбарту» // ВОН, 1974, 11. С. 99–100.

[65] См.: Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа… С. 17; Его же: История Мидии… С. 453; Меликишвили Г.А. Наири-Урарту… С. 161.

[66] Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 164–165. 573; Его же: К вопросу о древнейшем очаге урартских племен. ВДИ, 1947, № 4. С. 21–29.

[67] Матевосян Р. Багратуни. Историко-родословная энциклопедия… С. 7–9; Его же: К вопросу происхождения Багратидов… С. 27-30: См. также: Меликишвили Г.А. Наири-Урарту... С. 371; Пиотровский Б.Б. Ванское царство, М., 1959. С. 223.

[68] Есаян С.А. Амулеты, связанные с культом солнца из Армении // СА, 1968, № 2. С. 223.

[69] См.: Капанцян Г. История Урарту... С. 219.

Высокое социальное положение рода Багратуни сохраняется и после падения Урартской державы[70]. На протяжении более чем тысячи лет они известны как венцевозлагатели армянских царей и высшие военачальники (аспеты) Армении. Именно представитель нахарарского рода Багратуни Никефор (он же Смбат) короновал царя Армении Арташеса I (189 − 160), основоположника династии Арташесидов, а в 66 г. (по некоторым данным, в 52 г.) в городе Мцбин (Низибин) Багаратом Парнавазианом был возведен на армянский престол брат парфянского царя Аршака I, основоположника другой царской династии Армении – Аршакидов[71].

Как известно, были венцевозлагателями, т.е. обладали правом короновать, обычно высшие духовные лица страны − верховные жрецы, каковыми первоначально и являлись представители рода Парнавазиан-Багратуни. Об этом свидетельствует и вышеприведенное сообщение Себеоса о том, что потомок Парнаваза «Багарат назывался также и Ангехом, его в то время племя варваров называло богом». *Ангех* – имя хурритского бога Нергала, почитавшегося хуррито-урартскими племенами бассейна оз. Ван. Район распространения культа Нергала совпадал с территорией, на которой почитался также и бог Турани (Турк, Терк), откуда вследствие отождествления этих двух богов и появилось название Турк-Ангех (см. выше, гл. III[72]). Для ревностного христианина Себеоса люди, поклонявшиеся языческому богу Ангеху, естественно, являлись варварами. Но варвары Себеоса – это хуты, т.е. урартское население, проживавшее в горных местностях и сохранявшее еще свое этническую самобытность[73]. Тот факт, что население данного региона (*племя варваров*) называло Багарата также и именем бога Ангеха, совершенно определенно указывает на то, что род Парнаваза-Багарата выполнял функции верховной власти – светской и духовной, а потому персонифицировался с богом, о чем свидетельствуют и их имена.

Таким образом, Парнавазианы и Багратуни представляют собой две ветви одного и того же знатного урартского (или этнически близкородственного хуррито-урартам) рода, который после падения Урартской державы наряду с другими урартскими нахарарскими родами (Рштуни, Хорхоруни, Арцруни, Мамиконяны, Гнуни и т.д.) составил ядро нахарарской (княжеской) знати Армении, а со временем стал основателем царских династий. Вообще можно сказать, что Парнавазианы-Багратуни олицетворяют собой преемственность государственной власти Урарту и Армении.

---

[70] По мнению К. Туманова, с Парнавазианами-Багратидами следует отождествлять и армянскую царскую династию Ервандуни-Оронтидов, правившую с VI по III вв. до н.э. (Cyril Toumanoff. Orontids of Armenia, Studies in Christian Caucasian History. Washington. 1963. P. 277–354; Его же: Les Maisons Princières Géorgiennes de l'Empire de Russie. Rome. 1983. P. 123–128).

[71] История Себеоса. С. 19.

[72] Культовое значение данной местности сохранялось еще долгое время. Фавст Бузанд, например, сообщает, что Ангех был столицей армян с древности и на его территории хоронили армянских царей даже в поздние времена (Фавстос Бузанд. Книга IV, XXIV).

[73] Халатянц Г. Армянский эпос в «Истории Армении» Моисея Хоренского. М., 1896. С. 162, 163.

В рамках рассматриваемой темы наибольший интерес представляет тот факт, что Багратуни и Парнавазианы упоминаются в тех же местах, где встречаются этнотопонимы, имеющие отношения к нахскому этносу, – Муср (Мусасир), Мана, Дурдзук, Малхина, Меишта, Цопа, Терк (Турк-Ангех), Хона и т.д. (см. выше). Первые упоминания о Багратуни связаны с местностями Муср (Мусасир) и Дурдзук (в Мане) на востоке и юго-востоке Урарту. Позднее, в конце VII в. до н.э., Парнавазианы-Багратуни правят юго-западной областью Урарту – Цопа, а один из районов этой области Ангех-тун становится их родовым владением. Данное обстоятельство позволяет предположить, что Парнавазианы-Багратуни находились среди людей, переселенных из юго-восточных областей Урарту (Мусры, Мана, Дурдзук и др.) в ее западные и юго-западные области – Цова (Цопа), Ангех, Тегарамма и др.

Сохранились источники, позволяющие довольно точно определить время перемещения населения Мусасира (Мусры) на запад, в Цопк, Ангех и т.д. В 714 г. до н.э. ассирийский царь Саргон II захватил религиозный центр Урарту Муср (Мусасир) и разрушил главный храм Халди, самого же идола Халди и все имущество храма вывез в Ассирию[74]. В надписи Саргона II, оставленной после этого события, сообщается, что население Мусасира в количестве 6170 человек царь переселяет на запад, в долину Евфрата, т.е. в Каркемиш, Тегараму, Цопани и др.[75] Переселенные из юго-восточных областей Урарту (Муср (Мусасир), Дурдзук и др.) в новые места люди принесли с собой, как это часто бывает, и названия своей страны. С этим, вероятно, и связан тот факт, что в некоторых архаичных вариантах армянского эпоса «Сасна црер» земля Муср локализуется в Цопани (Цопа[76]).

Вместе с жителями Мусры, несомненно, были переселены и верховные жрецы, служители разрушенного храма Халди и его супруги Багбарти, которые и на новом месте, надо полагать, стали выполнять свои прежние функции. Но впоследствии, вероятно, в период распада Урартского царства в конце VII в. до н.э., они, провозгласив себя царями, возглавили также и светскую власть, отчего их стали отождествлять с богами.

В Цопе, Тегараме (Таргоме), Каркемише, куда, как свидетельствуют ассирийские надписи, были переселены жители Мусасира (Мусры), Дурдзукии и Маны, проходили решающие битвы между армией Навуходоносора II и войсками Урарту и его союзника Египта. И здесь, у стен города Каркемиш, в 605 г. до н.э. вавилонский царь одержал окончательную победу[77]. Вероятно, именно после пора-

[74] Согласно ассирийским надписям, из Мусасира были похищены огромные по тем временам богатства: несметное количество изделий из железа, более тонны золота, пять тонн серебра, меди, а также лазурита и других драгоценных камней.

[75] АВИИУ, III, 46 (32); АВИИУ, III, 46 (121); АВИИУ, III, 49 (346).

[76] Абегян М.Х. Труды. Т. I. Ереван, 1966. С. 336. Т. VIII. Ереван, 1985. С. 23.

[77] В конце VI в. до н.э. г. Каркемиш стал центром сопротивления союзных урартских и египетских войск против Вавилонии. Именно около Каркемиша в 605 г. до н.э. произошло упомянутое в Библии сражение между армиями Древнего Египта и Вавилонского царства. Следы этих боев были обнаружены во время раскопок в окрестностях Каркемиша в 1912 г. Вавилонский наследник престола Навуходоносор II в 605 г. до н.э. перешёл

жения при Каркемише правитель западных областей Урарту Парнаваз покорился вавилонскому царю Навуходоносору II, о чем и сообщает Себеос.

После этих событий часть населения данного региона перемещается на север, в сторону Кавказа. Вполне допустимо, что среди тех, кто в конце VII – начале VI вв. до н.э. переселился из Цопа, Турк-Ангеха и других областей Урарту в центральные районы Кавказа, были и представители знатного рода Парнавазианов. Косвенным подтверждением тому служат сообщения Себеоса, в которых довольно подробно рассказывается об одном из сыновей Парнаваза – Багарате, оставшемся в Ангехе, но ничего не сообщается о втором – Багараме. Данный факт может служить доказательством того, что Багарам Парнаваз был в числе жителей западных и юго-западных областей Урарту, переселившихся на Кавказ, и что Себеос не сообщает о нем потому, что, вероятно, не обладает какими-либо данными о дальнейшей его (и других переселенцев) судьбе.

Таким образом, если в первой половине I тыс. до н.э. Багратуни-Парнавазианы вместе с дурдзуками, терками (турками), цопа (цова), хонами и др. проживают в урартских областях Муср (Мусасир), Цоп (Ангех-тун) и др., то позднее, во второй половине I тыс. до н.э., они вместе с теми же дурдзуками, турками (терками), хонами и цовами (цанами) являются уже обитателями Кавказа. Племена, переселившиеся на Кавказ на рубеже VII–VI вв. до н.э., судя по всему, принимали активное участие в происходивших здесь событиях, а более всего – в формировании нахского государственности, привнося ряд культурных инноваций. Выше приводились свидетельства существования в древности почти на всей территории от Северного Кавказа до Северной Месопотамии культа солнца Малх (Малхина). Однако создание нахами Центрального Кавказа четко структурированного пантеона богов во главе с богом солнца Малхом следует, скорее всего, относить к середине I тыс. до н.э., точнее – к VI в. до н.э., периоду завершения формирования нахского государства. Процесс этот, видимо, проходил под значительным влиянием культуры южнонахских и родственных им хуррито-урартских племен, пришедших на Кавказ из областей Урарту. Надо полагать, что представители жреческой и светской знати переселившихся племен влились в высшую знать формировавшегося нахского государственного объединения. Среди них, безусловно, были и Парнавазианы, которые и на новом месте продолжали, вероятно, выполнять свои прежние функции, признавая при этом верховную власть нахских правителей. В связи с вышеизложенным весьма примечательно, что художественная техника, в которой выполнена статуя бога Армаза, близка к традициям урартской скульптуры[78] и в то же время соответствует описанию статуи ингушского божества Магал (Мохде[79]).

Евфрат в 20 км южнее Каркемиша, у Тель-Тарсипа. После того как к защитникам города прибыло подкрепление, их войско выступило из Каркемиша для решающего сражения. Египетскую армию возглавлял сам фараон. Вавилоняне нанесли союзным войскам Египта и Урарту сокрушительный удар.

[78] Амиранишвили Ш.Я. Древнейший образец грузинской рельефной скульптуры (на груз. яз.) // Известия музея Грузии. Вып. XII. 1944. С. 123.

[79] Кобычев В.П. Историческая интерпретация этногенетических преданий ингушей... С. 77.

На рубеже IV–III вв. до н.э., в результате вторжения войск Александра Македонского (Понтийское царство) в южные пределы Нахаматии, территория по среднему течению реки Куры была утеряна. После многомесячных боев часть населения (хоны, бунтурки) со своими правителями Парнавазианами отошла в глубь страны, в горные районы. Примерно через 30–40 лет, отразив нашествие сарматов, нахские цари предпринимают решительные и, судя по всему, успешные шаги по возвращению утраченных позиций в центральных областях Южного Кавказа, и освободительную борьбу, по Леонти Мровели, возглавляет Парнаваз. Таким образом, Парнаваз становится реставратором прежней государственной власти и олицетворявшего ее культа Малх (или Алмаз//Армаз), бога солнца, т.е. выступает представителем нахского (малхийского) государства, противостоящего иноземным завоевателям в лице Азо (Азон).

В таком случае становится понятно и то, почему в древнегрузинской исторической традиции существуют две противоречивые версии возникновения Картлийского царства. В историографии давно отмечено, что в этих версиях, изложенных, соответственно, в «Мокцевай Картлисай» и «Картлис Цховреба», отображены два сказания о нашествии Александра Македонского и об образовании Картлийского царства, изначально существовавшие параллельно, независимо друг от друга[80]. Однако исследователи, к сожалению, ограничиваются лишь констатацией факта наличия двух указанных версий, не объясняя причины их возникновения. Обычно исследователи исходят из следующей дилеммы: одна из версий отражает реальные события, другая же – легендарная. Подобный подход несколько упрощает ситуацию. Как известно, всякая власть нуждается в идеологическом оправдании, следовательно, в любой версии, где представлены факты становления государства, присутствует и определенная идеологическая «нагрузка». Поэтому при анализе противоречивых версий следует обращать внимание не только на выявление фактической стороны событий, но и на то, как эти события объясняются. Следовательно, необходимо рассмотреть не только то, чем эти версии отличаются друг от друга и какие имеют расхождения в передаче тех или иных фактов и событий, а прежде всего то, как в них оцениваются одни и те же события, каковы их идеологические обоснования. И тогда мы увидим, что перед нами два совершенно разных взгляда на события, происходившие в Картли, и разные их идеологические трактовки.

«Мокцевай Картлисай» отражает позицию древнегрузинских племен во главе с Азоном, переселившихся в Картли после завоевания страны понтийским царем. В источнике достаточно ясно выражено отношение переселенцев-грузин к коренному населению (иноплеменникам хонам, бунтуркам), дано оправдание жестокости по отношению к ним и необходимости их уничтожения (они были «дикарями, пожиравшими трупы») и т.д. Подобные суждения, разумеется, не имеют ничего общего с реальным политическим, социальным и культурным уровнем населения Картли, а отражают предвзятый взгляд завоевателей. Перед нами позиция, характерная для завоевателей всех времен, попытка дать идеологическое обосно-

[80] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. С. 280–281.

вание (пусть и наивное) захвата чужой территории и безжалостного истребления проживающего на ней населения. «Мокцевай Картлисай» первым царем Картли называет Азона, а Парнаваза вообще не упоминает. Следовательно, в «Мокцевай Картлисай» нашли отражение предания переселившихся древнегрузинских племен, и их отношение к происходившим в то время событиям.

В «Картлис цховреба», наоборот, воссозданы настроения местного, коренного населения, защищавшего свою землю и вступившего в жестокую схватку с пришлыми завоевателями – армией понтийского царя (*Александра Македонского*), в рядах которой воевали и древнегрузинские племена под предводительством своего вождя Азона. Основным действующим лицом у Леонти Мровели является Парнаваз, возглавивший борьбу жителей Картли против иноземных завоевателей. Здесь четко прослеживается идеология освободительной войны коренного населения во главе с Парнавазом с чужеземными захватчиками. Это говорит о том, что Леонти Мровели в своей Хронике опирается на сохранившиеся древние предания (письменные или устные) местного нахского населения, в которых выразилось отношение нахов к этим событиям.

Между тем Леонти Мровели знаком и с грузинскими преданиями об указанных событиях, воспроизведенными в «Мокцевай Картлисай», откуда он берет информацию. Однако извлекает он лишь то, что соответствует его концепции, обозначенной выше: грузины относятся к потомкам Таргамоса и вместе с другими его потомками издревле проживают на Кавказе. Поэтому для грузинского историка были неприемлемы сведения «Мокцевай Картлисай» о переселении грузин в Картли, где до них жили хоны и бунтурки (терки). Эти сведения он полностью игнорирует. Одновременно Леонти Мровели пытается примирить несхожие предания и корректирует данные «Мокцевай Картлисай», указывая, что *коренные картлийцы* – «это те которых мы зовем бунтурками или иноплеменниками[81]».

По концепции Леонти Мровели, грузины занимали среди *таргамосиан* (кавказских народов) первенствующее положение, поэтому он не мог допустить и мысли о существовании нахского государства, как и о том, что Картли была его частью. По этой причине, надо полагать, в его Хронике для нахского государства не нашлось места, и из имевшихся в его распоряжении источников (письменных и устных) он, по всей видимости, отобрал лишь те сведения о нахах, которые могли бы стать подтверждением его взглядов. Вообще же, как уже отмечалось в научной литературе, взаимоотношения нахов с древнегрузинскими племенами интересуют Леонти Мровели лишь постольку, поскольку они могли бы служить образцом политического союза для современной ему Грузии[82].

Однако как бы ни старался Леонти Мровели подогнать имевшиеся в его распоряжении данные древних источников под свою концепцию, а ситуацию XI в. спроецировать в прошлое, анализ представленных им сведений о событиях второй половины I тыс. до н.э. показывает, что в них выдвигаются на первый план

[81] Мровели Леонти. С. 25; Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 280.

[82] См.: Мровели Леонти. Комментарии Цулая Г.В. С. 63. Комм. 98–98.

и политически доминируют именно кавкасианы-дурдзуки, а мотив их отношений с древнегрузинскими племенами преобладает над всеми остальными[83]. Это заключение подтверждается всем ходом исторических событий, описываемых в Хронике, и в особенности деятельностью Парнаваза.

3. Война Парнаваза с Понтийским царством

В Хронике Леонти Мровели Парнаваз – выдающийся государственный деятель общекавказского масштаба, объединивший вокруг себя государства и народы Кавказа, поднявший их на борьбу против иноземных захватчиков. Но таким человеком, на зов которого откликнулись бы кавказцы, признав его своим предводителем, мог быть лишь государственный деятель, хорошо известный на Кавказе на протяжении достаточно длительного времени, обладающий большим авторитетом и могуществом, за которым стояла бы внушительная военная мощь. Однако эти требования совершенно не вяжутся с тем положением, которое занимал Парнаваз. Он, тайно возвратившийся изгнанник, находящийся в Картли секретно, вынужденный таиться от Азона, скрывать свое происхождение, не обладает ни властью, ни и силой, не проявил еще никакой воинской доблести, никому не известен и т.д. Ясно, что такой человек, вдруг появившийся из ниоткуда, не мог стать признанным лидером и возглавить объединенные силы кавказских народов.

Все эти несоответствия Леонти Мровели пытается компенсировать рассказом о чудесном нахождении Парнавазом несметных сокровищ, с помощью которых тот якобы привлекает на свою сторону народы Кавказа, вследствие чего борьба с Азоном приобретает сказочный характер. Но и здесь грузинский историк «выдает» себя. Дело в том, что он повествует не просто об участии, а фактически о решающей роли кавкасиан-дурдзуков в военно-политических событиях в Картли, и на этом фоне выглядит странным, что они не упоминаются в коалиции войск кавказских народов, с помощью которой Парнаваз побеждает Азона и освобождает Картли. Участие нахов в указанных событиях не вызывает сомнения, тем более что, согласно Леонти Мровели, они выступают основной силой, на которую опирается не только Парнаваз, но и последующие картлийские цари. Более того, в военном союзе, возглавляемом Парнавазом, нет не только кавкасиан-дурдзуков, но и жителей самой Картли. Лишь после выступления Парнаваза во главе объединенных войск «все картвелы отказались от Азона», а также «тысячи всадников отборных из тех ромеев… и пришли к Парнавазу[84]». Получается, что Парнаваз освобождает Картли без участия кавкасиан-дурдзуков и собственно населения Картли.

Отмеченные выше несоответствия в сведениях Леонти Мровели можно объяснить тем, что лидирующей силой, вокруг которой объединились народы

[83] См.: Меликишвили Г.А. Указ. соч. С. 281; Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. К вопросу о нахской этнонимике... С. 28; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа... С. 152–153; Цулая Г.В. Историческая концепция грузинского историка XI в. Леонтия Мровели... С. 22–36.

[84] Картлис цховреба. С. 35.

Кавказа в борьбе против Понтийского царства, стали кавкасианы-дурдзуки – другими словами, все еще сохранявшее свое могущество нахское царство, представителем которого и был Парнаваз. Картвелы же отсутствовали в коалиции Парнаваза потому, что борьба была направлена как раз против них, поскольку они были переселены в Картли Азоном и являлись его главной опорой. Однако в решающий момент, когда, как сообщает Леонти Мровели, бесчисленные войска под предводительством Парнаваза и Куджи из Эгриси (Колхиды) направились в Картли, картвелы и «тысячи всадников из ромеев» «отказались от Азона» и перешли на сторону Парнаваза. Оставшийся без войск Азон вынужден был бежать из Картли. На второй год, получив подкрепление из Понтийского царства (Сабердзнети), Азон выступил против Парнаваза, но был окончательно разгромлен[85].

Однако такая информация, естественно, не могла быть отражена Леонти Мровели, поскольку это противоречило бы выдвинутой в его Хронике исторической концепции, согласно которой, картвелы (грузины) являлись автохтонами Кавказа и именно они играли в этом регионе главенствующую роль во все времена. Поэтому грузинский историк, следуя своим целям, скорее всего, просто умалчивает о нахском царстве, внеся коррективы в данные имевшихся в его распоряжении источников (письменных и устных). Но как бы то ни было, даже эти весьма скупые и отрывочные сведения, сохраненные в источнике, дают некоторую возможность воссоздать общую картину происходивших в то время событий.

Согласно Леонти Мровели, Азон «занял, кроме Картли, также Эгриси и наложил дань на овсов, леков и хазар[86]». По-видимому, Понтийскому царству удалось не только установить свое господство в Картли, но и занять часть Егерии (Колхиды) между нижним течением Чороха (Эгрис-цкали) и Риони (Фасис). Об этом свидетельствует тот факт, что после изгнания понтийских войск с Южного Кавказа данная территория была освобождена и возвращена Куджи, о чем и сообщает Леонти Мровели[87]. Судя по Леонти Мровели, помимо Колхиды и Картли понтийский царь распространил свою власть и на леков. В данном случае имеется в виду, вероятно, население западной части исторической Албании – Эрети.

В этих условиях было вполне естественно, что народы Кавказа объединились в союз и направили военные силы против Понтийского царства с целью освобождения своих земель. Конечно, участие кавказских народов в войне на стороне Парнаваза не стоит рассматривать как проявление альтруизма. Тут, конечно, же дело не в богатстве, которое вдруг сверхестественным образом якобы появилось у Парнаваза и на которое кавказцы будто бы польстились, и тем более не в том, что кавказцы занимали по отношению к Парнавазу подчиненное положение, как это пытается представить Леонти Мровели. В исследовательской литературе уже давно выявлено, например, что сообщение Леонти Мровели о якобы признании Эгрисским (Колхидским) царем Куджи своим правителем Парнаваза не соответ-

[85] Там же.

[86] Картлис цховреба. С. 35; Мровели Леонти. С. 29.

[87] Мровели Леонти. С. 30.

ствует исторической действительности[88]. Сведения Леонти Мровели о зависимости царя Куджи от Парнаваза не подтверждаются никакими фактами. Помимо всего прочего, Куджи не мог находиться в подчинении Парнавазу по той простой причине, что был царем Егерии задолго до воцарения последнего. Как уже отмечалось, в стремлении Леонти Мровели представить Куджи зависимым от Парнаваза проявляется общая тенденция, отвечающая концепции грузинского автора о якобы первенствующей роли на Кавказе во все времена именно грузин[89].

Объединение народов Кавказа имело в основе совпадение интересов и диктовалось общими политическими целями относительно к отражению захватнических устремлений Понтийского царства. Инициировало и возглавило этот союз, завершившийся победой над понтийскими захватническими войсками и изгнанием их из стран Южного Кавказа, скорее всего, именно нахское царство, которое и представлял Парнаваз.

Но эта война с Понтийским царством и последовавшая затем победа могли произойти лишь в условиях наличия у нахов безопасного тыла, т.е. в обстановке мира с сарматскими племенами и, возможно, поддержки с их стороны или, по крайней мере, отсутствии угрозы вторжения. Источники свидетельствуют о том, что в тот период для Нахаматии сложилась именно такая, благоприятная, международная ситуация. Через некоторое время после вторжения сарматских племен и ожесточенных войн с кавказскими народами, в конце IV − начале III вв. до н.э. между кавказцами и сарматами начинают налаживаться мирные взаимоотношения, которые в определенных условиях становятся даже союзными[90]. Вероятно, это было связано с возросшей военной мощью нахского государственного объединения. Так, по мнению В.Б. Виноградова, сообщение Леонти Мровели о том, что «все дурдзуки были свободны от пленений со стороны хазар из-за крепостей страны», отражает именно этот период отношений с сарматами[91].

Очевидно, уже к началу III в. до н.э. кочевники не только прекращают совершать (или не могут больше совершать) грабительские набеги на нахское государство, но и начинают выступать как достойные соседи и равноправные союзники нахов. Вместе с тем, следует, видимо, говорить об установлении нахами союзнических отношений не с разрозненными кочевыми племенами сарматов, а скорее с союзом объединенных племен, каковым являлся, судя по всему, Сиракский (сирако-меотский) союз племен, образовавшийся в III в. до н.э. в Северо-Западном Предкавказье.

Стабилизировав границу с Сиракским объединением по реке Малке, нахи в скором времени, вероятно, установили с ним обычные соседские отношения, взаимовыгодные для обеих сторон. Возможно, сиракские племена поставляли нахским владетелям военные отряды, а также участвовали как равноправные союзники нахов в тех или иных военно-политических событиях того времени. Ви-

---

[88] Ломоури Н.Ю. Возникновения Древнеиберийского (Картлийского) царства… С. 59.

[89] Там же; см. также: Гумба Г.Д. Об истоках исторической концепции… С. 132–136.

[90] Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа... С. 152.

[91] Там же; Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе... С. 113–114.

димо, под именем овсы Леонти Мровели выводит именно Сиракский союз племен, входивший в военную коалицию, в период войны с Азоном возглавляемую Парнавазом. В этом случае Сиракский союз племен выступает как союзник кавказских народов в их борьбе против внешнего агрессора – Понтийского царства. Это может быть подтверждено и тем, что союзнические войска собрались в Колхиде («в Эгриси собрались бесчисленные войска и направились против Азона[92]»), откуда, возглавляемые Парнавазом, вторглись в Картли. Поскольку территория Картли контролировалась войсками Азона, то выйти в Колхиду через горные перевалы овсы могли лишь, миновав Клухорский перевал, по Кодорскому ущелью[93]. Данный факт свидетельствует о том, что пришедшие на помощь Парнавазу овсы – это отряды сирако-меотского союза Северо-Западного Предкавказья.

В процессе борьбы против понтийского господства на сторону коалиции переходят и картвельские племена. Парнаваз заручается также поддержкой селевкидского царя, с которым устанавливает союзнические отношения[94]. Война завершается победой объединенных сил народов Кавказа и изгнанием понтийских войск с большей части территории Южного Кавказа. Парнаваз освобождает Картли и присоединяет к ней Кларджети, а границы Колхиды вновь устанавливаются по нижнему течению Чороха.

Таким образом, нахи не только восстанавливают свои прежние границы на Южном Кавказе, но и расширяют их за счет присоединения Кларджети. Однако за более чем тридцатилетний период господства Понтийского царства здесь произошли определенные изменения в этническом составе населения. В результате перемещения древнегрузинских племен в Картли удельный вес грузинского населения заметно увеличился. Возможно, древнегрузинские племена просачивались в Картли и в более ранние периоды, но массовый переход их произошел, вероятно, в конце IV – начале III вв. до н.э., в период завоевания Картли Понтийским царством. Понтийские войска состояли из разноэтнических племен северо-востока Малой Азии, часть которых после завоевания Картли вместе с оставленными там войсками, по-видимому, была переселена в эти места. Азон – вероятно, вождь древнегрузинских племен, назначенный понтийским царем наместником в Картли, впоследствии, согласно «Мокцевай Картлисай», переселил своих сородичей в Картли, а сам обосновался в древней Мцхета. Хотя не исключено, что Азон был не вождем древнегрузинских племен, а македонянином, как об этом сообщает Леонти Мровели, назначенным *Александром Македонским* (понтийским царем) правителем Картли. Может быть, этим и объясняется то, что картвелы так легко оставили Азона и перешли на сторону Парнаваза.

Но как бы то ни было, начиная с рубежа IV – III вв. до н.э. древнегрузинские племена составляют, по-видимому, уже значительную часть населения Картли. Рост удельного веса грузинского населения и той роли, которую оно впоследствии стало играть в Картли следует, вероятно, связывать не только с перемеще-

[92] Мровели Леонти. С. 29.

[93] Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа... С. 158.

[94] Мровели Леонти. С. 29.

нием древнегрузинских племен в районы среднего течения Куры после установления здесь власти Понтийского царя, но и с тем, что наместнику в Мцхета Азону подчинились территории в верховьях Куры и Чороха, где древнегрузинские племена к тому времени составляли уже, судя по всему, немалую часть населения.

Безусловно, нахские правители вынуждены были считаться с изменившейся этнодемографической и политической ситуаций в Картли. Ради упрочения своей власти и обеспечения безопасности южных границ своего государства они должны были проявить заинтересованность в привлечении на свою сторону древнегрузинских племен, и в этих целях предприняли меры по приближению к себе картвельской родоплеменной знати. Так, Парнаваз не только не стал проводить карательные акции против переселившихся в Картли и уже осевших там племен, но, как сообщает Леонти Мровели, «распределил по ущельям и странам, отнесся к ним благосклонно. …И назвал их азнаурами[95]». Вероятно, в местах компактного проживания древнегрузинских племен на их вождей были возложены функции местных правителей и таким образом они были приравнены к нахской знати и затем привлечены к управлению Картли.

Это подтверждается и тем, что верховные божества древнегрузинских племен Гаци и Гаим получили официальный статус и были включены в иерархию божеств Картли, заняв соответственно второе и третье места после Армази. Как известно, в древности никто не сомневался в реальности существования богов – как своих, так и чужих, и по отношению к богам и культам других народов существовала определенная веротерпимость. Поэтому включение верховных божеств переселившихся племен в пантеон официальных богов Картли, безусловно, было не только проявлением со стороны нахов уважения к религиозно-культовым верованиям картвельских племен, но и свидетельством изменения этнополитической ситуации, приведший к признанию нахскими царями их прав на участие в управлении Картли.

Следует отметить, что высшая триада в пантеоне богов Картлийского царства – Армаз, Гаци и Гаим, имеет аналог в урартском пантеоне, также состоявший из трех божеств – главного, исконно урартского бога Халди, хуррито-хаттского бога Тейшеба и бога Шивини, воспринявшего символы месопотамской (ассиро-вавилонской) области[96]. Учитывая все вышесказанное, вряд ли можно сомневаться в том, что картлийский пантеон сложился под влиянием урартских религиозно-культурных традиций. Подтверждением тому, помимо прочего, служит и тот факт, что в верховном боге Урарту Халди, изображавшемся в форме солнечного диска и связанном таким образом с солнцем и небом, соединились функции нескольких богов, как это имеет место и в случае с Армазом. Надо полагать, что три бога – Армаз, Гаци и Гаим, по аналогии с урартским пантеоном, отражают три культурно-этнических элемента религии Картли.

Таким образом, с III в. до н.э. древнегрузинские племена начинают играть значимую роль в политической и культурной жизни Картли. Поэтому не случайно,

[95] Картлис цховреба. С. 15.

[96] Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту)... С. 220–221.

что в грузинской исторической традиции противопоставляются периоды истории Картли до и после завоевания ее *Александром Македонским*. Эпоха Александра Македонского – это тот рубеж, с которого фактически начинается история собственно грузин[97]. К этому времени Леонти Мровели приурочивает также распространение на территории Картли грузинского языка, указывая при этом, что ранее, до переселения сюда грузинских племен, население Картли говорило на армянском языке: «До сих пор язык грузин был армянским, на котором они говорили. Когда же пришли в Картли эти бесчисленные племена, тогда грузины тоже оставили армянский язык. И от языков всех этих племен создался язык грузинский[98]». Далее уточняется, что именно Парнаваз «распространил язык грузинский, и больше не говорили в Картли на ином языке, кроме грузинского[99]».

Говоря об армянском языке (сомхури) как о первоначальном языке грузин, Леонти Мровели имеет в виду урартский язык, что уже было отмечено в научной литературе[100]. Согласно Леонти Мровели, на этом (урартском) языке изначально говорили не только грузины, но и все таргамосианы (дети Таргама). Вообще же в данном сообщении древнегрузинский историк в свойственной ему манере – очень сжато, буквально в двух-трех коротких предложениях, отразил сложный и длительный процесс формирования грузинской народности, имевший в основе слияние различных этнических групп, населявших Картли, и перехода их на грузинский язык. Безусловно, и ассимиляция этнических групп, и переход их на грузинский язык произошли не в одночасье, как это сообщает Леонти Мровели, процесс этот оказался долгим, растянутый в в.х. То, что Леонти Мровели «привязал» его к периоду деятельности Парнаваза, является следствием использования грузинским историком, помимо прочих источников, сказаний, в которых вокруг имени Парнаваза соединились воедино оставшиеся в памяти народа крупные события, произошедшие в разное время. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что начало этому процессу было положено именно при Парнавазе.

4. Падение нахского государственного объединения

После изгнания Азона (понтийских войск), очевидно, были восстановлены южные границы нахского государственного объединения до Хунани и Триалетского хребта, а на юго-западе к Нахаматии была присоединена Кларджетия. Овеянный ореолом славы победителя и, несомненно, обладавший выдающимися качествами, в том числе и полководческим талантом, Парнаваз, судя по всему, проявляет стремление к самостоятельности. Согласно Леонти Мровели, селевкидский царь пожаловал Парнавазу царскую корону[101], что, безусловно, можно

[97] Мровели Леонти. Комментарии Цулая Г.В. С. 59. Комм. 85–85.

[98] Картлис Цховреба. С. 16.

[99] Там же. С. 18.

[100] См.: Барамидзе А.А. К уточнению одного сообщения в произведении Леонтия Мровели. Тбилиси, 1972. С. 59.

[101] Мровели Леонти. С. 29.

расценивать как свидетельство не только усиливавшегося влияния Селевкидов в Картли, но и достаточной самостоятельности самого Парнаваза.

Важным показателем высокой степени самодостаточности Парнаваза и доказательством его попытки выйти из-под влияния центральной власти, чтобы упрочить свою, является осуществленные им династические браки. По словам Леонти Мровели, Парнаваз выдает своих сестер замуж – одну за эгрисского царя, а другую – за царя овсов, сам же он «женится на деве из дурдзуков, из рода Кавкаса[102]».

В данном случае следует обратить внимание на некоторые факты, подтверждающие предложенную выше трактовку сведений Леонти Мровели о существовании могущественного Нахского царства и о его главенстве в борьбе народов Кавказа против Понтийского царства. Леонти Мровели не упоминает кавкасиан-дурдзуков в составе коалиции кавказских народов, участвовавших в войне против Понта, но сообщает о том, что после победного завершения войны Парнаваз женится на *деве из дурдзуков, из рода Кавкаса*. В то же самое время своих сестер он выдает за эгрисского царя и царя овсов. Как известно, династические браки обычно заключались по политическим соображениям, в расчете обрести союзников, повысить родовитость и авторитет династии и т.д., поэтому правители, естественно, старались породниться с сильными царскими династиями. Парнаваз, получивший корону от селевкидского царя и обладавший уже царским титулом, не мог, разумеется, жениться на девушке не царской крови, т.е. заключить неравнородный брак. Отсюда следует, что Парнаваз женился на нахской царевне, а уточнение, что царевна эта не только из дурдзуков, но и из рода Кавкаса, исходя из специфики передачи фактов у Леонти Мровели, должно подчеркивать древность и знатность нахской царской династии. Вообще сам факт того, что Парнаваз при выборе жены отдал предпочтение нахской царевне, можно рассматривать как свидетельство наличия у нахского царства более мощной военно-политической силы и значимости, чем, скажем, у Колхидского царства и овсского (сиракского) объединения. Хотя, конечно, нельзя исключать, что выбор этот мог быть обусловлен подчиненным положением Парнаваза и тем, что Картли все еще входила в состав нахского государственного объединения.

Появление в Картли нового этнического элемента, оказало значительное влияние на этническую составляющую населения страны и не могло не повлиять на ход дальнейших событий. По всей видимости, с этого времени сформировавшаяся и достаточно окрепшая родовая знать Картли все сильнее стремится освободиться из-под влияния нахских правителей (царей). При сыне Парнаваза Саурмаге борьба за выход из нахского государственного объединения переходит уже в открытую форму. Согласно Леонти Мровели, картлийская знать готовила против Саурмага заговор, но тот, своевременно оповещенный об этом, поспешил к нахскому царскому двору, «к брату матери своей[103]».

В рукописях оригинала источника написано, что Саурмаг пришел именно «к брату матери своей» – именно так, как перевел эту фразу с древнегрузинского

[102] Там же. С. 30.

[103] Мровели Леонти. С. 30.

языка на русский Г.В. Цулая, а не «к братьям матери своей», как это иногда ошибочно переводится. Уточнение это важно, поскольку оно косвенно указывает на наличие в нахском царстве наследственной власти: Саурмаг пришел не к братьям своей матери и не к ее отцу, которого к тому времени, видимо, уже не было в живых, а к его сыну («к брату матери своей»), унаследовавшему царский трон.

Судя по всему, правитель Нахаматии выделил Саурмагу войско, на помощь были призваны также овсские (сиракские) отряды. Собрав армию, Саурмаг, как сообщает Леонти Мровели, нагрянул на картвелов и жестко расправился с восставшими: «захватил Картли и сокрушил отступников[104]». Вероятно, во многие районы были введены войска, а картвельская военно-родовая аристократия, выступившая против центральной власти, была смещена и подверглась репрессиям. На местах, надо полагать, было введено прямое управление, и власть была передана присланным из центра царским чиновникам: Саурмаг «унизил картвелов и сделал знатными азнауров, преумножились при нем дурдзуки, потомки Кавказа[105]». По-видимому, нахские правители теперь не довольствуются лишь общим контролем: они укрепляют позиции и усиливают свое присутствие, власть на местах передается посланникам из центра, располагавшим хорошо вооруженными отрядами, призванными держать в повиновении население, собирать налоги, подати и т.д.

Однако, как показывают последующие события, несмотря на усиление контроля со стороны центральной власти, центробежные силы в Картли постепенно стали набирать обороты и в конечном итоге одержали верх. По-видимому, интересы нахской и картвельской родоплеменной знати Картли совпали, и, вероятно, они объединились и выступили единым фронтом против центральной власти. Картлийская знать нашла также могущественного союзника в лице Селевкидского царства, о чем свидетельствует усиление влияния в Картли зависимой от Селевкидов Мидийской Атропатены.

По сообщению Леонти Мровели, Саурмаг «взял в жены персиянку, дочь эриставa Барда». По-видимому, речь идет о дочери царя Мидии Атропатены[106], на которой женился Саурмаг. В III в. до н.э. Мидия Атропатена занимала обширную

[104] Там же.

[105] Там же.

[106] В конце IV в. до н.э. Мидия распалась на две части – Мидию Атропатену и Нижнюю Мидию. При распределении провинций между преемниками Александра Македонского северо-западную Мидию в 323/27 г. получил военачальник мидян Атропат, участвовавший в битве при Гавгамеле на стороне Дария, но после смерти Дария примкнувший к Александру. Атропат правил своей частью Мидии независимо, и она, в отличие от Мидии южной, стала именоваться Мидией Атропатеной, по имени своего правителя. Фундаментом Мидии Атропатены было не прочное единство, а военно-административное объединение разных народов и стран. Основное население состояло из хуррито-урартских (юго-западные районы), нахских (северные районы – Гугарк), дагестанских (в большей степени лезгинских – западные и северо-западные районы) и иранских (к югу от нижнего течения Аракса) племен. Столицей Мидии Атропатены был город Ганзак (средневековый Шиз, современный Текаб).

территорию к югу и северу от реки Аракс: по данным греческого историка Полибия, владения царей Атропатены простирались от Каспийского моря до верховьев Аракса (древнего Фасиса) и Понтийских гор.[107] Северные границы Мидии Атропатены совпадали с бывшей границей Ахеменидской империи и доходили до Хунани и Триалетского хребета, где Атропатена граничила с Нахаматией. Мидия Атропатена существовала как самостоятельное государство, управляемое потомками Атропата, но признающее свою зависимость от Селевкидского царства, поэтому Леонти Мровели и называет царя Атропатены *эриставом Барда*, используя для обозначения этой страны более поздний термин *Барда*.

От брака с дочерью царя Мидии Атропатены (*эристава Барды*) у «Саурмага родилось две дочери, но не было сына. Тогда он привел из Персии сына Неброта, из родственников жены своей, сына сестры ее матери, и взял его в качестве сына. Звали его Мирван. И дал ему в жены дочь свою[108]». После смерти Саурмага царем становится Мирван[109].

Для понимания значимости данного сообщения и ее правильной интерпретации нужно вспомнить, что, согласно генеалогической концепции Леонти Мровели, все народы мира подразделяются на потомков Неброда (Нимрода) *небротианов* (ассирийцы, мидийцы, персы, народы Селевкидского царства), потомков Таргамоса *таргамосиан* (кавказские народы), кочевников Евразии *хазар* и народы Средиземноморья (греки и римляне), которые выходят на историческую арену позже, во времена Александра Македонского.

Развитие истории таргамосиан, особенно на начальном этапе, проходило в непримиримой и беспощадной борьбе за свободу и независимость их отчизны, простиравшейся от Месопотамии до северокавказских степей. Противниками таргамосиан в этой борьбе являлись небротианы (потомки Нимрода) с одной стороны и кочевники хазары – с другой, т.е. небротианы и таргамосианы были непримиримыми врагами. И на этом фоне Саурмаг Таргамосид усыновляет Мирвана, сына Неброта, который затем становится царем. Таким образом, в одной из частей страны Таргамосидов – Картли, к власти приходит потомок заклятого врага таргамосиан. Леонти Мровели особо подчеркивает тот факт, что Мирван является сыном именно Неброта. Небротианом он называет также и последующего царя – сына Мирвана Фарнаджома, который «отошел от веры отцов… ввел веру отцовскую и оставил веру материнскую …Полюбил веру персидских огнепоклонников, привел из Персии огнепоклонников и магов и поселил их в Мцхета, в месте, которое ныне называется Могвта (место магов), и начал открыто порицать идолов. За это возненавидели его жители Картли[110]».

В попытке Парнаджома внедрить в Картли религию зороастризма нет ничего удивительного, если учесть, что Мидия Атропатена, откуда были родом он и его отец Мирван, в течение всего эллинистического периода находилась под теокра-

[107] Полибий, V, 55; Новосельцев А.П. К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии… С. 65.

[108] Картлис цховреба. С. 23.

[109] Там же.

[110] Там же. С. 25.

тическим управлением сторонников религии магов. Здесь находился один из трех «великих храмов огня» зороастрийцев, притом важнейший из них, так как принадлежал он царской семье. Из-за этого на Атропатену смотрели как на родину зороастризма и его основателя Зороастра (Заратуштры).

В приведенных сообщениях Леонти Мровели отразились серьезные этнические и политические сдвиги, произошедшие в Картли во время господства здесь Понтийского царства и в последующий период. Можно считать, что приход к власти небротианов – Мирвана, а затем его сына Парнаджома, фактически стал переломным моментом, изменившим дальнейший ход развития Картли, что нашло отражение и в древнегрузинской исторической традиции. Оно легло в основу новой версии происхождения царской династии Картли – от Неброта (Нимрода), и эта версия существовала в древнегрузинской литературе параллельно с преданиями о царской династии Парнавазианов. Так, древнегрузинский историк Джуаншер Джуаншериани вкладывает в уста царя Картли Вахтанга Горгасала (V в. н.э.) следующие слова: «Вы же исконные жители Картли – родичи царей картлийских, ныне поставленные правителями от нас, царей, в родстве восходящих к Неброту, что явился на эту землю прежде других царей.[111]» *Исконные жители Картли* – это догрузинское население страны, т.е. нахи, родичи царей Картли Парнавазианов; себя же Вахтанг Горгасал относит к потомкам Неброта, пришедшим к власти в Картли на рубеже III – II вв. до н.э.[112]

С воцарением в Картли Мирвана Неброта возрастает влияние Мидии Атропатены и одновременно повышается роль грузинских племен. Такая ситуация грозила не просто усилением влияния Селевкидов на южных рубежах Нахаматии, но и утерей контроля над территорией, имевшей важное военно-стратегическое значение. Разумеется, это не могло не обеспокоить нахскую знать и не вызвать соответствующую реакцию со стороны нахского правителя. На приход к власти в Картли Мирвана Небротиани нахи отвечают карательной акцией. Однако, судя по тому, что нахские войска не дошли до Мцхета, а «полонили лишь Кахети и Базалети[113]», их усилия не достигли намеченной цели. Более того, Мирван, по

[111] Картлис цховреба. С. 43; см. также: Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, введение и примечание Г.В. Цулая. Тбилиси, 1986. С. 162; Джанашвили М. Книга Нимрода // СМОМПК. Вып. XXIX. Тифлис, 1901. С. 21.

[112] В «Жизни Вахтанга Горгасала» приводится также иная, совершенно отличная от генеалогии народов Леонти Мровели, таблица распределения народов (языков), в которой вообще отсутствуют народы Кавказа. Согласно Джуаншеру Джуаншериани архангел Михаил обращаясь к Неброту «на языке персидском говорил: «Я есть архангел Михаил, что поставлен от господа владыкой Востока… Ступай и поселись между двумя реками – Ефратом и Джилой и отпусти племена те, кому куда заблагорассудится, ибо отпущены они богом. …И все покинули город и удалились. И оставил говорящих по-индски – в Индии, синдов – в Синде, римлян – в Риме, греков – в Греции, агов и магогов – в Магугии, персов – в Персии; но главным языком остался сирийский. Вот те семь языков, на коих говорили до Неброта …» (Картлис цховреба. С. 43; Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала… С. 162).

[113] Мровели Леонти. С. 31.

Леонти Мровели, неожиданно становится предводителем «многочисленного войска – конных и пеших» – нападает на дурдзуков и побеждает их[114].

Данное сообщение Леонти Мровели совершенно не вяжется с его же сведениями о военно-политическом доминировании кавкасин-дурдзуков в этот период, что не может не вызывать сомнения в правдоподобности столь резкого изменения соотношения сил и появления вдруг у Мирвана многочисленного войска, превосходящего нахские силы. Однако, сведения Леонти Мровели не беспочвенны: они являются отражением военно-политической ситуации, сложившейся к тому времени на южных рубежах Нахаматии – в центральных районах Южного Кавказа, и напрямую связанной с активизацией здесь Селевкидов.

Приход к власти в Картли Мирвана в конце III в. до н.э. и последовавшие за этим события совпадают по времени с периодом наивысшего расцвета селевкидской империи и царствованием одного из самых выдающихся представителей династии Селевкидов Антиоха III Великого (223–187), предпринимавшего активные действия по расширению империи. В 212 г. до н.э. Антиох III отправляется в знаменитый Восточный поход по маршруту армии Александра Македонского, который продлился до 205 г. до н.э.[115] Именно после этого похода Антиох III и получает титул *Великий*[116].

С 212 по 209 гг. до н.э. Антиох III ведет войну в Восточной Анатолии и на Южном Кавказе и предпринимает меры по обеспечению безопасности северных провинций империи и их защите от возможных вторжений с Кавказа. Ему было хорошо известно, какая опасность может исходить от кавказских стран. В 222–220 гг. до н.э., когда сатрапы Нижней Мидии и Персии Молон и Александр подняли мятеж против Антиоха III, их поддержали цари стран, примыкавших к империи со стороны Кавказа[117]. Таковыми, скорее всего, были Мидия Атропатена и Нахаматия. По сообщению Полибия, после победы над мятежниками Антиох III решил идти войной на верхние страны с целью «пригрозить владыкам варваров …дабы впредь они не дерзали поддерживать мятежников доставкой припасов и войска[118]». Однако придворные отговорили Антиоха от этого похода из-за сопряженных с ним больших опасностей. Дело ограничилось тогда вторжением лишь в пределы Мидии Атропатены и принуждением к подчинению и признанию зависимости от Селевкидов царя Атропатены Артабазана[119].

Однако во времена Восточного похода Антиох III действует более решительно: присоединяет к империи полунезависимые сатрапии – Малую Армению, Армению, Мидию Атропатену, и с огромным войском вторгается в центральные районы Южного Кавказа, в пределы нахского государства. На этот раз вторжение было хорошо подготовлено, к тому же Антиох III, вероятно,

[114] Там же.

[115] Полибий, X, 27–31.

[116] Аппиан. Римская история. Сирийские дела. 1.

[117] Полибий, X, 27–31.

[118] Полибий, V, 55.

[119] Там же.

заручился поддержкой родоплеменной знати Картли, тяготившейся зависимостью от нахских царей. По-видимому, основная часть нахской и грузинской родоплеменной знати Картли во главе с Мирваном перешла на сторону Антиоха III. Учитывая, что приход Мирвана Небротиани к власти в Картли в конце III в. до н.э. совпадает со временем Восточного похода Антиоха III, нельзя исключать также, что воцарение Мирвана произошло при активном содействии селевкидского царя.

Поход селевкидского царя Антиоха III Великого против Нахаматии, вероятно, около 212–209 гг. до н.э. красочно изображен в Хронике Леонти Мровели, но по вполне понятным причинам древнегрузинский автор победоносную войну Антиоха III приписывает царю Картли Мирвану. В решающей битве между селевкидскими и нахскими войсками, которая «длилась долго и с обеих сторон пало множество людей[120]», Антиох III одерживает победу и устанавливает свое кратковременное господство в центральных районах Южного Кавказа. К этому периоду относится и сооружение укрепленных ворот (*Каменные врата*) Дарубал (Циканские, Дурдзукские ворота) около Жинвали[121].

Победа Селевкидской державы над нахским государственным объединением и последовавшее за ней сооружение укрепленных ворот были столь крупными событиями того времени, что сведения о них сохранились не только в древнегрузинской, но и в античной (Страбон, Плиний, Арриан и др.) и раннесредневековой (Прокопий Кесарийский, Агафий и др.) литературе, в которой конечный результат – строительство укрепленных ворот на Кавказе, представлен как эпохальное событие. Если в древнегрузинских источниках деяния Антиоха III Великого приписываются царю Картли Мирвану, то в античной и раннесредневековой исторической литературе – Александру Македонскому, при этом широко распространяется миф о постройке им на Кавказе Железных ворот (*Железные ворота Александра Македонского*), чему не приходится удивляться, поскольку позднее с великим полководцем, как правило, связывали все сколько-нибудь значимые события эллинистического периода. Вполне может быть вероятным, что победоносный поход Антиоха III Великого и послужил основой для мифа о вторжении Александра Македонского на Кавказ.

Таким образом, можно предполагать, что около 210 г. до н.э. нахского государственное объединение перестало существовать. Падение его, по-видимому, было обусловлено двумя причинами. С одной стороны оно было вызвано центробежными тенденциями, приведшими к распаду нахского объединения. С другой стороны, вероятно, в результате усилившихся центробежных тенденций, потерявшая былую силу страна не смогла противостоять нашествию многочисленным Селевкидским войскам Антиоха III.

Поражение в войне с Селевкидской державой имело для нахского государственного объединения тяжелые последствия, оно стало началом его падения. С этого времени нахи теряют ту большую политическую роль, которую они играли

[120] Мровели Леонти. С. 31.

[121] Картлис цховреба. С. 23.

на Кавказе и в сопредельных странах. Не случайно начиная со II в. до н.э. упоминания о нахах в древнегрузинских источниках носят уже эпизодический характер. Завоевания Антиоха III Великого на Южном Кавказе, приведшие к падению двух государственных объединений – Мидии Атропатены и Нахаматии, создали условия для становления Картлийского и Армянского царств. Фактически именно с этого времени можно говорить о начале формирования Картлийского царства, т.е. собственно древнегрузинского государственного образования, основателем которого по праву можно считать именно Мирвана Небротиани.

При Мирване происходит, пусть ненадолго, и территориальное расширение Картлийского царства. По сообщению Страбона известно, что Армения, ставшая независимой после поражения Антиоха III Великого в битве с римлянами при Магнессии в 189 г. до н.э., отторгла у Иберии (Картли) Париадру, Хорзену и Гогарену (Гугарк[122]). Эти области входили в состав Мидии Атропатены[123], выступавшей союзником Парнаваза в борьбе против Понтийского царства, в связи с чем трудно предположить, что до похода Антиоха III они были отторгнуты от Атропатены в пользу Картли (Иберии).

Скорее всего, Антиох III в целях ослабления Мидии Атропатены распределил часть ее территории между покоренными им Картли и Арменией, военные отряды которых принимали участие в войне против Мидии Атропатены и Нахаматии на стороне Селевкидов. Северо-западные области Мидии Атропатены – Гугарк, Париадр, Хорзена, вероятно, были переданы в управление Картлийскому царю Мирвану. После победы римлян над Селевкидами в 189 г. до н.э. Антиох III отказывается от территории выше Тавра, после чего получают независимость армянские царства и Картли. Вслед за этим набиравшая силу Армения отторгает у Картли области, присоединенные к ней Антиохом III (Гугарк, Париадр и Хордзена), о чем и сообщает Страбон.

Политическая ситуация, сложившаяся после падения нахского государственного объединения, отражена и в известном сообщении Страбона об обитающих на Иберийской равнине людях, склонных к земледелию и миру и одевающихся на армянский и мидийский манер, а также о населяющих горную страну простолюдинах и воинах, живущих по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются[124]. После завоеваний Антиоха III и укрепления позиций перешедшего на его сторону Мирвана политическая власть Картлийских царей распространилась, надо полагать, и на население горных районов к северу от ворот Дарубал (Цилканские, Дурдзукские ворота). В связи с этим Страбон употребляет термин Иберия в политическом смысле и распространяет его и на территорию к северу от ворот Дарубал до Главного Кавказского хребта.

Падение Нахского государства стало переломным моментом и во многом определило дальнейший ход исторического развития не только нахского, но и других народов Кавказа. Существование в центральной части Кавказа в середине

---

[122] Str. XI, XIV, 5.

[123] Новосельцев А.П. К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии... С. 68.

[124] Str. XI, III, 3.

и второй половине I тысячелетия до н.э. развитого и консолидированного нахского общества явилось надежным щитом с севера, прикрывавший цивилизации Переднего Востока от нашествий полчищ варварских племен, обитателей степей Евразии. Убедительным доказательством тому служит и тот факт, что с VI по II вв. до н.э., в эпоху могущественного нахского государства, истории неизвестны какие-либо нашествия номадов степей в Переднюю Азию через Кавказ. Очевидно, что неоднократные нашествия многочисленных кочевых племен останавливались у северных границ Нахаматии и отбрасывались назад, и страны Передней Азии были надежно защищены от их губительных вторжений. Лишь после падения государственного объединения нахов, начиная с рубежа новой эры, кочевники стали проходить через Кавказские перевалы и совершать сокрушительные нашествия на страны Кавказа и Передней Азии.

Если на протяжении тысячелетий линия защиты оседлой кавказской цивилизации от варварского мира скотоводов-степняков (*железные ворота Кавказа*) проходила по северной границе Нахаматии, где на подступах к северокавказским степям была построена цепь укрепленных городов, то после падения нахского государства около 210 г. до н.э., эта линия перемещается к югу от Главного Кавказского хребта и пролегает уже вдоль укрепленных ворот Дарубал вблизи местности Жинвали, а в западной части Южного Кавказа – по Рачинскому и Эгрисскому хребтам. Начиная с этого периода, территория выше (к северу) от указанной линии в античных и раннесредневековых источниках условно, в географическом смысле именуется уже *Сарматией* (*Азиатская Сарматия*), а ворота Дарубал (Цилканские, Дурдзукские ворота) – *Сарматскими воротами*. Именно по южной границе Азиатской Сарматии – по Эгрисскому и Рачинскому хребтам, проходят в западной части Южного Кавказа приграничные укрепления Римской, а затем и Восточно-Римской (Византийской) империи (Понтийский лимес), а в восточной части Южного Кавказа, по линии северных отрогов Лихского хребта – Сарматские (Цилканские) ворота возле Жинвали – Камбечани – нижнее течение Алазани – Дербент, проходит укрепленная граница Сасанидской Персии.

Сложившейся ситуацией после падения нахского государственного объединения, воспользовались кочевнические племена, которые, не встречая уже организованного сопротивления, начали постепенно проникать в богатые области Нахаматии. Археологический материал свидетельствует о том, что именно во II – I вв. до н.э. начинается проникновение в равнинные районы Центрального Кавказа степных племен[125]. Сравнительно беспрепятственное проникновение в центральные области Кавказа ираноязычных кочевых племен, стоявших на более низком уровне развития, чем нахское население, приводит к варваризации некогда цветущих областей нахского государства и упадку нахской культуры. На рубеже новой

[125] Березин Я.Б. К вопросу о кочевничестве сарматских племен в Центральном Предкавказье (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 45; Берлизов Н.Е. Поздние скифы на северном Кавказе // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (12-15 апреля 2001 г.). Ставрополь, 2001. С. 155.

эры начинается, вероятно, некоторый отток нахского населения из равнинной части Центрального Кавказа в предгорные и горные зоны. Но, безусловно, основная часть жителей этих земель осталась на своих прежних местах, ибо полное смещение населения почти никогда не наблюдается[126], о чем свидетельствует и археологический материал.

Одновременно в южные области Нахаматии начинают постепенно проникать грузиноязычные племена. Впоследствии некоторая часть нахского населения подвергается ассимиляции со стороны ираноязычных и грузинских племен. Однако необходимо отметить, что процесс иранизации и грузинизации нахского населения на Северном и Южном Кавказе соответственно был не столь быстрым и легким, как это иногда представляется в исследовательской литературе. Имеющийся материал не дает никаких оснований предполагать, что не только в первом тысячелетии до новой эры, но и в первом тысячелетии новой эры произошли какие-либо существенные изменения границ расселения нахских племен.

После распада нахского государственного объединения, разумеется, потеряли смысл и бытовавшие в то время политические названия – *малхи//махли, нахаматеан, мосхи//масахи, кавкасиани, дурдзуки,* под которыми страна нахов была известна среди соседних народов. Этноним *малхи* (*махли, малхуз*) древние абхазы, адыги и ираноязычные племена использовали в качестве общего наименования нахов и, соответственно, нахского (малхийского) государства. В конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. на Кавказе происходят существенные этнодемографические изменения: в северо-западные районы Центрального Кавказа проникают, оседая там, ираноязычные племена, а в центральные области Южного Кавказа – грузиноязычные племена. На Южном Кавказе грузиноязычные племена постепенно вклиниваются между нахами и абхазами, а на Северном Кавказе ираноязычные племена вклиниваются между нахами и адыгами. В результате, со временем прямые этнические контакты между нахами и абхазами, нахами и адыгами прерываются, вследствие чего происходят изменения и в использовании связанных с ними имен: у абхазов название малх исчезает из живой речи и остается только в фольклоре; у адыгов термин *малх* преобразуется в *мыщх*, в фольклоре же остается в неизменном виде; у потомков ираноязычных племен – осетин, имя *малх* (*махалон*) переходит в название одного из нахских народов, непосредственно соседствовавшего с ними, – ингушей.

Аналогичная ситуация и с названиями *дурдзук и мосох//мосх*. Имя *Дурдзук*, как и *Кавкас* (*кавкасиани*), было общим древнегрузинским наименованием нахов, но затем перешло в название части нахов, соседствовавшей с грузинами. Термин *мосх//мосох*, в I тыс. до н.э. являвшийся общедагестанским названием нахского государственного объединения, в раннесредневековый период обозначает уже нахов восточной части Центрального Кавказа, позднее – нахских жителей горной части современной Восточной Грузии, и, наконец, становится названием одного из подразделений нахского этноса – цова-тушин. «Закономерности развития

[126] Дьяконов И.М. Типы этнических передвижении в ранней древности // Древний Восток. Вып. 4, Ереван, 1983. С. 6–8.

этнонимов таковы, – отмечает Н.Г. Волкова, – что они всегда обусловлены той конкретной исторической эпохой, в условиях которой существует и развивается этнос и связанная с ним этническая номенклатура. Изменения в исторической обстановке нередко влекут за собой и изменения соответствующих этнических названий, исчезновение одних и появление других» [127].

На рубеже новой эры нахи известны уже по названиям отдельных племенных групп. Так, античные, древнеармянские и древнегрузинские авторы упоминают в центральных районах Кавказа племена, которые исследователи справедливо сопоставляют с нахскими. Это троглодиты, исадики, сербы, дигоры, двалы (туалы), хоны, кусты, тушины, цанары и др., занимавшие практически ту же территорию, которая была известна как территория малхов//махлов, нахаматеан, кавкасов, мосохов. В I тысячелетии н.э. на этой территории возникает уже ряд новых нахских государственных объединений. Но рассмотрение дальнейших путей нахской истории, этнополитического и культурного развития нахов в I и II тысячелетиях н.э. выходит за рамки этой книги.

[127] Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа… С. 5.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

При нынешнем уровне развития исторических знаний, в том числе и по причине скудости сведений, содержащихся в дошедших до нас источниках, трудно дать более или менее полную картину социально-экономического и политического строя нахского общества I тысячелетия до н.э. Тем не менее имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет с определенной долей уверенности говорить о том, что к середине I тысячелетия до н.э. нахское население Центрального Кавказа представляло собой с экономической точки зрения довольно мощное и высокоразвитое для того времени общество, уже вполне сформировавшееся в раннегосударственный организм со всеми его характерными признаками. Непрерывное поступательное развитие древневайнахских племен, происходившее в течение тысячелетия – начиная с середины II тысячелетия до н.э., к середине I тысячелетия до н.э. привело к возникновению общества качественно нового типа, объединенного в единый организм, и к образованию нахской государственности.

Говоря о нахской государственности I тысячелетия до н.э. необходимо учитывать, что формирование территориальных отношений – важнейший фактор социально-политического развития древних обществ, не всегда происходило за счет частичной или полной замены кровнородственных (родовых) отношений. Новейшие исследования выявили ошибочность противопоставления родоплеменных и территориальных отношений и утверждения замены кровнородственных отношений территориальными в качестве одного из основных критериев государственности[1]. Напротив, территориальные отношения, формируясь в рамках родового общества, нередко не только не противопоставлялись родовым, напротив тесней связывались с представлениями о роде и племени[2]. У многих древних народов кровнородственные отношения (семья, род, а в некоторых случаях даже родоплеменные группы), претерпев иной раз определенные, порой весьма суще-

---

[1] Так, несмотря на то, что выдающиеся русские и европейские исследователи XVIII–XIX вв. отмечали высокую степень развитости социальных отношений у народов Кавказа, в советской историографии господствовал формационный подход, при котором утверждалось, что развитие общества происходит прямолинейно, от низших форм до высших, и сосуществование родовых, кровнородственных отношений с государством, цивилизацией не допускалось. Кавказские народы, у которых сохранялись родовые (родственные) отношения, игравшие существенную роль в их общественной жизни, даже если они на протяжении тысячелетия жили в рамках своей государственности, приравнивались к отсталым народам, никогда не имевшим ни государства, ни вообще развитых социальных отношений, и считались людьми, существующими чуть ли не в первобытнообщинном строе, в лучшем случае в условиях *военной демократии.*

[2] Любимов Ю.В. Проблемы политической интеграции // Государство в истории общества. К проблеме критериев государственности. М., 1998. С. 144.

ственные, изменения и в той или иной степени интегрированные в структуру государственных и иных отношений, не исчезли и не утратили своих функций не только в древнем и средневековом периодах, но продолжают существовать и по сей день, оказывая определенное влияние на отношения любого уровня, в том числе и на политику государства[3].

Такое положение особенно хорошо прослеживается у кавказских народов, на что указывал еще И.А. Джавахишвили. В результате изучения социального строя народов Кавказа в древности видный кавказовед пришел к обоснованному выводу о возможном сосуществовании родового строя с государством и, что после крушения государства, по тем или иным причинам, родовой строй восстанавливался вновь, как основа социальной жизни[4]. Известный этнолог Ян Чеснов, например, на основе многолетних всесторонних исследований чеченского *Мехкхел (Совет страны)* выявил, что с древних времен этот орган в полной мере выполнял государственные функции, и уверенно заключил, что «чеченский народ жил в.ми со своим государством[5]».

Единица организации нахских народов (чеченцев, ингушей) – *тейп (род, община)*, сохранившаяся с древности до сегодняшнего дня,представляла собой социальную структуру, соединявшую в себе функции родственной патронимии и территориальной общины[6]. Именно такая социальная единица, состоявшая из кровнородственно-территориальной общины, и была, по всей вероятности, основой социально-политической структуры нахского общества рассматриваемого периода. Такие самоуправляемые социальные группы, соседствующие друг с другом, объединялись в региональные общины, которые при необходимости, обычно при внешней угрозе, в свою очередь объединялись с другими, более крупными, территориальными общинами страны, формируя таким образом высший орган власти – *Совет страны (Мехк-кхел)*. Логика формирования такой социально-политической структуры общества, как правило, определялась одновременно двумя тенденциями – полицентрической (сохранение множества различных центров власти, имеющих определенную автономию, в том числе в рамках более крупных организаций) и моноцентрической (наличие единого центра власти, единого суверенитета и пр.[7]) Соотношение двух указанных тенденций в разные периоды истории страны и в рамках различных территорий различалось и зависело от конкретных исторических условий:усиление государства вело к ослаблению кровнородственных отношений, и наоборот, ослабление государства влекло за собой

[3] Лелюхин Д.Н. Проблема формирования социально-политической структуры раннего общества и государства по сведениям эпиграфики. Непал периода Личчхави // Государство на Древнем Востоке. М., 2004. С. 335–337.

[4] Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Т. I. С. 155–163.

[5] Чеснов Я.В. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общества и государства. Сборник материалов к конференции. М., 1999. С. 53.

[6] Мамакаев М. А. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973;Чеснов Я.В. Быть чеченцем…. С. 51–53; Ильясов Л. Чеченский тайп: мифы и реалии // Вестник «Лам», № 4(8). Грозный, 2001.

[7] Лелюхин Д.Н. Указ.соч. С. 337.

восстановление и усиление роли кровнородственных отношений. Ответы на вопросы о том, как протекала такая интеграция в нахском обществе, каким образом менялись отношения в рамках организаций, основанные на кровнородственной основе, как шел процесс формирования территориальных связей и адаптации в их рамках родственных отношений и, главное, как проходил процесс формирования публичной власти, могут дать будущие специальные исследования.

Вместе с тем, учитывая признание исследователями ошибочными: а) господствовавшее в историографии до недавнего времени упрощенное понимание публичной власти как оторванных от населения (народа) чиновников (государственный аппарат); б) отождествление государственного аппарата с государством[8], можно предположить, что в нахском государственном объединении функции государственного аппарата выполняли – наряду с членами *царского* рода – не специально назначенные чиновники, а представители центральной и местных политических элит – вожди, правители племенных групп, знать, руководство общин и организаций общинного типа. Безусловно, длительный и противоречивый процесс интеграции нахских племенных групп шел параллельно с процессом борьбы за монополию на власть как в рамках единого нахского объединения, так и в его территориальных подразделениях. Происходило постепенное ослабление коллективных форм правления (общинный сход, совет старейшин), что выражалось в попытке закреплении наиболее важных должностей за представителями конкретных семей и родов, в переходе к единоличному правлению и персонализации власти.

Однако вряд ли стоит думать, что нахские правители обладали монополией на власть. Нахское общество в значительной мере сохраняло племенную структуру. Не случайно после падения нахского государственного объединения письменные источники фиксируют на территории Нахаматии на рубеже новой эры и в I тысячелетии н.э. более десятка отдельных нахских племенных образований. Было бы более правомерно считать, что социально-политическая структура нахского общества в I тысячелетии до н.э. имела полицентрический характер и нахское государство представляло собой объединение политически обустроенных кровнородственно-территориальных общин и племенных групп, а местная родоплеменная знать, главы общин выполняли функции правителей территориальных подразделений. Археологические данные свидетельствуют об отсутствии укрепленных поселений внутри страны и о строительстве укрепленных городов,направленном на отражение возможных вторжений степных племен, в основном по внешнему периметру границ Нахаматии, что позволяет предположить, что в начальный период объединение кровнородственных территориальных общин и племенных групп происходило снизу. Объединение это нужно было для выполнения определенных общественно необходимых задач, таких как обеспечение порядка, согласование интересов различных соседних коллективов и племенных групп, объединение кровнородственно-территориальных общин, установление единых правил общежития (законов, нравственных норм), защита от внешней агрессии и т.д. Возникшие таким образом самоуправляемые общины, каждая из которых обла-

[8] Любимов Ю.В. Указ.соч. С. 144.

дала собственной администрацией, со временем создали единый орган – *Совет страны (Мехк-кхел)*, и образовали государственное объединение *Нахаматия*.

Нахское государственное объединение включало в себя, вероятно, как мелкие, так и крупные племенные группы, не слишком сильно связанные между собой, и степень подчиненности каждой из них центральной власти, видимо, была, различной. Следует учитывать также разницу в уровнях культурного и общественного развития населения низинной и горной частей страны. Помимо неравномерности экономического развития административной децентрализации областей нахского государства во многом способствовали и географические условия Кавказа. На периферии Нахаматии наряду с нахами проживали, вероятно, и другие племена, каждое из которых имело свою этническую индивидуальность. Предводители этих племен, разумеется, стремились к тому, чтобы их территории превратились из административных единиц в самостоятельные политические образования, а потому не всегда являлись для центральной власти прочной опорой.

В то же время тенденция к моноцентризму, безусловно, также присутствовала и постепенно, по мере того как складывались отношения господства-подчинения и неравенства, приобретала все большее значение. Однако полицентричность, выражавшаяся не только в факте существования множества различных коллективов (групп), прежде всего общин, и в признании права руководства этих коллективов на власть в рамках их юрисдикции, но и в невмешательстве в дела таких групп, если они не противоречили общим интересам государственного объединения, оставалась, несомненно, важнейшей особенностью социально-политической структуры нахского общества. Такие коллективы (группы), представлявшие собой сочетание кровнородственных и территориальных общин, ассоциировали себя с определенными территориями и каждый из них имел свое особое, обладавшее определенной автономией руководство, собственную юрисдикцию. Формирование разнообразной по формам полицентрической социально-политической структуры – явление, характерное для кавказских обществ как древних, так и современных, и определяется особым значением родовых и общинных отношений, создающих наибольшие препятствия для тенденции к моноцентризму и монополии на власть, присутствующей на всех этапах развития общества.

В исторической литературе существует мнение о том, что наличие при верховном правителе (царе) таких органов, как *Совет страны* и *Совет старейшин*, является якобы показателем пережитков института позднего первобытного общества и недоразвитости государственных отношений, и возникло данное мнение из убеждения, что эти органы, ограничивая волю царя, не вписываются в концепцию (в большей степени марксистско-ленинскую) государства как особой, отдаленной от народа власти, представляющей собой административно-репрессивный аппарат и являющейся инструментом насилия, т.е. классового господства и порабощения. Однако сегодня, при современном уровне познания процессов становления и функционирования государства такое утверждение не выдерживает критики[9].

[9] В таком случае многие современные общества, в особенности западноевропейские, в которых исполнительная власть ограничена парламентом, следует считать догосудар-

Государственное устройство, при котором власть царя была ограничена властью Совета старейшин, состоявшего из представителей племенных вождей, родовой знати (свободных общинников), царских родичей, наместников, вербовавшихся из представителей местной родовой знати, было характерно вообще для древних государств, но особенно для Малой Азии и Кавказа. Здесь по мере усиления и укрепления государственной власти роль таких Советов не только не уменьшалась и в конце концов отмирала, как это имело место в Египте, Месопотамии (Шумеро-Аккадское царство) и др. древних государствах, а напротив, усиливалась. По определению И.М. Дьяконова, такие общества определили т.н. *третий путь развития человечества.* В странах, шедших по первому (Египетскому) и второму (Шумеро-Аккадскому) пути, государственная форма собственности на землю преобладала над частно-общинной (в Египте вообще вся земля являлась собственностью фараона), что неизбежно привело к деспотическому монархическому государственному устройству. В отличие от них в государствах Малой Азии и Кавказа частно-общинная собственность на землю преобладала над государственной, и большинство населения составляли экономически независимые свободные общинники, принимавшие активное участие в общественной жизни страны[10]. Так, например, в Хеттском, Митанийском, Манейском царствах Советы старейшин при царях были довольно многочисленными и обладали большими полномочиями. Совет старейшин представлял собой обычный государственный орган, служивший не только и не столько инструментом насилия, сколько действенным механизмом защиты свободных общинников и частно-общинной собственности от царской власти. Совет не давал царской власти перерасти в деспотическую тиранию, характерную для классических государств Древнего Востока[11].

Несмотря на отсутствие достоверных письменных свидетельств,можно позволить себе предположить, что Совет страны (Мехк-кхел) Нахаматии по своему типу и составу был близок к таким Советам. Уверенность в этом основано прежде всего на том, что тот путь развития древних обществ, на котором свободные общинники составляли большинство населения, а Советы старейшин играли значительную роль, зародился на территории, где основное население составляли близкородственные хаттско-абхазо-адыгские и хуррито-урарто-нахско-дагестанские племена, ставшие создателями нескольких крупных древних государственных образований. В результате изучения общественного строя именно этих государств был научно обоснован путь развития общества, для которого характерно преобладание частно-общинной собственности на землю над государственной, чем и объясняется выявленная

ственными, не достигшими еще в своем развитии уровня государственности, не говоря уже об обществах с парламентской формой правления.

[10] Дьяконов И.М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М., 2007. С. 29–35.

[11] Меликишвили Г.А. Некоторые вопросы истории манейского царства. ВДИ, 1949. № 1. С. 57 и сл.; Дьяконов И.М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. ВДИ, 1952. № 4. С. 291; Его же: История Мидии. С. 195.

значительная роль в жизни страны *Совета старейшин* как института защиты прав частной и общинной собственности и, соответственно, прав и свобод отдельной личности и общества в целом. Эти *Советы старейшин* явились прообразом древнегреческого булэ и римского сената – аналогов парламентов современных государств[12]. Как полагают исследователи, именно зародившийся на Кавказе и Малой Азии путь цивилизационного развития явился фундаментом т.н. греко-римской цивилизации, и венцом его стало создание общества, основанного на дуальном сочетании общественной и частной форм собственности, на суверенном самоуправлении, политическом равноправии граждан и публичном праве[13].

Безусловно, не все население Кавказа находилось на одинаковом уровне общественного развития с народами Передней Азии, однако с близкородственными хаттскими и хуррито-урартскими племенами кавказцы, как было отмечено выше, находились в тесной взаимосвязи, и уровень взаимовлияния и взаимопроникновения между ними способствовал заимствованию типов общественного строя. Кроме того, в формировании государственного устройства нахов большую роль сыграли южнонахские и хуррито-урартские племена, переселившиеся в центральные районы Кавказа в VIII–VI вв. до н.э. и являвшиеся носителями этого общественного устройства.

Конечно, вышесказанное требует дальнейшего исследования и подтверждения, но проявляющееся даже при первом, беглом взгляде сходство основных черт государственного строя и законов, например, Хеттского, Митанийского, Урартского царств с сохранившимся до настоящего времени т.н. обычным правом кавказских народов (абхазо-адыгских и нахско-дагестанских[14]) уже сегодня позволяет утверждать, что государственное устройство нахов в I тысячелетии до н.э. во много было аналогично государственному строю стран Малой и Передней Азии.

По-видимому, нахское государственное объединение I тысячелетия до н.э. следует рассматривать как общество, управляемое верховным правителем (царем) совместно с *Советом страны(Мехк-кхел)*, состоящим из представителей общинной (кровнородственно-территориальной) и племенной знати. Активное участие в общественной жизни государства принимал народ,и власть верховного правителя была ограничена властью *Совета страны*. Нахский Махк-кхел яв-

[12] Там же. С. 195.

[13] Агларов М. Кавказская цивилизация: историко-культурный контекст... С. 291; Мирцхулава Г., Чиковани Г. Некоторые вопросы становления Куро-Араксской культуры // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа» Тбилиси, 25–27 июня 2009 г. Тб., 2010. С. 198–200. Учитывая, что этот путь развития зародился именно в недрах общества хуррито-урартских и хаттских народов, относимых к кавказской языковой семье, в пору называть его «кавказский путь развития».

[14] Свидетельством тому служить функционирование института *Совета страны*, *Совета старейшин* с сохранением его общественно-политической роли у кавказских народов до настоящего времени, в том числе и у тех народов, которые, имели древнюю государственность и на протяжении тысячу лет жили в рамках самостоятельного государства.

лялся, вероятно, высшим органом власти, в котором была представлена знать из всех крупных общин и который, осуществляя государственные функции, играл значительную роль в жизни страны. Мехк-кхел вместе с правителем-царем, его родичами и приближенными, а также родовой и общинной знатью, составлявшей на местах Советы старейшин, которые выполняли функции среднего звена администрации, создавали жизнеспособную государственную систему, где в совокупности были представлены все члены общества и были выработаны ясные и четкие механизмы взаимодействия между ними. Именно установление правил – законов, нравственных норм общежития, следует понимать под всеобъемлющей ответственностью государства, причем с государством здесь сотрудничают и общество, и группы, и каждый человек.

Безусловно, стремление верховных правителей (царей) нахского государства к установлению самодержавной власти имело место. Находящийся в нашем распоряжении материал дает некоторые основания предполагать, что характер верховной власти в нахском государственном объединении был наследственным (от отца к сыну) и что власть эта была закреплена за конкретным родом, таким образом, возможно, была основана *царская* династия Адирмахидов. Однако вряд ли нахские правители властвовали единолично и обладали монополией на власть – скорее всего,будучи сакрализованными персонами, Адирмахиды (*обладатели мощи (бога) солнца* или Дурдзуки – *сыновья (бога) солнца*) являлись фигурами, которые консолидировали и объединяли все нахское общество. По-видимому, верховный правитель (царь) нахов – *сын (бога) солнца*, являлся посредником между верховным богом Малхом и своими подданными и обеспечивал, благодаря своим сакральным способностям, безопасность, стабильность и процветание общества, объединял социальные коммуникации в единую сеть.

Надо полагать, что нахский правитель выступал одновременно в роли представителя верховного бога, осуществляя его волю и деяния, и верховного *жреца-пастыря*. Здесь также усматривается явное сходство с Урартским царством, где сохранялись единство потестарно-политического и религиозного восприятия власти и теофорная форма власти, при которой царь являлся также и верховным жрецом.Учитывая роль племен, переселившихся с территории Урарту, в становлении нахского государства (см. выше), такое сходство вполне объяснимо.

Из-за отсутствия каких-либо сведений остается пока неразрешенным вопрос о местоположении столицы нахского государственного объединения. Вместе с тем, если учитывать нахские этногенетические предания, то почти во всех дошедших до нас их вариантах имеется однозначное указание на местность Татартуп как на исходную точку на Кавказе, откуда расселились нахи, и это дает определенное направление для поиска столицы Нахаматии. Древний город, известный ныне как *Татартуп* (или *Верхний Джулат*), находился в центральной части Кавказа, на берегах Терека, т.е. в центре нахского государства. Здесь, у Эльхотовских ворот (или в *Теснине аргов*) скрещивались дороги, шедшие с севера на юг (через Дарьял на Южный Кавказ) и с востока на запад (из Средней Азии к Черноморскому побережью и на Боспор). С древним городом, располагавшимся в этом месте и позднее, в средневековый период, известном как *Татартуп*, связано множество легенд,

преданий и поверий, его руины окружены ореолом таинственности и хранят еще немало загадок[15]. Все это делает данную местность более предпочтительной для будущих археологических раскопок, связанных с поиском столицы Нахаматии.

Хотя сведения о том, как называлась столица нахского государства, не сохранились, не исключено, что в названии главного города Нахаматии нашло отражение имя верховного бога (Малх, Матх, Мага, Марх), что было характерно для древних государств. В связи с этим привлекает внимание название столицы средневекового Аланского царства – *Магас*, воссозданное и в названии столицы современной Ингушетии. Не вдаваясь в анализ существующих в научной литературе противоречивых мнений по вопросу этимологии слова *Магас*[16] и, конечно, ничего не предрешая, хотелось бы обратить внимание на очевидное сходство имени *Мага(с)* с именем общенахского верховного бога – *Малх (Матх, Мага, Марх)*. Как в государстве Нахаматия, существовавшем на Центральном Кавказе в I тысячелетии до н.э., так и в зародившемся в I тысячелетии н.э. практически на той же территории государственном объединении, известном уже как *Алания*, официальным верховным культом был культ бога солнца, что делает такое сопоставление оправданным. Конечно, на основании лишь определенного сходства между именем официального высшего божества нахского государства и названием столицы Аланского царства, возникшего спустя почти тысячи лет, довольно сложно рассматривать Аланию как продолжателя государственных традиций Нахаматии, и ответить на вопрос о вероятной преемственной связи Нахаматии с Аланией можно будет лишь после дальнейших исследований в этом направлении.

Кратко подытоживая вышеизложенное, следует указать, что I тысячелетие до н.э. предстает перед нами как один из важнейших этапов многовековой истории нахов. Образование и существование на протяжении длительного времени на Кавказе могущественного нахского государственного объединения, помимо прочего, содействовало упрочению этнической общности людей, объединенных единством происхождения, территории, языка, культуры. В I тысячелетии до н.э. на территории Центрального Кавказа, в рамках государственного объединения Нахаматия сложилась общность населения, материальная и духовная культура которой имела ярко выраженные отличительные особенности, выделявшие ее из числа соседних этнических групп. Важно подчеркнуть, что эта общность осознавала себя как единое целое и так же воспринималась окружавшими ее иными этническими общностями, о чем свидетельствует наличие единого самоназвания и единых иноназваний. То есть, мы имеем дело с исторически сложившейся территориальной, биологической, языковой и культурной общностью людей, осознающих себя как единое целое и потому известных под одним общим именем. Исходя из современного понимания этногенеза, мы имеем дело с народностью – хоть и находящейся еще в процессе формирования и не полностью слившейся в единое целое, но уже осознающей себя единым целым, называющей себя единым этнонимом и так же, как единое целое, воспринимающейся окружающими ее народами.

---

[15] См.: Кузнецов В.А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974. С. 34.

[16] См.: Кузнецов В.А. Очерки истории алан. С. 161.

Надо полагать, что процесс сближения материальной и духовной культур нахских племенных групп протекал на протяжении длительного времени, начиная со второй половины II тысячелетия до н.э. К середине I тысячелетия до н.э., уже в рамках такого консолидирующего фактора, каким являлось государственное объединение Нахаматия, этот процесс, по-видимому, вышел на качественно новый уровень. В этот период создаются благоприятные условия не только для формирования нахской народности в результате экономического, политического и культурного сближения нахских племен, но и для ассимиляции некоторых входивших в состав нахского государства ненахских племен.

Несомненно, на социально-экономическую, политическую, культурную жизнь нахов, соответственно, и на процесс образования нахской народности, огромное влияние оказали южнонахские и родственные нахам хуррито-урартские племена, которые, органически слившись с нахскими племенами Центрального Кавказа, способствовали созданию этнической общности нового качества. Немалую роль здесь сыграли, вероятно, и периодически проникавшие из степей этнические группы, которые смешивались с нахским этносом.

Таким образом, в I тысячелетия до н.э. на Центральном Кавказе в рамках государственного объединения *Нахаматия* шел сложный процесс формирования нахской народности, которая имела исторически устойчивую территорию, свой язык, определенную общность культуры и экономических связей. Имела формировавшаяся народность и еще один важный признак – единое самоназвание и иноназвание. Представляется, что именно в эпоху могущества нахского государственного объединения, в середине I тысячелетия до н.э., нахи достигли того высокого уровня этнической консолидации, который, выдержав все перепитии истории последующих столетий, сохранен до наших дней. К этому периоду восходит, скорее всего, и развитие нахского этнического самосознания – сознания принадлежности к единому нахскому народу. Видимо, в то время были выработаны те основные черты культурного и политического самосознания, которые характеризовали нахов как самостоятельный этнос в течение всех последующих веков. Несмотря на то, что после падения нахского государственного объединения (ок. 210 г. до н.э.) процесс становления единого нахского народа был прерван и полное слияние нахских племен не было завершено, осознание себя единой этнической общностью, принадлежащей к нахскому этносу, и обособление от других, ненахских, народностей сохранилось у нахов по сей день.

Сохранилось, прежде всего, общенахское самосознание, опирающееся на историческую память об общем происхождении и общей истории, сохранился – несмотря на образование диалектов, а затем и двух литературных языков (чеченский и ингушский) – общий культурный язык, осталось неизменным осознание этнополитической общности. Несомненно, процесс консолидации нахов с разной степенью интенсивности продолжался и в последующие периоды, но прочное духовное единство и единое самосознание, вероятнее всего, сложились именно во времена государственного объединения, в I тысячелетии до н.э. Помимо прочего об этом свидетельствует сохранившееся до сегодняшнего дня общее самоназвание *нах*, одинаковое для двух нахских народов – ингушей и чеченцев,

и это притом, что этнонимы, использовавшиеся соседними народами для обозначения нахов и нахского государства, давным-давно, после распада государственного объединения, исчезли.

На протяжении тысячелетий подвергаясь постоянному давлению как с юга, так и с севера, нахи тем не менее смогли создать, сохранить и развить собственную, глубоко своеобразную культуру, в которой органически слились древнейшие традиции и внешние влияния, освоенные и переработанные таким образом, что стали важнейшей составной частью не только кавказской, но и мировой культуры. Жизненность культурных традиций – одна из самых поразительных и ярких особенностей этнокультурной истории нахов, отмечаемая многими исследователями. Весь имеющийся в нашем распоряжении материал свидетельствует о том, что на протяжении тысячелетий влияние никаких других культур не смогло приостановить развитие нахской культуры и никакое нашествие не смогло эту культуру уничтожить. В последующие периоды, сформировавшиеся в древности особенности нахской культуры не только не исчезли, напротив, получили дальнейшее развитие, заняв в настоящее время достойное место в сокровищнице мировой культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абаев В. И. Геродотовские skytnaigeorgoi // Вопросы языкознания. № 2. М., 1981.
2. Абаев В. И. Дохристианская религия алан // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1960.
3. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958; Т. II. Л., 1973.
4. Абаев В. И. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев // Язык и мышление. Т.1. Л., 1933.
5. Абаев В. И. Осетино-вайнахские лексические параллели // Известия ЧИНИИ. Т. 1, вып. 2. Грозный, 1959.
6. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.
7. Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Владикавказ, 1967.
8. Абаев М. К. Балкария: исторический очерк // Мусульманин. №14–17. Париж, 1911.
9. Абаев В. И. Armeno-ossetica. Типологические встречи // Конференция по вопросам взаимоотношения и развития языков Закавказья. Ереван, 1977.
10. Абдоков А. И. Введение в сравнительно-историческую морфологию абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик, 1981.
11. Абдоков А. И. Глагольные превербы западно-кавказских и падежные форматы восточно-кавказских языков // Система превербов и послеслогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983.
12. Абдоков А. И. К вопросу о генетическом родстве абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик, 1976.
13. Абдоков А. И. О звуковых и словарных соответствиях северокавказских языков. Нальчик, 1983.
14. Абдушелишвили М. Г. Материалы к краниологии Кавказа // Тр. Ин-та экспериментальной морфологии АН Груз. ССР. Т. 5. Тб., 1957.
15. Абдушелишвили М. Г. Антропология древнего и современного населения Кавказа // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
16. Абдушелишвили М. Г. Антропология населения Кавказа в раннефеодальном и эллинистическом периоде // Материалы к антропологии Кавказа. VI. Тб., 1978.
17. Абдушелишвили М. Г. Генезис горно-кавказских групп в свете данных антропологии // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
18. Абдушелишвили М. Г. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тб., 1966.

19. Абдушелишвили М. Г. К палеоантропологии Самтаврского могильника. Тб., 1954.
20. Абегян М. Х. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975.
21. Абегян М. Х. Труды. Т. I. Ереван, 1966; Т. VIII. Ереван, 1985.
22. Абраамян А. Научные труды армянского ученого VII в. Анания Ширакаци (на арм. языке). Ереван, 1944.
23. Абрамова М. П. Вопросы историографии и проблемы археологии Центрального Предкавказья сарматского времени // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Ставрополь, 1990.
24. Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА, № 2, 1979.
25. Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре // СА, № 1, 1981.
26. Абрамова М. П. К вопросу об раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
27. Абрамова М. П. Кочевые ираноязычные племена Предкавказья по археологическим данным // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1988.
28. Абрамова М. П. Некоторые особенности материальной культуры сарматов Центрального Предкавказья // Проблемы истории и культуры сарматов (тезисы докладов международной конференции). Волгоград, 1994.
29. Абрамова М. П. Некоторые особенности погребений III–I вв. до н.э. предгорной зоны Центрального Предкавказья // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
30. Абрамова М. П. Некоторые особенности развития культуры населения западных и центральных районов Предкавказья сарматского времени // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1992.
31. Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972.
32. Абрамова М. П. О некоторых критериях выделения памятников алан на Северном Кавказе // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения (тезисы докладов). М., 1996.
33. Абрамова М. П. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
34. Абрамова М. П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и новых веков н.э. // Археологические исследования на юго-востоке Европы. М., 1974.
35. Абрамова М. П. Письменные источники о кавказских аланах // IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979.
36. Абрамова М.П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА, № 2, 1974.
37. Абрамова М. П. Подкумский могильник. М., 1987.
38. Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.

39. Абрамова М. П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи евроазиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
40. Абуладзе Ю. И. К этимологии термина «гурджи» (на груз. яз.) // За марксистское языкознание. Юбилейный сборник, посвященный сорокапятилетней научной деятельности академика Н.Я. Марра. Тифлис, 1934.
41. Агатангелос. История Армении (на древнеарм. яз.). Тифлис, 1909.
42. Агафий. О царствовании Юстиниана. М.,1953.
43. Агеева В. А. Происхождения имен рек и озер. М., 1985.
44. Агларов М.Кавказская цивилизация: историко-культурный контекст // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси – Гори – Батуми, 27–30 сентября 2010. Тб., 2011.
45. Аджарян Г. Коренной этимологический словарь армянского языка (на арм. яз.). Т.1. Ереван, 1973.
46. Адонц Н. Г. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971.
47. Айтберов Т. М. Нахоязычный район Мосок в XVI – начале XIX в. (локализация и политические связи) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984.
48. Акишев К. А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
49. Акопян А. А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.
50. Акритас П. Г. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Т. XVI. Нальчик, 1959.
51. Алборов В. А. Легендарное колесо нартских сказаний // ИСОНИИ. Т. 27. Орджоникидзе, 1968.
52. Алборов В. А. Осетинские нартские сказания о Созрыко и Гумском человеке // Ученые записи Сев.-Осет. пед. ин-та. Т. 23, вып. 3. Орджоникидзе, 1958.
53. Алексеев В. П. Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта // Антропологический сборник. Т. IV. М., 1963.
54. Алексеев В. П. Антропологические данные о происхождении осетинского народа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
55. Алексеев В. П. Итоги изучения палеоантропологии Кавказа // ИФЖ. № 2. Ереван, 1963.
56. Алексеев В. П. О структуре и древности кавкасионского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
57. Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М., 1974.
58. Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986.
59. Алексеев В. П., Беслекоева К.Х. Краниологическая характеристика

средневекового населения Осетии // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА СССР, № 114, 1963.
60. Алексеев М. Е., Тестелец Я.Г. «Северокавказский этимологический словарь» и перспективы кавказской компаративистики // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1996.
61. Алексеев С.В., Инков А. А. Скифы: исчезнувшие владыки степей. М., 2010.
62. Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.
63. Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // УЗЛГУ. Т. 85, вып. 13. Л., 1949.
64. Алексеева Е. П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск, 1976.
65. Алемань Агусти. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
66. Алиев И. Г. История Мидии. Баку, 1960.
67. Алиев И. Г. Кавказская Албания. Баку, 1974.
68. Алироев И. Ю Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990.
69. Алироев И. Ю. Астрономическая терминология в вайнахских языках. АЭС. Т. 4. Грозный, 1976.
70. Алироев И. Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978.
71. Алироев И. Ю. Нахско-осетинские контакты. URL: http://www.iriston.com /nogbon /news. php?newsid=190%29
72. Амиранишвили А.И. Греческие надписи музея Грузии. Bull. duMusee de Georgie. IV, 1928.
73. Амиранишвили Ш. Я. Древнейший образец грузинской рельефной скульптуры (на груз. яз.) // Известия музея Грузии. Вып. XII. Тб., 1944.
74. Амиранишвили Ш.Я. История грузинского искусства. Т. 1. Тб., 1950.
75. Ананикян М. Мифы Армении. М., 2010.
76. Анания Ширакаци. Избранные труды (на арм. яз.). Ереван, 1979.
77. Андреев Ю. В. Крито-микенский мир // История Древнего мира. Т. I. М., 1983.
78. Андреев Ю. В. Ранние формы урбанизации // ВДИ, № 1, 1987.
79. Андроникашвили М.К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям (на груз. яз). Тб., 1966.
80. Античная география. М., 1953.
81. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
82. Анфимов Н. В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.
83. Анфимов Н. В. К вопросу о восточной границе меотских племен и центре сиракского союза в Прикубанье // IX Крупновские чтения по археологии Кавказа. Элиста, 1979.
84. Анфимов Н. В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, 1949.
85. Анфимов Н.В. К вопросу о сарматизации Прикубанья // V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975.

86. Анфимов Н. В. Племена Прикубанья в сарматское время // СА, вып. 28, 1958.
87. Анчабадзе Г. З. Вайнахи. Тб., 2001.
88. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. Тб., 1959.
89. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
90. Анчабадзе З. В. К вопросу о времени и условиях возникновения нартского эпоса. Выступление на Всесоюзной научной конференции нартоведов в Сухуме в ноябре 1963 г. / Избранные труды. Т. II. Сухум, 2011.
91. Анчабадзе З.В. Очерки истории народов Северного Кавказа в средние в.. Ч. I (VI–VIII вв.) Тб., 1982.
92. Апакидзе А., Гобеджишвили Г., Каландадзе А., Ломтатидзе Г. Археологические памятники Армазисхеви // Мцхета. Т. 1. Тб., 1955.
93. Аппиан. Римские войны. М., 1994.
94. Аракелян Б. Н., Джаукян Г., Саркисян Г. К. К вопросу Урарту-Армения // ИФЖ, № 1, 1987.
95. Ардзинба В.Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
96. Ардзинба В. Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. М., 1985.
97. Ардзинба В. Г. О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры Древней Анатолии // Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.
98. Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
99. Армянская География VII в. по Р.Х. (приписываемая Моисею Хоренскому). СПб., 1877.
100. Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы. Аланы в раннесредневековой истории Чечено-Ингушетии. Баку, 2002.
101. Арсанукаев Р. Древности вайнахов и аланская проблема // XVI Крупновские чтения. Ставрополь, 1990.
102. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
103. Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
104. Арутюнов С. А. Языки народов Кавказа // Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство. М., 1994.
105. Арутюнов С. А., Хазанов А.М. Проблема археологических критериев этнической специфики // VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Орджоникидзе, 1978.
106. Арутюнян Б. А. «Ашхарацуйц» и проблема четырех Армений (на арм. яз.). Ереван, 1997.
107. Арутюнян Б. А. Административное деление закавказских владений Сасанидского Ирана согласно труду Елишэ // Кавказ и Византия. Вып. 1. Ереван, 1979.
108. Арутюнян Б. А. Армения по «Ашхарацуйцу». Карта (на арм. яз.). Ереван, 2004.

109. Арутюнян Б. А. Атлас истории Армении (на арм. яз.). Ч. 1. Ереван, 2004.
110. Арутюнян Б. А. Когда отсутствует научная добросовестность // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинции Армении. Т. I. Ереван, 1991.
111. Арутюнян Б. А. Область Гугарк Великой Армении по «Ашхарацуйцу» (на арм. яз.) // Вестник Ереванского университета. № 2. Ереван, 1977.
112. Арутюнян Б. А. Система административно-территориального деления царства Великой Армении по «Ашхарацуйцу» (на арм. яз.). Ереван, 2001.
113. Арутюнян Н. В. К чтению и интерпретации Урартской надписи из Лчашена // Культурное наследие Востока. М., 1985.
114. Арутюнян Н. В. Топонимика Урарту. Ереван, 1985.
115. Астемиров В. Люди волка URL: http://www.adamalla.com/showthread.php?t=443&s=baf5d4c9a08%20ac1841e147b9572%200c813c
116. Афанасьев Г. К проблеме высокогорного террасного земледелия на Центральном Кавказе // Международная научная конференция «Археология, этнография, фольклористика Кавказа» 27–30 сентября 2010 г. Тбилиси – Гори – Батуми, 2011.
117. Ахмадов Я. З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в.. М., 2001.
118. Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ, вып.8, 1876.
119. Ахундов Т. О связях Майкопской традиции с Южным Кавказом и Ближним Востоком. Археология, этнология, фольклористика Кавказа, Махачкала, 2007.
120. Ачугба Т.А. К интерпретации одного сообщения Леонти Мровели о расселении эгрисцев // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. III абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2013.
121. Ашхарацуйц Вардана Вардапета (на древнеарм. яз.). Париж, 1960.
122. Ашхарацуйц Мовсеса Хоренаци (на древнеарм. яз.). Венеция, 1881.
123. Бабахян Л. О. К вопросу о некоторых пранахских топонимах и этнонимах Передней Азии, Закавказья и Северного Кавказа // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984.
124. Багаев М. Х. Правайнахи и их связи с кочевниками Северного Кавказа // XV Крупновские чтения. Махачкала, 1988.
125. Багаев М. Х. Гипотезы о происхождении чеченцев и ингушей // VIII Крупновские чтения. Нальчик, 1978.
126. Багаев М. Х. Культура горной Чечни и Дагестана. М., 2008.
127. Багаев М. Х. Место ландшафта Кавказа в истории автохтонов и номадов // Археологические памятники раннего железного в. юга России. М., 2004.
128. Багаев М. Х. Некоторые черты материальной культуры вайнахских племен в раннем средневековье // МАДИСО. Т. 3. 1975.

129. Базоркин М. М. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002.
130. Бакаев Х. М. Расселение вайнахов в горах и на равнине: факты и домыслы // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996.
131. Бакаев Х. М.Дурдзук, сын Тирета, потомок Кавказа. URL:http://ghalghay.com/2010/03/09
132. Барамидзе А. А. К уточнению одного сообщения в произведении Леонтия Мровели // Источниковедческие разыскания. Тб., 1972.
133. Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тб., 1957.
134. Батчаев В. М. Кобанские кинжаловидные подвески // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980.
135. Бгажба О. Х. У истоков древней металлургии // Башкапсарский всесоюзный полевой семинар. Тезисы докладов. Сухуми, 1988.
136. Бгажба О. Х., Терехова Н.Н. Железообрабатывающее производство у племен колхидской и кобанской культур // XV Крупновские чтения. Махачкала, 1988.
137. Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка (исследования и тексты). Тб.,1964.
138. Белинский А., Дударев С., Харке Х. Из опыта социального ранжирования мужских погребений предскифской эпохи могильника Клин-Яр III (в контексте международных событий VIII–VII вв. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние в.. Материалы X международной научной конференции 29 мая – 3 июня 2001 г. Ростов н/Д, 2002.
139. Белинский А. Б. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА, № 4, 1990.
140. Белинский А. Б. Могильник Клин-Яр III как источник по изучению культуры населения Кавминвод в раннем железном веке. Автореферат диссертации на соискание учен. степ. канд. ист. н. М., 2004.
141. Белинский А. Б., Дударев С.Л. О некоторых редких предметах вооружения «предскифского» времени из могильника Клин-Яр III // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки (материалы и исследования по археологии России – 3). М., 2001.
142. Белков П. Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.
143. Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971.
144. Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии. Ч. 1. Тб., 1946.
145. Бердзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии. Т. VIII. Тб., 1975.
146. Березин Я. Б. К вопросу о кочевничестве сарматских племен в Центральном Предкавказье (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.

147. Березин Я. Б. Работы в Предгорном районе Ставропольского края. Археологические открытия 1981 года. М., 1983.
148. Березин Я. Б., Виноградов В.Б. Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988.
149. Берже А. П. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь на 1860 год. Тифлис, 1859.
150. Берлизов Н.Е. Поздние скифы на северном Кавказе // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (12–15 апреля 2001 г.). Ставрополь, 2001.
151. Берлизов Н. Е. Сарматы в Предкавказье – некоторые аспекты исследования // XIX Крупновские чтения. Актуальные проблемы по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1996.
152. Берлизов Н.Е. Хронология и хронография Азиатской Сарматии // Проблемы истории и культуры сарматов (тезисы докладов международной конференции). Волгоград, 1994.
153. Бетрозов Р. Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998.
154. Бетрозова М.А. Религиозные верования адыгов // Материалы II международного конгресса кавказоведов. Тб., 2010.
155. Биягов Л. Н. К вопросу об интерпретации «Халди и Арубани-Багбарту» // ВОН, № 11, 1974.
156. Богаевский Б. Лукиан из Самосаты // Лукиан. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1935.
157. Болтунова А. И. Возникновения классового общества и государственной власти в Иберии // ВДИ, № 2, 1956.
158. Болтунова А. И. К вопросу об Армази // ВДИ, № 2, 1949.
159. Болтунова А. И. Об этническом составе эллинистической Иберии по данным литературной традиции // КСИИМК. XXIV. 1949.
160. Болтунова А. И. Описание Иберии в «Географии» Страбона // ВДИ, № 4, 1954.
161. Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока VII – середины XIII в. М., 1984.
162. Бондаренко Д. М., Коротаев А.В., Крадин Н.Н. Введение: Социальная эволюция, альтернативы и номадизм // Кочевая альтернатива социальной эволюции: серия «Цивилизационное измерение». Т. 6. Москва, 2002.
163. Боузек Я. Г. Кавказ, Греция и Гальштатская Европа в VIII–VII вв. до новой эры // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тб., 1981.
164. Брагвадзе З., Капанадзе Н. Верхняя Имерети в политическом пространстве Грузии раннего средневековья (на фоне письменных источников и археологических данных). Тб., 2010.
165. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

166. Бунак В. В. Антропологическое изучение чечено-ингушского народа // Грозненский рабочий. 5, VII, 1935.
167. Бунак В. В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 14. М.-Л., 1953.
168. Бунятов Гр. Памятники древности в окрестностях селения Баш-Шурагел // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XIII. Тифлис, 1892.
169. Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». Сухум, 2001.
170. Бэнэцяну Влад.Некоторые вопросы этногенеза армян // ИФЖ, № 2, 1961.
171. Вагапов Я. С. Вайнахи и сарматы. Грозный,1990.
172. Вагапов Я. С. Лингвистические данные о местоположении и происхождении названий аланских городов Магас и Дедяков // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984.
173. Вагапов Я. С. Некоторые нахские топонимы и этнонимы с корнем «А» // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980.
174. Вагапов Я. С. Проблема происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996.
175. Ван дер Влит Э. Ч. Л. Полис: проблема государственности // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.
176. Ванеев З. Н. Народное предание о происхождении Осетии (к проблеме общественного строя Овского царства) // Nartamonga. Журнал Алано-Осетинских исследований: эпос, мифология, язык, история. № 1, 2. Владикавказ, 2009.
177. Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бесточных водоёмов в палеовремя. М., 1987.
178. Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Тб., 1976.
179. Вахушти. География Грузии // ЗКОРГО, кн. 24, вып. 5. Тифлис, 1904.
180. Видные деятели армянской культуры (V–XVIII вв.). Ереван, 1982
181. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды ЧИНИИ. Т. 7. Грозный, 1963.
182. Виноградов В. Б., Березин Я.Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н. э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
183. Виноградов В. Б. Античные источники и данные археологии скифо-сарматского времени в Центральном Предкавказье в свете проблемы этногенеза осетин // Происхождение осетинского народа. Владикавказ, 1967.
184. Виноградов В. Б. Глиняный штамп с городища Алхан-Кала // Древности Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976.
185. Виноградов В. Б. Задачи изучения античных нумизматических материалов в древностях Северного Кавказа // Античная цивилизация и вар-

варский мир (тезисы докладов V археологического семинара). Новочеркасск, 1996.
186. Виноградов В. Б. Источники изучения взаимоотношений вайнахских племен с сармато-аланскими (III в. до н.э. – V в. н.э.) // Материалы сессии 1964 г. в Баку (тезисы докладов). Баку, 1965.
187. Виноградов В. Б. К изучению находок античных монет в Центральном Предкавказье // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ, 1993.
188. Виноградов В. Б. К состоянию этнолингвистической атрибуции сарматов // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград, 1994.
189. Виноградов В. Б. Локализация Ахардея и сиракского союза племен (по письменным источникам) // СА, № 4, 1966.
190. Виноградов В. Б. Назревшие задачи изучения религиозных верований на Центральном Кавказе // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980.
191. Виноградов В. Б. Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон в этнокультурной истории центральной части Северного Кавказа // Этнокультурные проблемы бронзового в. Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985.
192. Виноградов В. Б. Новые данные об этнокультурных процессах у населения Чечено-Ингушетии в I тыс. до н. э. // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке» (тезисы докладов). Баку, 1985.
193. Виноградов В. Б. О путях древних культурных связей Центрального и Северо-Восточного Кавказа с южными областями в 1 тыс. до н. э. // Сборник студенческих докладов на 5 всесоюзной археологической конференции. М., 1960.
194. Виноградов В. Б. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам) // Труды ЧИНИИ. Т. IX. Грозный, 1964.
195. Виноградов В. Б. Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н.э. – I в. н.э. // СА, № 1, 1968.
196. Виноградов В. Б. Ранние сарматы и некоторые вопросы древней истории Предкавказья // Известия ЧИНИИ. Т. 6. Грозный, 1965.
197. Виноградов В. Б. Связи Центрального Кавказа и Восточного Предкавказья со скифо-сарматским миром // Проблемы скифской археологии. М., 1971.
198. Виноградов В. Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА, № 1, 1965.
199. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
200. Виноградов В. Б., Дударев С.Л., Бакаев Х.З. Ранние этапы этногенеза вайнахов // Тезисы докладов и сообщений Второй региональной научно-практической конференции. Грозный, 1985.
201. Виноградов В. Б., Нераденко Т. Н. К вопросу о южных связях кобанских

племен (бронзовое оружие и орудия труда) // Известия АН Груз. ССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Т.I. Тб., 1986.
202. Виноградов В. Б., Саламов А.А. Об одной попытке освещения грузино-вайнахских связей // Археолого-этнографический сборник. Т. VII. Вып. 1. Грозный, 1967.
203. Виноградов В. Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Известия ЧИНИИ. Т. 7. Вып. 1. Грозный, 1966.
204. Виноградов В. Б., Чокаев К.З. Иранские элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИ. Т. 7. Вып. 2. Грозный, 1966.
205. Виноградов Ю.Г. Задачи изучения античных нумизматических материалов в древностях Северного Кавказа // Античная цивилизация и варварский мир (тезисы докладов V археологического семинара). Новочеркасск, 1996.
206. Волкова Н. Г. Вайнахи в Закавказье // АЭС. Т. 4. Грозный, 1976.
207. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
208. Вольная Г. Н. Зооморфные предметы кобанской культуры из памятников бассейна реки Кубань // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009.
209. Вольная Г. Н. К вопросу о происхождении бронзовых фигурок оленя из памятников раннего железного в. на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа // Древность: историческое знание и специфика. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. Вып. IV. 14–16 декабря 2009 г. М., 2009.
210. Вольная Г. Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ, 2002.
211. Воронов Ю. Н. Западно-Кавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа («колхидско-кобанская культура») // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980.
212. Воронов Ю. Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998.
213. Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. I, 2006; Т. IV, 2013. Сухум.
214. Всеобщая история Вардана Великого. М., 1861.
215. Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014.
216. Габриелян Г. А. Армянские источники об аланах. Вып. 1–3. Ереван, 1985.
217. Габуев Т. А. Аланы, кто они. URL: http://www.darial-online.ru/2000_4/gabuev.shtml
218. Габуев Т. А. Ранняя история алан. Владикавказ, 1999.
219. Гаглоев Ю.С. Сведения «Армянской географии» VII в. об аланах // Известия СОНИИ. Т. 25. Орджоникидзе, 1966.
220. Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тб., 1967.

221. Гаглойти Ю. С. К изучению терминологии нартского эпоса // Известия ЮОНИИ. Вып. XIV. Цхинвали, 1965.
222. Гаглойти Ю. С. К проблеме появления алан на Северном Кавказе // Известия ЮОНИИ. Вып. XIII. Цхинвали, 1964.
223. Гаглойти Ю. С. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах / Составление и комментарии Ю. С. Гаглойти // Дарьял. №№ 1–4, 1999; №№ 1–3, 2000. Владикавказ.
224. Гаглойти Ю.С. Сведения грузинских письменных источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007.
225. Гаглойти Ю. С. Сведения Страбона о горцах эллинистической Иберии // Nartamonga. Журнал Алано-Осетинских исследований: эпос, мифология, язык, история. № 1, 2. Владикавказ, 2009.
226. Гагошидзе Ю. М. Из истории грузино-иранских взаимоотношений (Храм II–I вв. до н.э.) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
227. Гагошидзе Ю. М. Картли (Иберия) в V–I в.х до н.э. Автореферат диссертации на соискание учен. ст. док. ист. н. Тб., 1983.
228. Гагошидзе Ю. М. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья (на груз. яз.). Тб., 1964.
229. Гаджиев А. Г. Древнее население Дагестана по данным краниологии. М., 1975.
230. Гаджиев А. Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965.
231. Гаджиев М. С. К периодизации куро-араксской культуры на Северо-Востоке Кавказа // X Крупновские чтения. М., 1980.
232. Гаджиев М. С. Древний город Дагестана. М., 2002.
233. Гаджиев М. С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997.
234. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа (IV–X вв). Л., 1979.
235. Газдапустай Д. Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу. Автореферат диссертации на соискание учен. ст. канд. ист. н. Л., 1960.
236. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. Л., 1949.
237. Галаева В. Н. Работы Ставропольского музея на втором Татарском городище //АО. М., 2003.
238. Гамбашидзе О. С., Гамбашидзе И. О. Работы Месхет-Джавахетской экспедиции // Полевые археологические исследования в 1983 г. Тбилиси, 1986.
239. Гамкрелидзе Г. А. К истории Колхиды времен Азо-Фарнаваза (на груз. яз.) // Известия АН Грузинской ССР. № 3. 1985.
240. Гамкрелидзе Т. В. «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. М., 1964.
241. Гамкрелидзе Т. В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки // Вопросы языкознания, 1971. № 2.

242. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I, II. Тб., 1984.
243. Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаута в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тб., 1965.
244. Гамрекели В. Н. Двалы и Двалетия в I–V вв. н.э. Тб., 1961.
245. Ган К. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК, вып. 40, отд. 3. Тифлис, 1909.
246. Гвасалия Д. Г. Историческая география Восточной Грузии. Тб., 1991.
247. Гвоздецкий Н.А. Физическая география Кавказа. Ч. 1–2, М., 1958.
248. Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. 5. Л., 1930.
249. Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
250. Герасимова М. М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // Этнографическое обозрение, № 3, 1994.
251. Герни О. Р. Хетты. М., 1987.
252. Гернот Вильхельм. Древний народ хурриты. М., 1992.
253. Геродот. История. Л., 1972.
254. Головинский П. А. Заметки о Чечне и чеченцах // ССТО. Вып. 1. Владикавказ, 1878.
255. Головлев А. А. О комплексном природном районировании бассейна реки Сунжи для сельского хозяйства // Природа и природные ресурсы центральной части Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
256. Гольдштейн А. Ф. Башни в горах. Грозный, 1978.
257. Гольдштейн А. Ф. Еще раз об изучении памятников архитектуры в горах Северного Кавказа // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
258. Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975.
259. Горепекин Ф. И. Ингуши (ГIалгIай, фері, орстхой) (рукопись) // ПФА РАН, ф. 800, оп. 6, д160, л. 33.
260. Горепекин Ф. И. Труды. Составитель М.С.-Г. Албогачиева-Гадаборшева. СПб.-Магас, 2006.
261. Государственный музей Грузии. Институт рукописей. Ф. (А). №1469, л. 10-В-II (XIII в.).
262. Градин Н. Н. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.
263. Граков В. Н. Пережитки матриархата у савроматов // ВДИ, № 3, 1947.
264. Граков В. Н. Скифы. М., 1971.
265. Грен А. Исторические легенды чеченцев // СМОМПК, 1897. Вып. 22. Отд. 3.
266. Гублиа Р. К. Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках. Сухум, 2002.

267. Гулиа Д. И. История Абхазии. Собрание сочинений. Сухум, 1986. Т. 6.
268. Гулиа Д. И. История Абхазии. Сухум, 1925.
269. Гуляев В. И. Города-государства майя. М., 1979.
270. Гуляев В. И. Скипетр и держава: к вопросу о царской власти у древних майя. ВДИ, 1993, № 4.
271. Гумба Г. Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу» // Вестник Академии наук Абхазии. № 2. Сухум, 2007.
272. Гумба Г. Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли (Иберия) // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28-31 мая 2001 г. Сухум, 2004.
273. Гумба Г. Д. Заметки по этнонимике Южного Кавказа урартской эпохи // Абхазоведение. Вып. IV. Сухум, 2007.
274. Гумба Г. Д. Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках. Сухум, 1994.
275. Гумба Г. Д. К вопросу идентификации реки Эгрис-Цкали Джуаншера Джуаншериани // Абхазоведение. Вып. III. Сухум, 2004.
276. Гумба Г. Д. К вопросу об этнической принадлежности кавказских мосхов (масахов//месхов) // I международные Инал-иповские чтения. Сухум, 2011.
277. Гумба Г. Д. Кавказская Албания по «Ашхарацуйцу» Вардана вардапета (XIII в.) // Вестник общественных наук. № 9. Ереван, 1986.
278. Гумба Г. Д. Кавказские хоны по «Ашхарацуйцу» // Труды Абхазского государственного университета. Т. 5. Сухум, 1987.
279. Гумба Г. Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI в. Леонти Мровели // Абхазоведение. Вып. II. Сухум, 2003.
280. Гумба Г. Д. Об этнониме «нахчаматеанк» «Армянской географии» VII в. // История и филология древнего и средневекового Востока. М., 1987.
281. Гумба Г. Д. Цанары по «Ашхарацуйцу» (на арм. яз.) // Тезисы докладов XXI научной сессии Института истории АН Армянской ССР. Ереван, 1987
282. Гутнов Ф. Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989.
283. Гутнов Ф. Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001.
284. Давудов О. М. Об отождествлении античных географических названий с современными гидронимами Северо-Восточного Кавказа // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1992.
285. Далгат У. В. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1978.
286. Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
287. Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978.

288. Дебец Г. Ф. Антропологические типы // Народы Кавказа. Т. I (серия «Народы мира»). М., 1960.
289. Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. М., 1953
290. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и развития горских кавказских народов. М., 1963.
291. Джавахадзе Н. В. Грузино-вайнахские параллели в типологии систем родства // Кавказский этнографический сборник. VI. Тбилиси, 1986.
292. Джавахишвили И. А. Древнегрузинская историческая литература (на груз. яз.). Тб., 1945.
293. Джавахишвили И.А. История грузинского народа (на груз. яз.). Тб., 1948.
294. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей поры // ВДИ, 1939, № 4.
295. Джавахишвили Э.Н. Материалы к изучению времени становления и формирования кавкасионского типа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
296. Джалабадзе Н. Динамика грузино-вайнахских отношений. Чеченский феномен в грузинской действительности. Тб., 2006.
297. Джамирзаев С.М. Проблемы древней этнической истории Грузии и Кавказа (к древней истории нахских племен III–I тысячелетия до новой эры). Автореферат диссертации на соискание учен. ст. доктора. ист. н. Тб., 1999.
298. Джанашвили М. Книга Нимрода // СМОМПК. Вып. XXIX. Тифлис, 1901.
299. Джанашвили М. Г. Известия грузинских летописей // СМОМПК. Вып. XXVI. Тифлис, 1899.
300. Джанашвили М. Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. XXII. Тифлис, 1897.
301. Джанашвили М. Г. Приложение к этнографическому отделу Географии Вахушти. // Царевич Вахушти «География Грузии» // ЗКОРГО. XXIV. Вып. 5. Тифлис, 1904.
302. Джапаридзе О. М. Археология Грузии. Тб., 1991.
303. Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии (к вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры) // СА. Т. XVIII. 1953.
304. Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тб., 1961.
305. Джапаридзе О. М. К раннему этногенезу кавказских племен // Историко-филологические разыскания. № 1. Тб., 1980.
306. Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии (на груз. яз.). Тб., 1976.
307. Джапаридзе О. М. На заре этнокультурной истории Кавказа. Тб., 1989.
308. Джапуа З. Д. Абхазские и осетинские нартские сказания о Сасрыкуа/Сослане/Созырыко. (Опыт сравнительного указателя) // Материалы Международной научной конференции «Кавказоведение: опыт исследований» 13–14 октября 2005 г. Владикавказ, 2006.

309. Джапуа З. Д. Абхазские эпические сказания о Сосрыкуа и Абраскиле. (Систематика и интерпретация текстов. Тексты и переводы). Сухум, 2003.
310. Джаукян Г. Б. Армянский слой в урартском пантеоне // ИФЖ, № 1, 1986.
311. Джаукян Г. Б. Взаимоотношение индоевропейских, урартских и кавказских языков. Ереван, 1967.
312. Джаукян Г. Б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967.
313. Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1993.
314. Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тб., 1986.
315. Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991.
316. Дзидзариа О. П. Некоторые абхазизмы, представленные в картвельских языках // Международная научна конференция «Современные проблемы Кавказского языкознания и фольклористики». Сухум, 1999.
317. Дзиццойты Ю. А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003.
318. Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992.
319. Дидебулидзе З.Ш. Хроника Леонти Мровели как источник для изучения некоторых вопросов этногенеза северокавказских народов // Источниковедческие разыскания. Тб., 1984.
320. Дирр А. М. Современные названия кавказских племен // СМОМПК. Вып. 40. Тифлис, 1909.
321. Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1978.
322. Дорн Б. Каспий. Приложения к XXVI тому Записок АН. СПб., 1875.
323. Драсханакертци Ованес. История Армении (на древнеарм. яз.). Тифлис, 1912.
324. Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник («Картлис цховреба»). Грузинский оригинал и древнеармянский перевод с исследованием и вокабулярием издал Абуладзе И.В. Тб., 1953.
325. Дреер М. Помпей на Кавказе: Колхида, Иберия, Албания // ВДИ, № 1, 1994.
326. Дударев С. Л. О железорудных месторождениях Предкавказья (историко-археологический аспект) // Природно-ресурсный потенциал горных районов Кавказа. Грозный-Сочи, 1989.
327. Дударев С. Л. Об одной малоазийско-северокавказской археологической параллели VIII–VII вв. до н.э. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.).Доклады научной конференции. Тирасполь, 2002.
328. Дударев С. Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.
329. Дударев С. В. Социальный аспект раннего освоения железа в Центральном Предкавказье и в бассейне реки Терека (IX–VII вв. до н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.

330. Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир, 1999.
331. Дударев С. Л. Еще раз о времени появления на Кавказе шлемов асирийского типа // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 8-го археологического семинара. Краснодар, 13–15 июня 2001 г. Краснодар, 2002.
332. Дударев С. Л. О причинах миграции кобанских племен в предгорно-плоскостные районы в начале I тысячелетия до н.э. // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
333. Дударев С. Л. Об этнокультурной принадлежности памятников юго-восточной части бассейна р. Терек конца II – начала I тыс. до н.э. // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIII Крупновские чтения. М., 2004.
334. Дударев С. Л. Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне реки Терека (IX–VII вв. до н.э.). Автореферат диссерт. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. Киев, 1983.
335. Дударев С. Л. К изучению процессов межэтнического синтеза в Предкавказье в скифское время // Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпохи поздней бронзы – раннего железа. Армавир, 1997.
336. Дунаевская И. М., Дьяконов И. М. Хаттский (протохеттский) язык // Языки Азии и Африки. Т. III. М., 1979.
337. Дьяконов И. М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки. // Древний Восток: этнокультурные связи (Под ред. Г М. Бонгард-Левина, В. Г. Ардзинбы). М., 1988.
338. Дьяконов И. М. Алародии (хурриты, урарты, кутии, чеченцы и дагестанцы) // Алародии: этногенетические исследования. Махачкала, 1995.
339. Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.
340. Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту (АВИИУ) // ВДИ, № 2–4, 1951.
341. Дьяконов И. М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // ВДИ, 1952, № 4.
342. Дьяконов И. М. История Мидии. От древнейших времен до конца IV в. до н.э. СПб., 2008.
343. Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
344. Дьяконов И.М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н.э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ, № 2, 1981.
345. Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ, №№ 2, 3, 1982.
346. Дьяконов И. М. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам // ВДИ, № 2, 1951.
347. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.

348. Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тысячелетия до н. э. (по материалам Ура) // Древний Восток. Города и торговля (III–I тысячелетия до н. э.). Ереван, 1973.
349. Дьяконов И. М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М., 2007.
350. Дьяконов И. М. Типы этнических передвижений в ранней древности // Древний Восток. Вып. 4. Ереван, 1983.
351. Дьяконов И. М. Три корня этногенеза (к постановке вопроса) // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ, 1993.
352. Дьяконов И. М. Урартские письмена и документы. М., 1963.
353. Дьяконов И.М. Хетты, фригийцы и армяне // Переднеазиатский сборник. Вып. 1. М., 1961.
354. Дьяконов И. М. Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки // Древний Восток. Вып. 3. Ереван, 1978.
355. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
356. Дьяконов И. М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Материалы всесоюзной научной конференции. Орджоникидзе, 1989.
357. Дьяконов И. М., Якобсон В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // ВДИ, № 2, 1982.
358. Дьячков-Тарасов А. П. Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ // Новый Восток. № 28. М., 1930.
359. Дэвид Рол. Генезис цивилизации. М., 2005.
360. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
361. Егишэ. О Вардане и войне армянской. Перевод с древнеармянского акад. И. А. Орбели, подготовка к изданию, предисловие и примечания К. Н. Юзбашяна. Ереван, 1971.
362. Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961.
363. Ельницкий Л. А. Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ, № 2, 1938.
364. Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.
365. Еремян С. Т. Армения по «Ашхарацуйцу» (на арм. яз.). Ереван, 1963.
366. Еремян С. Т. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии VII в.» // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Москва (3–10 авг. 1964). Т. 8. М., 1970.
367. Еремян С. Т. Армения и сопредельные страны в 591–653 гг. Карта. Ереван, 1986.
368. Еремян С. Т. Великая Армения по «Ашхарацуйцу». Карта (на арм. яз.). Ереван, 1980.
369. Еремян С. Т. Государство Урарту. 860–590 гг. до н.э. Карта(на арм. яз.). Ереван, 1980.
370. Еремян С. Т. Гугарк и гугары (рукопись).

371. Еремян С. Т. Историческая среда формирования армянского народа (на арм. яз.) // Наука и техника. № 4. Ереван, 1985.
372. Еремян С. Т. К вопросу об этногенезе армян // Вопросы истории. № 7. 1952.
373. Еремян С.Т. Общность судеб и культурно-политическое содружество народов Закавказья в IX–XI вв. // Кавказ и Византия. Вып. 1. Ереван, 1979.
374. Еремян С. Т. Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца» (на арм. яз.) // ИФЖ, № 3, 1973.
375. Еремян С. Т. Политические отношения Валарша II с Римом и парфянами // ИФЖ, № 4, 1976.
376. Еремян С. Т. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт // ВДИ, № 4, 1967.
377. Еремян С. Т. Феодальное образование Картли в период марзбанства (532 – 627 гг.). Автореферат диссертации на соискание учен. ст. к. ист. н. Л. 1935.
378. Еремян С. Т. Царство Великой Армении в IV в. Карта (на арм. яз.). Ереван, 1979.
379. Есаян С. А. Амулеты, связанные с культом солнца из Армении // СА, № 2, 1968.
380. Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.
381. Ждановский А. М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988.
382. Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Л., 1953.
383. Житие св. Нино. Издание П. Карбелашвили. Тифлис, 1902.
384. Зыцарь Ю.В. Кавказско-ближневосточные связи баскского OLA «хижина», ALABA «дочь» // Кавказско-ближневосточный сборник. № 1. Тб., 1980.
385. Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.
386. Иванов Вяч. Вс. Об отношении хаттского языка к северо-западнокавказским. // Древняя Анатолия. М., 1985.
387. Иванов Вяч. Вс. Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики // ИФЖ, № 4, 1976.
388. Иванов Вяч. Вс. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах // Кавказ и Средиземноморье. Тб., 1989.
389. Иващенко М.М. Материалы к изучению культуры колхов // МИГК. Вып. 2. Тб., 1941.
390. Иессен А. А. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
391. Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. Вып. 120. М.-Л., 1935.
392. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь b-K. М., 1971.
393. Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

394. Ильинская В. А., Тереножкин А.И., Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.
395. Ильясов Л. Чеченский тайп: мифы и реалии // Вестник «Лам». № 4(8). Грозный, 2001.
396. Ильясов Леча. Культура чеченского народа. М., 2009.
397. Инадзе М. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии // Разыскания по истории Грузии и Абхазии. Тб., 2000.
398. Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум, 1976.
399. Инал-ипа Ш. Д. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов. (Опыт сравнительного изучения нартского эпоса) // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969.
400. Инал-ипа Ш. Д. О древних этнокультурных связях Западного Кавказа с Малой Азией // Всесоюзное археолого-этнографическое совещание (Самарканд, 1973 г.). Ташкент, 1973.
401. Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. Сухум, 1977.
402. Инанишвили Г., Майсурадзе, В., Гобеджишвили Г. Древняя бронза Кавказско-Переднеазиатского региона // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа». Тбилиси, 25–27 июня 2009 г. Тб., 2010.
403. Институт рукописей АН Груз. ССР. Ф. (А), № 1296, л.10-В-П.
404. Иоанн де Галонифонтибус. Книга познания мира // Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1979.
405. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 1997.
406. Иосиф Флавий. Иудейские древности. В 2-х томах. М., 1996.
407. Исмагилов Р. Б. Ранние скифы и Центральная Азия. Автореферат диссерт. на соиск. учен. ст. канд. ист. н. СПб., 1993.
408. История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми, 1991.
409. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин Ногмовым // Кавказский календарь за 1862 г. / Переиздано в «Избранных произведениях адыгских просветителей». Нальчик, 1980.
410. История Дагестана. Махачкала, 1996.
411. История епископа Себеоса. Пер. с древнеарм. яз. С. Малхасянца. Ереван, 1939.
412. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.. М., 1988.
413. История Себеоса / Критический текст, предисловие и комментарии Г.В. Абгаряна (на древнеарм. яз.). Ереван, 1980.
414. История армянского патриарха Святого Нерсеса Партева (на древнеарм. яз.). Венеция, 1853.
415. История великого армянского вардапета Левонда (на древнеарм. яз.). СПб., 1887.
416. Ихилов М. М. К вопросу о происхождении народностей дагестанской группы // Учен. зап. Даг. ФАН СССР. Т.19. Кн. 2. Махачкала, 1969.
417. К вопросу об исторической концепции Леонти Мровели (материалы дискуссии) // Вестник (Мацне). № 3. Тбилиси, 1968.

418. Кавтарадзе Г. К. К вопросу о расселении грузинских племен в Анатолии (на груз. яз.). Тб., 1958.
419. Каждан А. А. Вступит. статья в кн.: Лукиан. Избранные атеистические произведения. М., 1955.
420. Какабадзе С. Грамота царицы Тамары Великой на имя Гелати от 1193 г. // Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Т. III. 1925.
421. Какабадзе С. Н. К вопросу о столице Древней Картли (Иберии) Армази-Мцхета // Эллинистический Ближний Восток: Византия и Иран. М., 1967.
422. Какабадзе С.Н. Некоторые вопросы хронологии древней Картли по грузинским источникам // Палестинский сборник. 13/76, 1965.
423. Какабадзе С. Н. О племени цанар // Исторический сборник. Кн. 3. Тифлис, 1928.
424. Калдани А. М. К вопросу о классификации башенной культуры Чечни // Кавказский этнографический сборник. VI. Тб., 1986.
425. Калоев Б. А. Е. Г. Пчелина – ученый-кавказовед // Этнографическое обозрение, 2004, № 3.
426. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
427. Калоев Б. А. Осетино-вайнахские этнокультурные связи // КЭС. Вып. 9. М., 1989.
428. Калоев Б. А. Осетины. М., 2009.
429. Каменецкий И. С. Археологическая культура: ее определение и интерпретация // СА, № 2, 1970.
430. Каменецкий И. С. Ахардей и сираки // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов). Баку, 1965.
431. Каменецкий И. С. Меоты и другие племена Северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
432. Каменецкий И.С. Население Нижнего Дона в I–III вв н.э. Автореферат диссерт. на соиск. учен. ст. канд. ист. н. М., 1965.
433. Каменецкий И. С. О язаматах // Проблемы скифской археологии. М., 1971.
434. Каменецкий И. С. Один из факторов искажения погребального обряда // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 2000.
435. Кантариа М. Познание мира у вайнахов // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа», 25–27 июня 2009 г. Тбилиси, 2010.
436. Капанцян Г. История Урарту (на арм. яз.). Ереван, 1940.
437. Капанцян Гр. Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении. Ереван, 1940.
438. Капанцян Гр. Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947.

439. Карагезян Ов. Топонимика клинописи (на арм. языке). Ереван, 1998.
440. Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Вып. 29, 1901; Вып. 32, 1903; Вып. 38, 1908.
441. Карнейро Р. Л. Теория происхождения государства // Ранние государства, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.
442. Картлис цховреба (История Грузии). Грузинский текст, установленный по всем основным рукописям С.Г. Каухчишвили. Тб., 1955.
443. Кварчия В. Е. Об абхазских этнонимах «осетин» и «сван» // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1982.
444. Кекелидзе К. С. Вопросы классификации и географического распределения народов в древнегрузинской литературе (на груз. яз.) // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. I. Тб., 1945.
445. Кекелидзе К. С. Идея братства закавказских народов по генеалогической схеме грузинского историка XI в. Леонти Мровели (на груз. яз.) // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т.I. Тб., 1945.
446. Кекелидзе К. С. История грузинской литературы. Т. II. Тбилиси, 1958.
447. Кекелидзе К. С. Литературные источники Леонти Мровели // Вестник Тбилисского университета. III. Тб., 1923.
448. Келехсаев А. Аланы-овсы и Грузия. URL: http://iratta.com/2007/06/05/09alanyovsyi_ gruzija_
449. Керефов Б.М. К вопросу о сарматизации племен центральной части Северного Кавказа (I этап) // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980.
450. Керефов Б. М. К проблеме среднеазиатско-северокавказских этнических связей в сарматское время // XIV Крупновские чтения. Орджоникидзе, 1986.
451. Керефов Б. М. К этнической истории племен центральной части Северного Кавказа в сарматское время // VIII Крупновские чтения. Орджоникидзе, 1978.
452. Керефов Б. М. Культура племен Центрального Предкавказья в сарматское время (III в. до н.э. – III в. н.э.). Автореферат диссерт. на соиск. учен. ст. канд. ист. н. М., 1979.
453. Керефов Б. М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.
454. Кириченко В. В. Культурно-исторические процессы на территории Центрального Предкавказья в скифское время на материалах Ставрополья. Диссерт. на соиск. учен. ст. канд. ист. наук. Ставрополь, 2008.
455. Классен Х. Дж. М. Было ли неизбежным появление государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.
456. Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007.
457. Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры // СА, № 2, 1970.

458. Климов Г. А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.
459. Климов Г. А. О гипотезе внутреннего родства кавказских языков // Вопросы языкознания. № 6, 1968.
460. Кобычев В. П. Историческая интерпретация этногенетических преданий ингушей // Вопросы этнокультурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.
461. Кобычев В. П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977.
462. Ковалевская В. Б. Ареальный метод как оценка соотношения культурных традиций и новаций по северокавказским материалам I тыс. до н.э. // Всесоюзная археологическая конференция. Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы докладов. Баку, 1985.
463. Ковалевская В. Б. Географическая зональность Центрального Предкавказья и распределение основных памятников эпохи раннего средневековья // Душетская научная конференция, посвященная проблемам взаимоотношений между горными и равнинными регионами. Аннотации. Тб., 1984.
464. Ковалевская В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2005.
465. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984.
466. Ковалевская В. Б. Конь и всадник (пути и судьбы). М., 1977.
467. Ковалевская В. Б. Скифия, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Известия АН Груз. ССР. № 3. Тб., 1975.
468. Ковалевский С. А. Карта Птолемея в свете исторической географии Прикаспия // Известия Всесоюзного географического общества. Т 85. Вып. 1. М.-Л., 1953.
469. Кодзоев Н. Д. К вопросу об этнической принадлежности населения древней Колхиды // Вопросы истории Ингушетии. Вып. 9. Магас, 2012.
470. Козенкова В. И. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии // МАД, № 6, 1977.
471. Козенкова В. И. Восточнокобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1991 г. Махачкала, 1996.
472. Козенкова В. И. Кобанская культура Кавказа // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
473. Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1977.
474. Козенкова В. И. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. 2–5. М., 1989.
475. Козенкова В. И. Кобанская культура: вехи в столетнем исследовании

(XX век) // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000.
476. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
477. Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. М., 1998.
478. Козенкова В. И. Некоторые археологические критерии в этнографических исследованиях (на материалах кобанской культуры Кавказа) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
479. Козенкова В. И. О южной границе восточной группы кобанской культуры // СА, № 3, 1978.
480. Козенкова В.И. Об уточненных границах кобанской культуры // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIII Крупновские чтения. Тезисы докладов. М., 2004.
481. Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология) // САИ. Вып. В 2-5. М., 1995.
482. Козенкова В. И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001.
483. Козенкова В. И. Предметы из Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тыс. до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
484. Козенкова В. И. Рецензия на книгу В.Б. Виноградова «Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время» // СА, № 2, 1974.
485. Козенкова В. И. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир. Киев, 1975.
486. Козенкова В. И. Специфика некоторых атрибутов костюма древних «кобанцев» // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007.
487. Козенкова В. И. Традиционные направления, характер и формы межзональных коммуникаций носителей кобанской культуры в конце II – первой половине I тыс. до н. э. // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Ставрополь, 1990.
488. Козенкова В. И. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М., 2002.
489. Козенкова В. И., Мошинский А. П. Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н.э.) // Историко-археологический альманах. Вып.1. Армавир-М., 1995.
490. Козенкова В. И., Сосранов Р. С., Черджиев Э. Л. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии). Памятники предскифского и скифского времени на юге Вос-

точной Европы // Материалы и исследования по археологии России. № 1. М., 1997.
491. Кокиев Г. А. Склеповые сооружения Горной Осетии. Владикавказ, 1938
492. Коков Д. И. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.
493. Коков Д. И. К постановке вопроса о черкесской топонимии на Черноморском и Азовском побережьях // Уч. записки Кабардино-Балкарского университета. Т. 7. Нальчик, 1960.
494. Кондрашов А. В., Резепкин А.Д. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА, 1988. Вып. 193.
495. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
496. Кореневский С.Н. Галюгай I – поселение майкопской культуры. М., 1995.
497. Кореневский С. Н., Петренко В.Г., Романовская М.А. Анапская экспедиция в 1973–1984 гг. М., 1986.
498. Кореняко В. А., Найденко А.В. Погребения раннего железного в. в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край) // СА, № 3, 1977.
499. Коробов Д. С., Борисов А. В. О земледелии эпохи позднего бронзового – раннего железного в. в Кисловодской котловине // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный, 2011.
500. Коробов Д. С., Райнхольд С. Исследование поселений с симметричной планировкой в Кисловодской котловине. Сообщения Института Археологии РАН. URL: http://www.archaeolog.ru/?id=172
501. Коротаев А. В. Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М., 1997.
502. Коротаев А. В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) / Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
503. Коротаев А. В., Чубаров В.В. (отв. ред.) Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Вып.1–2. М., 1991.
504. Корюн. Житие Маштоца. История жизни и смерти блаженного мужа, святого вардапета Маштоца, нашего переводчика, [написанная] учеником его вардапетом Корюном. Ереван, 1962.
505. Корюн. Житие Маштоца. История жизни и смерти блаженного мужа, святого вардапета Маштоца, нашего переводчика, (написанная) учеником его вардапетом Корюном. Ереван, 1962
506. Косвен М. О. Амазонки. История легенды // СЭ. №№ 2, 3. 1947.
507. Косян А.В. Проблема восточных и западных мушков // ИФЖ, № 1, 2, 1996.
508. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (арабская версия). Издание и комментарии Н.Я. Марр. СПб., 1905.
509. Кривицкий В. В. Искусства древнего Северного Кавказа и художественные бронзы Луристана, Средней Европы. СПб., 2010.
510. Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА, 46, 1955.
511. Круглов А. П. Археологические работы на Северном Кавказе // КСИИМК. Вып. 4. М., 1940.

512. Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II – I тысячелетиях до н.э. // МИА, 68, 1958.
513. Крупнов Е. И. О происхождении и датировке кобанской культуры // СА, № 1, 1957.
514. Крупнов Е. И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // СА, № 1, 1964.
515. Крупнов Е. И. Археологические памятники верховьев Терека и Сунжи // Труды ГИМ. Вып. 37. М., 1947.
516. Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957
517. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960
518. Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // Материалы и исследования по археологии СССР. 23. М.-Л., 1951.
519. Крупнов Е. И. О походах скифов через Кавказ // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
520. Крупнов Е. И. Об уточнении датировки и периодизации кобанской культуры // СА, № 1, 1969.
521. Крупнов Е. И. Проблема происхождения осетин по археологическим данным // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
522. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
523. Ксенофонт. Анабасис. Перевод М.И. Максимовой. М.-Л., 1951.
524. Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
525. Кудрявцев А. А., Галаева В. Н. Раскопки оборонительного вала Татарского городища // Из истории народов Северного Кавказа. Сборник научных статей. Вып. 4. Ставрополь, 2001.
526. Кудрявцев А. А., Прокопенко Ю. А., Рудницкий Р. Р. Склеп № 2 Татарского 1 могильника // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь, 1999.
527. Кудрявцев А. А. К вопросу об этносоциальной принадлежности погребенных могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (12–15 апреля 2001 г.). Ставрополь, 2001.
528. Кудрявцев Е. А. Грунтовые погребения могильника №2 Татарского городища по материалам раскопок 2004 г. // Крупновские чтения. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008.
529. Кудрявцев Е. А. Причерноморский и Средиземноморский импорт в курганных склеповых погребениях Татарского городища (V–III в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов н/Д, 2009.
530. Кудрявцев Е. А. Раскопки склепового захоронения кургана № 3 второго

Татарского могильника // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 7. Ставрополь, 2006.
531. Кудрявцев Е. А. Фортификационная система Татарского городища // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008.
532. Кудрявцев Е.А., Галаева В. Н. Грунтовое погребение кобанского времени могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (12–15 апреля 2001 г.). Ставрополь, 2001.
533. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА СССР, № 106, 1962.
534. Кузнецов В. А. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) // Древности Северного Кавказа». М., 1999.
535. Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани (О новой концепции истории алан Северного Кавказа) // АЭС. Вып. 1. Нальчик, 1974
536. Кузнецов В. А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона / Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии России. № 1. М., 1997.
537. Кузнецов В. А. К вопросу о позднекобанской культуре Северного Кавказа // СА, № 2, 1959.
538. Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980.
539. Кузнецов В. А. Основные проблемы археологии Северной Осетии // Известия СОНИИ. Т. 15. Орджоникидзе, 1966.
540. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
541. Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974.
542. Кузнецов В. А. Рецензия на книгу В.Б. Виноградова «Сарматы Северо-Восточного Кавказа» // СА, № 4, 1964.
543. Кузнецов В. А. Слава древнего Кобана. Москва, 1974.
544. Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. СПб., 2008.
545. Куклина И. Н. Этнография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
546. Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Нартский эпос: язык и культура. М., 1998.
547. Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию // Материалы к археологии Колхиды. Т. I, Тб., 1949.
548. Куфтин Б.А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе // Антология советской археологии (1941–1956). Т. III, М., 1996.
549. Куфтин Б. А. Три этапа истории культурного и этнического формирования дофеодальной Абхазии // Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тб., 1949.
550. Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.
551. Кушнарева К. Х. Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М., 1994.

552. Кушнарева К. Х. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э.: Этапы культурного и социально-экономического развития. СПб., 1993.
553. Кушнарева К. Х., Рысин М. Б. Роль Кавказа в системе межрегиональных связей в древности // XIX Крупновские чтения. Актуальные проблемы по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1996.
554. Лавров Л. И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // СЭ, 1, 1958.
555. Лазарь Парпеци. История Армении и Послание к Вагану Мамиконяну (на древнеарм. языке). Тифлис, 1904.
556. Лайпанов К. Т., Мизиев И. М. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.
557. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 4, 1947; №№ 1–4, 1948; №№ 1–4, 1949.
558. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.1. Вып. 1–3. СПб., 1893 – 1900.
559. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. Вып. 1–2. СПб., 1904 – 1906.
560. Лаудаев Умалат. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872.
561. Лелюхин Д. Н. Проблема формирования социально-политической структуры раннего общества и государства по сведениям эпиграфики. Непал периода Личчхави // Государство на Древнем Востоке. М., 2004.
562. Летопись Картли. Тб., 1982.
563. Либеров П. Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // Население среднего Дона в скифское время. М., 1969.
564. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меотские древности VI–V вв. до н.э. Краснодар, 2012.
565. Липец Р. С., Серов С. Я. Предисловие к кн. «Этническая история и фольклор». М., 1977.
566. Ломоури Н. Ю. Возникновения Древнеиберийского (Картлийского) царства // Проблемы античной культуры. Тб., 1975.
567. Ломоури Н. Ю. К вопросу о методике использования некоторых античных и грузинских источников по истории древней Грузии // Источниковедческие разыскания. 1982. Тб., 1985.
568. Ломоури Н. Ю. Клавдий Птолемей. «Географическое руководство». Известия о Грузии // МИГК, № 82, 1955.
569. Ломоури Н. Ю. О «Политии фасисцев» Гераклида // ВДИ, № 3, 1988.
570. Ломоури Н. Ю. Очерки из истории Картлийского (Иберийского) царства. Тб., 1975.
571. Ломтатидзе К. В. О некоторых вопросах происхождения и локализации абхазов // Манатоби. №12. Тб., 1956.
572. Лордкипанидзе Г. А. Парадигма «Запад – Восток» и Античная Грузия // Конфликты на Кавказе: история, современность и перспективы урегулирования. Баку (Азербайджан) 22–23 октября 2012 г., Тбилиси (Грузия) 25–26 октября 2012 г. Тб., 2012.

573. Лордкипанидзе О. Д. Античный мира и Восточное Причерноморье (Колхида, Иберия) // Кавказ и Средиземноморье. Тб., 1980.
574. Лордкипанидзе О. Д. Вани в IV–III вв. до н.э. (Об инновациях в материальной культуре) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тб., 1985.
575. Лордкипанидзе О. Д. Городище Вани в общеколхидском контексте // ВДИ, 1991, № 1.
576. Лордкипанидзе О. Д. Наследие древней Грузии. Тб., 1989.
577. Лордкипанидзе О. Д. Некоторые результаты новейших археологических исследований в Грузии // Историко-филологические разыскания. Ч. I. Тб., 1980.
578. Лордкипанидзе О. Д. Об идущей в античную эпоху из Индии к Черному морю торгово-транзитной дороге // Сообщения АН Груз. ССР. Т. XIX. № 3. Тб., 1957.
579. Лордкипанидзе О. Д., Мусхелишвили Д.Л. Закавказье в международной торговле Востока и Запада. (С древнейших времен до XIII в. н.э.) М., 1970.
580. Лукиан. Собрание сочинений. М., 1935. Т. 1–2.
581. Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.
582. Любимов Ю. В. Проблемы политической интеграции // Государство в истории общества. К проблеме критериев государственности. М., 1998.
583. Маан О. В. К вопросу о племени кораксов. Тезисы докладов XLV итоговой научной сессии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии. Сухум, 2001.
584. Магометов А. Р. Бамутское поселение – новый памятник кобанской культуры // СА, № 2, 1972.
585. Макалатия П. Н. Топонимика Пшави Арагвского ущелья. Диссерт. на соиск. учен. ст. канд. ист. н. Тб., 1971 (на правах рукописи).
586. Макалатия С. И. Раскопки Дванского некрополя // Советская археология, 1949. XI.
587. Макалатия С. И. Тушети. Тб., 1933.
588. Маккуйн Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.
589. Малышев А.А. Особенности распространения античного импорта в Прикубанье (по данным античной керамики VI–I вв. до н.э.) // Античная цивилизация и варварский мир (тезисы докладов V археологического семинара). Новочеркасск, 1996.
590. Мальсагов А. О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970.
591. Мамакаев М.А. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973.
592. Маммаев М. М. Кобанские традиции в средневековом декоративно-прикладном искусстве нагорного Дагестана // VIII Крупновские чтения. Орджоникидзе, 1978.
593. Мамулиа Г. Формирование классового общества и государства в древней Картли (Иберии) (на груз. яз.). Тб., 1979.

594. Манандян Я. А. Главные дороги Армении по Певтингеровой карте (на арм. яз.) // Труды. Т. 5. Ереван, 1984.
595. Манандян Я. А. Когда и кем была составлена «Армянская география», приписываемая Моисею Хоренскому // Труды. Т. 5. Ереван, 1984.
596. Манандян Я. А. Народные восстания в Армении против арабского владычества.Ереван. 1939.
597. Манандян Я. А. О местонахождении древних стран Армянского нагорья Уруатри и Наири // Труды. Т. 5. Ереван, 1984.
598. Манандян Я. А. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья (на арм. яз.) // Труды. Т. 5. Ереван, 1984.
599. Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н.э. – XV в. н. э.). Ереван, 1930.
600. Маркварт И. Род Багратуни (на арм. яз.). Вена, 1913.
601. Марковин В. И. В стране вайнахов. М., 1969.
602. Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965.
603. Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969.
604. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА, № 83. М., 1960.
605. Марковин В. И. О памятниках эпохи бронзы Чечено-Ингушетии и Дагестана // Труды ЧИНИИИЯЛ. Т. IX, Грозный, 1964.
606. Марковин В. И. О происхождении северокавказской культуры // СА, № 1, 1959.
607. Марковин В. И. Об археологическом аспекте в изучении этногенеза вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов: Всесоюзная научная конференция. Шатой, 1991.
608. Марковин В. И. Северный Кавказ: историко-археологическое изучение и современность // РА, № 3, 1997.
609. Марковин В. И. Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязей древних племен // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
610. Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Северный Кавказ. М., 2003.
611. Марр Н. Я. Ипполит. Толкование Песни Песней. СПб., 1901.
612. Марр Н. Я. Боги языческой Грузии по древнегрузинским источникам. СПб., 1901.
613. Марр Н. Я. Георги Мерчул. Житие Григория Хандзтийского (Грузинский текст. Введение, издание, перевод с Дневником поездки в Шавшию и Кларджию). СПб., 1911.
614. Марр Н. Я. Доклад о Леонти Мровели, прочтенного в Яфетидологическом институте 24 марта 1922 г. // Кабинет им. Н.Я. Марра в ИИМК.
615. Марр Н. Я. Из поездок в Сванию (лето 1911 и 1912 гг.) // Христианский Восток. Т. I, Вып. I. СПб., 1913.
616. Марр Н. Я. История Грузии: Культурно-исторический набросок. СПб., 1906.
617. Марр Н. Я. К дате эмиграции мосохов из Армении в Сванию. Пг., 1916.
618. Марр Н. Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия Академии наук. № 6. 1916.

619. Марр Н. Я. Кавказские племенные названия и их местные параллели // Труды комиссии по изучению племенного состава населения России. Пг., 1922.
620. Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. Л., 1938.
621. Марр Н. Я. Племенной состав населения Кавказа. Пг., 1920.
622. Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.
623. Мартиросян Г. К. История Ингушетии. Орджоникидзе, 1933.
624. Марченко И. И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996.
625. Маслов В. Е., Очир-Горяева М.А. Об общих элементах в культуре нижневолжских кочевников и населения Центрального и Восточного Предкавказья в конце VI – начале IV вв. до н.э. // Труды ГИМ. Вып. 97. Степь и Кавказ (культурные традиции). М., 1997.
626. Массон В. М. Древние гробницы вождей на Кавказе. (Некоторые аспекты социологической интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
627. Массон В. М. Земледелие раннеклассовых обществ // Возникновение и развитие земледелия. М., 1967.
628. Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38.
629. Матвеев К. П., Сазонов А.А. Пять жизней древней Сури. М., 1989.
630. Матевосян Р. К вопросу о происхождении Багратидов // Армянский Вестник. № 1–2. Ереван, 2001.
631. Матевосян Р. И. Ташир–Дзорагет (X – начало XII вв.) Ереван, 1982 (на арм. яз.)
632. Матевосян. Р. И. Багратуни. Историко-родословная энциклопедия (на арм. яз.). Ереван, 1997.
633. Матенадаран. Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца, Ереван. Рукописи за №№ 582, 696, 1287, 1459, 1486, 1518, 1717, 1883, 1898, 2019, 3691, 4284.
634. Матиане Картлиса. Перевод, введение и примечание Лордкипанидзе М.Д. Тбилиси,1976.
635. Матиане Картлиса. Перевод, введение и примечание М.Д. Лордкипанидзе. Тб., 1976.
636. Махортых С. В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.
637. Мацулевич Л.А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии // СЭ. Вып. VI–VII. 1947.
638. Мачавариани Г.И. К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских)типологических параллелях. М.,1964.
639. Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ, вып. 13. Л., 1971.
640. Машкин Н. А. История древнего Рима. Л., 1948.

641. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
642. Меликишвили Г. А. Диаухи. ВДИ, № 4,1950.
643. Меликишвили Г. А. Древнегрузинские, армянские и греческие исторические традиции и вопросы происхождения Иберийского царства (на груз. яз.) // Вестник АН Груз. ССР. Тб., 1962.
644. Меликишвили Г. А. К вопросу о возникновении классового общества и первых государственных образований в Грузии // ВИ, № 4, 1956.
645. Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем очаге урартских племен // ВДИ, № 4, 1947.
646. Меликишвили Г. А. К вопросу о хетто-цупанийских переселенцах в Урарту // ВДИ, № 2, 1958.
647. Меликишвили Г. А. К изучению древней восточномалоазийской этнонимики // ВДИ, № 1, 1962.
648. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тб., 1959.
649. Меликишвили Г. А. К характеристике социально-экономического строя раннеклассовых обществ грузинских горцев // ВДИ, № 1, 1984.
650. Меликишвили Г. А. Кулха. (Из древней истории Южного Закавказья) // Древний мир. Сборник статей, посвященный памяти В.В. Струве. М., 1962.
651. Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тб., 1954.
652. Меликишвили Г.А. Некоторые вопросы истории манейского царства // ВДИ, №1, 1949.
653. Меликишвили Г. А. О некоторых следах урартской топонимии и лексики в поздней топонимике Южной Грузии // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1985.
654. Меликишвили Г. А. Основные этапы этносоциального развития грузинского народа в древности и средневековье. М., 1973.
655. Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
656. Меликишвили Г. А.Некоторые вопросы древнейшей истории грузинского народа. Доклад на XXXI сессии Отделения общественных наук Академии Наук Грузинской ССР. Тб., 1951.
657. Меликишвили Л. Ш. Структура чеченского свадебного обряда и ее место в комплексе свадебных обрядов Центрального Кавказа // Кавказский этнографический сборник. VI. Тб., 1986.
658. Меликсет-Бек Л. М. Грузинский извод сказании о посте Араджавор. Пг., 1917.
659. Меликсет-Бек Л. М. К истории появления гуннов в Восточном Закавказье // Доклады АН Азерб. ССР. Т. XIII. Вып. 6. Баку, 1957.
660. Меликсет-Бек Л. М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского // Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л., 1960.
661. Меликсет-Беков Л. М. Армазни // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. II. Тбилиси, 1938.

662. Мелитаури К. Н. Крепости дофеодальной и феодальной Грузии. Тб., 1969.
663. Мелконян А. А. Джавахк в XIX – первой четверти XX вв. Ереван, 2003.
664. Менандр Византиец. История. СПб., 1860.
665. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
666. Мещанинов И. И. Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка. Л., 1978.
667. Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
668. Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (XV–IV вв. до н.э.). Автореферат. Тб., 1969.
669. Микеладзе Т.К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и юго-восточного Причерноморья (на груз. яз.). Тб., 1974.
670. Милитарев А. Ю., Старостин С. А. К проблеме афразийско-северокавказских этнолингвистических связей // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Материалы всесоюзной научной конференции. Орджоникидзе, 1989.
671. Милитарев А. Ю., Старостин С.А. Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. М., 1984.
672. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. 3, М., 1887.
673. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963.
674. Мирйо Сальвини. Распространение влияния государства Урарту на Востоке // «Древний Восток», вып. 4. Ереван, 1983.
675. Мирцхулава Г., Чиковани Г. Некоторые вопросы становления Куро-Араксской культуры // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа» Тбилиси, 25–27 июня 2009 г. Тб., 2010.
676. Михаил Панарет. Трапезундская хроника, изд. А. Хаханова. М., 1905.
677. Мкртумян Г. Г. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван, 1983.
678. Мкртумян Г. Г. К вопросу об образовании феодального княжества Кахетии // ИФЖ, № 1, 1972.
679. Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк (на древнеарм. яз). Ереван, 1983.
680. Мовсес Хоренаци. История Армении (на древнеарм. яз.). Тифлис, 1913.
681. Моисей Хоренский. Армянская география VII в. по Р.Х. Спб., 1877.
682. Мокцевай Картлисай (на груз. яз.) // Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Кн. I. Тб., 1963.
683. Молчанов А. А. Позднеантичная и средневековая историческая традиция о происхождении рода Багратидов: эволюция официальной генеалогической версии // ВОН. № 1–2 (630). Ереван, 2011.

684. Москати Сабатино. Цивилизации Древнего Востока. М., 2010.
685. Мошинский А. П. Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами (по дигорским материалам) // РА,№ 3, 1997.
686. Мошинский А. П. Дигорская культура и Дигорско-Рачинский металлургический очаг // Древность: историческое знание и специфика. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. Вып. IV. 14–16 декабря 2009 г. М., 2009.
687. Мошинский А. П. Древности горной Дигории VII–IV вв. до н. э.: систематизация и хронология. Диссерт. на соиск. учен. ст. канд. ист. наук (на правах рукописи). М., 2004.
688. Мошинский А. П. Жертвенник могильника Кастон Уота // XV Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1988.
689. Мошинский А. П. Керамический комплекс памятников кобанской культуры в Дигории в V–IV вв. до н.э. // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Ставрополь, 1990.
690. Мошинский А. П. Кобанская культурно-историческая область и Горная Дигория // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIII Крупновские чтения. М., 2004.
691. Мошинский А. П. Контакты Северного Кавказа со степью и Закавказьем // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1992.
692. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. (Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана). Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1979.
693. Мужухоев М. Б. Вопросы истории вайнахов. Грозный, 1992.
694. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура Горной Ингушетии (XIII–XVII вв.). Грозный, 1977.
695. Мужухоев М. Б. Эволюция верований чеченцев и ингушей в период средневековья // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980.
696. Мунчаев Р. Б. Кавказ на заре бронзового в.. М., 1975.
697. Мунчаев Р. М. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
698. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА СССР, № 100, 1961.
699. Мунчаев Р. М. Куро-аракская культура // Археология СССР. Ранняя и средняя бронза Кавказа. Ответственные редакторы тома доктора исторических наук К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин. М., 1994.
700. Муравьев С. Н. Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа // ВДИ, № 1, 1988.
701. Мурадян П.М. К вопросу о локализации «области тухов // ИФЖ, № 3, 1975.

702. Мурадян П. М. Кавказский культурный мир и Армения. Вып. I. Ереван, 2008.
703. Мурадян П. М. Кавказский культурный мир и культ Григория Просветителя // Кавказ и Византия. Вып. 6. Ереван, 1982.
704. Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.
705. Мусхелишвили Д. Л. Археологический материал поселения Ховле-Гора (на груз. яз., резюме на рус. яз.). Тбилиси, 1978.
706. Мусхелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии. Тб., 1982.
707. Мусхелишвили Д. Л. Из политических взаимоотношений средневековой Армении и Грузии // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии. Тб., 2009.
708. Мусхелишвили Д. Л. Историческая география древней Грузии. Диссерт. на соиск. учен. ст. докт. ист. н. Тб., 1972 (на правах рукописи).
709. Мусхелишвили Д. Л. Исторический статус Абхазии в грузинской государственности // Разыскания по истории Грузии и Абхазии. Тб., 2000.
710. Мусхелишвили Д. Л. К вопросу о связях центрального Закавказья с Передним Востоком в раннеантичную эпоху // Вопросы археологии Грузии. Т. 1. Тб., 1978.
711. Мусхелишвили Д. Л. К вопросу распространения красноглиняной керамики на территории Восточной Грузии в раннеантичную эпоху. (По материалам раскопки Ховлегора) // СА, № 3, 1977.
712. Мусхелишвили Д. Л. Некоторые итоги историко-географического исследования Грузии // Разыскания по истории Грузии и Кавказа. Тб., 1976.
713. Мусхелишвили Д. Л. Основные вопросы исторической географии Грузии // Сборник исторической географии Грузии. V. Тб., 1975.
714. Мусхелишвили Д.Л., Арвеладзе Б. История требует объективности // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии. Тб., 2009.
715. Мушегян Альберт. История Агафангела: обстоятельства создания, время написания и вопрос о личности автора // ИФЖ, № 1, 2012.
716. Нариманишвили Г. Триалети в VI–IV вв. до н.э. // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» 23-30 сентября 2010 г. Тбилиси – Гори – Батуми, 2011.
717. Нариманов И. Г. Находки баз колонн VI–V вв. до н.э. в Азербайджане // СА, I960.
718. Нераденко Т. Н. К вопросу хронологии южных заимствований в памятниках эпохи бронзы Северного Кавказа (на примере бронзового оружия) // Этнокультурные проблемы бронзового в. Северного Кавказа. Орджоникидзе,1986.
719. Нераденко Т. Н. Новые данные о цветной металлообработке у населения Чечено-Ингушетии первой половины I тысячелетия до н.э. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
720. Нераденко Т. Н. О связях племен кобанской культуры с Закавказьем и

Передней Азией в конце II – начале I тыс. до н.э. // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Материалы всесоюзной научной конференции. Орджоникидзе, 1989.
721. Нераденко Т. Н. Связи племен Северного Кавказа с населением Центрального Закавказья и цивилизациями Древнего Востока в конце II – начале I тысячелетия до н.э. Автореферат диссерт. на соиск. степ. канд. ист. наук. Киев, 1988.
722. Нечаева Е. Н. Понятие «скифы» в приложении к варварам во времена поздней империи (по фрагментам сочинения Приска Панийского) // Жебелевские чтения – 2. Тезисы докладов научной конференции. 26–27 октября 1999 г. СПб., 1999.
723. Николаев С. Л., Старостин С. А. Северокавказский этимологический словарь. М., 1994.
724. Николайшвили В. В., Чихладзе В. В. Жинвальский могильник (по материалам 1974 г.) // Жинвальская экспедиция (материалы второй научной сессии). Тб., 1980.
725. Никонов В. А. Состояние и задачи ономастических исследований Кавказа // ВЯ, № 4, 1975.
726. Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М., 1970.
727. Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. (Опыт сравнительно-исторического исследования). М., 1980.
728. Новосельцев А. П. К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии // Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. И.А. Джавахишвили. Тб., 1976.
729. Новосельцев А. П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. Т. I. Ереван, 1991.
730. Новосельцев А. П. К вопросу об отражении истории Армении в сасанидских памятниках // Кавказ и Византия. Вып. 6. Ереван, 1982.
731. Новосельцев А. П. Некоторые вопросы историографии древней и средневековой истории народов Закавказья // История СССР, № 1, 1974.
732. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
733. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972
734. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958
735. Нунуев С.-Х. Нахи и священная история. Ярославль, 1998.
736. Нунуев С.-Х. Нахи, пророки, судьба. М., 1996.
737. Нуцубидзе А. А. Археологические раскопки в сел. Абано // Вопросы археологии Грузии. Вып. I. Тб., 1978.
738. Обращение Грузии / Перевод с древнегрузинского Е. С. Такайшвили. Редакционная обработка, исследование и комментарии М. С. Чхартишвили. Тб., 1989.

739. Орбели И. А. Город близнецов Διοζκουρας и племя возниḉΗνιοχι //Избранные труды. Ереван, 1963.
740. Орел В. Э., Старостин С. А. О принадлежности этрусского языка к восточнокавказской языковой семье // Кавказ и цивилизации Древнего Востока / Под ред. И. М. Дьяконова. Орджоникидзе, 1989.
741. Очерки истории Грузии. Т. I, II Тб., 1989.
742. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967.
743. Очиаури Т. А. Опыт изучения этнической истории горцев Восточной Грузии по мифологическим сказаниям. Автореферат диссерт. на соиск. учен. ст. канд. ист. н. Тб., 1969.
744. Очир-Горяева М. А. О северокавказских элементах в культуре нижневолжских кочевников скифского времени // XII Крупновские чтения. Геленджик, 1982.
745. Ошаев М. Х. Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой-Ахт (Горная Чечня) // АЭС. Т. 6. Вып. 1. Грозный, 1966.
746. Памятник эриставов // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования 1968 г. М., 1970.
747. Панцхава Л., Сулава Н., Папуашвили Р. Колхидская, кобанская или колхидско-кобанская? // Кавказоведение. № 4. Тб., 2003.
748. Патканов К. П. Ванские клинообразные надписи как источник для истории Передней Азии // ЖМНП, 1883, декабрь.
749. Патканов К. П. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП, 1883, март. Ч. 226.
750. Патканов К. П. Мойсей Хоренский. Армянская география VII в. по Р.Х. СПб., 1877.
751. Петренко В.А. Бронзовые барельефные бляхи скифского времени из Ичкерии // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980.
752. Петренко В.А. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополе // КСИА, № 162, 1980.
753. Петренко В. А. Культура населения среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Диссертация на соискание учен. ст. канд. ист. н. М., 1980 (на правах рукописи).
754. Петренко В. А. Погребальный обряд Ханкальского могильника как показатель его этнической принадлежности // VIII Крупновские чтения. Орджоникидзе, 1978.
755. Петренко В.Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
756. Петренко В. Г. Скифская культура на Северном Кавказе // Археологический сборник. 23. Л., 1983.
757. Петренко В. Г. Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
758. Петросян С. О ширакских амбарах // ВОН, № 3. Ереван, 1982.
759. Петросян Э. Шара и Астхик – верховные боги Ширака // ИФЖ, № 3, 2007.

760. Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004.
761. Пиотровский Б. Б Археологическое изучение древнейшего Закавказья // ВДИ, № 3, 1947.
762. Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н.э. Л., 1949.
763. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
764. Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944.
765. Пиотровский Б. Б. О происхождении армянского народа. Ереван, 1946.
766. Пиотровский Б. Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья. Л., 1939.
767. Пирцхалава М. С. К вопросу о распространении памятников скифской культуры в материальной культуре древней Грузии // Вопросы археологии Грузии. Тбилиси, 1978.
768. Пицхелаури К. Основные проблемы истории восточногрузинских племен. Тб., 1973.
769. Пицхелаури К. Н. Памятники второй половины I тысячелетия до н.э. на территории Кахетии // СА, № 3, 1977.
770. Плутарх. Сравнительное жизнеописание. Т. 2. М., 1963.
771. Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
772. Погребова М.Н. Особенности конских захоронений и конского убора в памятниках VIII – первой половины VII вв. до н.э. правобережья Куры // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика» 27–30 сентября 2010 г. Тбилиси – Гори – Батуми, 2011.
773. Погребова М.Н. Памятники скифской культуры в Закавказье // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
774. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных // ВДИ, № 4, 1993.
775. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.
776. Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1985.
777. Полибий. Всеобщая история. М., 2004.
778. Прокопенко Ю.А. Жилища населения Центрального Предкавказья второй половины I тыс. до н.э. // ИАА. № 8. Армавир-М., 2002.
779. Прокопенко Ю. А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь, 2005.
780. Прокопенко Ю. А. История северокавказских торговых путей (V в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь, 1999.
781. Прокопенко Ю. А. Экономические связи населения Ставропольской возвышенности в IV–III вв. до н.э. // Донская археология. № 1. 1998.
782. Прокопенко Ю.А. Этническая история населения Центрального Предкавказья В III–I вв. до н.э. (историография вопроса) // XXIII Крупновские чтения. М., 2004.

783. Прокопенко Ю. А. Этнокультурные связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Автореферат диссерт. на соиск. учен. ст. докт. ист. н. М., 2006.
784. Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1996.
785. Пфафф В. Путешествие по Северной Осетии // Сборник сведений о Кавказе. Вып. 1. Тифлис, 1871.
786. Пхакадзе Г. Г. Энеолит Квемо-Картли. Тбилиси, 1963.
787. Пчелина Е. Г. Краткий историко-археологический очерк Ирон-Хусар (Южной Осетии). Труды Закавказской научной ассоциации. Серия 1. Вып. 1. Юго-Осетия, Тифлис, 1925.
788. Пьянков И. В. К вопросу о путях проникновения ираноязычных кочевников в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. № 3. 1979.
789. Резепкин А. Д. Проблема происхождения колесного транспорта и его появления на Северном Кавказе // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.
790. Риттер К. Землеведение Азии. Иран. СПб. 1874.
791. Робакидзе А. И. Кавказоведческие проблемы грузинской этнографии // Кавказский этнографический сборник. Т. IV. Тб., 1972.
792. Рогава Г. В. Этимология адыгейского слова Тхьа – бог // ИКЯ, 1948. Ч. 2.
793. Россиков К.Н. Поездка в юго-западную часть горной Чечни и в Западный Дагестан // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Т. IX, № 1. Тифлис, 1885.
794. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературы и археологических. Л., 1925.
795. Рубин О. С. К проблеме локализации индоевропейской прародины // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции. Краснодар – Анапа, 2001.
796. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1981.
797. Рыбаков Б. А. Календарный фриз северокавказского сосуда VIII–VII вв. до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
798. Рысин М. Б. Роль анатолийского региона в формировании культур эпохи средней бронзы на Кавказе // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006.
799. Рябова В. Я. Работы Ажиновского отряда в 1976 г. // Древности Дона. М., 1983.
800. Сазонова Н. Е. К вопросу о сложении города // ВДИ, № 2, 1988.
801. Сайко Э. В. Формирование древнейших городов и становление раннеклассового общества (методологические аспекты) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
802. Салакая Ш. Х. Абхазский нартский эпос. Тб., 1976.
803. Салакая Ш. Х. Абхазский фольклор (на абхаз. яз.). Сухум, 2003.
804. Салакая Ш. Х. Избранные труды. В трех томах. Т. I. Эпическое творчество абхазов. Сухум, 2008.
805. Салакая Ш. Х. Отражение пережитков матриархата в нартском эпосе аб-

хазов // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Тезисы докладов. Тб., 1971.
806. Сальвини Мирио. Распространение влияния государства Урарту на Востоке // Древний Восток. № 4. Ереван. 1983.
807. Санжаров С. Н. О некоторых вопросах культурного развития и хронологии в позднекатакомбное время // РА. 1993. № 1.
808. Саникидзе Л. Д. Понтийское царство. Тб., 1956.
809. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. М., 1996.
810. Сарджveладзе А. З. О наименовании Кавказской Иберии // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Материалы всесоюзной научной конференции. Орджоникидзе, 1989.
811. Саркисян Д. Н. Страна Шубриа в урартских надписях // Древний Восток. Ереван, 1976.
812. Свазян Г. С. Источники Страбона о Кавказской Албании (на арм. яз.) // ИФЖ, №1, 1973.
813. Селецкий Б. П. Некоторые случаи миграций кочевников, сыгравшие решающую роль в развитии оседлых обществ // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III археологического семинара, часть I). Новочеркасск, 1992.
814. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963.
815. Семенов Л. П. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа // МИА, № 23, 1951.
816. Семенов Л. П. К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев. Владикавказ, 1933.
817. Семенов Л. П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т.1. Вып.1. Грозный, 1959.
818. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
819. Сефербеков Р. И. Верховные боги народов Северного Кавказа. (Сравнительно-сопоставительный анализ общего и особенного) // Научная мысль Кавказа. № 1. Ростов н/Д, 2006.
820. Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификации). Махачкала, 2009.
821. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986.
822. Скаков А. Ю. Еще раз к вопросу о кобано-колхидском единстве // Город и степь в контактной евроазиатской зоне. III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г. А. Феодорова-Давыдова. Тезисы докладов. М., 2006.
823. Скаков А. Ю. К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. СПб., 2010.
824. Скаков А. Ю. К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железа. Производственные центры: источники, «доро-

ги», ареал распространения // Материалы тематической научной конференции. СПб., 2006.
825. Скаков А. Ю. Кобано-колхидские орнаментированные топоры как исторический источник. (Автореферат диссерт. на соиск. учен. ст. канд. ист. наук). М., 1997.
826. Скаков А. Ю. Протокобанская эпоха на Кавказе // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа 28–31 мая 2001 г. Сухум,2004.
827. Скрипкин А. С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // Историко-археологический альманах. № 7. Армавир, 2001.
828. Скрипкин С. А. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
829. Сланов А. Х. Памятники скифо-сарматского периода на территории Южной Осетии // Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1978.
830. Словарь топонимов Армении и сопредельных стран. Т. I, 1986; Т. II, 1988; Т. III, 1991; Т. IV, 1998; Т. V, 2001. Ереван.
831. Смирнов А. П. К вопросу о матриархате у савроматов // Проблемы скифской археологии. М., 1971.
832. Смирнов А. П. О культурных связях Кавказа с Поволжьем // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
833. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.., 1964.
834. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
835. Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
836. Снисаренко А. Третий пояс мудрости. Л., 1989.
837. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.
838. Старостин С. А. Проблема генетического родства и классификация кавказских языков с точки зрения базисной лексики // Алародии: этногенетические исследования. Махачкала, 1995.
839. Старостин С. А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. Вып. LXXX. М., 1988.
840. Старостин С. А., Николаев С. Л Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. М., 1984.
841. Страбон. География. В 17 книгах. Л., 1964.
842. Стужина Э. П. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М., 1979.
843. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 1, 1976; Ч. 2, 1978; Ч. 3, 1980; Ч. 4, 1985. Грозный.

844. Сулейманова С. Транскаспийская дорога и история связей между Центральной Азией и Кавказом // Научные исследования Института Востоковедения им. З.М. Буниятова НАН Азербайджана. Баку, 2008.
845. Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. Перевод, введение и примечание М.Д. Лордкипанидзе. Тб., 1979.
846. Сумбатзаде А. С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку, 1990.
847. Такайшвили Е. С. Источники грузинских летописей. Три хроники // СМОМПК. Вып. 28. Отд. 1. Тифлис, 1900.
848. Тер-Гевондян А.Н. Новонайденный полный текст арабской версий Агафангела // ИФЖ, № 2, 1973.
849. Терехова Н. Н. Кузнецкая техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА, №3, 1983.
850. Техов Б. В. Дзарцемский могильник // ИЮОНИИ, Тб., 1978.
851. Техов Б. В. К этнической принадлежности создателей кобанской культуры Центрального Кавказа // От скифов до осетин. Материалы по осетиноведению. Вып.1. М., 1994.
852. Техов Б. В. О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и первой половине I тыс. до н.э. // МАДИСО. Т. 2. 1969.
853. Техов Б. В. О культурных связях Северного Кавказа и Закавказья в древности // VIII Крупновские чтения. Орджоникидзе, 1978.
854. Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. М., 1980.
855. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.
856. Тирацян Г.А. Территория Ервандской Армении (VI в. до н.э. – III в. до н.э.) (на арм. яз.) // ИФЖ. № 2, 1981.
857. Тирацян Г. А. Урарту и Армения. (К вопросу о преемственности материальной культуры) (на арм. яз.) // Вестник АН Арм. ССР. № 2. Ереван, 1968.
858. Тменов В. Х. Несколько страниц из этнической истории осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989.
859. Товма Арцруни. История дома Арцруни. Тифлис, 1917.
860. Товма вардапет Арцруни. История дома Арцруни (на древнеарм.яз.). Тифлис, 1917.
861. Тогошвили Г. Д. Леонтий Мровели и происхождение осетинского народа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
862. Толордава В. А. Инновация в погребальных обрядах Колхиды эллинистического времени // Причерноморье в эпоху эллинизма. (Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья). Тб., 1985.
863. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Индийские и иранские языки. Т.3. Кн. 2. М., 2010.
864. Топчишвили Р. А. Культурно-исторические вопросы миграции горского населения Восточной Грузии (на примере Пшави и Хевсурети). Диссерт. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Тб., 1979 (на правах рукописи).

865. Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии // EYXAPILTHPION. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб., 2007.
866. Тохтасьев С. Р. Проблемаскифскогоязыкавсовременнойнауке // Ethl1ic Contacts and Cultural Excanges North and West of the Black Sea frorn the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Ia §I, 2005. P.
867. Трапш М. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии // Труды. Т. I. Сухуми, 1970.
868. Тревер К. Н. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. Л., 1959.
869. Туаева З. Д. Кавказский хребет и проблемы Кобанской культуры // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Майкоп, 1992.
870. Туаллагов А. А. Сарматы и аланы в IV в. до н.э. – I в. н.э. Владикавказ, 2001
871. Туаллагов А. А. Сарматы Северного Кавказа // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13–14 октября 2005 г.). URL: http://iratta.com/materials/sarmaty/4484-sarmaty-severnogo-kavkaza.html
872. Туаллагов А.А. Сведения «Ашхарацуйц» об аланах // Известия СОИГСИ. Вып. 4 (43). Владикавказ, 2010.
873. Туаллагов А. А. Сведения письменных источников о сарматах. URL: http://osseth nos.ru/history/sarmat/34
874. Туаллагов А. А. Скифы Северного Кавказа по данным письменных источников // Иранский мир и юг России: прошлое и современные перспективы. Ростов н/Д, 2004.
875. Туманов К. М. О доисторическом языке Закавказья. Тифлис, 1913.
876. Турчанинов Г. Ф. Phteirophagoi писателей классической древности // Иберийско-кавказское языковедение. Т. 1. Тб., 1946.
877. Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.
878. Тушинский Г. К. Ледники, снежники, лавины Советского Союза. М., 1963.
879. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. М., 1900.
880. Урушадзе Н. Е. Опыт семантического анализа бронзового пояса из «Мцхета-Самтавро» // СЭ, 1971, 6.
881. Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе // ЗКОРГО. Кн. 12. Тифлис, 1881.
882. Утургаидзе Ф. Некоторые особенности горских диалектов грузинского языка (на груз. яз.). Тб., 1966.
883. Фавст Бузанд. История Армении (на древнеарм. яз.). Тифлис, 1912.
884. Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.
885. Федоров Я. А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.

886. Федорова Р. В. Результаты Исследования споро-пыльцовым методом курганов Прикаспийской низменности // Известия Грозненского музея краеведения. Вып. 5. Грозный, 1953.
887. Ференци Л. Вопросы хронологии некоторых кавказских спорадических находок коллекции Зичи // Aziparmuveszeti Museum evkonyvei. III – IV, 1959, Budapest, 1960.
888. Флеров В. С., Дубовская О. Р. Мужские погребения кобанского могильника Клин-яр III в г. Кисловодске. Вып. 1. М., 1993.
889. Фрезер Дж. Д. Золотая ветвь. М., 1983.
890. Фюстель де Куланж. Гражданская община древнего мира. СПб., 1906.
891. Хабичев М. А. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982.
892. Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М., 1975.
893. Хазарадзе Н. В. К вопросу о местонахождении Табала // Кавказско-ближневосточный сборник. III. Тб., 1970.
894. Хазарадзе Н. В. К вопросу о расселении мосхов в VI–V вв. до н.э. // Проблемы истории Закавказья. Тб., 1991.
895. Хазарадзе Н. В. Этнополитические проблемы древней истории Грузии (на груз. яз.). Тб., 1984.
896. Халаева К. Д. Культ волка у предков чеченцев и ингушей и его изживание // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
897. Халатянц Г. Армянский эпос в «Истории Армении» Моисея Хоренского. М., 1896.
898. Ханаланян А. Мифология (на арм. яз.). Ереван, 1969.
899. Харадзе Р. Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // КЭС. Т. 2. Тб., 1968.
900. Хахутайшвили Д. А. Возникновение городов Иберии и их развитие в античную эпоху // Древний Восток. Города и торговля (III–I тыс. до н.э.) Ереван, 1973.
901. Хахутайшвили Д. А. К вопросу о генезисе и сущности городов рабовладельческой Грузии (на груз. яз.) // Вестник отдела общественных наук АН ГССР. № 3. Тб., 1961.
902. Хахутайшвили Д. А. Святилище протоиберийской земледельческой общины Центрального Закавказья конца II тыс. до н.э. // Разыскания по истории Грузии и Кавказа. Тб., 1976.
903. Хачатрян А. История Армении в клинописный период (на арм. языке). Ереван, 1933.
904. Хачикян М. Л. Урартский язык. М., 1990.
905. Худадов В. Н. Отступление 10 тыс. греков от Евфрата до Трапезунта через Закавказье. Исторические записки. М., 1937. Т. 1
906. Худадов В. Н. Халды-урартийцы после падения Ванского царства // ВДИ, № 2, 1938.
907. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971 (Ч. 1), 1975 (Ч. 2).

908. Цагарейшвили Е. К вопросу о значении термина «враци азгав» в армянских письменных памятниках // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии. Тб., 2009.
909. Цагарейшвили Е. К К вопросу о значении терминов «Вериа» и «вериаци» в армянских письменных источниках // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии. Тб., 2009.
910. Цвинария И. И. Археологические открытия на поселении Апсар // Тезисы XXXVIII научной сессии АбНИИ. Сухум, 1991.
911. Цвинария И.И. Результаты раскопок Апсарского поселения в Новом Афоне // Тезисы XLVIII научной сессии АбИГИ. Сухум, 2004.
912. Церетели Г. Армазская билингва, двуязычная надпись, найденная при археологических раскопках в Мцхета-Армази. Тб., 1941.
913. Цукерман К. Аланы и асы в раннем средневековье // КСИА, 2005. Вып. 218
914. Цулая Г. В. Грузинское летописное предание о «нашествие хазар» и его параллели в фольклоре народов Кавказа // Кавказ и Византия. Вып. 5. Ереван, 1978.
915. Цулая Г. В. Историческая концепция грузинского историка XI в. Леонтия Мровели. (Этнокультурный аспект) // История СССР. № 4. 1982.
916. Цулая Г. В. К истории имени Абрскил // СЭ, № 6, 1966.
917. Цулая Г. В. Описание Колхиды и сведения об абхазах в армянской «Географии» VII в. // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе,1980.
918. Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
919. Черных Е. Н. Маталлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА, № 4, 1978.
920. Чеснов Я. В. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общества и государства. Сборник материалов к конференции. М., 1999.
921. Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие. М., 1998
922. Чеснов Я. В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание // Этнография имен. М., 1971.
923. Чеснов Я. В. Трудно быть чеченцем. URL: http://nana-95.livejournal. com /3287.html
924. Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.
925. Чеченов И. М. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры // АЭС. Вып.1. Нальчик, 1974.
926. Чеченов И. М. К вопросу о религиозных верованиях племен Центрального Кавказа в эпоху ранней бронзы. // X Крупновские чтения (тезисы докладов). М., 1980.
927. Чеченов И. М. Некоторые проблемы этнической истории Центрального Кавказа в свете новейших археологических исследований в Кабардино-Балкарии // VIII Крупновские чтения. Орджоникидзе, 1978.

928. Чеченов И. М., Атабиев Б. Х. К проблеме происхождения кобанской культуры и ее локальных вариантов. // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ставрополь, 1990.
929. Чикобава А. С. Введение в языкознание. Ч. 1. М., 1952.
930. Чикобава А. С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942.
931. Чикобава А. С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. Известия ИЯИМК. Тбилиси, 1942. Т. XII.
932. Чикобава А. С. Проблемы родства иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1965.
933. Чокаев К. З. Грамматический способ образования топонимических названий в чеченском языке // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. III. Вып. 2. Грозный, 1962.
934. Чокаев К. З. Из топонимии Чечено-Ингушетии // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.
935. Чокаев К. З. К вопросу о бытовании образа Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей // Известия ЧИНИИ. Т. 6. Вып. 3. Грозный, 1973.
936. Чокаев К. З. Нахские языки. Историко-филологические разыскания. Грозный, 1992.
937. Чокаев К. З. Суффиксальные образования топонимических названий в вайнахских языках // Труды ЧИНИИ. Т. 9. Грозный, 1964.
938. Чокаев К. З. Топонимы и гидронимы Чечено-Ингушетии // Рукописный фонд ЧИНИИИЯ, оп. 3, д.5 /лист 38–39/.
939. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956.
940. Чурсин Г. Ф. Осетины (этнографический очерк). Труды Закавказской научной ассоциации. Юго-Осетия, Тифлис, 1925. Серия 1. Вып. 1.
941. Чшиев В. Т. Раскопки Адайдонского могильника кобанской культуры в 2006–2007 гг. URL: http://www.darial-online.ru /2008 _ 6/chshiew.chtml.
942. Шавхелишвили А.И. Грузино-чечено-ингушские взаимоотношения (с древнейших времен до конца XVIII в.). Тб., 1992.
943. Шавхелишвили И. А. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963.
944. Шавхелишвили И. А. Из истории горцев Восточной Грузии. Тб., 1983.
945. Шагинян А. К. Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа. СПб. 2014.
946. Шамба Г. К. Абхазия в I тыс. до н.э. Сухум, 2000.
947. Шамба Г. К. Погребение VI в. до н.э. близ Сухуми // Краткие сообщения Института Археологии СССР. Вып. 174. 1983.
948. Шамба Г. К. Эшерские кромлехи. Сухуми, 1974.
949. Шанидзе А. Г. Два чано-мингрельских суффикса в грузинском и армянском языках // Записки Восточного Отделения Русского Археологического общества. Т. XXIII. 1916.
950. Шанидзе А. Г. Этимологические замечания: Картли, картвели (на груз. яз.) // Труды кафедры древнегрузинского языка. Т. 23. Тбилиси, 1980.

951. Шарашидзе Л. П. Об антропологическом взаимоотношении осетинского и чечено-ингушского народов \\ Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
952. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора. М.,1956.
953. Шилов Ю. А. Прародина ариев. Киев, 1993.
954. Языки Азии и Африки. Языки древней Передней Азии. Иберийско-кавказские языки. Палеоазиатские языки // СИЭ. Т.1. М., 1961.
955. Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995.
956. Agathange Historie de regne de Tiridate et de la predication de saint Gregoire JJ lluminateur, Langlois - FHG, Paris, 1870.
957. Arsene Soucry, Geographie de Moise de Corene d' apres Ptolemee. Texte armenien, traduit en francais par le Arsene Soucry, Venise, 1881.
958. Belli O., Bashaliev V. Middle and Late Bronze Age Painted Pottery Culture in the Nakhichevan Region. Istanbul, 2001.
959. Berein D. Pour une voie cimerienn de diffusion de la metallurgie du fer // Archeologicke Rozhledy, XVI, Praha, 1964.
960. Bertrand A. Archeologie celtigue et galoise. Paris, 1876.
961. Brosset M. Additions et eclaircissements a l'histoir de la Georgie, SPb., 1851.
962. Brosset M. Histoire de la Georgie. Introduction et Tables des matieres, S.-P., 1858.
963. Brosset M. Historie de la Georgie, I partie. SPb., 1849/
964. Brosset M. Rapport's sour UN voyage archeologique Dan's la Georgie et dans l'Armenie. III, S.-P. 1851/
965. Cavaignac E. A propos de début de l'histoire des Mèdes. JA, 1961.
966. Clavdii Ptolemaei Geographie. T. I, Lipsiae, 1843.
967. Clavdii Ptolemaei Geographie. T. II, Lipsiae, 1845.
968. De Saent – Martin V. Recherches sur les populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase. Paris, 1847.
969. Deeters G. Der Name der kaukasischen Iberer: Festschrift P. Kretschmer, Wien, 1965, I.
970. Diakonoff I.M, Starostin S.A., Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian language.- MSS, Beiheft 12, NF.; Munchen, X, 1986.
971. Diakonoff I.M. Evidence on the Ethnic Division of the Hurrians. Studies on the Civilization and Culture of the Hurrians. In Honor of E. R. Lacheman. Winona Lake, Indiana, 1981. Pp. 77–89.
972. Ernest Honigman et Andre Maricg. Recherches Sur les Res Gestae divi saporis. Bruxelles, 1953.
973. G.Steiner. Hurrian and Urartian as Caucasian languages. Annual of Armenian linguistics 13, 1992, p.1-50, Clevelend, OH. 1992.
974. Garitte G. Documents pour letude du livre d Agathange. Roma, 1946.
975. Goetze A. Kleinasien. 2. Ausg., Munchen, 1957.
976. Gazdapustai Gy. Caucasian Relations of the Danubian Basin in the Early Iron Age // AAH, Budapest, 1967.

977. Ghirshman R. Iran, Harmondsworth, 1954.
978. Glavdii Ptolemaei Geographie. T. III, Lipsiae, 1845.
979. Hansen M. H. Was the Polis a State or a Stateless Society? In Nielsen, T. H. (ed.), Even More Studies in the Ancient Greek Polis. Papers from the Copenhagen Polis Centre 6. Stuttgart: Steiner, 2002.
980. Hermanns A. Die Nomaden von Tibet. Wien, 1949.
981. Hewsen R. H. Armenia: A Historical Atlas, The University of Chicago Press, Chicago and London, 2001.
982. Hewsen R. H. Introduction to Armenian Historical Geography. – Revue des Etudes Armenian's. T. 13. Paris, 1978–1979.
983. Hewsen R. H. The Geography of Ananias of Sirak (Asxaracoiz). The Long and the Short Recensions. Introduction, Translation and Commentary by Robert H. Hewsen. Wiesbaden, 1992.
984. Jacoby F. Die Fragmente der griechichen Historiker. T.I. Berlin. 1923 / Jan Machnik. Kulturi z początku epoki brązu w strefie śródziemnomorskiej półwyspu Iberijskiego i ich wschodnie nawiązania // Acta Archaeologica Carpathica, XXII.
985. Jacoby F. Hipsikrates, - jn PWK, hb, 17. Stuttgart, 1914.
986. K. Pitskhelauri, I. Gagoshidze, B. Maisuradze, E. Quavadze, A. Furtwangler, F. Knaus. The result of the field work of the Kacheti joint Georgian-German archaeological expedition in 1996 \\ Archaeology of Caucasus. New-Discoveries and perspectives International Scientific Session. Abstracts of Papers. Tbilisi, 1997.
987. Klaproth J. Beschreibung des ostliechen Kaukasus zwischen den Flussen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. «Bibliothek der neusten und wichtigsten Reise beschreibungen». Bd 50, Weimar, 1814.
988. Klaproth J. Memoire dans leguel on prouve lidentite des Ossetes, peuplade du Caucase, avec les Alains du moyen age. Paris, 1822.
989. Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Bd. 1. Halle und Berlin, 1812.
990. Kossack G. «Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus» // Beitrage zur Allgemeinen und Vergleichenden Archaologie. Band 5. 1983.
991. Коков Д. И. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983.
992. Laroche E. Etudes de vocabulaire VI. - RHA. T.15. 1957, fasc. 60.
993. Markwart J. A Catalog of the provincial Capitals of Eranschahr // Analecta orientalia. Roma, 1931.
994. Marquart J. Eransahr nach der Geographie des Ps Moses Horenaci / mit historisch kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen/ Berlin, 1901 (Abhandlungen der koniglichen Gesellschaft der wissenschaften zu Gottingen. Philosophisch-historische Klasse. NF. BD. III. Nro 2).
995. Marqwart J. Osteuropäische und ostasiatische streifzge. Leipzig, 1930.
996. Miller K. Itineraria Romana, Romische Reisewege an der Hand der tabula Peutingeriana, Stuttgart, 1916.

997. Minorsky V. Hudud al-Alam, «The regions of the word» a persian geography (372–982). Translated and explained by V. Minorsky, London, 1937.
998. Moor E. Zur Herkunft der Hunnen mit besenderer Berucksichti gu ng jhres Namenmaferials - «Beitrage zur Namenforschung». Bd. 14. Heidelberg, 1963.
999. Nikolayev S. L. Starostin S. A. A north caucsian etymological dictionary. Moscow, 1994.
1000. Osborne W. Das Beil und typischen Formen in vorhistorischer Zeit, Bd. VII, Praga, 1935.
1001. Sevin V. The Iron Age in the Eiazig Region and the Problem of the Mushkuans. AnSt, 1991.
1002. Speiser E.A. The Hurrian Participation in the Civilizations of Mesopotamia, Syria and Palestine.- CHM, 1. 1953.
1003. Spenser J.E., Hale G.A. The origin nature and distribution of agricultural terracing // Pacific Viewpoint. 2. 1961.
1004. SChur W. Die Orientpo1itik des Kaisers Nero («Klio», Beih. 15), Leipzig, 1923.
1005. Thureau-Dangin Fr. Une relation de la hultieme campagne de Sargon. Paris, 1912.
1006. Titus. C. H. A Nomenclature in Political Sciences // American Political Science Review 25, 1931.
1007. Toumanoff C. Les Maisons Princières Géorgiennes de l'Empire de Russie. Rome, 1983.
1008. Toumanoff C. Orontids of Armenia, Studies in Christian Caucasian History. Washington, 1963.
1009. Toumanoff C. The Bagratid of Iberia from the Eight to the Eleventh Century, «Le Museon», t. LXXIV, Louvain, 1961.
1010. Troubetzkoy N. Les consonnes laterales des langues Caucasiques Septentrionales // «Bulletin de la Societe de Linguistique». T. 23. № 27, Paris, 1922.
1011. Troubetzkoy N. Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der Nordkaukasischen Sprachen // I.Caucasica, fasc. 3. Leipzig, 1926.
1012. Van Creveld M. The Rise and Decline of the State. Cambridge // Cambridge University Press, 1999, 1.
1013. Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slawen. 1. Die Iranier in Sudrussland. Leipzig, 1923.
1014. Yakar J. Anatolian Civilization Following the Disintegration of the Hittite Empire: an Archaeological Appraisal. Tel Aviv, 1993.
1015. Zgusta L. Die Personennamen griechischer stadte der nordlichen Schwarzmeerkuste. Praha, 1955.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВИУ – Дьяконов И.М, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории. 1951. № 2 (тексты № 1–50). № 3 (тексты № 51). № 4 (указатель).

АО — Археологические открытия

АС — Археологический съезд

АЭС — Археолого-этнографический сборник

ВВ — Византийский Временник

ВДИ — Вестник Древней истории

ВИ — Вопросы истории

ВОН – Вестник общественных наук

ВЯ — Вопросы языкознания

ЖМНП —Журнал Министерства народного просвещения

ЗНОИРГО — Записки Кавк. отделения Имп. Русского географического общества

ИАК— Известия Имп. археологической комиссии

ИААНСССР— Институт археологии АН СССР

Известия ГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры

Известия ИНИИ — Известия Ингушского научно-исследовательского института

ИЖ — Исторический журнал

Известия РАИМН — Известия Российской Академии истории материальной культуры

Известия СОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института

Известия ЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института

Известия ЧИНИИЯЛ – Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы

ИФЖ – Историко-филологический журнал

КИАИ — Кавказский историко-археологический институт

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР

КСИИМК— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР

КЭС — Кавказский этнографический сборник

МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии

МАК— Материалы по археологии Кавказа

МАР — Материалы по археологии России

МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР

МИГК – Материалы по истории Грузии и Кавказа

СА — Советская археология

СМОМПК— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

ССК — Сборник сведений о Кавказе

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах

СЭ — Советская этнография

Труды КЧНИИЯЛ — Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы

Труды ЧИНИИЯЛ – Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы

УЗ КНИИ— Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института

УЗЛГУ - Учены записки Ленинградского государственного университета

УЗ СОГПИ — Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института

УКН – Меликишвили Г.Г. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.

Х В — ХристианскийВосток

BSOAS — Bulletin of the Schooe of Oriental and African Studies

ESA — Eurasia Septentrionalis Antique

PZ — Prahistoriscche Zeitscchrift

ZDML— Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Jesellschaft

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

В указатель не вошли имена большинства мифических персонажей, а также имена, которые в тексте даны в латинской транскрипции.

A

Абаев В. И. 62, 72, 75,77, 99, 103, 106–108, 117, 312, 446
Абаев М. К. 77, 446
Абгарян Г. В. 410, 465
Абдоков А. И 61, 101, 102, 104, 446
Абдушелишвили М. Г. 102, 110, 111, 112, 362, 446, 447
Абегян М. Х. 133, 167, 381, 392, 416, 447
Абиден 250
Абраамян А. Г. 11, 13, 447
Абрамова М. П. 20, 75, 77, 89, 104, 293, 340, 341, 357, 358, 447, 448
Абрыскил 72, 74
Абуладзе Ю. И. 364, 448
Абуладзе И. В. 45, 165, 461
Агатангелос (Агафангел) 39, 128–134, 136, 137, 139, 142, 148, 256, 392, 448, 492
Агафий 32, 33, 431, 448
Агеева В. А. 76, 448
Агларов М. 269, 441, 448
Ададнерари I 218,
Ададнерари II 181
Адам 413,
Адармос, см. также Ардамос 407,
Адернесех (Адарнасе) 255,
Аджарян Г. 161, 263, 448
Адирмах 80–84, 86, 343, 345, 407, 409, 442
Адонц Н. Г. 131, 133, 135, 221, 222, 234, 238, 240, 243, 245, 247, 248, 266, 374, 387, 411, 448
Аждахак 410
Ӑза 86, 221
Азо (Азон) 360, 363, 370, 372, 373, 376, 398–403, 408, 409, 418–425
Айтберов Т. М. 190, 191, 206, 448
Акишев К. А. 312, 448
Акритас П. Г. 296, 448
Асиний Квадратт 245
Аспат 410
Алале (Алалай) 158, 216
Алборов В. А. 75, 448
Александр Македонский 56, 59, 124, 134, 163, 248, 250, 251, 297, 316, 317, 348, 355, 359, 360–363, 370 – 375, 380, 398, 402, 410, 418, 419, 423, 425, 427, 428, 430, 431
Алексеев В. П. 110–112, 448
Алексеев М. Е. 101, 449
Алексеев С. В. 80, 449
Алексеева Е. П. 20, 89, 90, 298, 340, 341, 449
Алеманъ Агусти 57, 449
Алиг 61
Алиев И. Г. 40, 171, 322, 449
Алироев И. Ю. 62, 68, 71, 106, 118, 121, 156, 158, 191, 193, 367, 449
Амра 215
Амран 215
Амирани 215
Амиранишвили А. И. 39, 449
Амиранишвили Ш. Я. 367, 417, 449
Аммиан Марцеллин 126,
Анания Ширакаци 11, 13, 16, 449
Ананикян М. 262, 449

Анариска 142
Андреев Ю.В. 286, 449
Андреев-Кривич С.А. 73,
Андроникашвили М.К. 46, 165, 404, 449
Антиох III Великий 244, 256, 297, 430–432
Анфимов Н.В. 20, 272, 327,357, 449 - 450
Анхиал 239, 240
Анчабадзе З.В. 46, 47, 72 – 74, 105, 154, 155, 172, 352, 385, 450
Анчабадзе Г.З. 39, 450
Аншба А.А. 72
Апакидзе А. 399, 450
Аполлоний Родосский 74, 75
Аппиан 374, 430, 450
Апсирт 239
Арвеладзе Б. 253, 254, 480
Аргишти I 181, 184, 220, 221, 293
Ардзинба В.Г. 73, 170, 173, 174, 223, 262, 343, 450
Ардамос (Ардам) см. также Адармос 406, 407
Ардзюл 251, 252
Арма 404, 405
Армаз (божество) 124, 399, 400 – 409, 417, 418, 424, 454, 478, 491
Армаси (Алмаси) 404
Армас 400, 404, 405
Арриан 21, 82, 83, 138, 239, 240, 241, 264, 431
Арсаком 80, 85
Арсанукаев Р. 15, 16, 17, 49, 58, 317, 450
Артабазан 430
Артабан V 136
Артамонов М.И. 125, 451
Арташес I (Артаксий) 149, 256, 415
Арташир I Сасанид 136, 138
Артемидор Эфесский 200, 241
Артикас 410
Арубани 413, 414, 454
Арутюнян Б.А. 11, 12, 40, 42, 129, 141, 143, 243, 451
Арутюнян Н.В. 86, 180, 181, 182, 185, 186, 211, 343, 391, 451
Арутюнов С.А. 102, 122, 451
Арцруниды 212, 265
Арчил 251, 413
Аршак 144, 245, 415
Асандр 22
Асиа 184
Аспагур 137
Аспаруг 22
Астана 73
Астемиров В. 369, 451
Атропат 427, 428
Афанасьев Г.К 278, 451
Афридон (Феридун) 407
Афшин 254
Ахмадов Я.З. 2, 10, 16, 251, 451
Ахриев Ч. 67, 114, 451
Ахундов Т. 173, 451
Ачугба Т.А. 2, 57, 451
Ашот Багратуни I 265, 413
Ашот Багратуни (786 – 826) 412
Ашот Железный Багратуни 254, 256
Ашот Куропалат (Багратиони) 413
Ашот Слепой Багратуни 412
Ашуш 251, 252
Ашшурнасирапал II 214
Аэт 75, 239

Б

Бабахян Л.О. 210, 451
Багаев М.Х. 340, 451
Багам 410,
Багарат 410, 411, 414, 415, 417
Багбарту 413, 414, 454
Багратуни 184, 265, 395, 411 – 417, 475, 476
Базоркин М.М. 65, 195, 343, 452
Бакаев Х.З. 220, 452, 452
Баладзори 199
Барамидзе А. А. 382, 393, 425, 452

Бардавелидзе В. В. 70, 367, 368, 401, 404, 452
Бардос 46, 315, 316, 377, 385, 390, 391
Басиат 77
Батчаев В. М. 298, 452
Башалиев В. 171
Бгажба Х. С. 29, 105, 452
Бгажба О. Х. 229, 452
Белинский А. Б. 280, 293, 305, 452
Белли О. 171, 492
Белков П.Л. 270, 452
Белявский В.А. 322, 452
Бенедикт В. 170
Бердзенишвили Н. 191, 349, 452
Берже А. П. 65, 67, 453
Березин Я. Б. 327, 339, 433, 453
Берлизов Н. Е. 432, 453
Бертранд А. 274, 493
Беслекоева К. Х. 110, 448
Бетрозов Р. Ж. 22, 82, 181, 454
Бетрозова М. А. 63, 453
Биягов Л. Н. 414, 453
Богаевский Б. 79, 453
Бондаренко Д. М. 300, 310, 453
Болтунова А. И. 306, 346, 399, 401, 404, 405, 409, 453
Большаков О. Г. 286, 453
Борисов А. В. 277, 471
Боузек Я. Г. 294, 453
Брагвадзе З. 33, 453
Браун И. 170
Бромлей Ю.В. 306, 453
Броссе М. 364, 492
Бунак В. В. 110, 454
Бунятов Гр. 222, 223, 454
Бутба В. Ф. 32, 454
Бэл 381, 394
Бэнэцяну Влад. 382, 455
Бюрам 410

В

Вагапов Я. С. 15, 38, 86, 106, 107, 181, 454
Валаршак II 246, 249, 250, 251, 387,
Ванеев З. Н. 27, 48, 454
Ван Гревелд М. 270, 494
Ван дер Влит Э. Ч. Л. 270, 454
Вардан Аревелци 22, 134, 153, 154, 160, 161, 163, 225, 226, 243, 265, 456
Варущенко С. И. 276, 454
Варущенко А. Н. 276, 454
Васак Мамиконян 135
Васак Багратуни 412
Вахтанг Горгасал 429
Вахушти Багратиони 413, 455
Вачэ 151
Бертранд А. 274, 493
Веспасиан 39
Виноградов В. Б. 14–18, 20, 23, 46, 47, 57, 58, 62, 64, 66, 72, 75, 76, 85, 96, 99, 100, 225, 279, 282, 285, 297, 302, 312, 314, 321, 323, 324, 326, 327, 336, 339–341, 357, 420, 422, 423, 451, 454–456
Волкова Н. Г. 14, 18, 61, 125, 126, 127, 156, 435, 456
Вольная Г. Н. 294, 339, 367, 456
Воронов Ю. Н. 29, 32, 90, 93, 95, 171, 204, 239, 240, 259, 292, 456

Г

Га 67
Габелия А. Н. 94, 456
Габриелян Г. А. 145, 456
Габуев Т. А. 82, 83, 137, 142, 456
Гаглоев (Гаглойти) Ю.С. 12, 13, 18, 27, 47, 48, 51, 52, 54–56, 72, 74, 79, 86, 140, 141, 142, 144, 340, 456, 457
Гагошидзе Ю. М. 360, 361, 372, 457
Гадагатль А. М. 72,
Гаджиев А. Г. 110, 457
Гаджиев М. С. 171, 457
Гадло А.В. 12, 13, 18, 125, 128, 143, 315, 316, 320, 457

Ган К. 458
Газдапустай Д. 293, 457, 493
Гамбашидзе О.С. 198, 457
Гамбашидзе И.О. 198, 457
Гаим 124, 360, 373, 398, 402, 403, 408, 424
Гайдукевич В.Ф. 79–81, 457
Галаева В.Н. 285, 288, 458, 471
Гамкрелидзе Г.А. 362, 457
Гамкрелидзе Т.В. 101, 171, 175, 176, 365, 45, 458
Гамрекели В.Н. 28, 37, 47, 50, 105, 106, 458
Гансен М.Г. 270, 493
Гаос (hАйк, hАос) 46, 53, 315, 328, 329, 377, 379, 380–383, 385
Гаци 124, 360, 373, 398, 402, 403, 408, 424
Гвасалия Д.Г. 125, 154, 457
Гекатей Милетский 152, 233
Геланик Милитенский 200
Генко А.Н. 62, 68, 69, 75, 154, 161, 458
Георгиев В.И. 176, 458
Герасимова М.М. 110, 111, 458
Геродот 21, 33, 82, 188, 204, 233, 236, 264, 311, 321, 322, 326, 331, 346, 351, 352, 458
Герни О.Р. 223, 458
Гернот Вильхельм 170, 458
Гётц А. 189, 493
Гиршман Р. 293, 322, 493
Глейе А. 172
Гнуни 186, 415
Гобеджишвили Г. 173, 399, 450, 465
Головинский П.А. 158, 458
Головлев А.А. 276, 458
Гольдштейн А.Ф. 115, 458
Гомер 391
Гордий 188, 191
Горепекин Ф.И. 61, 66, 106, 113, 114, 215, 458
Градин Н.Н. 271, 458
Граков В.Н. 79, 311, 458
Грантовский Э.А. 312,
Грен А. 158, 159, 172, 458
Григорий Просветитель 131, 132
Григола Хандзтели 413
Гублиа Р.К. 192, 458
Гулиа Д.И. 29, 89, 177, 235, 459
Гуляев В.И. 287, 289, 303, 459
Гумба Г.Д. 2, 3, 13, 22, 35, 36, 42, 147, 225, 265, 365, 373, 390, 394, 422, 459
Гутнов Ф.Х. 72, 116, 119, 120, 459
Гушар (Гуджар) 243, 250, 257

Д

Давид 412, 413
Давид Римский 131
Давудов О.М. 459
Дадиилу Каскейский 181
Далгат У.В. 66, 74, 113, 459
Дандамаев М.А. 351, 459
Дарий I 152, 351, 379
Дарий (Дарех) III Кодоман 251, 359, 375, 427
Дахкильгов И.А. 67, 113, 459
Дебец Г.Ф. 110, 111, 460
Деетерс Г. 364, 494
Демосфен 81,
Диела (Дъяла, Дала) 71, 181
Дешериев Ю.Д. 14, 15, 62, 86, 102, 157, 159, 170, 190, 191, 216, 355, 408, 460
Джавахишвили И.А. 12, 14, 15, 49, 105, 109, 154, 156, 168, 172, 209, 224, 312, 359, 374, 375, 401, 404 - 406, 437, 452, 460
Джавахишвили Э.Н. 112, 460
Джавахадзе Н.В. 460
Джамирзаев С.М. 460
Джанашвили М.Г. 343, 408, 460
Джанашиа С. 172, 175, 452
Джапаридзе О.М. 95, 170 - 174, 353, 375, 460
Джапуа З.Д. 72, 73, 325, 461, 460

Джаукян Г. Б. 112, 167, 450, 461
Джафаров Ю. Р. 461
Джуаншер Джуаншериани 35, 429, 460, 461
Джуртубаев М. Ч. 315, 461
Дзиццойты Ю. А. 72, 461
Дигор 119
Дидебулидзе З. Ш. 46, 47, 55, 57, 316, 378, 386, 389, 461
Диодор Сицилийский 262, 331
Дион Кассий 136, 239
Дионисий 84, 85, 295
Дионисий Александрийский (Периегет) 363
Динамия 22
Дирр А. М. 14, 462
Диуцини 186
Доманский Я. В. 65, 461
Дубовская О. Р. 305, 488
Дударев С. Л. 90, 272, 278, 280, 281, 284, 285, 287, 293, 452, 453, 457, 461, 462
Дунаевская И. М. 170, 174, 462
Дэвид Рол 219, 462
Дюмезиль Ж. 72, 462
Дьяконов И. М. 14, 23, 101, 102, 166, 167, 170, 172, 174–176, 188, 189, 197, 198, 218, 220, 226, 229, 235, 286, 319, 322, 325, 351, 378, 381, 383, 391, 414, 434, 440, 462, 463
Дьячков-Тарасов А. П. 296, 463

Е

Евстафий 233, 237, 363
Еквтиме Атонели 384
Елише (Егишэ) 126, 135, 151, 464
Ельницкий Л.А. 19, 23, 24, 29, 56, 57, 82, 84, 271, 464
Епифаний Кипрский 384
Ервандуни 415
Есаян С. А. 165, 323, 338, 414, 463
Еремян С. Т. 11, 12, 14, 16, 17, 18–20, 23, 31, 36, 40, 42, 43, 125, 132, 135, 136, 138, 144, 147, 154, 189, 211, 243, 246, 382, 387, 411, 463, 264

Ж

Ждановский А. М. 358, 464
Жебелев С. А. 311, 464

З

Заратуштра 404, 429
Зариадрий 256
Захария Ритор 132
Згуста Л. 312
Зимарх 206
Зыцарь Ю.В. 73, 464

И

Иаредос 399
Иафет 377, 392
Ибн ал-Факих 134,
Иванов Вяч. Вс. 101, 170, 174, 176, 261, 262, 275, 235, 458, 464
Иващенко М.М. 90, 464
Иеремия 382
Иисус 412, 413
Иоанн 130
Иордан 125, 465
Инадзе М. 29, 34, 43, 200, 465
Инал-ипа Ш. Д. 29, 61, 72, 74, 92, 105, 170, 172, 174, 195, 465
Инанишвили Г. 175, 465
Инанна 223
Инков А. А. 80, 448
Иллич-Свитыч В. М. 260, 464
Ильясов Л. 65, 437, 465
Ильинская В.А. 295, 311, 324, 326, 338, 465
Иоанн де Галонифонтибус 370, 465
Ипполит 378, 386, 390, 476

Ираклий (император Византии) 153
Исидор Харакский 241
Исмагилов Р.Б. 312, 465
Истр 409
Иштар 215, 482

К

Кавад I 390
Кавеньяк Л.Э. 322, 493
Каждан А.А. 464
Какабадзе С. 45, 154, 155, 192, 255, 403, 466
Кавкас (Кавкасос) 46–48, 50–52, 54, 56, 60, 328, 337,
Каландадзе А.Н. 90, 399, 450
Калдани А.М. 466
Калоев Б.А. 102, 116, 117, 119, 120, 121, 466
Каллигон 80
Каменецкий И.С. 97, 284, 357, 466
Кантариа М. 261, 466
Капанадзе Н. 33, 454
Капанцян Гр. 184, 186, 264, 411, 414, 466
Карагезян Ов. 185, 186, 467
Караулов Н.А. 134, 467
Карбелашвили П. 402, 464
Карнейро Р.Л. 270, 467
Картлос 46, 58, 59, 162, 163, 306, 315, 337, 377, 379, 403
Каухчишвили С.Г. 38, 45, 46, 467
Квирике I 255
Кекелидзе К.С. 46, 132, 133, 370, 378, 381, 383, 384, 386, 467
Керефов Б.М. 467
Кир 49, 263
Киаксар 164, 325
Кириченко В.В. 285, 334, 339, 467
Клавдий Элиан 84
Клапрот Г.Ю. 127, 156, 314, 494
Классен Х.Дж.М. 276, 471
Клейн Л.С. 72, 176, 177, 467
Клеопа 413
Клиге Р.К. 276, 454
Климов Г.А. 170, 174, 175, 468
Кобычев В.П. 65, 67, 68, 70, 106, 109, 113, 121, 127, 158, 215, 417, 468
Ковалевская В.Б. 23, 46, 47, 57, 79, 164, 228, 286, 299, 300, 314, 315, 320, 326, 334, 341, 468
Ковалевский С.А. 19, 468
Кодзоев Н.Д. 94, 468
Козенкова В.И. 64, 88, 90, 95, 96, 98, 99, 122, 198, 230, 259, 272, 278, 282, 287, 290–292, 295, 297, 298, 300–302, 326, 327, 340, 468, 469
Кокиев Г.А. 77, 116, 121, 470
Коков Д.И. 76, 470, 470
Кондрашов А.В. 299, 470
Константин III (абхазский царь) 255,
Константин (византийский император) 148, 149
Константин Багрянородный 162, 413, 470
Корбулон 37
Кореневский С.Н. 286, 301, 470
Кореняко В.А. 327, 470
Коробов Д.С. 277, 289, 470
Коротаев А.В. 270, 276, 300, 310, 454, 47
Корюн 251, 252, 470
Коссак Г. 293, 493
Косаро 137
Косвен М.О. 470
Косян А.В. 189, 470
Крадин Н.Н. 276, 300, 310, 454, 470
Кривицкий В.В. 230, 470
Кривцова-Гракова О.А. 470
Круглов А.П. 64, 65, 470, 471
Крупнов Е.И. 14, 47, 64–66, 74, 88, 94, 96, 99, 157, 171, 173, 195, 197, 216, 266, 273, 277, 278, 279, 281–283, 285–287, 291–295, 298–300, 302, 304, 308, 321, 323, 327, 340–342, 355, 357, 471
Ксеркс I 351, 381

Ксенофонт 84, 179, 184, 233, 234, 236, 241, 242, 261, 262, 263, 264, 471
Куббель Л. Е. 276, 471
Куджи 388, 389, 421, 422
Кудрявцев А. А. 285, 288, 310, 471
Кудрявцев Е. А. 273, 288, 471, 472
Кузьмина Е. Е. 72, 176, 472, 486
Кузнецов В. А. 12, 13, 18, 23, 26, 72, 99, 106, 115, 116, 143, 197, 230, 357, 443, 472
Куклина И. Н. 82, 472
Кумахов М. А. 63, 472
Кумахова З. Ю. 63, 472
Курта 119
Куфтин Б. А. 29, 32, 90, 348, 362, 472
Кушаев Г. А. 312, 448
Кушнарева К. Х. 171, 269, 472, 478

Л

Лазарь Парпеци 135, 473
Лайпанов К. Т. 27, 473
Ларош Е. 262, 494
Латышев В. В. 35, 80 – 84, 202, 474
Лаудаев Умалат 115, 473
Левканор 80, 81, 85
Левкон 81
Левкон I (Боспорский царь) 22, 81
Левкон II (Боспорский царь) 81
Левонд (Гевонд)
Леон II (абхазский царь) 34
Лекос 46, 51, 328, 329
Лелюхин Д. Н. 270, 433, 473
Лимберис Н. Ю. 326, 473
Липец Р. С. 113, 473
Лисимах 372
Ломоури Н. Ю. 29, 34, 35, 41, 43, 347, 378, 389, 399, 400, 422, 473
Ломтатидзе К. В. 105, 174, 180, 192, 473
Ломтатидзе Г. 399, 449
Лордкипанидзе Г. А. 361, 473
Лордкипанидзе О. Д. 154, 155, 190, 272, 347–349, 360–363, 376, 399,400, 413, 474
Лордкипанидзе М. Д. 154, 413, 478
Лота 124, 348
Лохант 80
Лукиан Самосатский 79–85, 343, 345, 407, 453, 466, 474, 501
Луконин В. Г 138, 474
Лукулл 245
Лынша В. А. 276, 470
Любимов Ю. В. 436, 438, 474

М

Ма 215
Маан О. В. 29, 475
Маат 65, 215, 121
Магал, Маго, Мага-ерды 65 – 69, 114, 214, 258, 417
Мазея 85
Майсурадзе В. 173, 465
Макалатия П. Н. 109, 474
Макалатия С. И. 190, 323, 474
Маккуйн Дж. Г. 173, 189, 450, 474
Макент 80, 81, 83, 84
Максимова М. И. 84, 471
Малх 61, 62, 64, 66–69, 71, 72, 75, 76, 78, 86, 87, 114, 121, 122, 215, 216, 258, 304, 305, 307, 308, 343, 344, 358, 369, 407, 408, 417, 418, 442, 443
Малхаров (Малхартае) 77
Малхузов 77
Малышев А. А. 85, 475
Мальсаг (Бальсаг, Марсаг, Марсуг) 75
Мальсагов А. О. 325, 474
Мамакаев М. А. 437, 474
Маммаев М. М. 282, 474
Мамулиа Г. 474
Манандян Я. А. 211, 264, 475
Мар Абас Катина 392
Марин Тирский 12
Марк Анней Лукан 202

Маркварт И. 12, 165, 475, 494
Марковин В.И. 62, 63, 66, 91, 96, 98, 99, 104, 277, 280, 281, 294, 299, 300, 340, 475, 479
Мартанх 86
Марченко И.И. 326, 358, 465, 473, 476
Марр Н. Я. 14, 17, 49, 87, 92, 102, 105, 131–133, 154–156, 163, 165, 166, 168, 172, 189, 190, 192, 197, 200, 215, 232, 260, 312, 364, 365, 376, 393, 407, 448, 475, 476
Мартиросян А.А. 112, 221, 260, 476
Маслов В.Е. 282, 476
Массон В.М. 271, 476
Масуди 160, 393, 476
Матвеев К.П. 166, 476
Матевосян Р.И. 411, 414, 476
Махортых С.В. 322, 326, 336, 338, 476
Мачавариани Г.И. 101, 175, 458, 476
Мачинский Д.А. 324, 476
Ме, Мошде 215
Мегасфен 250
Медея 239
Мелетинский Е.М. 72, 73, 477
Меликишвили Г.А. 36, 46, 47, 57, 60, 105, 124–126, 153, 156, 161, 164, 165, 170, 171, 174, 178, 179–186, 189–192, 195, 203, 209, 208, 223, 232, 234, 236, 239, 240, 244–246, 266, 272, 314, 316, 317, 346, 348, 352, 355, 359, 362, 372, 374–376, 378, 381, 383, 386, 395, 396, 398–405, 414, 418–420, 440, 477
Меликсет-Бек Л.М. 316, 404, 477
Мелитаури К.Н. 347, 349, 478
Мелконян А.А. 248, 478
Менандр Византиец 206, 478
Менуа 182, 220
Мерперт Н.Я. 176, 478
Месроп Маштоц 11, 126, 251, 252
Мещанинов И.И. 65, 86, 478
Мида (Мыта, Мита) 188, 195
Мизиев И.М. 27, 141, 315, 320, 478
Микеладзе Т.К. 190, 478
Милитарев А.Ю. 177, 478
Миллер В.Ф. 72, 77, 312, 314, 316, 478
Минорский В.Ф. 17, 160, 478
Мирван ибн-Мухаммад 199
Мирван (царь Картли) 38, 44, 428, 429–432
Мирйо Сальвини 220, 478
Мирцхулава Г. 441, 478
Мисак 77
Митридат I Ктист (Михрдат) 250, 251, 359
Митридат VI Евпатор 21, 22, 201, 205
Михаил Панарет 234, 479
Мкртумян Г.Г. 35, 36, 38, 43, 154, 155, 430, 478
Мовакан 46, 53, 315, 377
Мовсес Еливардеци 387
Мовсес Каланкатуаци 141 – 145, 147, 151, 390, 478
Мовсес Хоренаци (Мойсей Хоренский) 12, 17, 39, 133, 136, 142–145, 147, 148, 167, 222, 243, 245–253, 258, 264, 378, 380–382, 387, 390, 392, 395, 405, 409, 410, 412, 452, 478
Молкх 67, 114
Молон 430
Молчанов А.А. 411, 412, 478
Моор Е. 125, 493
Мориге 401, 402
Мохде 215, 417
Мошинский А.П. 97, 281, 283, 294, 305, 470, 479, 479
Мровели Леонти 38, 45 – 48, 50 – 60, 87, 118, 134, 137, 138, 152, 162 – 165, 167, 226, 306, 307, 313 – 321, 323, 325, 328 – 332, 337, 338, 343, 344, 350, 353, 355, 371, 372, 376, 377 – 396, 398, 399 – 403, 406 – 408, 418 – 431, 451, 459, 461, 466 – 468, 475, 479, 487, 490, 500, 508
Мужухоев М. Б. 479
Мунчаев Р. М. 91, 94, 171, 275, 280,

281, 294, 299, 300, 340, 476, 479
Муравьев С. Н 479
Мурадян П. М. 132, 258, 479, 480
Мурван 40
Мурзин В. Ю. 320, 322, 326, 480
Мурсили II 86, 195
Мусхелишвили Д. Л. 35, 41, 43, 190, 200, 227, 228, 248, 249, 252–254, 323, 361, 362, 381, 475, 480
Мушег Мамиконян 150, 253, 254
Мушегян А. 131, 481
Мхер 215
Мюлленхоф К. 312

Н

Набопаласар 226
Навуходоносор (Набукудурриусур) 86, 226, 227, 250, 363, 373, 374, 383, 410, 411, 416, 417
Нана 216, 344
Нариманишвили Г. 352, 480
Нариманов И. Г. 351, 480
Найденко А. В. 327, 470
Неброт (Нимрод, Нимврод) 380, 381, 392, 395, 428, 429
Нектанеба II 56
Нераденко Т. Н. 293, 457, 480
Нерсес Партев 144–146, 148, 465
Несарх 86
Нечаева Е. Н. 311, 481
Николаев С. Л. 101, 178, 336, 481, 486
Николайшвили В. В. 39, 481
Никонов В. А. 481
Нино 130, 133, 248, 317, 360, 370, 398, 402, 405, 464
Новосельцев А. П. 132, 154, 155, 171, 172, 198, 245, 259, 372, 373, 428, 432, 482
Ногмов Ш. Б. 61, 77, 115, 466, 481
Нунуев С.-Х. 8, 211, 216, 481
Нуцубидзе А.А. 95, 259, 481

О

Ованес Драсханакертци 254–256, 265, 266 387, 388, 412, 461
Оранский И.И. 312
Орбели И. А. 125, 128, 464, 482
Орел В. Э. 102, 482
Ос-Багатар 121
Очиаури Т. А. 105, 158, 482
Очир-Горяева М. А. 282, 477, 482, 482
Ошаев М. Х. 69, 482

П

Палефат Абидосский 200
Пап (армянский царь) 145, 146, 150
Пап Александрийский 12
Пардикка 375
Парнаваз (Фарнаваз) 254, 362, 388, 399, 400, 402–405, 408–411, 414, 415, 417–426, 429, 432, 458, 510
Парнаджом (картлийский царь) 428, 429
Парос 410
Паруйр 410, 411, 488
Патканов К. П. 12, 14, 15, 17, 221, 381, 482
Пашуто В.Т. 155, 171, 482
Пачуйч 410
Перисад V
Пероз 151
Петренко В. А. 215, 471, 482
Петренко В. Г. 301, 324, 338, 339, 470, 482
Петросян А. 167
Петросян Г. Б. 13
Петросян С. 221, 223, 482
Петросян Э. 222, 223, 482
Петрухин В.Я. 88, 99, 483
Пиотровский Б.Б. 171, 172, 221, 223,

322, 323, 391, 410, 411, 414, 424, 483, 483
Пир' 218
Пирцхалава М.С. 323, 483
Пицхелаури К. Н. 228, 361, 399, 483
Погребова М.Н. 14, 165, 216, 228, 230, 283, 306, 323, 325, 338, 464, 483
Подосинов А. В. 81, 483
Полибий 428, 430, 483
Помпей 352, 461
Помпоний Мела 130, 204, 365
Плиний 21, 37, 40, 130, 204, 205, 239, 241–243, 245, 246, 356, 404, 431, 479
Плутарх 352, 483
Прастень 409
Прокопий Кесарийский 204, 237, 238, 260, 431, 483
Приск Панийский 39, 126, 311, 480
Прокопенко Ю.А. 280, 284 – 286, 288, 294, 295, 304, 327, 338, 357, 472, 483
Псевдо-Арриан 201, 239
Псевдо-Коллисфен 56
Птолемей Клавдий 12, 18, 19, 21, 22, 24, 28, 29, 30, 32, 34, 35, 40, 41, 139, 144, 240, 245, 404, 473
Пхакадзе Г.Г. 171, 484
Пчелина Е.Г. 116, 117, 467, 484
Пьянков И.В. 319, 484

Р

Раевский Д.С. 14, 72, 88, 228, 306, 325, 483
Райнхольд С. 289, 470
Резепкин А.Д. 299, 471, 484
Риттер К. 152, 484
Робакидзе А.И. 47, 70, 105, 106, 393, 398, 410, 485, 489
Рогава Г.В. 63, 484
Романовская М.А. 301, 470
Россиков К.Н. 158, 159, 484
Ростовцев М.И. 79, 81, 82, 241, 312, 363, 484
Рубин О.С. 176, 178, 484
Рудницкий Р.Р. 288, 471
Рштуни 415
Рыбаков Б.А. 279, 305, 484
Рысин М.Б. 269, 473, 484
Рябова В.Я. 327, 484

С

Саак Багратуни 395, 412
Сазонова Н.Е. 287,484
Сазонов А.А. 166, 476
Сайко Э.В. 283, 484
Салакая Ш.Х. 61, 72, 484
Саламов А.А. 456
Салманасар III 231, 214
Сальвини Мирио 218, 484
Самуэл 252
Санатрук 142, 143
Санесан 140, 142 – 144, 147 - 150
Санжаров С.Н. 123, 485
Сапрыкин С.Ю. 359, 375, 485
Саргон II 211, 220, 414, 416
Сардури II 184, 186, 222, 293
Сасрыкуа (Созырыко, Сослан) 72, 73, 462
Сатаней (Сатаней-Гуашьа) 73
Саурмаг 59, 60, 426–428
Свазян Г.С. 245, 246, 485
Себеос 410, 411, 415, 417, 465
Семенов Н. 115, 485
Семенов Л.П. 121, 127, 195, 216, 485
Сент-Мартин В. 314, 494
Сени 184
Селевк 359
Селецкий Б.П. 310, 486
Септимий Север 246
Сергеевский Д. Н. 84
Серов С. Я. 113, 474

Сефербеков Р. И. 63, 71, 118, 156, 369, 485
Сидамон 121
Сим 378
Скайорди 410, 487
Скаков А. Ю. 88, 99, 123, 485, 486
Скилак Кариандский 201, 363
Скимн 363
Скрипкин С. А. 26, 27, 49, 486
Слак 167
Смбат Багратуни 415
Смбат I Багратуни 254–256
Смирнов А. П. 23, 486
Смирнов К. Ф. 86, 176, 486
Снисаренко А. 67, 486
Солин 245
Сланов А.Х. 291, 486
Спандиат 363
Старостин С. А. 101, 102, 170, 177, 178, 464, 479, 481, 486
Страбон 21, 22, 38, 40, 44, 48 – 50, 78, 92, 146, 147, 184, 200 – 205, 212, 224, 233, 243 – 245, 247, 256, 257, 261, 295, 404, 431, 432, 453, 457, 486
Стужина Э. П. 287, 486
Сукриян (Сукри) А. 15
Сулейманов А. С. 106, 107, 157, 160, 193, 486
Сулейманова С. 135, 139, 487
Сумбатзаде А. С. 40, 487
Сумбат Давитис-дзе 413, 487
Сфандр 409

Т

Табари (Ат-Табари) 132
Тага (Тагаур) 119–121
Такайшвили Е. С. 45, 482, 487
Тамар 255, 467
Таргам (Таргамос, Таргом) 46, 52, 53, 57, 58, 315, 328, 329, 345, 377, 378, 380, 383–385, 390–395, 419, 425, 428
Тархунта 400
Таршис 377
Татащ 61
Теишейба (Теишуб) 191, 216, 223
Тестелец Я. Г. 101, 448
Тер-Гевондян А. Н. 131, 134, 487
Тереножкин А. И. 295, 311, 324, 326, 338, 465
Терехова Н. Н. 229, 453, 487
Техов Б.В. 88–90, 96, 98, 271, 273, 277, 278, 280–283, 293, 298, 302, 323, 353, 487
Тигран II Великий 149, 244–247, 380
Тиграпат 80
Тиглатпаласар I 181, 182, 188
Тирацян Г. А 351, 382, 488
Тирет (Тирен, Тинен, Тирис) 220, 318, 329, 337, 343, 407, 451
Тменов В. Х. 121, 122, 487
Товма Арцруни 263, 264, 487
Тогошвили Г. Д. 47, 314, 487
Толордава В. А. 361, 362, 487
Топоров В. Н. 408, 487
Топчишвили Р. А. 105, 487
Тохтасьев С. Р. 312, 488, 488
Трапш М. М. 272, 323, 488
Трдат I (парфянский царь) 246
Трдат II (армянский царь) 136, 137
Трдат III (армянский царь) 128, 130, 139, 140, 146, 148, 149
Тревер К. Н. 125, 126, 143, 489
Трубецкой Н. 101, 495
Туаева З. Д. 90, 291, 488
Туаллагов А.А. 27, 47, 48, 53 – 56, 72, 75, 315, 320, 323, 330, 340, 488
Туманов К.М. 15, 109, 162, 168, 192–194, 196, 415, 488
Турчанинов Г.Ф. 21, 78, 488
Тутмос I 215
Тушинский Г. К. 59, 488
Тушоли 191, 216, 344

Тушпа 191, 212, 216
Тхьа 62, 71, 221

У

Уастырджи 73
Уацилла 118
Уварова П. С. 193, 293, 295, 489
Уобос 51, 52, 54, 55, 314–316, 332
Умалат Лаудаев 115, 473
Улликум 73, 343
Урнайр 144–148, 150
Урушадзе Н. Е. 367, 368, 489
Услар П. К. 109, 152, 168, 172, 191, 206, 367, 488
Утупуршини 184
Утургаидзе Ф. 105, 106, 488

Ф

Фавст Бузанд (Фавстос Бузанд) 129, 140–148, 150, 253, 254, 264, 392, 415, 488
Фасмер И. 312
Федоров Г. С.
Федоров Я. А. 93, 172, 489, 488
Федорова Р.В. 276, 489
Феофан Митиленский 202, 204
Ференци Л. 94, 489
Филипп Македонский 297
Форрер Е. 170
Флеров В. С. 305, 489
Фрезер Дж. Д. 68, 489
Фрикс 202
Фурстень 409
Фуртвенглер А.
Фюстель де Куланж.

Х

Хабичев М. А. 315, 489
Хазанов А. М. 324, 331, 451, 489
Хазар 52
Хазарадзе Н. В. 189, 400, 489
Халаева К. Д. 369, 490
Халатянц Г.А. 212, 415, 489
Халди 218, 220, 262, 413, 414, 416, 424, 453
Ханаланян А. 222, 223, 489
Хансен М. Н. 270, 490
Харадзе Р. Л. 47. 70, 105, 106, 193, 198, 420, 489
Харке Х. 293, 452
Хартупу 400
Хахутайшвили Д. А. 347, 348, 354, 401, 489
Хачатрян А. 189, 489
Хачикян М. Л. 170, 489
Хашагульгов А. Т. 86
Хепат 223
Хорхоруни 415
Хосров (армянский царь) 136, 137, 150
Хосров I (персидский царь) 132, 136
Худадов В.Н. 84, 234, 404, 489
Хуцау 117
Хьюссен Р. Х. 12, 13, 493

Ц

Цагаева А. Дз. 76, 106–108, 115, 157, 489
Цагарейшвили Е. 249, 490
Цвинария И. И. 2, 173, 490
Церетели Г. 175, 364, 376, 490
Цу (ЦIу) 71, 117, 118, 156, 157, 159,160, 181, 216, 238, 344
Цукерман К. 12, 13, 490
Цулая Г. В. 31. 38, 45 – 47, 52, 53, 59, 72, 74, 137, 316, 325, 330, 377–381, 383, 385, 386, 389, 390, 392, 398, 399, 420, 425,427, 429, 461, 479, 490

Ч

Черных Е.Н. 275, 490
Чеснов Я.В. 66, 437, 491, 490
Черепнин Л.В. 155, 171, 481
Чеченов И.М. 271, 284, 340, 490, 491
Чикобава А.С. 105, 170, 172, 174, 175, 180, 192, 260, 491
Чиковани Г. 441, 478
Чихладзе В.В. 39, 481
Чокаев К.З. 14–18, 62, 66, 68, 70, 76, 106–108, 157, 159, 161, 170, 181, 216, 456, 491
Чубаров В.В. 276, 470
Чубинишвили Т.Н. 171, 472
Чурсин Г.Ф. 116 – 119, 325, 491
Чшиев В.Т. 293, 491

Ш

Шавхелишвили И.А. 47, 105, 106, 109, 156, 491
Шагинян А.К. 12, 13, 491
Шамба Г.К. 272, 491
Шанидзе А.Г. 109, 192, 253, 491
Шапур I 137, 138, 257
Шапур II 140, 141, 144, 146
Шарашидзе Л.П. 112, 492
Шаро (Шара, Шарума, Шарма) 154, 157, 212, 222–224, 243, 250, 257, 258, 344, 483
Шелов Д.Б. 79, 493
Шергир 145
Шивини 424
Шур В. 39, 495
Штайнер Г. 170

Э

Эгрос 46, 315, 377, 384 – 386, 390
Эвбиот 80, 85
Эл 216, 344
Эльджеркиев Эльбузур 66
Эрос 46, 315, 377
Эфор 75
Эштар (Эштра) 216, 344

Ю

Юсуф 265

Я

Язон 75
Якобсон В.А. 286, 463
Яйленко В.П. 85, 492

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

В указатель не вошли термины общего характера, как *Азия, Восток, Древний Восток, а также Кавказ, Северный Кавказ, Центральный Кавказ, Западный Кавказ, Восточный Кавказ, Южный Кавказ* и прилагательные от географических терминов.

Кроме того, в указатель не включены названия, входящие в состав библиографических ссылок, а также данные только в латинской транскрипции.

А

Абазги 69, 189, 240
Абано 95, 259, 482
Абарсунив 186
Абастумани 348
Абаши 32
Абешла, абешлайцы 180, 181, 188, 189
Абиани 186
Абилианихи 184
Абсар, Апсар 233, 240, 242
Абхазия, Абхазское царство 2, 11, 13, 21, 29, 32, 33, 35, 55, 72, 74, 91, 94, 120, 177, 200, 201, 235, 255, 272, 296, 323, 325, 352, 379, 384, 385, 387, 389, 450, 457, 459, 460, 466, 468, 474, 475, 481, 489, 492, 493
Абхазы 7, 20, 29, 31, 38, 45, 60, 61, 68, 69, 71, 72–76, 78, 86, 87, 92, 102, 105, 131, 132, 133, 155, 168, 172, 177, 180, 189, 192, 195, 206, 215, 235, 239, 255, 262, 325, 366, 368, 369, 379, 384, 385, 386, 434, 448, 466, 474, 477, 480, 485, 491
Австрия 282
Агриофаги 57
Агуги 145
Адаррашка 212
Аджария 121, 162, 196, 374
Аджаро-Имеретинский хребет 42, 351
Адиабена 138
‘Аза 221
Азербайджан 135, 224, 322, 323, 351, 361, 462, 468, 475, 481, 486, 487
Азия Малая 92, 152, 172–174, 176, 179, 180, 188, 189, 195, 205, 217, 223, 229, 241, 261, 286, 359, 362, 372, 374, 375, 388, 397, 400, 401, 405, 423, 440, 441, 450, 465, 475
Азия Передняя 7, 8, 16, 39, 100, 110, 114, 123, 164, 165, 168–172, 175, 176, 178, 194, 196–198, 209, 210, 213, 215, 216, 220, 221, 226, 227, 230, 231, 244, 266–269, 285, 292–294, 299, 304, 307, 310, 311, 313, 316, 322, 323, 325, 328, 329, 331, 334, 354, 356, 359, 368, 380, 391, 392, 432, 441, 452, 463, 483, 487, 488, 493, 509
Азия Средняя 155, 171, 323, 458, 482, 484, 171, 296, 351, 444, 473, 477
Азия Центральная 14, 312, 466, 312, 463
Азовское море 24, 25, 57, 82–84, 102, 325, 357, 470
Аеалиа 213
Айале 213
Ай-Илиа 352
Айрарат 185, 220
Акилисена, Эклеци, Акисена 388
Аксай 10, 89
Аккадцы 172
Акки 209

Акампсис 20, 232,233; см. также: Чорохи, Вох
Акуа см. Сухум
Алале 158, 216
Алалхе 171
Аллагир (Уалагир) 120, 121
Алагирское ущелье 106, 121, 157, 212
Аладжа Гуюк 271
Алазань 10, 16, 40, 42, 45, 70, 87, 89, 90, 96, 130, 139, 148–150, 161, 187,199, 205, 210, 216, 224, 232, 238, 242, 244, 246, 256, 257, 259, 261, 348, 365, 371, 401, 433
Алания 33, 34, 443
Аланы 13, 15–18, 20, 23, 25–27, 46, 47–49, 51, 52, 56–58, 79, 81–83, 86, 99, 104, 115–117, 119, 121, 128, 131, 132, 136, 137, 140–145, 164, 197, 225, 229, 315, 317, 326, 332, 334, 341, 443, 446–449, 451, 455, 457, 460, 468, 469, 473, 487, 489
Аланские ворота 35, 36, 41, 42, 126, 128, 132–135, 137, 144, 145, 151, 254–256, 266, 286, 312; см. также Дарьяльские ворота, Хонские ворота
Алародии 101, 464, 487
Албания 11, 22, 23, 26, 28–31, 36–44, 49, 50, 125, 128, 129, 132, 134, 135, 137–139, 141–144, 146–148, 150, 154, 163, 205, 242–246, 249, 251, 252, 265, 296, 351, 383, 390, 421, 448, 449, 451, 460, 462, 482, 486, 489, 490
Албаны 50, 127, 137, 140–142, 144, 146–149, 186, 204, 205, 242, 267, 390, 391
Албанское марзпанство 43, 249, 390
Албанское царство 43, 147, 148, 151
Алзи (Алзни, Алдзник) 188, 189, 158, 194, 210, 213, 219, 263, 459
Алишту 182
Алтуд 321
Алхан-Кала 283, 456
Альпы 295
Амадани 213
Амазонки 19, 22, 23, 25, 204, 471, 488
Амол 41
Америка 23
Амис 241
Амурашка 212
Андийский хребет 10, 22–26, 45, 60, 87, 96, 105, 107; см. также Кераванийский хребет
Андийцы 10, 130, 181, 191, 198, 199
Андия 198
Анатолия 73, 101, 170, 171, 173, 174, 176, 178, 187,197–199, 207, 223, 430, 450, 465, 467
Ангех (Ангех-тун) 167, 219, 249, 410, 411, 415–417
Андзиадзор 388
Антиохия 297
Антитавр 244
Аорсы 23, 20, 25, 26, 45, 357
Апсар 173, 239, 491
Апсилы 240
Апсны; 33; см. также Абхазия
Апсуа 239; см. также абхазы
Апуни 186
Арабы 37, 56, 158, 160, 252, 321, 409, 412
Арабский халифат 37, 39, 132, 160, 320, 412, 413
Аравия 114, 138, 160
Арагви (Арага) 28, 35–40, 42–44, 69, 70, 89, 9, 127, 149, 154, 156, 163, 188, 191, 193. 194, 216, 228, 246, 348, 403, 404
Арагвские ворота 51, 318
Аранцахи 194, 211
Арапхи 171, 195
Арарат 186, 223, 293, 318, 377, 380
Араратская равнина 86, 219, 221, 231, 380, 395
Араца (Арца) 209
Арацани (Арцани) 161, 188, 189, 194, 196, 209, 212, 214, 216, 219, 220, 226, 242, 261
Аральское озеро 82
Аракс 16, 86, 184–186, 198, 199, 210 ,213, 220–222, 224, 232, 241, 243, 261, 262, 271, 322, 385, 427, 428

Арги 115, 116, 197, 235
Аргвети 197,202, 362, 373
Аргвелы 25, 197
Аргиштихинили 86
Аргун (Орга) 50, 58, 60–62, 66, 99, 104, 127, 154, 157, 158, 164, 224, 276, 280, 476
Аргунский проход 40
Ардини 209
Ардишка 212
Ардозеан 36
Ардон 80
Ардоти 40
Ариан-Картли 59, 124, 360, 373, 398
Аринберд 86, 221
Аркуа 186
Арлаини 209
Армавир-Блур 221
Армази 37, 124, 192, 376, 399–409, 417, 418, 424, 454, 478, 491
Армазисхеви 399, 406, 450
Армарили 213
Армас 400, 404, 405
Арменохалибы 242
Армения 11–13, 16, 20, 31, 36–43, 50, 59, 92, 112, 119, 120, 128–146, 148, 150–152, 162, 167, 179, 185, 189, 196, 197, 202, 203, 211, 214, 221, 222, 224, 234, 238, 243, 244–249, 252–259, 261–266, 296, 323, 351, 360, 374, 375, 378–382, 387, 390, 392, 395, 410–415, 430, 432, 448, 450, 451, 454
Армения Великая 184, 186, 242–244, 251, 252
Армина 152
Армн 41, 42
Армуна 211
Армхи (Архи) 68, 114, 127, 160, 209, 278
Армяне 53, 126, 189, 263, 364, 383–385, 391, 463
Арпас 234
Арпачай-Ахурян 180
Арсиан-Картли 374
Арсианский хребет 162, 224, 351
Арсиацпор 162
Арсиу 211
Арсуани 212
Артаган 244
Артанудж 162, 412
Арташат 214
Артвин 20, 387
Артик 112
Архабис (Архаве-Су) 239
Археополис, Годжи 389, 390
Архота 158
Арцабиа 211
Арцабка 209
Арцапкар 162
Арцати 162
Арцах 144, 185, 293
Арцашку (Арзашку) 212
Арцвик 212
Арцвакар 212
Арце 162
Арцес 162
Арцетон 162
Арцеваник 162
Арцив 45
Арциду 212
Арцик 162
Арцити 162
Арцоваберд 211
Арцрум (Арцнрум, Ерзрум) 114, 152, 162, 212, 216, 219, 411
Арцуни 212
Арцуруни 212
Арцруниунеани 211
Арчив 183
Арч Корт 193
Аршта 182
Арэ 41
Ассирия, Ассирийское царство 171, 172, 219, 226, 323–325, 373, 411
Ассирийцы 56, 381, 413, 428, 440, 463
Аззи (Асси) 209
Асы 121, 225, 460, 473
Астхи-Блур 259
Ассиновское ущелье 39

Ассинский проход 40
Астуркианы (аспургианы) 24
Асурестан 138
Атина 239
Атрпатакан 41, 139, 254
Аттика 288
Ахали-Живнали 401
Ахалцихе 196, 197, 211, 224
Ахей 37, 200, 201
Ахеунта 201
Ахмета 40
Ахметовский район 284
Ахурян 221, 222, 224
Ашоцк 250
Ашшура 181, 324
Ашдигор (аштикор) 25

Б

Бабанахи, бабхи 210, 212, 213, 226
Багреванд 144
Бавария 282
Базалети 36, 42, 156 , 429
Байазет 162
Баксан (Бахсан) 114, 115, 119
Баксанское ущелье 279
Бактрия 359
Баласакан 41, 135, 144
Баласичы 140, 143, 144
Балкан 174–176, 188, 261, 262, 275, 292, 365, 446, 490
Балкария 76, 77, 85, 89, 108, 212, 315
Балкары 56, 76, 77, 106, 107, 110–112, 155, 315, 318, 366, 384, 396, 446, 462
Банах 62
БІастахи 61, 62
Барда (Партав) 316, 390, 391, 427, 428
Барт-Корт 193
Басоропед 244
Басха 218
Бат 200
Батман 210
Бацбийцы 7, 9, 16, 62, 65, 102, 110, 114, 130, 132, 156, 160, 161, 190, 191, 195, 216, 260, 368, 369, 461; см. также цова-тушины
Бжедуги 201
Бедени 271
Бедиа 386
БІениста 62
Бейбурт 234
Бенои (Бейно) 156, 157, 211
Бердацпор 162, 163
Бердудж 162, 258, 259
Бетаниа 401
Бехиры 152, 233, 241
Бештау 321
Биайни (Биаинили) 211, 220
Биениста 211
Бизеры 159, 239
Бзыбь 29, 34, 200
Богемия 282
Богосский хребет 182
Бодушку 106, 108
Волга, Ра, Ира 22, 24, 56
Большой Заб 219
Бори 406
Борнигели 197, 198
Боспор, Боспорское царство 21, 22, 25, 27, 79–85, 181, 241, 294, 297, 345, 363, 442, 458, 485, 493
Бостан-Калаки 43
Бугоры 145
Бузуни 180, 181, 213
Буксеры 241
Бунтурки 124, 125, 164, 165, 353, 360, 363, 371, 398, 400, 418, 419, 509
Бухлоон (Пахулан) 33
Бушту 209
Былым 321

В

Вавилон 226, 233, 322, 323, 328, 377, 380 – 382, 410, 416, 440, 453, 463

Вавилонское (Халдейское) царство 153, 161, 226, 250, 324, 329, 382, 395
Вавилоняне 226, 227, 324, 329, 381, 392, 393, 411, 416, 417
Валаршапат (Вагаршапат) 140, 150
Вайнахи (вейнахи) 15–17, 39, 47, 49, 58, 86, 87, 102, 107, 122, 260, 286, 317, 369, 450, 451, 452, 455, 457
Ван (город) 214
Ван (озеро) 178, 179, 189, 190, 193, 194, 211–213, 216, 218, 231, 240, 241, 215
Васпуракан 211, 212
Вашендара 159
Валлы 37
Варанда 209
Варачан 126
Варданеан 126
Варджан 41–43, 246, 247, 249, 252–254, 264, 364; см. также Вирк, Вркан, Иберия, Картли, Картлийское марзпанство, Картлийское царство
Вастарны 78
Ведено 90, 469,
Везувий 232
Венеция 11, 17, 145, 452, 466
Верхний Джулат 442
Верхний Евфрат (Кара-су) 242
Веселая роща 301
Вехиры 152
Византийцы 33
Вирк (Врастан) 249, 252–255, 364, 387; см. также Вркан, Варджан, Иберия, Картли, Гурзан, Грузия
Витерухи, Уитерухи, Видзерохи, Одзрахе 124, 183, 186, 348, 349, 355
Владикавказ 296
Владикавказская равнина 256
Воджлакерк см. фтейрофаги
Волга 22, 24, 57
Вох см. Чорохи, Акампсис
Враци 249, 253, 254, 364, 491; см. также картвелы, гурджи, грузины, картвелы

Г

Гавгамел 427
Гадо 58, 59
Галайти 324
Галашки 85
Галиат 229
Галиб 183
Галидзга 32, 389
Галис (Кызыл-Ирмак) 274, 232, 241, 374
Ганзак, Шиз, Текаб 427
Гантиади 401
Гаргар 147, 265, 266
Гардман 153, 154, 160, 161, 163, 232, 238, 242, 261
Гастон Уота 305
Гасуре (Нуз) 171
Гаты 140
Гашк 25; см. также кашки, каски, касоги
Гайль-Келкид 234
Германосс 29
Гениохи 37, 138, 185, 200, 201, 239, 240
Гелан 200
Гелиска 106
Гелы 69, 147
Герр (Джерр) 144
Гермест 37
Гесы 145
Геты 125
Гизу-Арцу 211
Гильзани 209
Гипп 202, 203
Гиппийские горы 83
Гиркания (Гуркания) 204, 363 - 366, 371, 510
Гирканское море 29, 37, 204, 365; см. также Каспийское море
Гирканы 204, 205, 363–365, 371, 394, 396
Главк 202, 203
Глуары 140, 145
Горган-Астрабад 363
Гордион (город) 188, 191
Грузия (Гурзан) 11, 12, 14, 16, 18, 31–33, 36, 38, 39, 44, 47, 49, 57, 61, 70, 91,

95, 105, 109, 111, 112, 123, 124, 125, 127, 130–132, 135, 144, 148, 149, 153, 155–158, 164, 165, 171, 174, 178, 179, 180, 185, 189, 190–192, 197, 200, 201, 205–209, 225, 227, 228, 232, 234, 236, 239, 240, 244–246, 249–256, 264, 314, 316, 323, 346, 347–350, 353, 355, 359–362, 364, 372, 376, 378, 379–381, 383, 384, 389, 390, 398–400, 402, 406, 413, 419, 429, 432, 453, 454, 455, 459- 461, 466, 474–476, 478, 480–483, 490–492, 498; см. также Картли, Вирк, Вркан, Иберия, Варджан, Гурджистан
Грузины 59, 60, 92, 102, 103, 131, 133, 156, 175, 176, 178, 187, 190–192, 196, 207, 227, 248, 249–256, 264, 360, 363–368, 370, 371, 373, 374–376–378, 381, 385, 391, 393–395, 403–406, 413, 419, 421, 422, 425, 434, 448, 449; см. также кыртуа, картвелы, враци, гурджи, иберы
Греки 61, 78, 175, 295, 298, 364, 428; см. также эллины
Греция 130, 152, 274, 294, 351, 352, 388, 429, 454
Громула 291
Гуа 145
Гуадиху 323
Губуры 145
Гугарк (Гогарена), гугары 42, 43, 140, 143–145, 148, 149, , 185, 232, 243–266, 353, 387, 427, 432, 451, 465, 509
Гудамакары 36, 69, 70, 110, 130, 137, 368–370
Гудамакарская Арагви 69, 70
Гудан 69, 70
Гумбати 351
Гумниада 234
Гунны, хунны, Гуннское царство 25, 55, 125, 126 – 129, 135, 137, 140, 141, 143, 151, 152, 313, 315 – 317, 320, 332, 478
Гунны-хайландуры 151
Гуниб 183
Гурдинские горы 137
Гурметцу 117
Гутон 40, 41, 44, 45, 49
Гянджа 322
Гюндурма 211
Гюнес 296, 358

Д

Давти-Блур 221
Даг(…) 211
Дагестан 7, 22, 23, 25, 28, 37, 39, 45, 51, 56–58, 60, 63, 102, 110, 123, 126, 130, 134, 135, 139, 143, 146–148, 158, 171, 181, 183, 186, 198, 199, 206, 282, 296, 316, 369, 384, 385, 452, 458, 464, 466, 475, 476, 480, 485, 486
Дагом 116
Дандарии 22
Даракой 352
Даргавс 65, 120, 121
Дарубал 38, 39, 44, 59, 139, 346, 431–433
Дарьяльские ворота 35–38, 40, 41, 115, 132, 134, 138, 179, 144, 154, 232, 245, 246, 257, 291, 296, 321, 331, 332, 364, 365; см. также Аланские ворота, Хонские ворота
Дарьяльское ущелье 28, 35, 38, 154–156, 158, 159, 163, 165, 166, 193,
Дашидагское плоскогорье 152
Дачаны 126
Двалетия 29, 37, 47, 50, 77, 93, 105, 291, 459
Двалы (дуалы) 28, 29–31, 37, 47, 50, 182, 435, 459
Джава
Джаваха (Джавахк, Джавахети) 94, 183, 184, 198, 243, 244, 247, 248; см. также Забаха
Джавахетские горы 152
Джейрах 114
Джерахское ущелье 69, 279
Джендурма (Хундурна) 211

Джоджора 90, 279
Джорджия; см. Грузия
Джидан 127
Джилой 429
Дебеда 162, 258, 259
Дербент 17, 43, 125, 155, 198, 321, 406, 433, 479
Дербентские ворота 51, 126, 128, 129, 132, 138, 139, 246, 321, 331, 332, 390; см. также Каспийские ворота, Чора
Дердзан (Дерджан) 234
Дзарашки 106
Дзирав 144, 148, 150
Дзоропор 243
Диаухи; см. также Тао, Тайк 180–187, 198, 212, 213, 223, 232, 243, 247, 265, 277
Дигоми 323
Дигория (Тикор) 77, 90, 97, 106, 108, 157, 224, 281, 283, 291, 294, 305, 479, 480
Дигори берд 224
Дигоры 13, 25, 119, 121, 225, 435, 460
Дидоети 59, 60
Дидойцы 110, 11, 182, 199
Дидини 181, 182, 185
Дидуала 181, 212
Дидуры 182, 242
Диоскурия 29, 34, 48, 49, 249, 295, 296, 358; см. также Севастополись, Акуа, Сухум
Дизиры 152
Диулла 213
Длмунк 41
Дмбаванд 41
Доза 62
Докон (река) 31, 32
Дугур 224
Дунай 356
Дурдзукетия 39, 44, 54, 59, 118, 131, 149, 346, 398
Дзурдзуки 25, 26, 38, 47, 87, 118, 131, 210, 216, 268, 274, 307, 338, 346, 416, 417, 420–422, 426, 427, 430, 434, 442; см. также нахи, нахаматеаны, кавкасиани, малхи, махли, мосхи, хоны
Дурдзукские ворота 38, 39, 44, 59, 60, 134, 139, 149, 431– 433; см. также Сарматские ворота, Цилканские ворота, Кавказские ворота, Дарубал, Иберийское укрепление
Дурдукка (Зурзукка) 121, 210, 219, 220, 230, 231, 267, 268, 416
Дракон (река) 31–34

Е

Евфрат 79, 84, 152, 161, 166, 173, 179, 189, 195–197, 209–216, 219, 220, 226, 231, 232, 234, 238, 242, 259, 261, 391, 416, 417, 491
Егр (Егерия) 20, 31, 34, 42, 53, 387, 389, 390, 421, 422; см. также Колхида, Эгриси
Егеры (егерацик) 53, 144, 386, 387, 390; см. также мегрелы
Егерукой 20, 235
Егерсуаны 140, 144
Египет 219, 226, 322, 417, 440
Еран (hЕран) 135
Ереван 11, 16, 140, 220, 221
Ерзашка 212
Ерусалим 226, 413
Ерцо 116, 117
Ерзрум (Ерцрум, Ерзерум)
Ерзрумская область 152, 162, 212, 216, 411
Еран 135

Ж

Жалет 130
Железноводск 321, 327
Жемтала 321
Жинвали (Жинвани) 36–45, 49, 59, 60, 87, 134, 149, 203, 205, 245, 246, 346, 401, 431, 433

З

Забба 217–220

Забаха 180, 183, 209; см. также Джаваха, Джавахети
Загрос 171
Зазабаха 209
Замани 209
Занави 124
Зангезурские горы 263
Зандак 300
Заранда 209
Зарикакар 199
Заюкаевск 321
Зеленчуки 10, 89, 327, 342
Зигур 160, 161, 238
Зигана 160, 161, 234
Зигаполь 160
Зидриты 239
Зидрид 240
Зикирту 209, 210, 213
Зирма 211
Зихи (Зиги) 25, 201, 384
Зольское 280
Зорхи 218
Зуаина 184

И

Иберия (Иверия) Кавказская 26, 28 – 31, 35, 37–44, 48–50, 57, 134, 138, 153, 154, 192, 203–205, 227, 242, 245, 246, 248, 249, 251–256, 264, 346–348, 352, 355, 360, 363, 365, 372, 374, 399, 404; см. также Картли, Грузия, Вирк, Варджан, Гурджан
Иберия Испанская 250, 374
Иберийский полуостров 250
Иберы 227, 242, 244, 250, 251, 252, 352, 363, 365, 371, 373, 374, 404, 432; см. также грузины, картвелы, враци, гурджи
Игани (Иани) 180, 183–186, 213, 258
Иджеван 259
Иевусеи 124
Ижмахи 140
Изалла//Ицалла//Ишалла 213
Икалчу 62
Имер-Хеви 387
Инарки 325
Ингур 10, 32, 33, 45, 60, 87, 90, 96, 155, 200, 205, 388, 389
Индийцы 56
Индия 50, 351, 359, 474
Ингушетия 39, 65, 85, 90, 94, 106 – 108, 117, 139, 157, 158, 161, 162, 171, 173, 191, 193, 194, 213–216, 342, 443, 472, 477, 480
Ингуши 2, 7–10, 16, 62, 65–71, 74, 75, 86, 99, 102–104, 107, 109–116, 121, 122,127, 156, 158, 160, 190, 195, 206, 210, 270, 342, 343, 368, 369, 393, 417, 434, 437, 444, 451, 452, 459, 460, 469, 480, 486, 490, 492, см. также нахи, нахаматеаны, кавкасианы, дурдзуки, малхи, махли, масахи, хоны
Ингушская Республика 9, 206, 209
Иония 152
Иордан 244
Иори 96, 130, 148, 156, 161, 187, 205, 216, 224, 232, 244, 256, 257, 401
Иоро-Алазанская долина 94, 259
Иран 16, 36, 37, 39, 40, 47, 138, 152, 164, 170, 171, 174, 192, 198, 216, 230, 283, 320, 322, 409, 451, 467, 469, 485
Ирзиешка (Ерциешка) 107
Ирпуни 220
Испания 250, 374
Исадики 435
Исти-Су 95, 195
Исула (Инсула) 32
Исуа (Исува, Ишуа) 209
Ичкерия 15, 212, 367 см. также Чеченская Республика
Ишала 209
Иштикунив 180, 182, 183

К

Кааба-и-Зардушт 138, 139, 144, 256, 257, 464

Кабалака 242
Кабарда 114, 327, 472
Кабардино-Балкария 76, 85, 89, 106, 108,115, 296, 336, 448, 468, 470, 492
Кабардинцы; см. также адыги, черкесы 63, 77, 115, 212, 284, 466, 474
Кавказские ворота 37, 38; см. также Сарматские ворота, Дурдзукские ворота, Цилканские ворота, Дарубал, Иберийское укрепление
Кавкасиани; 45, 47, 50–60, 78, 87, 10, 122, 134, 137–139, 206, 207, 274, 305, 306, 314, 318, 319, 328–332, 343, 354, 377, 382–385, 398, 420, 421, 426, 434, 509; см. также нахи, нахаматеаны, дурдзуки, малхи, махли, масахи, хоны
Кавконы 57
Кавминводы 280, 305, 453
Кагызман 16, 114, 219
Кадмухи (Катмухи) 188
Казах 165, 351
Казахстан 26
Казбеги 198, 347
Казбек 156
Каманив 186
Комбисена (Камбечан) 244, 351, 352, 433
Камусатан 211
Кангарк 243, 250, 258
Канчаети 347
Капкох (Кавказский край) 36, 41, 42, 138, 151, 247
Каппадокийский Понт 31
Каппадокия (Катпатука) 152, 215
Карачаевцы 56, 102, 104, 106, 107, 110–112, 155, 315, 366, 384, 396, 446, 462
Карачаево-Черкесия 77, 449, 498
Кардухи 178, 191, 262
Каренитида 244
Каркемиш 220, 416, 417
Карт 191 – 194
Картвелы 53, 55, 59, 137, 350, 172, 174, 178–180, 191–194, 235–240, 249, 252, 254, 359, 360, 363, 365, 373, 376, 377, 383–385, 391, 395, 396, 398, 400, 402, 409, 413, 419–424, 427 см. также грузины, картуа, враци, иберы, гурджи
Картдзор 193
Картли, Картлийское царство 26, 28, 33, 35–44, 46, 47, 58, 59, 91, 105, 109, 125, 130, 133, 134, 137–139, 150–154, 164, 165, 167, 178, 180, 190–196, 203, 205, 225, 228, 244–249, 250–255, 264, 292, 296, 306, 316–318, 337, 346–353, 355, 359–364, 370377, 380, 383–385, 389, 393, 394, 396–406, 409, 413, 418–432; см. также Иберия, Грузия, Вирк, Варджан
Картлийское марзпанство 41, 42, 43, 252, 253
Картлийцы; см. картвелы
Карс, Карсская область 16, 181, 185, 210, 214, 216, 222
Карс-Чай 222
Каски, кашки, касоги; см. также гашк 25, 181, 188, 189
Каспиана 244, 351
Каспи 124, 348, 349, 355
Каспийские ворота 37, 128, 129, 132, 133, см. также Дербентские ворота, Чора
Каспийское море 29–30, 40, 49, 50, 51, 56–58, 83, 102, 126, 127, 129, 144, 150, 198, 204, 243, 276, 296, 348, 359, 363, 364, 366, 428, 448
Катарзена 20, 180, 183–185; см. также Клардк, Кларджети
Катаоны 244
Катмухи 188, 214
Кахети 36, 37, 42, 109, 135, 154–156, 182, 228, 246, 257, 259, 260, 351, 353, 361, 364, 372, 429, 430
Кахиб 183
Кашийари 188, 213
Кварельцы 130
Квел-Даба 40, 41, 44, 49, 87, 203, 205
Квирила 42, 90, 157, 203, 204, 279, 296; см. также Фасис
Керавнийские горы 19, 22–25, 60
Келасур 32

Кемис 374
Керасунт 241
Керманшах 171
Керкеты 200–202, 205
Киехуни 209
Киало 158
Киликия 171
Киликийский Тавр 188
Кинаштания 211
Кировабад 322
Кисловодск 288, 321
Кистах 211
Киским 162
Кистусджвари 211
Китаи 125
Кларджк, Кларджети 20, 59, 128, 133, 183 - 185, 244, 374, 387, 388, 412, 423, 425, 476; см. также Катарзена
Кларджы 19–21, 23–25, 244
Клисура (римское укрепление) 32
Клухорский перевал 232, 291, 292, 296, 321, 357, 358, 423
Кобан, Кобани 88, 90, 210, 230
Кодор 21, 29, 30–32, 34, 35, 49
Кодорский хребет 30, 35; см. также Кораксийский хребет
Кодорское ущелье 296, 423
Колб, Колбопор 243, 244, 250
Колхи 50, 79, 80, 85, 90, 177, 185, 200–202, 205, 233, 234, 236, 237, 239–241, 262, 345, 351, 352
Колхида, Колхидское царство 11, 26, 28–34, 44, 50, 82–84, 90–95, 172, 179, 180, 185, 190, 200–202, 204, 205, 232, 233, 238–240, 242, 288, 294, 323, 345, 346, 351, 352, 361, 362, 373, 388, 389, 421, 423, 426, 457, 458; см. также , Егерия, Эгриси
Коммагена 199
Комалх 62
Константинополь 206, 387
Копты 262
Корак (Коракс, Куараш) 29–32, 34, 475
Кораксийские горы 30, 365
Кораксы 200
Коратах 62
Кордука (Кордуена, Кортук) 148, 193, 210
Кордуенские горы 179, 191,193, 212
Кордула 241
Корокондамой 29
Кортохи 193
Котанто 78
Котиоры 241, 262
Крестовый перевал 35 см. также Дарьяльский перевал
Крым 242, 356
Ксани 124, 156, 348
Ксерксена 244
Ксурта 12
Куаны 145
Кубань 20, 25, 84, 87, 294
Кудеты 25
Кудор 187
Куммух, Кази-Куммух 199
Кума 20, 23, 58, 96, 206, 284, 337
Кумбулта 229
Кумыки 56, 366, 384
Кура, Кир 20, 37, 40, 42, 43, 49, 50, 124, 129, 140, 150, 162, 163, 185–188, 191, 193, 194, 199, 200, 202, 205, 211, 212, 216, 223, 232, 242–246, 249, 253, 254, 256, 257, 261, 322, 348, 349, 351, 354, 355, 359, 361, 362, 365, 371, 372, 373, 376, 385, 390, 397, 399, 401, 403–406, 408, 418, 424
Курдистанские горы 191
Куртатинское ущелье 106, 120, 121, 157
Курта 119,120
Кусты, кисти, кистины 25, 127, 158, 190, 191, 211, 216, 258, 260, 265, 370, 371, 375, 435
Кутаиси 171, 173
Кутеты 31
Кхашка 107
Кюль-Тепе 223
Къобет 78
Къоз 78

Л

Лазика, Лазское царство 32–34, 185, 389, 390
Лазика Старая 185
Лазы 34, 80, 82, 184, 185, 237, 238, 240, 386, 388
Лами 197
Ларс 36
Лбинк 42, 43
Левкотей 204
Леги 69, 147
Лезгины 102, 187, 198
Леки (Лекан) 51, 54–58, 137, 145, 186, 314, 315, 316, 318, 319, 319, 328–332, 377, 382, 383, 385, 421
Леманаури 197
Лемсиа 197
Лемзагори 197
Лемискана 197
Лескен 108
Лечкоп 92
Лечхуми 89, 90, 93, 204
Лечхумцы 368
Леухи (Лиахви) 59, 90, 218, 228, 280, 298, 401
Лехур 156, 350
Лешка 108
Ливийцы 250
Ливиополь 241
Лидия 178
Ликив 186
Лихский хребет, Сурамский (Суромский) хребет 30–32, 35, 41, 44, 45, 58–60, 87, 132, 173, 192, 193, 197, 203, 205, 232, 385, 433
Ломанаури 196
Ломеки 51, 52, 54, 57, 58
Ломиан 196
Ломийский хребет 42
Ломсиа 196, 197
Ломиси 197
Ломисхеви 197
Лори 186, 251, 253
Лпины, Лупений 145, 242
Луристан 213, 230, 267, 283, 293
Луха 209
Луша 180, 183–186
Лчашен 112

М

Магас 443
Магате 114
Магиджел 66
Магнезия 244, 256
Магоги 429
Магуги 145, 429
Маднисчала 353
Мажак 387
Майкоп 299
Майртуп 321
Маишта, Майста, Меиста 65, 76, 154, 157, 210, 216, 219, 220, 230, 231, 267, 416
Мазаваны 145
Мазака 205, 215
Мазандеран 198
Маитани, матианы 215
Македония 372, 398, 399
Макалтуни 180, 258, 259
Макхал(габыры) 78
Малазчи 145
Малатья, Мелида 199, 214, 215, 220, 391
Малка 76,77, 276, 358, 375, 397, 424
Малкава 214
Малкар, Малхар 76, 77
Малхи 60–62, 65, 69–72, 76, 77, 85, 87, 100, 116, 122, 139, 204, 207, 240, 274, 295, 305, 343, 345, 407, 410, 418, 434, 502, 509; см. также махли, нахи, нахаматеаны, кавкасиани, масахи, дурдзуки
Малхос 214
Малхоте 214, 215
Малхуз (Мархуз, Матхуз) 60, 61, 74, 75, 77, 78, 325, 434; см. также малхи
Малхина 214, 215, 230, 267, 416, 417

Малхиста 61, 62, 65, 76, 157, 211
Малхия 214, 215
Малхиси 213, 231
Малхо 69
Малхован 214, 215
Мамисонский перевал 229, 232, 291, 292, 296, 321
Манна, Манейское царство 209, 210, 219, 226, 440
Маныч 23
Мары 188
Мари 171
Марнеуль, Марнеульский район 157, 209
Мартуни, Мартунийский район 259
Марухский перевал 232, 296, 357, 358
Масахи (мосохи, мосхи, месхи, мазаки) 92, 130, 131, 180, 188, 190, 194, 196, 198–200, 205–207, 216, 229, 256, 267, 274, 305, 343, 353, 434, 509; см. также нахи, нахаматеаны, кавкасианы, дурдзуки, малхи, махли
Масаха-хоны 131, 137, 148–150, 256, 257; см также, масахи, хоны
Масахия 200
Масиж, Тур-Абдин 214
Масис 318, 377, 380, 395
Маскутское царство, Маскутский край 129, 140, 144, 147–149
Маскуты 126, 128–131, 133, 140–444, 145, 147–150
Масыгуат 78
Матеры 24
Матть-лам 65, 66
Матхох 65, 121
Махьал (маккьал, махьалон) 68, 69, 157, 206; см. также махли, малхи
Махьалдон 68
Махелония 138, 139, 144, 256
Махелоны (макероны, макроны) 82, 83, 180, 188, 232–234, 236, 238–243, 246, 257, 260, 261, 264, 509; см. также Цаника, цаны
Махли 69, 78–85, 87, 100, 116, 122, 139, 206, 207, 240, 274, 295, 305, 343, 345, 434, 502, 509 см. также малхи, нахи, нахаматеаны, кавкасиани, дурдзуки, масахи
Машиех 157
Мегрелы, егеры , егерацик 53, 54, 91, 92, 105, 144, 172, 174, 178–180, 185, 190, 192, 193, 235–240, 253, 259, 260, 365, 377, 382–386, 387, 390, 391, 395; см. также чаны
Мелантий 241
Мелас, Верхний Евфрат 241, 242
Меотийское озеро 82, 235
Меотия, Меотида 80, 82, 83, 84, 85, 295, 324
Меоты 20 – 22, 24, 79, 82, 83, 201, 295, 326, 357, 358, 397, 422, 423
Мелани 323
Мелида (Мелитеа, Малатия) 199, 214, 215, 220, 391
Месена 138
Месопотамия 166, 172, 171, 172, 174, 177, 179, 188, 191–194, 217, 223, 259, 267, 304, 318, 319, 322, 323, 325, 328, 329, 331, 359, 417, 424, 428
Месхети 94, 188, 196, 197, 200, 203, 374
Мехлес 83, 240
Мехри 181, 212
Мешихи 61, 62
Меши 62
Мигмахеви 158
Мидийцы 49, 226, 298, 324, 325, 328, 329, 411, 428
Мидия, Мидийское царство 226, 298, 214, 319, 320, 322, 323, 325, 328.350, 351–353, 359, 375, 380, 392, 410, 440
Мидия Атропатена 360, 427–430, 432
Мидотродесенэ 19
Митрейские горы 83, 84
Митанни (Маитани) Митанийское царство 172, 440, 441
Мичитлинские горы 182
Мкалгабырт 157
Моваканы 53, 377, 382, 383, 385
Могрили-Гора 323
Могучкале 114

Модинахе 362, 401
Моздок 229, 285, 301, 327
Моесиа 188
Мокк 194, 210, 212
Молкх см. Малх
Моссиники (мосинеки) 188, 262, 386, 390
Мохевцы 110, 156
Мосхийские горы 348
Мрит 387
Мруз 387
Мрул (Мерули) 387
Мрут, Марат 387
Мцхета 36, 38–41, 59, 124, 130, 188, 192, 200, 348, 340, 353, 360, 362, 367, 368, 370, 373, 376, 388, 399, 402–404, 406, 413, 423, 424, 428, 429
Муджесир 218
Мужрашки 106
Мургул 387
Муср (Мусасир) 114, 160, 161, 211–213, 216–221, 230, 231, 266, 267, 413, 414, 416, 417
Мушки, Мушское царство 86, 180, 188–191, 194, 196, 198, 206, 210, 214, 267, 399–401, 405, 471, 509; см. также Фригия, Фригийское царство
Муш 211, 212
Мтин 243, 250
Мтисдзири 362
Мтиулети 59, 60
Мтиульцы 110
Мтверская крепость 318
Мцбин (Нисибин) 139, 415
Мыср 114, 120, 168, 217–219
Мыщхыщ 61, 434
Мятта 65, 66

Н

Наа 31, 35
Наири, Наири-Урарту 161, 180–183, 185, 189, 191, 109, 214, 218, 414, 478
Нала 213
Набала 213
Нальчик 115, 16, 197
Нанита 78
Нартан 336
Настагиси 124
Нахи 1, 2, 7, 8, 11, 15–17, 39, 47, 49, 58, 60, 61, 68,70, 86, 87, 102, 107, 110, 122, 131, 157, 196, 210, 260, 265, 269, 275, 284, 286, 293–297, 303, 306, 308, 310, 317, 325, 337, 341, 342, 356, 369, 375, 384, 391, 397, 398, 422, 423, 429, 431, 435, 442, 444, 445, 450–452, 455, 457;
Нахаматеаны, нахчаматеаны 16–20, 23, 25, 26, 33, 44, 45, 59, 60, 78, 87, 100, 122, 206, 207, 274, 276, 343, 435, 500, 509; см. также кавкасиани, дурдзуки, малхи, махли, масахи
Нахаматия 33, 276, 279, 282, 300, 307, 338, 346, 356, 357, 358, 375, 376, 397, 418, 422, 425, 427– 434, 438–440, 442–444
Нахар 218
Нахарина 172, 210
Нахирия 210
нахи-орстхойцы 157
Нахча (нахчуо, нохчуо) 15–18, 114, 115, 210, 216
Нахчаван 114, 120, 161, 209, 210, 216, 218–221, 223
Нахчой-мохк 15
Нахчта 18
Нашхо 157
Некресиса 18
Неорис 242
Нигал 387
Джулат 442
Николаевское 336
Ниневия 324
Новосибирск 19, 464
Новый Афон (Анакуап) 56, 173
Норадуз 112
Нохараста 210
Нпат 144, 146
Нузал 116
Нуширакан 148

О

Оар 82, 83
Обенское ущелье 278
Овсы 25, 51, 52, 54, 138, 315, 423, 468; см. также уапс
Овсети; см. Осетия
Одомантиде 244
Одзрахе; см. Витерухи
Оксидраки 57
Олазань см. Алазань
Орду 262
Оро-мусхи 206; см. также мосхи, масахи
Осетины 27, 48, 51, 52, 55, 56, 68, 69, 72–76, 78, 86, 98, 99, 102–104, 107, 110–112, 116–122, 140, 142, 156, 158, 314–317, 336, 340, 341, 366, 384, 396, 434, 446, 447, 449, 455, 457, 458, 460, 461, 467, 468, 472, 488, 492; см. также овсы, уапс
Осетия 27, 48, 75, 93, 106, 108, 117–121, 157, 158, 171, 173, 193, 206, 211, 212, 455,
Осетия Северная 36, 65, 76, 88, 89, 106 – 108, 110–112, 115, 116, 206, 211, 212, 297, 301, 336, 459, 470, 472, 473, 484, 491, 493
Осетия Южная 59, 77, 89, 90, 93, 116, 157, 197, 198, 204, 291, 473, 484, 487, 488, 492
Остров св. Лазаря 11
Офис 239
Офиунта 239
Очамчира 296
Ошакан 142, 144, 148, 150

П

Пайтакаран 128, 129, 143, 144
Палестина 171, 322, 412
Панаури 35
Панкиси 154
Пантикапей 288
Париадр 432
Париадрские (Пархарские) горы 234, 242, 244, 245, 257, 387
Пари 92
Парс; см. Персия
Парфения 200
Парфия, Парфянское царство 138, 192, 244–246
Парфяне 56, 136, 150, 387, 415, 465
Партни 192
Пахува 195
Пелазгийский Аргос 235
Перикительский хребет 182
Персеполис 152
Персидская Картли; см. Арриан-Картли
Персия, Персидское царство 32, 41–43, 84, 132, 136–139, 143–145, 150–152, 184, 188, 248, 251, 252, 261, 316, 317, 350–352, 354, 355, 359, 371, 374, 375, 404, 428–430, 433, 482
Персы 36, 43, 136, 141, 144, 145, 148, 151, 246, 252, 264, 352, 355, 364, 371, 408, 428, 429
Пешхо 157
Пилкар 217, 218
Пиренейский (Иберийский) полуостров 175, 227
Питиунт (Пицунда) 92, 296, 358
Питиус 92
Питея 92
Приэльбрусье 24–26, 36, 57, 60, 105, 107
Псессии 21, 22, 24
Псыж 20; см. также Кубань
Поволжье 26, 294, 311, 356, 471, 487
Полемоний 241
Понт, Понтийское царство 21, 37, 78, 184, 204, 238, 239, 250, 251, 359, 371–375, 387, 388, 397, 408, 409, 418, 420–426, 429, 432, 485, 510
Понтийские горы 233, 238, 240, 259, 261, 428
Понтийское море, Эвксинский Понт 31, 160, 200, 250, 387, см. также Черное море

Похи 36
Посх (Поцх) 197, 211, 224, 142
Подонье 26, 356
Приуралье 26, 311, 356
Проне 59
Пховы 36, 130, 149, 270
Пшавы 36, 42, 70,105, 110, 137, 144, 148, 195, 265, 368, 368, 475, 498
Пурки 126
Пурулумзи, Пурукузи, Пурулукузи 188, 189, 194
Пятигорск 327

Р

Ра, Ира; см. Волга
Ран, Арран, Бардаа 132, 316, 390
Раны 53, 377, 382, 383, 385
Рахъ 217–219
Рахквор 187
Рача, Рача-Лечхуми 34, 89, 90, 93, 95, 197, 204, 228, 368, 410
Рачаны 31
Рачинский хребет 30, 31–35, 44, 45, 49, 59, 60, 87, 90, 93, 96, 105, 202–205, 240, 346, 433
Рачисубани 401
Реком 157, 229
Ризе 239
Рион 32, 33, 35, 90, 94, 155,171, 182, 200, 203, 279, 291, 296, 388, 389, 390; см. также Фасис (Пасис)
Рим, Римская империя 39, 136, 139, 140, 149, 245, 246, 274, 412, 433
Римляне 32, 428
Родос 288, 294
Рубас 198
Рутха 229
Рцевашки 106

С

Сабердзнети 388, 421; см. также Греция
Савроматы 23, 75, 78, 79, 81–83, 155, 204, 281, 282, 459, 487
Садзегури 347
Саирхе 362
Сакасена 242, 243
Сакасены 242, 243, 245
Сакдарна 18
Салги 66, 14
Самзео 70
Самтавро 94, 95, 259, 347, 367, 369, 370, 489
Самосат 79
Самцхе, Самесхети 188, 200
Самшвилде 318
Санары, см. цанары
Санибское ущелье 121, 158
Санта 401
Сарапан см. Шорапани
Сарбалиа 212
Саркине 124, 165, 348, 349, 355, 360
Сарматия 26–28, 50
Сарматия Азиатская (Кавказская) 12–14, 23, 24–37, 40, 41, 44, 49, 50, 87, 202, 453, 460, 490, 499, 509
Сарматия Европейская 26, 27
Сарматские ворота 29, 35–37, 39, 40, 44, 59, 60, 149, 202, 244, 246, 346, 433; см. также Цилканские ворота, Дурдзукские ворота, Кавказские ворота, Дарубал, Иберийское укрепление,
Сарматы 15, 18–20, 23, 26–28, 46–49, 51, 52, 56–58, 74, 75, 79, 80, 82, 85, 86, 96, 100, 107, 108, 164, 202, 205, 221, 222, 224, 228, 312–315, 317, 324, 326,330, 332, 334, 335, 340, 345, 356–359, 372, 375, 397, 418, 420, 422, 423, 432, 433, 449, 453, 455, 456, 460, 465, 469, 473, 479, 487, 489
Санибское ущелье 121, 158
Сасперы 399
Сасунские горы 188, 194, 211–214, 216, 263
Сары-тепе 351
Саталийцы 128

Сауар 280, 283
Сахана 62
Сачхери 95
Сванетия 28, 34, 37, 59, 60, 89, 90, 92, 93, 388, 476, 477
Сваны, суаны 25, 28, 30, 31, 37, 77, 91–93, 110, 144, 155, 174, 200, 204, 259, 368, 385, 386, 468
Свардены 24
Севан 112, 182, 259
Севастополис 34; см. также Диоскурия, Акуа, Сухум
Семашка 107
Сьербы 212, 435
Серир 199, 316
Серы 57
Сержень-юрт 64, 95, 283, 286, 300, 327, 470
Сибирь 282, 295
Сивас 374
Сиден 241
Сидены 241
Сидекан 218
Сикн 138, 139
Сильвы 242
Сильван 210
Сим, Куртик-Даг 263
Синда, Синдика 29, 201
Синдан 199
Синдская гавань 29, 200
Синды 22, 79, 201, 429
Сираки 19, 20, 23, 25, 26, 28, 45, 83, 221, 222, 357, 422, 467
Сиракский союз (сирако-меотский союз) 20, 358, 398, 422, 423, 426, 427, 450, 455
Сиргис 83
Сирия 114, 125, 160, 166, 171, 177, 178, 218, 220, 231, 244, 264, 273, 322, 359, 430
Сирийцы 244, 264,
Сисакан 41
Соараны 145
Соды 242
Сона 156
Скифия, Скифское царство 47, 57, 79–84, 86, 281, 295, 324, 326, 344, 345, 351, 363, 466, 469, 473, 474, 485, 487, 488
Скифы 14, 19, 20, 24, 27, 44, 47–49, 51–56, 73, 74, 80–84, 86, 96, 99, 100, 108,164, 165, 216, 226, 229, 241, 267, 271, 294, 295, 303, 306, 309–317, 319–331, 333–341, 344, 345, 353, 355, 356, 407, 409, 432, 433, 449, 453, 459, 464, 466, 469, 474, 479, 480, 483, 489, 490, 510
Скифины 236
Сомхития 124
Смындыр 126
Спер, Спру 152, 240, 387
Ставрополь 287, 357
Ставропольская возвышенность 83–85, 89, 96, 301, 327, 342, 353, 354
Суавы 37
Субары 175
Сувар 127
Сул-Чора см. Дербентские ворота
Сунжа 58, 114, 160, 276, 280, 296, 327, 342, 354, 459, 472
Сурзи 211
Сурий 204
Сухмана 213
Сухме 209
Сухум 34, 91, 92, 239, 296, 358; см. также Акуа, Диоскурия, Севастополис
Сюник 138, 185, 252

Т

Табал 180, 188, 391, 490
Табаристан 198
Табасаран (Табарсаран) 198, 199
Таваспары 140
Тавр Армянский 167, 194, 263, 432
Тавр Киликийский 188
Тага 121
Тагаурское ущелье 88
Тазагюх 259
Тайнашки 106
Такуйры 31

Таманский полуостров 21, 29
Тамиск 106, 108, 212
Танаиты 22
Танаис (Дон) 17–20, 22, 24,25, 28, 82, 84
Тао, Тайк 162, 183 – 185, 243, 387, 412, 413 см. также Диаухи
Таохи 152, 236
Тараджелос 157
Тарон 212, 263
Таронитида 244
Таргамосианы (торгомосианы) 47, 52, 56, 314, 316, 318–321, 325, 328, 329–332, 337, 344, 357, 380, 382, 391–393, 406, 407, 410, 419, 425, 428
Таргим 209, 213
Тарпиты 22
Тархигам 213
Тархуна 213
Тауш, Туш, Тавуш 258, 480
Ташир, Тасир 242, 244, 250–252, 477
Татарка 287
Татартуп 114, 115, 442
Татары 61, 287
Тбилиси (Тифлис) 43, 254
Тзаны; см. цаны, саны
Теберда 21
Тегарама, Тиль-Гаримме, Тогарма, «Дом Торгома» 226, 330, 391, 392, 410
Тейшебаини 86
Текаб; см. Ганзак
Тель-Тарсипа 417
Темеоты 24
Темишка 108, 212
Терек 10, 23, 28, 48, 51, 52, 54, 55, 58, 76, 77, 94–96, 106, 114, 115, 127, 134, 154, 159, 165, 198, 272, 276, 280, 285, 296, 301, 327, 337, 342, 354, 357, 442, 462, 463, 472
Терк, Турк, Торк 166–169, 208, 411, 415–417, 419
Термодонт 241
Тертие 62
Техури 32–34, 390
Тианети 40, 87, 131, 149, 156, 158
Тибарен 180, 188, 233, 241, 262, 386, 390
Тигр 167, 188, 189, 194, 210, 211, 213, 214, 219, 226
Тигранакерт 210
Тикор 224
Тиль-Гаримме; см. Тегарама
Тобол 356
Товматаки 145
Тогарма; см. Тегарама
Тореты 22
Тохма-Су 391
Тошетиса см. Тушетия
Трансильвания 295
Трапезунт 84, 160, 233, 234, 239, 242, 261,262, 264, 387, 491
Трелы 244
Триалети 94, 95, 242, 259, 352, 353, 370, 481
Триалетский хребет 351, 352, 354, 359, 371, 428
Триполь 241
Троада 92
Троглодиты 224, 435
Туапсе 185, 200, 201
Тумана; см. Тумме
Тумеишки 212
Тумме 199
Тунибуни 209
Тур-Абдин 188, 214
Турки 102, 164–169, 178, 208, 415–417, 509
Турция 16, 160, 178, 234
Тух; см. Тауш
Тухарк, Тухариси 318, 387
Тушетия 70, 130, 149, 182, 190, 475
Туши, тушины, цова-тушины, туш-бацой 7, 9, 25, 28, 35, 36, 42, 69, 70, 110, 117, 126, 127, 130, 131, 134, 137, 148, 156–161, 163, 190, 191, 195, 196, 199, 200, 205–205, 209, 216, 258, 260, 368, 369, 434, 435; см. также бацбийцы, кавкасиани, дурдзуки, масахи, хоны, цанары
Тушпа 191, 212, 216, 218, 226
Тушхан 214

У

Уаднаунза 211
Уапс, уапшь; см. осетины
Уаласих 120
Уаштал 213
Удины 187
Узы 145
Уитерухи; см. Витерухи
Уллуби 209
Улы 145
Умала//Умалиа 213
Умма 223
Урал 26, 383, 311, 356
Урарту, Урартское царство 8, 86, 121, 161, 166, 171, 172, 180–185, 187, 189, 191, 209, 211–214, 217–221, 226–232, 238, 243, 258, 261–268, 274, 283, 307, 322 – 325, 328, 329, 344, 346, 350, 353, 373, 381, 382, 383, 385, 391–395, 407, 410, 411, 413–417, 424, 441, 442, 450, 451, 463, 465, 468, 478, 483, 484, 488, 497
Урарты 179, 180, 182, 183, 211, 218, 229, 231, 262, 263, 273, 307, 343, 344, 382, 383, 392–395, 404, 407,410, 414, 415, 417, 427, 441, 444, 464, 477, 491
Урбниси 124, 348, 349, 355, 361
Урмия 16, 121, 171, 18, 210, 211, 213, 218, 230, 231, 322, 268, 293, 414
Урумейцы 188
Уруп 10, 89, 337
Ути, Утик, удины 144, 187, 199, 254, 256, 265
Учтепе 271

Ф

Фавнитида
Фазис; см. Фасис
Фарнакия 233, 241, 242
Фасис (Пасис) – Рион 32, 202, 296, 421
Фасис (Пасис) – Квирила 202–204, 363
Фасис (Пасис) – Аракс 261, 428
Фаскау 229
Фьаппи 157
Фьаппицы Цьаро 70
Фиагдон 280
Филокалия 241
Финикия 56, 171, 220
Фортанга 66, 99, 105, 157, 476
Фракия 372
Фригия, Фригийское царство 174, 178, 188, 189, 191, 194–198, 463, 486; см. также мушки, Мушское царство
Фротатос 373, 399
Фтейрофаги 21, 23, 24
Феодосия 22
Финикия, финикийцы 56, 171, 220

Х

Хабхи 209, 212, 213
Хьагара 159
Хазары, Хазарети (Хазарское царство) 25, 46–48, 51, 52, 54–57, 74, 75, 118, 125, 137, 138, 208, 313–317, 320, 321, 328–332, 337, 338, 344, 353, 385, 406, 407, 421, 422, 428, 433, 451, 478, 482, 491
Хазарский каганат 313, 315, 316, 320,
Хамадан 171
Хамзин 199
Хайасса 152
Халабе 171
Халдика Понтийская 153, 233; см. также Халтик
Халдия, Вавилонское царство 153, 154, 160, 161, 163, 226, 328
Халды-вавилоняне 163, 225–228, 381, 393
Халды-урарты 262, 263, 404, 491
Халибы 114, 115, 120, 160, 161, 180, 188, 219, 221, 232, 234, 236, 241, 242, 244, 261, 262, 386, 390

Халила 213
Халиту 196
Халтик 128, 152, 160, 161, 238; см. также Халдика Понтийская
Ханаан 219
Хана Ана 217, 219
Ханзиор 187
Ханигальбад 172
Харачой 209
Харберд 152, 214
Харданиа 211
Хариматы 200
Харран 226
Харсиан 374
Харун 209
Харшит, 160, 234
Хаттус 223
Хатты, Хаты 86, 168, 172, 179, 215, 219, 223, 231, 261, 262, 275, 346, 441, 463, 465, 509
Хорбадын Къулакъ 76
Хевсуретия, хевсуры 36, 42, 70, 105, 110, 127, 157–159, 195, 213, 245, 368–370
Хениды, хенавк 24
Хердаблан, Харданиа
Херки 124
Хетты, Хеттское царство 173–175, 178, 188, 189, 195, 223,273, 274, 346, 440, 41, 450, 459, 463, 475, 478
Хечматаки 143, 145
Хилдихарой 154, 186
Хилдихерули 186, 213
Химе 209
Ходжал 30
Хозоних 55
Хой 152
Хона 152
Хон 127, 152
Хонак 152
Хоне 127
Хонис 152
Хонис-чали 127
Хоной 127, 128
Хонские ворота 134, 135, 139, 144, 149; см. также Аланские ворота, Дарьяльские ворота
Хонские (Джавахетские) горы 152
Хонлур 152
Хоны 25, 125–128, 130, 132, 134–154, 163, 164, 168, 169, 205, 208, 225–228, 230, 232, 238, 256–258, , 261, 265, 353, 359, 360, 362, 370, 371, 393, 394, 396, 398, 400, 409, 411, 416–419, 435, 460, 509; см. также масаха-хоны, цанары
Хорзена 432
Храми 162, 163, 244, 247, 351
Хртаноц 259
Хубушкиа 181, 209, 212, 219
Хузистан 138
Хулхулау 95, 353
Хуна 152
Хунаги 127
Хунан (Хунаракерт) 163, 243, 250, 258, 318, 351, 352, 354, 374, 385, 425, 428
Хундзах 139
Хундзы 18, 134
Хундурна 211
Хунсвери 135
Хури-перины 212
Хурнуку 211
Хурриты, хуррито-урартские племена 8, 16, 17, 111, 166, 170–173, 175, 179, 184, 186, 195, 207, 208, 215, 224, 225, 231, 232, 247, 258, 265–268, 292, 307, 344, 346, 373, 391, 392, 394, 407, 410, 414, 415, 417, 427, 440, 441, 444, 457, 459, 463, 464, 509
Хуты 263, 264, 415
Хутские горы 263

Ц

Цъажиу 157
Цалка 351
Цамакаберд 112
Цамат 116, 117, 121
Цан авлах 157

Цан арха 157
Цанахи 160, 161, 234, 236, 238
Цанаходзор 161, 234, 236, 238
Цанария, Санария, Цанарское царство 36, 39, 40–44, 135, 139, 151, 154, 163, 225, 227, 238, 246, 252–264, 371; см. также хоны, масаха-хоны
Цанары, санары 28, 35, 37, 117, 124, 126, 127, 139, 150, 151, 153–157, 159–161, 163, 164, 167–169, 208, 225–227, 232, 238, 243, 254, 256, 257, 261, 265, 353, 393, 396, 435, 460, 467, 509
Цанарское ущелье 154
Цанашк 157
Цанская река 161
Цанская вода 161
Цантарой (Цонтарой) 159
Цаника, цаны, саны 117, 155, 160, 163, 167,, 168, 180, 188, 208, 230–234, 236–242, 256, 260, 261, 264, 411, 417, 509; см. также макероны, махелоны, макроны
Царциаты 116–119, 121
Цъата 157
Цацахи 161
Цветистая гора 162
Цъебат 157, 158
Цежиу 157
Цъезу 157
Цей 157
Цей-пхьада 157
Цейлоам 157
Цейс 157
Церо 158
Цета 157
Цъесс 157
Цъессатае 157
Цехойки 31
Цечу 157
Цъиа 157
Цийадхи 213
Циека
Циечу 157, 160
Цилканские (Цикенские) ворота 36–40, 44, 59, 60, 134, 139, 149, 151, 154, 244–246, 346, 332, 433, см. также Сарматские ворота, Дурдзукские ворота, Дарубал, Кавказские ворота, Иберийское укрепление
Цилканские горы 36
Цилканская дорога 36
Цилканы, циканы 36, 130, 149
Цинишпала 213
Цинцкаро 347
Цъинтае 157
Цискорант-гора 351
Цитту-Арцу 211
Цихиана 95
Цихоим 126
Цицамури 323
Цоба, Цобена см. Цопа, Цопена
Цобапор 258
Цовата 156
Цова-тушины; см. тушины
Цовтьие 157
Цой Пхьада 117
Цона 42, 116, 117, 156, 157
Цон-Куорта 157
Цъонгуз 157
Цъоныхса 157
Цопа, Цова, Цупани, Софена 157, 161–163, 167, 168, 209, 210, 212, 219–221, 226, 230, 353, 391, 411, 416, 417
Цор (Цур) 135
Цроль 59
Црольская гора 59, 124, 360
Цу-бацой 157, 190, 216
Цъуныха 157
Цъута 157
Цъурру 157
Цъус 157
Цъур 157
ЦIунакорта 117
Цуонтор 159
ЦIойн-пхьеде 62
Цудала 180, 181, 185, 199, 213
Цудаха, цудахар 181
Цурзалдив 186

Цурив 183
Цуртав 244, 247
Цхаваты 36
Цхваричами 401
Цхенис-цкали 33–35
Цхоар Корт 193

Ч

Чалдырское озеро 180, 184, 185, 213, 258
Чанты Аргун 127, 157, 158, 164
Чаны 91, 92, 105, 178–180, 185, 190, 193, 234, 235, 237–240, 253, 259, 260, 386, 390, 493, см. также мегрелы
Чармахи 161
Чарталы 36, 42, 130, 149, 370
Чегем 85
Чегемское ущелье 279
Черек 77
Черкеней 201
Черное море 31, 50, 56, 57, 84, 92,102, 114, 120, 138, 160, 179, 185, 201, 219, 239, 273, 296, 348, 357, 363, 387, 390, 448, 453, 473, 474, 493, см. также Понтийское море, Эвксинское море.
Чечено-Ингушская АССР, Чечено-Ингушетия 8, 18, 90, 107, 108, 181, 191, 216, 448, 451, 452, 455, 456, 469, 482, 497, 498
Чеченская Республика 9, 15, 61, 206, 209, 299, 367
Чеченцы 2, 7–10, 15, 16, 47, 65–71, 91, 99, 102–104, 106, 107, 108, 110–117, 121, 144, 145, 156, 158–160, 183, 186, 190, 194, 206, 210, 211, 224, 270, 280, 342, 368, 369, 393, 437, 444, 452–454, 456, 461, 464, 466, 469, 474, 475, 480, 486, 490, 492, 493, см. также нахи, нахаматеаны, кавкасианы, дурдзуки, малхи, махли, масахи, хоны
Чечения, Чечня 58, 64, 65, 67, 69, 106, 114, 116, 117, 157, 158, 161, 162, 171, 173, 186, 193, 197, 198, 210, 213, 219, 224, 451, 453, 459, 467, 470, 476, 483, 485, 487
Чилбы 14, 145
ЧИишки 108
Чмахи 145
Чора, Чорские ворота 43, 132, 137, см. также Дербентские ворота, Каспийские ворота
Чорохи 20, 152, 162, 163, 173, 182, 184, 188, 193, 212, 213, 231–234, 237–240, 242, 243, 256, 261, 351, 359, 375, 385–390, 421, 423, 424
Чудское озеро 176
Чудь 176
Чундар 126
Чучи 145

Ш

Шадалиехи 212
Шадишциниа 211
Шаке 186
Шали, Шалив 183
Шам, Шеми 66, 114, 120, 160, 166, 168, 218, 219, см. также Сирия
Шамшадин 211
Шанчан 41
Шарван, Ширван 17, 155, 160, 223
Шаро 224
Шарой 157, 224
Шаро Аргун, Шаро-Орга 154, 157, 224
Шаро-Аргунское ущелье 212
Шармат 224
Шартер-Базари 171
Шарур 223
Шатили 40, 158
Шатои 157, 209, 476
Шатыр-Кенды 211
Шахе 201
Шашзисса 211
Шашилу, Шашилуни 213, 182, 184
Шашки, Шешки 212
Шенгавит 112

Шерабели 213
Шеше, Шешетина, Шешети 180, 182
Шиз, Текаб 427
Ширак 221–224, 254, 483
Ширакамут 258
Ширакское плато 224, 225, 231, 351
Ширакское плоскогорье 223, 257, см. также Камбечан
Шишки 108, 212
Шичбы 140
Шорапани, Сарапани 42, 202, 203, 406
Шуандахул 220
Шубарту 181
Шумеро-Аккадское царство 140
Шумеры 175, 215, 219
Шуришилини 213

Э

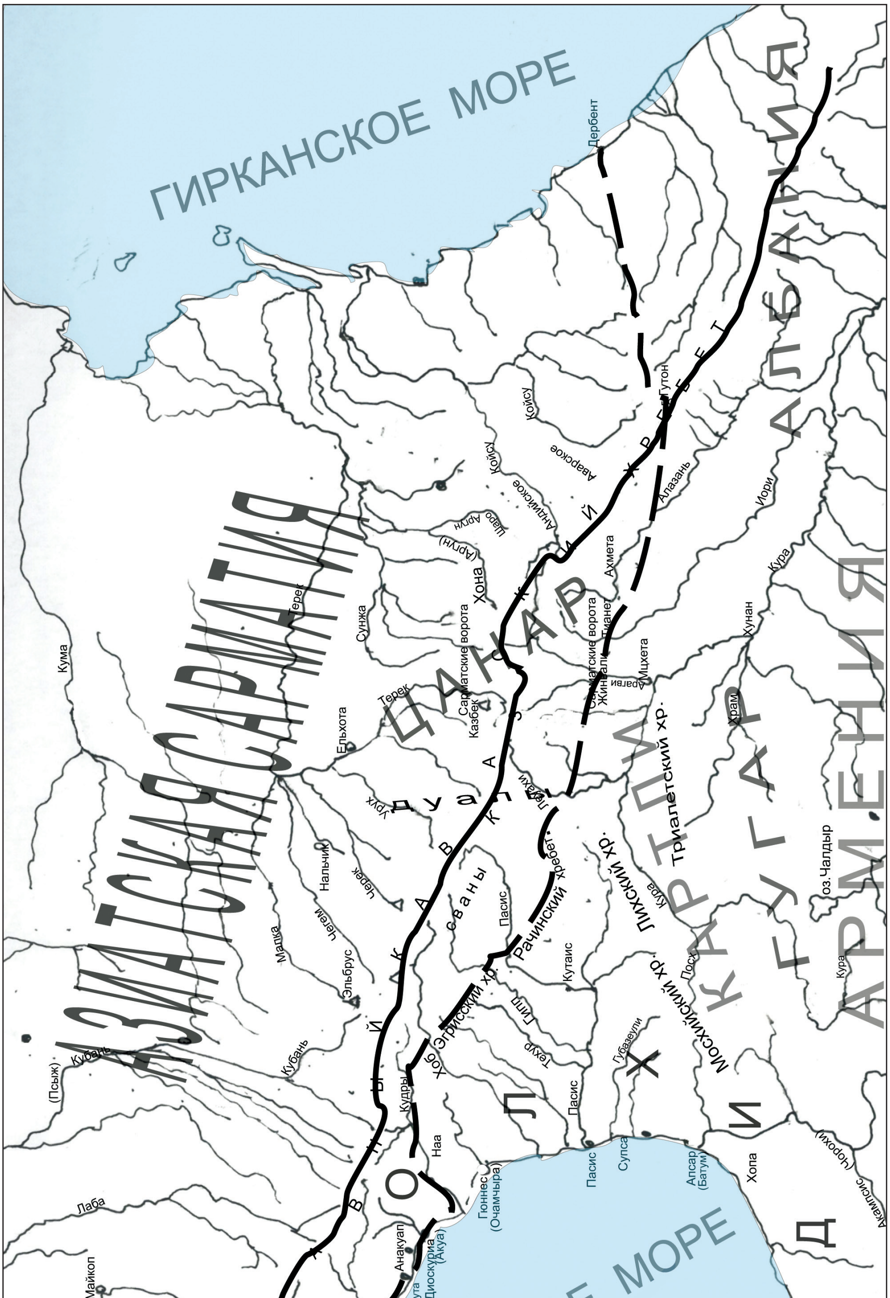
Эвномиты 57
Эгашта 182
Эгриси 59, 235, 316, 318, 384–386, 388, 390, 421, 423, 426, см. также Егерия, Колхида
Эгрисский хребет 30–35, 44, 59, 60, 87, 90, 93, 96, 105, 240, 346, 390, 433
Эгрисцкали 59, 124, 360, 373, 388–390, 421, 460
Эдеми 130
Экхирийцы 239
Элам, эламиты 175, 359
Эланни 209
Элийадиниа 211
Эллили 209
Эллины 84, 233, 234, 236, 261, 262, 263, 295, см. также греки
Эл(…)нак 211
Эльгыц 66
Эльхотово 115, 321
Эльхотовские ворота 115, 442
Энзите 209
Эрасхи 222
Эрателi 213
Эрджиша 209
Эребуни, Арин-берд 86, 220, 221
Эрети 59, 124, 135, 139, 162, 244, 255, 316, 360, 385, 421
Эры 186, 187, 199, 207, 383
Эрсана 159
Эрцо, Эрцо-Тианети 130, 149, 156, 170
Этиаухи, Этиуни, Этив 183, 185–187, 198, 199, 247, 265
Этруски 175

Ю

Юройпаах, Иберийское укрепление 39, см. также Цилканские ворота, Сарматские ворота, Дурдзукские ворота, Кавказские ворота, Иберийское укрепление

Я

Язлыташ 182
Яксаматы 18
Ялхар 159
Япония 23
Ясоний 241

Южная граница Азиатской Сарматии по Птолемею

——— Главный Кавказский хребет
— — — Южная граница Азиатской Сарматии

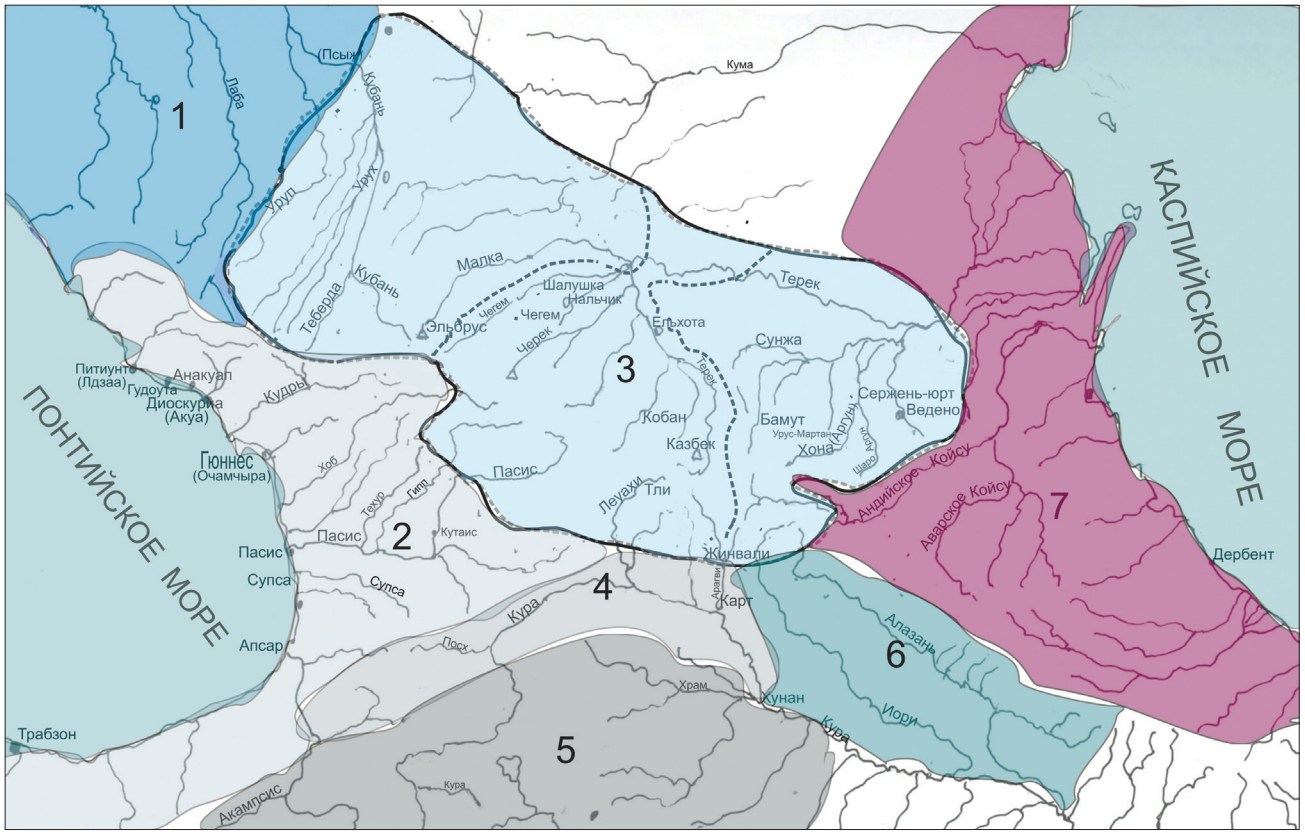
Нахаматеаны по «Ашхарацуйцу»

Этническая карта древнего Центрального и Восточного Кавказа по Леонти Мровели

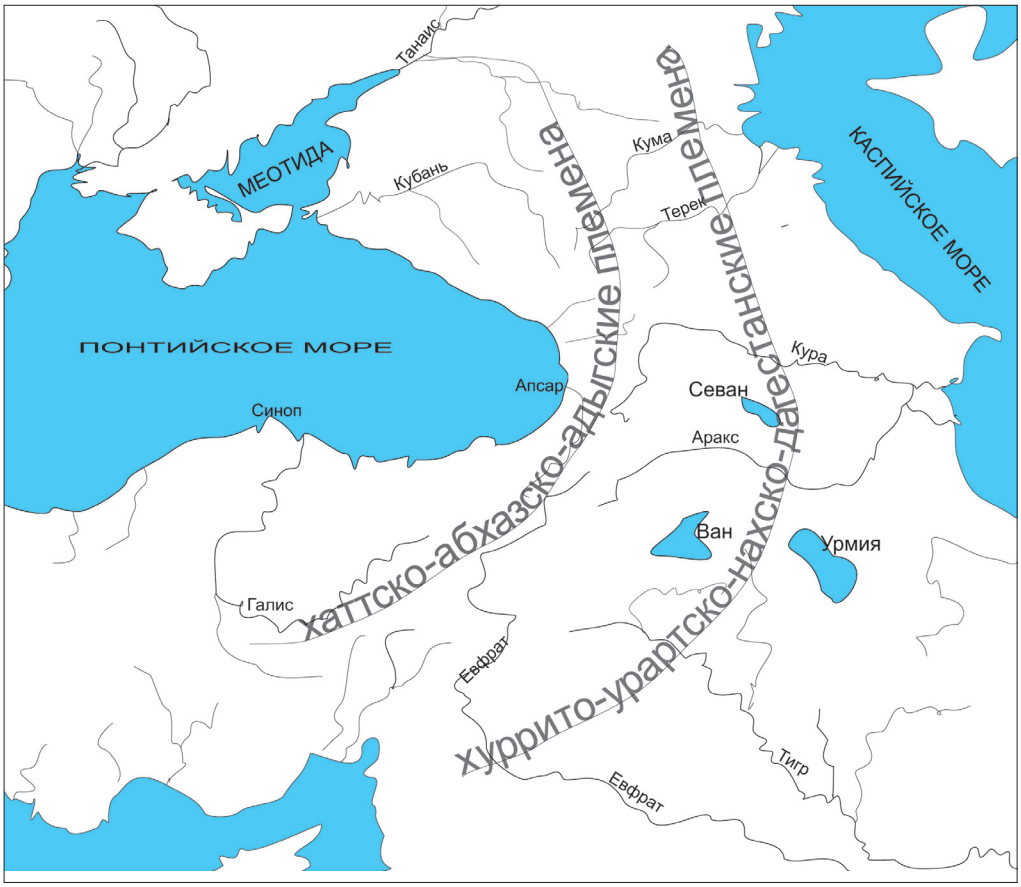
Малхи (махли Лукиана Самосатского и Клавдия Элиана)

Ареал кобанской археологической культуры

1 Прикубанская куль тура; 2 Колхидская культура; 3 Кобанская культура; 4 Самтаврская культура; 5 Триалетская культура; 6 Восточнозакавказская культура; 7 Каякенто-Хорочоевская культура

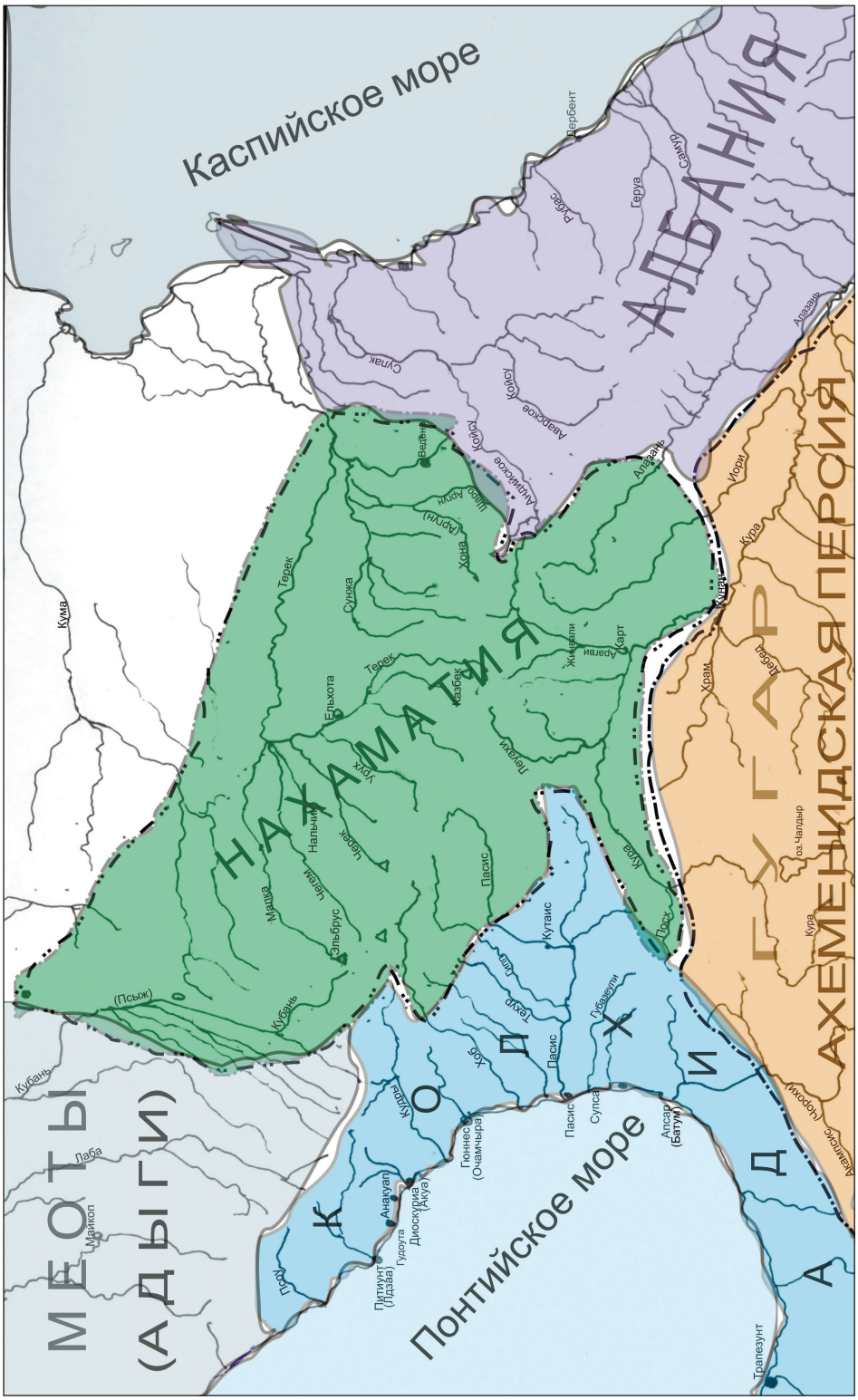
– – – – – – – – Границы локальных вариантов Кобанской куль туры

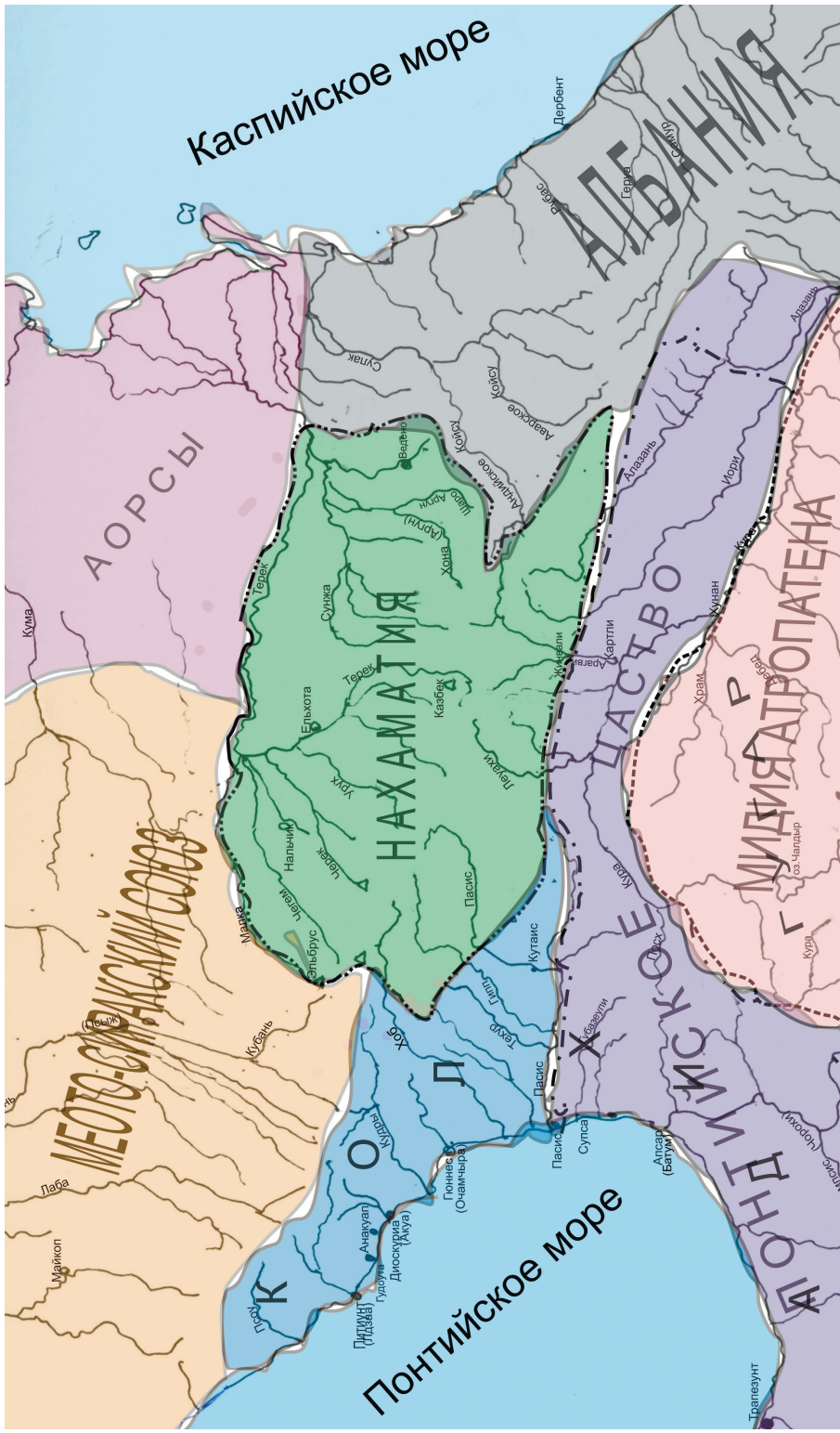
Расселение племен кавказской языковой семьи в I–III тыс. до н.э.

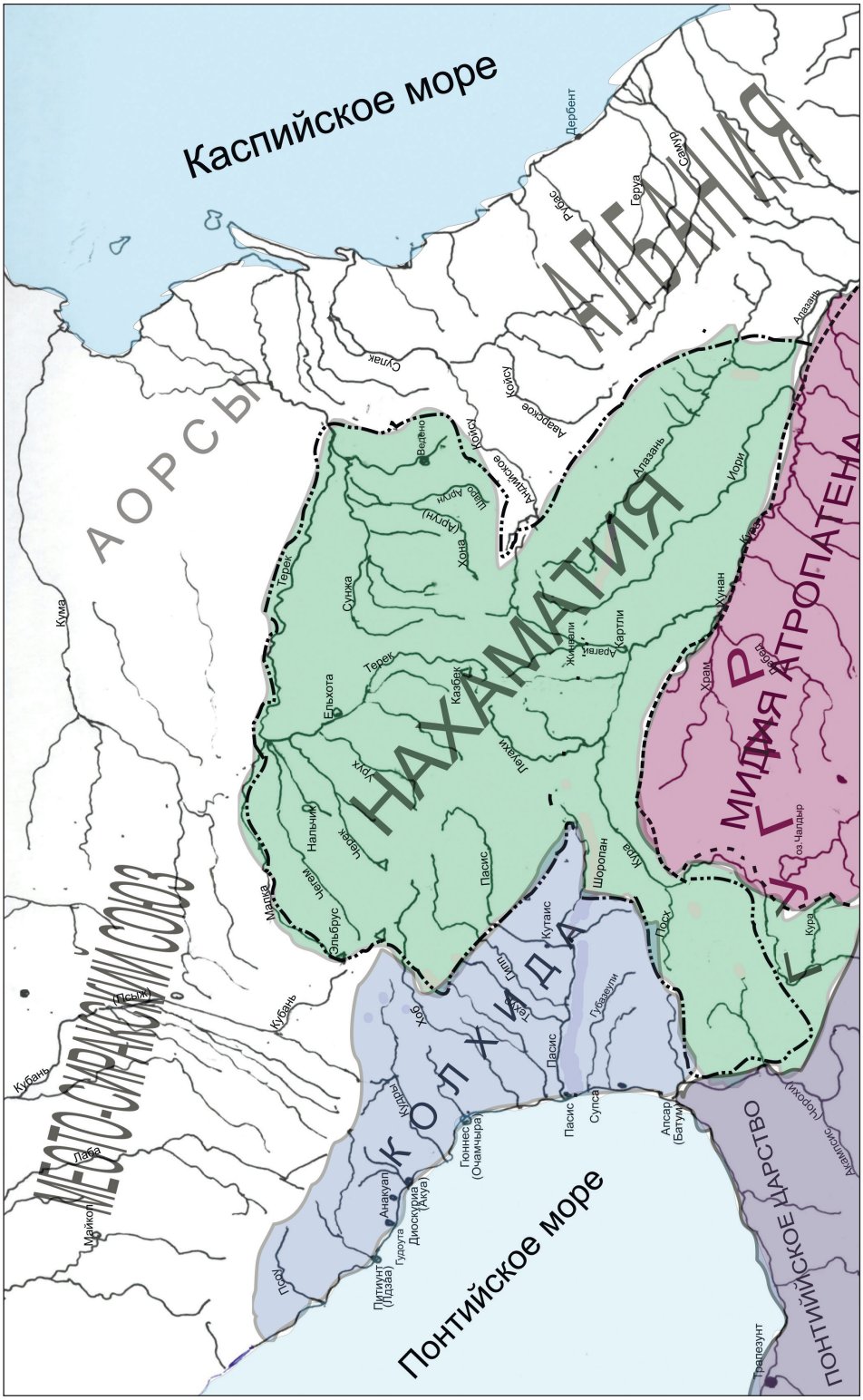
Миграция племен с юга на Кавказ в середине I тыс. до н.э.

Нахское государственное объединение в VI – IV вв. до н.э.

Нахское государственное объединение на рубеже IV – III вв. до н.э.

Нахское государственное объединение в III в. до н.э.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 7

Глава I. Нахские племена Центрального Кавказа (I тысячелетие до н.э.) . . . 11
1. Нахаматеаны «Ашхарацуйца». 11
А) Граница Азиатской Сарматии с Колхидой 29
Б) Граница Азиатской Сарматии с Картли (Иберия) 35
2. Кавкасиани Леонти Мровели 45
3. Малхи 60
4. Махли античных источников 78
Глава II. Данные археологии, языка, топонимики, антропологии и фольклора о расселении нахских племен 88
1. Археология 88
2. Язык. 100
3. Топонимика 105
4. Антропология. 109
5. Фольклор. 113
Глава III. Кавказские хоны и цанары. 124
1. Кавказские хоны 124
2. Цанары 153
3. Бунтурки и турки древней Картли 164
1. **Глава IV. Общая этноязыковая ситуация на Кавказе и в Передней Азии во II – первой половине I тысячелетие до н.э.**. 170
1. Хуррито-урартско-нахско-дагестанские племена 170
2. Хаттско-абхазско-адыгские племена 172
3. Индоевропейские племена 174
4. Картвельские племена. 174
5. Мушки//мосхи//масахи 188
Глава V. Нахско-переднеазиатские этнокультурные связи. 209
1. Нахско-переднеазиатские этнотопонимические параллели 209
2. Причины и пути миграции населения с юга на Кавказ на рубеже VII–VI вв. до н. э. 225
3. Цаны-Макероны (Махелоны) 232
4. Гугарк и гугары 243

Глава VI. Предпосылки образования нахского государственного объединения в I тысячелетие до н.э. 269
1. Земледелие и скотоводство 277
2. Металлургия и ремесленное производство 279
3. Демографический оптимум. Городища и поселения 284
4. Торговля (внутренняя и международная). Углубление социальной и имущественной дифференциации 290
5. Религия 304
Глава VII. Нахи и скифы 310
Глава VIII. Образование нахского государственного объединения на Центральном Кавказе в середине I тысячелетие до н.э. 333
1. Объединение нахских племен в VI в. до н.э. 333
2. Южные границы нахского государственного объединения в VI–IV вв. до н.э. 346
Глава IX. Нахское государственное объединение на рубеже IV–III вв. до н. э. 356
1. Нашествие сарматов 356
2. Падение Ахеменидской империи и новая волна миграции племен в центральные районы Южного Кавказа на рубеже IV–III вв. до н.э. 359
3. Кавказская Гиркания античных источников 363
4. Понтийское царство и страны Кавказа в конце IV – начале III в. до н.э. 371
5. Основа исторической концепции Леонти Мровели 376
Глава X. Нахское государственное объединение в III в. до н.э. 397
1. Нахи и проблема образование Картлийского царства 397
2. Происхождение царского рода Парнавазианов 409
3. Война Парнаваза с Понтийским царством 420
4. Падение нахского государственного объединения 425

Вместо заключения 436
Библиография 446
Список сокращений 495
Указатель личных имен 497
Указатель географических и этнических названий 510
Карты 534

Научное издание

Гурам Джотович Гумба

Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.)

Редактор *Аргун Л. И.*
Корректор *Пигасова И. В.*
Компьютерная верстка *Береджи А. Ш.*

Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Тираж 500 экз.
Физ. печ. л. 34. Усл. печ. л. 44.
Заказ №